

О. КАЗНИНА

РУССКИЕ В АНГЛИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы
им. А.М.Горького

О.А.КАЗНИНА

Русские в Англии

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ
РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Наследие
Москва
1997

**Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А.М.Горького РАН**

Рецензенты:

*член-корреспондент РАН П.А.Николаев,
доктор филологических наук О.Н.Михайлов.*

Исследование архивов и материалов в библиотеках и научных учреждениях Великобритании проведено при финансовой и организационной поддержке Британского Совета (The British Council) и Оксфордского университета.

Исследование фондов Бахметевского архива осуществлено при финансовой и организационной поддержке Американской Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (American Council of Teachers of Russian, ACTR/ACCELS) и Колумбийского университета (Нью-Йорк).

Следующие учреждения содействовали проведению исследования: St.Antony's College, Oxford; Taylor Institution, Oxford; Brotherton Library, University of Leeds; Department of Russian Studies, University of Leeds; The British Library, London; School of Slavonic and East European Studies, London; PEN International and English PEN, London; Bakhmeteff Archive (Archive of Russian and East European History and Culture), Columbia University, New York; Department of Slavic Languages, Columbia University, New York; New York Public Library; Nicholas Roerich Museum, New York; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ); Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ); Российская государственная библиотека, отдел русского зарубежья.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Номер проекта 97-0416148

ISBN 5-201-13288-X

© О.А.Казнина, 1997

© ИМЛИ РАН, 1997

© Наследие, 1997

Введение

По своим масштабам и литературным достижениям русская эмиграция в Англии¹ на первый взгляд не может сравниться с такими признанными центрами, как Париж, Берлин или Прага. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что у русской эмиграции (в широком культурном, а не только литературном смысле) в Англии были не менее, а может быть даже более глубокие корни, чем в других европейских странах. Корни эти представляются особенно мощными и разветвленными в политической сфере: в Англии издавна находила прибежище оппозиционная к правительству российская интеллигенция. Эта интеллигенция представляла Россию не только политическую, но и культурную, и литературную. Сами по себе имена ее представителей свидетельствуют о неразрывной связи литературы и политики: Н.И.Тургенев, А.И.Герцен, П.А.Кропоткин, А.И.Эртель, Ф.В.Волховский, С.М.Степняк-Кравчинский. В конце XIX века и на рубеже столетий в Великобритании выпускалось немало русских журналов и газет, названия которых говорят об их направлении: "Свободная Россия", "Накануне", "Народоволец", "Современник", "Свободное слово", "Хлеб и воля", "Русский рабочий", "Социал-демократ", "Революционная мысль". В.А.Поссе издавал в Англии журнал "Жизнь", вокруг которого сложилась социал-демократическая организация. В Англии образовалась толстовская колония, издавал и распространял книги Льва Толстого В.Г.Чертков, через Англию шел поток выезжавших из России духоборов и других диссидентов, чьи убеждения оказались неприемлемыми для России. В Лондоне в первое десятилетие XX века около десятка фракций русских революционеров, в их числе будущие большевики, проходили свою политическую эволюцию под влиянием западных политических учений, включая английский социализм. На съезде Российской социал-демократической рабочей партии, проходившем в 1907 г. в Лондоне, М.Горький познакомился с английским фантастом Г.Уэллсом, верившим в русский коммунизм.

Почему именно Англию выбирали русские оппозиционеры, диссиденты, революционеры в качестве убежища и страны, где они могли отстаивать свои взгляды? По нескольким причинам. Влияние русской оппозиционной интеллигенции попадало на благодатную почву в стране, давшей жизнь социализму, в левых кругах существовал острый интерес к революционной борьбе в России, к попыткам русских изменить государственный строй. Правые круги также находили смысл в том, чтобы поддерживать борьбу с российским самодержавием.

Как и все европейские страны, Англия смотрела на Россию как на государство сильное и опасное, угрожавшее интересам Британской империи на Востоке; любую возможность подорвать российскую государственность английские политики рассматривали как политическое завоевание. Русскую антимонархическую оппозицию по разным мотивам поддерживали английские писатели, журналисты и публицисты. Одни делали это из уважения к абстрактно понимаемой демократии, другие из страха перед мощным государством с иными жизненными ценностями, третьи по недостатку осведомленности о русской истории и понимания того, что на самом деле происходило в России в начале XX века.

Иным по характеру был интерес русских к англичанам. Англия с давних пор занимала особое место в представлении россиян о политической системе мира, так как являлась наравне с Россией самой крупной мировой империей. К Англии испытывали жгучий интерес все русские философы истории, как славянофилы, так и западники. Одни из них видели в Англии наиболее опасного врага и соперника, другие считали государственную и правовую систему Англии главным примером для подражания. Кризис Европы и Первая мировая война показали, что неисповедимые законы истории сильнее человеческого разума, что развитие цивилизации не избавило человечество от агрессивных инстинктов, а развитие техники только сделало их еще более опасными. Русские мыслители давно указали на признаки "заката Европы", но если раньше они верили в особую миссию России, которая возьмет на себя спасение Европы и сохранение ее культурного наследия, то мировая война подорвала эту веру, а точнее разрушила иллюзию могущества России. Стало очевидно, что кризис Европы — это и кризис России, и выйти из него нельзя без установления новых отношений между мировыми империями. Россия оказалась перед выбором: с какой из крупнейших западных держав строить свое будущее. Многие мыслители и политики России в эти годы призывали к сближению с Англией для противостояния Германии, Америке и "желтой опасности", угрожавшей с Востока.

Н.А.Бердяев, размышляя о судьбе России в статьях периода войны, призывал русских видеть в Англии своего главного союзника, так как, на его взгляд, по своему историческому предназначению и национальной психологии русские и англичане взаимно дополняют друг друга. Философ считал, что в мировом катаклизме Россия, как соединяющее звено между Востоком и Западом, как "Востоко-Запад" должна объединиться с Англией в интересах всего человечества. "Англия имеет географически-империалистическую миссию. Миссия эта лежит не в сфере высшей духовной жизни, но она нужна во исполнение исторических судеб человечества. <...> Европа вплотную поставлена перед основной темой всемирной истории — соединения Востока и Запада <...> Великие

роли в этом мировом передвижении культуры должны выпасть на долю России и Англии. Миссия Англии более внешняя. Миссия России — более внутренняя”. В противостоянии мировых империалистических держав, как считал Бердяев, господствующее положение в мире в конце концов займут или Англия вместе с Россией — или одна Германия ².

Вяч.Иванов в статье “Россия, Англия и Азия” писал о необходимости сближения России и Англии как двух “азиатских империй”, имеющих общие государственные интересы на Востоке. Он считал, что для такого союза есть культурные и психологические основания: “Сближение наше с Англией — задача культурная не в меньшей мере, чем задача государственная. <...> Обмен культурных энергий был бы наиболее плодотворен для Англии в сфере высшей духовности, <...> для нас — в сфере низшей интеллектуальности, общественной дисциплины и общественной психологии. Влияние английской общественности было бы для нас школою политического самовоспитания, импульсом и регулятивом в строительстве нашей свободы”. Вячеславу Иванову представлялось, что выбор союзника в “завтрашнем дне” уже сделан самой историей: “Союз с Англией кажется мне предначертанным в провиденциальном плане истории как путь к величайшим свершениям божественных целей. Его конечное назначение — свободное воссоединение древней азиатской души с действующей на всемирно-историческом поприще душою грядущего христианского человечества” ³.

Не только философы и поэты, но и видные русские политики связывали будущее России с Англией. Сторонниками сближения России и Англии не только на период войны, но и в дальнейшем были многие представители Думы. Председатель Третьей Думы, член прогрессивного блока Н.А.Хомяков, сын славянофила А.С.Хомякова, выступил инициатором мероприятий в поддержку англо-русских отношений. В своей статье “Основы англо-русской дружбы”, опубликованной в 1912 г. в английском “Русском обозрении”, он писал о том, что пора отказаться от настороженно-враждебного отношения друг к другу, перестать быть только политическими соперниками. Главным средством общения между нациями он считал литературу и искусство: “Англию сегодня завоевывает русская литература и искусство, музыка и балет”. В России же, напоминал автор, всегда ценили английскую литературу: Шекспир, Вальтер Скотт, Диккенс и Байрон более популярны в России, чем в любой другой стране.

Развивая мысли, высказанные в 1840-х годах славянофилами, в том числе его отцом, автор пишет: “Мы во многом пытаемся подражать англичанам, но часто не понимаем духа тех внешних форм, которые пытаемся ввести у себя”. Непонимание было взаимным: “В Англии Россия является едва ли не самой

загадочной страной". Н.А.Хомяков считал, что русские и англичане ближе друг другу, чем другие народы — потому что они противоположны. Англичанину недостает русской широты и душевности, русским — дисциплинированности, которую англичане впитывают с молоком матери ⁴.

Как ни одно событие предшествующего периода, трагические события Первой мировой войны если не сблизили англичан и русских, то столкнули их, раскрыли необходимость более тесных человеческих и культурных связей и взаимопонимания. На период войны приходится кульминация интереса англичан к русской литературе и культуре. Поверенный в делах в Лондоне К.Д.Набоков вспоминал об отношении к России в Англии в этот период: "Россия была в апогее популярности. Впервые за целое столетие оказавшись нашими "братьями по оружию", англичане словно хотели изгладить из памяти своей и нашей все прежние недоразумения и прежнюю вражду, Крым, Берлинский конгресс, сочувствие к Японии, дипломатическую затяжную распрю в Персии. Официальные сферы, в особенности военные, широко шли навстречу нашим требованиям, щедрою рукою давали нам снаряжение. <...> Симпатии к России ярко проявлялись во всех слоях общества: издавались книги о России, образовывались англо-русские общества культурного сближения, в нескольких университетах на частные пожертвования открылись кафедры русского языка" ⁵. Русские анти-монархисты и социалисты продолжали оказывать влияние на отношение англичан к России.

Русские политические эмигранты видели одно из главных средств культурного влияния и воздействия на общественное мнение Англии в русской литературе. В литературе было естественно искать ответы на русские вопросы, разгадывать загадки русской истории, русского характера, "русской души". Но литература не сразу нашла дорогу к английскому читателю из-за языкового барьера: ей в значительной мере помогли "несловесные" виды искусства. На рубеже веков и в первые десятилетия XX века в Англии наблюдался необычайный всплеск интереса к русской музыке, живописи, балету. Все эти виды искусства были представлены "Дягилевскими сезонами" в Лондоне, которые захватили внимание культурной элиты. На волне интереса к искусству возник широкий интерес к литературе. В предвоенные годы русская литература была главным средством не только культурного влияния, но и политической пропаганды.

В эти годы в Англии осуществлялось самое большое за всю предшествовавшую историю количество переводов произведений русской литературы. С открытием русской литературы культурный авторитет России неизмеримо возрос. Знакомство англичан с русскими писателями было заслугой не только английских переводчиков и историков литературы, но и их русских друзей. В

тесном контакте с русскими помощниками, в частности с писателем С.М.Степняком-Кравчинским, с дочерью А.И.Эртеля Н.А.Даддингтон работала К.Гарнетт, самый продуктивный переводчик русских писателей за всю историю литературы. Одним из ключевых событий в английской культурной жизни стал перевод "Братьев Карамазовых", осуществленный К.Гарнетт. Публикация романа положила начало стремительному росту популярности Достоевского в Англии. Достигнув своего апогея к середине 1910-х годов, в разгар войны, поклонение русскому писателю превратилось в культ. С Достоевским в английскую культуру вошло новое представление о "русской душе". Влияние Достоевского, можно сказать гипнотическое, вызвало волну подражаний, которое зачастую приобретало упрощенные и искаженные формы.

Интерес англичан к культуре и внутренней политике России некоторые наблюдатели объясняли тем, что "свободолюбивый английский народ инстинктивно ненавидел русский режим" ⁶. Другие видели в этом интересе прагматическое стремление англичан лучше узнать русских, чтобы использовать их в качестве орудия в борьбе Англии за мировое влияние. Мнение многих политических мыслителей и публицистов выразил В.Н.Иванов, писавший, что во время Первой мировой войны Англия преследовала цель "путем расчленения и окружения России ослабить ее, превратить в государство времен Московии, не допустить опасного для Великобритании союза России и Германии и превратить ее из мировой державы в "политическое захолустье" ⁷.

В политическом соперничестве и войнах сближались и отдалялись друг от друга народы России и Англии, под воздействием исторических событий разгорался или остывал их взаимный культурный интерес. Определяющими моментами в отношениях между Россией и Англией во все времена оставались политические и коммерческие интересы, но при этом непосредственное общение интеллигенции, культурные и литературные контакты вносили поправки в отношения между государствами и народами.

Последовавшие за войной события — русская революция, политический и экономический кризис Европы — внесли радикальные изменения в русско-английские политические отношения и культурные контакты. В первые после-революционные годы у потерпевших поражение русских политических партий была надежда на помощь союзной Англии в борьбе с большевизмом. Так же как и раньше, Англия оказалась прибежищем для тех, кто не мог оставаться в России. После Октября, за годы гражданской войны в России, социальный состав русской колонии в Англии резко изменился: противников монархии сменила "белая эмиграция", по своей политической ориентации представлявшая почти всю палитру партий и течений революционной России.

Весомая по титулам, положению, а зачастую и по своей обеспеченности, русская аристократия в Англии по численности не была значительной. В Британии были приняты, хотя и не особенно тепло, некоторые члены царской семьи и лица из ее ближайшего окружения, а также представители известных русских фамилий. Эта часть эмиграции поддерживала связи с английской аристократией и королевским двором. В этой среде было немало защитников монархии, вокруг них формировались монархические кружки и партии. Однако более действенными в политическом отношении были партии, представлявшие в Думе буржуазию и находившие общий язык с британским правительством. Самую заметную группу эмиграции по своей роли в политической и культурной жизни представляли кадеты — поклонники английской демократии, политические “англофилы”, которые пользовались авторитетом и имели связи в Англии. Их лидером был П.Н.Милюков, западник, в свое время “германофил”, который не раз проявил себя и как убежденный сторонник английской демократии. Страстным англофилом был В.Д.Набоков, приехавший в Англию с семьей в надежде продолжить борьбу с большевизмом. Четверть века прожила в Англии одна из самых известных представительниц кадетской партии А.В.Тыркова-Вильямс.

На первых порах, когда новая власть в России казалась недолговечной, некоторые английские политики считали кадетов наиболее перспективными представителями будущей власти в России. Однако они вскоре поняли, что и на английской почве у русских политиков нет единства. В Англии действовали также эсеры и меньшевики разных оттенков, противники как монархии, так и советской власти. В первые годы после революции в Англии часто и подолгу бывал А.Ф.Керенский, пытавшийся с помощью английских политиков организовать отпор большевикам. Политические лидеры получали финансовую и моральную поддержку со стороны эмигрировавших в Англию представителей буржуазии. Эсеры и меньшевики, а также предприниматели и банкиры составляли основу самой многочисленной из русских организаций — Общества Северян и Сибиряков. Их идейным лидером был эсер А.В.Байкалов. По разным обстоятельствам в Англии оказались член Третьей Думы трудовик А.Ф.Аладьин, министр образования П.Н.Игнатьев, товарищ председателя Третьей Думы барон А.Ф.Мейендорф (приходившийся двоюродным братом Г.Чичерину), бывший министр иностранных дел Временного правительства М.И.Терещенко, министр финансов П.А.Барк.

В связи с бегством частей Белой армии, можно говорить о “массовой” иммиграции русских в Англию. Это были в основном остатки частей, воевавших вместе с британскими соединениями на Севере, в Архангельске и Мур-

манске, и на юге, в Ростове и Новороссийске, и эвакуировавшиеся на британских судах. В значительном количестве оказались в Англии офицеры и солдаты армий А.И.Деникина и П.Н.Врангеля, которых поддерживала Великобритания. Многие из них впоследствии переехали в другие страны Европы и в Америку. Сословный состав иммигрировавших в Англию остатков Белой армии был самым разнообразным: здесь были генералы и офицеры, обладавшие если не средствами к существованию, то по крайней мере образованием, знанием языков; но были и простые солдаты, из крестьян, никогда до этого не выезжавшие в Европу, не говорившие ни на одном европейском языке. Беженцам на первых порах помогали различные комитеты, однако учета своей работы в той катастрофической обстановке они не вели.

Статистика русской эмиграции в Англии проводилась хаотично, о количестве беженцев существуют самые различные сведения. В статье "Мысли о русской эмиграции", опубликованной в пражском журнале "Воля России" в 1922 г., В.Лебедев писал: "Рекорд малочисленности русской эмиграции побит самой богатой и могущественной страной Европы — Англией <...> Общее количество русских в Англии — 15.000" ⁸. В начале 1930-х гг. британский исследователь В.Чапин-Хантингдон в книге "Измученные ностальгией миллионы" высказал предположение, что в Англии после Октябрьской революции находилось около 10.000 русских беженцев самого различного социального происхождения ⁹. В книге П.Е.Ковалевского "Зарубежная Россия" сказано: "Количество русских, поселившихся в Англии, никогда точно не было определено. В Лондоне в начале 1920-х годов жило 2.500 человек, из них до 500 детей (300 школьного возраста)" ¹⁰. М.Раев в исследовании "Россия за рубежом" пишет, что после провала интервенции в Архангельске "15.000 русских были эвакуированы в Англию и вскоре переселены на континент" ¹¹. М.Гленни и Н.Стоун в книге "Другая Россия" высказывают предположение, что в Великобританию приехали в первые годы только 3.000 русских ¹².

Архивы действовавшего в Англии "Русско-Британского 1917 г. Братства", однако, предлагают совершенно иную картину: в них указано, что в Великобритании в первые годы эмиграции находилось более 100.000 русских, причем более половины из них в Лондоне. На эту цифру ссылался В.Д.Набоков, обращаясь к русской колонии с просьбой о помощи населению районов, освобожденных от большевиков. Возможно, эти данные были близки к реальности в момент иммиграции, а позднее ситуация изменилась, так как беженцы в поисках работы переехали в другие страны. Цифры важны не только в "этнографическом" разрезе: они могли бы служить ответом на вопрос, образовалась ли и существовала ли в Англии после русской революции эмигрантская "культур-

ная среда", был ли в Англии "русский читатель", "русский зритель". Однако сама по себе статистика не дает ответа на этот вопрос, и картину русской культурной жизни в Англии можно восстановить только по архивам различных общественных и культурных организаций и периодике тех времен.

Судя по архивам, в русской колонии в Британии существовала прочная централизованная структура, действовали многочисленные политические, общественные, культурные и коммерческие организации, издавались газеты и журналы, колония вела упорную культурную работу по сохранению русских традиций, наследия Золотого и Серебряного века русской культуры. П.П.Шиловский, инженер, приехавший в Англию с семьей в 1922 г., вспоминал: "Несмотря ни на что, русская колония в Лондоне стремилась в этих новых и чужих условиях сохранять полностью и во всех деталях структуру старой дореволюционной России. Вся прежняя Россия отразилась в этом лондонском микрокосме" ¹³. В Англии активно действовали: Комитет Освобождения России, Русский Национальный комитет, "Русско-Британское 1917 г. Братство", Общество Северян и Сибиряков, Союз Народопривства, Русская академическая группа и другие организации. Почти все они включали в свою программу культурную, литературную и образовательную деятельность, поддерживали культурные начинания и инициативы. В Обществе Северян и Сибиряков работала театральная студия, проводились лекции и концерты с участием писателей из разных центров русского зарубежья. Широкую культурную деятельность вел Русский Дом, сложившийся на основе дореволюционного посольства.

Интеллигенция в лондонской эмиграции составляла небольшой, но влиятельный круг, достаточно широкий для того, чтобы дать стимул издательской деятельности: этому кругу были адресованы газеты и журналы, выходившие в Англии на русском, на английском, а некоторые параллельно на двух языках. В первые годы после революции в Англии издавалось около двух десятков русских и англо-русских периодических изданий. Ведущие из них — "Бюллетени" Комитета Освобождения России, журналы "The New Russia", "Russian Life", "The Russian", газеты "The Russian Outlook", "The Russian Gazette", "Русский путь", "Russian Times" — давали детальное освещение событий в России на основе сведений, получаемых непосредственно из России. Журналы и газеты рассказывали о состоянии культуры, о положении писателей, ученых, художников, музыкантов в России и в зарубежье. Выпускал свой журнал Союз Народопривства ("The Russian Commonwealth"), под названием "The Russian Economist" в Британии публиковались "Записки русского экономического общества в Лондоне". Союз кооперативов "Центросоюз" выпускал журнал "Русский кооператор". Выходила "Британско-русская газета" ("The British Russian

Gazette”), отражавшая деятельность Совета представителей Русской Промышленности и торговли. В 1930-х гг. ведущим изданием эмиграции в Великобритании стала газета “Русский в Англии”. Эта газета, так же как и другие русские и русско-английские периодические издания, выходившие в Великобритании, по праву могут рассматриваться не только в контексте культурной жизни русской колонии в Англии, но и русского зарубежья в целом. В дополнение к архивам они раскрывают неизвестные страницы русской культуры в зарубежье и сообщают новые сведения из жизни больших русских писателей и деятелей культуры, таких как И.А.Бунин, Б.К.Зайцев, Н.С.Гумилев, М.И.Цветаева, Н.К.Рерих, Л.Н.Андреев, А.В.Чаянов и другие.

“Белая” эмиграция в Англии по своим политическим взглядам и жизненным ценностям, казалось бы, ничего общего не имела с предшествовавшей антимонархической “лондонской вольницей”. Однако в области культурной и литературной между этими двумя столь разными по характеру колониями осуществлялась преемственность: на английской почве сглаживались идеологические противоречия и проявлялось глубинное родство представителей русской культуры. Наряду с новым составом эмиграции, в Англии продолжали свою деятельность те, кто приехал до революции: высокое положение в английской университетской иерархии занимал историк П.Г.Виноградов, большой известностью и авторитетом пользовался журналист И.В.Шкловский (Дионео), вели свою работу философ и переводчик Н.А.Даддингтон, юрист и переводчик С.С.Котелянский. П.Г.Виноградов и И.В.Шкловский приняли участие в идейной работе белой эмиграции.

Когда речь заходит о послереволюционной русской эмиграции в Англии, выделить литературу из иных сфер культурной и политической жизни русской колонии, как и в предшествующий период, не представляется возможным: культурная жизнь колонии в основном сосредотачивалась вокруг нескольких личностей, а в жизни всякой значительной личности этого периода журналистскую и литературную деятельность нельзя отделить от политической, художественные и научные интересы от неизбежного участия в “партийной” борьбе. Русские политические деятели, такие как П.Н.Милюков и В.Д.Набоков, были блестящими публицистами и журналистами, А.В.Тыркова-Вильямс кроме журналистики занималась историей литературы и писала романы, в том числе на англо-русские темы. Один из самых заметных русских культурных деятелей обосновавшихся в Англии, Д.П.Святополк-Мирский, был видным идеологом евразийства, историком, литературным критиком, редактором литературных и политических изданий.

Русские эмигранты успешно сотрудничали с английскими русистами, публиковали свои статьи в английских журналах. Влияние их оказывалось на

столько заметным, что о нем стало известно за пределами Англии. В 1923 г. в газете "Россия" появилась заметка о выходе в Лондоне очередного выпуска "Славянского обозрения" ("The Slavonic and East European Review"), в котором участвовали П.Б.Струве, С.Булгаков, А.В.Байкалов, Д.Святополк-Мирский и другие русские. Автор заметки писал: "Беглая Россия понемногу заражает Европу каким-то особым русским влиянием, вплоть до славянофильства. <...> Началось с балета, пришло к Достоевскому, к Блоку, дойдет, пожалуй, и до русского общественного настроения" ¹⁴.

Хотя большинство видных русских эмигрантов в Англии занимались политической и публицистической деятельностью, некоторым из них довелось проникнуть в сферы "чистой литературы" Англии. Д.П.Святополк-Мирский, Б.В.Анреп, С.С.Котелянский были приняты в элитарных литературных кружках Англии — Блумсбери, где царила Вирджиния Вульф, в салоне леди Оттолин Моррелл в имении Гарсингтон, в предместьях Оксфорда. Связи русских эмигрантов с этими сугубо английскими литературно-светскими салонами имели достаточно важные последствия для литературной жизни, так что можно говорить о "Русских в Блумсбери" или о "Русских в Гарсингтоне", как о факте русско-английских литературных отношений.

Русские эмигранты, жившие в Англии, способствовали развитию контактов русских писателей — как представителей зарубежья, так и Советской России — с английской литературной средой. С эмигрантами так или иначе связаны английские эпизоды в жизни и творчестве русских писателей России и зарубежья, таких как Е.И.Замятин, Н.С.Гумилев, В.В.Набоков, М.И.Цветаева, И.А.Бунин, И.С.Шмелев, Б.К.Зайцев, Н.Тэффи, А.В.Чаянов, Б.А.Пильняк, Н.Н.Никитин, Б.Л.Пастернак, А.Н.Толстой. Поездки русских писателей и мыслителей в Англию, переписка с английскими коллегами, попытки завоевать английский книжный рынок посредством переводов книг — частные и мелкие факты, которые порой приводили к продуктивному соприкосновению литературной жизни русского зарубежья с английской литературой и культурой. В Англии писатели, приехавшие из Советской России, свободно общались с эмигрантами и им казалось, что на время исчезала растущая пропасть между советской культурой и культурой русского зарубежья.

Важным объединяющим центром русской эмигрантской жизни в Англии, как и в других странах, была церковь. Православная церковь в Лондоне и Оксфорде собирала под сводами эмигрантов всех политических оттенков. Казалось бы, между англиканством и православием было мало общего, однако именно в Англии в 1920-30-х годах и позднее особенно активно происходило сближение религий, развивалось экуменическое движение. В этом

движении деятельное участие принимали русские богословы и философы: С.Н.Булгаков, А.В.Карташев, а также люди, близкие к церкви, как например А.В.Тыркова. Представители русской церкви приезжали в Англию на церковные конференции, участвовали в совместных службах. В Оксфорде существовала кафедра русского православия, которую возглавлял Н.М.Зернов. Значительным влиянием в Англии пользовались деятели Содружества св. Албания и преп. Сергия: С.Н.Булгаков, Г.В.Флоровский, Г.П.Федотов, Н.С.Арсеньев, А.В.Карташев, Л.А.Зандер. Однако в отношении распространения учений этих мыслителей в переводах были трудности: не все их писания поддавались переводу, например для англичан представляли сложность размышления С.Н.Булгакова. На английский были переведены труды Г.П.Федотова "Русская религиозная мысль" и комментированная антология "Сокровищница русской духовности". В Англии были известны переведенные на английский сочинения Н.С.Арсеньева: "Мистицизм и Восточная церковь", "Святая Москва". Самыми доступными западному читателю оказались произведения Н.А.Бердяева: почти все его книги переведены на европейские языки, они пользовались известностью и в Англии.

Положение русских эмигрантов в Англии зависело от взлетов и падений в политических взаимоотношениях Англии и России. В 1921 г. Великобритания — первая из европейских стран — фактически признала Советскую Россию и вступила с ней в торговые отношения. Для эмигрантов наступили трудные времена. В 1924 г. к власти пришла Рабочая партия по главе с Р.Макдональдом, стремившаяся к дальнейшему сближению с советской властью. 7 августа 1924 г. Великобритания подписала официальное соглашение с Советской Россией. Русская эмиграция в этот момент утратила свою и без того скромную популярность в английском общественном мнении. В 1924 г. разразился скандал, связанный с "письмом Зиновьева", призывавшим к активности рабочие массы Англии. Левые круги английских политиков обвинили эмигрантов в подлоге письма и в попытке подрыва англо-советских отношений. Письмо, подлинность которого так и осталась невыясненной, обличало правящую Рабочую партию в связях с большевиками и сыграло свою роль в ее поражении на выборах. В мае 1926 г. по Англии прошла всеобщая рабочая забастовка. У некоторых английских политиков возникали закономерные предположения, что она была вдохновлена и даже материально поддержана большевиками.

В 1927 г. в Лондоне был произведен обыск Советского торгового представительства "Аркос", заподозренного в распространении коммунистической пропаганды. Письмо Зиновьева, забастовка, обыск "Аркоса", хотя и были лишь поводом, а не действительной причиной охлаждения между двумя государствами, все

же сыграли свою роль в истории их отношений. Под воздействием этих событий английские политики снова стали прислушиваться к мнениям эмигрантов.

1930-е годы — противоречивый период в отношениях России и Англии. За временным разрывом дипломатических отношений в эти годы последовал новый этап их развития. “Розовое” десятилетие 1930-х годов характеризуется утверждением приоритета культурных связей с Советской Россией. Политическая роль эмиграции, ее влияние на английскую политику по существу сводится на нет. Некоторые английские русисты, как например Б.Пэрс, “сменили вехи”, постепенно перейдя на позиции оправдания существующего строя в России. Тем не менее жизнь русской эмиграции в Англии продолжалась: в научную и культурную жизнь Англии постепенно вливалось новое поколение русских эмигрантов, воспитанных на английской почве.

У русской послереволюционной эмиграции в Англии много общего с эмиграцией в других центрах — Праге, Берлине и Париже. Как и во всех других центрах, образованные представители высших сословий и интеллигенции, культурной элиты России составляли в русской колонии значительную часть по сравнению с обычными сословными и социальными пропорциями. В Англии изгнанники оказались по политическим причинам, так как в России им грозила физическая гибель, не говоря уже о том, что о продолжении их идеологической деятельности не могло быть речи. Как и в других центрах, русская эмиграция в Англии вела свою работу — культурную и политическую — во имя русской идеи и русского дела, надеясь на скорое возвращение домой. Политические эмигранты своей деятельностью оказывали значительное воздействие на отношения Англии и России в первые годы после революции и мировой войны. Следовательно, о русской эмиграции в Англии, как и в других центрах, следует говорить как о политической и культурной.

Состав русской колонии в Англии в миниатюре повторял социальную и политическую структуру русской эмиграции в других центрах: самую заметную роль играли в ней политические деятели, кадеты, эсеры и меньшевики, вносили свою лепту в дискуссии монархисты, младороссы и даже евразийцы. С изменением политической ситуации лидеры русских партий в Англии, так же как и в других центрах, претерпели значительную эволюцию: некоторые из них, осознав свою ответственность за крушение России, перешли на более консервативные позиции, другие поверили в возможность самоизживания большевизма, перерождения советской власти, начали отстаивать идеи сближения с нею. Как и везде, проявилось себя сменовеховство и “возвращенство”: примеров было немного, но среди них такой яркий как судьба Д.П.Святополк-Мирского. Как и

езде, многие эмигранты со временем влились в английскую жизнь, некоторые в поисках лучшей жизни переехали в другие страны Европы и в Америку.

Таким образом в Англии можно видеть приблизительно те же черты русской эмиграции, что и в других странах. Но были и отличия, отмеченные как самими эмигрантами, так и сторонними наблюдателями. В других европейских центрах русская эмиграция существовала в той или иной мере изолированной общиной. Об этой изолированности русских, например в Берлине, писал в своих воспоминаниях В.В.Набоков: "За пятнадцать лет жизни в Германии я не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги и никогда не чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка" ¹⁵. Если здесь и есть некоторое преувеличение, то Набоков убедительно объясняет, почему это было возможно: "В Берлине и Париже, двух столицах эмиграции, русские образовали компактные колонии, в которых коэффициент концентрации культуры значительно превосходил среднее арифметическое более разбавленной окружающей национальной среды. В этих колониях русские крепко держались друг за друга. Я имею в виду, конечно, русских интеллигентов, принадлежавших в основном к демократическим слоям, а не тот более упитанный тип эмигранта, который был в свое время "советником царя, знаете ли, или что-то вроде того". <...> Жизнь в русской колонии была так заполнена и насыщена, что у интеллигенции не было ни повода, ни времени для создания иных связей вне этого круга" ¹⁶.

Обособленность русских заметна в тех центрах, где они могли подолгу общаться только между собой и даже не знакомиться с парижскими или берлинскими "туземцами" (пользуясь выражением В.В.Набокова). В Англии это было невозможно: несмотря на то, что русская колония имела отчетливые контуры, была государством в государстве, культурной и творческой самостоятельности на английской почве она не приобрела. В Англии русские писатели, историки, литературоведы, историки культуры и историки идей — должны были говорить по-английски, и не только в чисто языковом, но и в понятийном, и в широком культурном смысле. Выступая в английской периодике, с кафедр английских университетов, обращаясь к английским читателям, сотрудничая с английскими коллегами в разных областях науки, русские должны были научиться говорить на языке английской культуры. А культура эта при всей ее кажущейся доступности и понятности, отличается большой самобытностью. Русскому интеллигенту, стремящемуся проявить своей творческий потенциал, высказывать свои мысли и чувства, следовало отказаться от своей русскости — стать, насколько возможно, англичанином. Некоторым это удалось, некоторым удалось на время, а другим, при всем старании вжиться в чужую жизнь, пришлось

отказаться от попыток сменить национальность. Многие эмигранты, даже те, чья жизнь сложилась внешне удачно, ощущали свое бытие, даже свои успехи в Англии, "как пир на празднике чужом".

Сторонний наблюдатель из среды евразийцев подметил "засасывающий характер" английской культуры: она отвлекала русских от их проблем и втягивала их, как и других иностранцев, в английскую жизнь и в работу на дело Великобритании. Со своей "островной" культурой, своими жизненными ценностями, даже со своей логикой мышления, Англия в значительной мере подавляла "русскость" в эмигрантах. Они пытались в переписке с друзьями из других центров эмиграции объяснить "колонизирующую" природу английской культуры, понять, почему так трудно русскому человеку влиться в английскую жизнь. Однако секрет несовместимости русского характера с английской средой раскрыли не эмигранты, жившие в Англии и старавшиеся соответствовать английским требованиям. Вместо них это сделали побывавшие в Англии русские писатели. Они смотрели на английскую жизнь со стороны и могли открыто говорить о том, о чем эмигранты позволяли себе только думать.

По множеству причин "миссия русской эмиграции" не состоялась в Англии в той же степени, в какой она состоялась во Франции, Германии, Чехословакии, в славянских и балканских странах, в Прибалтике, на Дальнем Востоке, в Америке. Русская эмиграция в Англии быстрее, чем в других странах, стала частью английской культуры. Однако сознание этой "миссии" некоторое время жило в русской колонии в Англии, во многом благодаря ее связям с другими центрами, в особенности с Парижем, откуда приезжали русские деятели культуры, писатели, философы, религиозные мыслители. Благодаря этому сознанию, русская эмиграция в Англии сыграла важную культурную роль в качестве посредника между английской и русской культурой. Английские читатели и писатели воспринимали русскую литературу и русскую жизнь через посредство русских интерпретаторов: переводчиков, литературных критиков, историков литературы. С их помощью англичане смогли воспринять иные жизненные ценности. Под воздействием русских исследователей литературы, работавших в Англии, англичане не только в 1920-х годах, но и в последующие годы изучали русскую литературу XX века, как и культуру в целом, без непереходимого разделения на советскую и эмигрантскую. В наши дни это цельное восприятие приходит в русскую науку и к русскому читателю в значительной мере с Запада, в том числе и из Англии.

Деятельность русских эмигрантов в английской науке, как и в целом в западной, сохраняет актуальность и в наши дни. Коллеги, ученики и последователи русских ученых не забывают своих учителей: им посвящены статьи и

исследования, выпущены сборники их трудов и био-библиографических материалов, их идеи находят продолжение в университетской и академической работе. Несколько томов изданий литературно-критического наследия и переписки Д.П.Святополк-Мирского подготовлено британским исследователем Д.С.Смитом. Коллегами Н.Бахтина издан сборник его статей в Бирмингеме. Изданы библиографии научных трудов Г.П.Струве и Н.Е.Андреева. Голоса русских, живших в Англии, звучат в книге М.Гленни и Н.Стоуна "The Other Russia" ("Другая Россия"). Британская часть наследия русской эмиграции начинает занимать свое место и в русской культуре. Труды русских ученых, созданные в Англии в 1920-1930-х годах, оказались незаменимыми для современного литературного и культурного процесса в России: об этом свидетельствует получивший распространение в среде русских литературоведов перевод книги Д.П.Святополк-Мирского "История русской литературы" ¹⁷, издание в России сборника Н.М.Бахтина "Статьи, эссе, диалоги" ¹⁸, совместное французско-русское переиздание книги Г.П.Струве "Русская литература в изгнании" ¹⁹. Вышло фундаментальное исследование "Скифский роман", посвященное научной и организаторской деятельности М.И.Ростовцева, проведшего около двух лет в эмиграции в Англии ²⁰.

***

Далеко не все материалы о русских в Англии вошли в настоящее издание, многое осталось за его рамками, которые необходимо расширить посредством дополнительных выпусков. В эти выпуски могла бы войти глава, посвященная русскому антропософу П.Д.Успенскому, эмигрировавшему в Англию, очерки биографии и творческого пути писателей российского происхождения, публиковавших свои произведения в Англии, таких как Н.Губский (упом. в главе о Н.Гумилеве), Елизавета Фен, А.И.Плюшков (Угрюмов). Необходимо также посвятить особую главу русским ученым того поколения, расцвет творческой деятельности которых пришелся в основном на вторую половину века. Особого внимания требует вопрос о воздействии русской интеллигенции на представления о России английских писателей, таких как Д.Г.Лоуренс, Вирджиния и Ленард Вулфы, Дж.Голсуори, А.Беннетт, Г.Уэллс, Б.Шоу, Т.С.Элиот и другие.

В издание вошло значительное количество впервые публикуемых архивных документов. Во многих случаях они даются в переводе с языка оригинала. Перевод везде принадлежит автору монографии. Это относится и к переводам опубликованных источников, в тех случаях, когда не дается ссылка на опубликованный перевод.

Тема исследования была вдохновлена работами о русской эмиграции проф. Д.С.Смита (Оксфордский университет, Англия), которому я обязана также всемерной помощью в сборе архивных материалов. Особую благодарность за помощь в подготовке исследования выражаю директору Русского архива в Лидсе Р.Дэвису, профессору сэру Д.Д.Оболенскому (Оксфордский университет, Англия), профессору М.И.Раеву (Бахметевский архив, Нью-Йорк, США), сэру И.Берлину (Оксфордский университет, Англия), профессору Э.Г.Кроссу (Кембриджский университет, Англия).

Помощь в сборе сведений и поддержку в работе мне оказали также T.Alexander (Oxford), J.Archer (Roerich Society, London), A.Brown (St.Antony's College, Oxford), L.Dienes (Amherst, University of Massachusetts), D.Entin (Nicholas Roerich Museum, New York), D.Galton (Sheringham), R.Garnett (Hilton Hall, Cambridgeshire), A.Garett (London), K.Gray (Shrewsbury), E.Hill (Cambridge University), R.Ingrams (Garsington Manor), E.Kazinec (New York Public Library), M.Ledkovsky (Barnard College, Columbia University, New York), K.Lickwar, E.Paterson (London), H.Scaruffi (Bakhmeteff Archive), J.S.G.Simmons (All Souls College, Oxford), V.Smith (Harrogate), J.M.K.Spalding, A.Spalding (Oxfordshire), K.Stoe (Oxford), Ch.Thomas (The British Library), J.Pullein-Thompson (London), O.Villiers (Salisbury), G.Walker (The Bodleian Library, Oxford), R.Whittacker (New York), M.Williams (London), T.Wolff (London), M.Zernova (Oxford), A.Zinovieff, K.Zinovieff (London), И.А.Бочарова (ИМЛИ РАН, Москва), А.Донде и сотрудники русской службы Би-Би-Си (Лондон), М.С.Иванова (Театральное училище им. Щукина, Москва), Л.И.Петрушева (ГАРФ, Москва).

---

¹ По русской традиции под Англией здесь подразумевается Великобритания (в освещаемый период до 1922 г. Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии, с 1922 г. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии).

² Н.А.Бердяев. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. — М., 1918. — С. 123, 125, 134.

³ Вяч.Иванов. Россия, Англия и Азия // Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. — М.: Республика, 1994. — С. 377-380.

⁴ Nicholas Homyakov. Bases of Anglo-Russian Friendship // The Russian Review. A Quarterly Review of Russian History, Politics, Economics and Literature. — 1912. — Vol. 1. — № 2. — P. 9-19.

⁵ К.Д.Набоков. Испытания дипломата. — Стокгольм, 1921.

⁶ Там же.

⁷ В.Ф.Иванов. Тайная дипломатия. — Харбин, 1937.

⁸ Вл.Лебедев. Мысли о русской эмиграции // Воля России. — 1922. — № 25. — С. 8.

⁹ W.Chapin Huntingdon. The Homesick Million: Russia-out-of-Russia. — Boston (Mass.): The Stratford Company Publishers, 1933.

¹⁰ П.Е.Ковалевский. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека: 1920-1970. — Paris, 1971. — С. 56-57.

¹¹ М.Раев. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919-1939 /Пер. с англ. А.Ратобылской; Предисл. О.Казинной. — М.: Прогресс-Академия, 1994. — С. 44.

¹² Michael Glenny, Norman Stone. The Other Russia: The Experience of Exile. — L.: Faber and Faber, 1990. — P. XVII.

¹³ P.P.Shilovsky. "Here Is Imperial Russia..." //Michael Glenny, Norman Stone. The Other Russia: The Experience of Exile. — L.: Faber and Faber, 1990. — P. 291.

¹⁴ Т. Русоведение в Англии //Россия. — 1923. — № 7. — С. 22.

¹⁵ В.В.Набоков. Другие берега //Собр. соч.: в 4 т. — М.: Правда, 1990. — Т. 4. — С. 284.

¹⁶ V.Nabokov. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. — New York, 1966. — P. 277.

¹⁷ Д.С.Мирский. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год /Пер. с англ. Р.Зернова. — L.: Overseas Publications Interchange, 1992.

¹⁸ Н.М.Бахтин. Из жизни идей: Статьи, эссе, диалоги /Сост., послесл. и коммент. С.Р.Федякина. — М.: Лабиринт, 1995.

¹⁹ Г.Струве. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. — 3-е изд., испр. и доп. /Р.И.Вильданова, В.Б.Кудрявцев, К.Ю.Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К.Ю.Лаппо-Данилевского. — Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996.

²⁰ Скифский роман /Под общей ред. академика РАН Г.М.Бонгард-Левина. — М.: РОССПЭН, 1997.

Часть I. Русская эмиграция в Англии после Октября 1917 г.

Глава I. Русские организации и периодическая печать в Англии

Посольство, Русский Дом, Русский Правительственный комитет

В годы революции русские, находившиеся в Англии, пристально следили за ходом событий в России. К.Д.Набоков вспоминал: "Известие об отречении от престола произвело на русскую колонию в Лондоне впечатление ошеломляющее. Русская колония в Лондоне состояла из двух групп: в первую входили правительственные чиновники, представлявшие Россию как союзницу Англии в войне. Группа эта насчитывала около 500 человек, в этой среде преобладали монархисты, доминировало настроение ненависти к Временному правительству, мечты о возвращении к старому режиму. Временное правительство проявляло большую терпимость к личному составу заграничных учреждений, чтобы не удалять технически ценных работников. Однако это было ошибкой, потому что Временному правительству в посольствах присягали люди, имевшие иной образ мыслей. Вторую группу колонии составляли политические эмигранты антимонархистского толка: они восторженно встретили весть о падении монархии в России" ¹.

Вдохновленная Февральской революцией, значительная часть оппозиционной интеллигенции во главе с П.А.Кропоткиным собралась возвращаться домой. Но через Англию хотели выехать в Россию и эмигранты, жившие в других странах Европы, так как обычный путь в Россию через Германию был закрыт. Весна 1917 г. была периодом самой напряженной подводной войны. Оставалась возможность водного пути по Северному морю через Норвегию до Архангельска или Петрограда. Ограниченное число небольших пароходов совершало еженедельные рейсы между Англией и скандинавскими странами под конвоем английских миноносцев. Но и этот путь не был безопасным: кораблям угрожали немецкие подводные лодки. В марте 1917 г. Лондон стал местом паломничества русских, желавших вернуться в Россию. В Англии сконцентрировались тысячи эмигрантов. Временное правительство, способствовавшее возвращению на родину всех русских граждан, нашедших за границей убежище от преследований прежнего режима, отпускало на организацию переезда большие средства. Однако никто не мог в условиях войны обеспечить необходимое количество транспортных средств.

В Лондоне при посольстве был создан Комитет для содействия возвращению эмигрантов на родину. Секретарем Комитета стал Г.В.Чичерин, председателем И.М.Майский, заметную роль в нем играл М.М.Литвинов. Комитет репатриации расположился в помещении Герценовского кружка, и занимался размещением людей в дешевых гостиницах Лондона и распределением денег на проезд. Паспорта подписывал Г.В.Чичерин. Возвращавшимся надо было ехать поездом до Эбердина, откуда в сопровождении двух миноносцев до норвежского порта Берген шел пароход "Валчер" ("Vulture", ястреб). Первый "Валчер" с эмигрантами подорвался на

мине и все пассажиры погибли. Остальные рейсы были благополучными. Ежедневно из Эбердина отправлялись группы по 30-40 человек, но этого оказывалось недостаточно, чтобы перевезти всех желающих вернуться. Комитет репатриации убедил правительство предоставлять места пассажирам на судне "Юпитер", которое каждые десять дней курсировало между Эбердином и Бергеном с дипломатической почтой и военным снаряжением.

Представители Временного правительства не знали о том, что в лондонском Комитете репатриации взяли верх большевики и "интернационалисты", которые в первую очередь пропускали лиц, ратовавших за поражение России в войне. К.Д.Набоков, который по обязанности оказывал помощь Комитету, вспоминал, как Чичерин с Литвиновым "проталкивали" в Россию большевиков "пораженцев" и распоряжались деньгами правительства в своих партийных интересах. Комиссия при посольстве во главе с Я.О.Гавронским оказывала безуспешное сопротивление деятельности Чичерина и Литвинова. Вскоре Чичерин выехал в Россию, откуда вернулся комиссаром Временного правительства по эмиграции и стал распоряжаться возвращением, уже имея на это официальные полномочия. Английское правительство, оповещенное К.Д.Набоковым, было обеспокоено антивоенными настроениями в России, распространению которых Чичерин способствовал из Лондона. Вопросом о возвращении русских эмигрантов заинтересовался Ллойд Джордж, который предложил Чичерину немедленно вернуться в Россию. Но Чичерин отказался. 22 августа 1917 г. он был арестован за антисоюзническую и прогерманскую деятельность и заключен в Брикстонскую тюрьму, где провел четыре месяца. Во время ареста Чичерина его место занял М.Литвинов. К этому времени, как пишет К.Д.Набоков, он тоже был признан нежелательной персоной и подлежал высылке из Англии.

После февральской революции К.Д.Набоков дал понять в политических кругах, что сочувствует переменам в России, за что его осудили и консервативные политики, и либералы: по их мнению дипломат не имел права предавать интересы назначившего его правительства. Авторитет К.Д.Набокова у англичан был безвозвратно утерян. Оказавшись в положении представителя "бывшего правительства", К.Д.Набоков стал искать опоры и помощи русских кругов в Лондоне. Посольство постепенно превращалось в центр объединения русских, настроенных против большевиков, независимо от звания и политических убеждений. В последних числах ноября К.Д.Набоков собрал в посольстве заседание из представителей русской общественности и бюрократии. Была составлена резолюция, призывающая всех русских объединиться в борьбе с захватчиками власти в России, против большевистского режима. Резолюция была опубликована с купюрами в нескольких английских и французских газетах. Почти полностью поместила ее только "The Morning Post". Английское министерство иностранных дел не одобрило этого шага, считая что полемика бывшего русского посольства с одержавшим в России верх режимом "противна дипломатической традиции" и представляет для британской политики большое затруднение.

Октябрьская революция изменила положение русских правительственных учреждений в Лондоне, но произошло это не сразу. После Октября 1917 г. более года длился период полной автономии русского посольства. Правительства, от которого посольство должно было получать указания, не существовало. К.Д.Набоков

опирался на поддержку русских общественных сил в Лондоне. Ближайшими его советниками были бывший корреспондент "Нового времени" Г.С.Веселицкий-Божидарович, бывший финансовый агент в Лондоне Г.А.Виленкин, корреспондент "Русского слова" С.А.Поляков-Литовцев и работавший в правительственном комитете лейтенант А.Абаза, которого К.Д.Набоков характеризовал как "светлейший образец самозабвенного патриотизма" ². На фонды русского посольства был наложен арест, оно лишено было права обмениваться шифрованными телеграммами с другими русскими учреждениями за границей.

Поначалу представители советской власти обязались не претендовать на фонды и собственность бывшего Императорского и Временного русских правительств, находящихся в Англии, так как они не приняли на себя долгов своих предшественников. Фонды представляли собой остатки военных кредитов, выданных России во время войны и являлись частью военного долга России Англии. Но со временем представители большевиков в Англии начали требовать предоставления им помещения посольства и передачи им всех правительственных фондов.

Естественно было ожидать, что левые и правые политические круги в Англии по-разному отнесутся к событиям в России и к положению русских в Англии. Но оказалось, что радикалов и консерваторов объединяло отношение к экономическим вопросам, к торговле с Россией. Пробольшевистский еженедельник "Дейли Геральд" в 1918 г. агитировал за прекращение военной помощи России. Газета выступала с требованием: "Мир и торговля с Россией и признание правительства Ленина". К этому же решению, как ни парадоксально, склонялись консерваторы. По этому поводу К.Д.Набоков писал: "Разгадка на первый взгляд непонятной покорности правительства влиянием, враждебным России, заключается, на мой взгляд, в том, что за последние полтора года английское правительство блуждало в потемках, не ведало, что творило, и потеряло всякую способность видеть дальше "интересов сегодняшнего дня". Общественное мнение Англии было против новых жертв ради спасения России, но не против того, чтобы Англия "поживилась русским сырьем". Настало время, когда не принципы или политические соображение, а "сырье" является путеводною звездою, направляющею волхвов <...> "Сырье" — это ultimo ratio международных отношений, в особенности отношения Англии к России" ³.

Среди видных английских политиков, которые были не только хорошо осведомлены о событиях в России, но и смотрели дальше интересов дня, были английский посол в России Дж.Бьюкенен, лорд Китченер, Сэмюэль Хор (S.Noare). В своей оценке событий в России они во многом сходились с историками и публицистами, представлявшими консервативное крыло русской эмиграции. С.Хор объяснял в печати и в своих парламентских выступлениях, что русская революция будет иметь губительные последствия не только для хозяйства и культуры России, но отзовется на экономике всей Европы. Однако его призывы противостоять большевикам всеми средствами, включая интервенцию, остались без ответа.

После того как опытный дипломат Дж.Бьюкенен был отозван из России, в Москву был командирован Р.Б.Локкарт — особый представитель английского правительства, прежде управлявший генеральным консульством в Москве. Не имея официального дипломатического звания, он должен был, тем не менее, вести официальные переговоры с представителями правительства. Р.Б.Локкарт, занимавшийся

дипломатией и шпионажем, ходил по острiu ножа: он пытался наладить дружеские отношения с представителями советской власти и в то же время установить связи с организациями, работавшими для их свержения. Двойная игра вскоре раскрылась. В августе 1918 г. Р.Б.Локкарт был арестован за участие в антиправительственном заговоре, но вскоре освобожден в обмен на Г.В.Чичерина, М.Литвинова и других большевиков, арестованных в Англии за антивоенную агитацию. Как пишет К.Д.Набоков о миссии Локкарта, практической пользы его "дипломатия с заднего крыльца" принесла мало, а морального ущерба много. Впоследствии отношения английского правительства с большевиками стали налаживаться другими методами: через симпатизирующих им английских журналистов.

В 1919 г. К.Д.Набоков все еще представлял в Англии русское правительство, которое было свергнуто полтора года назад. По тому, как события развивались в России, в Лондоне невозможно было уяснить, какому правительству должно было подчиняться посольство⁴. К.Д.Набоков поддерживал контакт с Сибирским правительством Колчака и считался представителем Омской директории в Англии. Он вспоминал об этом времени: "Почти три года я нес на своих плечах ответственность, сопряженную с званием представителя России. Я подвергался критике своих соотечественников в таких размерах, о которых и не снилось моим предшественникам на посту русского представителя в Англии. За последние 8 месяцев вместо поддержки, на которую я вправе был рассчитывать, я получал удары в спину из Парижа". Автор называет это время "трагическим периодом, быть может, наиболее знаменательным по своему влиянию на дальнейшую судьбу англо-русских отношений"⁵.

Когда надежда на победу Колчака была потеряна, советнику посольства Е.В.Саблину было поручено принять от К.Д.Набокова управление посольством. В сентябре 1919 г. К.Д.Набоков был освобожден от занимаемой должности. В это время русские, бежавшие на юг, получили доступ в Европу и начался новый приток беженцев в Лондон. Много русских приезжало через Финляндию. В посольстве устраивались собрания разных групп беженцев с целью их объединения. К.Д.Набоков продолжал занимать заметное место в жизни русской колонии. Он принимал участие в деятельности Русского Красного Креста, занимался журналистикой: публиковал статьи в лондонских журналах "Новая Россия" и "Русская жизнь", в берлинском "Руле" (под псевдонимом "Констанс") и в рижской "Сегодня". Некоторое время спустя он получил назначение в Норвегию, но вскоре подал в отставку, убедившись в невозможности работать на пользу России. В середине 1920-х годов К.Д.Набоков был приглашен читать лекции в Девоншире, куда и переехал, появляясь в своей лондонской квартире только по выходным дням.

Если до 1917 г. российское посольство было изолировано от русской колонии, то революция в корне изменила это положение. Теперь, помимо выполнения своих дипломатических задач, посольство должно было объединять и направлять русских в Англии. Посольство (Chesham House) и консульство (30, Bedford Sq.) стали центрами, объединявшими эмигрантов различных политических ориентаций, но противостоявших большевизму. Е.В.Саблин оставался поверенным в делах России до признания Великобританией Советского государства де факто в 1921 г., но здание посольства он удерживал как оплот небольшевистской России до официального признания Англией советской власти в 1924 г. После своей отставки Е.В.Саблин

стал представителем русских эмигрантов в фонде Нансена и возглавил эмигрантскую колонию в Лондоне, которая, как предполагали некоторые английские политики, представляла ту Россию, которая еще могла возродиться. Часто и подолгу бывавший в Лондоне А.А.Казем-бек писал: "Саблин не считал себя освобожденным от долга и миссии представлять русские интересы в Англии. История установит размеры того вклада, который был сделан им в дело защиты этих интересов в самые трудные для России годы. Ни один из русских послов, оставшихся "не у дел", не сумел занять такого положения, как Саблин в Лондоне. Его продолжали приглашать на придворные церемонии и гарден-парти, на приемы в Форейн-Оффис, как бывало в годы его официального представительства. С мнением его считались и считаются до сих пор" ⁶. Благодаря Саблину, русская колония оставалась малым государством в государстве, хранила культурные и политические традиции уходящей в историю России. "Русская колония Лондона — степенная и выдержанная, многому научившаяся у хозяев страны — нашла в рассудительном и отзывчивом Е.В.Саблине естественного, постоянного и ровного руководителя, подлинно незаменимого". Е.В.Саблин вел документацию членов русской общины, выдавал необходимые справки и рекомендации для поступления на работу или в университет, помогал эмигрантам из других центров получить английскую визу, что было нелегко для обладателей Нансеновских паспортов. "Все под воздействием старого русского поверенного в делах оказывалось проще, чем полагали сначала, из всех мнимых тупиков отыскивался выход, самым несурзным проблемам могло быть дано разумное решение. Все расколы и раздоры сглаживались в Лондоне и русским никогда не дано было впасть в уныние и пессимизм". Есть в этой характеристике некоторая идеализация, так как примеров уныния и раздоров в эмиграции было немало. Однако в отношении деятельности бывшего посла нет преувеличения: обширная работа по делам эмиграции отражена в архиве Е.В.Саблина.

Благодаря Е.В.Саблину, Российское посольство продолжало оставаться символическим штабом эмиграции и после того, как утратило свои дипломатические права. Когда в 1924 г. Е.В.Саблину пришлось покинуть здание посольства, он приобрел на свои средства дом в Кенсингтоне, посольском квартале Лондона — "Королевской слободе". А.Казем-бек писал: "Это в наши дни самый строгий и благородный район в южной части Вестенда. Лучше нет района во всем огромном Лондоне, перед которым и Нью-Йорк кажется городом умеренных масштабов. В Кенсингтоне много скверов с задумчивыми деревьями, вокруг которых стоят бесчисленные узкие особняки, то тюдоровские, то викторианские". Викторианский особняк, приобретенный Е.В.Саблиным, стал "Русским Домом". Е.В.Саблин не считал Русский Дом своей личной собственностью, он занимал в нем четыре комнаты, а остальные помещения были предоставлены организациям русской колонии. Нижний этаж занимал Русский Красный Крест, в доме проходили заседания Комитета помощи русским беженцам. Приезжие могли бесплатно остановиться в Русском Доме. "Весь дом его дышал атмосферой особого спокойствия и безмятежности. На его пороге страсти, противоречия и преходящая злободневность как бы перерабатывались в частицы большого и закономерного, целостного процесса, в котором все имеет свое место, причину и назначение", — писал Казем-бек. О том, какое место занимал Русский Дом в русской колонии, писала и А.В.Тыркова, и другие мемуаристы.

В новое помещение было перевезено посольское имущество, а также личная коллекция предметов искусства и быта Е.В. и Н.И.Саблиных. Русский дом превратился в музей русской культуры и истории, и стал привлекать новые поступления. В марте 1933 г. с Е.В.Саблиным встретился последний председатель "Российской компании" (Англо-Русского Торгового Общества) Ивлин Хабард (The Hon. Evelyn Hubbard). Эта торговая компания была основана Ричардом Чанселором в 1553 г., во времена Ивана Грозного, она стала результатом подписания первого англо-русского торгового договора (письмо Ивана Грозного хранится в Британском музее). Русские цари неоднократно оказывали компании знаки внимания, дарили свои портреты. Так как Компания, не желавшая вести дела с новым режимом в России, прекратила свое существование, ее председатель решил подарить эти портреты Русскому Дому⁷. Так в коллекции Е.В.Саблина оказались портреты, пожалованные "Российской компании" Петром I, Екатериной I и Екатериной II, императором Николаем I и наследником Александром Николаевичем. Со временем коллекцию пополнили художественные собрания Англо-Русского Торгового Общества, основанного Петром I при посещении им Лондона.

Зал заседаний, где находилась великолепная портретная галерея, по воспоминаниям Казем-бека, "напоминал русские столичные особняки или ведомственные дворцы и был в своем роде совершенным исключением вне пределов России". Стоит привести дальнейшее описание дома, которое само по себе является уникальным документом, так как дом не сохранился: "Между перилами лестницы, соединявший этажи и полу-этажи дома, возвышался длиннейший белый флагшток, с которого свисал огромного размера трехцветный русский флаг, в былые времена развевавшийся над фасадом Российского посольства. Первый полуэтаж был занят малой гостиной со старинной русской мебелью красного дерева. Столики, секретеры и кресла переносили мысль к русской усадебной жизни прошлого столетия. По стенам висели гравюры полководцев, редкие миниатюры с портретами русских царей и писателей. Вдоль лестницы были развешены десятками гравюры с изображением русских памятников, храмов, дворцов, форм обмундирования русских полков в разные эпохи. На втором полуэтаже помещалась столовая и большая гостиная. В столовой по камину и буфетам стояли длинными рядами золоченые чашки Императорского фарфорового завода. Тут было несколько исторических сервизов исключительной ценности. В большой гостиной преобладала карельская береза. Множество ваз, исполненных русскими мастерами 18-го и 19-го веков, еще серии портретов, еще миниатюры. В углу большой рояль, за которым любил посидеть перед обедом хозяин дома. Е.В.Саблин редко впрочем отдыхал. Он постоянно работал, писал в своем кабинете, полуэтажом выше. Кабинет был уже не музеем, а рабочей комнатой занятого человека, с несколькими высокими и мягкими креслами, пишущими машинками на загруженных бумагами и книгами столах".

В Русском Доме проводились встречи с писателями из разных центров русского рассеяния, в основном из Парижа, выступали с чтением своих произведений И.А.Бунин, М.И.Цветаева, Б.К.Зайцев, М.Алданов, Тэффи, В.В.Набоков. Соперничая с Обществом Северян, эмигранты, близкие к Русскому Дому, устраивали в нем театральные представления и концерты, на одном из них пел Ф.И.Шаляпин. В Русский Дом приезжали для чтения лекций и литературных выступлений политики

и философы, читались доклады и лекции, велись политические дискуссии. На заседании 8 января 1926 г. Е.В.Саблин прочел доклад на тему: "Движение русской проблемы в Англии в 1924 и 1925 годах", который был изложен в парижской газете "Возрождение" ⁸.

Новые функции выполняло после революции российское консульство в Лондоне. В его помещении располагался Русский Совет при Центральном Российском Комитете под председательством К.Д.Набокова. Эта организация помогала русским беженцам устроиться вне России. В Комитет входили: генеральный консул А.М.Ону, председатель Русского Правительственного комитета А.С.Остроградский, вице-консул Э.Гамбс, лондонский корреспондент "Русских ведомостей" И.В.Шкловский. Почетным секретарем был избран Э.С.Любов — представитель прессы. С консульством был связан Русский Комитет Пропаганды при Министерстве информации, председателем которого был Э.Гамбс, а членами капитан Б.В.Анреп, Б.В.Телепнев, Э.С.Любов и другие.

Другим значительным по составу и функциям учреждением, также находившимся в центре русской жизни, был Русский правительственный комитет по снабжению русской армии ⁹, располагавшийся в большом официальном здании на пересечении улиц Стрэнд и Хай Холборн. Здание носило и сейчас носит название "Индия Хаус" (India House), под которым Комитет часто упоминается в переписке. В нем подвизались многие русские офицеры, в том числе приезжавший ненадолго в Англию Н.Гумилев, поэт Вадим Гарднер, поэт и художник Б.Анреп, а также обосновавшийся в Англии писатель Н.Губский.

Русско-Британское 1917 года Братство

Правительственный комитет был связан с англо-русской организацией, получившей название "Русско-Британское 1917 года Братство" ("The Russo-British 1917 Bratstvo (Fraternity)"). Братство было создано вскоре после Февральской революции 1917 г. и существовало до 31 декабря 1921 г ¹⁰. Организация была основана группой членов английского Парламента и представителями русских правительственных организаций в Лондоне с целью объединения русских и англичан в борьбе с большевизмом. В документах подчеркивалось, что Братство — организация непартийная. Действительно оно носило характер элитарного клуба, объединявшего правительственные и военные круги России с высшим эшелонам английской политики. Клубом его нередко называли в своей переписке его члены. Учредительное заседание клуба проходило в помещении Парламента. После заседания основатели Братства были приглашены на ланч в отеле "Риц", на котором присутствовали У.Черчилль и лорд-мэр Лондона Ч.Хэнсон. После обычных заседаний члены Братства обедали в Палате общин, где они могли встретиться с влиятельными английскими политиками. Для своей деятельности Братство приобрело меблированный дом в престижном районе, недалеко от здания парламента (26, Chester Square, Victoria Street).

В октябре 1917 г., незадолго до большевистской революции, Братством была отпечатана на двух языках программа (на русский ее перевел Б.В.Анреп). В русском тексте говорится: "Русско-Британское Братство 1917 г. основано в целях увековечения перемены, происшедшей в жизни русского народа со времени рево-

люции 1917 года и для создания среды, в которой великие демократии России и Британии могли бы вступить в тесное единение и научиться друг у друга тому, что у каждой из них есть лучшего и чему следует научиться. <...> Братство дает возможность русским гражданам, посещающим Англию, войти в соприкосновение со своими соотечественниками, здесь проживающими, и с теми из англичан, которые относятся к России с живым интересом". В английском тексте программы акценты расставлены несколько по-другому. Братство здесь называется Клубом и говорится: "Наш Клуб призван стать посредником между старейшей и самой молодой европейскими демократиями — Британией и Россией, которым необходимо достичь сближения и многому научиться друг от друга. Каждая из этих стран представляет нечто новое и непонятное для другой. Географическое расстояние и различие языков полагают препятствия для взаимного понимания, которые необходимо преодолеть. Клуб и ставит перед собой задачу помочь преодолевать эти затруднения". В английском варианте также сформулирована цель — создать среду для развития культурных и политических связей, для общения англичан и русских. Один из важных пунктов программы Братства заключается в "распространении понимания в Англии русской литературы, искусства и социально-экономических условий России" ¹¹.

Одним из основателей и почетным секретарем Братства, был Д.Д.Гарднер, поверенный в делах при русском посольстве в Лондоне, игравший важную роль в Русском Правительственном комитете по снабжению. Почетным Президентом Братства был избран Д.Ллойд Джордж. В июле 1919 г. был создан Временный комитет Братства под председательством П.Г.Виноградова, в который вошли Д.Д.Гарднер, С.П.Тюрин, контр-адмирал М.А.Кедров, И.В.Шкловский, члены Палаты Общин парламента А.Мак Каллум Скотт (A. MacCallum Scott), О'Грейди (J. O'Grady), а также сэр Фрэнсис Лоу (Fransis Lowe) и полковник Прайс Джонс (Pryce Jones). В декабре 1919 г. председателем Временного комитета стал член Парламента Гершом Стюарт. В состав комитета вошли: Д.Д.Гарднер, барон А.Ф.Мейендорф, В.Д.Набоков, А.М.Ону, А.С.Остроградский, проф. М.И.Ростовцев, С.П.Тюрин, И.В.Шкловский, в качестве кандидата был принят П.Н.Милюков.

В руководство Братства входили представители правительственных организаций, русской науки и культуры в Англии. А.С.Остроградский — председатель Русского Правительственного комитета, занимал должность коммерческого представителя правительства адмирала Колчака и генерала Деникина в Лондоне. Балтийский барон А.Ф.Мейендорф — товарищ председателя Третьей Думы. В Братство были приняты русские ученые, профессора, журналисты. С.П.Тюрин — представитель Земгора в Русском правительственном комитете, председатель Союза "Народоправство" в Англии, профессор экономики и автор книг о рабочем движении, земствах и местном самоуправлении в России. А.М.Ону — генеральный консул России в Англии при правительстве 1917 г., профессор современной истории в университете Петрограда. М.И.Ростовцев — виднейший специалист по древней истории, преподававший в Оксфорде, инициатор создания Комитета Освобождения России в Лондоне. В.И.Исаев — профессор прикладной химии, в Братстве ему было поручено заниматься вопросами образования и культуры.

В списках членов Братства также значатся: Е.В.Саблин, П.Н.Игнатьев — бывший министр образования, который в Англии представлял Сибирское прави-

тельство адмирала Колчака, генерал Э.К.Гермониус, представлявший белогвардейские правительства в Англии, автор статей о снабжении царской армии союзниками. Среди членов Братства значатся также адмирал Д.Н.Вердеревский, генерал Б.В.Геруа, помощник морского атташе русского посольства в Лондоне А.Абаза, представитель морского флота Н.Семенов-Тянь-Шанский; вице-консул России в Лондоне Э.Гамбс; профессор истории России полковник Н.Т.Беляев; корреспондент "Русского слова" в Англии С.А.Поляков-Литовцев; служащий Русского Правительственного комитета журналист Б.В.Телепнев; юрист А.Я.Гальперн; офицер, поэт и художник Б.В.Анреп. Под № 36 в списке Братства значится Н.К.Рерих: около года он жил в Англии, готовился к поездке в Индию, проводил выставки своих картин, работал над театральными декорациями для русских опер, а также занимался пропагандистской деятельностью в поддержку интервенции.

Собрания Братства посещали К.Д.Набоков, Н.В.Чайковский, А.Ф.Аладьин, С.И.Ачкасов, Г.Волков, Г.Антонов и многие другие. Братство посещали люди разных политических ориентаций: например доктор Я.О.Гавронский был приближенным лицом А.Ф.Керенского; военный инженер А.Н.Чмутин, который работал в Русском Правительственном комитете, представлял меньшевистское Общество Северян и сибиряков. По правилам, англичанин мог вступить в Братство только если он был членом одной из палат Парламента, но видимо для некоторых были сделаны исключения. К концу 1919 г. Братство насчитывало 150 членов, из них — около 20 англичан. В клубе часто бывали Хью Уолпол, Бернард Перс и Гарольд Вильямс. Из переписки Братства явствует, что его организаторы стремились вовлечь англичан в борьбу за влияние в России, затрагивая самые чувствительные струны: они указывали, например, что на юге и в Сибири находятся британские промышленные объекты, напоминали об угольной шахте в Донецком бассейне, источниках нефти на Северном Кавказе. Русские политики подчеркивали, что ставшая возможной оккупация России Германией станет катастрофой для Англии и для всей Европы, так как Германии достанутся природные богатства России, которые позволят усилить ее военную мощь.

О политической ориентации русских членов Братства можно судить по речи, обращенной одним из ораторов к англичанам. Автор неподписанного доклада, изложенного по-русски и по-английски, скорее всего Д.Д.Гарднер, писал: "Господа! Английский народ — великий друг свободы и исторический защитник ее повсюду. Независимость извне и свобода внутри, умение ставить цели и упорно стремиться к ним, уважение к человеческой личности и свободе мнения — вот качества англичан, которые мы привыкли уважать в английском народе. "Британец никогда не будет рабом!" — вот гордый девиз гордых своею свободой людей. Англию мы всегда уважали. Теперь мы ее любим. Честные по-рыцарски враги, англичане стали нашими рыцарски-честными друзьями. Свободная Россия никогда не забудет великих заслуг английского народа перед русской свободой. Англия была землею обетованной для всех русских, изгнанных из родной страны "правды ради". Александр Герцен, великий трибун народной свободы, первый узнал дружбу свободной Англии и рассказал нам о ней. Ряд поколений политических эмигрантов прошел через гостеприимную Англию. Эта великая заслуга Англии никогда не забудется русским народом. Поколения ученых — учеников Павла Виноградова и Максима Ковалевского — воспитались на любви к свободным государственным учреждени-

ям Англии. <...> Англия — защитница угнетенных, друг свободы, ненавидела русский деспотизм. За это горячею любовью ответила ей русская демократия”¹². Далее докладчик призывает к объединению сил в борьбе за установление демократии в России. При содействии Братства, в Палате Общин английского парламента была создана группа “Друзей России”.

Братство выступало инициатором объединения русских общественных организаций в Лондоне. В архивах Братства содержатся материалы, посвященные разработке этого замысла: “Проект Совета русских обществ”. Повестки о мероприятиях Братства рассылались таким русским организациям как “Народоправство”, “Русский кружок в Лондоне”, “Общество Освобождения России”, “Русский Национальный комитет”. Братство осуществляло связи с русскими организациями и институтами по изучению России в зарубежье. Во взаимодействии с Братством итальянский Русский институт в Риме основал “Лигу возрождения России в тесном единении с союзниками”. В стремлении изучить и организовать русскую жизнь в Англии, помочь русским найти работу Братство объединило усилия с Земгором. Члены Братства занимались выявлением русских, живущих в Англии, и статистикой русского беженства. В одной из записок по этому вопросу приводятся такие цифры: “В Англии находится более 100.000 (ста тысяч) русских, из них более половины — в Лондоне”. Возможно, статистика Братства соответствовала действительности на тот момент, когда в Англии временно оказались части Белой армии. Позднее многие переехали в другие страны Европы и в Америку.

На основе Братства в августе 1919 г. был создан Русско-Британский Комитет помощи беженцам (British-Russian Relief Committee). Этот комитет занимался проблемами русских эмигрантов и англичан, вернувшихся из России. Возвращение англичан, работавших в России, нескончаемый поток русских беженцев всех классов в Англию — создавали проблемы, для решения которых нужны были средства. Комитет постоянно нуждался в финансовой помощи, с просьбами о которой он обращался к читателям газеты “The Russian Outlook”. О работе и нуждах Комитета была помещена публикация в номере этого журнала за 24 мая 1919 г. В работе Комитета активное участие принимал В.Д.Набоков, приехавший в Англию с семьей в конце мая 1919 г. По его инициативе было написано обращение к русским в Англии и к англичанам с просьбой помогать гражданскому населению местностей Петроградского района, освобожденным от большевиков.

10 декабря 1919 г. Комитет помощи беженцам собирался в Палате общин, на нем присутствовали влиятельные политики и специалисты по русскому вопросу, подводились краткие итоги работы. Обсуждалось положение британских подданных, а также русской аристократии и интеллигенции под властью большевиков. Предсказывалось большое количество беженцев, к приему которых и помощи которым Англии следовало подготовиться. В задачи Комитета входила организация русских мастерских для обеспечения занятости беженцев. Такие мастерские были созданы и приступили к работе, но испытывали финансовые затруднения, не окупая себя.

Хотя в Братство принимались только мужчины, при Комитете помощи беженцам была образована женская секция, состоявшая в основном из жен членов Братства. Они занимались благотворительной деятельностью, сбором пожертвований, помогали русским эмигрантам и англичанам, бежавшим из России, собирали и по-

сылали одежду солдатам Белых армий на Севере России. Женской секцией Братства руководила Джорджина Бьюкенен, супруга бывшего посла. При Братстве был создан музыкальный кружок и вокальная секция, организовывались шахматные турниры. Заседания организаций и работа кружков, созданных при Братстве, проходили в помещении русского посольства.

Основной формой обмена информацией о положении в России в Братстве были доклады приехавших из России людей. 1 ноября 1918 г. в клубе состоялось выступление капитана В.А.Хикса (William Loughton Hicks) о положении в России. Хикс работал в России вместе с Р.Б.Локкартом, был арестован в группе с другими англичанами и выслан из страны. За несколько дней до отъезда он оформил брак с Любовью Малининой, племянницей московского городского головы М.В.Челнокова, и привез ее в Англию. В Комитете помощи беженцам А.Малинина-Хикс являлась почетным казначеем. Помимо своей общественной работы она занималась переводами: в 1925 г. в ее переводе был опубликован роман Леонида Андреева "Сашка Жегулев" с предисловием Горького (L.Andreev. Sashka Jigouleff. London, 1925).

20 августа 1918 г. Русско-Британское Братство устроило завтрак для встречи англичан и русских с А.Ф.Керенским. 10 января 1919 г. состоялась лекция П.Н.Милокова на тему: "Современное положение в России". 13 февраля 1919 г. в Братстве выступал Б.В.Савинков с сообщением о положении дел в России. 8 мая 1919 г. из России через Париж приехал М.С.Маргулис: он выступал в Национальном Либеральном клубе на Виктория стрит, куда были приглашены члены Братства. Он говорил о событиях в Одессе и на Юге, о политических течениях среди русских в Париже. Несколько лет спустя он издал книгу "Год интервенции" (Берлин, Изд-во З.И.Гржебина, 1923). 25 мая и 25 сентября 1919 г. на заседании Братства выступал генерал Краснов с докладом "О положении на Дону".

22 июля 1919 г. с лекцией перед членами Братства выступал Н.К.Рерих с сообщением на тему "Русский вопрос в Финляндии и Швеции". Его жена Е.И.Рерих участвовала в Братстве в работе женской секции и благотворительных организаций. 3 октября 1919 г. делал доклад эмигрировавший в Англию протоиерей И.З.Лелюхин. Он говорил о положении и настроении людей на русском Севере. 21 ноября 1919 г. состоялась лекция Б.Пэрса на английском языке о его сибирском опыте. Перед членами Братства выступали К.Д.Набоков, кн. Ливен, А.В.Тыркова. Большинство людей, выступавших на собраниях Братства, были из тех, кто задержались в Англии на более или менее длительный срок в надежде на продолжение политической работы и возвращение в Россию. В ноябре 1920 г. Братство отмечало десятилетие со дня смерти А.Н.Толстого. Предварительное собрание состоялось 5 ноября в Лондонской библиотеке, в кабинете ее директора и создателя доктора Хагберга Райта. Собрание в Братстве прошло 20 ноября.

Важным направлением деятельности Братства была помощь известным русским политикам и членам их семей в выезде из России. Для этого Братство обращалось с просьбой в Министерство иностранных дел Британии. В списках лиц, которых необходимо было вывезти, подчеркивалась их роль в развитии англо-русских отношений. Предварительный список включал около 70 человек: среди них несколько членов Думы с семьями (Дума была центром англо-русского сближения, все председатели Думы внесли в него вклад); за ними следуют сотрудники

Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел в правительстве генерала Деникина и другие важные персоны. На первом месте в списке значится Н.А.Хомяков (1850-1925) — первый председатель Третьей Думы, член прогрессивного блока, инициатор множества мероприятий в поддержку англо-русских отношений. В 1909 г. он возглавлял думскую делегацию к королю Эдуарду и в Палату Общин. В России он поддерживал дружеские отношения с Б.Пэрсом, а также с другими англичанами. Третье поколение Хомяковых могло бы продолжить англо-русские традиции этой семьи, если бы не трагические события. Незадолго до революции сын Н.А.Хомякова учился в Кембридже в Тринити колледже (его упоминает в "Других берегах" В.В.Набоков, учившийся в том же колледже несколькими годами позднее). Вернувшись в Россию, Хомяков-младший принял участие в гражданской войне, а в 1918 г. погиб в Крыму во время бегства. Н.А.Хомяков с женой в 1919 г. добрались до Англии¹³.

В списке значатся жена и дочь А.И.Гучкова, его брат Н.И.Гучков, московский голова, который в 1912 г. принимал Британскую делегацию; М.В.Родзянко с родственниками, председатель Думы до и во время войны, личный друг Бьюкенена; Д.И. и В.И.Звегинцевы с родственниками. В список включены две дочери П.Н.Милюкова с мужьями, жена сына Милюкова с дочерьми; сын А.В.Тырковой Аркадий Борман с женой; К.М.Ону, брат А.М.Ону, генерального консула в Лондоне; Н.П.Савицкий с женой и дочерью, министр финансов Б.К.Сувчинский. Упомянуты вдова и родственники генерала Духонина, вдова и сын генерала Корнилова, родственники генералов Каледина, Маркова и Назарова. Просил о визе для въезда в Англию из Крыма для себя, для матери и сестер прикомандированный к английской армии офицер Платонов, сын сенатора С.Платонова, одного из первых инициаторов англо-русского сближения. В список внесены деятели политики, науки и искусства: П.Б.Струве; Н.Н.Львов, В.В.Шульгин, Н.И.Астров, С.В.Панина, П.П.Новгородцев, А.А.Мауфлов, В.А.Мякотин, А.С.Пешехонов, М.А.Велихов, художник И.Я.Билибин; писатель Е.Н.Чириков; журналист Я.И.Никандров. Князя Евгения и Григорий Трубецкие отмечены в списке как видные представители движения за укрепление англо-русских связей. В дополнительном списке, составленном годом позднее, сообщалось, что Е.Трубецкой, которого не успели спасти, умер от тифа.

При Русско-Британском Братстве была создана Комиссия по делам русских в Англии, в частности был поднят вопрос о гимназическом и высшем образовании для детей и молодежи. П.Г.Виноградов возглавлял в Братстве Комитет по образованию, секретарем его был барон А.Ф.Мейендорф. Через газету "The Russian Outlook" (см., например, № 9 за 5 июля 1919, с. 237) Комитет оповещал о лекциях на английском языке о русской экономике. Был разработан курс лекций с июля по сентябрь 1919 г. Лекции читали доктор Кембриджского университета проф. П.Н.Милюков, проф. Д.Д.Гарднер, С.П.Тюрин, проф. Ю.Павловский, бар. А.Ф.Мейендорф и другие русские, жившие в Лондоне. На заседаниях Братства П.Г.Виноградов выступал с лекциями по истории, Д.Д.Гарднер читал лекции по коммерческому, торговому и предпринимательскому делу; С.П.Тюрин — по экономике, С.А.Поляков-Литовцев — по русской литературе и искусству, М.В.Трофимов — по русскому языку. В лекционной работе принимали участие англичане Б.Пэрс и А.М.Раффи (русский язык). И.В.Шкловский составил ценную библиографию работ английских и русских авторов о России на английском языке.

При Братстве помимо секций, комитетов и комиссий были созданы клубные филиалы. Многие члены Братства — как русские, так и англичане — посещали Британско-Русский клуб (British-Russia Club, или Russo-British Club). Клуб был создан в 1918 г. для общения в неофициальной обстановке русских эмигрантов с английскими политиками, экономистами, и представителями элиты делового мира. Клуб располагался по адресу 4 Park Place, St. James Street. В задачи Клуба входила защита прав англичан в России, освобождение их из-под ареста, возвращение им собственности. Британско-Русский клуб обсуждал возможность установления торговых контактов с Россией. Как отметил Б.Пэрс, Клуб оказывал влияние на решения правительства по русским вопросам¹⁴.

В январе 1919 г. полковник Н.Т.Беляев обратился к руководству Братства с предложением основать Славянско-Британский Клуб (Slavo-British Club). Первое заседание Клуба состоялось 25 февраля 1919 г. в помещении Братства. Члены нового Клуба начали свою деятельность с того, что составили доклад о возникшем разобщении между славянскими и британскими народами. Членство в клубе было строго ограничено, организация считалась неполитической. Председателем был избран англичанин Ф.Л.Уоллес (F.L.Wallace).

Кружок русских масонов

Хотя многие члены Русско-Британского Братства были масонами и название клуба напоминает масонскую организацию, это было лишь внешнее сходство. В Англии с ее давними масонскими традициями, существовала действительно масонская русская организация, носившая название "Кружок русских масонов в Англии". Кружок, как ни странно, не только не делал тайны из своего существования, но открыто стремился привлечь новых членов. В 1928 г. в Лондоне Кружок выпустил брошюру "Заметки о масонстве". Масонство представлено в книге как моральное учение и в подтверждение его благих намерений подчеркнуты связи английского масонства с англиканской церковью и королевской семьей. Целью брошюры являлось привлечение эмигрантов, особенно молодежи в "Кружок". Авторы обращались к читателям: "Для чего нам в эмиграции поступать в масоны? Элемент моральный ясен. Один из принципов масонства это благожелательное отношение к людям вообще, а к братьям в особенности. Этого отношения особенно не хватает нам, лишенным родины и разрозненным политическими ссорами эмигрантам. Мы также лишились и тех устоев, к которым мы привыкли, принадлежа к разным корпорациям на родине, будь то полк, учебное заведение, профессия. Вступление в Братство даст нам возможность найти ту моральную братскую поддержку и братское расположение друг к другу, которые теперь, в тяжелые времена необходимы более, чем когда-либо, и все это в Братстве, принципами вековой мудрости коего являются: вера в Бога, верность своему Монарху, братская любовь, взаимная помощь и правда"¹⁵.

Русский Национальный комитет

Русский Национальный комитет (Russian National Committee) был основан в 1919 г. с целью объединения антибольшевистских сил. В состав комитета входили

представители разных партий, которые отстаивали идею великой и неделимой России. На заседаниях комитета устраивались лекции, например ротмистр Карамзин сделал доклад на тему: "Христианство и социализм". Члены Комитета не видели никакого реального правительства, способного восстановить Россию, тем не менее продолжали верить в ее возрождение. Комитет находился в Лондоне в районе, где располагались дипломатические представительства (18 Queen's Gate Place), а это значит, что он создавался на основе посольства и правительственных организаций. Комитет упоминается в журнале "The Russian Outlook" за 17 мая и 5 июля 1919 г.

Союз Народопрравства. Союз Городов и Земств (Земгор)

Союз Русского Народопрравства (The Union "Russian Commonwealth") находился в том же районе, что и Русский Правительственный комитет (4&5 Warwick Court, Holborn, позднее: Sardinia House, Kingsway). Союз изложил свои убеждения в журнале "Русский" (№ 1, 15 октября 1918 г.), где сказано, что эта организация "отвергает большевистский режим и стремится к сближению между британской и российской демократией". Председателем Союза был проф. С.П.Тюрин, товарищем председателя И.В.Шкловский, он же возглавлял литературную секцию. Бюро информации заведовал другой опытный журналист — С.А.Поляков-Литовцев. Среди членов Союза были С.И.Гаврилов, А.М.Кругляков, Е.И.Зунделевич и другие.

После революции продолжал свою деятельность существовавший в Англии со времен Первой мировой войны русский Земгор или Всероссийский Земский и городской союз (Russian Union of Zemstvos and Towns), располагавшийся в Лондоне по адресу 84-86, Chancery Lane. Председателем Главного комитета Земгора был Н.В.Макеев. Представителем союза в других организациях являлся С.П.Тюрин. С 12 по 23 августа 1919 г. лондонский Земгор проводил в Англии конференцию, главной задачей которой было убедить англичан продолжать борьбу в Архангельске. К этому времени британское правительство решило вывести войска из северных регионов России и эвакуировать русских, желавших уехать. Русские делегаты конференции объясняли англичанам, что эвакуироваться на британских судах смогут только обеспеченные представители буржуазии, составляющие два процента населения, а остальным угрожает вступление Красной армии со всеми последствиями. "Обращение в связи с эвакуацией из Архангельска" было опубликовано в приложении к Бюллетеню Комитета Освобождения России за 20 сентября 1919 г. за подписью П.Мамонтова (№ 31, Supplement). Одним из важных мероприятий Земгора была трудовая перепись русских беженцев в Англии в 1920 г.

Русский Красный Крест. Благотворительные и другие организации

Русский Красный Крест в Великобритании (The Russian Red Cross), так же как и Земгор, появился в годы войны и был зарегистрирован как благотворительная организация в 1916 г. под патронажем королевы Александры. Возглавлял организацию В.Муравьев-Апостол, в работе фонда принимали участие Дж.Бьюкенен, Д.Ллойд Джордж, К.Д.Набоков, С.Д.Сазонов, Н.В.Чайковский, А.В.Тыркова, П.Н.Милюков, И.В.Шкловский, П.Н.Игнатьев. Работу Красного Креста освещала газета "The Russian Outlook".

Лондонский Российский Общественный Комитет помощи голодающим России (Russian Public Committee for Famine Relief) был основан в августе 1921 г. и просуществовал до октября 1922 г. Размещался он на Холборне (Hazlitt House, Southampton Buildings, Holborn). На учредительном собрании 11 августа присутствовало 52 человека. Секретарем фонда был избран В.Ф.Брейтвейт, в правление комитета вошли Х.В.Автономов (председатель совета Московского Народного банка в Лондоне), П.А.Барк (до революции министр финансов России), М.В.Брайкевич (член комитета Русского Торгово-промышленного союза), П.А.Бурышкин, П.Г.Виноградов, Я.О.Гавронский, Д.А.Зиновьев, П.Н.Игнатьев, о. Иоанн Лелюхин, В.И.Исаев, И.В.Шкловский, С.П.Тюрин, Ф.И.Шмелев. Комитет насчитывал 98 членов, среди них А.М.Ону, Н.В.Чайковский, А.В.Байкалов, Т.П.Карсавина, Д.Д.Гарднер, А.Ф.Мейендорф, С.И.Раппопорт, Д.В.Соскис, П.Б.Струве, Б.В.Теллепнев, А.В.Тыркова, А.Н.Чмутин, Н.В.Макеев¹⁶. Была выпущена листовка с текстом: "Как ни скромен бюджет большинства из русских, живущих за границей, все же, если память о голодающих будет непрестанно жить в нашем уме, для многих и многих окажется возможным и регулярное отчисление и единовременные взносы за счет отказа от расходов на удовлетворение потребностей, ничтожных по сравнению с голодом, грозящим смертью..."¹⁷

В первые годы эмиграции было основано несколько других организаций, помогавших русским беженцам: Общество помощи русским беженцам в Англии, в организации которого сыграл важную роль полковник Д.А.Зиновьев и которое продолжает существовать в наши дни; Комитет трудовой помощи русским беженцам под председательством Г.Г.Лерхе; Комитет Общества помощи русским беженцам на Балканах под председательством А.В.Тырковой, которая на себе испытала трудности беженства и чудом нашла на Балканах свою дочь.

В первые годы после революции в Англии действовали и другие русские организации: Общество русских офицеров в Великобритании и Союз русских военных, Общество русских врачей в Англии, элитарный Англо-русский спортивный клуб. Продолжали функционировать коммерческие и торговые учреждения, такие как Русско-Британская Торговая палата (Russo-British Chamber of Commerce), Русский Торгово-промышленный союз, Центросоюз, Закупсбыт. В Лондоне было несколько русских банков: Московский Народный банк, Русский Торгово-промышленный банк, Русско-Азиатский банк. Во всех этих учреждениях руководящие должности занимали россияне, немало их было и в штате сотрудников.

Республиканско-демократическое объединение

В феврале 1920 г. кадеты во главе с П.Н.Милюковым задумали создать объединение русских общественных организаций в Лондоне. Задачей объединения была разработка вопросов восстановления России и подготовки людей, способных в будущем принести родине свои знания. Подобная работа требовала объединения всех сил эмиграции. На одном из предварительных заседаний, состоявшемся 19 февраля, была особо подчеркнута необходимость противостояния различным влияниям на эмиграцию: "Враждебные демократии течения — большевиков и монархистов — с большой настойчивостью пытаются завоевать себе позиции в

среде эмиграции" ¹⁸. В противовес этим влияниям и было решено создать единую республиканско-демократическую организацию. На заседании председательствовал П.Н.Милуков, он же представлял Комитет Освобождения России. А.С.Ачкасов и А.С.Остроградский представляли Русский кружок в Лондоне, Ф.А.Иванов и В.П.Литвинов-Фалинский — Совет представителей Русской Промышленности и торговли в Лондоне; Д.Д.Гарднер и В.И.Исаев — Русско-Британское братство, барон Рауш — Российское Общество Красного Креста, К.Г.Гудим-Левкович — Русский Национальный комитет, С.П.Тюрин — Союз Городов и Земств, И.И.Зунделевич — Союз Народопрямства. Республиканско-демократическое объединение было учреждено, но долго в Англии не просуществовало, распавшись из-за постоянно возникавших разногласий по политическим вопросам. В 1924 г. оно возобновило свою деятельность во Франции.

Русская Академическая группа

Русская Академическая группа в Великобритании (The Russian Academic Group in Great Britain) была одной из первых в ряду академических групп, основанных во всех крупных центрах русской эмиграции. В Лондоне она располагалась в разное время по нескольким адресам: первый совпадает с адресом русского консульства, второй — с адресом Комитета Освобождения России, третий представляет собственное помещение группы в районе консульств: 27, Cromwell Road. В создании группы, по всей видимости, принимал участие М.И.Ростовцев, который в годы своего пребывания в Англии в 1918-1920 гг. планировал через посредство Русско-Британского Братства создать Русский институт по образцу того, что существовал в Париже ¹⁹. Об учредительном собрании группы, состоявшемся в Лондоне, сообщала газета "Русское воскресенье" от 30 января 1921 г. В "Уставе" Русской Академической группы обозначены такие цели как "объединение русских научных работников, нашедших себе убежище в Великобритании, организация научно-учебного труда, связь с научными кругами Великобритании и с русскими академическими группами в других странах, материальное содействие научной работе, организация докладов и сообщений" ²⁰.

Председателем группы был избран В.Г.Коренчевский — доктор медицины, эмигрировавший в Англию после революции, сотрудник Листеровского института ²¹. В президиум были избраны В.И.Исаев, А.М.Ону, Ю.А.Павловский. Действительными членами группы в последующие годы были избраны полковник Н.Т.Беляев ²², И.В.Шкловский и другие. Группа существовала на членские взносы, субсидии и пожертвования. Члены группы избирались общим собранием закрытой баллотировкой. Правление занималось учетом всех русских научных работников в Великобритании. В.Г.Коренчевский выступал с отчетными докладами о деятельности группы на съездах русских ученых в Праге, что отмечалось в научной периодике. Деятельность лондонской Академической группы была замечена в России: о ней сообщали "Вестник литературы" и "Летопись Дома Литераторов" за 1921-22 гг. "Вестник литературы" писал: "При посредстве Академической группы в Лондоне образован Комитет английских ученых, задачей которого является оказание содействия русским ученым в продолжении их научной работы и также оказания им материальной поддержки". В заметке сказано также, что Академи-

ческая группа в Великобритании способствовала организации подобных групп в других государствах ²³. Важным культурным делом группы было проведение Дня Русской Культуры, который по времени был приурочен к дню рождения А.С.Пушкина. Во время празднования члены группы читали лекции о русской литературе и искусстве, декламировали стихи русских поэтов. Во время концертов участники праздника исполняли романсы и арии из русских опер. Дни Русской Культуры в Англии освещались в прессе эмиграции, в частности в парижской газете "Возрождение".

Русская Академическая группа, как и Русско-Британское братство, занималась проблемами образования молодежи. С помощью Дж.Бьюкенена было получено разрешение дать в Англии университетское образование детям русских политических, общественных деятелей и деятелей культуры, "работавших в направлении, благоприятном Англии и Союзу" ²⁴. Важную роль в распределении детей этих лиц по школам и университетам сыграл Б.Пэрс, в архиве которого хранятся списки претендентов на получение образования в Великобритании. Среди них сыновья А.Ф.Керенского, дочь П.Н.Милюкова, сыновья В.Д.Набокова, дочь А.И.Гучкова (будущая Вера Трэйл), сыновья П.Б.Струве, сын А.И.Коновалова, внуки Н.А.Хомякова, сыновья В.Н.Бобринского, сын академика Н.Я.Марра, сыновья К.И.Чуковского ²⁵. Некоторые русские студенты обучались на деньги своих родителей или русских благотворительных организаций, другим помогли поступить в университет занимавшиеся благотворительностью англичане. В Англии существовал Союз студентов. Две научные организации, занимавшиеся русской экономикой, конкурировали между собой в Англии: Русское экономическое общество в Лондоне и Русское экономическое бюро в Бирмингеме ²⁶.

Комитет Освобождения России и его издания

М.И.Ростовцеву, П.Н.Милюкову и А.В.Тырковой принадлежит инициатива создания в Лондоне самой мощной общественно-политической русской организации в Британии — Комитета Освобождения России (Russian Liberation Committee). Комитет начал свою деятельность в феврале 1919 г., его создатели ставили своей целью осведомлять общественное мнение Англии об истинном положении России. Деятельность Комитета Освобождения финансировал русский предприниматель Н.Х.Денисов, Комитет получал поддержку от Омского правительства адмирала Колчака. Комитет располагался в самом сердце английской журналистики — на Флит-Стрит (173, Fleet Street). По своему уставу Комитет состоял из центральной группы, включавшей девять человек, и привлекаемых к работе сотрудников. В состав центральной группы входили: председатель — профессор М.И.Ростовцев; товарищ председателя — И.В. Шкловский; секретарь — А.В.Тыркова; членами Комитета являлись Г.В.Вильямс, Д.Д.Гарднер, Н.Х.Денисов, С.В.Денисова, П.Н.Милюков, П.Б.Струве, Дж.Ф.Крукстон. В составе привлекаемых сотрудников среди других значились В.И.Исаев, В.Д.Набоков, С.А.Поляков-Литовцев, А.В.Руманов. Деятельность Комитета поддерживали англичане Дж.Бьюкенен, Альфред Нокс, С.Хор, Р.В.Ситон-Уотсон, Б.Пэрс.

Поводом для создания Комитета Освобождения послужило выдвинутое Д.Ллойд Джорджем предложение собрать воюющих между собой русских на Принкипо для

примирения. Комитет был учрежден в виде протеста против этого предложения. В программных заявлениях Комитета Освобождения указывалось, что он не преследует никаких партийных целей. На обложке "Бюллетеней" отпечатаны лозунги: "Непримиримая борьба против большевиков" и "Создание единой свободной России". Эти цели, считали идеологи Комитета, одинаковы у него с целями всех русских политических партий, за исключением крайних левых и крайних правых, большевиков и сторонников самодержавия. Главной задачей Комитета была деятельность в поддержку Белого движения в России. Комитет брал на себя задачу собирать и передавать в Россию сведения для координации действий между Белыми армиями. Комитет установил связь с руководящими центрами русского освобождения: Омском, Екатеринодаром, Гельсингфорсом и ежедневно сообщал всем английским газетам полученные по телеграфу сведения из разных областей России. Эти сведения периодически публиковались в еженедельных "Бюллетенях", предназначенных для членов Парламента. За три года работы Комитетом было выпущено более пятидесяти "Бюллетеней", в которых подробно, на основе документальных источников, прессы и свидетельств очевидцев, освещались события в России. В номере за 22 июля 1919 г. рассказывалось о том, что большевики издали декрет, запрещающий публикацию некоторых произведений литературы. В черном списке оказались произведения Карамзина, Грибоедова, Островского, Чехова, Крылова, "Бесы" и "Братья Карамазовы" Достоевского.

В приложении к "Бюллетеню" № 27 за 25 августа 1919 г. сообщалось о собрании русской колонии в Лондоне, организованном Комитетом Освобождения совместно с Союзом Народоуправства. На этом собрании председательствовал патриарх русского социализма Н.В.Чайковский, глава Временного Архангельского правительства. Он открыл заседание выражением протеста против искажений фактов о большевизме определенной частью британского общества. Он рассказал о том, как при большевиках живут граждане России, о том что по стране нельзя передвигаться без специального разрешения, квартиры и мебель национализированы, вскрывается вся корреспонденция, дети пишут доносы о политических взглядах своих родителей. Население погибает от голода, тем временем жены большевиков приобретают по устойчивым ценам меха, национализированные в пользу армии²⁷. Выступивший затем социал-демократ, бывший большевик Г.А.Алексинский, член Второй Думы, недавно бежавший из России, от имени социалистов обвинил большевиков в издевательствах над идеей социализма. Алексинский, как сказано в публикации, был первым, кто вскрыл германские связи большевиков.

В бюллетенях рассказывалось о положении писателей и ученых в России, о гибели деятелей культуры от голода. В номере за 13 сентября 1919 г. в заметке "Как большевики обращаются с представителями литературы" приводились факты из письма, полученного профессором М.И.Ростовцевым от бывшего редактора социалистического журнала. В письме рассказывалось о том, как автора с семьей выгнали из его квартиры и поселили в подвале, сообщалось о смерти профессора Ю.А.Веселовского и профессора А.Ф.Фортунатова, о бегстве самого автора и других известных людей из "социалистического рая". По контрасту сообщалось о "золотом урожае" у поэта Маяковского и художника Татлина²⁸.

В номере за 24 января 1920 г. была помещена заметка А.И.Куприна, недавнего бежавшего из России, под названием "Рабочие против большевиков".

В июне 1919 г. Комитет Освобождения предпринял издание газеты "Рассвет" для распространения в северных районах России, куда она могла бы доходить на 10-й — 20-й день. В передовой статье в первом номере газеты редакция писала: "Мы не случайно назвали нашу газету "Рассветом". Мы начинаем издавать ее в такое время, когда черная ночь, повисшая над нашей несчастной родиной, можно надеяться, уже миновала. Не только видны в наши дни первые отблески занимающей зари русского освобождения и возрождения, но больше того: мы уже присутствуем при рассвете"²⁹. Вышло три номера газеты, в которых, помимо прочего, подробно освещалась деятельность Комитета Освобождения. Однако из-за трудностей с транспортировкой издание вскоре прекратилось.

Комитетом Освобождения было издано около полутора десятков популярных брошюр по русским вопросам на английском языке, среди них: воззвание Леонида Андреева "SOS" с предисловием П.Н.Милюкова; очерк П.Н.Милюкова "Россия и Англия"; эссе Гарольда Вильямса "Дух Русской революции"; очерк И.В.Шкловского "Россия под большевиками"; исследование бывшего профессора Московской военной академии Б.В.Геруа "Боевые силы Ленина: почему Советская Россия обречена на поражение"; памфлет М.И.Ростовцева "Пролетарская культура", направленный против деятельности А.В.Луначарского. Среди этих публицистических работ появилась полуфантастическая-полудокументальная зарисовка Джона Курноса "Лондон под большевиками". В этой сатирической картинке автор — американец русско-еврейского происхождения — перенес на улицы Лондона то, что он увидел в России в первые годы советской власти.

А.В.Тыркова выпустила в серии брошюр Комитета Освобождения экономическое исследование "Почему Советская Россия голодает" ("Why Soviet Russia is Starving". — London, 1919). Главную причину голода в Советской России она видела в преднамеренном разрушении российской экономической системы новыми хозяевами страны. Всего за два года страна, снабжавшая излишками своей сельскохозяйственной продукции Европу и Америку, утратила способность накормить собственное население. Напрашивался вывод, что в этом была злая воля нового правительства, желание любыми средствами, в том числе голодом, подавить возможное сопротивление своему режиму. На возражения сторонников большевизма о том, что в России была завоевана свобода для народа, А.В.Тыркова в этой брошюре отвечала: "Если большинство населения низведено на положение животных, вынужденных все свои силы тратить на добывание пищи — о какой политической свободе и демократии может идти речь?"

Помимо "Бюллетеней", главным периодическим печатным органом Комитета Освобождения России был еженедельник "The New Russia" ("Новая Россия"), выходивший с 1919 г. под редакцией В.Д.Набокова и П.Н.Милюкова. В журнале публиковались последние сведения о событиях в России по свидетельствам очевидцев, по материалам советской прессы, а также по той информации, которую удавалось получить по телеграфу с территорий, не занятых большевиками. В "Новой России" П.Н.Милюков писал передовые и выступал с публицистическими статьями о русской культуре, например "Лев Толстой и русский народ". В журнале

публиковались статьи К.Д. и В.Д.Набоковых, М.И.Ростовцева, А.В.Тырковой. В статье "Жалость", опубликованной в первом номере этого журнала, вышедшем 5 февраля 1920 г., К.Д.Набоков проанализировал восприятие англичанами террора и голода в России. Он писал: "Англичанину жалко сбитую автомобилем собаку, потому что это произошло на его глазах, но не жаль тысяч гибнущих в России людей, так как они далеко" ³⁰.

В том же номере опубликована статья М.И.Ростовцева "Поклонение успеху", в которой автор анализирует резкую перемену в настроениях британского правительства в отношении России после поражения армий Колчака и Деникина. В преамбуле к статье отмечено, что автор — почетный доктор Оксфордского университета и член-корреспондент Британской Академии. Помимо публицистической убедительности, статья М.И.Ростовцева отличается историко-философской глубиной, так как автор проводит параллели между современностью и древней историей. Союзники решили, пишет Ростовцев, что поддерживать надо тех, кто победил, кто сильнее, то есть большевиков. "Почему же они раньше хотели, чтобы Россия воевала с Германией до победы?" — спрашивает он. Приводя примеры из всемирной истории, он доказывает главный нравственный принцип международных отношений: "Здравая" политика нигде и никогда не должна следовать за успехом. Успех проходит. Мудрый политик спрашивает, на чьей стороне правда, а не на чьей стороне удача, и сила для него никогда не означает правду" ³¹.

События в России самым непосредственным образом отражались на судьбах русских эмигрантов в Англии. Пока у беженцев еще оставалась надежда на армию генерала Врангеля, они держались сплоченно. Когда же стало ясно, что и этим надеждам не суждено сбыться, многие эмигранты начали менять свое отношение к ходу российской истории и искать своего места в европейской жизни. После поражения Врангеля П.Н.Милюков заявил, что новая ситуация требует перемены прежних позиций. Он отказался подписать сочувственную телеграмму, отправленную Врангелю членами Комитета и снял с себя обязанности редактора журнала "Новая Россия". После ухода главы кадетов А.В.Тыркова не сдала своих позиций. Она отправилась в Париж и убедила Совет Послов дать деньги на новый журнал Комитета, который она взялась вести.

Ежемесячник "Russian Life" ("Русская жизнь") начал выходить в Лондоне в 1920 г. сразу после закрытия "Новой России", так что у читателей могло возникнуть впечатление, что журнал просто сменил название. Многие статьи ежемесячника не подписаны, но даже в английском переводе в них легко узнать публицистический стиль А.В.Тырковой. Журнал продолжал публиковать материалы об экономическом и хозяйственном положении в России: о красном терроре, тюрьмах, голоде и разрухе, развале транспортной системы, о бытовых условиях жизни, положении женщин и детей. Первый номер журнала открывается редакционной статьей "К нашим читателям", которая перекликается с книгой А.В.Тырковой "От свободы к Брест-Литовску" и брошюрой "Почему Россия голодает". Автор статьи призывает оказать помощь России, напоминая, что в экономике, политике и культуре все народы взаимно связаны, что уход России с мирового рынка отзовется на экономике всех стран мира. Помощь России означала для сотрудников журнала освобождение страны от большевиков. "Мы считаем, — говорится в заключение статьи, —

что необходимо сохранить связь между Россией и Британией, установившуюся во время союзных действий в Великой войне. Даже сегодня, несмотря на большие разочарования, мы верим в возрождение дружбы между Великобританией и Россией, освобожденной от большевизма. Лозунги Комитета: "Никаких компромиссов с большевизмом", "Россия единая и свободная" ³².

Относительно экономического развития Советской России на ближайшие годы А.В.Тыркова сделала предсказание в помещенной в этом же номере журнала статье под названием "Уроки прошлого". "В России сейчас темные времена, — писала она, — но ее ждут времена еще худшие. В результате варварского обращения с землей последующие годы тоже будут голодными". Веским доказательством в пользу того, что голод в России не был пропагандистским измышлением эмигрантов, явился опубликованный вслед за этой статьей призыв о помощи, с которым к Западу обратились одновременно, но независимо друг от друга, патриарх Тихон и М.Горький. В предисловии к публикации подчеркивается, что с призывом о помощи России выступили люди, находящиеся по разные стороны баррикад: преследуемый большевиками патриарх русской церкви, с одной стороны, и признанный большевиками писатель, с другой. О М.Горьком сказано: "Чуждый русских религиозных и национальных традиций, которые воплощены в личности Патриарха, Горький поддерживает большевиков и они в благодарность поддерживают его. Он один из немногих значительных русских писателей, кто не голодает при большевиках. Оценить эту привилегию могут только те, кто испытал унижения голода, как испытали их многие, менее ловкие русские писатели" ³³.

Телеграмма, с которой московский патриарх обращался к епископу Нью-Йорка, была отправлена в Лондон редактору газеты "Nation" Хатбергу Райту и опубликована им. "Голод губит людей и губит культуру", — писал патриарх Тихон, и просил незамедлительно, отложив все дела, отправить в Россию хлеб и лекарства. Такое же обращение патриарх направил Архиепископу Кентерберийскому для передачи его английскому народу. О помощи хлебом и лекарствами просил и Горький, в телеграмме к Хатбергу Райту обращаясь к народам Европы и Америки ³⁴. В продолжение этой темы в журнале сообщалось о том, что в Москве в июле был организован Комитет помощи голодающим, для работы в котором правительство пригласило политиков и писателей, находившихся в тюремном заключении: одного из министров Временного правительства старого кадета Н.М.Кишкина, С.Н.Прокоповича, Е.Д.Кускову, издателя М.В.Сабашникова, графиню А.А.Толстую. Сведения из советской прессы, помещавшиеся в журнале, также не оставляли сомнений в том, что голод в России принял катастрофические размеры.

В своей журналистской работе А.В.Тыркова следовала принципу: факты более красноречивы, чем рассуждения. За политической борьбой она стремилась показать человеческие жизни, приносимые в жертву политическим амбициям и социальным утопиям. Она приводила в своем журнале статистические данные о голоде, росте смертности населения, о жертвах репрессий, о положении женщин и детей. Многие сведения она получала из периодики, выходившей на территории России, а также через Сибирское правительство адмирала Колчака. На обложке журнала приводились данные из дореволюционной статистики, в частности об экспорте зерна и других продуктов из России в Америку.

В журнале А.В.Тырковой была постоянная рубрика, посвященная положению писателей, артистов, художников и ученых, оставшихся в России. На эти темы в "Русской жизни" писали М.И.Ростовцев, К.Д.Набоков, И.В.Шкловский. В журнале опубликованы сведения о запрещении на издание некоммунистической прессы с комментарием: "Социалистическое правительство оказалось менее терпимым к свободе слова, чем правительство царя". Во втором номере журнала, за сентябрь-октябрь 1921 г., была напечатана заметка о репрессиях в Петрограде: сообщалось о том, что 24 августа Чрезвычайной Комиссией было совершено убийство 61 человека по обвинению в покушении на Зиновьева и М.Горького. Среди убитых — профессор гласиолог В.Н.Таганцев с женой; проф. Н.И.Лазаревский, разрабатывавший план конституции на случай контрреволюции, скульптор С.Ухтомский. Автор заметки, по всей видимости, А.В.Тыркова, заключала статью словами: "Европа молчит. Но британцы, которые всегда поднимали голос в защиту свободы, — разве они не испытывают чувства естественного и праведного возмущения? <...> Тогда в чем же причина их нынешней терпимости? Откуда эта двойная мораль?" ³⁵

Во этом же номере журнала появились одни из первых в английской прессе сообщения о смерти А.Блока. А.В.Тыркова была лично знакома с Блоком и сама взялась за статью о нем. Ее замечание о поэме "Двенадцать" в статье "In Memoriam" свидетельствует о независимости ее суждений: "Многие друзья, — писала она, — отвернулись от Блока, приняв его поэму за гимн большевизму. Но это было слишком упрощенное толкование сложного мистического произведения". Она писала о его мировосприятии: "Блок не разделял религии радости. Бесконечность Вселенной, которую он постоянно ощущал, была для него лишь холодной и безжалостной нирваной". "...Многие женщины дали ему преходящую иллюзию счастья. Но всякий раз он знал: "Нет, это не Она". А.В.Тыркова подчеркивала, что Блок умер от голода и истощения сил, но не принял для себя никаких привилегий, которые он мог получить от большевиков ³⁶.

В сентябрьском номере журнала опубликовано одно из первых в английской периодике сообщений об убийстве Н.Гумилева. Заметка о Гумилеве подписана Леонидом Чацким. Литературный критик и поэт, он знал Гумилева с 1916 г. и считал его убежденным монархистом. Было большой смелостью, пишет автор, печатать при большевиках поэму, упоминая "портрет своего Императора" ³⁷. Л.Чацкий пишет, что Гумилев говорил о большевиках с иронией, но без ненависти, что он не был ни жестоким, ни злобным, но гордым и сильным духом. Автор этой заметки Леонид Иванович Страховский, писавший под псевдонимом "Л.Чацкий", был сыном Вятского губернатора, расстрелянного по "Таганцевскому делу". Во время гражданской войны он служил офицером связи при союзниках в Архангельске и уехал с англичанами в Британию. Он хорошо знал европейские языки, но не терял связей и с русской литературной эмиграцией. В Берлине он печатал стихи и рассказы, организовал литературный кружок "Братство Круглого Стола" (одним из членов-учредителей кружка был В.В.Набоков). Позднее Страховский окончил католический университет в Лувене, там же стал профессором русской истории, затем переехал в Америку ³⁸.

За статьей о Гумилеве в журнале "Русская жизнь" следовало сообщение о самоубийстве Анастасии Чеботаревской, рассказывалось о том, как ее муж Ф.Со-

логуб просил у властей разрешения выехать из страны и как ему было в этом отказано. Автор заметки о Чеботаревской подчеркивал, что она тоже была жертвой режима, превратившего Россию в тюрьму, а писателей — в бессловесных заключенных. На обложке журнала печатались списки профессоров, расстрелянных коммунистами. В номере помещены контрастные "Картинки советской жизни" по письмам из Москвы, опубликованным в эмигрантской периодике: "Лавочки растут как грибы после дождя. Арбат ярко освещен. Все заняты кустарным производством. Зарабатывают миллионы, но их не хватает на жизнь. На витринах — изобилие товаров, но люди могут только рассматривать их". В журнале помещались сведения о международной помощи голодающим России. Не всегда эти сведения были к чести благотворителей: так в одном из номеров описана поставка негодных к употреблению банок с кукурузой. О помощи беженцам в Константинополе в журнале писал член английского парламента С.Хор.

В "Русской жизни" А.В.Тыркова публиковала сведения о культурной катастрофе в Советской России, об изгнании интеллигенции. Она писала: "Сотни тысяч образованных людей бежали от рабства, если не от гибели. Жизнь этих эмигрантов, представляющих собой мозг русской нации, — это нескончаемая пытка. Энергия интеллигенции пропадает в изгнании. Бесчисленные врачи, медсестры, инженеры и мастера не могут найти себе дела в турецких и африканских лагерях для беженцев, в деревнях Болгарии и Югославии. Тогда как они могли бы посвятить силы борьбе с голодом и эпидемиями" ³⁹. Почти в каждом номере журнала есть материалы о рассеянии остатков Белых армий, о положении беженцев в местах их поселения: в Константинополе, Галлиполи, в Балканских странах, в Болгарии, в Праге. Специальные статьи журнала освещали культурную жизнь в эмиграции: в четвертом номере, за ноябрь 1921 г., опубликована статья о русской науке в изгнании и впечатления профессора В.И.Исаева о конференции Академических групп в Праге.

Журнал внес свой посильный вклад в развитие на английской почве традиций русской политической и литературной мысли. В четвертом номере журнала за ноябрь 1921 г. опубликована статья П.Б.Струве "Ф.М.Достоевский", написанная к столетию со дня рождения писателя. Автор критически оценивает в этой статье монографию М.Марри о Достоевском (Middleton Murry. *Fedor Dostoevsky: A Critical Study*. L. 1916). П.Б.Струве пишет, что герои Достоевского — Раскольников, все братья Карамазовы и их отец — это сам Достоевский. Он не соглашается с мнением В.В.Розанова, что лучший роман писателя "Преступление и наказание", он считает, что вершина его творчества — "Братья Карамазовы". В пятом номере "Русской жизни" за январь 1922 г. опубликована статья Д.Мирского о евразийстве: "Два аспекта революционного национализма"; статья М.И.Ростовцева "Русское искусство и большевики"; статья Дионео о В.Г.Короленко. В следующем номере появилась еще одна статья Д.Мирского о евразийстве под названием "Исход к Востоку" с изложением основных идей движения. В журнале изредка публиковались очерки и рассказы, например рассказ Ивана Лукаша "Мальчик на садовой скамейке" о русских детях в Константинополе ⁴⁰.

К изданиям Комитета Освобождения России по своей политической направленности близки некоторые самостоятельные англо-русские журналы 1920-х — 1930-х гг., выходившие в Великобритании. Один из них — еженедельник *"The Russian"* выходил с октября 1918 по август 1919 г. под редакцией Э.С.Любова. Издание было зарегистрировано как газета, на обложке значится, что это "еженедельный журнал, посвященный русским делам". По своему формату и объему — 20 страниц — издание больше напоминает журнал. Редакция находилась на Холборне, в центре Лондона. Среди его авторов И.В.Шкловский (Дионео), Б.Телепнев, В.Бурцев, Г.Вильямс, Н.Снесарев, А.Н.Марьясин, Е.А.Грабовский. Редактор Э.С.Любов был представителем прессы в русских правительственных организациях в Лондоне. Он был автором книги *"Сибирь — восточное Эльдorado"* (E.S.Luboff. *Siberia the Eastern El Dorado*), печатался в нескольких англо-русских газетах. Цель издания журнала *"Русский"* редактор видел в "преодолении оторванности от России русских граждан, живущих в Англии". Для этого, считал он, русским в Англии необходимо было дать верную информацию о положении в России. Голод и хозяйственная разруха, передвижения Красной армии, состояние культуры — составляют основную тематику журнала. О большевизме авторы пишут как о режиме, не представляющем воли народа, осуществляющем насилие над крестьянством. В журнале не только раскрывается сущность большевизма, но подвергается критике и британский социализм, осуждаются английские издатели трудов Ленина и поддержка англичанами власти русских коммунистов. Английский корреспондент Артур Рэнсом упоминается в журнале с определением "велеглаголющий защитник большевиков". В первом номере журнала помещена статья Дионео "Гемифефал", о тех англичанах, нередко принадлежащих к высшим кругам аристократии, которые защищают новых правителей России. Автор верит в неизбежную гибель "политического уroda, который еще принесет много бед за время своего существования" ⁴¹.

Среди русских организаций в Англии редакции журнала наиболее близки были Союз Народопрavства и Комитет Освобождения России, о деятельности которых журнал освещал своих читателей. Для напоминания о той России, которую эмигранты потеряли, в журнале приводились статьи по истории русской промышленности и экономики: среди них статья британца В.Каррика "Эволюция русской кооперации", статьи Б.Телепнева о текстильной и шерстяной промышленности. В журнале перепечатывались статьи Вл.Бурцева из парижского *"Общего дела"*.

Особый интерес представляет пятый номер журнала, за 12 ноября 1918 г., в котором перепечатан рассказ М.Горького "Лампочка". В примечании к публикации говорится: "Этот бытовой рассказ был помещен в *"Известиях"* с комментариями и руганью по адресу Горького. Перепечатываем рассказ, оставляя в стороне советскую критику". Здесь же приводятся цитаты из статей М.Горького о России, опубликованных в апреле 1917 г. и составивших цикл "Несвоевременных мыслей". На следующей странице помещено изложение английского доклада Гарольда Вильямса "Свобода России и как ее достичь", прочитанного на собрании Британско-Русского клуба 24 октября 1918 г. И здесь же обращение редакции к англичанам: "Спасите интеллигенцию". Авторы обращения писали, что единственный путь спасти русскую культуру и ее представителей — ускорить интервенцию. В седьмом

номере опубликована статья "Москва под большевиками", автор которой Georges Lignes, секретарь Локкарта, писал о нравах советских правителей, о том, как обесценилась в России человеческая жизнь.

В журнале "Русский" помещались публикации очеркового характера об Англии и англичанах. К этому жанру относятся очерки Б.Телепнева "Лондон во время войны. I. Стрэнд" и "Лондон во время войны. II. Ватерлоо" в первом и четвертом номерах журнала. В шестом номере, за 19 ноября 1918 г., помещена статья Марка Зиева "В чем заключается мощь Англии?", в которой автор анализирует "простые добродетели" англичан, такие как выдержка и уверенность в себе, терпение, умение переносить невзгоды, склонность к порядку и постоянству, любовь к домашнему очагу. Хотя все это и кажется скучно, пишет автор, но эти качества закаляют волю и энергию англичанина, обеспечивают здоровую частную и общественную жизнь. "Жизнь англичанина проникнута спокойным сознанием своей важности в этом мире". О себе автор сообщает, что живет в Англии 15 лет. Второй его очерк на ту же тему "Семейное воспитание в Англии" был опубликован в № 22 за 11 марта 1919 г. Автор в нем не только объясняет своим соотечественникам природу английского характера, но и призывает их следовать английскому образцу в воспитании нового поколения. В том же номере вышел очерк Н.Снесарева "Веселая Англия. Томми", об английских солдатах и о рабочем классе, а в следующих номерах — продолжение: "Веселая Англия. II. Шесть добрых товарищей. (Из Диккенса и из современной жизни)" и "Веселая Англия. III. Мистрис Свини и Ко (О прачечных Лондона). Из Диккенса". Автор, возможно, был жителем Эбердина, так как этот город указан как место написания очерков.

В номере от 25 марта 1919 г. журнала "Русский" помещена статья Б.В.Иванова "Уныние", обращенная к русской колонии. Автор пишет: "В маленькой русской церкви на Walbeck Street молятся о том, чтобы избежать "духа праздности, уныния, любоначалия и празднословия". Эта молитва — для русских в Лондоне, страдающих всеми этими недугами. Уныние из них — самый опасный". В это время эмигранты начали терять надежду, что большевизм рухнет в ближайшее время. Представители большевиков продемонстрировали свою силу не только в России, но и в Англии. Литвинова и Чичерина автор называет "мелкими, серенькими бесами Достоевского".

Рубрика "В русской колонии" оформилась в английской части журнала: в ней публиковались сведения о русской культурной и научной жизни, деятельности организаций и отдельных лиц в Англии. В статьях этой рубрики отражено стремление русских сохранить интеллектуальную культуру России за ее пределами. В номере за 3 июля 1919 г. опубликована статья "Спасите наши Души", в которой излагается выступление Милокова о позициях М.Горького и Л.Андреева по отношению к новой российской власти. Корреспондент отмечает, что Л.Андреев известен в Англии как автор "Иуды Искарота". В журнале сообщалось о выходе новых книг, таких как например брошюра А.В.Тырковой "Почему Россия голодает", помещались рецензии на новые издания, в частности обзор профессора Ленидаева "Книги о России". Под рубрикой "Искусство и литература" сообщалось о постановках А.Толстого на английской сцене ("Живой труп"), повторной постановке оперы Бородина "Князь Игорь" в Ковент-Гардене на английском языке, о выступлениях

Карсавиной в театрах Англии, о сезоне Дягилева в лондонском театре "Альгамбра" в июле 1919 г., о Мясине и Лопуховой.

С 10 мая 1919 г. до 18 сентября 1920 г. в Лондоне выходил еженедельник "The Russian Outlook" ("Русский кругозор"), посвященный русским и русско-британским делам⁴². Редактировал его англичанин Стаффорд С.Тальбот (Stafford S.Talbot), среди авторов статей русские беженцы и англичане, долго жившие в России. Редакция газеты находилась на Флит-стрит. Издание поддерживал Дж.Бьюкенен. Было выпущено 72 номера еженедельника, объемом в 24 страницы каждый, со сплошной пагинацией. Как и "Русский", это издание скорее является журналом, чем газетой. Первая половина его печаталась на английском языке, вторая — на русском, но эти две части не повторяли друг друга по содержанию.

В первом номере, от 10 мая 1919 г. в обращении от редакции сформулированы задачи издания: "Достоверная информация о политическом, социальном и экономическом положении России". Редакция ставила перед собой необычную цель: преодолеть британскую "островную узость" в понимании проблем другого народа. Автор передовой, помещенной в первом номере, скорее всего редактор, писал: "Справедливо это или нет, но многие считают, что отсутствие воображения и нежелание напрягать свой ум не позволяют англичанам встать на точку зрения человека другой национальности, прочувствовать проблемы чужой страны". В статье анализировались различия между славянским и британским складом характера и делалась попытка объяснить, почему для англичан Россия и "русская душа" всегда представляли "загадку".

Редактор и сотрудники стояли на антибольшевистской точке зрения и верили в скорое падение большевизма. Весной 1919 г. им казалось, что большевизм теряет свою силу и что главный расчет надо делать на Колчака и Деникина. Основания для такого суждения они видели в том, что население России проявляло враждебность по отношению к большевикам. В журнале приводилось общее мнение русских, эмигрировавших в Англию, о необходимости интервенции и поддержки Белой армии. Автор корреспонденции, подписавшийся "Русский в Лондоне", писал о необходимости помощи Юденичу, которую он считал не только военным, но и нравственным долгом англичан. Редакция выдвинула лозунги момента: "Россия едина, ее правитель — адмирал Колчак", "Большевизм — болезнь всей Европы, а не только Германии и России".

По своей политической линии журнал близок к изданиям Комитета Освобождения России. В нем публиковались достоверные сведения о гражданской войне и красном терроре, о положении интеллигенции и состоянии культуры в Советской России. В № 3 за 24 мая 1919 г. сообщалось, например, что профессор А.С.Лаппо-Данилевский, почетный доктор Кембриджского университета, историк, умер от голода в Петербурге. Докторскую степень он получил одновременно с П.Н.Милоковым и П.Б.Струве в 1916 г., когда все трое приняли участие в устроенной Кембриджским Университетом серии летних лекций о России. Так что это был один из авторитетов, получивших признание в Англии в период союзнических действий.

В журнале печатались материалы о той роли, которую сыграли англичане в спасении беженцев. Рассказывалось о судьбах некоторых из них, например о семье Мейендорфов, которая была спасена английским военным в Риге, в тот день, когда

Ригу взяли большевики. В № 5 за июнь 1919 г. было опубликовано "Письмо к редактору" проф. В.П.Литвинова-Фалинского. Автор, бывший помощник Министра торговли и промышленности, благодарил англичан за спасение русских из Одессы и Крыма. "Во время панического бегства, — писал он, — британцы проявили редкостное самообладание. Благодаря их гуманности и бескорыстному великодушию большое число русских смогли найти прибежище и кров на их военных кораблях". В "Письме" рассказано, что англичане хорошо принимали русских беженцев в Константинополе и на Мальте, бывшей британской колонии, где высадились около шести тысяч русских. В конце письма автор выражал надежду на скорое возвращение в Россию.

Состав русских авторов в газете "The Russian Outlook" отличался элитарностью. В рубрике "Письма о России" публиковались самые именитые деятели русской эмиграции в Британии: известные политики, такие как П.Н.Милоков, Н.В.Чайковский, или видные журналисты, как бывший влиятельнейший корреспондент "Русского слова" А.В.Руманов, корреспондент "Русского слова" С.А.Поляков-Литовцев. На страницах газеты публиковались также заметки С.П.Тюрина о земствах; Владимира Бера о церкви. В журнале помещались письма англичан, долгое время живших в России, и потерявших там все, что было нажито их семьями за многие годы, иногда даже за столетия. Они высказывали сожаления о гибели царя и прекрасной страны. Из журнала читатели могли узнать не только о событиях в России, но и о положении русской эмиграции в Англии и других странах Европы. В журнале сообщалось о деятельности Русского Национального комитета, Британско-Русского клуба, Британско-Русского комитета помощи русским беженцам, Русского Красного Креста.

В журнале публиковались сведения об англо-русских отношениях, о парламентских дебатах по русскому вопросу. В номере за 24 мая был помещен доклад о конференции "Опасности большевизма", проходившей в Парламенте, отмечено выступление княгини Барятинской. В номере за 19 июля 1919 г. была помещена ее заметка "В защиту Колчака". Об авторе сообщалось, что она находится в Англии, а ее родственник — член Второй Думы, сидит в большевистской тюрьме. Как писала Барятинская, она с ранних лет была республиканкой, но события последних лет заставили ее переменить убеждения. В России она стала свидетелем того, что "все русские люди, кроме преступников, составляющих правительство, принуждены днем и ночью охотиться за пищей подобно животным". Она призывала цивилизованные страны "пойти с крестовым походом на Россию и спасти ее народ". Барятинская отметила, что "англичане боятся русской монархии, хотя у них самих есть король". Она заверяла англичан, что "Колчак — не за монархию, а за конституционное собрание".

"The Russian Outlook" был враждебно настроен по отношению к А.Ф.Керенскому, инкогнито прибывшему в Англию. Его пребывание и деятельность в Англии были объектом внимания корреспондентов, его историческая роль отрицательно оценивалась в номере "The Russian Outlook" за 24 мая 1919 г. В июне 1919 г. в газете был отмечен приезд в Лондон из Парижа А.И.Гучкова, председателя Думы, министра обороны Временного правительства. А в № 6 от 14 июня 1919 г. было опубликовано интервью, в котором Гучков критиковал Керенского, говорил о неизбежности падения большевистского режима, о деморализованности Красной армии, о необходимости поддержки Колчака.

В № 4 от 31 мая 1919 публиковались материалы о деятельности Локкарта в России и одновременно появилось сообщение: "Англия приглашает большевиков на Принкипо". В журнале делался намек на то, что Локкарт способствовал этому приглашению. 14 июня в журнале было опубликовано обращение Андреева "Спасите наши души" — ответ на приглашение "красных" и "белых" решить свои проблемы дипломатическим путем [см. гл. о Л. Андрееве]. В своем обращении Л. Андреев напоминал о недавнем убийстве капитана Кроми в Британском посольстве в Петрограде. "Были дни, — писал он, — когда Петроград верил в англичанина как в Бога, теперь же английский подданный в этой стране поставлен вне закона". Писатель обращался к рядовому англичанину: спасите наши души. Редакция разделяла отношение белоэмигрантов к событиям в России и высказала сообщение, что "большевизм ввезен в Россию из Германии в опечатанном вагоне".

В № 7 за 21 июня 1919 г. публиковалось интервью с профессором сэром П. Г. Виноградовым. Он сказал, что президент Вильсон торгуется с большевиками, вместо того, чтобы бороться с ними. Как о препятствии к пониманию между русскими и англичанами П. Г. Виноградов говорил об отсутствии достоверных сведений о событиях в России, о недоверии англичан к тому, что рассказывают русские беженцы и вернувшиеся из России англичане. Профессор высказал уверенность в том, что большевизм будет побежден, но он считал, что это произойдет не так скоро, как хотелось бы. В № 9 за 5 июля 1919 г. опубликована статья секретаря Русско-Британского Братства Георгия Винеке "Как Англия может помочь России?" Автор справедливо заметил, что английская система управления складывалась веками и что перенести ее на русскую почву нельзя. Но развивая свои идеи, он пришел к заключению, что некоторые лучшие черты британской конституции все же можно использовать в России. Под рубрикой "Order of the Day" в журнале публиковались распоряжения генерала Деникина.

Важную роль журнала "The Russian Outlook" редактор С. Тальбот видел в объединении русской эмиграции в борьбе с большевизмом. Он считал, что партийные разногласия не должны мешать эмиграции преследовать общую цель борьбы с большевизмом. Идейные разногласия являлись не только основной внутренней проблемой русской эмигрантской общины, они препятствовали налаживанию сотрудничества этой общины с англичанами. Подобные проблемы неизбежно возникали у редакции с русскими сотрудниками журнала. С. Тальбот сделал попытку решить их, обратившись к русским авторам и подписчикам. 12 июля 1919 г. был выпущен на русском языке специальный листок "Прибавление к журналу" "The Russian Outlook" (Supplement to "The Russian Outlook", 12 July, 1919), на котором значилось: "Исключительно для русских!" С. Тальбот в этой листовке затронул извечную проблему понимания между англичанами и русскими, — того понимания, для которого недостаточно хорошего перевода с одного языка на другой. Редактор обращает внимание читателей на то, что журнал печатается частично по-английски "ради пользы британского общества". Но язык не позволяет преодолеть различия в "образе мыслей". Он пишет: "До сего времени малоуспешность в обеспечении надлежащей британской поддержки в борьбе против большевизма вызывалась тем обстоятельством, что русские, на которых была возложена эта задача, за недостатком знакомства с британским образом мыслей, не могли выразить своих мыслей в

форме, которая была бы понятна англо-саксонской расе. В результате население нашей страны ничего не понимает, или понимает очень мало в русском вопросе, и многие англичане относятся к нему совершенно безразлично, и достаточно небольшой, но умелой большевистской пропаганды для превращения такого безразличного отношения в открытую враждебность”.

Задача журнала “The Russian Outlook”, пишет далее редактор, — замостить эту пропасть и поставить русский вопрос на рассмотрение британской публики в понятной для нее форме. Редактор утверждает в листовке, что “The Russian Outlook” — газета беспартийная и что она стоит за разрешение всех русских вопросов без иноземного вмешательства: “Ни один иноземец не имеет права поддерживать какую бы то ни было политическую партию, от кадет до социал-революционеров, или защищать как Черную Сотню, так и евреев”. Трудно представить себе, чтобы С. Тальбот был настолько наивен, чтобы в 1919 г. говорить о “беспартийном” отношении к русским проблемам. Здесь чувствуется игра с читателем, который надеялся получить достоверные факты и беспристрастную оценку событий. В том, что он пишет о реакции “среднего” англичанина на русский вопрос, много правды: о России англичане знали только, то, что им сообщалось в британских газетах. Общественное мнение складывалось в Англии, как и везде, под воздействием пропаганды, рассчитанной на интеллектуальный уровень “среднего” читателя и его основные жизненные интересы. “Среднему” англичанину была непонятна природа русской революции, характер правления и партийные междоусобицы в России. Но русские корреспонденты, по мнению редактора, не смогли доходчиво объяснить им это. Как пишет Тальбот, чтобы английские читатели поняли русских корреспондентов, недостаточно было писать на английском языке, надо было научиться говорить на языке их понятий и представлений. Однако он и сам не отдавал себе отчета в том, что на язык английских социальных и правовых понятий невозможно было перевести русский бунт, “бессмысленный и беспощадный”.

“Русским трудно поддерживать газету литературным сотрудничеством, — пишет Тальбот. — Мы получали уже много статей от русских разных взглядов, но почти ничего не могли напечатать, так как каждый русский писатель, по-видимому, считает себя обязанным непременно поддержать ту или иную партию, попутно обсудить положение евреев в России или какой-либо иной жгучий вопрос внутренней политики. Этим объясняется то, несомненно странное на взгляд среднего русского, обстоятельство, что сотрудничают в нашей газете почти исключительно британцы”. То есть оказалось, что только британцы способны были объяснить своим соотечественникам, что происходит в России. Русские — в силу своей субъективности, неумения посмотреть на себя и свое государство со стороны, и говорить на общепонятном языке — не были способны ни объяснить свои проблемы, ни постоять за себя. Что же в этой ситуации советует эмигрантам редактор? “Русские, — пишет он, — лучше всего могут поддерживать нашу газету денежно, подписываясь на нее и, в менее значительной степени, побуждая своих британских друзей ее читать”. То есть — платите, а мы будем защищать ваше дело.

С. Тальбот редактировал еще одну русско-британскую газету, которая выходила на английском языке с 23 октября 1920 г. и называлась “The Russian Gazette”. В своем первом варианте это была, по определению редактора, “антибольшевистская

политическая газета". В ней публиковалась информация о британских беженцах из России, об экономической ситуации, англо-русских торговых и экономических отношениях. В первом номере была опубликована статья А.Ф.Аладьиной "Генерал Врангель и его политика". Во втором — статья Н.В.Брайкевича о восстановлении железных дорог в России. В четвертом — статья К.Грюнвальда "Трагедия эмиграции". Авторы газеты считали, что "Большевизм и возрождение России несовместимы". Когда в газете стали преобладать коммерческие вопросы, в частности вопрос о британских кредиторах России, русском рынке и бирже, газета приобрела по преимуществу экономический характер и с ноября 1922 г. получила новое название: "The British Russian Gazette and Trade Outlook". Теперь это было "внепартийное обозрение британско-русских дел: Официальный орган Ассоциации британских кредиторов России". Газета выходила до 30 сентября 1922 г. В номере газеты за 31 марта 1922 г. появилась заметка о выходе новой газеты "Русский путь". В ней говорилось: "В этой стране живут тысячи русских эмигрантов. Необходим орган для обмена мнениями между англичанами и русскими".

С 11 марта по 6 мая 1922 г. в Лондоне вышло три номера неперIODической газеты "Русский путь", под редакцией издателя Н.В.Сипягина. Редакция газеты находилась на Флит стрит, продавалась в книжном магазине С.О.Латкина "Родное слово". В первом номере редакция формулирует задачу газеты: "Способствовать освобождению России от большевиков"⁴³. В газете сообщается о военно-политическом положении и голоде в России. Во втором номере в редакционной статье перед эмиграцией ставится задача: готовиться к работе по восстановлению России. В статье говорится о том, что у беженцев сложилось неверное представление о России: как будто там только власть сменилась, а вся техническая сторона жизни и элементарные удобства сохранились. На самом деле, подчеркивает редактор, вся хозяйственная и бытовая жизнь страны рухнула, и ее придется восстанавливать. Для этого необходимы знания и мастерство. Поэтому особая задача стоит перед молодежью в эмиграции: учиться в Европе, получать европейское образование, чтобы работать в своей стране. Редактор пишет также о необходимости единства сил в эмиграции⁴⁴. В этом номере сообщаются сведения о Генуэзской конференции, о состоянии Красной армии. В иронической заметке "Помогите тов. Красину" корреспондент оповещает читателей о том, что Красин "остался в Лондоне без средств к существованию". Справочный отдел газеты содержит "Адресный стол для русских в Англии" с адресами таких русских учреждений, как посольство, консульство, Русская Академическая группа, Русское экономическое общество, Союз Освобождения России, Союз студентов. Свои адреса помещали в газете также редакции русских журналов, русские юридические конторы, лечебные заведения, книжные магазины, рестораны и кафе.

Мало известен факт, что известнейшая эмигрантская газета "Возрождение", которую редактировал П.Б.Струве, начала выходить в Лондоне в 1925 г. в одноименном русском издательстве. После первых номеров, правда, издание газеты было перенесено в Париж, но П.Б.Струве не забывал о своих английских коллегах и в первые годы издания поддерживал прочные связи с Англией. В 1925-1926 гг. газета освещала жизнь русской колонии в Англии, писала о Русском Доме Е.В.Саблина, о русской церкви⁴⁵. В эти же годы в "Возрождении" регулярно

публиковала "Письма об Англии" А.В.Тыркова. Значительная часть ее публикаций в 1926 г. посвящена подготовке и проведению всеобщей забастовки в Англии: названия некоторых публикаций намекают на параллели с событиями в пред-революционной России: "Дни английской смуты", "Мелкие бесы". В очерках А.В.Тырковой дается многогранный, объемный портрет Англии: она писала об англо-русских политических отношениях, о роли русской эмиграции в их формировании, много внимания посвящала бытовой стороне английской жизни, культуре и национальной психологии. Сын Тырковой А.А.Борман также публиковал заметки о текущих событиях, о забастовочном движении, о помощи большевиков бастующим⁴⁶. Итоги забастовочных событий обобщил в газете Е.В.Саблин. Некто "Странник", также в связи с забастовкой в Англии, писал, что в англосаксонском мире у русских берут только плохое: он считал, что англичане неправильно поняли Достоевского, у Толстого смогли позаимствовать только посредственную философию, но больше всего их увлек анархизм, нигилизм и большевизм. Корреспонденты "Возрождения" пристально следили за развитием англо-советских торговых и политических отношений, освещая их в аналитических заметках, таких как "Англия и большевики" (12.4.1926), "Англия и своеотское золото" (12.4.1926), "Советские и английские дипломаты" (25.4.1926), "Английская печать о России" (2.8.1926), "Красин в Лондоне" (30.9.1926). Редактор газеты П.Б.Струве немало внимания уделял Британии в своих статьях.

В "Возрождении" печатались статьи о сближении англиканской церкви с православием. В газете опубликовала свои "Пасхальные воспоминания" жившая в Англии А.Дубасова. Постоянным автором газеты была С.Г.Волконская, писавшая рецензии на английские книги о России. Некоторые авторы публикаций скрыли свои имена под псевдонимами, но по всей видимости это были русские, жившие или часто бывавшие в Англии. Неизвестный автор под псевдонимом "Дизель" опубликовал в двух номерах газеты "Возрождение" заметки, в которых показал Лондон "с точки зрения шофера". Он писал: "Прекрасный город Лондон для шофера такси: езда не быстрая, степенная, концы оплачиваются хорошо, часы работы не слишком продолжительные <...> Да вот как попасть шофером такси в Лондон!"⁴⁷. Оказалось, что устроиться на такую работу почти невозможно, из-за сложностей с получением визы, прохождения экзаменов, а главное — из-за безработицы в Англии. По подсчетам корреспондента, в Англии шоферов из русских в то время было всего лишь пять-шесть человек. Сравнивая характер Лондона и Парижа с точки зрения вождения автомобиля, он пришел к заключению: "У островитян больше развито чувство личной ответственности за свои поступки"⁴⁸.

В мае 1926 г. в "Возрождении" была опубликована иронико-комическая "Песнь о Вещем Олеге", подписанная "Лери". В ней рассказывалось о том, как английский премьер-министр собрался "заключить союз с Совнаркомом" и решил посоветоваться с русским эмигрантом. Он без труда нашел его на улице в Сити — деловом центре Лондона. И здесь дается портрет типичного русского эмигранта в Англии:

Небритый, голодный, худой человек

Уныло плетется по Сити,

Без денег влачащий свой беженский век...⁴⁹

Эта не претендующая на высокую художественность поэма отражает реальные факты: во-первых, что правительство Великобритании в первые годы Советской власти еще прислушивалось к мнениям эмигрантов, во-вторых, что эмигрантов было немало, а в третьих, что их положение оставляло желать лучшего.

Газета "Russian Times" ("Русское время"), выходившая в Лондоне в 1933-1934 гг., имела красноречивый подзаголовок: "За Бога и за народ. Единственная независимая ежемесячная газета о русских делах, распространяемая в англоязычном мире". Ее авторы — русские эмигранты и англичане. В газете сотрудничал Э.С. Любов, редактор выходившего ранее журнала "Русский". В газете публиковались материалы о вкладе русской эмиграции во все сферы научной, культурной и предпринимательской деятельности в Англии. Английский корреспондент Г.Форбс (Harold Forbes) писал на опыте собственного общения с "многонациональной русской эмиграцией в Англии": "Это трудолюбивые аристократы, которые быстро нашли себя в деловом мире Англии, усвоили английские добродетели: трудоспособность и пунктуальность"⁵⁰. Большинство друзей автора были из интеллигенции, о них Форбс писал, что они — "прекрасные лингвисты и переводчики, юристы и врачи, журналисты и ученые, предприниматели и художники". Имена их не названы, так как это могло быть для них опасно. Журналист описал даже места обитания профессиональных групп русской эмиграции, например: "Доктора медицины сосредоточились на Harley Street и в ее окрестностях". Форбс оценил вклад русских ученых в навигацию, а также усилия русских предпринимателей, один из которых организовал рабочие места для 11.000 человек. "Он сделал на этом капитал и он его заслужил," — заключает корреспондент. Он не забыл также упомянуть художников, артистов, танцовщиков балета, рестораны и оркестры балалаечников.

Группа младороссов и газета "Young Russia"

Газета "Young Russia" ("Молодая Россия"), первый номер которой вышел в Лондоне 16 октября 1935 г., представляла собой "Ежемесячный бюллетень Группы младороссов в Великобритании". Парадоксальная смесь монархизма со сменовеховством отличает редакционную статью в первом (и может быть единственном вышедшем в Англии) номере газеты. В центре внимания редакции — отношения между Британской и Российской империей, в которых "сплелись традиции враждебности и дружественности, а также взаимного непонимания". Так же, как и сотрудники других газет, младороссы видели основное препятствие к пониманию между русскими и англичанами в отсутствии надежной информации. Советская пресса, или впечатления туристов не удовлетворяли их требованиям. "Советская пресса — хороший источник информации для тех, кто знает, как ее читать", — писали они. Сотрудники газеты выражали сожаление, что антисоветские эмигрантские информативные источники, столь активные в первые годы эмиграции, практически перестали действовать в Британии. "Представители белоэмигрантов в Лондоне всегда проявляли лучшую осведомленность и понимание происходящего, чем их соотечественники в Париже, где было принято отрицать любые успехи и достижения России после революции", — говорится в статье. Члены редколлегии высказали близкое евразийцам и сменовеховцам убеждение, что на новом этапе истории необходимо пересмотреть отношение к России: "Время идет, и современная

Россия так же не похожа на первые годы Советской власти, как на Россию 1910 г." Издатели газеты приветствовали достижения всех русских людей в науке, искусстве, технике, спорте и заключали: "Любовь к России, несмотря на ненавистный режим, поддерживает нас всех". Один из лозунгов группы гласил: "Партия младороссов не знает сословных различий и не хочет возврата прошлого".

Выступив с требованием посмотреть на Россию без старых предубеждений, издатели в то же время заявляли, что группа младороссов поддерживает русскую династию и русские традиции. Под рубрикой "Голос династии" в газете опубликовано выступление вел. кн. Дмитрия, которое состоялось сначала в Париже, а затем, 3 июля 1935 г., в Лондоне в Русском доме. В предисловии сообщается: "Димитрий Александрович живет в Англии. Он не принимал никакого участия ни в какой политической деятельности, не был членом ни одной партии со времени своей эмиграции". В своем выступлении великий князь объявил о вступлении в партию младороссов, приведя следующие доводы: "Партийность всегда ведет к личным и групповым амбициям. Внимательно присмотревшись к деятельности младороссов, я решил вступить в ряды этой партии, так как считаю ее путь единственно правильным для русских. Младороссы пытаются объективно оценивать происходящее в России и стремятся установить связь между эмиграцией и теми россиянами, которые в России противостоят коммунизму". Важную роль в группе младороссов играл монархист И.И.Билибин, сын художника И.Я.Билибина. Художник И.Я.Билибин был женат на англичанке, работал в Англии как театральный декоратор во время дягилевских сезонов, но вернулся в Россию. Билибин-сын остался в Англии и стал приближенным лицом претендента на российский престол. Он играл лидирующую роль в Союзе Монархистов.

В газете сообщалось, что "Младоросский союз" переименовывает себя в "Младоросскую партию". Штаб партии находился в предместье Парижа Le Vesinet, а филиалы — во всех центрах зарубежья. Об изданиях партии сказано, что три газеты выходят в Париже, по одной в Праге, Софии, Брюсселе, Шанхае, Сан-Паоло (Бразилия).

В газете "Молодая Россия" лондонские младороссы сформулировали свою программу деятельности в России, отдаленно напоминающую евразийские замыслы. Программой максимум для младороссов являлся приход к власти в России, установление "Социальной Монархии", или "Федеральной Империи", а также плановой экономики. За основу решено было принять наследственную монархию, так как парламент, по их мнению, не подходил для России. На основе монархии планировалось установить пирамидальную структуру власти. Программа минимум заключалась в решении тех же задач при сотрудничестве с любым правительством в России. Деятельность младороссов в Британии отражена также в газете "Русский в Англии".

Общество Северян и сибиряков в Великобритании. Газета "Русский в Англии"

Одной из самых крупных русских культурных организаций в Англии было Общество Северян и сибиряков в Великобритании (The North Russian Association Limited), основанное в 1926 г. Общество располагалось в Лондоне по адресу Billiter Square Buildings, финансировали его русские промышленники, предприниматели, тор-

говцы и банкиры из Сибири и с русского Севера, после революции осевшие в Англии. Общество Северян было создано по инициативе Г.Ф.Вальнева, А.Н. и Ю.С.Чмутиных, А.С.Ананьина, В.А.Богдановича, И.И.Ковалевского, Ф.И.Воробьева и В.В.Борачевского. Вице-председателем Общества был избран А.Н.Чмутин, секретарем А.В.Байкалов. В правление входили: председатель Г.Ф.Вальнев, вице-председатель А.С.Ананьин, секретарь А.В.Байкалов. В январе 1935 г. Общество приобрело дом, в котором был концертный зал на 300 человек. Днем в этом зале работала балетная школа Н.Г.Легата. В доме были также клубные комнаты, библиотека и три квартиры, которые сдавались всем желающим. В 1936 г. Общество насчитывало 107 действительных членов и 78 членов-соревнователей.

Общество Северян вело активную культурную деятельность, отчеты о которой тщательно собирал А.В.Байкалов. В конце 1930-х годов он опубликовал их в газете "Русский в Англии". По его подсчетам, за 12 лет своего существования Общество Северян организовало 70 спектаклей, 11 музыкальных и литературных вечеров, 11 концертов, 9 детских спектаклей, 2 балетных вечера, 11 балов-кабаре и 10 танцевальных вечеринок, т.е. всего 124 вечера. Культурную работу общества организовывали супруги Чмутины. Ю.С.Чмутина — драматическая артистка, до революции игравшая в Петербургском Народном Доме и провинциальных театрах, в течение 12 лет руководила драматическим кружком Общества Северян. После ее смерти в 1928 г. традиции культурной работы Общества были продолжены актрисой Е.В.Чарусской. После нее руководил студией А.А.Брей, артист студии МХАТ, продолжил его дело брат Е.А.Брей, актер провинциальных театров. С 1932 г. деятельностью Драматического Кружка руководила Е.А.Сабурова-Бураковская. Кружком были поставлены: драмы Пушкина, "Горе от ума" Грибоедова, пьесы Фонвизина, Гоголя, Островского, Лескова, Сухово-Кобылина, "Живой труп" А.Н.Толстого. На сцене Драматического кружка ставилась не только классика, но и произведения современных авторов: М.Горького ("Сказка"), В.Я.Брюсова ("Путник"), А.Н.Андреева ("Младость"), А.Н.Толстого, В.Катаева, М.Алданова; ставились сценки Н.Тэффи, скетчи М.Зощенко, П.Романова, И.Ильфа и Е.Петрова. Среди постановщиков, работавших в Кружке, И.Э.Дуван-Торцов, Е.А.Корнакова, Вера Ларина, С.Чарова, Ю.Ю.Струве, Е.Литвинова-Фалинская и другие. В.И.Тейт руководил постановкой Пушкинских торжеств в 1937 году. В театральной работе Общества участвовал М.Бахрушин. В спектаклях играла артистка с мировой известностью М.А.Крыжановская. Всего было поставлено 120 пьес 43 авторов. На первом месте по количеству спектаклей оказалась классика: "Недоросль" Фонвизина, "Горе от ума" Грибоедова, "Евгений Онегин", "Русалка", "Цыгане", "Борис Годунов", "Бахчисарайский фонтан", "Полтава", "Скупой рыцарь", сцены из "Мертвых душ", "Ревизор".

В 1936-38 гг. Общество Северян в Великобритании выпускало газету "Русский в Англии". Одним из основных корреспондентов этой газеты был идейный лидер Северян А.В.Байкалов. Он обладал живым журналистским пером и оставил обширное публицистическое наследие. В газете подробно освещалась культурная деятельность Общества, жизнь эмиграции и, в соответствии с названием, жизнь русской колонии в Англии. В первом номере в редакционной статье "Наши задачи" говорится: "При согласии и малые дела процветают, при несогласии и большие разрушаются". Эмигрантов объединяет великая русская национальная культура.

Их разъединяет — политика. Но у всех них отношение к коммунизму враждебное, так как он разрушает веками накопленное духовное богатство, национальную культуру. Издатели газеты ставили перед собой задачу привлечь соотечественников, независимо от их политических взглядов, к общей культурной работе. И хотя полного сближения даже на культурной почве не происходило, все же усилия Северян по сохранению в эмиграции русской культуры оставили заметный след.

В газете "Русский в Англии" освещались культурные события в русской колонии в Британии, и можно только пожалеть, что она выходила неполные два года. В газете была специальная рубрика "В русской колонии", в которой сообщалось о деятельности политиков эмиграции, их выступлениях и дискуссиях, о выходе русских газет в Англии, о публикации книг, о новейших работах художников и музыкантов, постановках русской классики на английской сцене. Подробно освещалась в газете деятельность Школы Славянских исследований: сообщалось о лекциях русских ученых, таких как С.Тюрин, Н.Зернов, С.Якобсон, Г.Струве, и давались краткие аннотации лекций. Например в № 2 за 30 января 1936 г. сообщалось, что Г.Струве читает курс лекций о творчестве А.М.Ремизова, И.С.Шмелева, К.Федина, Ю.Олеси, В.Каверина и молодых писателей эмиграции. В № 9 за 15 мая 1936 г. сообщалось о деятельности в Англии Михаила Чехова, Ф.Ф.Комиссаржевского, о балетных постановках М.Фокина в "Альгамбре". В этом же номере помещена заметка Г.Струве о В.Сирине (почему-то под рубрикой "Новости науки и техники"). В декабре 1936 г. газета "Русский в Англии" сообщала о вечере И.А.Бунина и Н.Тэффи в Лондоне, а в июле 1937 г. — о приезде в Лондон Б.К.Зайцева.

В ноябре 1936 г. в газете освещались культурные события, связанные с 25-летием со дня смерти А.Толстого. Дату отмечали Общество Северян, Толстовское общество, Школа Славянских исследований, Англо-русское общество, Русская Академическая группа. 23 ноября на вечере памяти писателя Эйлмер Мод выступал с докладом "Толстой о войне и мире", Г.Струве говорил о Толстом как романисте. Присутствующие услышали в граммофонной записи речь Толстого на английском языке, произнесенную в 1906 г. Во втором отделении вечера исполнялась пьеса Толстого "От ней все качества".

В номерах с 15 по 17, за август-сентябрь 1936 г. рассказывалось о деятельности российских ученых в Англии. Были упомянуты: А. Боянус — специалист по русской фонетике, составитель словарей (Школа славянских исследований), Н.Зернов — доктор философии в Кембридже, Г.Струве — специалист по истории русской литературы (Оксфорд), С.Тюрин — доктор философии в Лондонском университете, С.Я.Якобсон — специалист по русской истории; Н.А.Даддингтон, философ и переводчик; С.А.Коновалов — экономист и историк литературы, М.В.Трофимов — преподаватель русского языка и литературы в университете Манчестера, В.С.Слепченко — преподаватель русского языка в Ливерпульском университете; А.Семенова — преподаватель русского языка в Эдинбургском университете, С.Томкеев — преподаватель геологии в колледже Армстронга в Ньюкастле-на-Тайне, В.В.Чернавин — ихтиолог в музее Естественной Истории в Лондоне, В.А.Петров — доктор наук, химик в Лондонском университете; Б.П.Уваров — энтомолог в Лондонском университете, В.Г.Коренчевский — доктор медицины, профессор Военно-медицинской академии в Петербурге, научный сотрудник Листеровского института.

В рубрике "На родине" в газете "Русский в Англии" сообщалось об арестах, судебных процессах, партийных чистках, публиковались статьи о Сталине, советских политиках и дипломатах. В 1930-х годах эмигрантам приходилось пересматривать свои политические позиции и свое положение в Англии. В этой связи примечательна статья А.В.Байкалова "Эмигрантская аполитичность", опубликованная на первой странице в качестве передовой в № 22 за 30 ноября 1936 г. А.В.Байкалов писал: "Русская эмиграция, как бы мы ни ругали политику и ни утверждали свою аполитичность, представляет из себя факт сутобо политический. Мы ушли из России не потому, что жизнь за границей, среди чужих нам людей, в чуждой культурной и бытовой обстановке прельстила нас какими-нибудь особыми соблазнами, и не потому, что мы свободно и добровольно предпочли ее жизни на родине. Основная причина нашего изгнания, при всем многообразии личных мотивов, тот политический и социальный строй, который утвердился на нашей родине в течение последних девятнадцати лет, т.е. другими словами, мы покинули родину благодаря невыносимой политике, там воцарившейся. Мы не столько "беженцы", сколько политические эмигранты. Тот факт, что эмигрантская масса состоит из людей, никогда политикой не занимавшихся и о политике не думавших, положения не меняет: вопреки их желаниям и склонностям, судьба сделала их "политиками". Как мольтеровский герой не подозревал того, что он говорит прозой, так русские эмигранты, одним фактом своего физического существования, являются, часто не подозревая этого, участниками политической борьбы".

Байкалов считал, что аполитичности по отношению к родине не может быть: "Такая аполитичность, во первых, противоречит самой сущности эмиграции, как политического явления, а, во-вторых, она, по-существу, является тоже политикой, идущей на пользу большевикам". Он продолжал: "Иностранцы, в среде которых мы живем, могут принять, и часто принимают, нейтральное отношение эмиграции к большевизму, как свидетельство того, что русские люди примирились с советским строем и не помышляют об освобождении их родины от ярма коммунизма. А это, конечно, укрепляет престиж и авторитет советской власти за границей и, следовательно, является фактором политики. Аполитичность в отношении большевиков вредна еще и потому, что она убивает в эмигрантской среде не только волю к борьбе с причинившим родине столько страданий и несчастий коммунистическим режимом, но и национальное сознание. Денационализируются быстрее как раз те элементы эмиграции, которые относятся к советскому режиму безразлично и аполитично". Выводы, к которым пришел автор статьи, заключались в том, что "в своей среде необходима терпимость и аполитичность, по отношению к большевизму — отрицание и враждебность". Газета информировала читателей о деятельности партии младороссов, об их собраниях, проводившихся в помещении Общества Северян и об издании газеты "Молодая Россия". Одна из заметок сообщала о том, что за малочисленностью партии было решено ее распустить. Но некоторое время спустя появилось сообщение о возобновлении ее деятельности и печатании газеты.

В номере за 31 декабря 1936 г. А.В.Байкалов поместил свое обращение к читателям под названием "Новый год". В нем он писал о международном положении и положении в России. Он писал, что в Советской России в результате процессов против троцкистов и зиновьевцев уничтожена коммунистическая партия:

“Партия вырождается в аппарат при самодержавном вожде. Все мыслящее, живое, талантливое выметается из партии, поистине “железной метлой”; в ней остаются или “твердой души прохвосты”, по слову Салтыкова-Щедрина, или низкопоклонные Молчалины. Никогда еще никакой политической режим не стоял на одних прохвостах; не устоит на этой гнилой основе и режим “гениального вождя народов”. Автору казалось, несмотря на происходящее, что “заря освобождения и возрождения горит сейчас более ярким светом, чем прежде”. Он выразил надежду, что “тайное голосование позволит избавиться от ненавистных сатрапов”. К концу 1936 г. газета имела 420 платных подписчиков. В условиях эмигрантского существования это был успех и в следующем году было решено увеличить формат и давать больше сведений.

В 1936-1937 гг. газета “Русский в Англии” освещала подготовку к Пушкинским дням. В марте 1936 г. в газете было отмечено создание Пушкинского комитета под председательством А.В.Тырковой. Во время подготовки к торжествам для русской колонии в конце января — начале февраля 1937 г. были прочитаны лекции о жизни и творчестве поэта. В списке лекторов А.В.Тыркова (“Живой Пушкин”), Е.В.Саблин (“Лицейские годы Пушкина”), Г.П.Струве (“Творчество Пушкина”), Т.В.Чернавина (“Смерть Пушкина”). Г.Струве в период зимнего триместра прочел шесть публичных лекций под общим заглавием “Пушкин и золотой век русской литературы”. Лекции проходили в помещениях Королевского колледжа Лондонского университета. В феврале 1937 г. в здании Лондонской библиотеки Хагберга Райта была устроена выставка изданий произведений Пушкина и документов пушкинской эпохи. Торжества, посвященные Пушкину, проходили в Лондоне 10 февраля 1937 г. Сэмюэл Хор, первый лорд Адмиралтейства, предложил для проведения торжественного собрания зал Адмиралтейства. Однако от этой идеи пришлось отказаться, так как в этом случае пришлось бы пригласить советского посла И.М.Майского и других представителей Советской России. Было решено провести заседание на английском языке и не устраивать особого русского собрания. На торжества собралось около шестисот человек, так что в зал, где произносились речи и читались доклады, не могли попасть все желающие. Председательствовал С.Хор, покровительствовали — две правнучки поэта — маркизы Милфорд Хейвен и леди Зия Вернер, дочери кн. Михаила Михайловича от мorganатического брака с графиней Торби. С. Хор, который читал Пушкина в подлиннике и был обладателем полного собрания сочинений поэта на русском языке, сказал вступительное слово. Его выступление восхитило А.В.Тыркову. По ее отзыву, английский лорд “проникся не только красотой, но и великодержавностью Пушкина”. В этом она видела и свою заслугу: “Мне было приятно, что я была посредницей между большим английским политиком и Пушкиным”⁵¹. С речами выступили известный драматург и поэт Джон Дринкуотер и литературный критик “Таймс” Гарольд Никольсон. В чествовании Пушкина принимал участие Г.Уэллс. После речей состоялся концерт, во время которого исполнялись романсы на стихи Пушкина.

Газета “Русский в Англии” не раз писала о смене вех и о роли советских агентов в возвращении эмигрантов в Россию. Подтверждением худших опасений о том, чем кончается возвращение, послужила судьба Д.П.Святополк-Мирского, которому посвящена заметка под названием “Судьба перелета” в № 5 (29) за 20 марта 1937 г. Продолжая эту тему, автор заметки в № 8 (54) за 1 мая 1938 г.

рассказывал о методах работы ГПУ в Лондоне по вербовке агентов в русской колонии. В № 5 (29) за 20 марта 1937 г. А. Байкалов опубликовал статью "Кризис компартии", в которой он определил советский государственный строй в терминологии евразийцев Н.С.Трубецкого, П.П.Сувчинского и Д.П.Святополк-Мирского, но истолковал эту терминологию по-своему. Он писал: "Советский государственный строй можно определить как идеократию. Идеократия — такое государство, которое стремится принудительно, вопреки воле народа, его истории и культуре, воплотить в жизнь такую идею, которую правящая группа считает единственно истинной и правильной. Характерной особенностью идеократии является то, что при ней может существовать только одна господствующая партия. Идеология этой партии становится чем-то столь же непреложным и абсолютным для всех граждан государства, как Коран для магометан, Библия для евреев, евангелие для христиан. <...> Идеология господствующей партии делается идеологией государства. Сомнение в ее правильности, критика ее канонов превращается в государственное преступление, наказуемое со всей строгостью, присущей религиозному фанатизму. Вся духовная жизнь нации берется в тиски своеобразной инквизиции". Продолжая свой анализ идеократического государства, точнее его реального воплощения в советской системе, Байкалов писал, что при господстве одной партии все граждане делятся на полноправных, привилегированных членов партии и беспартийных, граждан второго сорта. Все руководящие должности предоставляются членам партии. Не будучи членом партии, нельзя выдвинуться, сделать карьеру, удовлетворить честолюбие, обеспечить сносное материальное существование. Принадлежность к партии открывает дорогу к всевозможным преимуществам и привилегиям, из которых главное — власть над людьми. Но привилегированное положение партии перед остальными гражданами таит в себе опасность для самой партии. Как только исчезает конкуренция с другими партиями, объединявшая ее членов, ее внутренней монолитности приходит конец. Она начинает привлекать к себе людей не своей идеей, а теми привилегиями и преимуществами, которые дает членство в ней. Из своего анализа А.В.Байкалов сделал вывод о том, что кризис партии налицо, а значит, недолго ждать кризиса большевизма.

В № 8 (54) за 1 мая 1938 г. в статье "Pro domo suo (о положении в русской колонии)" А. Байкалов выступил с критикой в адрес своих соотечественников. Он писал: "Все желают пользоваться культурными возможностями в колонии, но мало кто желает платить или работать". Далее он приводил многочисленные примеры удручающего положения дел в русской колонии: газету "Русский в Англии" стараются читать у друзей, чтобы не тратить деньги на ее покупку, почти все желают посещать богослужения, но поддерживать существование церкви материально никто не хочет. В существующих в Лондоне двух приходах работников, болеющих душой за церковное дело, едва наберется несколько десятков, писал он. У русских эмигрантов денег хватает на все — на празднование именин и юбилеев, на кинематограф и на виски, на безделушки и даже на поездки на фешенебельные курорты, но не на поддержку церкви или национально-культурных начинаний. На спектаклях драматического кружка Общества Северян редко бывало больше 200 человек, на повторных и того меньше. И это несмотря на то, что, по общему признанию, эти спектакли не уступают лучшим образцам русского сценического искусства. Между

тем труд актеров — добровольный, но расходы по постановке спектаклей не оправдываются. Русские клубы в Лондоне, в отличие от других национальных клубов, едва сводят концы с концами. И если еще существуют, то благодаря поддержке какого-нибудь заинтересованного англичанина.

Автор отметил, что другие иностранцы, например горничные, служащие в английских семьях, регулярно, хотя бы в свои отпускные дни, посещают свои национальные клубы и собрания. Но русские эмигранты, и по воспитанию, и по материальному положению стоящие гораздо выше финских или австрийских горничных и кухарок, предпочитают сидеть в английских клубах или в своей норе, вместо того чтобы поддерживать свои национальные учреждения и культурные начинания. А.Байкалов с горечью писал о том, что русские эмигранты, особенно те, которым удалось достигнуть более или менее обеспеченного положения, сторонятся своих соотечественников, перестают интересоваться Россией и русской культурой, стараются во всем подражать англичанам, даже в таких случаях, когда успехами в своей работе или профессии они обязаны своему русскому происхождению, русской культуре или русской выучке. “Сколько русских в Лондоне живут за счет сокровищ русского национального искусства — музыки, пения, театра и балета. А многих ли из них мы видим на русских собраниях и спектаклях, многие ли из них поддерживают русские культурные и общественные начинания? Из среды русской титулованной и нетитулованной аристократии только единицы принимают участие в русских культурных делах”. Срок освобождения России приближается, — напоминал Байкалов, — не поздно и в двенадцатый час прийти и поработать для русской культуры, но лучше прийти раньше.

В № 13 (61) за 15 июля 1938 г. Н.Александров выступил со статьей “Восстановление частной собственности”, в которой он попытался ответить на вопрос, кто будет иметь право и возможность приобретать частную собственность в Советской России. Корреспондент писал о “сословном составе” советского общества: “Сравнительно небольшая группа состоит из криминальных отбросов всех стран и народов, или совершенно беспринципных людей, находящихся на службе у этих отбросов. Только эти, продавшие свою совесть или никогда ее не имевшие люди обладают сейчас в СССР некоторыми денежными средствами и будут иметь возможность покупать собственность. Но средств у них окажется недостаточно, и иностранный капитал под тем или иным видом найдет свой путь в Россию, что будет означать, что значительная часть собственности окажется в руках людей, совершенно равнодушных к судьбам страны”. Автор статьи сделал заключение о последствиях этого процесса: “Если в нормально развивающемся капиталистическом государстве и существует известная эксплуатация неимущих, то характер этой эксплуатации в значительной степени ограничен моральными традициями имущего класса и достаточно высоким культурным уровнем отдельных его представителей. Тот имущий класс, который останется после большевиков, ни традициями, ни культурностью обладать не может, поэтому эксплуатация будет поистине зверской.”

В этом же номере сообщалось о лекции А.Ф.Керенского на английском языке на тему “Опасности коммунизма”, которая состоялась 5 июля в зале Кенсингтонской городской думы. Лекция продолжалась более часа и была посвящена внутреннему положению России и политике Сталина. Лекция, как пишет корреспондент, “не дала ничего нового русским слушателям”.

Номер газеты "Русский в Англии" от 3 августа 1938 г. был посвящен 950-летию Крещения Руси. В нем были опубликовано слово прот. Михаила Польского "Наша Радость", статья Н.Городецкой "Некоторые черты Крещения Руси", статья Н.Зернова "Христианский Запад и Русская эмиграция". Г.П.Федотов в этом номере опубликовал свой доклад "Святой Владимир и русская культура", сделанный в Русском Доме 10 июля 1938 г. В газете сообщалось о том, что в начале июля вблизи Лондона состоялся Шестой годичный съезд Содружества имени Преподобного Сергия Радонежского и Св.Албания. Ему предшествовал Англо-православный студенческий съезд.

Глава 2. Русские политики в новых ролях

За годы гражданской войны в России социальный и политический состав русской колонии в Великобритании изменился. В Россию уехали революционеры, оппозиционная интеллигенция, в Англию потянулась аристократия, предприниматели, банкиры, представители небольшевистских партий России. С марта до сентября 1919 г. в Лондоне скопилось несколько сот "контр-эмигрантов" — русских, бежавших от большевиков. Оставались в Англии русские правительственные чиновники, большинство из которых было сторонниками монархии. Состав русской колонии пополняли представители высших сословий и культурной элиты России. От других центров, куда направлялись беженцы из России, Великобритания отличалась тем, что неохотно выдавала визы, видя в иммиграции угрозу своей экономической и социальной стабильности. В Англии имели шанс обосноваться в основном те люди, у которых были в этой стране какие-то связи: родственные или деловые.

Некоторые члены царской семьи приехали в Англию, рассчитывая на свои родственные связи с английским королевским домом⁵². Английский король Георг V и Николай II были двоюродными братьями, императрица Александра Федоровна была внучкой королевы Виктории. Несмотря на это, нельзя сказать, чтобы члены этих семей, за некоторыми исключениями, были близки между собой, встречались они редко. Визиты Николая II в Англию, так же как и ответный приезд английского короля носили в большей степени официальный, чем семейный характер. Тем не менее, многие политики, среди них П.Н.Милюков, ожидали, что английский король предложит русскому царю убежище в своем государстве, хотя бы на время войны. Такое предложение могло быть сделано через английского посла. Посол Дж.Бьюкенен поддерживал дружеские отношения с членами царской семьи, близкими к английскому королевскому роду: его неофициально принимали сестра Николая II вел. кн. Ксения Александровна и вел. кн. Александр Михайлович. Среди членов царской семьи были соотечественники посла: вел. кн. Виктория, жена вел. кн. Кирилла, была англичанкой. Однако в начале революции Дж.Бьюкенену дали понять, что он должен прекратить всякое общение с царской семьей, и по своему статусу он был обязан подчиниться настояниям правительства. Таким образом у царской семьи были отрезаны возможности общения с Англией по дипломатическим каналам. В своих мемуарах Бьюкенен пытался ответить на вопрос, почему Николай II и его семья не смогли эмигрировать в Англию, но из его воспоминаний

не все легко понять. Например, остается неясным, было ли в конце концов получено приглашение от английского короля. Бьюкенен пишет: "Мы предложили убежище императору, согласно просьбе Временного правительства, но так как противодействие Совета становилось все сильнее, то оно (Временное правительство) не отважилось принять на себя ответственность за отъезд императора и отступило от своей первоначальной позиции"⁵³. Бьюкенен возлагал ответственность за судьбу царя не только на Временное правительство, но и на английских политиков: "И мы должны были считаться с нашими экстремистами, и для нас было невозможно взять на себя инициативу, не будучи заподозренными в побочных мотивах. Сверх того, нам было бесполезно настаивать на разрешении императору выехать в Англию, когда рабочие угрожали разобрать рельсы впереди его поезда. Мы не могли принять никаких мер по его охране по пути в порт. Эта обязанность лежала на Временном правительстве. Но так как оно не было хозяином в собственном доме, то весь проект в конце концов отпал".

На многочисленные обвинения по этому вопросу в адрес Временного правительства отвечал А.Ф.Керенский, который писал в своих мемуарах: "Правда ли, что мы [то есть Временное правительство] могли и не захотели спасти жизнь царской семьи своевременной отправкой ее за границу вообще, и в Англию, в частности? — Этот вопрос интересовал очень многих, обсуждался в иностранной печати, и я считаю своевременным теперь объяснить, почему в конце лета 1917 года Николай II и его семья оказались не в Англии, а в Тобольске. Вопреки всем сплетням и инсинуациям, Временное правительство не только могло, но и решило еще в самом начале марта отправить царскую семью за границу. Я сам 7 (20) марта в заседании Московского совета, отвечая на яростные крики: "Смерть царю, казните царя", — сказал: "Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию. Я сам доведу его до Мурманска"⁵⁴. Однако летом, когда стало ясно, что царской семье нельзя оставаться в Царском Селе, Временное правительство, по словам А.Ф.Керенского, получило "категорическое официальное заявление о том, что до окончания войны въезд бывшего монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен". А.Ф.Керенский продолжает: "Утверждаю, что если бы не было этого отказа, то Временное правительство не только бы посмело, но и вывезло бы благополучно Николая II и его семью за пределы России".

Этой версии не противоречит то, что К.Н.Гулькевич писал по этому поводу Е.Д.Кусковой: он сообщал ей, в частности, о том как в марте 1917 г. П.Г.Виноградов, рассуждая о первых месяцах революции, предсказывал последующий ход событий. Под влиянием этих предсказаний, которые, как показало время, были верными, Гулькевичу пришла мысль обратиться к своему британскому коллеге сэру Мэнсфилду Финдли с просьбой выяснить, не согласится ли правительство Британии перевезти в их страну семью русского императора. Через некоторое время из британского Министерства иностранных дел была получена телеграмма, где говорилось, что правительство Британии не верит опасениям русских политиков, что развитие революции за редкими исключениями имеет мирный характер. Правительство Англии, как говорилось в телеграмме, не хотело "предпринимать каких-либо шагов, которые могли бы задеть чувство самолюбия новых правителей, вмешиваться в не касающи-

еся его дела и высказывать правительству и народу недоверие”⁵⁵. Гулькевич пишет, что к британскому правительству по вопросу о царской семье обращался М.И.Терещенко, но с тем же результатом. Действительно, появление в Англии русского царя, в личности которого для английских либералов воплощалось русское самодержавие, даже несмотря на то, что он отрекся от престола, могло вызвать непредсказуемую реакцию в сложной политической ситуации военного времени. На памяти у многих был приезд русского царя в Англию в 1909 г., когда он был встречен демонстрациями протеста, устроенными русской антимонархической эмиграцией. Английское общественное мнение было настроено не только против монархии России, но и против личности монарха.

Из членов царской семьи в Англию в 1919 г. приехали: вдовствующая императрица Мария Федоровна⁵⁶; вел. кн. Ксения Александровна и ее муж вел. кн. Александр Михайлович; вел. кн. Михаил Михайлович, а также вел. кн. Всеволод Иоаннович и его дядя Георгий Константинович. Революция застала Марию Федоровну и двух ее дочерей, Ксению и Ольгу в Киеве, откуда они пытались вернуться в Царское Село, но им было приказано переехать в Крым, где они оказались на несколько месяцев в заключении в собственном дворце. С приближением германской армии на суше и британского флота на Черном море у них появилась возможность бежать. Они спаслись на британском судне “Мальборо”, которое было послано Георгом V в Ялту. Считается, что Мария Федоровна приехала в Англию по приглашению английского правительства, хотя Д.Ллойд Джордж это приглашение не поддерживал. Позднее ее отношения с Ллойд Джорджем стали еще более напряженными и она переехала на свою родину в Данию.

Ксения Александровна (7 апреля ст.ст. 1875 — 27 декабря 1962 г.), старшая сестра Николая II, была более других членов своей семьи близка к английской королевской семье. Она была с юности любимой кузиной Георга V и когда она приехала в Англию в качестве беженки, он встречал ее в Лондоне на вокзале “Victoria”: такую честь король оказывал лишь главам государств. Она со своей семьей поселилась в королевской резиденции в Виндзоре, патронировала Русское Общество Красного креста, помогала русским беженцам, продавала с благотворительной целью акварели и миниатюры собственной работы. Она говорила: “Революция отняла у меня все, но большевики оставили мне одну привилегию — быть частным лицом”. Муж Ксении Александровны вел. кн. Александр Михайлович (ум. в 1933) был адмиралом русского морского флота и командующим авиации. Их дочь Ирина вышла замуж за кн. Феликса Юсупова, который незадолго до революции окончил Оксфордский университет, а после революции эмигрировал в Англию. В 1936 г. Ксения Александровна переехала в Hampton Court, на западе Лондона, а во время Второй мировой войны жила в Бальмореале.

В Англии обосновались некоторые потомки А.С.Пушкина, представители семей Голицыных, Менделеевых, Белосельских, Трубецких, Оболенских, Толстых, Бобринских, Сумароковых, Капнистов, Путиных, Дубасовых, Кутайсовых, Шиповых. По воспоминаниям П.П.Шиловского, опубликованным в книге М.Гленни и Н.Стоуна под названием “Здесь императорская Россия”, в этом кругу поддерживались традиции царских времен. По всей видимости, русская аристократия нашла сочувствие и понимание в английском высшем свете. А.В.Тыркова иронически писала в одной

из своих заметок в "Возрождении": "Англичане обожают титулы. Князь Святополк-Мирский как-то читал доклад в небольшом литературном клубе. Секретарша долго к нам приставала, называть ли его Ваша Светлость или Ваше Высочество. Титул производит впечатление, открывает двери, облегчает жизнь" ⁵⁷.

П.Н.Милюков

Как уже говорилось, среди политиков небольшевистского толка, нашедших прибежище в Англии, наиболее заметную группу составляли кадеты, во главе со своим лидером П.Н.Милюковым. П.Н.Милюков остановил свой выбор на Англии не случайно: связи с этой страной в области просвещения он активно расширял еще на рубеже веков, будучи молодым профессором истории. Став видным политиком, он не раз проявил себя как убежденный поклонник английской демократии. Проблема "Россия и Запад" занимала важное место в трудах Милюкова по истории культуры. По своим взглядам он был ярко выраженным западником. Доказательству преимуществ западного пути для России посвящен главный научный труд Милюкова — "Очерки по истории русской культуры" (1896-1903). Это самый объемный из трудов Милюкова, к нему он не раз возвращался, дополняя его новыми главами о современном состоянии литературы и общественной мысли. Главная идея, которую Милюков отстаивал в своих книгах, заключалась в том, что Россия — это тоже Европа. Свои доводы в пользу этого аргумента он основывал на том, что русская интеллигенция была выражена и воспитана на европейской культуре. Интеллигенции он отводил решающую роль в истории России. Крайней формой западничества Милюкова было его англофильство. Англия была для него главной политической моделью, английская демократия — высшей формой государственности, английский парламент — образцом для русской Думы.

Связи Милюкова с Англией установились в конце 1880-х годов, когда он побывал на научном съезде в Кембридже. В установлении этих связей ему помог профессор Н.И.Стороженко, преподававший в Московском университете историю всемирной литературы. Милюков называл его "настоящим окном в Европу" ⁵⁸. Н.И.Стороженко передал Милюкову свое сотрудничество в английском журнале "The Athenaeum". С 1889 до 1896 г. Милюков ежегодно посылал в этот журнал обзоры современного состояния русской литературы. Это были его первые выступления в европейской прессе. Как он позднее вспоминал, участие в "The Athenaeum" было чисто символическим, однако оно сыграло важную роль в его жизни. Он серьезно занялся русской литературой и открыл для себя, что в ней всегда "политика просачивалась сквозь литературные формы" ⁵⁹.

Первая статья Милюкова в "The Athenaeum", является развернутым некрологом М.Е.Салтыкова-Щедрина. В следующем году за ней последовала статья, посвященная жизни и творчеству Н.Г.Чернышевского. Традиция идеологизированной литературы со смертью этих двух писателей, как считает Милюков, пошла на спад. Главные позиции в литературе начал завоевывать "индивидуализм". Как пример индивидуализма в литературе Милюков приводит "Крейцерову сонату" Толстого и "Скучную историю" Чехова. Он считал что наибольшее засилие индивидуализма происходит в драматургии: в новых пьесах, писал он, все действие дер-

жится на истории супружеских измен. Новых имен в литературе нет. Только в философии, считал он, появилось новое яркое имя — князь Сергей Трубецкой, от которого можно ждать новой философской системы. В очередной ежегодной статье для "The Athenaeum" в 1891 г. Милюков отметил, что в русской литературе не появилось ничего нового. Пустота в литературе, заключил он, является отражением пустоты повседневной жизни. Свое поколение, людей, которым в тот момент было между 25 и 35, он охарактеризовал как преждевременно состарившееся и ко всему безразличное. Милюков, однако, не мог не отметить, что в том же 1891 г. русская общественность была пробуждена от летаргии голодом. В деятельность по сбору средств в пользу голодающих были вовлечены университетские профессора, обычно стоявшие в стороне от политики. Литература и критика получила суровый стимул для нового осмысления состояния общества и государства.

Лето 1893 г. Милюков провел во Франции, а на обратном пути в Россию ненадолго остановился в Англии. Этот приезд был посвящен опыту английского летнего университетского образования. Милюков давно замыслил перенести эту традицию в Россию, в русскую провинцию. Из своего опыта в Кембридже Милюков вынес заключение, что в России больше, чем где бы то ни было, необходимо такого рода просветительское дело. Народное образование занимало одно из ведущих мест в политической программе Милюкова. В журнале "The Athenaeum" в 1895 г. он писал: "Две главные болезни современной России — это дурное правительство и невежество народа". Поэтому, — продолжал он, — первостепенной задачей социального переустройства России является новое законодательство и распространение образования в народных массах. Возвратившись из Англии, Милюков взялся за реализацию идеи образования по английскому образцу. К этой работе были привлечены университетские профессора П.Г.Виноградов, Н.И.Стороженко, А.Н.Веселовский. Была проведена подготовительная кампания по пропаганде этой идеи, и затем состоялось многолюдное заседание в зале Московского Политехнического музея. На заседании была одобрена первая четырехлетняя программа курсов народного образования. Консультантами согласились стать М.Мензбир — по биологии, Н.Умов — по физике, Лев Лопатин — по философии, Стороженко — по литературе, Чупров — по общественным наукам, Виноградов — по истории. Московский издатель Сытин согласился издавать серию книг "Библиотека самообразования". Одним из образцов популяризации для Милюкова служили книги англичанина Дональда Маккензи Уоллеса, который написал запомнившуюся всем книгу о России.

Конец 1904 г. Милюков провел в Лондоне, работая в Британском музее над своими "Очерками по истории русской культуры"⁶⁰. Решающее влияние на его культурные и социальные представления оказала английская политическая система и государственная жизнь. Он часто бывал в Палате Общин английского парламента и регулярно читал "Вестминстерскую газету", отражавшую позиции либералов. Милюков вошел в круг фабианцев, познакомился с леворадикальным политиком Р.Макдональдом, который в тот момент начинал свою политическую карьеру. Б.Пэрс отмечал, что Милюков чувствовал себя в Англии как дома и что его взгляды ничем не отличали его от большинства членов Национального Либерального клуба в Лондоне⁶¹.

В кругу русских в Лондоне Милюкова ввел И.В.Шкловский. Они были близки в своих взглядах на английскую демократию, Милюков был постоянным читателем его корреспонденций⁶². В газете "Последние новости" Милюков описал свои встречи в лондонском доме И.В.Шкловского с представителями русской оппозиционной интеллигенции, такими как П.А.Кропоткин, Е.К.Брешко-Брешковская, Н.В.Чайковский⁶³. В Лондоне Милюков встречался и с В.И.Ульяновым, пригласившим его в свое "скромное жилище". Это был единственный случай, когда эти политические лидеры встречались и вели дискуссию. Ленин произвел на Милюкова неблагоприятное впечатление, как "упрямый спорщик и тугодум"⁶⁴.

В 1907 г. между Россией и Англией было заключено соглашение по Ближнему Востоку. В его заключении важная роль принадлежит кадетам, в частности П.Н.Милюкову. Ему же принадлежат многие инициативы по сближению русской Думы и английского Парламента. Летом 1909 г. Милюков приехал в Англию в составе делегации, которую принимал Парламент. Этот визит благоприятно сказался на его политической карьере. Он встречался с видными британскими политиками, выступал с лекциями в университете Ливерпуля, где был представлен Б.Пэрсом как один из самых выдающихся политических деятелей Европы⁶⁵. В августе 1916 г. Милюков принял участие в летней сессии по обсуждению российских и польских проблем. Во время этой сессии выступили с лекциями также П.Б.Струве, А.С.Лаппо-Данилевский, Р.Дмовский, Г.Вильямс. Сборник этих лекций с предисловием Джулиет Дафф был опубликован в Кембридже в 1917 г.⁶⁶.

В политической карьере Милюкова просматриваются черты, высоко ценимые в среде английских политиков: способность к компромиссам, умение приспосабливаться к меняющимся политическим обстоятельствам. За период между двумя революциями — между 1905 и 1917 годами — Милюков не раз менял свои убеждения. После поражения первой революции он, бывший революционер, стал на время консерватором; во время войны 1914 г. он пытался договориться о мире с немцами, что обескуражило союзников; во время Февральской революции он, лидер кадетов, неожиданно для всех взял сторону монархистов. Монархизм не был убеждением Милюкова, но лишь очередным компромиссом: он считал, что только сохранив на время монархию, как привычную для народа форму власти, можно спасти от гибели Учредительное собрание.

В 1920 г. Милюков эмигрировал и жил в основном в Лондоне и Париже. Эмиграция — новый этап политической эволюции Милюкова. Бывший министр иностранных дел Временного правительства, он некоторое время продолжал играть самые заметные роли не только в среде русского зарубежья, но и в политических кругах Запада. В 1919 г. он опубликовал брошюру "Russia and England", в которой подчеркивал общие интересы двух государств. С большой прозорливостью на первый план он выдвигал сырьевые интересы Англии в России. В 1920 г. он издал в Лондоне и Нью-Йорке книгу "Bolshevism As a World Peril" ("Всемирная опасность большевизма"), а в 1922 г. книгу "Russia Today and Tomorrow" ("Россия сегодня и завтра").

После окончательного поражения Белой Армии в Крыму Милюков резко порвал со своими соратниками по Комитету Освобождения и по партии, отказавшись в какой бы то ни было форме поддерживать белое движение. Он считал, что

исторические обстоятельства сложились в пользу победителей, а значит побежденным следует приспособиться к новой реальности. Он предложил эмиграции "новую тактику", которая заключалась в выжидании "перерождения" советской власти и сближения ее с западными формами государственности. На этом этапе Милюков отстаивал необходимость сильной власти в России и даже одобрял военную диктатуру, считая, что все средства хороши для сохранения и укрепления государства.

У Милюкова в эмиграции было множество сторонников: многих привлекал его ораторский талант, его выступления всегда собирали слушателей. Но были у него и серьезные враги в среде правой эмиграции. В марте 1922 г. в Берлине на него совершили покушение два бывших белых офицера. В результате покушения был убит В.Д.Набоков, несколько человек были ранены. Милюков продемонстрировал свойственное ему хладнокровие и от "новой тактики" не отступил. Рупором его новых убеждений стала выходившая под его редакцией в Париже газета "Последние новости". В своих передовых Милюков освещал внешнюю и внутреннюю политику современной России. Новые взгляды Милюкова на Россию и Запад были высказаны им во второй половине 1920-х годов в критике евразийства. Он считал евразийство запоздалым возрождением славянофильства и критиковал евразийцев одновременно за их консервативный национализм и за их ориентацию на Советскую власть. В конце 20-х годов Милюков выступал с критикой евразийства в Англии, где существовала небольшая евразийская группа. В среде эмиграции ходила шутка Милюкова: "Почему мы говорим Евразия, почему не Азиопа?".

А.Ф.Керенский

Нежданным и для многих нежеланным гостем в Англии был А.Ф.Керенский (1881-1970). Его отъезд из России был организован с помощью Локкарта, который снабдил его визой в Англию. В Мурманске А.Ф.Керенский погрузился на трейлер Британской разведки и отплыл в Шотландию⁶⁷. К.Д.Набоков так описывал его появление в Великобритании: "Керенский исчез и к собственному несчастью "всплыл" в Англии шесть месяцев спустя. В июне 1918 г. в газете "Daily Mail" появилось известие о том, что Керенский бежал в Америку, в Нью-Йорк. Но в действительности в тот самый день он прибыл в Лондон"⁶⁸. Министерство иностранных дел принимало меры, чтобы избежать огласки его пребывания в Англии, так как его приезд мог свидетельствовать о том, что Британия поддерживает антибольшевистские силы. А.Ф.Керенскому было предложено переехать в Америку, но он решил сначала использовать политические возможности европейских союзников.

По просьбе К.Д.Набокова, 24 июня 1918 г. А.Ф.Керенского принял Д.Ллойд Джордж в правительственной резиденции на Даунинг Стрит, 10. Под впечатлением разговора с ним в тот же день в Палате Общин в Парламенте премьер сообщил о своем "обнадеживающем свидании" с лицом из России и поддержал сторонников интервенции. Рабочие лидеры и газетные редакции знали о пребывании А.Ф.Керенского в Лондоне, но добросовестно избегали упоминания его имени публично и в печати. Но он стремился легализовать свой приезд, устраивая публичные выступления. Первым его появлением перед значительной аудиторией было выступление в Лондоне, в Вестминстере на конференции Рабочей партии. Керенский говорил о

том, что русские борются с тиранией за великое дело свободы и надеются на поддержку англичан. Перевод речи был последовательный, а не синхронный, что неизбежно должно было снизить эмоциональное воздействие, тем не менее, по свидетельствам очевидцев, речь вызвала ажиотаж. На другой день он снова выступал и, несмотря на протесты части делегатов, завоевал внимание слушателей своим призывом поддержать борьбу против тирании большевиков.

А.Ф.Керенский намеревался просить у союзников финансовой и военной помощи для борьбы с большевизмом и ходатайствовать о признании законным Всероссийским правительством Омской директории, образованной на основе "Союза Возрождения" и состоявшей преимущественно из эсэров. С этой целью 10 июля он отправился во Францию и беседовал с Клемансо, однако не получил поддержки. Французское правительство считало, что поскольку Россия вышла из войны и заключила сепаратный мир с Германией, она нарушила союзнический договор. Ни с чем Керенский вернулся в Англию и стал усиленно пропагандировать интервенцию. Английское правительство в этот момент склонялось к официальному признанию Омской директории. В середине октября 1918 г. К.Д.Набокову было предложено право посылать в Омск шифрованные телеграммы. А.Ф.Керенский пытался включиться через его посредство в деятельность Директории, однако К.Д.Набоков сопротивлялся этому. На его запрос председатель директории Н.Д.Авксентьев телеграфировал, что А.Ф.Керенский находится в Лондоне "в качестве частного лица" и что никаких полномочий от "Союза Возрождения" ему не дано.

Своими выступлениями на собраниях и в британской печати А.Ф.Керенский расположил к себе некоторых английских журналистов и политиков. По поводу его приезда с английскими политическими деятелями переписывался Б.Пэрс. Он считал, что хотя А.Ф.Керенский как политическая фигура в России больше не существует, его приезд в Англию может быть использован с выгодой для дела союзников. В эти первые годы после революции Б.Пэрс называл большевиков авторитарными узурпаторами и надеялся на "близкий конец их незаконного правления". Он призывал англичан поддерживать отношения с русской эмиграцией и полагал, что внимание английской политической элиты к Керенскому польстит эмигрантам. По всей видимости, он плохо представлял себе, насколько разнородна эмиграция по своим политическим взглядам и по своему отношению к Керенскому.

В Русско-Британском Братстве и Русском кружке, состоявших по большей части из белых офицеров, Керенского приняли сухо. Кадеты решительно отмежевались от него. В ответ на публикацию интервью с ним (*Daily News*, November 14, 1918) и вызванные им отклики, П.Н.Милюков выступил с открытым письмом в "Таймс" (*The Times*, November 19, 1918), "Манчестер Гардиан" и "Sunday Chronicle", где высказал, что думают об этой политической фигуре его соратники по партии. Он писал: "Кадеты — как "умеренные", так и "левые", и "правые", преданно служат делу восстановления России, за разрушение которой А.Ф.Керенский несет большую ответственность, чем кто-либо другой". Выступления Милюкова с политическим развенчанием Керенского в ведущих английских газетах не могло пройти незамеченным. Однако оно никак не отразилось на отношении к Керенскому других представителей русской эмиграции в Англии, у которых он сразу по приезде нашел теплый прием. Его приветствовал Я.О.Гавронский, возглавлявший

отдел печати в российском посольстве, а также Дэвид Соскис, сын торговца-миллионера из Бердичева, один из лидеров российской дореволюционной эмиграции в Лондоне. Они считали, что А.Ф.Керенский еще сыграет роль в русской политике и начали создавать его "штаб". В течение следующих полутора лет А.Ф.Керенский жил в Лондоне у Я.О.Гавронского, в роскошном доме по адресу 7 Cambridge Terrace, выходявшем окнами на Ридженс Парк.

В Лондоне А.Ф.Керенский вел кампанию против Деникина и Колчака, считая, что придя к власти, они установят тиранию. Он призывал русских и англичан совместно выступить за русскую демократию. После роспуска Омской директории и объявления Колчака верховным правителем в ноябре 1918 г., Керенский объявил о своем желании вернуться в Россию и возглавить борьбу за восстановление демократии. Он надеялся на помощь англичан, однако британское правительство ответило ему отказом: оно не намеревалось "вмешиваться во внутренние дела" России. Когда стало ясно, что на помощь бывших союзников рассчитывать нельзя, Керенский и сам стал выступать за прекращение вмешательства. На этом этапе его акции как потенциального политического лидера упали. Ему было отказано и в содействии в возвращении в Россию. В газете "The Russian Outlook" за 24 мая 1919 г. о Керенском сообщалось: "Упомянутый джентльмен до сей поры проживает где-то в Англии, оставаясь не у дел и создавая мемуары о своей роли в русской революции. Всякий русский считает Керенского виновным в том, что случилось. Ленина и Троцкого следовало своевременно арестовать. Не надо было расшатывать армию призывами к демократии" ⁶⁹.

Бегство А.Ф.Керенского стоило жизни его младшему брату Федору: в январе 1919 г. он был расстрелян красноармейцами. Большевики захватили вторую семью А.Ф.Керенского в Казани — жену и дочь. Первая жена Ольга, с которой он не был формально разведен, была арестована и содержалась на Лубянке, но с помощью друзей ей удалось бежать и эмигрировать в Англию вместе с двумя сыновьями. В конце октября 1919 г. Керенский встречал Ольгу и сыновей Олега и Глеба в английском порту Гарвич. Хотя супругов многое разделяло, тем не менее в силу необходимости семья осталась в Лондоне на попечении Я.О.Гавронского.

В начале 1920-х гг. Керенский по большей части вел свою деятельность в Париже и в Берлине, где по его инициативе начала выходить газета "Дни". Когда закончились дни "Русского Берлина", он окончательно переехал в Париж. Туда же была перенесена редакция газеты. По вечерам он читал лекции и предавался воспоминаниям в кругу симпатизирующих ему французских социалистов. Неравнодушный к искусству и литературе, в 1926 г. он познакомился с Мариной Цветаевой и проводил много времени в ее обществе. Несмотря на политические расхождения с Э.Гиппиус, он посещал вечера "Зеленой лампы".

В 1927 г. Керенский провел четыре месяца в Нью-Йорке, где его принимали с помпой: газеты отмечали каждый его шаг, а выступления собирали огромную аудиторию. Реакция русской колонии на его приезд, как и в Европе, была противоречивой. Однако в Америке среди русских у него нашлось много друзей и сторонников. В газете "Нью-Йорк Таймс" появились первые главы его мемуаров, которые вскоре были опубликованы в виде книги. В начале 1930-х гг. он снова появился в Англии. В ноябре 1931 г. Б.Пэрс не без гордости сообщал Е.Д.Куско-

вой о своем общении с ним: "А.Ф.Керенский находится теперь в Лондоне и позавтракал со мною в понедельник. Во вторник я должен председательствовать при речи, которую он произнесет по-английски перед одним английским обществом. Мы недавно обменялись нашими последними известиями с Вашей родины. Проф. Озеров сослан на десять лет (!) в Соловки, проф. Любавский в Уфу, и разные другие московские профессора тоже сосланы. Для двух первых это конечно смертный приговор. Я знал обоих, а Любавского близко: но как все это ни возмущает, страстью ничего не поделаешь, и нужна, как Вы сказали, долгая, сдержанная и упорная работа" ⁷⁰.

В более поздние годы в Англии друзья убедили А.Ф.Керенского продолжить работу над мемуарами и он поселился для этого в тихом курортном Брайтоне. Ему помогал историк Георгий Катков, работавший в Колледже Св. Антония в Оксфордском университете. Керенский побывал в Оксфорде и познакомился с известным историком славистом Максом Хейвордом (Max Hayward), а также встречался с жившими там сестрами Б.Пастернака. После нескольких удачных визитов в Америку, получив приглашение читать лекции в Стэнфордском университете, Керенский уехал из Европы. В Америке Е.Извольская помогала ему работать над книгой по истории России ("Russia and History's Turning Point", 1965). В конце 1960-х гг. Керенский продал свой архив Техасскому университету. Общаясь с русской колонией, Керенский стал бывать в церкви и к концу жизни стал церковным человеком. Он умер в 1970 г. в возрасте 89 лет.

На протяжении всей жизни А.Ф.Керенского связывала с Англией его семья: он поддерживал отношения со своими сыновьями. В 1927 г. Олег и Глеб окончили свои университеты и удачно устроились на работу: Олег Керенский стал инженером по строительству мостов и дорог и впоследствии приобрел в этой области мировую известность. Глеб (тоже инженер, но в области электричества) помогал отцу переводить его книги на английский язык. В его переводе в 1934 г. вышла книга А.Ф.Керенского "The Crucifixion of Liberty". Внук А.Ф.Керенского, Олег Олегович (род. в Лондоне 9 января 1930, ум. 9 июля 1993 в Нью-Йорке) сделал себе имя как журналист и балетный критик. Он окончил Вестминстерскую школу и Крайст-черч колледж Оксфордского университета. После университета работал на международной службе Би-Би-Си, публиковался в журнале "Listener". Он писал о балете, опере, театре, музыкальных концертах в газетах "Daily Mail", "The New Statesman", "The International Herald Tribune". Ему принадлежат исследования "Ballet Scene" (1970), "Anna Pavlova" (1973), "The New British Drama" (1977), "The Guinness Guide to Ballet" (1981), а также статьи о балете в Британской энциклопедии. За его страсть к балету, театру, мюзиклам и всевозможным представлениям коллеги называли его "пожирателем искусства". В поздние годы он жил в Нью-Йорке, много путешествовал по Америке. Голливудский режиссер Уоррен Битти (Warren Beatty) предложил ему роль А.Ф.Керенского в своем фильме "Reds" ("Красные").

А. Ф. Аладьин

Алексей Федорович Аладьин (15 марта 1873, Симбирская губ. — 5 августа 1927) — лидер партии трудовиков в Первой Думе 1906 г., прожил в Англии

половину своей жизни ⁷¹. До революции он не раз бывал в этой стране, а в 1921 г. переехал в Англию навсегда. Первый раз он оказался в Англии в 1900 г., когда бежал из ссылки. Язык он учил по дороге, читая английские газеты. В Англии он устроился учителем русского языка, обучал английских офицеров. Б.Пэрс, с которым Аладьин познакомился в России, вспоминал в своих "Русских мемуарах", что Аладьин учил язык в Лондонских доках, где работал грузчиком ⁷². О нем писал и М.Бэринг в книге "Что я увидел в России" ⁷³.

В январе 1905 г. Аладьин был инициатором массового митинга в Лондоне в поддержку жертв кровавого воскресения, что было отмечено в "Таймс" ⁷⁴. В ноябре, воспользовавшись амнистией, он вернулся Россию. Возглавив партию трудящихся, представлявшую крестьян, в 1906 г. он вошел в Первую Думу. После роспуска Думы он поехал в Лондон, где принимал участие в Межпарламентской конференции в Палате общин. В Англии Аладьин приобрел большую популярность своими лекциями в Фабианском обществе о политической ситуации в России. Мемуаристы отмечают, что в Англии он старался подражать английским манерам, как в одежде, так и в речи. Некоторое время он работал в качестве журналиста и переводчика, посылал корреспонденции в "Биржевые ведомости" и "Новое время". Суворин назначил его своим корреспондентом по вопросам воздухоплавания, автомобилизма и мореходства. Одна из статей Аладьина, опубликованная под псевдонимом Роувер, так и была озаглавлена "Воздухоплавание в Англии". С 1907 по 1914 г. Аладьин выступал в Англии с лекциями в различных обществах: в Герценовском кружке, Фабианском обществе, на собраниях независимой лейбористской партии, в клубе реформаторов. За время своего пребывания в Англии Аладьин перепробовал разные профессии и брался за самые разные поручения. В 1911 г. он переехал в Саутгемптон, где получил работу инженера. Во время Первой мировой войны Аладьин в качестве журналиста побывал в различных местах расположения британской армии в Европе. Возможно, он работал не только корреспондентом, но и разведчиком. Одновременно он вел деятельность по распространению русского языка в британских университетах. В 1916 г. его посылали в Дублин для расследования причин революционного движения. Он вернулся с компетентным социологическим исследованием.

Весной 1916 г. Аладьин был гидом русской делегации писателей и журналистов: знакомил их с атмосферой Флит-стрит. В.Д.Набоков отмечал, что к этому времени Аладьин отлично говорил по-английски с акцентом кокни, а в его русском появились некоторые англицизмы. В июле 1917 г. Аладьин в форме лейтенанта британской армии отправился в Петроград с целью установления контакта с генералом Корниловым ⁷⁵. Поездку финансировали английские политические деятели и военные, считавшие, что Британии следовало поддержать Корнилова. Весной 1918 г. Аладьин находился в добровольческой армии на юге России, где ему удалось связаться с Британской миссией. В апреле 1920 г. он был в Севастополе с частями армии Врагеля. Несмотря на то, что он всецело был занят проблемами эвакуации британской и Белой армии, он успел выступить с лекцией в "Обществе Молодежи Русского Ренессанса" и получил благодарность от его секретаря. Через Константинополь Аладьин отправился в Париж, а затем в Лондон с дипломатическими поручениями. Аладьин был частым посетителем библиотеки Британского музея: он интересовался множеством предметов из области науки, инженерного дела, истории,

философии и литературы. В литературе он был поклонником Р.Киплинга и Г.Уэллса. Ему принадлежат переводы на русский язык рассказов Киплинга и романа Уэллса "Война в воздухе".

П.Н.Игнатьев

Павел Николаевич Игнатьев до революции был министром образования. Во время революции он эмигрировал с семьей в Англию. Как пишет его внук М.Игнатьев в книге "Семейный альбом" ⁷⁶, семье было бы проще остаться в Париже, где было много эмигрантов. Решение отправиться в Англию было принято потому, что британские университеты славились на всю Европу, а в семье было пятеро сыновей. В Англии Игнатьевым обещала свою помощь их английская гувернантка Пегги, игравшая в семье не последнюю роль. В конце июля 1919 г. Игнатьевы приехали в Лондон и поселились в районе Putney в доме своей гувернантки. В Англии П.Н.Игнатьеву удалось получить деньги, причитавшиеся ему за торговую операцию, так что семья не бедствовала.

В Англии в первые годы эмиграции П.Н.Игнатьев представлял Сибирское правительство адмирала Колчака и был назначен председателем русского общества Красного креста. Но видимо, политическая карьера не привлекала его: он хотел заняться земледелием, как на своей украинской усадьбе, но на современной основе. Летом 1920 г. семья переехала на ферму, на побережье в районе Гастингса. Узнав об этом, туда с потянулись родственники, нуждавшиеся в поддержке. Вместе с Игнатьевыми поселились Васильчиковы, полковник Малевский и некоторые другие. Как пишет автор "Семейного альбома", за столом бывало двенадцать человек. Получив образование, сыновья Игнатьевых начали постепенно перебираться в Канаду. В сентябре 1928 г. в Монреаль переехала вся семья. Георгий Игнатьев, один из младших сыновей в 1936 г. поступил в Оксфорд, получив там стипендию. Родственники Игнатьевых Мещерские жили в Лондоне. У них были деньги в английском банке и счет в самом роскошном магазине Лондона "Harrods", где продавался чай под названием "Княгиня Мещерская".

А.В.Тыркова-Вильямс

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869-1962) эмигрировала из России в 1918 г., когда ей было сорок девять лет. Еще сорок четыре года — почти полжизни — прошли в эмиграции. Из них более четверти века она прожила в Англии, которую она называла своей второй родиной. А.В.Тыркова родилась в Санкт-Петербурге на Охте. Ее отец мировой судья В.А.Тырков принадлежал к старинному новгородскому дворянскому роду. Мать, урожденная Гайли, была из балтийских дворян. Семья владела большим живописным имением Вергежа, с которым связан весь российский период жизни писательницы и которое осталось для нее символом родины в эмиграции. Вергеже посвящены лучшие страницы ее воспоминаний. Окончив гимназию А.А.Оболенской, А.В.Тыркова училась на математическом отделении Высших женских курсов в Санкт-Петербурге. В 1890 г. она вышла замуж за Адольфа Бормана, корабельного инженера из обрусевших немцев.

В 1897 г. брак распался, и А.В.Тыркова решила содержать себя и двоих детей — Аркадия и Соню — своим литературным трудом. С этого года она начала выступать под псевдонимом А.Вергежский (по названию семейного имени) в газетах “Северный Край” (Ярославль), “Приднепровский край” (Екатеринослав), “Сын отечества”.

С 1903 г. А.В.Тыркова работала в журнале П.Б.Струве “Освобождение” и вела политическую деятельность в составе руководимой им нелегальной группы “Союз освобождения”. В этой среде она сблизилась с либеральными кругами интеллигенции, в которых формировалось ядро кадетской партии. В редакции журнала, который издавался в Штуттгарте, А.В.Тыркова познакомилась с новозеландцем Гарольдом Вильямсом (1876-1928), который работал корреспондентом английских газет по русским вопросам. А.В.Тыркову и Г.Вильямса объединяли взгляды на жизнь и на людей, общность религиозных взглядов (при разном вероисповедании), они были политическими единомышленниками и литературными соавторами.

В 1904 г. А.В.Тыркова была арестована на русско-финской границе за провоз тиража журнала “Освобождение”. Однако влиятельные друзья помогли ей выйти из тюрьмы, она была освобождена по болезни и вскоре нелегально, через Финляндию и Швецию, выехала в Штуттгарт, а затем переехала в Париж. Из Европы Тыркова вернулась после манифеста 17 октября 1905 года. С этого времени она принимала активное участие в создании конституционно-демократической партии, а с 1906 г. стала членом ЦК кадетов. Конец 1900-х — начало 1910-х годов — время наполненной творческой жизни А.В.Тырковой: она публиковала статьи и корреспонденции в газетах “Русь”, “Речь”, “Биржевые ведомости”, “Слово”. Ее рассказы и романы публиковались в журналах “Вестник Европы”, “Нива”, “Русская мысль”. Отдельным изданием вышли ее повесть “Ночью” (1911) и роман “Жизненный путь” (1913). Посвященные житейским проблемам, вопросам брака и судьбе женщины, сочинения Тырковой пользовались большой популярностью у читателей как в столице, так и в провинции.

Большевистская революция для А.В.Тырковой, как и для многих ее соратников из интеллигенции и дворян, была трагедией. Ни идеологию, ни методы большевиков она не принимала ни при каких условиях и до конца своих дней оставалась непримиримой противницей коммунизма. После революции А.В.Тыркова перешла с лево-либеральных позиций на консервативные. В ее мировоззрении с годами все более серьезную роль играло православие. Многие годы в эмиграции ушли на осмысление происшедшего, анализ своей роли в событиях и осознание своей вины. В январе 1945 г. она писала в письме к Е.И.Саблину: “Я знаю творческую силу компромисса и только сожалею, что в своем русском политическом прошлом этого не понимала, как и не понимал этого Милюков и многие другие. Но есть область духа, где нет места уступкам — это религия и моральные требования. Сюда я включаю и уважение к человеческой личности и свободу мысли. Ну а в вопросах политической формы и экономического устройства возможны самые широкие подходы, самые крутые изменения — но не крутые меры” ⁷⁷.

В первой половине марта 1918 г. А.В.Тыркова и Г.Вильямс отправились в Англию. Их отъезд был относительно спокойным, так как в начале 1918 г. они зарегистрировали свой брак и приняли английское подданство. Но по признанию Тырковой, она уезжала с чувством, что бежит с поля боя. Из порта они вышли

первого апреля и плыли, заходя далеко на север, чтобы избежать немецких подводных лодок. Через неделю, измученные морской болезнью, высадились в Ньюкастле. В Лондоне, не успев прийти в себя после путешествия, Тыркова и Вильямс оказались в центре внимания журналистов и политиков. В первый день приезда в Лондон они были приглашены на завтрак к редактору "Дейли Кроникл" Роберту Дональду, а чай пили в тот же день у Д.Ллойд Джорджа. Ни А.В.Тыркова, ни ее дочь Софья в России не научились говорить по-английски, но Г.Вильямс в совершенстве владел русским, благодаря чему А.В.Тыркова быстро включилась в закулисную политическую деятельность, используя все возможности влияния на английское общественное мнение. Она записывала в своем дневнике 19 мая 1918 г.: "Когда приехали, высшие английские сферы были почти готовы признать большевиков. Аргументы Ллойд Джорджа: Троцкий — первый сильный человек в России. Он хочет организовать армию против Германии. Другого правительства нет. С кем же иметь дело?"⁷⁸. Тыркова и Вильямс стали членами Русско-Британского Братства.

По инициативе А.В.Тырковой при посольстве был образован небольшой комитет, в который вошли И.В.Шкловский, член Русского Правительственного комитета Н.Нордман, Я.О.Гавронский и сама А.В.Тыркова. Г.Вильямс занял влиятельное положение в Комитете для общих действий в русской политике при английском "Министерстве пропаганды". Его членами были писатель Хью Уолпол, генерал Нокс, Сэмюэль Хор, Бернард Пэрс и другие. В Англии А.В.Тыркова наблюдала быструю перемену настроений в пользу большевиков. В июне 1918 г. ей и Г.Вильямсу довелось беседовать с Г.Уэллсом. Они познакомились с ним во время его первого приезда в Россию в январе 1914 года. Писатель провел два дня в имении Тырковых Вергеже. Впечатления Г.Уэллса от волховского раздолья и аристократического уклада русского имения нашли отражение в его романах "The Research Magnificent" (1915) и "Joan and Peter: The Story of an Education" (1918). Когда они встретились в Англии, они не нашли общего языка. Писатель приветствовал революцию и возражал против интервенции, считая, что Россия должна сама решать свои проблемы. А.В.Тыркова безуспешно пыталась его переубедить. Она думала, что необходимо через печать знакомить Запад, и прежде всего англичан, с истинным положением дел в России. В течение года она выпустила в Лондоне на английском языке две книги. Первая из них "От свободы к Брест-Литовску. Первый год русской революции" (From Liberty to Brest-Litovsk. The First Year of the Russian Revolution. London, 1919) представляет собой историю первого года русской революции. Она была подготовлена по материалам вывезенной из России газеты кадетов "Речь", а также на основе личного опыта работы автора в Думе и Петроградском продовольственном комитете. Это была первая на английском языке документальная история революции 1917 года, написанная очевидцем по горячим следам. Английский текст редактировал Г.Вильямс. В предисловии А.В.Тыркова писала: "Социалисты сделали из моего отечества огромное опытное поле для своих догм и теорий. Они забыли, что человек — самое неизученное явление на земле, что психология отдельных людей, а тем более масс пока еще никем не объяснена". В том же году в серии брошюр Комитета Освобождения России А.В.Тыркова выпустила экономическое исследование "Почему Советская Россия голодает" (Why Soviet Russia is Starving. London, 1919).

Во время первого приезда в Лондон А.В.Тыркову не покидала уверенность, что она вернется в Россию. Ей, как и многим, казалось, что поражение большевиков — дело недалекого будущего. С ее деятельным характером она не могла сидеть сложа руки и осенью 1919 г. решила ехать на юг России в составе английской миссии, направленной для поддержки армии Деникина. Гарольд Вильямс был прикомандирован к этой миссии газетами "Таймс" и "Дейли Кроникл". Дочь Тырковой Соня Борман отправилась в Россию с английским санитарным военным судном, а сын Аркадий — в составе союзнической армии. Все члены семьи верили, что с помощью англичан Россия вскоре будет освобождена от большевиков, а потому они везли из Лондона все свои вещи и даже подарки для друзей. Штаб миссии и силы союзников были сосредоточены в Ростове-на-Дону. А.В.Тыркова пыталась наладить в Ростове информационную связь с западной прессой, но это оказалось невозможным. В условиях, когда всякое передвижение по стране грозило опасностью для жизни, в ноябре 1919 г. она отправилась на последний в России съезд партии кадетов, проходивший в Харькове. Ее впечатление от этого съезда было удручающим. Лидеры партии были в состоянии растерянности, у партии не было ни организации, ни конструктивной программы. В дневнике она записала: "Что такое кадетская партия сейчас? Нужна ли она? Ошибок и грехов много на наших душах. А как их искупать или поправлять?"⁷⁹.

Поздней осенью, несмотря на поддержку союзников, которая оказалась в большей степени моральной, чем материальной, и больше наблюдением, чем поддержкой, — началось отступление Белых армий. Были сданы Киев, Харьков, а вскоре красные части подошли к Ростову. В условиях подготовки к эвакуации Тыркова продолжала снабжать сведениями лондонскую редакцию Комитета Освобождения России. В третьем номере журнала "The New Russia" за 19 февраля 1920 г. появилась подписанная ею корреспонденция "Отступление на Юге", с места событий. Публикация датирована 22 декабря 1919 г., а вышла в свет она два месяца спустя. Тыркова писала о голоде, отсутствии транспорта, отчаянии населения и создании "красной аристократии". Она призывала русских и англичан идти до конца в своей борьбе: "Мы имеем дело с противником, перемирие с которым невозможно, а значит мы должны либо победить, либо погибнуть"⁸⁰.

Под угрозой захвата Ростова частями Красной армии английская миссия была эвакуирована в Новороссийск, а оттуда — морем в Константинополь. На английских судах вместе с англичанами в Константинополь бежали несколько тысяч русских, в их числе члены царской фамилии, находившиеся в тот момент на юге — вдовствующая императрица Мария Федоровна и сестра царя Ольга Александровна. Тыркова оказалась на одном корабле с сестрой царя. Дочь Тырковой Соня, больная тифом, была эвакуирована в Югославию вместе с другими больными, тоже на английском военном судне. Ее спас русский офицер Бочарский, за которого она впоследствии вышла замуж. Чудом удалось ее найти, и семья отправилась в Лондон. Тыркова и Вильямс на этот раз навсегда покинули Россию. Аркадию Борману удалось бежать через финскую границу вслед за отцом и сыном Струве, которые тоже направлялись в Англию. Несколько лет спустя А.В.Тырковой удалось с помощью друзей вывезти из России свою мать.

Приезд Тырковой и Вильямса в Лондон в июле 1920 г. был далеко не таким триумфальным, как их появление в английской столице год назад. Тогда они были

интересны для всех как непосредственные свидетели происходящего в России, как источник сведений, на основе которых можно было прогнозировать развитие политических событий. Теперь же Г.Вильямс оказался в роли журналиста-неудачника, предсказания которого относительно близкой гибели большевиков не оправдались. А.В.Тыркова вспоминала эти годы: "Лондон подавлял нас обоих. Он дышал на нас холодом и туманом. Большие города — не для слабых. Они безжалостны к потерпевшим поражение" ⁸¹. В течение нескольких лет А.В.Тыркова почти безвозмездно работала в Комитете Освобождения России (1919-1924), много сил отдавала Обществу помощи русским беженцам. Она находилась в центре политической и культурной жизни русской общины в Лондоне, будучи правой рукой Е.И.Саблина, много писала для печати русского зарубежья.

В 1920 г. Тыркова приняла участие в дискуссии русских эмигрантов с побывавшим в России Уэллсом. Собранные ею материалы публиковались в журнале Комитета Освобождения "The New Russia". Через Уэллса была осуществлена провокационная попытка с советской стороны установить контакт с А.Тырковой. В своем письме от 26 октября 1920 г. Уэллс писал ей: "Я только что из Советской России. На квартире Горького меня не раз посещала одна дама со своим сыном, которая сказала, что она — Ваша сестра, а ее сын — Ваш племянник" ⁸². Уэллс предлагал Тырковой вступить в переписку с ее "сестрой" и сообщал, что она страдает от многочисленных лишений, которые несет с собой война и блокада. О положении в России он добавил: "Правительство большевиков теперь значительно больше уверено в себе и выпускает из заключения множество людей, арестованных по подозрению в принадлежности к "белым". В деревне ситуация лучше, чем в Москве и Петербурге. Топлива, так же как и воды, вполне достаточно".

В 1921 г. А.В.Тыркова опубликовала написанный в соавторстве с Г.Вильямсом роман "Полчища тьмы" ("Hosts of Darkness"), посвященный первым годам революции. Герои романа, представители буржуазной интеллигенции, с риском для жизни знакомятся с разными сторонами революционной российской жизни, бывают на митингах, посещают собрания революционного совета рабочих и солдат. На историческом фоне борьбы с самодержавием развиваются романтические отношения персонажей. В герое легко узнать одного из авторов: английский журналист Чарльз Васильевич Эллис — это конечно Гарольд Васильевич Вильямс.

Летом 1921 г. редактор "Таймс" Викам Стид предложил Г.Вильямсу писать передовые в его газету. Г.Вильямс согласился и вскоре не только вернул свои прежние позиции в журналистике, но завоевал положение ведущего журналиста в солиднейшей и старейшей английской газете. В августе 1922 г. семья приобрела дом № 9 по Тайт Стрит, в хорошем квартале Лондона. Много сил приложила Тыркова, чтобы наладить жизнь в этом доме. В октябре она писала Е.Д.Кусковой: "Прошу запомнить этот адрес. Это надолго. Если есть у людей что-нибудь надолго. <...> Теперь я засела на нашем острове. Гнездо вью, столы, кровати, ковры покупаю. Я ведь за буржуазный строй и поэтому последние, почти пять лет, была бездомной. Зато Горький, Гржебин и прочие социалисты за эти годы обзавелись домком и даже весьма большими домами" ⁸³. Приобретение и устройство дома не прошло бесследно для журналистской работы А.В.Тырковой. В 1926 г. она регулярно публиковала статьи об английской жизни в парижской газете "Возрожде-

ние", редактировавшейся П.Б.Струве. В этой серии появилась статья, где рассказывается об архитектурных особенностях английских домов, о законодательстве, связанном с домовладением. А.В.Тыркова давала полезные советы англичанам, как бороться с сыростью и холодом в доме, а в системе домовладения находила множество недостатков и пережитков прошлого. Во второй половине 1920-х годов она публиковала заметки о политической, экономической и бытовой жизни Англии в рижской газете "Сегодня". Заметки проникнуты уважением к английским традициям, однако и здесь автор многое подвергает критике.

В конце 1920-х годов, когда в отношениях Англии и России наступил кризис, Тыркова и Вильямс снова стали пользоваться популярностью в английских дипломатических кругах, к их мнению прислушивались, их приглашали на обеды, они сами часто принимали у себя. У них бывал министр иностранных дел Вэнситарт, сэр Сэмюэл Хор, писатели Морис Бэринг, Г.Уэллс, поэт Фрэнк Суиннертон (Frank Swinnerton, 1884-1982). А.В.Тырковой казалось в тот момент, что "разум победил", и в этой победе она видела заслугу русской общины в Англии. Она писала: "Вся страна слушает оценки коммунизма, которые мы дали еще семь лет назад. Казалось, наши слова падают в пространство. И вот теперь отклик докатился. <...> Любовь к порядку, здравый смысл и моральная безразличность английского народа сказались" ⁸⁴.

Благодаря связям Г.Вильямса, А.В.Тыркова была вхожа во влиятельные английские журналистские и политические круги. Она была знакома с английскими писателями, историками, экономистами, религиозными деятелями. Религиозная и церковная деятельность занимала со временем все более и более важное место в жизни А.В.Тырковой, так же как и всей ее семьи. Дом Тырковой и Вильямса в Лондоне был одним из центров культурного сближения русских и англичан, а также центром сближения англикан и православных. В доме бывали митрополит Евлогий и митрополит Анастасий, близким другом семьи был о. Сергей Булгаков. Он вспоминал: "Приезжая в Лондон, мы, русские, знали, что у нас здесь есть дом... Представители всех сфер английской жизни — духовенство, писатели, политики — приходили в этот дом, чтобы услышать от нас, русских, о наших нуждах, печалях и надеждах" ⁸⁵.

В доме А.В.Тырковой бывали также министры С.Д.Сазонов, А.А.Риттих, А.В.Кривошеин, А.И.Гучков, генералы А.И.Деникин, Н.Н.Баратов, Б.В.Геруа, Ф.А.Головин, историк М.И.Ростовцев, а также ее однопартиец и единомышленник П.Б.Струве, с которым она впоследствии разошлась из-за позиции его газеты "Возрождение". Для многих русских политических деятелей, писателей и представителей духовенства А.В.Тыркова организовывала в Лондоне лекции, которые давали выступавшим возможность встретиться с русской аудиторией и получить некоторый заработок. С помощью и при участии А.В.Тырковой были устроены лекции генерала А.И.Деникина, Ф.И.Родичева, о. С.Булгакова, В.А.Карташева. Лекции в основном устраивались в помещении бывшего Российского посольства, а затем в Русском Доме Е.И.Саблина. В.А.Карташев выступал перед русской колонией с докладом о Галлиполи, барон А.Ф.Мейендорф читал лекцию по истории российских государственных установлений времен императора Александра II.

Тыркова оказала поддержку С.В.Паниной и Н.И.Астрову, которые приехали в Англию осенью 1920 г. Панина писала к А.В.Тырковой из Девона, где Астров был

помещен в Дартморский санаторий: "Здесь конечно рай по сравнению с Лондоном, и даже без всякого сравнения, здесь очень хорошо. Совершенно глухая деревня (20 миль от железной дороги) с холмами, лесами, пастбищами, овцами и редкими фермами кругом" ⁸⁶.

Материалы о литературе и искусстве не были случайными в журнале Тырковой "Русская жизнь". Это была близкая ей тема и близкая ей среда. Многие русские писатели, поэты и философы бывали у нее дома, как в России, так и в эмиграции, со многими она переписывалась годами. Она была хорошо знакома с А.Ахматовой, И.Буниным, А.М.Ремизовым, В.В.Розановым, Вяч. Ивановым, З.Гиппиус и Д.Мережковским, Б.Зайцевым, И.Шмелевым, Н.А.Бердяевым, С.А.Франком, Б.П.Вышеславцевым. Несмотря на трудности и неустроенность первых лет жизни в Лондоне, Тыркова помогала многим русским писателям, поддерживая их и морально и материально. Она хлопотала о пенсиях для них в различных фондах, о переводах и изданиях их произведений на английском языке, приглашала их в Англию для выступления перед русской колонией.

Пока это было возможно, А.В.Тыркова поддерживала отношения и с писателями, оставшимися в Советской России. В апреле 1922 г. она получила письмо от К.И.Чуковского с описанием жизни российской интеллигенции и просьбой о помощи: "Жизнь ее [Анны Ахматовой] тяжелая. В комнате у нее холодно, часто ей приходится самой пилить дрова. Что это думают англичане? Отчего они не помогут русским писателям жить и писать? Они переводят нас, цитируют нас, хвалят нас, но никогда не подумают, что нас нужно накормить. Сейчас находится в больнице поэт М.А.Лозинский. У него от голода — нарывы, он лежит в нетопленной палате, рядом со зловонными больными. Недавно я был у А.Ф.Кони. Этот 78-летний старик добывает пропитание лекциями в грязных (и часто пустующих) клубах. Жалованья ему не платят. Он принужден продавать свои книги. Посмотрите на Кузмина, — опустившийся хилый старик. Особенно тяжело семейным. Я, например, затеял написать "Историю современной английской литературы" — характеристики Честертона, Мезфильда, Уэллса, Шоу, Беккета, De la Mare, G. Moore и т.д. — но у меня четверо детей, огромная семья и заниматься я могу лишь во время бессонницы. В начале казалось, что удастся издавать свои книги — а затем стоп! — все издательства провалились из-за страшных цен на бумагу и чудовищных типографических тарифов! Я выяснил, что та наборщица, которая будет набирать стихотворение Анны Ахматовой получит в пять раз больше, чем сама Анна Ахматова за то же стихотворение! При таких условиях жить литературой нельзя, и почти каждый день слышишь о банкротстве того или иного издательства. В типографии Голин и Вильбор уже около года готовилась к выходу огромная книга Ю.Анненкова "Портреты" — изображающая весь Петербург революционной поры — книга страшная, памятник зловещий. Печатать книги стоит уже около 10 миллиардов и когда она выйдет неизвестно. Все журналы провалились..." ⁸⁷

А.В.Тыркова в течение многих лет поддерживала М.А.Ремизова и его жену, помогала И.С.Шмелеву организовать издание "Солнца мертвых" на английском языке, расследовала вопрос о "пиратских" изданиях А.И.Куприна. При ее содействии в Лондон приезжали Б.К.Зайцев, Н.Тэффи, М.И.Цветаева, И.А.Бунин. В 1925 г. для И.А.Бунина, приехавшего в Лондон по приглашению ПЕН-клуба, она устроила многолюдный прием в Русском Доме. В доме А.В.Тырковой бывала

М.И.Цветаева, которая приезжала в Лондон по приглашению Д.П.Святополк-Мирского. Из лондонцев у нее бывала также сестра философа А.П.Карсавина балерина Т.П.Карсавина-Брюс.

Одним из главных литературных дел жизни А.В.Тырковой стала биография Пушкина в двух томах. В 1918 г. в Англии, где обосновались некоторые потомки Пушкина, она познакомилась с его архивом, и это натолкнуло ее на мысль написать о нем большую работу. О том, как была задумана книга "Жизнь Пушкина", она писала сыну: "Для меня биография Пушкина <...> — неиссякаемый запас русского духа. Я подумала о ней в январе 1918 года, в минуты беспроектной тоски, отчаяния. Много лет с тех пор прошло, мало я еще успела сделать. Но если справлюсь, то верю, что это будет настоящее "Белое дело". Над своим исследованием А.В.Тыркова работала в Библиотеке Британского Музея и в Лондонской библиотеке Хагберга Райта. Рукопись первого тома — около 400 страниц — Тыркова закончила в августе 1928 г., на даче под Лондоном. Первый том вышел в Париже в марте 1929 г.

Г.Вильямс, который был на семь лет моложе А.В.Тырковой, безвременно умер в ноябре 1928 г. Она потеряла в нем и мужа и ближайшего соратника, связывавшего ее с английской жизнью. Несмотря на отчаяние, она взялась за книгу о нем, которая вышла в Лондоне в 1935 г. под названием "Cheerful Giver. The Life of Harold Williams" ("Щедрый даритель: жизнь Гарольда Вильямса"). Самюэл Хор писал в предисловии: "Это не журналистика и не пропаганда, автор пишет о том, что она знала из первых рук и чему была очевидцем". В 1930-х годах Тыркова продолжала выступать в печати русского зарубежья, писала и для английской прессы. Она работала над большой статьей о Блоке для английских читателей, написала серию литературных очерков о Екатерине Великой. В феврале 1937 г. она устраивала Пушкинские торжества в Лондоне. С.Хор предлагал издать книгу А.В.Тырковой о Пушкине на английском языке. Эта мысль приходила раньше и Г.Вильямсу, но он не успел закончить перевод ⁸⁸.

В начале войны А.В.Тыркова жила в загородном доме своих друзей Браунов в Craighalln (Skelmorley), в районе Глазго в Шотландии. Как она писала сыну, из этой "саратовской глуши" она продолжала посылать корреспонденции в "Сегодня" и вести обширную переписку. Б.К.Зайцев писал ей 21 января 1939 г. из Франции: "Знаю, что Вы живете в Шотландии. Разумеется это хорошо в смысле спокойствия. Не знаю, как у Вас в Англии, но здесь многие, если не все уехавшие в деревню очень тоскуют. И ... понемножку возвращаются" ⁸⁹. Зайцев писал о своих соотечественниках, перебравшихся в сельскую местность, где легче было найти пропитание, но где жизнь резко отличалась от столичной. Он спрашивает Тыркову, далеко ли Craighalln от Эдинбурга — хотел найти это место на карте. По всей видимости Тыркова в своей деревне не тосковала. В сентябре 1939 г. она писала Е.В.Саблину, что читает книги из библиотеки своих хозяев о шотландских колдунах и пишет второй том биографии Пушкина. В следующем письме она более подробно описала свой образ жизни: "Я здесь живу размеренно и беззаботно, <...> усердно доделываю Пушкина, думаю что успею до конца войны с этой книгой справиться. Дом полон книг. Я никогда так много не читала и так спокойно не работала. Если прибавить, что я знаю своих хозяев 20 лет и что они так же понимают коммунистическую опасность, как я, то Вы поймете, что я попала в идеальные условия для работы" ⁹⁰.

В 1939 г. по случаю своего семидесятилетия она получила в Шотландии поздравления от И.С.Шмелева, Б.К.Зайцева, Н.Тэффи, М.М.Федорова, Ивана Лукаша и многих других. В конце ноября она вернулась в Лондон, но вскоре, в середине декабря отправилась к сыну в Медон под Париж. Поездка во Францию была связана с необходимостью издавать второй том "Жизни Пушкина". Когда началась война, вернуться в Англию стало невозможно, прервалось даже почтовое сообщение. Со страхом слушала А.В.Тыркова сообщения по радио о воздушных налетах на Лондон, где оставались ее дочь и внучка. Во время войны А.В.Тыркова занималась организацией помощи русским беженцам из Советского Союза, переписывалась с А.А.Толстой, возглавлявшей Толстовский Фонд, с графиней С.В.Паниной, С.М.Бибиковой. А.В.Тыркова пользовалась своими английскими связями, чтобы вывозить русских из лагерей и тюрем, находившихся в английской оккупационной зоне. Так был освобожден генерал Бичераков.

Многие русские во Франции, как и вообще в эмиграции, надеялись, что поражение России в войне принесет ей освобождение от советской власти. А.В.Тыркова не разделяла этих настроений: она считала, что русские не должны поддерживать немцев против русских. Ее отношение к войне Германии против России было с самого начала однозначно отрицательным. В письме к Е.В.Саблину в январе 1945 г. она писала: "Сердце мое болело за Россию несчастную и готово радоваться России воскресшей. Но для меня не в силе Бог, а в правде. Сила там накоплена, а на что ее направлять? Вот что волнует, а иногда и пугает. Нечего и говорить, как я счастлива, что немцев выгнали из России, что сломлена дьявольская гордость Гитлера. Но и кроме него еще много дьяволов на свете". Встречи с русскими пленными во Франции убедили ее в том, что "русская стихия не изменилась. Для того, чтобы Россия была жива, это самое главное. Но надо, чтобы ей дали жить жизнью достойной великого народа, достойной России"⁹¹.

В 1948 г. в Париже вышел второй том "Жизни Пушкина": труд жизни Тырковой был закончен. Среди русских читателей исследование пользовалось известностью и получило хорошие отзывы в печати. За годы, прожитые во Франции, Тыркова написала два тома своей мемуарной трилогии: "На путях к свободе" (Нью-Йорк, 1952) и "То, чего больше не будет" (Париж, 1954). За ними последовал третий том "Подъем и крушение" (Париж, 1956). Находясь в Франции, Тыркова стремилась вернуться в Англию, она писала Е.В.Саблину в январе 1945 г. из Франции: "Я глубоко привязана к своей второй родине, горжусь Англией" ... "Я недаром уже более четверти века англичанка"⁹². Сразу после окончания войны она стала собираться в Лондон и сообщала Саблину: "Я буду счастлива, когда ступлю на полуродную английскую землю". Но прошел 1945 год, а Тыркова все еще была во Франции. В ноябре она снова писала: "Все собираюсь домой, в Англию. Даже визы уже все взяла, да все по разным соображениям откладываю, но все же не теряю надежды добраться до страны, которую люблю и, несмотря на многое, глубоко уважаю"⁹³. В послевоенные годы Тыркова несколько раз ездила в Лондон. 6 марта 1951 г. вся семья Тырковой переехала в Америку. Америка — это еще целый период деятельной жизни А.В.Тырковой-Вильямс.

Глава 3. Русское православие в Англии

М. Раев в "Истории культуры русской эмиграции" пишет: "Англо-русские связи сыграли огромную роль в достижении обеими сторонами взаимного уважения, они стали моральной поддержкой для русской православной молодежи, помогая ей преодолеть чувство изоляции и отчуждения благодаря признанию ценности ее традиций западным миром"⁹⁴. В 1920-30-х гг. русское православие оказало значительное влияние на религиозную жизнь Англии. Сближение англиканства и православия дало импульс движению экуменизма — сближения церквей. До революции 1917 г. русская православная церковь в Англии существовала при посольстве. С образованием белоэмигрантской русской колонии православным был предоставлен храм в центре Лондона. Начавшийся в русской зарубежной церкви раскол привел к образованию двух приходов, один из которых подчинялся Московскому патриарху, другой — зарубежному. К русскому православию и положению церкви в России проявляли большой интерес английские религиозные деятели. В 1923 г. в Англии был создан "Фонд помощи русскому духовенству". С расширением его деятельности в 1926 г. он получил новое название: "Фонд помощи духовенству в России и за ее пределами, русской Духовной академии и Русскому православному студенческому движению в эмиграции". Фонд оказывал поддержку православной церкви в эмиграции и Духовной академии в Париже, ректором которой в это время являлся С.Н. Булгаков⁹⁵. В середине 1920-х годов в Британии развернулось движение протеста христиан против преследования религии в России. Движение стремилось оказывать воздействие на английское правительство, но оно неохотно откликалось на подобные призывы. Тем не менее архиепископ Кентерберийский, епископ Лондона и другие религиозные деятели продолжали выступать против репрессий в России.

Н.М.Зернов

Важную роль в распространении православия в Британии и сближении церквей сыграл Николай Михайлович Зернов (1898-1980, Оксфорд). Он эмигрировал из России в 1921 г., в 1925 г. окончил богословский факультет Белградского университета, до 1929 г. жил в Париже. В июле 1923 г. вместе с Н.А.Клепининым Н.Зернов принял участие в летнем съезде Студенческого Христианского движения Великобритании и Ирландии. Они представляли Русское Студенческое Христианское Движение в Белграде. В своей книге "За рубежом" Зернов подробно описывает свою первую поездку в Англию и свои первые впечатления. Он ехал в Англию с предубеждением: "Революция резко изменила мое отношение к Западу. Я стал смотреть не него как на обреченный мир, отравленный безверием, эгоизмом и жадной наживы"⁹⁶. Н.Зернов считал в то время, что Англия предала Россию в войне. Тем не менее его интересовала англиканская церковь, о которой он в то время почти ничего не знал. Зернову и его спутнику пришлось преодолеть множество бюрократических препон из-за своих беженских (нансеновских) паспортов. Они ехали в Англию через всю Европу, с остановками в нескольких городах Германии и в Париже. 20 июля они были в Кале, откуда на английском

пароходе переправились в Дувр. Первое, что их поразило в Англии после других стран Европы, — богатство и комфорт повседневной жизни. В вагоне третьего класса они чувствовали себя как в первом: и не только из-за его удобств, но и из-за того, как выглядели и вели себя пассажиры. За окнами поезда были городские и сельские пейзажи, шла налаженная, устроенная и благополучная, хотя и несколько однообразная жизнь. “Ближе к Лондону потянулись бесконечные ряды одинаковых двухэтажных домиков, садилов и заборов. На платформах пригородных станций стояли толпы прекрасно одетых людей. Всюду были следы довольства и образцового порядка”. Этими впечатлениями были развеяны горестные мысли Н.Зернова о предательской политике Англии: “Я попал в страну, свято хранящую свои традиции, не потрясенную анархией и не разрушенную революцией. У меня стало легко и радостно на сердце”⁹⁷. С вокзала Виктория они направились на Рассел-сквер, в Студенческий дом. На Зернова, как и на всех русских, Лондон произвел впечатление экзотического города: “Лондон был не похож ни на что, раньше виденное мною. <...> Лондон был хозяином мировой империи, и это ощущалось на каждом шагу. Он никому не подражал и ни с кем не соперничал. Он жил сам по себе. Он захватил мое воображение, и мне захотелось понять англичан, разгадать секрет их успеха в построении политической и социальной жизни”. Как и все, впервые приехавшие в столицу Британии, он отметил левостороннее движение, большое количество машин на улицах, красочные двухэтажные автобусы. Он был в восторге от Вестминстерского аббатства, которое навело его на печальные размышления “о нашей трагической судьбе, об отсутствии чувства преемства, любви и уважения к своему прошлому, о нашей готовности надругаться над своими святынями”. После знакомства с Лондоном они отправились в Дарбишир, на берег Англии, в Суоник, где находился лагерь студенческого движения.

В те годы каждым летом в Суонике собирались несколько сотен студентов из всех университетов Англии, Шотландии и Ирландии. Среди них было много иностранцев — преимущественно индусы и немцы. В движении участвовали представители различных конфессий. Зернов с Клепининым были единственными представителями православия. О русской церкви в Суонике никто не знал, а Зернов относился с большим предубеждением к западным христианам. Во время проповедей его изумляло, что проповедники иллюстрировали свои положения шутками, вызывавшими смех и восторг слушателей. Знаменитые авторитеты церкви, выступая перед студентами, не боялись быть смешными. Когда епископ глостерский Хэдлам взобрался на стул и по требованию студентов стал произносить “спич”, Зернов был поражен: “Это было новое зрелище для меня, я не мог представить себе ни одного из наших владык, стоящих на стуле и забавляющих юношество”, тем не менее, писал Зернов, епископ говорил “с авторитетом и силой, какие я редко слышал у наших иерархов”. Удивила Зернова и та свобода обмена мнениями, с которой англичане обсуждали доклады, спорили с авторитетами, приводя убедительные аргументы, но в то же время уважая позицию оппонента. “Это было не похоже на наши споры, которые часто переходят на личную почву и кончаются обидой уязвленного самолюбия”.

Постепенно, под впечатлением общения с британскими студентами Зернов изменил свое мнение и об Англии, и о западном христианстве. В 1925 г. Н.Зернов, активно участвовавший в создании Русского Студенческого Христианского Движе-

ния, стал его секретарем и оставался на этом посту до 1932 г. Он стал также первым редактором "Вестника РСХД", в котором подробно освещалась деятельность движения. В 1925 г. Зернов снова был в Англии, на студенческом съезде в Манчестере, где выдвинул идею съезда представителей разных конфессий. Зернова поддержал митрополит Евлогий, который еще до войны выступал за соединение Восточно-православной и Англиканской Церквей⁹⁸. Большую помощь ему оказал Г.Кульман, С.Булгаков согласился возглавить делегацию и отслужить литургию. Вступительный доклад был поручен С.С.Безобразову, который лучше других знал английский язык. В этот приезд Зернов провел несколько месяцев в Оксфорде, где впоследствии ему предстояло прожить жизнь.

Первый съезд открылся 11 января 1927 г. в городке Сент-Олбанс, недалеко от Лондона. В нем участвовало 30 англичан и 12 русских. Они собрались в епархиальном доме близ собора Св.Албания, первого христианского святого Англии. Главным препятствием для взаимопонимания на съезде оказалось и отсутствие общего языка, и различие исторического опыта. "Англичане и русские принадлежали к двум различным эпохам <...> Англичане все еще пребывали в довоенном либерализме 19 века. <...> Мы же, русские, пережившие бунт людей против Бога, на опыте испытывавшие реальность демонических сил, знали, что человечество приблизилось к новому роковому периоду великих испытаний и соблазнов, и что не мир, а потрясения ожидают нас"⁹⁹. Англичане оправдывали "реформацию" церкви в России — появление Живой церкви, сотрудничавшей с государственной властью, а русские пытались убедить их в том, что идея Живой церкви была выдвинута для подрыва традиционной религии. Русское богослужение примирило православных и англикан, которые были захвачены "стихией древнего благочестия"¹⁰⁰.

Второй Англо-православный съезд собрался в Сент-Олбанс в декабре 1927 — январе 1928 г. На нем было 40 англичан и 25 православных¹⁰¹. На заключительном заседании съезда было предложено создать Содружество участников обоих съездов: так было основано Содружество Св. Албания и Преподобного Сергия Радонежского. Его председателем был избран епископ Трусский Вальтер Фрир (1863-1938), а вице-председателем Содружества стал С.Булгаков. Содружество стало одной из самых деятельных организаций, работающих для сближения восточных и западных христиан.

В Англии на Зернова большое впечатление произвело "английское воскресенье", описание которого он когда-то прочел у А.С.Хомякова¹⁰². По утрам празднично одетые люди шли в церкви. После церкви полагалось провести весь день в молитве и отдыхе, без развлечений. После воскресного обеда город словно замирал, жизнь возобновлялась только вечером. Путешествуя по Англии, Зернов познакомился с монахами, студентами богословского колледжа и с одним рабочим — кочегаром паровоза. С удивлением он пишет о комфортабельной обстановке его дома, о жене музыкантше, об их широких интересах. Его новый знакомый не мог представить себе нищеты населения в современной России, считая, что в стране социализма рабочие не должны ни в чем нуждаться. Зернова поражало, как и всех русских, насколько в английской жизни все было запланировано и предусмотрено на годы вперед. Когда он собирался о чем-то договориться с англичанином, тот вынимал из кармана записную книжку и мог точно сказать, что он собирался делать

через шесть месяцев или через год. "Вся их жизнь текла по ясно начертанному руслу, — я же принадлежал к иному миру, полному неуверенности, препятствий и непредвиденных перемен" ¹⁰³.

В 1930 г. Н.Зернов получил возможность поступить в аспирантуру Оксфордского университета, в Кибл колледж. Этот колледж был оплотом англиканства, и Зернов как православный был в нем исключением. При подготовке диссертации главными его трудностями были недостаточное знание языка и отсутствие навыков научной работы. Однако ему помогали английские друзья, исправлявшие его рукописи и дававшие ему частные уроки языка. В июне 1932 г. он защитил диссертацию на тему "Единство Церкви и соединение Церквей" и получил степень доктора философии. Зернов стал патриотом Оксфорда, восхищался его традициями, его историей. Внешнее описание Оксфорда у Зернова похоже на многие другие, но он увидел много такого, чего не замечали другие студенты и путешественники. Как большинство старейших университетов Европы, Оксфордский университет вырос на основе монастыря и неизменно хранил свои монастырские традиции. Каждый колледж в Оксфорде имел свою церковь и капеллана, ученого богослова, который преподавал и вел пасторскую работу. Капелланы колледжей были священниками англиканской церкви, но другие конфессии в университете тоже были представлены: римские католики, пресвитериане, методисты. Не было только православных. Зернов мечтал о том, чтобы православие тоже пустило корни в Оксфордском университете. В мае 1932 г. в Кибл колледже была отслужена православная литургия, которая привлекла очень много народу. Ее служил по-английски бенедиктинский монах, желавший присоединиться к православию, хор состоял из английских студентов.

В 1930-х годах Зернов вел кочевую жизнь между Парижем и Англией, занимая должности лектора при Британском Студенческом движении и ассистента при Богословской академии в Париже. Англо-православные съезды продолжали регулярно проводиться в Англии и все больше русских профессоров принимало в них участие. В апреле 1931 г. в Хай-Ли собрался пятый англо-православный съезд, на котором выступали С.Н.Булгаков, Г.В.Флоровский, А.В.Карташев. На шестом съезде, состоявшемся в Лондоне в апреле 1932 г., выступал Н.А.Бердяев. В апреле 1933 г. С.Н.Булгаков предложил сделать еще один шаг в направлении дальнейшего сближения церквей: он считал, что необходимо допустить англикан к православному причастию, и что для этого надо просить иерархов обеих церквей благословить их общение в таинствах. Это предложение вызвало возражение Флоровского, но Карташев и Федотов приняли сторону Булгакова. Они считали, что общение в таинствах позволит окончательно преодолеть враждебность и неприятие инакомыслящих в обеих церквях.

В 1934 г. Зернову предложили стать секретарем и вице-председателем Содружества Св. Албания и Преподобного Сергия и осенью он с женой окончательно переехал в Англию. В 1936 г. они получили британское подданство. Некоторое время спустя в Лондон переехала сестра Н.Зернова Мария (1902-1965) с мужем Густавом Кульманом, активным участником русского христианского движения. За время проповеднической и лекционной работы Зернов объездил многие города и районы Англии: Норвич, Ньюкасл, Лидс, Личфилд, Ноттингем, Линкольн, Уэйкфилд, Бедфорд, Кромер, побывал в Уэйлсе и Шотландии. Его проповеди были посвяще-

ны двум основным темам: гонению на церковь в России, а также выявлению сходства и различий между западными и восточными традициями христианства.

В религиозной сфере общения с англичанами Зернов отметил то же, что и многие русские журналисты и публицисты в Англии: его рассказам о терроре в России мало верили, считали их преувеличением, а если и верили, то мало беспокоились о том, что происходило так далеко. "Для либеральной, терпимой и религиозно тепло-прохладной Англии тридцатых годов сама идея кровавого преследования идеологических инакомыслящих казалась невероятной. <...> Большинство продолжало твердо верить, что в их культурной стране никогда не могли бы случиться события, описываемые мною" ¹⁰⁴.

Зернову импонировала религиозность англичан, но он понял в то же время, как отличается она от русской: "Англичане терпимы, не любят крайностей, они считают, что верующий человек должен проявлять свое христианство в отношениях с людьми, не осуждать других, быть скромным, оказывать помощь нуждающимся. Собирать средства на доброе дело в Англии легко, люди охотно жертвуют на дела благотворительности". Самое важное завоевание английского христианства, считает Зернов, это то, что оно "научило народ уважать свободу и достоинство личности".

Помимо Содружества, Зернов работал в Фонде помощи русской церкви — благотворительной организации, возникшей после Первой мировой войны. Одним из руководителей фонда был Б.Пэрс, с которым Зернову довелось близко познакомиться на этой работе. Он дал ему характеристику, которую подтверждают все другие источники, но все же интересен и его взгляд. Как пишет о нем Зернов, Б.Пэрс был заморожен Востоком, который его и притягивал, и отталкивал. Это противоречивое отношение к России было типичным для Англии после Крымской войны. Его симпатии были на стороне кадетов, он сочувствовал либеральному движению, но в глубине души презирал своих друзей-либералов за их поражение. Позднее, как пишет Зернов, "ему импонировала грубая сила Сталина и он был готов пойти на сотрудничество с победителями. Он был уверен, как многие англичане, что анархия и деспотия, разыгравшиеся в России, были бы немыслимы в Англии". Б.Пэрс пригласил Зернова внештатным лектором в Школу славянских языков для чтения курса по русской церковной истории.

Н.Зернов хотел основать в Оксфорде православный центр и дать ему имя Св.Василия Великого, стремившегося объединить западных и восточных христиан. План создания центра удалось осуществить только двадцать лет спустя, когда Зернов стал преподавать в университете. Помог ему Н.Сполдинг (1877-1965). Благодаря Н.Сполдингу в Оксфордском университете была учреждена кафедра по истории православной культуры, которую в 1947 г. занял Н.Зернов. Он продолжал читать этот курс до 1966 г., когда он получил степень доктора богословия Оксфордского университета. По воспоминаниям Зернова, Сполдинг посещал дом Св.Василия в Оксфорде, подробно расспрашивал его основателей об их работе, литературных и научных планах ¹⁰⁵.

Зернов регулярно публиковался в эмигрантских периодических изданиях во Франции, Англии и Америке, он автор многочисленных статей в "Вестнике РСХД", в журналах Содружества "Соборность" и "The Journal of the Fellowship of St.Alban and St.Sergius", в академическом "Славянском обозрении" и других религиозных и

светских журналах. Среди его статей в журнале "Соборность", выходявшем в Англии на английском языке, некоторые посвящены теме сближения англиканства и православия: "Великобритания и русские христиане" (Соборность, 24, 1941), "Христиане России и христиане Великобритании" (Соборность, 26, 1942), "Пути Содружества: 1928-1958" (Соборность, 3:24, 1959). В других, более поздних статьях в том же журнале он писал на литературно-публицистические темы: "Александр Солженицын" (Соборность, 5:10, 1970), "Достоевский и Солженицын: их сходство и контраст" (Соборность, 6:5, 1972), "Август 1914 Александра Солженицына и его смысл" (Соборность, 6:8, 1973). Одна из его статей позднего периода посвящена философско-политическим вопросам: "Марксизм-ленинизм: первородный грех и судьба христианской культуры" (Christian, 2, 1975).

В 1937 г. вышла в печать его первая книга на английском языке "Москва Третий Рим". За нею последовали другие: "Три пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьев" ("Three Russian Prophets: Khomiakov, Dostoevsky, Soloviev". — L., 1944), "Русское религиозное возрождение в 20 веке" в английском варианте ("The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century". — L., 1963). В 1970-80-е годы Зернов работал над мемуарными книгами, составившими несколько томов, которые включили воспоминания членов его семьи: "На переломе", "За рубежом" и "Закатные годы". Один из важнейших трудов его жизни — био-библиографический словарь "Русские писатели эмиграции: 1921-1972" ¹⁰⁶.

Н.М.Зернов писал о православии на английской почве: "Английское православие родилось под сенью русских эмигрантских приходов, семена, посеянные ими, принесли плоды" ¹⁰⁷. Особую роль в распространении православия в Англии, подчеркивал Н.Зернов, сыграло Содружество Св.Албания и Преп. Сергия. Благодаря его деятельности, богословские колледжи Англии включили в свою программу лекции о православии. Оксфордский и Лондонский университеты создали для этой цели кафедры. Содружество основало экуменический центр в Лондоне — Дом Св. Василия Великого. В Оксфорде усилиями Зерновых был основан важнейший в Англии православный центр — Дом Св. Григория Нисского и Св. Макрины. В этом доме могли останавливаться и работать православные деятели, приезжавшие в Англию. Там находилась уникальная библиотека, включавшая несколько тысяч томов изданий русских мыслителей на иностранных языках ¹⁰⁸. Это собрание книг М.В.Зернова в последние годы своей жизни передала Государственной библиотеке иностранной литературы в Москве.

Н.Д.Городецкая

В 1934 г. в Париже с Николаем и Милицей Зерновыми познакомилась Надежда Даниловна Городецкая (28 июля 1901 — 24 мая 1985, Witney, Oxfordshire). Н.Д.Городецкая родилась в Москве в семье журналиста и певицы, училась в Гатчине и на Полтаве, окончила гимназию с золотой медалью. Во время революции она потеряла своих родителей в толпе беженцев в Киеве. В 1919 г. она добралась до Крыма и попала на корабль, отплывавший в Сербию через Константинополь. Ее мать и сестра Елена остались в Советской России. В полном одиночестве, без семейных, родственных или дружеских связей Н.Городецкая оказалась в Югосла-

вии, поступила в университет в Загребе. Автор наиболее полной ее биографии Э.Хилл считает, что период ее жизни в Югославии закончился какой-то личной драмой, однако сама она никогда об этом не рассказывала ¹⁰⁹.

В 1924 г. Н.Городецкая переехала в Париж, где жила до 1934 г., продолжая образование в Сорбонне, а также в Религиозно-философской академии Н.А.Бердяева. Существуют сведения о том, что она зарабатывала пением в кафе, исполняла эпизодические роли в фильмах, что вполне возможно, если вспомнить о ее артистической семье. Она входила в литературные и художественные круги русского Парижа, была активным членом Франко-русской студии (Studio Franco-Russe), которую основал и финансировал Всеволод фон Фохт (von Vogt) во Франции. Среди ее знакомых этого периода А.И.Куприн, И.А.Бунин, мать Мария (Скобцова), Н.А.Бердяев, В.В.Вейдле, М.Алданов, Мария Рамбер, Поль Базен. В 1931 г. она встретила с М.Цветаевой и поместила об этой встрече небольшой очерк в газете "Возрождение" ¹¹⁰. Очерк был неточно назван "В гостях у М.И.Цветаевой": на самом деле они встретились в кафе на вокзале, так как Цветаева жила за городом. Во время их беседы Цветаева рассказала, как пыталась перевести на французский свои поэмы "Перекоп" и "Молодец", но перевод не получился, и она написала поэмы заново по-французски. Она поделилась с Городецкой замыслом написать о царской семье. Еще одна публикация Городецкой в "Возрождении" была посвящена современникам — группе молодых литераторов "Кочевье" в Париже ¹¹¹.

В эти годы — между 1929 и 1936 — Городецкая написала три романа и несколько рассказов на русском и французском языках. Рассказ "Белые крылья" был опубликован в пражском журнале "Воля России", несколько лет спустя он был переведен на французский ¹¹². В "Воле России" публиковались критические отзывы на ее романы "Несквозная нить" (1929) и "Мара" (1931) ¹¹³. А.И.Куприн, который был высокого мнения о литературном творчестве Городецкой, написал предисловие к французскому переводу романа "Несквозная нить" ¹¹⁴. Романы и рассказы Городецкой посвящены в основном современности и основаны на реальных событиях. "Несквозная нить" — повесть об одинокой молодой женщине, оказавшейся в эмиграции. Нина — героиня другого ее французского романа "Изгнание детей" — мучительно пытается вспомнить Россию, которую она покинула в детстве, и, не выдержав испытания ностальгией по неизвестному, возвращается в Советскую Россию ¹¹⁵. По этим романам, в которых присутствуют автобиографические элементы, нельзя, однако, составить биографию автора, или представить себе ее духовное развитие. Романы помогали Н.Городецкой избавиться от переживаний драматического опыта первых лет эмиграции, но, видимо, не давали удовлетворения более глубоким духовным исканиям.

Встреча с о. Львом Жилле в 1924 г. стала поворотным событием в ее жизни. Лев Жилле был ученым эрудитом и богословом. Знакомство с Россией, а также общение с русскими эмигрантами в Париже побудили его, католического священника, перейти в православие. Его крещение произошло при участии митрополита Евлогия 25 мая 1928 г. Он сохранял некоторые черты францисканского воспитания, был предан идее бедности и самоотвержения. Лев Жилле стал духовным отцом и другом Н.Городецкой. Значительное влияние оказал на нее также Шарль Пегги. Его имя упоминается в ее романе "Изгнание детей" среди тех философов,

которых особенно внимательно изучала его героиня. В те годы интерес к Пеге возрождался, его произведения обсуждались, ему было посвящено одно из заседаний Франко-русского кружка. На одном из заседаний кружка Н.Городецкая выступила с блестящим докладом о жизни и творчестве Пеге. Среди слушателей присутствовали Бердяев, Мочульский, Вейдле, Алданов, сын Пеге Марсель, а также Поль Базен, Даниель Алеви и Денис Рош. Отмечая его самоотверженную работу как политического корреспондента и издателя, она выше всего оценила его религиозную поэзию, в которой нашел отражение кризис религиозного самосознания. Городецкая закончила свой доклад неожиданно пессимистическим выводом о том, что ее поколение, настроенное на материалистические ценности, вряд ли сможет понять и принять те ценности, которые отстаивал Пеге. Доклад Городецкой был опубликован во французском журнале (*La vie et l'oeuvre de Réguy. — Les Cahiers de la quinzaine*, 1931). В.Вейдле отозвался о нем в газете "Возрождение": "Очень хорош был доклад Н.Д.Городецкой, которой удалось найти для Пеге особенно теплый, особенно личный тон, говорить о нем не только как об очень большом писателе, но и как о незабываемом близком человеке" ¹¹⁶.

В 1934 г. Н.Городецкая работала над переводом книги Льва Жилле "Иисус Назарянин по данным истории" (Париж, YMCA-press, 1934). Эту книгу она называла "наша книга", так как переводила ее вместе с автором. В том же году по приглашению Н. и М. Зерновых она поехала продолжать свое образование в Англию. Английский этап ее жизни начался с поступления в богословский колледж в Бирмингеме (*College of the Ascension, Selly Oak*). Этот колледж, основанный в 1929 г., представлял собой англиканское учебное заведение, готовившее женщин-миссионеров. Н.Городецкая получила возможность познакомиться с католицизмом, англиканством, протестантской церковью. В этом колледже она прошла курс богословия.

С.А.Коновалов предложил ей принять участие также в преподавании русского языка и литературы в университете Бирмингема, но оказалось, что для этого нужна была докторская степень. С его помощью удалось найти для нее в Оксфорде место и денежную поддержку для получения необходимых степеней. После трех лет подготовки в колледже Св. Анны Н.Городецкая получила степень бакалавра. В 1938 г. в газете "Русский в Англии" в номере, посвященном 950-летию крещения Руси, появилась ее статья "Некоторые черты крещения Руси" ¹¹⁷. В том же году она опубликовала в Лондоне книгу "*The Humiliated Christ in Modern Russian Thought*" ("Униженный Христос в современной русской мысли"). На книгу отозвался В.Вейдле в "Современных записках" ¹¹⁸. В 1944 г. в Оксфорде Городецкая защитила по этой книге докторскую диссертацию, а в 1945 г. была приглашена читать курс лекций по истории русской религиозной мысли. Городецкая была первой женщиной, прочитавшей курс лекций на богословском факультете в Оксфорде.

Свои религиозные взгляды Городецкая реализовала в жизни: она практиковала "кенозис", евангельское смирение, творческое приятие нищеты, самоотвержение. В своей книге "Униженный Христос" она много внимания уделяет этой концепции, имевшей широкое распространение в России. Книга содержит множество примеров самоотречения из жизни известных писателей, революционеров и общественных деятелей России. Для тех, кто мало знал историю православия, книга была откровением. В 1951 г. она опубликовала в Лондоне книгу, в которой анализируются

философско-религиозные вопросы творчества Ф.М.Достоевского: "Св.Тихон Задонский как вдохновитель Достоевского" ¹¹⁹. Н.Городецкая оказала влияние на некоторых английских русистов, в частности на Макса Хейворда, которому она помогла в изучении наследия славянофилов и В.В.Розанова, а также современных русских писателей — Леонова, Бунина, Андреева, Ремизова ¹²⁰.

В 1938 г. она задумала создать православный женский колледж в Бирмингеме. Мысль об этом пришла ей во время литургии, которую служил Лев Жилле (с 1948 г. он жил в Лондоне в доме Св. Василия и служил в русской церкви). Статья с изложением ее идей о православном колледже появилась в журнале "Соборность" в 1954 г. (№ 3/15).

С 1956 г. Н.Городецкая занимала русскую кафедру в университете Ливерпуля и была первой женщиной-профессором в этом университете. Она возглавляла университетскую ассоциацию славистов и преподавателей русского языка, была членом Международного комитета славистов. В этом качестве она несколько раз посещала Советскую Россию и принимала в Ливерпуле советских ученых. Она участвовала в научной издательской работе: редактировала совместно с Н.Даддингтон избранные сочинения А.Толстого для оксфордского сборника "Oxford Tolstoy Selections", подготовила антологию русского рассказа (Russian Short Stories, Twentieth-Century. Oxford, 1965). Выйдя в отставку в 1968 г., она продолжала читать лекции в университете Калифорнии в Беркли. В 1980 г. она пережила смерть Льва Жилле, с которым поддерживала духовную связь до конца его дней. Некоторые замыслы Городецкой остались неосуществленными. Так, ее большое исследование о Зинаиде Волконской, которое она вела в архивах России и Италии, было опубликовано в виде статьи, но не книги, как это было задумано ¹²¹. Последние годы своей жизни Городецкая, почетный профессор Оксфордского университета, провела в Оксфорде.

В течение долгих лет, прожитых в Англии, Городецкая, во многом себе отказывая, откладывала деньги на православные учреждения и создала фонд, средства которого были использованы после ее смерти для открытия в 1959 г. Дома Св. Григория Нисского и Св. Макрины в Оксфорде.

Глава 4. Дореволюционная эмиграция на новом этапе

П.Г.Виноградов

П.Г.Виноградов (1854-1925), профессор Московского университета, был ведущим в Европе знатоком экономической истории Англии и одним из виднейших носителей английских политических идеалов в России. Он был единственным среди своих современников членом одновременно Российской и Британской Академий. Не принадлежа ни к одной партии, П.Г.Виноградов боролся за либерализацию университетской жизни, он требовал для студентов права свободных собраний неполитического характера в присутствии выбранного ими профессора. В этом, как и в других политических требованиях, ему было отказано, и он подал прошение об увольнении по причине несовместимости его взглядов с положением в университете. Глава городской префектуры Д.Трепов предложил ему во избежание неприят-

ностей тайно уехать в Англию. Толпа студентов и преподавателей провожала его на вокзале 21 декабря 1901 г. Летом 1902 г. П.Г.Виноградов читал лекции в Кембридже о реформах Александра II, в 1903 г. он был назначен заведующим кафедрой юриспруденции в Оксфорде. Это положение он занимал в течение последующих 22 лет.

В сентябре 1905 г. по требованию профессора Сергея Трубецкого в Московском университете было восстановлено самоуправление. Виноградов вернулся в Россию. В 1906 г. ему предлагали портфель министра образования, но он отказался из-за неготовности правительства выполнить его требования. В 1908 г. Виноградов получил почетную профессию в Московском университете. Но вскоре он отказался и от этого положения, обнаружив на своих лекциях полицейских, следивших за студентами. По политическим мотивам он эмигрировал в Англию. Деятельность Виноградова совпала с периодом, критическим в истории России и в истории ее отношений с Англией. Это было время наибольшего взаимного интереса и в то же время наибольшей напряженности в вопросах политического влияния. В Англии Виноградов принимал участие во всех начинаниях, направленных на установление дружественных связей между Россией и Англией. За свою деятельность он был посвящен в рыцарство, получил звание сэра. В 1916 г. он поехал в Россию и оставался там до мартовской революции 1917 г. За это время он был избран председателем Англо-русского общества. Наблюдая за ходом революции, П.Г.Виноградов точно предсказывал дальнейшее развитие событий: ему оно не внушало надежд и он вновь покинул Россию. В 1918 г. он принял британское подданство. В последующие годы его жизнь была тесно связана с деятельностью политических и общественных русских организаций в Англии, таких как Русско-Британское 1917 г. Братство и Комитет Освобождения России. В Русско-Британском Братстве он возглавлял секцию образования. В 1919 г. он председательствовал при открытии русской кафедры в Лондонском университете.

В Европе и Америке П.Г.Виноградов считался единственным специалистом его уровня по ранней истории Англии и английского законодательства. В этой области ему принадлежат монографии "Villanage in England" (1892), "Growth of the Manor" (1905), "English Society in the Eleventh Century" (1908), а также главы в Кембриджской истории Средних веков и Оксфордской истории общества и законодательства.

В Англии он написал фундаментальные труды по истории России и ее законодательства: "Self-Government in Russia" ("Самоуправление в России", 1915), "The Reconstruction of Russia" (1919); а также статьи на русские темы в британских и американских журналах "The Quarterly Review", "Contemporary Review", "Fortnightly Review", "The Observer", "The New Europe", "Yale Review", в русских приложениях к "The Times" и "Manchester Guardian". П.Г.Виноградов публиковался также в русско-британской газете "The Russian Commonwealth" ("Русское Народоуправство") и в изданиях Комитета Освобождения России. Он является автором биографий видных русских ученых, политических и общественных деятелей в Британской энциклопедии (1910-1921). Его приглашали читать лекции в Гарварде, Колумбийском университете, Мичигане, Калифорнии, Калькутте, Осло и Лейдене.

Сын П.Г.Виноградова Игорь работал в отделе литературно-художественных программ на Би-Би-Си. В 1947 г. И.П.Виноградов женился на дочери Оттолин

Моррелл, патронессы писателей и художников, хозяйки салона Гарсингтон. С Джулиан Морелл его связывали давние романтические отношения, но по настоящую семью она вышла замуж за другого. В 1946 г. Джулиан Морелл-Гудмен (1906-1989), мать троих детей, развелась со своим первым мужем и вскоре соединила свою судьбу с И.П.Виноградовым.

И.В.Шкловский (Дионео)

Г.Форбс писал в "Русском времени": "Журналисты из русских: имя им легион. Почти каждый образованный русский пишет, и всеми средствами стремится опубликовать свои работы"¹²². Действительно, помимо профессиональных журналистов, многие русские политики, ученые, представители самых разных профессий стали в эмиграции публицистами и корреспондентами. Одним из виднейших профессиональных журналистов, работавших в Англии, был Исаак Владимирович Шкловский (1865-1935), писавший под псевдонимом Дионео. Он жил и работал в Англии с 1896 г. в качестве корреспондента газеты "Русские ведомости" и еженедельника "Русское богатство". По своим взглядам и биографии он был типичным представителем дореволюционной политической эмиграции в Англии. В 1887 г. он, студент Харьковского университета, был арестован за связь с "Народной волей", сослан на пять лет в Якутию, где занялся этнографическими исследованиями. Его автобиографическая книга о сибирском опыте была переведена и издана в Англии в 1916 г. До революции И.В.Шкловский написал множество корреспонденций и книг об Англии, среди них: "Очерк современной Англии" (СПб., 1903); "Английские силуэты" (СПб., 1905); "Меняющаяся Англия" (М., 1916). Г.Вильямс писал о нем: "Не будет преувеличением сказать, что молодые поколения россиян получают представление об английской демократии исключительно по книгам Дионео"¹²³. И.В.Шкловский продолжал писать об истории и культуре современной Англии для русских читателей в зарубежье. В эмиграции его книги пользовались большим спросом, поэтому когда парижский издатель Жак Поволоцкий взялся издать серию "За пять лет: 1914-1919", о политической, экономической и культурной жизни ведущих стран Европы и Америки, он попросил именно И.В.Шкловского написать проспект и предисловие ко всей серии. И.В.Шкловский приглашал П.Г.Виноградова и М.И.Ростовцева принять участие в этом замысле. В серии в 1920 г. вышли две книги И.В.Шкловского: исследование "Англия за пять лет: 1914-1919" и исторический роман "Кровавые зори: Десять этюдов". Тема романа типична для беллетристики на англо-русскую тему: английский писатель влюбляется в русскую женщину. Посвященная английской национальной психологии книга "Новые стадии "Хорового начала" в Англии" была опубликована в том же 1920 г. в Лондоне в издательстве "Возрождение". Следующая книга И.В.Шкловского об Англии "Пестрая книга" (1921) состоит из двенадцати "характеристик", включает портреты Шекспира, двух королей — Эдуарда VII и Георга V, дарвиниста Джона Леббока, князя П.А.Кропоткина. И.В.Шкловский писал также об Англии в парижском "Общем деле" В.Бурцева, в ежедневной русской газете "Утро", выходившей в Нью-Йорке, в рижской газете "Сегодня".

В Англии И.В.Шкловский стал писать о современной России. Одной из самых известных его публикаций стала брошюра, выпущенная в 1919 г. в серии Комитета Освобождения России "Russia Under the Bolsheviks" ("Россия под большевиками"). В этой же серии И.В.Шкловский выпустил книгу "Words and Deeds" ("Слова и дела") и брошюру об образовании молодежи в Советской России. В них он анализировал методы установления и удержания власти большевиками, критиковал пробольшевистски настроенных английских корреспондентов и членов правительства. Переписка с П.Г.Виноградовым в 1922 г. свидетельствует о подготовке к изданию книги Шкловского, посвященной историческим событиям в России в 1914-1917 гг. Редактировал ее живший в Англии историк М.П.Флоринский, в работе принимал участие К.Д.Набоков. По поводу политической концепции книги П.Г.Виноградов писал автору: "Мы настроены на разный лад, но при нынешнем состоянии Русского Академического общества в Англии в этом нет ничего странного. Мне представляется, что Вы пишете слишком черным по черному и потому выходит одностороннее" ¹²⁴. Книгу Дионео, тем не менее, приняли к изданию, но при условии доработки и ограничения темы.

Как знатока Англии и России, специалиста в области дипломатии, политики и экономики И.В.Шкловского приглашали участвовать во всех русских организациях в Англии. Он являлся членом Комитета Освобождения России, Русско-Британского Братства, Общества Северян, Русской Академической группы, членом большинства редколлегий. Этому можно только удивляться, потому что некоторые из этих организаций по своей политической направленности были если не враждебными, то во всяком случае не дружественными, как например белогвардейский Комитет Освобождения и эсеровское Общество Северян. И.В.Шкловский был также членом Союза иностранной прессы в Лондоне, основанного в 1888 г. и объединенного с Обществом Иностранных журналистов. Членами этого союза были и другие эмигранты: лондонский корреспондент московской "Русской молвы" Борис Лебедев и корреспондент петербургской "Речи" С.И.Раппопорт. В феврале 1926 г. И.В.Шкловский был избран почетным членом Англо-русского литературного общества. Извещая его об этом, Б.Пэрс напоминал об истории общества и о том, что в нем состоят многие видные русские, проживающие в Лондоне: А.Ф.Мейендорф, Н.А.Даддингтон, Д.П.Святополк-Мирский, профессор М.В.Трофимов, а также англичане Г.Вильямс, А.Рэнсом, Эйлмер Мод, Хагберг Райт и другие. Б.Пэрс предложил ему также стать корреспондентом Института Славяноведения Лондонского университета, участвовать в издании "Славянского обозрения" и консультировать студентов ¹²⁵.

К И.В.Шкловскому многие обращались за советами и просьбой о рекомендации как к человеку, имевшему имя и репутацию в Англии, как среди англичан, так и среди русских. С.А.Коновалов, отчаявшийся получить отзывы на деятельность своего Экономического Бюро в Бирмингеме, просил откликнуться в печати на "Экономические записки": "Я не имел почти ни одного отклика от русских в Лондоне и не знаю даже, известно ли им наше издание" ¹²⁶. С просьбами помочь в литературных и переводческих делах к И.В.Шкловскому обращались известные писатели, среди них И.А.Бунин и И.С.Шмелев. И.В.Шкловскому были близки дела литературные. Помимо очерков об английских и русских писателях, рассыпанных в его публицистике,

он написал двенадцать статей о современной русской литературе и русских писателях для Британской энциклопедии. Он готовил также историю русской литературы с 1848 по 1924 г., но в исполнении этого замысла его опередил Д.П.Святополк-Мирский.

Н.А.Даддингтон и Н.О.Лосский

Несмотря на то, что после революции русская эмиграция в Англии радикально изменилась в своем социальном и политическом составе, противников империи сменили противники большевизма, в культурном отношении между двумя этими столь разными группами осуществлялась преемственность. До революции русские эмигранты создали определенный культурный фон для восприятия русской литературы и философской мысли. С появлением переводов русской классики состоялось знакомство английских читателей, писателей, культурной элиты с русской жизнью и русской идеей. В распространении в Англии произведений русских писателей выдающуюся роль сыграла Констанс Гарнетт (1861-1946), которая перевела на английский язык собрания сочинений Достоевского, Тостого, Тургенева и Чехова. Русские друзья и знакомые были непосредственными участниками переводческой деятельности К.Гарнетт. Особенно важная роль в этой работе принадлежит Н.А.Эртель-Даддингтон.

В 1926 г. парижская газета "Возрождение" сообщала о переводчице книги Д.С.Мережковского "Рождение богов" на английский язык: "Г-жа Н.Даддингтон — русская, дочь писателя А.И.Эртеля. Выйдя замуж за англичанина, она давно поселилась в Англии и сейчас преподает философию в Лондонском университете"¹²⁷. Наталья Александровна Даддингтон (Duddington, 1886-1972), ур. Эртель, родилась в Твери, где ее отец отбывал ссылку¹²⁸. В эти годы он временно отошел от литературы и занялся фермерством. До 15 лет его дочь обучалась дома, с английской и французской гувернантками, в 1902 г. поступила в московскую гимназию, но через год переехала в Петербург продолжать образование. В старших классах она училась в гимназии Стоюниной, занималась логикой и психологией у Н.О.Лосского. После гимназии она поступила на Высшие женские курсы при Петербургском университете. Весной 1906 г. в университете начались студенческие волнения, постоянно отменялись лекции, и Н.Эртель решила поехать учиться в Англию. Она поступила в Университетский колледж Лондонского университета, выбрав в качестве специальности философию. В 1909 г. она с отличием закончила факультет, а два года спустя получила степень магистра. В это время ее особенно привлекала религиозная философия, теософия, русское православие.

В Англии Н.Эртель участвовала в теософском конгрессе и остановилась в доме пастора Д.Н.Даддингтона (1865-1958), который жил в своем приходе с женой и дочерью. Д.Н.Даддингтон был давно знаком с семьей Эртелев и с Натальей Александровной его давно связывала общность взглядов и духовных интересов. Несмотря на серьезные препятствия, они решили соединить свою судьбу. Д.Даддингтону пришлось расстаться со своей церковной должностью. В поисках заработка они некоторое время занимались переводами с русского, начав с писем Льва Толстого. Несколько лет спустя Д.Даддингтон стал куратором художественной галереи в Уайтчепеле (Whitechapel Art Gallery), а его жена продолжала свою работу

над переводами с русского в творческом сотрудничестве с К.Гарнетт. Совместная работа с К.Гарнетт была для Н.Даддингтон школой перевода. Затем она стала самостоятельно переводить русскую классику. Издание прозы Пушкина в переводе Н.Даддингтон включило повести: "Капитанская дочка", "Пиковая дама", "Дубровский", "Арап Петра Великого", "Станционный смотритель" (1923). Второе издание этой книги вышло в 1928 г. с предисловием Э.Гарнетта¹²⁹. Она перевела также роман А.И.Гончарова "Обломов" (1929), роман М.Е.Салтыкова-Щедрина "Господа Головлевы" (1931; второе изд., 1934 г., с предисловием Эдварда Гарнетта) и "Дым" И.С.Тургенева (1949). Некоторые из этих произведений выходили в английских переводах ранее, но видимо их качество при сравнении с переводами "школы Гарнетт" стало проигрывать. Она перевела также два произведения своего отца "Жадный мужик" и "Карьера Струкова" для сборника Стивена Грэма¹³⁰.

Н.Даддингтон была одним из первых переводчиков, познакомивших англичан с произведениями современной русской философской и религиозной мысли. Философии принадлежит особое место в ее работе. Ученица Н.О.Лосского, с блеском окончившая Лондонский университет, она имела все данные для того, чтобы справиться с одним из сложнейших для перевода жанров. В ее переводе в серии "Русская библиотека издательства Констэбл" (Constable's Russian Library) было издано "Оправдание добра" В.С.Соловьева (1918); сочинения Н.О.Лосского: "Обоснование интуитивизма" (1919), "Мир как органическое целое" (1923) и "Свобода воли" (1932). В лондонском издательстве "Кейп" в ее переводе было опубликовано сочинение Н.Бердяева "О назначении человека" (1937), "С нами Бог" С.А.Франка (1946), "Достоевский" (1948) и "Созерцание и действие: проблемы экуменизма" (1952) Л.Зандера. В ее переводе вышли многие произведения Д.С.Мережковского: "14 декабря" (перевод издан в 1925 г.), "Рождение богов" (1926 г.), "Ахнатон, царь Египта" (1927), "Микель Анджело и другие очерки" (включая "Любовь сильнее смерти" и "Искусство любви", 1930).

Н.Даддингтон поддерживала знакомство с русскими эмигрантами в Англии — среди них Д.Святополк-Мирский и Г.Струве. Она общалась и с писателями из Советской России: о знакомстве с нею упоминает в своих очерках об Англии Б.Пильняк. Она переводила произведения писателей-современников: в ее переводе и с ее предисловием в 1927 г. в Лондоне вышли "47 лирических стихотворений" Ахматовой¹³¹. В 1930 г. в ее переводе был опубликован роман Ивана Лукаша "Пожар Москвы"¹³², в 1937 г. "Анна" Бориса Зайцева¹³³. О ее интересе к проблемам советской идеологии свидетельствуют переводы книги Татьяны Чернавиной "Бегство от Советов" (1933) и сборника "Мы, советские женщины" (1935).

В Англии Н.Даддингтон несколько раз встречалась со своим учителем Н.О.Лосским (1870-1960), а в 1930-х гг. в ее семье жил его сын Андрей, поступивший в Лондонский университет. Судя по воспоминаниям философа, Н.О.Лосский всегда испытывал особое чувство к Англии, ее литературе, культуре и политическим традициям. О подготовке к первой поездке в 1913 г. он писал: "Как многие русские интеллигенты, мы давно уже заочно любили Англию. Шекспир, Вальтер Скотт, Диккенс были любимыми нашими писателями. Сравнительно спокойное развитие английской демократии, гарантии прав личности, выработанные ею, социальная мудрость английской нации, все эти черты английской общественности были глубоко

симпатичны нам”¹³⁴. Готовясь к поездке, Лосские учили английский в школе Берлица, занимались с англичанкой мисс Джексон, учившей также троих детей Лосских. В дополнение к занятиям они читали А.Конан-Дойля и О.Уайльда. Кроме того, Лосский прочитал “Краткую историю Англии” Грина и том географии Реклю.

В Лондоне Лосские поселились в доме Даддингтонов, в то время как Даддингтоны проводили лето в имении Эртелей в Воронежской губернии. В их отсутствие в их доме жила вдова писателя Степняка-Кравчинского. Лосский вспоминал: “В Лондон мы приехали вечером и в автобусе отправились на север его к Golders Green’у, где с немалым трудом нашли улочку Carlton Terrace и на ней квартиру Даддингтонов. Большим удовольствием было уже то, что проникнуть в квартиру нужно было не посредством звонка, а после ударов кольцом в дверь, как в романах Диккенса”. В Англии Лосские провели две недели, но успели многое посмотреть. Они ездили в St. Albans, где похоронен Ф.Бэкон, побывали на северо-западном берегу моря в Silverdale, где жила их “англичанка” мисс Джексон. Вместе с нею Лосские совершили путешествие по Озерному краю, останавливались на ночь на ферме. Н.О.Лосскому запомнились непривычные детали быта: “Жилище было построено несколько веков тому назад: стены такие толстые, как будто оно служило крепостью. <...> Обстановка дома этих простых людей была весьма комфортабельна. Особено поразила нас сервировка стола за ужином. Такого разнообразия утвари, ложек и ложечек, вилок и т.п. не было и у нас в петербургской квартире”. Утром они отправились в Ланкастер, где был устроен pageant — инсценировка исторических эпизодов, связанных с историей этих мест: было показано сражение племен на территории Ланкашира, картинка из жизни Ланкастера во времена Адриана, сцены из средневековой жизни, процесс ведьм. Вернувшись в Петербург, Лосские стали пропагандировать постановки таких представлений в России, их идею поддерживали историки и артисты, но начавшаяся война разрушила эти планы.

Н.О.Лосский с детства был знаком с “Песнями Оссиана” и мечтал увидеть Шотландию. В сопровождении мисс Джексон он отправился поездом в Глазго, а потом пароходом в Обан. “Выезд в море по Клайдскому заливу произвел сильное впечатление картиною мощного судостроения англичан. На протяжении нескольких десятков километров на обоих берегах высались остовы строящихся судов. Выйдя в море, мы проезжали мимо грота Фингала и островов, напоминающих о “Песнях Оссиана”. Утром они вышли в море на парусной лодке в компании пресвитерианского пастора, который пел гостям песни на гальском языке. Потом они поехали в Инвернес, а оттуда в Эдинбург.

Второй раз Лосские оказались в Англии уже в эмиграции. Приехав в Прагу в 1922 г., Н.О.Лосский вскоре получил приглашение от профессора В.Г.Коренчевского, возглавлявшего Русскую Академическую группу в Англии, прочитать в Русском Народном университете в Лондоне несколько курсов по философии. В конце февраля 1923 г. он отправился в Лондон и провел там весь март. Он встречался с семьей Даддингтонов и с Коренчевскими, возобновил свое знакомство с Б.Пэрсом, который предложил ему написать статью о В.Соловьеве для “Славянского обозрения”.

В 1932 г. Н.О.Лосский получил приглашение читать лекции в Стэнфордском университете в Америке. Подготовив текст своих лекций, он послал их для перевода Н.А.Даддингтон. По пути в Америку он заехал Лондон, где он вновь увиделся

со своей ученицей, прочитал несколько лекций ее мужу, с тем, чтобы проверить, как они звучат по-английски. В Америке он встретился с профессором Маршаллом, который давно интересовался его философией, перевел на английский и издал в Лондоне книгу Лосского "Ценность и бытие".

Н.О.Лосский поддерживал тесные связи с православной церковью в эмиграции. В Духовной Академии в Нью-Йорке он читал лекции по своей переведенной на английский язык книге "Достоевский и его христианское миропонимание". В 1951 г. Н.О.Лосский стал гражданином США. В Нью-Хейвене, пользуясь материалами библиотеки Йельского университета и Публичной библиотеки Нью-Йорка, он написал книгу "Характер русского народа". В концепции книги заметно влияние на автора евразийских идей Л.П.Карсавина о симфонической личности. В подтверждение своих идей Н.О.Лосский часто приводит мнения англичан, которых он знал не только по их книгам, но и лично, среди них Стивен Грэм, Морис Бэринг, Гарольд Вильямс, Бернард Пэрс, Маккензи Уоллес, Альфред Нокс, Р.Райт (R.Wright). Н.О.Лосский завоевал заметное место в англоязычной культуре: его книги, написанные в строгом научном стиле, легко поддавались переводу. Немалую роль в формировании его стиля сыграло его англофильство, о котором свидетельствует круг его чтения, интерес к английской культуре и государственным установлениям. Н.О.Лосского не смущал барьер в духовном и религиозном мировоззрении между русскими и англичанами. Он стремился говорить со своими студентами и читателями о том, что более всего в русской философии и культуре интересовало его самого, не делая скидок на трудности понимания между представителями разных национальных культур.

Работы Н.О.Лосского привлекли внимание Олдоса Хаксли. С русским философом его познакомил философ культуры Джеральд Херд (Gerald Heard). Хаксли и Лосский беседовали о влиянии неоплатонизма на русское богословие и философию. Английского писателя интересовали книги сына философа Владимира Лосского "Опыт о мистической теологии восточной церкви" и его труд по иконописи. Под влиянием О.Хаксли Н.О.Лосский увлекся восточной философией и религией, начал читать лекции Вивекананды и писать об индийской философии.

Андрей Лосский в 1938 г. окончил Лондонский университет, а в следующем году уехал в Америку и поступил аспирантом в Йельский университет. После войны он защитил докторскую диссертацию и читал в Йельском университете историю Европы и России. Интерес к Англии передался внуку Н.О.Лосского Николаю, который занимался историей английской литературы в Сорбонне. Защитив диплом, он получил стипендию для продолжения своих занятий в Оксфордском университете, где он жил и работал в течение трех лет со своей женой Вероникой. В.Лосская занимается историей и литературой России, среди ее книг документальное исследование жизни М.Цветаевой.

С.С.Котелянский

Самуил Соломонович Котелянский (1880-1955) приехал в Лондон в 1911 г. на деньги своей матери, опасавшейся за его жизнь в российской провинции¹³⁵. По всей видимости, он сам не чувствовал, что в России ему угрожает опасность, так как

три года спустя, в 1914 г., он собирался возвращаться домой. Планы С.С.Котелянского расстроила начавшаяся в августе 1914 г. война. В России ему скорее всего пришлось бы отправиться на фронт, так как в российском паспорте он значился как "ратник первого разряда". В Англии, как явствует из более позднего документа, от военной службы он был освобожден. Чтобы зарабатывать на жизнь, С.С.Котелянский устроился на работу в юридическую контору эмигранта Р.С.Слатковского, расположенную в центре Лондона на Хай Холборн. Контора была маленькая и обслуживала в основном эмигрантов из России. С.С.Котелянский, имевший юридическое образование и знавший английский, в основном работал как переводчик.

Знакомство с Д.Г.Лоуренсом в 1914 г. перевернуло скромное эмигрантское существование С.С.Котелянского. В тот момент, когда началась война, они совершили путешествие в Озерный край: заповедное место английских поэтов-романтиков. За время путешествия и бесед о литературе на лоне природы, они стали близкими друзьями. Десять лет спустя Лоуренс вспоминал это путешествие в письме к Котелянскому, как важное событие в своей жизни: для него, яростного пацифиста, это бегство в край поэтов было вызовом соотечественникам и всему человечеству: где-то вдали бушевала мировая война, а он жил своим творчеством, своей жизнью, которая, как он подчеркивал, дается один раз¹³⁶. Лоуренс к тому времени был известным в Англии писателем, автором романов "Белый павлин" и "Сыновья и любовники". Общась с Лоуренсом, Котелянский вскоре оказался в окружении литературных и околослитературных знаменитостей. Юридическая контора, где он работал, постепенно превратилась в своего рода божественный салон, который посещали люди с известными именами. Многие из них оставили воспоминания об этих первых встречах. Леди Гленави так описывала свой первый визит: "Чуждость этого заведения приводила нас всех в восторг: темнота, кожаная мебель, набитая конским волосом, торчавшим из прорех в коже. На одной стене висела картина, изображающая котят в корзинке с анютиными глазками, а на другой — еще более неуместное в таком заведении — изображение Христа в окружении детей"¹³⁷. Кэтрин Мэнсфилд вторила ей: "В гостиной на стене — зимний пейзаж, котят, Христос с детьми, тоже похожий на котенка"¹³⁸. Жена Лоуренса Фрида вспоминала, как Котелянский выставлял на стол для дорогих гостей вареную картошку и селедку, раскладывал все это на тарелки сомнительной чистоты, а закусив, затягивал в полный голос русскую песню¹³⁹. Помимо общительности и любви к русской литературе, еще один дар обеспечил Котелянскому место в истории культуры: он был прирожденным архивистом, бережно хранившим каждый исписанный листок бумаги. В его архиве сохранились письма Д.Г.Лоуренса, Г.Уэллса, Кэтрин Мэнсфилд, а также многих русских эмигрантов.

Д.Г.Лоуренс испытывал интерес к русской литературе с первых своих писательских шагов. На протяжении всей жизни в переписке и рецензиях Лоуренса упоминаются Л.Толстой, Ф.Достоевский, И.Тургенев, А.Чехов, М.Горький, Л.Андреев, М.Арцыбашев. Однако совместная работа с Котелянским над переводами дала ему редкую для английского писателя возможность по-настоящему приблизиться к русскому художественному тексту, понять, как пишет русский писатель. Первым произведением, которое они перевели совместно был "Апофеоз беспочвенности" Льва Шестова, опубликованный в 1920 г. О том, как осуществлялась работа,

свидетельствуют некоторые замечания в письмах Д.Г.Лоуренса. Он пишет издателю: "Я высылаю Вам рукопись русского философа Шестова, которую перевел мой друг Котелянский, а я ангализировал перевод" ¹⁴⁰. В 1927-1929 гг. они таким же образом перевели "Уединенное" и "Опавшие листья" В.В.Розанова. К этим и некоторым другим переводам Д.Г.Лоуренс написал предисловия, в которых он осмысливает в эссеистическом ключе русский характер и тип мышления, значительно отличающийся, по его мнению, от европейского. Исключительным фактом литературы стал совместный перевод Котелянским и Д.Г.Лоуренсом рассказа Бунина "Господин из Сан-Франциско" (1921). Д.Г.Лоуренс был, наверное, первым английским писателем, который оценил талант и испытал на себе влияние Бунина.

По своим взглядам С.С.Котелянский принадлежал к леворадикальной эмиграции, что отразилось, правда, не столько в его деятельности, сколько в переписке. О том, что верность левым взглядам он продолжал сохранять в период русской революции, свидетельствует один эпизод. В апреле 1917 г. он убеждал английских писателей выступить в поддержку горьковской газеты "Новая жизнь". В ответ на призыв Котелянского Д.Г.Лоуренс выразил готовность приветствовать русского писателя, но просил уточнить, какое именно политическое направление следовало поддержать в его лице. Котелянский уговорил и нескольких других известных английских писателей поддержать М.Горького своим авторитетом: среди них были Г.Уэллс, Б.Шоу и А.Беннет. Котелянский был другом дома Г.Уэллса. Когда в 1920 г. Г.Уэллс собрался поехать в Россию, Котелянский обучал русскому языку сына писателя Джипа.

Возможно именно потому, что он не был профессиональным переводчиком и литератором, С.С.Котелянский брался за сложные для перевода жанры, такие как дневники и письма, или за произведения авторов, которые всеми признаны непереводаемыми. Он переводил записные книжки Чехова, любовные письма молодого Толстого к Арсеньевой, переписку Достоевского с женой, дневники и мемуары писателей, философско-литературную эссеистику В.В.Розанова. В общей сложности Котелянский перевел более тридцати книг — количество, конечно, не идущее в сравнение с тем немислимым объемом переводческой работы, которую проделала К.Гарнетт, переведшая почти полные собрания сочинений Достоевского, Тостого, Тургенева и Чехова. Работа Котелянского, тем не менее, заслуживает большого внимания из-за открытого им по необходимости уникального метода: он привлекал к соавторству самых известных английских писателей и одновременно пытался обучать их русскому языку. Так он работал с Д.Г.Лоуренсом, Кэтрин Мэнсфилд, Вирджинией и Ленардом Вулфами. По качеству эти переводы выдерживали конкуренцию с переводами лучших профессиональных переводчиков, а нередко и превосходили их.

Совместно с К.Мэнсфилд Котелянский работал над переводом "Дневника революции" М.Горького (опубликован не был). Воспоминания М.Горького о Леониде Андрееве в их совместном переводе вышли в журнале "Dial" в июне-августе 1924 г. Письма и дневник Чехова появились в журнале Миддлтона Марри "Athenaeum". Возможно, регулярные публикации в этом журнале продолжались бы, но, как писал исследователь, Котелянский "напугал редактора нескончаемыми планами переводов с русского, так что Марри решил приостановить этот поток" ¹⁴¹. По

рекомендации Котелянского, К.Мэнсфилд в 1922 г. поехала в Париж к русскому врачу И.И.Манухину лечиться от туберкулеза, она пыталась искать помощи и у другого эмигранта из России — у антропософа Г.И.Гюрджиева. В этот приезд в Париж К.Мэнсфилд и Марри познакомились с И.А.Бунинным и З.Н.Гиппиус.

Творческая дружба Котелянского с Вирджинией и Ленардом Вулфами началась летом 1917 г.¹⁴² 18 января 1918 г. В.Вулф оставила запись в своем дневнике об одном из домашних приемов, на котором был их новый знакомый: "Время от времени Котелянский принимался выступать на своем ломаном английском с официальной речью по русскому вопросу. <...> Он к себе располагает. У него много общего с персонажами русской литературы. Без всякого предисловия он вдруг начинает раскрывать вам свою душу. И не только свою <...>. Его рассуждения о политике очень своеобразны, он считает, что Россия — недостаточно цивилизованная страна, чтобы революция принесла ей какую-то пользу. Другое дело Англия: здесь революция могла бы принести грандиозные изменения к лучшему, так как даже в самых бедных наших домах есть газ и ковры. Россия совершенно не интересуется его, возвращаться он не собирается, он предсказывает гражданскую войну весной, которая, он уверен, ничего не решит. Вспоминает, как в 1905 году жгли дома и резали аристократов"¹⁴³.

Что сближало изысканную чету Вулфов с провинциалом из России? В какой-то мере, он был для них мудрым "дикарем", заставлявшим задуматься о привычных ценностях цивилизации, посмотреть на свою жизнь глазами человека из другого мира: мира не менее интеллектуального, но гораздо менее "цивилизованного". Вулфы познакомили Котелянского с некоторыми из своих друзей из литературного мира. В апреле 1919 г., например, Котелянский был приглашен прийти после обеда познакомиться с Т.С.Элиотом и его женой¹⁴⁴. Но пожалуй, главную роль в сближении Вулфов с Котелянским сыграла русская литература. Вулфы, как и многие англичане в период русской революции и в начале 1920-х годов, были охвачены страстным увлечением русской литературой и искусством. Это увлечение распространялось на всю группу Блумсбери, чуткую к художественным и литературным веяниям времени. В своем частном издательстве "The Hogarth Press" Вулфы планировали издавать произведения русских авторов и им нужен был помощник со знанием русского и английского языка и со вкусом к литературе. 5 мая 1920 г. В.Вулф впервые упоминает в дневнике свою работу над рукописью перевода Котелянского и дает штрихи к его портрету: "Он всегда говорит правду, особенно дорожит правдой в своих психологических изысканиях — вещь довольно опасная, так как ураган такой правды опустошает многие прекрасные сады. Все, что он говорит, звучит очень убедительно. Мы начинаем издавать Горького..."¹⁴⁵. В последующие годы в дневниках В.Вулф часто упоминаются уроки русского, которые она и ее муж стали брать у Котелянского для усовершенствования совместной работы над переводами. В своих воспоминаниях Ленард Вулф описал их метод: "Котелянский набрасывал приблизительный перевод на свой странный английский, оставляя много места между строками для вариантов соавтора. Его английский звучал очень необычно, но в то же время это был такой живой и своеобразный язык, что было, порой, соблазнительно оставить его нетронутым"¹⁴⁶. После того как "котелянский вариант английского" был переведен Вулфом на "королевский английский", они вдвоем

просматривали перевод слово за словом. Случалось, что переводчики подолгу спорили о значении какого-нибудь слова. Таким образом была подготовлена и издана в "Хогарт Пресс" книга воспоминаний М.Горького о Толстом. Перевод вышел в 1920 г. тиражом 1000 экземпляров, но весь тираж вскоре был распродан и понадобилась допечатка. В 1921 г. в совместном переводе Л.Вулфа и Котелянского вышли записные книжки Чехова с приложением воспоминаний о нем М.Горького. В 1922 г. был опубликован сборник рассказов Бунина, в который вошел "Господин из Сан-Франциско" в переводе Д.Г.Лоуренса и Котелянского, а остальные рассказы были переведены Котелянским совместно с Л.Вулфом. Этот сборник был перепечатан в том же издательстве в 1934 г., после того как Бунин стал Нобелевским лауреатом. Совместно с Вирджинией Вулф Котелянский перевел черновые варианты Достоевского к роману "Братья Карамазовы": исповедь Ставрогина и план "Жития великого грешника". Книга вышла в 1922 г. В том же году вышла в их совместном переводе автобиография С.А.Толстой "Моя жизнь", а в следующем году еще две книги, посвященные Толтому: запись бесед с ним А.Б.Гольденвейзера ("Вблизи Толстого") и любовная переписка Толстого с приложением биографического исследования П.И.Бирюкова. Всего, по подсчетам библиографа, в издательстве "Хогарт Пресс" из 525 названий было опубликовано 15 русских книг: число небольшое, но каждая из этих книг — плод неповторимого переводческого соавторства. Помимо названных изданий, в издательстве вышли "Тьма" Л.Андреева, "Житие" Аввакума, "Зависть" Ю.Олеши и несколько сборников Бунина¹⁴⁷.

Котелянский оказался кладом сведений о России и русских для В.Вулф, в литературно-критической эссеистике которой русская литература занимает одно из важнейших мест. Она писала рецензии на все важнейшие переводы русских произведений; из этих рецензий вырастали статьи о литературе. К переводам она относилась — возможно именно благодаря собственному опыту — чрезвычайно скептически, так как она тонко чувствовала то отличие в значениях как будто близких по смыслу слов, которое создается культурой и историей иной страны. В эссе "Русская точка зрения" ("Russian Point of View", 1919) она писала: "Глубокое сомнение вызывает способность англичан — несмотря на их пылкое стремление в наши дни — понять русскую литературу". Взаимопонимание между представителями разных культур, по мнению В.Вулф, осуществляется бессознательно, и в его основе лежат чувство родства, общие ценности. Но ничего этого нет между русскими и англичанами, существует и более серьезный барьер — язык. "Из всех тех, кто так бурно восхищался Толстым, Достоевским и Чеховым в последние двадцать лет, едва ли найдется два читателя, способных прочесть этих авторов по-русски. Наши оценки русских писателей формируются критиками, которые не знают ни слова по-русски, ни разу не были в России, и никогда не слышали, как звучит русский язык, и которым в силу этого приходится слепо и безропотно полагаться на работу, проделанную переводчиками". Добросовестный скептицизм писательницы мог бы заставить многих критиков и переводчиков быть осторожнее в своих выводах о русской литературе. Она писала: "Мы никогда не можем быть уверены в объективности нашей оценки произведений, до такой степени изуверченных, не можем быть уверены, что не истолковываем их превратно, не вчитываем в них то, что сами хотим в них найти"¹⁴⁸.

В эссе "Modern Fiction" ("Современный роман", 1919) В.Вулф пользуется русскими образцами как мерой оценки английских литературных произведений и сравнивает художественный метод и видение мира русских и англичан. Она пишет: "Когда мы говорим об английской литературе, нельзя не вспомнить о том русском воздействии, которое она испытала. Познакомившись с русской литературой, невольно начинаешь видеть в чтении всякой другой бесполезную трату времени. Если мы хотим познать душу и сердце — где еще мы найдем подобную глубину? Нас уже мутит от нашего материализма, а любой, самый скромный из русских писателей, с молоком матери впитывает веру в первичность духа". Главные литературно-критические работы, написанные В.Вулф, включая эссе "Этапы романа" ("Phases of Fiction", 1929), основаны на детальном знании творчества русских писателей. Русская тема нашла развитие и в художественных произведениях В.Вулф: в романе "Миссис Дэллоуэй", основная работа над которым велась в 1922-24 гг., в аллегорической автобиографии "Орlando" (1928). В.Вулф испытала влияние Достоевского, Толстого и Чехова, и дала глубокий анализ художественных методов "трех великих русских" в своей эссеистике.

Глава 5. Британцы о России

Октябрьская революция и признание английским правительством Советской России внесли много изменений в англо-русские отношения, как политические, так и культурные, общественные и частные. На протяжении последующих лет в отношении англичан к России восторг сменялся страхом, надежды — недоверием. Многие представители английской интеллигенции приняли революцию и советский строй с энтузиазмом, хотя в большинстве своем знали о переменах в России по газетным корреспонденциям и по слухам и не имели понятия о реальном трагизме событий. Наряду с документальными свидетельствами очевидцев и публикациями, серьезно анализирующими положение в России, продолжали издаваться сенсационные шпионские романы, в них только слегка подновлялись исторические декорации и действующие лица: среди персонажей появлялись сотрудники ЧК, затем ГПУ, описания террора и преследований выполняли роль традиционных литературных "ужасов", в массовое сознание вселялся страх перед распространением коммунизма в Европе. Названия подобных романов говорят сами за себя: "Красная ярость: Британия под ярмом большевизма" (роман 1919 г., в котором подновлены детали романа 1907 г. и дано новое название), "Распутинщина в Лондоне" (1919), "Красная камарилья" (1923), "Красное завтра" (1926), и т.д. Этой массовой литературе противостояли публикации русских и английских корреспондентов в серьезных газетах, а также работы русских и английских русистов в академической периодике.

Гарольд Вильямс

Важную роль в распространении документальных сведений о России, ее культуре и литературе, сыграли английские писатели, находившиеся в России во время войны и революции. Одним из самых глубоких знатоков русской жизни был корреспондент "Таймс" Гарольд Витмор Вильямс (Harold Whitmore Williams, 1876-1928). Сын пастора-методиста, поселившегося в Новой Зеландии, Г.Вильямс в

конце 1890-х годов заинтересовался учением Л.Толстого, которого он считал величайшим реформатором христианства. Самое большое впечатление на него произвели религиозно-философские произведения писателя. Чтобы читать Л.Толстого на его родном языке, а может быть и говорить с ним, он начал учить русский язык и решил совершить паломничество в Ясную Поляну. Планы молодого новозеландца в то время могли показаться наивными: но тому, что он задумал, суждено было в скором времени свершиться¹⁴⁹. Г.Вильямс был исключительно талантливым лингвистом-полиглотом, русский был далеко не самым экзотическим из тех языков, на которых он мог говорить. Он был автором грамматики редких полинезийских языков, и в общей сложности за свою жизнь освоил около пятидесяти языков. В начале жизни он мечтал о лингвистике и отправился учиться в Германию, где окончил Мюнхенский университет. Перед ним открывалась блестящая академическая карьера, но он пожертвовал ею ради политической журналистики, которая в тот сложный исторический момент казалась ему более важным делом. Он устроился корреспондентом лондонской "Таймс" в Штуттгарте, где находилась в то время редколлегия нелегального журнала П.Б.Струве "Освобождение". В этой редколлегии Г.Вильямс получал материалы по русским вопросам, и сблизился с представителями русской политической эмиграции, будущими представителями партии Народной свободы. Среди них была сотрудница "Освобождения" А.В.Тыркова, ставшая спутницей его жизни¹⁵⁰.

Г.Вильямс прожил в России с декабря 1904 г. до марта 1918 г., постоянно находясь в водовороте интеллектуальных и политических событий. С 1904 по 1908 г. он являлся корреспондентом "Manchester Guardian". В этой газете 9 февраля 1905 г. он опубликовал интервью с Л.Толстым, с которым он встретился в Ясной Поляне¹⁵¹. К этому времени Г.Вильямс "перерос" толстовство, но не потерял интереса к личности Л.Толстого. В 1908 г. он стал сотрудничать в консервативной ежедневной лондонской газете "Morning Post", освещая проблемы англо-русских отношений. С 1914 г. он посылал свои корреспонденции в "Daily Chronicle", которая отражала позиции левых правительственных кругов. Г.Вильямс до тонкостей разбирался в предшествовавшей революции политической борьбе в России, прекрасно знал русскую литературу. В России он познакомился с несколькими русскими писателями, в частности с И.А.Буниным и А.М.Ремизовым.

В книге "Встречи: Петербургский буерак" А.М.Ремизов вспоминал: "С революции (1905) в Петербурге поселилась Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс и Гарольд Васильевич. Я бывал у них. Гарольд Васильевич филолог, а кроме того, исследователь Свифта. Я нашел в Свифте себе отклик: его "лошадиное царство" — это ведь мое "обезьянье" — мой "обезвельволпал", но у Свифта какая жестокость и презрение к человеку. И что повлекло чистейшую душу Вильямса к этому человеконенавистнику, так и осталось у меня тайной"¹⁵². А.М.Ремизов видел Г.Вильямса, Хью Уолпола, Д.П.Святополк-Мирского в видениях "Взвиренной Руси" (1927). Г.Вильямс писал о Ремизове как об одном из самых оригинальных русских писателей современности, обратившихся к языку народа. Традиции, которым он следовал, Вильямс возводит к Гоголю и Достоевскому, при этом подчеркивая в его стиле черты модернизма. Рассказы Ремизова Г.Вильямс называет "поэмами в прозе".

По книгам и корреспонденциям Г.Вильямса в ведущих английских газетах англичане могли составить многогранное и полное представление о событиях в России в исторической перспективе. Книга Г.Уильямса "Russia of the Russians" ("Россия русских", 1914) по праву считается одним из самых уникальных произведений о России по глубине понимания русской жизни.

Г.Вильямс анализировал истоки русской революции, опираясь на русских мыслителей: "К России обращаются взоры в надежде увидеть новый свет, свет большевизма с Востока. Это заблуждение. Большевизм родился не в России. Он представляет собой попытку применить на практике тот социализм, который созрел на Западе, но не смог там реализовать свои идеи. Русский большевизм — это злая карикатура на социалистические тенденции Запада, а может быть и суровое предупреждение о том, к чему на деле социализм приводит. <...> Социализм — это усталость истории, это ее бессилие, старость и разложение. Социализм — это не начало новой жизни, а конец, попытка организовать упадок. Россия под большевиками со всей очевидностью показала, куда ведет социализм. Но она показала и другое: куда ведет западная цивилизация. Русский большевизм вскрыл кризис западной цивилизации"¹⁵³.

Великим сдвигом в русском сознании называет Г.Вильямс русскую поэзию и роман XIX века. Он пишет, во многом вторя мыслям Достоевского о Пушкине, что русская литература впитала в себя все лучшие достижения французской, немецкой, английской и итальянской литературы, но при этом результат этих заимствований оказался сугубо национальным. Началом этой эпохи русской литературы автор называет Пушкина. "Конечно, дотошные исследователи могут отыскать в произведениях великих русских писателей следы английского, французского или германского влияния, — но оказывается, что в их творчестве это далеко не главное. Да, у Пушкина и Лермонтова есть что-то от Байрона, да великие романисты читали Диккенса, да Тургенев был хорошо знаком с Флобером — но в новую эпоху это уже не имеет определяющего значения: русская литература поражает своей оригинальностью в выборе темы и подходе к ней, несмотря на то, что в ней есть отзвуки всех европейских литератур. В России художественное явление не зависит ни от иностранных влияний, ни от государственного деспотизма". "Русская литература раскрывает нечто такое, чего не было и нет в теориях, идеях и во всей интеллектуальной жизни Западной цивилизации: она раскрывает русские движения души, русские настроения и устремления. Иногда это происходит в ответ на вызов со стороны Запада".

Хью Уолпол

Романы Хью Уолпола (Hugh Walpole, 1884-1941), реалистические и автобиографические, представляют собой исключительный образец вхождения англичанина в русскую культуру. Как и Г.Вильямс, Хью Уолпол родился в Новой Зеландии в семье пастора. Когда он был ребенком, семья переехала в Нью-Йорк, где отец получил место преподавателя в теологической семинарии. Уолполу предстояло стать пастором, но он вовремя понял, что не призван к этому. Он стал писателем и с 1909 г. публиковал по книге в год, в основном это были романы. С осени 1914 г. до лета 1915 г. он находился при Русском Красном Кресте на Польском и Галицийском фронтах, затем

отступал с русской армией через Галицию. В октябре 1915 г. Уолпол возглавил Бюро Британской пропаганды в Петрограде, но пропаганда по всей видимости тоже не была его призванием: Бюро развалилось в результате постоянной утечки информации.

Хью Уолпол был свидетелем февральской революции 1917 года, но в ноябре ему пришлось уехать из России. Один из самых способных последователей Достоевского, Хью Уолпол в романах "The Dark Forest" ("Темный лес", 1916) и "The Secret City" ("Тайный город", 1919) стремился впитать опыт своего учителя в исследовании русского характера. Роман "Тайный город", в котором отражены события Февральской революции, был признан лучшим романом года и автор получил за него специальную премию. Россия 1920-х годов является местом действия романа "Ганс Фрост" (1929). Уолпол сумел критически посмотреть на англичанина в России. В романе "Темный лес" Уолпол дает его портрет: "Он видел Россию через розовые очки любопытных зевак, книги которых приобрели огромную популярность в Англии последних лет. В них русский человек представлен как блаженный "Идиот", который не умеет ни читать, ни писать, но зато глубоко чувствует Бога, а Россия показана как страна снегов, икон, грибов и странников"¹⁵⁴. Уолпол в своей книге собрал стереотипные представления о русских и англичанах и предложил свой личный опыт для их развенчания. Глазами англичан в книге показаны русские характеры; глазами русских — характеры англичан. Как англичане, так и русские в романе Х.Уолпола представлены и как типы, и как личности. Типичные национальные черты соединяются с чисто индивидуальными. Автор хочет сказать: как мало мы друг друга знаем, и как трудно нам друг друга понять из-за целого забора стереотипов, созданных поколениями англичан и русских. Он утверждает, что национальные границы часто стираются: существуют характеры, которые встречаются как в России, так и в Англии.

Уолпол наблюдает за теми изменениями, которые претерпевает английский характер в русской среде. "Англичанин, оказавшись в России, благодарит Бога за то, что он создал его человеком практичным и дал ему здравый смысл, но проходит день-другой и он спрашивает себя, а понимают ли англичане хоть что-нибудь в жизни, и разве не стыдно жить без всякого интереса к "идеям"". Из наблюдений Уолпола следует вывод, к которому приходили и другие писатели и историки: англичане и русские обладают разными достоинствами, которые прекрасно дополняют друг друга. Надежность, терпение, добротность — английские достоинства, которых автору не хватает в России, но в Англии ему недостает душевной теплоты, сострадания — качеств, которые он встретил у многих русских людей. В романе "Секретный город" (1919), который является продолжением "Темного леса", Уолпол еще более резко пишет о способности англичанина понять русского человека и русскую жизнь: "Если вы скажете мне, что Россия, увиденная англичанином, — это и есть настоящая Россия, я должен вас разочаровать. О России и русских я не знаю ничего, кроме того, что за последние три года они оказали на меня огромное влияние".

Бернард Пэрс

Немало книг о России принадлежит Бернарду Пэрсу (Bernard Pares, 1867-1949). Б.Пэрс, как он пишет в своих "Мемуарах", был увлечен Россией с детства. Серьезно думать о русистике как о профессии он стал в колледже Хэрроу, а затем

в Кембриджском университете. Когда он впервые приехал в Россию в 1898 г., профессор П.Г.Виноградов помог ему устроиться вольнослушателем в Московский университет, где он в течение двух лет посещал лекции В.О.Ключевского и П.Г.Виноградова. Вторую поездку в Россию он совершил в 1904-05 гг. и с этих пор бывал там каждый год, расширяя свои политические и научные связи. Б.Пэрс в то же время служил неофициальным осведомителем Британского посольства в Петербурге и Foreign Office¹⁵⁵, что было распространено в среде пребывавших в ту эпоху в России английских писателей, журналистов и ученых. В 1906 г. он был назначен доцентом (Reader) по кафедре современной русской истории в Ливерпуле, а в 1907 г. создал в этом городе Русскую школу, по существу институт (Liverpool School of Russian Studies). При этом институте с 1912 г. выходил журнал "Russian Review" с участием русских авторов. Летом 1909 г. Пэрс организовал визит членов Думы в Англию. Среди приглашенных были Н.А.Хомяков, А.И.Гучков, П.Н.Милюков, В.А.Маклаков, М.В.Челноков, гр. В.Бобринский, всего девятнадцать человек, в основном кадеты и октябристы. Многие из них впоследствии эмигрировали в Англию.

В 1914 г. Пэрс был назначен официальным осведомителем британского правительства в России, с поручением находиться при Армии. С 1915 г. он работал корреспондентом "Daily Telegraph", продолжая находиться при русской армии до самой революции с перерывами для кратковременных поездок в Англию. За эти годы он выпустил несколько книг: "Россия и реформы" ("Russia and Reform", 1907), "Лига Наций и другие вопросы о мире" ("The League of Nations and other Questions of Peace", 1911), "День за днем с русской армией: 1914-1915" ("Day by Day with the Russian Army", 1915). По воспоминаниям Г.П.Струве, когда Б.Пэрс в очередной раз приехал в Россию, во время открытия Второй Государственной Думы, он снимал комнату в квартире у Вяч.Иванова и Зиновьевой-Аннибал. Там он познакомился с Блоком, Бердяевым, Кузминым и многими представителями литературно-художественной элиты¹⁵⁶. В 1919 г. он состоял при адмирале Колчаке в качестве представителя великобританского правительства. Вс.Н.Иванов вспоминал о встрече с ним в это время в своем очерке "Коварный Альбион": "Сей чистый академист профессор Пэрс, поведал мне откровенно, что он состоял всю Великую войну в контр-разведке штаба нашей Третьей Армии. <...> Все наши российские секретные агенты — мальчишки и щенки перед этим почтенным коварным профессором литературы, несомненно имевшим крупные связи в Англии"¹⁵⁷.

В 1919 г. по инициативе Б.Пэрса и при поддержке других видных русистов при Королевском колледже Лондонского университета была основана Школа изучения славянства и Восточной Европы (Школа Славянских исследований, School of Slavonic and East European Studies). На посту директора этого института он оставался до 1939 г. За эти годы при Школе была создана русская библиотека и архив, было выпущено немало известных русистов. В качестве продолжения "Russian Review" выходил академический журнал "Slavonic and East European Review" с участием русских авторов.

В Лондоне Пэрс имел возможность общаться с эмигрантами разных политических направлений, и эту возможность он широко использовал: среди его знакомых были представители всех партий, от монархистов до демократов. Он общался с А.Ф.Керенским, кадетами А.В.Тырковой и П.Н.Милюковым, социал-демократом А.В.Байкаловым, состоял в тесной дружеской переписке с Е.Д.Кусковой и

С.Н.Прокоповичем. В 1922 г. Е.Д.Кускова и С.Н.Прокопович по его приглашению побывали в Англии. Пэрс был инициатором приглашения в Лондонский университет Д.П.Святополк-Мирского, а десять лет спустя — Г.Струве. Пэрс был знаком практически со всеми русскими политическими и культурными деятелями, бывавшими в Англии. Русскому опыту посвящены книги его воспоминаний, среди которых наиболее интересен мемуарный роман *"A Wandering Student: The Story of a Purpose"* ("Ученый странник: история исканий", 1948).

В 1930-х годах Б.Пэрс резко изменил свою позицию по отношению к Советской России, так как ему необходимо было так или иначе продолжать свою деятельность. Он не без труда установил официальные контакты с представителями советских университетских кругов и добился разрешения на возобновление своих поездок в Россию. Побывав там в 1936 г., он выступал с критикой советской системы образования и гордился тем, что эта критика была принята во внимание. По итогам своего визита он выступил с книгой *"Moscow Admits a Critic"* ("Москва принимает критику", 1936). Вскоре он опубликовал книги, разоблачающие русское самодержавие *"The Fall of the Russian Monarchy: A Study of the Evidence"* ("Падение Российской монархии", 1939) и *"Russia"* (1940). Е.В.Саблин резко отозвался на эти книги в печати, обличая автора в историческом невежестве. Газета "Русский в Англии" подвела своеобразный итог деятельности Б.Пэрса, опубликовав заметку о его уходе на пенсию в № 24 (72) за 31 декабря 1938 г. Автор заметки писал: "До 1936 года Пэрс занимал по отношению к Советской России позицию, близкую к эмигрантским кругам. После посещения Москвы осенью 1936 года, а потом в 1937 году, он начал выступать со статьями и докладами, благоприятными для Советов. Он считал, что Сталин "эволюционирует в сторону национальной и демократической политики" и что следует найти пути примирения с ним". Корреспондент выразил общее мнение редакции, что новая позиция Пэрса "вредна как для России, так и для Англии", но что при этом "нельзя не признать за ним заслуги: любовь к России, помощь русским в Англии".

Стивен Грэм

Д.П.Святополк-Мирский писал в 1924 г.: "Кому приходилось иметь дело с иностранными книгами о России и особенно о русской литературе, знает, какая это неисчерпаемая сокровищница нелепости и непонимания. Английские книги составляют исключение. Англичане, увлекающиеся русской литературой, отличаются особым истерически-сентиментальным складом ума. Из них особенно типичен автор "Неизвестной России" Стивен Грэхам. В последнее время английская любовь к России сосредоточивается на именах Достоевского и Чехова и тесно связана с быстрым ростом новой "интеллигентщины", разительным образом напоминающей первые стадии в истории нашей собственной интеллигенции. Поэтому в более английски мыслящих кругах Англии любовь к русской литературе находится под естественным и справедливым подозрением. Соприкосновение с русской культурой губительно для всех лучших качеств англичанина и особенно для его прославленного "чувства юмора" — *sense of humour* (что между прочим, вовсе не то же самое, что мы называем этим именем). Проникнутый "русским духом" англичанин делается мрачным истериком и анархическим педантом" ¹⁵⁸.

Стивен Грэм ¹⁵⁹ (Stephen Graham, 1884-1975) был самым фанатичным и самым продуктивным автором из всех, кто писал о "русской душе" и "душе России". Он родился в Эдинбурге в шотландской семье, его отец был редактором журнала "Countrylife". В юности С.Грэм прочел "Преступление и наказание" Достоевского, под влиянием которого решил изучать русский язык. В 1910 г. он отправился в путешествие по России: побывал на Украине, в Крыму, на Кавказе. Весной того же года он начал публиковать статьи о России в журнале своего отца и в некоторых лондонских газетах. С.Грэм написал книги путешествий: "A Vagabond in the Caucasus" ("Странствие по Кавказу", 1911), "A Tramp's Sketches" ("Очерки странника", 1912), "With the Russian Pilgrims to Jerusalem" ("С русскими паломниками в Иерусалим"), "Through Russian Central Asia" ("Через российскую Центральную Азию", 1916). До и во время Первой мировой войны появились книги С.Грэма, в которых он не ограничивается простыми фактами, но стремится разгадать загадки "русской души", иногда углубляясь в мистику. К такому роду книг относятся "Undiscovered Russia" ("Неизвестная Россия", 1912), "Changing Russia" ("Меняющаяся Россия", 1913), "The Way of Martha and the Way of Mary" ("Путь Марфы и путь Марии", 1915). Книги С.Грэма на русские культурно-религиозные темы пользовались противоречивой репутацией: они расходились большими тиражами у массового читателя, но возмущали интеллектуалов — как русских, так и англичан.

С.Грэм был знаком с М.Горьким, но по всей видимости они не сошлись во взглядах на Россию и ее будущее. В статье "О современности" М.Горький писал по поводу высказываний С.Грэма и его книги "The Way of Martha and the Way of Mary" ("Путь Марфы и путь Марии"): "Я не думаю, чтоб для России было полезно то отношение к ней, которое устанавливает нашумевшая книга Стефена Грэхэма; ведь ясно: книга эта встречена с восторгом только потому, что, рисуя нас блаженными бездельниками, она позволяет английскому капиталисту рассматривать Русь, как Африку, Индию, как другую его колонию" ¹⁶⁰. В годы войны М.Горький работал над статьями, в которых вскрывал порочность "восточного" влияния на русское сознание, а также влияния Ф.М.Достоевского. Он считал, что Россия должна избавиться от мистицизма, культа страдания и смерти, от русской тоски, что русский человек должен обрести ясный ум и научиться владеть своими чувствами. С.Грэм полемически прокомментировал эти статьи М.Горького, он писал: "Россия, которую отвергает Горький, это та самая Россия, которая представляет для нас, англичан, наибольший духовный интерес. Это Россия мистическая, лишенная прагматизма, Россия-странница, художественная Россия. А он хочет, чтобы она стала тем, что для нас совершенно неинтересно: Россией, полной оптимизма, уверенной в себе, деловой, хорошо одетой, элегантно и Западной" ¹⁶¹.

Морис Беринг

Писатель и журналист Морис Беринг (Maurice Baring, 1874-1945) тоже многие годы провел в России: он был корреспондентом "The Morning Post", прошел военными дорогами с русскими солдатами в Манчжурии, близко общался с русскими людьми разных социальных слоев, от аристократов до крестьян. М.Беринг написал о России более десятка книг, среди них несколько романов, сборники

рассказов и стихотворений, сонеты и пьесы, воспоминания и размышления, а также исследования о русской литературе. М.Беринг был одним из немногих русистов, кто сумел оценить значение Пушкина в русской литературе. Он также отдал должное Салтыкову-Щедрину и Лескову. Работы М.Беринга о России высоко ценил Д.П.Святополк-Мирский. В парижской газете "Звено" за 11 августа 1924 г. он посвятил ему большую статью "Новое в английской литературе: Морис Беринг". Книги М.Беринга о России Д.Святополк-Мирский выделил среди массы сочинений иностранных авторов, включая С.Грэма. Он писал: "На фоне всех этих мало привлекательных явлений особенно ярко и отродно выделяется фигура одного выдающегося английского писателя — Мориса Беринга, автора единственных ценных книг, написанных по-английски о русской литературе. В отличие от других, он совершенно чист от этой специфической "русской" заразы, которая так безобразит английских "руссизанов" ¹⁶². Д.П.Святополк-Мирский привел факты биографии писателя, которые раскрывают давние связи его семьи с Россией: "Беринг, которому теперь около пятидесяти лет, принадлежит к одной из известнейших фамилий английской капиталистической аристократии. Отец его, лорд Ревельсток, был главой знаменитого дома Baring Brothers, банкиров русского правительства. Дядя его, лорд Кромер, был первым английским администратором Египта". Как вспоминал В.Н.Ковцов, в свое время русская казна спасла лорда Ревельстока от разорения, и с тех пор он оказывал помощь России.

Несколько книг М.Беринга посвящены русской литературе: "Landmarks in Russian Literature" ("Вехи русской литературы", 1910; перевод на русский язык, 1913), "An Outline of Russian Literature" ("Очерк истории русской литературы", 1914), антология "The Oxford Book of Russian Verse" ("Оксфордская книга русских стихов", 1924) с предисловием составителя. Д.П.Святополк-Мирский писал по поводу антологии: "Его оценка русской поэзии страдает некоторой односторонностью — она исключает Державина, Тютчева, символистов; но никакой синтез не может не быть односторонним. Зато Берингов синтез неизмеримо ближе к истине, чем все толки о "славянской душе", "стране крайностей", "русской мистике" и прочем вадоре, которым уже столько поколений кормится несчастный "гнилой Запад" ¹⁶³.

Г.Уэллс о России. Ответ русских эмигрантов

Г.Уэллс, увлеченный идеей построения нового общества, с начала века пристально наблюдал за событиями в России. Он побывал там в ключевые моменты истории: в 1914 г., а затем в октябре 1920 г. Вернувшись из своей первой поездки, он опубликовал в газете "Daily News" статью "Россия и Англия: этюд в контрастах" ¹⁶⁴. В свой второй приезд он провел в России две недели и по приезде начал публиковать свои впечатления в еженедельнике "Sunday Telegraph". Позднее эти очерки составили книгу "Россия во мгле". Очерки и размышления Уэллса о России вызвали возмущение в среде русской эмиграции. Одни из первых откликов на публикации Уэллса появились в ноябре в журнале Комитета Освобождения России "The New Russia". Среди материалов, собранных А.В.Тырковой, помещены выступления И.А.Бунина ¹⁶⁵. Обращение Бунина к Уэллсу было опубликовано также в газете "Общее дело" в ноябре 1920 г. ¹⁶⁶. К этому времени с разоблачающей

публикацией своих свидетельств о приеме Уэллса в России уже выступили А.В.Амфитеатров¹⁶⁷ и А.Ф.Даманская¹⁶⁸. Открытое письмо английскому писателю в декабре опубликовал Д.С.Мережковский¹⁶⁹. С предисловием Н.С.Трубецкого вышел русский перевод книги Уэллса в Софии в 1921 г. (Д.Мирский писал о нем: "Его уничтожающее саркастическое предисловие к русскому переводу книги Г.Уэллса "Россия во мгле" представляет собой шедевр публицистики"¹⁷⁰). В своей совокупности эти публикации объемно рисуют исключительный по политической и эмоциональной насыщенности эпизод англо-русских отношений, в котором нашли отражение типичные для времени столкновения систем ценностей и мировоззрений.

Н.С.Трубецкой в своем предисловии отметил отличие посещения Уэллса от всех предшествующих: "Отчеты о посещении России не раз появлялись в английской печати. Однако до сих пор они писались либо идейными сторонниками русских большевиков, английскими и французскими коммунистами, либо простыми обывателями, людьми мелкими, без имени, без особого авторитета среди своих соотечественников. Г.Уэллс — первый настоящий английский писатель с крупным именем, притом отнюдь не коммунист, который посетил советскую Россию, посетил со специальной целью составить себе беспристрастное мнение о том, что происходит в этой стране, и поделиться своими впечатлениями с английским читателем"¹⁷¹.

Сам по себе факт, что Уэллс поехал в Россию по приглашению Горького говорил о многом: Горький в то время занимал самое высокое положение в официальной советской писательской иерархии. Его приглашение предопределяло круг общения, уровень жизни Уэллса, а также и почти все его впечатления. С момента приезда он ни на минуту не был предоставлен самому себе. Как вспоминала Даманская, с Балтийского вокзала его первым делом повезли на квартиру к М.Горькому: "Из квартиры прекрасный вид на Кронверкский проспект и Народный дом — дом для народа". Как в гостях у Горького, так и повсюду, где его принимали, Уэллсу устраивали театрализованное представление с показом достижений нового строя, а обеды устраивали такие, о каких россияне и мечтать не могли.

На знакомство с новой Россией Уэллс отвел всего две недели, что особенно поразило его оппонентов в эмиграции. Трубецкой писал: "Уэллс собственно хотел посетить своего друга Максима Горького, но заодно решил осмотреть советскую Россию, составить себе окончательное мнение о сущности большевизма и русского вопроса. И вот, на все это г. Уэллс кладет ... 15 дней. Немножко мало, скажете Вы. Но г. Уэллс — человек занятой, ему некогда, а как всякий англичанин, он настолько непоколебимо уверен в непогрешимости своего "трезвого взгляда на вещи", своего английского здравого смысла, что 15-ти дней ему вполне достаточно".

Русского языка Уэллс не знал, и рассчитывал на своего сына Джипа, который в Лондоне брал уроки русского у друга семьи С.С.Котелянского. Насчет познаний Джипа Амфитеатров заметил, что кроме "комнатных слов" он ничего по-русски не понимал. Уэллса предупреждали, что большевики постараются "втереть ему очки". Но, как замечает Трубецкой, "он на это только презрительно и самодовольно улыбнулся: не так-то легко обмануть англичанина, наделенного врожденным здравым смыслом". Переводчицей и гидом Уэллса по Петрограду была назначена М.И.Будберг (Бенкендорф), в то время проживавшая в квартире М.Горького и служившая у него секретаршей. Английский она, по всей видимости, знала неплохо, но в русском

делала много ошибок (над чем не раз шутил Горький). М.Будберг хорошо усвоила, что следовало и что не следовало переводить Уэллсу. Этому научил ее опыт жизни и общения с представителями власти в первые пореволюционные годы, когда она несколько раз оказывалась в тюрьме, в том числе по "делу Локкарта". С сочувствием отнесся к положению М.Будберг Трубецкой: "По приезде в Петроград г. Уэллс особенно успокоился относительно опасности быть обманутым: в качестве переводчицы и проводника ему дали даму, которая 5 раз сидела в тюрьме за попытки бежать из советской России. Трезвый взгляд на вещи подсказал Уэллсу, что такая дама не будет скрывать от него никаких отрицательных сторон большевизма и, скорее наоборот, будет представлять ему советский строй в самых мрачных красках. Русский человек, может быть, сделал бы совершенно иной вывод: он сообразил бы, что эта исстрадавшаяся, загнанная женщина горьким опытом пятикратного сидения в тюрьме прекрасно научилась тому, что можно и чего нельзя говорить, чтобы не подпасть под карающую руку чрезвычайки, сообразил бы, что с ней, вероятно, предварительно переговаривали и внушили ей, что ее дальнейшая судьба, может быть даже ее свидание с детьми, живущими в Эстонии, зависит от степени лояльности по отношению к советской власти, которую она проявит в разговорах с Уэллсом. Но такие естественные мысли приходят в голову нам, вероятно, только потому, что мы, русские, лишены того здравого смысла, которым от природы наделены англичане".

Вторым после М.Будберг приближенным человеком к Уэллсу человеком был К.И.Чуковский, бывавший в Англии, говоривший по-английски, беседовавший с английским королем и с английским послом в России Дж.Бьюкененом. Чуковский старался показать культурную жизнь России с наилучшей стороны. В программу визита Уэллса было включено посещение образцово-показательной школы. К.Чуковский повел его в Тенишевское училище, где собрал интеллигентных учащихся, знакомых с творчеством английского писателя. Но в типичность такой школы Уэллс не поверил и отозвался об этой сцене иронически в одной из своих статей.

Важным пунктом программы визита Уэллса было посещение горьковского издательства "Всемирная литература". Там на особой полке лежали приготовленные для него издания его книг в переводе и под редакцией Е.Замятина. Даманская, присутствовавшая при встрече в издательстве, вспоминала: "...Переводы с обстоятельными примечаниями, с отличными предисловиями Замятина. И Замятин, которому негде печатать своих рассказов, который не пишет, потому что печатать негде (читает вряд ли кого просвещающие лекции — для того, чтобы получить полуголодный ученый паек). Замятин с своей подкупающей скромностью будет давать объяснения Уэллсу о строе работы во "Всемирной литературе". Уэллсу не надо будет слушать — только смотреть. В редакции так много милых, располагающих к себе лиц, и все так рады будут видеть человека из другого мира... Ему будет хорошо среди этих людей, для которых час, проведенный им в редакции, будет большим праздником. Уэллс уедет из редакции обласканный, задаренный вниманием, восторженными, греющими словами... О том, что дома нет дров, что близкий человек в сыпном тифу, что продана спекулянту последняя скатерть, что не переводить и не примечания писать к переводам, а писать свое необходимо писателю, — о том, как умирают темы, как распыляются образы, как забываются желанные слова, о том, какая это мука для писателя — этих признаний никто гостю делать не будет..."

Безразличие Уэллса к главной цели писательской жизни своих собратьев отметил и Трубешкой: "В Доме Литературы и Искусства г. Уэллс узнал, что русские писатели новых книг не пишут, а переводят с иностранных языков произведения мировой литературы. Это ему скорее даже понравилось. О том, почему вдруг перестали писать русские беллетристы, он даже и не задумался. Наш брат, конечно, заподозрил бы, что не пишут потому, что лгать не хотят, а правду писать опасно. Но такие мысли могут явиться только у нас русских, в силу нашей глубокой испорченности. Г. Уэллс же на этом вопросе даже не остановился: не пишут, так не пишут, — может быть из-за недостатка бумаги, вот и все".

Визит Уэллса в "Дом Науки" и "Дом Искусств" тоже был обставлен показательно: он должен был увидеть рай для ученых и художественной интеллигенции. Даманская писала: "Вечером его повезут в "Дом Искусств". Он узнает, что его основал Горький, но не узнает, что хозяева этой великолепной двухэтажной квартиры Елисеевы несколько раз были арестованы, обобраны, и затем куда-то бежали, спасая свою жизнь — такими невеселыми рассказами кто станет смущать желанного гостя. Уэллс будет доволен: прекрасный клуб у петроградских писателей и художников... И библиотека хорошая... О том, что эта библиотека И.В.Гессена, наполовину раскраденная, Уэллсу тоже знать нет никакой необходимости. Администраторы "Дома Искусств" умудряются раздобыть для этого вечера несколько фунтов телятины и настоящей зерновой муки без примеси каких-то загадочных веществ, быть может даже белой муки... Чуковский постарается: он знает, что едят английские писатели. Готова предположить, что Уэллса угостят в "Доме Искусств" даже мясной котлетой и полубелым хлебом. И сердце Уэллса будет радоваться за русских писателей и художников, которые так удовлетворительно (принимая во внимание блокаду и проч.) — питаются в прекрасном помещении клуба. Ни больной Грин, ни полуобезумевший от вечного недоедания Пяст, ни больной Баранцевич, ни больной Чуковский, [...] ни другие, приходящие в столовую "Дома Искусств" литераторы и художники не станут, конечно, расстраивать именитого гостя рассказами о меню их обеда — сегодня, вчера, изо дня в день в течение нескольких месяцев ... пшенная каша и пустые щи, пшенный, со скверными грибами суп и запеканка из пшена. Если этот вечер в "Доме Искусств" придется на пятницу, г. Уэллс услышит прекрасную музыку. В музыкальных пятницах "Дома Искусств" принимают участие лучшие музыкальные силы Петрограда. Г.Уэллс увидит много нарядных женщин, в бриллиантах и жемчугах, дам, общественное положение которых тщетно пытались угадать члены "Дома Искусств" и рекомендуемые ими гости. Так же тщетны были догадки о пути, которым эти сверкающие в дорогах туалетах дамы проникали в помещение "Дома Искусств": следствие и контроль результатов не дали. Помирились же на том, что это жены комиссаров и, стало быть, им коммунистический Бог велел. [...] Дамы на этих вечерах одеты не хуже парижских, высокого полета, кокеток".

Не все, однако же, шло по сценарию визита: некоторые эпизоды во время приема в "Доме Искусств" бросали тень на радужную картину советской жизни. А.Амфитеатров вспоминал: "Во время банкета Уэллса топили в комплиментах как муху в варенье". Только один молодой литератор рискнул выступить о реальном положении писателей, на что Горький заметил, что просит обойтись без lamentаций.

Амфитеатрова оскорбило это заявление и он выступил с речью, которую поначалу не собирался произносить. У него было заготовлено письмо для Уэллса, в котором он пытался раскрыть ему глаза, и вот вместо того, чтобы передать письмо, он выступил публично. Амфитеатров говорил о голоде и нищете писателей, о том, что банкет, устроенный для Уэллса, для голодающих писателей невиданная роскошь, о том, что элитарные советские учреждения, куда приглашают Уэллса, размещены в экспроприированных домах... Выступая, Амфитеатров заметил, что речь его не переводится, а если и переводится, то слишком кратко¹⁷². М.Горький с мрачным видом пытался не замечать это выступление, но назревал скандал, и тогда он поднялся, заявил писателям, что они сами хотели революции, и демонстративно покинул банкет.

В своих английских заметках Г.Уэллс отметил этот эпизод, но сумел найти для него удобное для себя и читателей объяснение. Он писал: "На собрании писателей Амфитеатров обратился ко мне с длинной и горькой речью. Он хотел, чтобы все сняли пиджаки и показали публике то рубище, что под ними ... Все в этом разрушенном городе ужасающе голодают и мерзнут". Однако во всех этих бедствиях виновны не большевики, объясняет Уэллс: не они разрушили государство, нездоровый общественный строй рухнул сам по себе. Искусство, литература, наука — погибли в общей катастрофе. Теперь главная задача состояла в том, чтобы спасти оставшееся. Именно этому и была посвящена деятельность его друга, М.Горького. Это о нем Уэллс писал: "Спасатель остатков русской культуры, одержимый сознанием ценности западной культуры".

Ответом на высказывания Уэллса о Горьком было открытое письмо Д.Мережковского, который писал: "Вас умиляют, а меня ужасают основанные Горьким "Дом Науки" и "Дом Искусств" — две братские могилы, в которых великие русские ученые, художники, писатели, сваленные в кучу, как тела недобитых буржуев, умирают в агонии медленной. <...> Ваш друг Горький не лучше, а хуже всех большевиков — хуже Ленина и Троцкого — те убивают тела, а этот убивает и растлевает души".

В выступлении Бунина также звучит осуждение не только Уэллса, но и М.Горького. Бунин писал: "Мне, которому слишком не новы многие открытия Уэллса насчет ужасов в России, было все-таки больно и страшно читать его; мне было стыдно за наивности этого туриста, совершившего прогулку к "хижинам кафров", в гости к Горькому, то есть как бы к одному из людоедских царьков (лично, впрочем, не людоеду, "он не коммунист, как и я") — стыдно за это неподражаемое: "Бедные дикари, у них нет даже бутылки горячей воды для постели!" — стыдно за бессердечную элегичность его тона по отношению к великим страдальцам, к узникам той людоедской темницы "с ванной и парикмахером", куда он, мудрый и всезнающий Уэллс, вошел, "как неожиданный луч света", куда "так легко", так непонятно легко для этих узников прогулялся он, "свободный, независимый" гражданин мира, не идеального, конечно, но ведь все-таки "цивилизованного", человеческого, а не скотского, не звериного, не большевистского, — стыдно, что знаменитый писатель оказался в своих суждениях не выше любого советского листка, что он без раздумья повторяет то, что напел ему в уши Горький, хитривший перед ним и для блага Совдепии, и для приуготовления себе возможного бегства из этой Совдепии, дела которой были весьма плохи в сентябре"¹⁷³. Ответом одновременно Уэллсу и М.Горь-

кому было открытое письмо Бунина к редактору газеты "Таймс", опубликованное незадолго до развернувшейся полемики русских писателей эмиграции с Уэллсом ¹⁷⁴.

Пример отношений Уэллса и Горького послужил Бунину материалом для размышлений об отношениях между англичанами и русскими: "Похоже, что Уэллс поехал в Россию <...> с целью патриотической: подтвердить "правильность" английской политики, говорящей, что Россия все равно погибла и что для ее же блага нужно вступить в сношения с правительством, "увы, единственно достойным ее" и на траты за "передышки" весьма щедрым! Я объясняю себе дифирамбы Уэллса Горькому прежде всего тем, что господа Горькие весьма полезны английским туристам в качестве гидов по советскому аду, вступают с ними в некое безмолвное соглашение, инспирируют их. <...> "Вы, конечно, не Бог вещь какие друзья наши, но все равно, — мы за ценой не постоим, а вы уж признайте нас так или иначе, сделайте вид, что и вам стало жалко "остатков русской культуры", и дайте нам "передышку", а там видно будет, чья возьмет..."

А.В.Амфитеатров в своей публикации лаконично определил отношение европейцев к событиям в России: "Суть размышлений Уэллса в его выступлениях в печати сводится к следующему: "По чистой правде говоря, коммунистический рай — большое свинство и для порядочных наций не рекомендуется, но для России как раз это самое свинство и требуется, и лучшего не надо". Отпор Горькому и Уэллсу объединил эмигрантов. Отмечая выступления Бунина, А.В.Амфитеатров писал ему: "Каждое Ваше выступление против Горького, Нансена, Уэллса — давало мне огромное удовлетворение, словно внезапный бодрый голос живого бодрого человека на безнадежном поле, мертвыми костями усеянном" ¹⁷⁵.

Не только русские, но и западные авторы признавали, что при всем своем интересе к русским социальным экспериментам, Уэллс свысока относился к славянскому, российскому, восточному началу в русской культуре. Биограф Уэллса А.Валлентен передает его слова: "Я не люблю Достоевского или Толстого, испытываю отвращение к эпилептическим характерам, я во всем противоположен славянину". Автор добавляет: "У него было чисто британское чувство превосходства по отношению к славянам, как к милым, но все-таки глупым детям" ¹⁷⁶.

Психология отношения европейца вообще и англичанина в частности к России особенно занимала в этот момент Н.С.Трубецкого, основателя евразийства. Публикация книги Уэллса казалась ему чрезвычайно своевременной с этой точки зрения: "Книга ярко рисует психологию отношения типичного англичанина к России, к русским и к русскому вопросу. А так как от этой психологии в значительной мере зависит судьба нашей родины, то познакомиться с ней очень важно". Н.С.Трубецкой ощутил в заметках Г.Уэллса "безграничное презрение к русской душе". Он писал: "По существу желания русского народа и русское общественное мнение никого из англичан, подобных Уэллсу, не интересуют, ибо они все глубоко презирают нашу полуазиатскую страну. В глубине души они презирают и большевиков, презирают настолько сильно, что не могут допустить какой-нибудь серьезной опасности для Англии или ее колоний со стороны этих презренных полуевропейцев. <...> Самодовольные европейцы все неевропейское человечество рассматривают только как этнографический материал, как рабов, нужных лишь для того, чтобы поставлять Европе сырье и покупать европейские товары". Представители советской стороны,

однако, были совершенно довольны результатами визита Г.Уэллса. А.Воронский, например, писал: "Мы, коммунисты, можем быть довольны результатами поездки Уэллса в Советскую Россию. Советская Россия, несмотря на всю разруху, завоевала Уэллса. Это совсем недурной результат" ¹⁷.

¹ К.Д.Набоков. Испытания дипломата. — Стокгольм, 1921. — С.60.

² Там же. — С. 188.

³ Там же. — С. 60-61.

⁴ А.Ону писал о положении К.Д.Набокова в журнале "Русский" от 4 марта 1919 г.

⁵ Литература русского зарубежья: Антология. — М.: Книга, 1990. — Т. 1, кн. 2. — С. 59.

⁶ А.Казем-бек. Дом, разрушенный в Лондоне //Новая Россия. — 21 сентября 1944 г.

⁷ Е.Саблин. Пять императорских портретов //Возрождение. — 22 апреля 1933 г.

⁸ Н. Русские в Лондоне //Возрождение. — 14 января 1926. — № 226. — С.4.

⁹ Об этом комитете см.: Д.С.Бабичев. Деятельность Русского правительственного комитета в Лондоне в годы первой мировой войны //Исторические записки. — 1956. — №57. — С. 276-292.

¹⁰ Русско-Британское 1917 г. Братство. Russo-British 1917 Bratstvo (Fraternity). — ГАРФ. Ф 4649, оп. № 1. Переписка секретаря. Протоколы заседаний. — Оп. № 1, ед. хр. № 4. Списки членов. — Оп. № 1, ед. хр. № 5. Анкеты членов Братства. — ГАРФ. Ф 4649, оп. № 1, ед. хр. № 8. Далее в этой части, где нет ссылок, цитируются документы из этого фонда.

¹¹ Русско-Британское 1917 г. Братство. — ГАРФ. Ф 4649, оп. № 1, ед. хр. № 8. Л. 52. Russo-British 1917 Bratstvo (Fraternity). — Leeds Russian Archive. MS 1274/73.

¹² Русско-Британское 1917 г. Братство. — ГАРФ. Ф 4649, оп. № 1, ед. хр. № 1. Переписка с различными организациями и лицами: 1917-1919. — Л. 8.

¹³ Bernard Pares. Nicholas Homiakov. Obituary //The Slavonic and East European Review. — 1925. — December. — Vol. IV. — № 11. — P. 463-471.

¹⁴ School of Slavonic and East European Studies. Library. Pares Papers. Box 14-a. British-Russia Club.

¹⁵ Заметки о масонстве. Кружок русских масонов в Англии. — Лондон, 1928. — С. 11.

¹⁶ Лондонский Российский Общественный Комитет помощи голодающим России. — ГАРФ. Ф 5977, оп. 1, ед. хр. № 3, 4.

¹⁷ Там же. — Ед. хр. № 8.

¹⁸ Протокол № 4 заседания представителей русских общественных организаций в Лондоне. 19 февраля 1920. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. P.N.Miliukov Coll. Subject files. Box 16. File: Kadet Party in Emigration, 1919-1920. Respublikansko-De mokraticheskoe ob'edinenie. Documents.

¹⁹ О научной и организаторской деятельности М.И.Ростовцева в Англии см. Г.М.Бонгард-Левин. Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии //Скифский роман /Под общей ред. академика РАН Г.М.Бонгард-Левина. — М.: РОССПЭН, 1997. — С. 124-144; Письма М.И.Ростовцева А.В.Тырковой-Вильямс и Г.Вильямсу /Публикация Г.М.Бонгард-Левина, И.В.Тункиной. — Там же. — С. 461-500.

²⁰ Устав Русской Академической группы в Великобритании. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. P.N.Miliukov Coll. Subject files. Box 16. File: Kadet Party in Emigration, 1919-1920.

²¹ Т.Ульянкина. Коренчевский В.Г. //Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. — М.: РОССПЭН, 1997. — С. 307-309.

²² Н.Т.Беляев — историк, специалист по "варяжскому" вопросу, являлся членом многих международных научных обществ, таких как Британская археологическая ассоциация, Общество Викингов, Королевское общество искусств (British Archaeological Association, Viking Society, Royal Society of Arts).

²³ Съезд русских ученых //Вестник литературы. — 1922. — Январь. — № 1 (37). — С. 23.

²⁴ Н.Г.Думова. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. — М.: Наука, 1988. — С. 149.

²⁵ School of Slavonic and East European Studies. Library. B.Pares Papers. Education for Russian Families. Recommendations.

²⁶ См. главу о С.А.Коновалове.

²⁷ Bulletins of the Russian Liberation Committee. Weekly. — 1919. — 25 August. — № 27. — Supplement. — P. 2.

²⁸ How the Soviets Treat Literary Men //Bulletins of the Russian Liberation Committee. — 1919. — 13 Sept. — № 30. — P. 3.

²⁹ Рассвет. Издание и редакция Комитета Освобождения России в Лондоне. — 1919 г. — № 1. — С. 1.

³⁰ C.Nabokoff. Pity //The New Russia. — 1920. — 5 Feb. — Vol. 1: January-April. — P. 19-20.

³¹ M.I.Rostovtsev. The Worship of Success //Ibid. — P. 25.

³² [А.В.Тыркова]. To Our Readers //Russian Life. — 1921. — August. — № 1. — P. 1-3.

³³ [А.В.Тыркова]. Lessons of the Past //Ibid. — P. 6.

³⁴ Maxim Gor'kii to Hagberg Wright. Moscow, 11 July 1921. Telegram. 8 p. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhtmeteff Archive. A.V.Tyrkova-Williams Coll.

³⁵ [А.В.Тыркова]. The Petrograd Executions //Russian Life. — 1921. — September-October. — № 2/3. — P. 67.

³⁶ Ariadna Tyrkova. In Memoriam. Alexander Block (1880-1921) //Ibid. — P.70-71.

³⁷ Leonid Chatsky. N.Goumilev //Ibid. — P. 72. 13 октября 1921 г. в литературном приложении к "Таймс" ("Times Literary Supplement") было опубликовано "Письмо к издателю" К.Бехгофера о судьбе Н.Гумилева.

³⁸ Г.П.Струве. К истории зарубежной литературы: мелочи из копилки моей памяти: Л.И.Стравовский-Чаудкий //Новое русское слово. — 1972. — 25 июня.

³⁹ [А.В.Тыркова]. Russians in Exile //Russian Life. — 1921. — August. — № 1. — P. 41-43. Материалы об эмиграции помещены и в следующих номерах "Русской жизни", см. например: Russians in Exile: Desperate Situation //Russian Life. — 1921. — September-October. — № 2/3. — P. 103-108; Letter from Gallipoli by a Russian officer //Russian Life. — 1921. — November. — № 4. — P. 136-7; Russians in Exile //Russian Life. — 1922. — January. — № 5. — P. 176-180.

⁴⁰ Russian Life. — 1922. — February-March. — № 6. — P. 214-16.

⁴¹ The Russian. — 1918. — 15 Oct. — Vol. 1. — № 1. — P. 7.

⁴² The Russian Outlook. A Weekly newspaper dealing with Russian and Russo-British Affairs. /Ed. and managed by Stafford C.Talbot. — London. 10 May 1919 — 18 September 1920. — № 1-72. — 24 p.

⁴³ Русский путь. — 1922. — 11 марта. — № 1. — С. 1.

⁴⁴ Русский путь. — 1922. — 8 апреля. — № 2. — С.1-2.

⁴⁵ См. например, статью: Русские беженцы и смерть королевы Александры //Возрождение. — 1925. — 27 ноября. — С. 1.

⁴⁶ О том, что А.А.Борман был знаком с большевиками и их методами не понаслышке см.: А.А.Борман. Москва — 1918: (Из записок секретного агента в Кремле) /Предисл. и коммент. В.Г.Бортневского //Русское прошлое: Историко-документальный альманах. — 1991. — Кн. 1. — С. 115-149.

⁴⁷ Дизель. Лондон с точки зрения шофера //Возрождение. — 1926. — 20 апреля. — № 322. — С. 3.

⁴⁸ Дизель. Париж и Лондон: Заметки шофера //Возрождение. — 1926. — 29 апреля. — № 331. — С. 5.

⁴⁹ Лери. Песнь о Вещем Олеге: английский вариант //Возрождение. — 1926. — 9 мая. — № 341. — С. 3.

⁵⁰ Russian Times. For God and the People. The Only Independent Monthly. — 1933. — Nov. — № 1.

⁵¹ А.А.Борман. А.В.Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. — Лувэн-Вашингтон, 1964. — С. 271.

⁵² W.Chapin Huntingdon. The Homesick Million: Russia-out-of-Russia. — Boston (Mass.): The Stratford Company Publishers, 1933. — P. 166-8. [Chapter XIV. Romanovs in Exile. Romanovs in England].

⁵³ Дж.Бьюкенен. Мемуары дипломата. — М.: Международные отношения, 1991. — С. 234.

⁵⁴ А.Ф.Керенский. Временное правительство и царская семья. — Там же. — С. 336-337.

⁵⁵ К.Н.Гулькевич. Письмо к Е.Д.Кусковой от 16 июня 1932 г. — ГАРФ. Фонд Е.Д.Прокопович-Кусковой. Ф 5865, оп. 1, ед. хр. № 150. — А. 10-11. К.Н.Гулькевич, дипломатический представитель белогвардейских правительств в Стокгольме (1917-20), председатель политической комиссии Русского политического совещания в Париже, представитель эмиграции в Нансеновском комитете помощи беженцам при Лиге Наций.

⁵⁶ E.P.Kleinmichel. The Departure of an Empress //Michael Glenny, Norman Stone. The Other Russia: The Experience of Exile. — L.: Faber and Faber, 1990. — P. 160-166.

⁵⁷ А.Тыркова. Зарубежная Россия: Англия. "Маркиз" и его ящики. //Возрождение. — 1926. 5 февраля. — № 248. — С. 3.

⁵⁸ Th.Riha. A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. — Notre Dame; L.: University of Notre Dame Press, 1969. — P. 14.

⁵⁹ П.Н.Миллюков. Воспоминания: В 2 т. — Нью-Йорк, 1955. — Т. 1. — С. 155.

⁶⁰ В воспоминаниях П.Н.Миллюкова этот визит ошибочно датирован 1903 годом (Т. 1. — С. 217-19).

⁶¹ B.Pares. A Wandering Student: The Story of a Purpose. NY: Sytacus Univ. Press, 1948. — P. 126.

⁶² П.Миллюков. Привет старому другу //Последние новости. — 1932. — 2 апреля — С. 2;

П.Миллюков. Памяти И.В.Шкловского-Дюнео //Последние новости. — 1935. — 10 марта. — С. 3.

⁶³ П.Миллюков. Е.К.Брешко-Брешковская //Последние новости. — 1929. — 26 января. — С. 1; П. Миллюков. Памяти Е.К.Брешко-Брешковской //Последние новости. — 1934. — 28 сентября. — С. 2.

⁶⁴ П.Миллюков. Воспоминания. — 1955. — Т.1. — С. 217, 221, 258.

⁶⁵ И.Ефремов. Русские народные представители в Англии и Франции летом 1909 г. — Спб., 1911. — С. 84.

⁶⁶ Russian Realities and Problems. By Paul Miliukov, Peter Struve, A.Lappo-Danilevsky, Roman Dmovsky, and Harold Williams /Ed., Preface by J.Duff, Fellow of Trinity College. — Cambridge University Press, 1917.

⁶⁷ R.Abraham. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. — L.: Sidgwick & Jackson, 1987. — P. 339.

⁶⁸ К.Д.Набоков. Испытания дипломата. — Стокгольм, 1921.

⁶⁹ The Russian Outlook. — 1919. — 24 May. — № 3. — С. 84.

⁷⁰ Б.Пэрс. Письмо к Е.Д.Кусковой от 6 ноября 1931 г. — ГАРФ. Ф 5865, оп. 1., ед. хр. 384. — Л. 21-22.

⁷¹ R.F.Christian. Alexis Aladin: Trudovik Leader in the First Russian Duma: Materials for a Biography (1873-1920) //Oxford Slavonic Papers. New Series. XXI, 1988. — P. 131-152. Obituary //The Times. — 1927. — 5 August.

⁷² B.Pares. Russian Memoirs. — 1921. — P. 110.

⁷³ M.Baring. What I saw in Russia. — L., n.d. — P. 284.

⁷⁴ The Crisis in Russia //The Times. — 1905. — 30 January.

⁷⁵ G.Katkov. The Kornilov Affair. — L., 1980. — P. 62.

⁷⁶ M.Ignatieff. The Russian Album: A Family Saga of Revolution, Civil War and Exile. — L.: Chatto & Windus, 1987. М.Игнатьев. Русский альбом: семейная хроника /Пер. с англ. и примеч. А.Вознесенского. — Спб., 1996.

⁷⁷ А.В.Тыркова. Письмо к Е.И.Саблину от 31 января 1945 г. — Leeds Russian Archive.

⁷⁸ А.А.Борман. А.В.Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. — Лувэн-Вашингтон, 1964. — С. 163. [Далее: Борман. — 1964.]

⁷⁹ Борман. — 1964. — С. 180.

⁸⁰ Ariadna Tyrkova. The Retreat in the South //The New Russia. — 1920. — 19 February. — Vol. 1. — № 3. — P. 88-89.

⁸¹ Ariadna Tyrkova-Williams. Cheerful Giver: The Life of Harold Williams. — L., 1935. — P. 254.

⁸² H.G.Wells. Письмо к Тырковой от 26 октября 1920 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. A.V.Tyrkova-Williams Coll. Cataloged correspondence. Box 3.

⁸³ А.В.Тыркова. Письмо к Е.Д.Кусковой от 12 октября 1922 г. — ГАРФ. Ф 5865, оп. 1, ед. хр. 506.

⁸⁴ Борман, 1964. — С. 212-13.

⁸⁵ А.Тыркова-Williams. Cheerful Giver: The Life of Harold Williams. — L., 1935. — P. 254.

⁸⁶ С.В.Павина. Письмо к А.В.Тырковой от 5 октября 1920 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. A.V.Tyrkova-Williams Coll. Cataloged Correspondence. Box 2.

⁸⁷ К.И.Чуковский. Письмо к А.В.Тырковой от 27 апреля [1922]. — The British Museum. H.W.Williams papers. ADD MS 54 445, 145.

⁸⁸ Рукопись перевода "Жизни Пушкина" на английский язык хранится в архиве А.В.Тырковой: Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. A.V.Tyrkova-Williams Coll. Box 16. Life of Pushkin: English Translation (3 folders).

⁸⁹ Б.К.Зайцев. Письмо к А.В.Тырковой от 21 января 1939 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. A.V.Tyrkova-Williams Coll. Cataloged correspondence. Box 3.

⁹⁰ А.В.Тыркова. Письмо к Е.В.Саблину от 25 октября 1939 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. E.V.Sablin Coll. Cataloged correspondence.

⁹¹ А.В.Тыркова. Письмо к Е.И.Саблину от 31 января 1945 г. — Leeds Russian Archive.

⁹² Ibid.

⁹³ А.В.Тыркова. Письмо к Е.И.Саблину от 12 ноября 1945 г. — Ibid.

⁹⁴ М.Раев. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919-1939 /Пер. с англ. А.Ратобальской; Предисл. О.Казанной. — М.: Прогресс-Академия, 1994. — С. 176.

⁹⁵ D.Davis. British Aid to Russian Churchmen: 1919-39 //Соборность. — 1980. — Vol. 2. — № 1. — Р. 42-56. Статья написана на основе архивных материалов из собрания: Lambeth Palace Archive: Archbishop Randall Davidson Papers. Box "Russia: 1918-1922"; Салон John A.Douglas Papers.

⁹⁶ За рубежом: Хроника семьи Зерновых. — Т. 2: Белград-Париж-Оксфорд: (1921-1972). — Париж, 1973. — С. 36.

⁹⁷ Там же. — С. 40.

⁹⁸ Н.Н.Ладыженский, П.Б.Мансуров. Материалы из отчетов Общества Ревнителей соединения Восточно-православной и Англиканской Церквей (1906-1910). — СПб., 1912.

⁹⁹ За рубежом: Хроника семьи Зерновых. — Т. 2. — 1973. — С. 221.

¹⁰⁰ См. описание первого англо-православного съезда в журналах "Вестник РСХД" (1927. — № 3) и "Путь" (1927. — № 7).

¹⁰¹ Описание второго съезда см.: Путь. — 1928. — № 10.

¹⁰² А.С.Хомяков. Англия. Письмо. — М.: Унив. типография, 1848.

¹⁰³ За рубежом: Хроника семьи Зерновых. — 1973. — Т. 2. — С. 245.

¹⁰⁴ Там же. — С. 253.

¹⁰⁵ Там же. — С. 355-356.

¹⁰⁶ Н.Зернов. Русские писатели эмиграции: 1921-1972: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре. — Boston, 1973. Исчерпывающая библиография работ Н.М.Зернова дана в ст.: Kallistos Ware. Nicolas Zernov (1898-1980); The Writings of Nicolas Zernov //Соборность. — 1981. — Vol. 3. — № 1. — Р. 11-33 (In memoriam); Р. 34-38 (библиогр.).

¹⁰⁷ Н.М.Зернов. Русский религиозный опыт и его влияние на Англию // Н.П. Полторацкий. Русская религиозно-философская мысль XX века. — Питтсбург, 1975. — С. 131.

¹⁰⁸ Kallistos of Diokleia. The House of St. Gregory and St. Macrina: The First Quarter Century // Соборность. — 1984. — Vol. 6. — № 2. — Р. 55-61.

¹⁰⁹ E.Hill. Nadezhda Gorodetskaia: the study and the practice of kenosis //Соборность. — 1986. — Vol. 8. — № 2. — Р. 51-61. См. также: Н.М.Зернов. Русские писатели эмиграции: 1921-1972. — Boston, 1973; T.A.Greenan. N.Gorodetskaya. Obituary //Scottish Slavonic Review. — 1986. — VI. — Р. 161-162; О.Казнина. N.Gorodetskaya //Dictionary of Russian Women Writers. — Westport, Connecticut; L.: Greenwood Press, 1994. — Р. 223-224.

¹¹⁰ Н.Городецкая. В гостях у М.И.Цветаевой //Возрождение. — 1931. — 7 марта. — С. 4.

¹¹¹ Н.Городецкая. "Кочевье" //Возрождение. — 1931. — 15 марта. — С. 4.

¹¹² Н.Городецкая. Белые крылья //Воля России. — 1929. — № 3. — С. 5-24. В пер. на фр.: Les ailes blanches. — Paris, 1932.

¹¹³ Воля России. — 1932. — Март. — № 1-3. — С. 89.

¹¹⁴ Н.Городецкая. Несквозная нить. — Париж: YMCA-press, 1929. Роман был опубликован в авторизованном переводе на французский язык с предисловием А.И.Куприна (Les mains vides. — Paris: Nouvelles éditions latines, 1931).

¹¹⁵ L'exil des enfants. — Paris: Les Cahiers de la quinzaine, 1936.

¹¹⁶ В.Вейдле. Шарль Пегй //Возрождение. — 1931. — 5 марта. — С. 4.

¹¹⁷ Русский в Англии. — 1938. — 3 августа. — № 14/62. — С. 2.

¹¹⁸ В.В.Вейдле. Nadejda Gorodetzky. The Humiliated Christ in Modern Russian Thought // Современные записки. — 1939. — № 69.

- ¹¹⁹ N.Gorodetzky. Saint Tikhon Zadonsky, Inspirer of Dostoevsky. — L., 1951. Пер.: Е.Бер-Зигель. Saint Tikhon Zadonsky, Inspirer of Dostoevsky, by Nadejda Gorodetzky // Вестник РСХД. — 1952. — № 2.
- ¹²⁰ M.Hayward. Writers in Russia: 1917-1978 /Intro. by P.Blake. — L., 1983. — P. XXIII.
- ¹²¹ Un épisode du romantisme Russe // Revue de Littérature comparée. — 1953. — Vol. XXVII. — P. 452-461.
- ¹²² Russian Times. — 1933. — November. — № 1.
- ¹²³ Dioneo. Russia Under the Bolsheviks /Prefatory note by Harold Williams. — L., 1919.
- ¹²⁴ П.Г.Виноградов. Письмо к И.В.Шкловскому от 14 августа 1922 г. — РГАЛИ. Ф 1390, оп. 2, ед. хр. 47.
- ¹²⁵ Б.Пэрс. Письмо к И.В.Шкловскому от 9 февраля 1926 г. — РГАЛИ. Ф 5805, ед.хр. 113.
- ¹²⁶ Письмо С.А.Коновалова к И.В.Шкловскому от 9 марта 1933 г. — РГАЛИ. Ф 1390, оп. 1, ед.хр. 63.
- ¹²⁷ В мире литературы и искусства. Англия // Возрождение. — 1926. — 25 марта. — С. 3.
- ¹²⁸ Биография и библиография Н.Даддингтон дается по неопубликованной рукописи диссертации ее внука: Sebastian Garrett. A.I.Ertel: Letters to his Daughter. Unpublished MA thesis. — Department of Russian, Faculty of Arts, University of Birmingham, 1982. — Leeds Russian Archive. A.I.Ertel. MS 876.
- ¹²⁹ A.Pushkin. The Captain's Daughter, and other stories /Transl. from the Russian by Natalie Duddington. — L.: Dent, 1923. — (Everyman's Library). A.Pushkin. The Captain's Daughter /Transl. from the Russian by Natalie Duddington; With an Intro. by Edward Garnett. — L. & Toronto: Dent, 1928.
- ¹³⁰ A.I.Ertel. A Greedy Peasant; A Specialist // Great Russian Short Stories /Ed. St.Graham. — L., 1929.
- ¹³¹ A.Akhmatova. Forty-Seven Love Poems /Transl. by N.Duddington; Intro. by N.Duddington. — L.: Cape, 1927.
- ¹³² I.S.Lukash. The Flames of Moscow /Transl. by N.Duddington. — NY, 1930.
- ¹³³ B.K.Zaitsev. Anna /Transl. by N.Duddington. — L.: Allen, 1937.
- ¹³⁴ Н.О.Лосский. Воспоминания: Жизнь и философский путь /Предисл. и прим. Б.Н.Лосского. — Мюнхен, 1968. Цит. по перепечатке в журн: Вопр. философии. — 1991. — № 11. — С. 160.
- ¹³⁵ Esther Salaman. A Collection of Moments: A Study of Involuntary Memories. — L.: Longman, 1970. — P. 91.
- ¹³⁶ Д.Г.Лоуренс. Письмо к С.С.Котелянскому от 18 декабря 1925 г. // The Quest for Rananim: D.H.Lawrence's Letters to S.S.Koteliatsky: 1914 to 1930 /Ed. with an introd. by George J.Zytaruk. — Montreal, L.: McGill-Queen's University press, 1970. — P. 274.
- ¹³⁷ Beatrice, Lady Glenavy (Baroness Beatrice Moss Campbell). "Today we will only gossip". — L.: Constable, 1964. — P. 75.
- ¹³⁸ К.Мэнсфилд. Письмо к С.С.Котелянскому от 19 февраля 1921 г. Цит. по ст.: G.L.Conroy. "Our perhaps uncommon friendship": the relationship between S.S.Koteliatsky & Katherine Mansfield // Modern Fiction Studies. — Autumn 1978. — Vol. 24. — № 3. — P. 355-367.
- ¹³⁹ Witter Bynner. Journey with Genius. — L.: Peter Nevill, 1953. — P. 201.
- ¹⁴⁰ D.H.Lawrence. Letter to B.W.Huchs. 15 January 1920 // D.H.Lawrence. Collected Letters. — 1962. — Vol. 1. — P. 613.
- ¹⁴¹ F.A.Lea. The Life of John Middleton Murry. — L.: Methuen, 1959. — P. 66.
- ¹⁴² J.H.Willis, Jr. Leonard and Virginia Woolf as Publishers: The Hogarth Press: 1917-1941. — Charlottesville, L.: University Press of Virginia, 1992. — P. 80-101.
- ¹⁴³ The Diary of Virginia Woolf. Vol. I: 1915-1919 /Intro. by Quentin Bell; Ed. by Anne Olivier Bell. — L.: The Hogarth Press, 1977. — P. 108.
- ¹⁴⁴ Ibid. — P. 344.
- ¹⁴⁵ В.Вулф. Запись в дневнике от 5 мая 1920 г. // The Diary of Virginia Woolf. Vol. I. — 1977. — P. 34.
- ¹⁴⁶ L.Woolf. Kol. [Obituary] // The New Statesman and Nation. 5 Feb. 1955. — XLIX. — P. 170-72.
- ¹⁴⁷ J.Howard Woolmer. A Checklist of The Hogarth Press: 1917-1946 /With a Short History of the Press by Mary E.Gaither. — St.Paul's Bibliographies. — 1986.

- ¹⁴⁸ V.Woolf. Mrs. Dalloway and Essays. — M.: Raduga Publishers, 1984. — P. 252.
- ¹⁴⁹ I.Zohrab. Leo Tolstoy from the perspective of the New Zealand linguist and writer Harold W.Williams (with the publication of a forgotten interview between them of 20 January 1905) // Melbourne Slavonic Studies. — 1985. — № 19. — P. 14-48. А.Н.Толстой глазами новозеландского журналиста / Публикация Айрин Зограб. — Русская литература. — 1989. — № 4. — С. 154-159.
- ¹⁵⁰ Биографии и творческому наследию Г.Вильямса посвящены следующие работы Irene Zohrab, опубликованные в "New Zealand Slavonic Journal": From New Zealand to Russia to Britain: a comment on the work of Harold W.Williams and his relations with English writers //NZSJ. — 1985. — P. 3-15; The place of the Liberals among the forces of the Revolution: from the unpublished papers of Harold W.Williams //NZSJ. — 1986. — P. 53-57; Remizov, Williams, Mirsky and English readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews //NZSJ. — 1994. — P. 259-287.
- ¹⁵¹ Беседа Г.Вильямса с А.Н.Толстым передана в дневниковой записи Д.П.Маковицкого с его же выписками из "Manchester Guardian". См.: Литературное наследство. — 1979. — Т. 90, кн. 1. — С. 141-145. Отзыв А.Н.Толстого о Г.Вильямсе см.: А.Н.Толстой. Полн. собр. соч.: в 90 т. — М., 1956. — Т. 75. — С. 207.
- ¹⁵² А.Ремизов. Огонь вещей. — М.: Сов. Россия, 1989. — С. 425.
- ¹⁵³ Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. A.V.Tyrkova-Williams Coll. Box 22. Manuscripts by Harold Williams.
- ¹⁵⁴ Hugh Walpole. The Dark Forest. — New York, 1916. — P. 17.
- ¹⁵⁵ Сведения почерпнуты из письма Г.П.Струве к Е.В.Саблину от 6 января 1939 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. E.V.Sablin Coll.
- ¹⁵⁶ С.Волконская. Мемуары друга России (My Russian Memoirs, by Bernard Pares. London, 1931) // Возрождение. — 1931. — 4 апреля. — С. 2, 5.
- ¹⁵⁷ Всеволод Н.Иванов. Коварный Альбион. — Харбин, 1924. Цит. по кн.: Всеволод Н.Иванов. Огни в тумане: Думы о русском опыте. — Харбин, 1932. — С. 93-94.
- ¹⁵⁸ Кн. Д.Святополк-Мирский. Новое в английской литературе: Морис Беринг // Звено. — 1924. — 11 авг. — С. 3.
- ¹⁵⁹ Стивен Грэм — русское написание, наиболее приближенное к английскому произношению имени Stephen Graham.
- ¹⁶⁰ М.Горький. Статьи: 1905-1916. — Пг.: Парус, 1918. — С. 191.
- ¹⁶¹ D.Brewster. East-West Passage: A Study in Literary Relationships. — L.: Allen & Unwin, 1954. — P. 164.
- ¹⁶² Кн. Д.Святополк-Мирский. Новое в английской литературе: Морис Беринг // Звено. — 1924. — 11 авг. — С. 3. Об отношениях Д. Святополк-Мирского и М.Беринга см.: Nina Lavroukine. Maurice Baring and D.S.Mirsky: A Literary Relationship // The Slavonic and East European Review, London, 62. 1 (January, 1984); Nina Lavroukine. Through Russian Eyes: D.S.Mirsky on Maurice Baring // Chesterton Review, vol. XIX, № 1, Feb. 1988.
- ¹⁶³ Кн. Д.Святополк-Мирский. Новое в английской литературе: Морис Беринг // Звено. — 1924. — 11 авг. — С. 3. Выражение "гнилой Запад" заимствовано автором у русских славянофилов, которые ввели его в 1840-х годах.
- ¹⁶⁴ H.G.Wells. Russia and England: A Study in Contrasts // Daily News. — 1 February 1914.
- ¹⁶⁵ Материалы, представленные Бунинным, даются в журнале в переводе на английский и без подписи, но со ссылкой в предисловии. Возможно, они опубликованы в нескольких номерах журнала: Vol. III, № 40 (November 4, 1920); Vol. III, № 41 (November 11, 1920). — P. 326; Vol. III, № 42 (November 18, 1920). — P. 357; Vol. IV, № 43 (November 25, 1920). — P. 394.
- ¹⁶⁶ Ив. Бунин. Несколько слов английскому писателю // Общее дело. — 24 ноября 1920. — № 132; 25 ноября 1920. — № 133.
- ¹⁶⁷ А.В.Амфитеатов. Горестные заметы // Новая русская жизнь (Гельсингфорс). — 27 сентября 1921. — № 221; 28 сентября 1921. — № 222. См. также: А.В.Амфитеатов. Горестные заметы: Очерки красного Петрограда. — Берлин: Грани, 1922. — С. 59-74.
- ¹⁶⁸ А.Даманская. Г.Уэллс в Петрограде // Народное дело: Орган Комитета группы социалистов-революционеров Северо-Западной области России (Ревель). — 8 окт. 1920. — № 55. — С. 2. Благодарю О.Фигурину за указание на эту публикацию.

¹⁶⁹ Д.Мережковский. Письмо Уэллсу //Свобода (Варшава). — 12 декабря 1920. — № 125. См. также: И.Бунин. Великий дурман: Неизвестные страницы /Сост., вступ. ст. и примеч. О.Б.Васи-левской. — М.: Совершенно секретно, 1997. — С. 269-270.

¹⁷⁰ D.S.Mirsky. Literature and Politics: 1917-1925 //Contemporary Russian Literature: 1881-1925. — L.: New York, 1926. — P. 241-52. Цит. по: UWRL. — P. 197.

¹⁷¹ Н.С.Трубецкой. Предисловие //Г.Д.Уэльс. Россия во мгле /Пер. с англ. — София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1921. — С. III-IV. Предисловие опубликовано также в кн.: Н.С.Трубецкой. История, культура, язык. — М.: Прогресс-Универс, 1995. — С. 458-466.

¹⁷² О том, что Уэллсу плохо переводили, вспоминал и Е.Замятин. С помощью знакомых А.Ам-фитеатров подготовил перевод своего письма-выступления и отдал по экземпляру Ольденбургу и Будберг для передачи Уэллсу. Попал ли экземпляр к адресату, сказать трудно.

¹⁷³ Ив.Бунин. Несколько слов английскому писателю. //Общее дело. — 24 ноября 1920. — № 132. Окончание: Общее дело. — 25 ноября 1920. — № 133. В рукописи статья называется "Мой ответ Уэллсу". Бунин вернулся к опубликованной статье и внес в нее исправления, датиро-ванные 24-25 ноября 1921 г. — Leeds Russian Archive (Русский архив в Лидсе). Статья опубли-кована по газетному варианту в кн.: И.Бунин. Великий дурман: Неизвестные страницы /Сост., вступ. ст. и примеч. О.Б.Василювской. — М.: Совершенно секретно, 1997. — С. 63-72.

¹⁷⁴ И.Бунин. Суп из человеческих пальцев: Открытое письмо к редактору газеты "Таймс" //Свободные мысли. — 27 сентября 1920. — № 2. См.: И.Бунин. Великий дурман: Неизвестные страницы. — М., 1997. — С. 47-51.

¹⁷⁵ А.В.Амфитеатров. Письмо к И.А.Бунину от 22 ноября 1922 г. — Leeds Russian Archive. Фонд И.А.Бунина.

¹⁷⁶ A.Vallentin. H.G.Wells ou la Conspiration au Grand jour. — Paris, 1952. — P. 259 (Ch. 8. La Russie dans l'ombre).

¹⁷⁷ А.Воронский. О книге Уэльса о России //Красная новь. — 1921. — № 1 (июнь). — С. 291.

Часть 2. Русские литературоведы в британских университетах

Д.П.Святополк-Мирский

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (15 (27).VIII.1890, Гиевка, Харьковской обл. — 6.IX.1939, Магаданская обл.¹⁾ начал свою карьеру в царской России, известность приобрел в эмиграции, оставил след в литературной и политической жизни Англии, а завершил свой путь в сталинской России. По своему происхождению он принадлежал к высшим слоям аристократии. Потомок древнего княжеского рода, он рос в семье высокопоставленного царского сановника П.Д.Святополк-Мирского, который в 1904-1905 годах занимал пост министра внутренних дел. Будучи сторонником реформ, он недолго занимал этот пост²⁾. Мать Д.Святополк-Мирского была литературно одаренным человеком, о чем свидетельствуют ее дневники³⁾. Уникальностью своей человеческой и творческой судьбы Д.П.Святополк-Мирский обязан и эпохе, и воспитанию, и своеобразию таланта. Занять заметное место в английской академической среде ему позволило то, что подобно своему соотечественнику В.Набокову, он воспитывался в семье англофила и с детства владел английским языком. Д.П.Святополк-Мирский получил блестящее домашнее и университетское образование. В Петербургском университете он изучал литературу, историю античности и древнего Востока, занимался в Пушкинском семинаре С.А.Венгерова. Помимо литературы и истории он серьезно увлекался русской и европейской философией, был поклонником творчества В.Соловьева. Образование свое он, как и другие студенты его круга, расширял во время поездок в Европу.

Общаться с образованными европейцами Д.П.Святополк-Мирскому доводилось и дома. Некоторые из этих знакомств впоследствии, можно сказать, определили его судьбу. Морис Беринг в книге "Landmarks in Russian Literature" ("Вехи русской литературы") описывает имение Святополк-Мирских Гиевку, где он побывал в 1907 г. Берингу запомнилось, с каким темпераментом сын министра отстаивал значение Достоевского в русской культуре в противовес всеобщему увлечению Толстым⁴⁾. Бернард Пэрс, приезжавший, чтобы взять интервью у министра, тоже долго оставался под впечатлением встречи со Святополк-Мирскими. В книге "A Wandering Student" ("Странствующий ученый") он вспоминал: "Первый раз я увидел Д.Мирского — восточного типа юношу — в имении его отца. Святополк-Мирский-отец представлял собой редкое явление: он был либеральным министром внутренних дел в царском правительстве. Благодаря своему здравому смыслу, открытости и смелости он завоевал значительный авторитет в тот период истории, который дал России ее представительную Государственную Думу"⁵⁾.

Свои литературные опыты Д.П.Святополк-Мирский начал с рецензий, а в 1911 г. опубликовал свой первый сборник стихов. Сборник заметил Н.Гумилев и в одном из обзоров творчества молодых поэтов отметил у автора чувство поэтической формы⁶⁾. Война и революция прервали литературную деятельность Д.П.Святополк-Мирского. Он принял Февральскую революцию, в годы гражданской войны

воевал в деникинской армии и во время окончательного отступления эмигрировал в Европу с юга России через Константинополь. Сначала он отправился в Грецию, куда эмигрировала вместе с царским двором его мать, и некоторое время находился в Афинах. В октябре 1920 г. в Афинах он начал писать очерки о русской литературе. Вводная статья к письмам представляет собой лаконичный и в то же время глубокий очерк традиций русской классической литературы XIX века, их продолжения и преобразования в кризисный период русской истории. В своих очерках критик поставил перед собой цель опровергнуть сложившиеся на западе стереотипные представления о русской литературе как нравоучительной, проповеднической. Одно из центральных положений его очерков заключается в том, что в новейшей русской литературе главная роль принадлежит поэзии и философской эссеистике. Свои очерки критик послал в Лондон, где они были опубликованы в журнале "The London Mercury" в виде серии статей под названием "Russian Letters" ("Русские письма").

Весной 1921 г. Д.П.Святополк-Мирский переехал в Лондон, где познакомился с редактором "Лондонского Меркурия" Дж.Сквайром (J.C.Squire). В июне Сквайр писал М.Бэрингу: "Завтра придет Мирский и мы обсудим его будущее. У него в кармане пять фунтов стерлингов, и ничего больше. Тем не менее он не хочет браться за рутинную редакторскую работу, если существует хоть какая-то возможность жить литературным трудом. Мне кажется, мы можем найти такую возможность и для начала составим список статей, которые он мог бы написать для различных изданий"⁷. В журнале Сквайра Д.П.Святополк-Мирский продолжал публиковать "Русские письма", представив в них многогранную картину современной русской литературы: он писал о символистах и о "Скифах", о поэзии и политике, о литературе большевистской России и литературе эмиграции, о русской философской эссеистике в дореволюционной России и продолжении ее традиций в русском зарубежье. В этих письмах он впервые в английской печати заявил о важности творчества В.В.Розанова, Л.Шестова и Н.А.Бердяева для современной русской литературы и отметил значимость появления книги Н.С.Трубецкого "Европа и человечество", которая оказалась первой ласточкой евразийства. Вскоре его статьи стали появляться и в других английских периодических изданиях: "The Outlook", "The Literary Review", "The Contemporary Review", "The Times Literary Supplement", "The Quarterly Review". В Англии он принял литературное имя Д.С.Мирский (подписывался также Д.Мирский, Д.С.М., С., М.).

В 1922 г. Д.П.Святополк-Мирский с помощью М.Беринга и Б.Пэрса получил место профессора в Школе славянских исследований Королевского колледжа Лондонского университета. В письме от 26 апреля 1922 г. Д.Мирский сообщил Б.Пэрсу о своем согласии заменить уходящего в отставку английского профессора Смита в качестве лектора в Королевском колледже Лондонского университета⁸. В одном из следующих писем он предлагал прочесть три публичные лекции: о Пушкине, Лескове и Блоке. Как сотрудник Школы славянских исследований, Д.Мирский регулярно публиковал обзоры современной русской литературы и литературной критики в издаваемом под редакцией Б.Пэрса журнале "The Slavonic Review" (впоследствии "The Slavonic and East European Review"; далее упом. как "Славянское обозрение"). В письме от 19 марта 1924 г. Д.Мирский предлагал Б.Пэрсу план серии публикаций русской литературы XVII века в этом журнале. В серию

он предлагал включить произведения А.Палицына, И.Тимофеева, царя Алексея Михайловича, Аввакума. Переводить, по всей видимости, собирался он сам. Он был инициатором публикации в "Славянском обозрении" произведений русских поэтов и писателей, историков и философов. Благодаря ему в журнале появилась статья Г.В.Вернадского о русских франкмасонах и работа В.Н.Ильина о религиозных писателях XVIII - XIX века. В рецензии на журнал "Русская мысль" (кн. 1-2, Прага-Берлин, 1923) Д.Мирский обратил внимание на работы И.А.Ильина и оценил его как одного из ведущих философов и религиозных мыслителей современности. В "Славянском обозрении" были опубликованы также статьи Н.О.Лосского о Вл. Соловьеве и его последователях в переводе Н.Даддингтон, философские диалоги С.Н.Булгакова "На пиру Богов" и "Старое и новое: Исследование о русской религии", эссе Н.А.Бердяева "Конец Ренессанса" о кризисе современной культуры.

Помимо чтения лекций, Д.Мирский успевал писать невероятное количество статей и рецензий для английской, французской и русской зарубежной печати, был инициатором и участником множества переводческих и издательских замыслов. Хронологический охват его литературных интересов чрезвычайно широк: от древности до современности. Он разрабатывал план курса лекций по темам: 1. Русская литература в целом; 2. Русская литература после революции (1905 или 1917); 3. Русская культура, включая религию, архитектуру, с освещением исторических периодов монголо-татарского ига и византийского воздействия, эпохи Петра Первого и так далее. Этот курс он собирался прочесть в Америке, но от поездки пришлось отказаться из-за чрезвычайной загруженности работой. 20 августа 1924 г. он сообщал Персу, что подписал контракт на четыре книги, которые должен был подготовить за год. Подобный контракт мог бы показаться свидетельством излишней самоуверенности, однако Д.Мирский выполнял свои обязательства, при этом не снижая уровня своих работ.

В 1925 г. в Лондоне вышла популярная книга Д.Мирского о современной русской литературе "Modern Russian Literature". Коллега Д.Мирского Дж.Э.Гэрисон считала этот очерк классическим, и высказывала уверенность, что ему нет равных на английском языке. Она писала: "Ваша книга должна заменить ту, что написал Кропоткин⁹. Я никогда не была с ним знакома, но у меня такое впечатление, что он никогда не имел дело непосредственно с литературой. М.Беринг, который знает и любит литературу, слишком англичанин, чтобы по-настоящему оценить русскую литературу"¹⁰. Работая в Лондонском университете, Д.Мирский написал и защитил магистерскую диссертацию, посвященную Пушкину. На основе диссертации он выпустил книгу "Pushkin" (1926)¹¹. В предисловии к одному из поздних переизданий этой книги говорится, что она остается лучшим введением в изучение творчества Пушкина на английском языке¹². В 1926 г. вышла большая книга Д.Мирского о современной русской литературе: "Contemporary Russian Literature: 1881-1925", в 1927 — история русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского: "A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky: 1881"¹³. Выход в свет этих книг обеспечил Д.Мирскому положение ведущего историка русской литературы в Англии и в Европе. Книги эти выдержали большое количество переизданий, а в 1960-70-е гг. были переведены на основные европейские языки. Как писал Г.П.Струве, преемник Д.Мирского

на русской кафедре Лондонского университета, "История русской литературы" Д.Мирского стала настольной книгой для всех иностранцев, изучающих русскую литературу. А.Бахрах, характеризуя историко-литературные труды Д.Мирского как лучшее, что написано о русской литературе на английском языке, заключал, что его "История русской литературы" "не имеет себе равной ни по-английски, ни по-русски, и несмотря на ее полувековую давность, к ней можно с пользой прибегать и по сей день, едва ли в ней что-либо устарело" ¹⁴. Об уникальности истории русской литературы Д.Мирского писал известный английский литературовед и знаток русской литературы Д.Дейви (D.Davie), считавший, что его исследования представляют собой идеальный образец для написания истории национальной литературы.

Б.Пэрс, с которым в дальнейшем у Д.Мирского отношения не сложились, не мог не признать его заслуг. Он писал: "После революции я устроил Дмитрия, ставшего эмигрантом, читать лекции по русской литературе и критике в Лондонском университете. Я помнил то впечатление, которое произвела на меня его горячность и блестящая аргументация при отстаивании своих убеждений в споре со мной по литературным вопросам. На кафедре он делал гораздо больше того, что от него требовали обязанности. Вместе с нами раз в неделю он читал курс открытых лекций и на их основе написал первоклассную историю русской литературы от древних времен до современности, а также исследование о Пушкине. Литературная критика всегда процветала в России, и Д.Мирский продемонстрировал нам в этой области такой уровень, какого никогда не достигали специалисты в Англии. У него был поразительный запас разнообразных и живых знаний, которые быстро и легко извлекались при случае на свет; он обладал потрясающей памятью, а его стиль, когда он говорил по-английски, заставлял меня порой останавливаться от удивления посреди улицы. В английском языке он шел на самые смелые эксперименты — и всегда выходил из них с успехом" ¹⁵.

В Англии в 1920-х годах Д.Мирский был главным посредником между английской и русской литературой, он был сам по себе неким звеном в цепи англо-русских и русско-европейских литературных связей. Книги и статьи Д.Мирского формировали представление не только читателей, но и писателей Запада о русской литературе, в Англии по ним с русской литературой знакомились Вирджиния и Ленард Вулфы, Дж.Миддлтон Марри и Кэтрин Мэнсфилд, Д.Г.Лоуренс, Э.М.Форстер. Помимо книг он освещал в английских газетах и журналах последние события русской литературы, как советской, так и эмигрантской. Им написаны статьи о русской литературе для Британской энциклопедии (12-14 издания). В более поздние годы Д.Мирский переписывался с Т.С.Элиотом и сотрудничал в его журнале "Monthly Criterion".

Работы Д.Мирского о русской и английской литературе появлялись в академической и литературной периодике Франции и Германии. Он был постоянным сотрудником французского интеллектуального журнала "Commerce", в котором в 1920-х годах часто печатались в переводах произведения русских писателей и поэтов. Среди переводчиков и авторов статей в журнале встречались и другие русские имена, в их числе Е.Извольская. Статьи Д.Мирского публиковались во всех ведущих периодических изданиях эмиграции: в парижском журнале "Современные записки", в газетах "Звено" и "Дни", в пражском журнале "Воля России",

и выходившем в Брюсселе журнале "Благонамеренный". В русских журналах Д.Мирский нередко писал о современной литературе Великобритании и Америки. Одна из его статей "О современной английской литературе. Письмо из Лондона" вышла в 1923 г. в России, во втором выпуске журнала "Современный Запад", редакторами которого были Е.И.Замятин и К.И.Чуковский.

Карьера и жизнь Д.Мирского в Англии складывались на редкость удачно: работа в Лондонском университете сочеталась с деятельностью в главных центрах русской эмиграции, с сотрудничеством в периодических изданиях европейских стран и русского зарубежья. У него был широкий круг общения. В Лондоне кроме Бэринга и Пэрса у него нашлись и другие старые друзья. В первое время для него находил литературную работу его друг А.Мейндорф, устроившийся в Лондоне. Д.Мирский поддерживал отношения и с другими русскими эмигрантами в Англии. 6 декабря 1921 г. он просил о встрече И.В.Шкловского: "Глубокоуважаемый Исаак Владимирович, можно ли было бы приехать Вас повидать в близком будущем? Очень хочется с Вами поговорить о политике" ¹⁶. Он дружески общался с А.В.Тырковой, с которой он был знаком еще в России. Хотя они не сходились во взглядах, в 1924 г. она отозвалась на составленную им антологию русской лирики ¹⁷, пожурив его за своеволие отбора и оценок; а в 1926 г. помогла ему устроить вечер М.Цветаевой. Так как дома Шкловского и Тырковой были своего рода интеллектуальными салонами русской эмиграции в Англии, можно предположить, что Д.Мирский в Лондоне не был лишен привычной для него российской интеллигентской среды.

Как человек не только с талантом, но и с княжеским титулом, Д.Мирский был принят в литературных и артистических кругах Англии. Он бывал в элитарном кругу Блумсбери, собиравшемся в доме Вирджинии и Леонарда Вулфов, в богемно-аристократическом салоне леди Оттолин Морелл, был знаком с виднейшим английским экономистом Джоном Мейнардом Кейнзом (John Maynard Keynes) и его женой русской балериной Лидией Лопуховой. Важную роль в его судьбе сыграло знакомство с Джейн Элен Гэррисон (Jane Ellen Harrison, 1850 — 1928). Ленард Вулф вспоминал о том, как встретил Д.Мирского у нее дома: "Первый раз я встретил Д.Мирского в Париже, в квартире Джейн Гэррисон. Джейн Гэррисон, блестящий ученый классической школы Кембриджского колледжа Ньюнэм, была одной из самых утонченных личностей, с которыми мне приходилось встречаться. Она обладала к тому же редким обаянием, чувством юмора, была исключительно оригинальна. Когда я познакомился с нею, она была уже стара и физически немощна, но ее душа неизменно оставалась молодой. Она любила Д.Мирского и наслаждалась общением с ним, и он, я чувствовал, был у ее ног" ¹⁸. Гэррисон была вдохновительницей и соавтором нескольких литературных начинаний Д.Мирского, инициатором его приглашения на философские декады в Понтињи, организованные Дежарденом, с ее помощью он значительно расширил круг своего общения. В своем дневнике за август 1923 г. она записала: "Мое сердце отдано Медведю-Принцу: зачем я не встретила его пятьдесят лет назад, когда я могла стать его Принцессой? А теперь я только и могу попросить его написать предисловие к моей книге..." ¹⁹ Д.Мирский и Гэррисон совместно работали над переводом "Жития" Аввакума на английский язык. Гэррисон редактировала в стилистическом отношении книги Д.Мирского,

написанные между 1924 и 1926 г. Что касается литературных оценок, Гэррисон восхищалась вкусом и аргументацией Д.Мирского, но не во всем соглашалась с ним. Например, она писала о Чехове, которого Д.Мирский недооценивал: "Если "Студент" — это плохая литература, то я уж не знаю, как отличить плохое от хорошего: какой смысл было учить русский" ²⁰. Через посредство Д.Мирского осуществились интереснейшие англо-русские контакты. Д.Мирский был близко знаком с А.М.Ремизовым и был принят в избранный крут "Обезьянней Великой и Вольной Палаты", в которой исполнял обязанности "английского посла". Бывая в Париже, он познакомил Ремизова и его жену с Гэррисон, и это знакомство переросло в необыкновенную творческую дружбу. Палеограф по специальности, С.П.Ремизова-Довгелло помогала Гэррисон изучать древнюю русскую письменность. Все вместе они, включая Д.Мирского, трудились над переводом произведений Ремизова на английский язык. Так, в соавторстве, было подготовлено издание русских сказок о медведе на английском языке, в которое вошли произведения русских писателей XIX века и А.М.Ремизова. В 1926 г. Д.Мирский познакомил Гэррисон с М.Цветаевой. Гэррисон помогала Д.Мирскому в издании журнала "Версты".

Несмотря на предельную насыщенность его английской жизни работой и общением с людьми его круга и его уровня, его постоянно тянуло в русскую среду. Он ездил в Берлин "для общения с литературными кругами и получения последних публикаций" ²¹, бывал в Праге и Брюсселе. Главным центром притяжения для Д.Мирского всегда оставался Париж. Во время каникул он уезжал во Францию и нередко просил университетское начальство в лице Б.Пэrsa разрешить ему задержаться там подольше. В своих письмах он подробно рассказывал Б.Пэрсu о декадах в Понтиньи, где он проводил время "в обществе известных людей из Франции, России, Англии, Испании, Германии и других стран" ²². 20 августа 1925 г. он писал: "У меня были великолепные каникулы в Бургундии, Нормандии и Швейцарии, через несколько дней я еду в Понтиньи на собрание международного Debating Club в Цистерианском аббатстве, в окрестностях Шабли" ²³. В Париже он общался с русскими писателями, поэтами и философами, а также евразийцами, жившими в Кламаре. Д.Мирский путешествовал и по другим центрам эмиграции, чтобы быть в самом водовороте русской культурной жизни.

В творчестве Д.Мирского литературные интересы были всегда связаны с интересом к истории, философии и социальной мысли. С его философской эрудицией и чуткостью к политическим идеям, он с первых шагов оценил значение и перспективы евразийства. Евразийство как выражение национальной историософской мысли он считал высшим завоеванием эмиграции. Сблизившись с кругом евразийцев, Д.Мирский со временем занял в этом движении одно из лидирующих положений и сыграл решающую роль в формировании внутри него радикального направления. Совершенно не исследованным до настоящего времени остается то обстоятельство, что его евразийские взгляды, как на историю, так и на литературу России, сложились в значительной степени в его работах, написанных в Англии и опубликованных в английской периодике.

Сближение Д.Мирского с евразийским движением началось в 1922 г., после первых же выступлений евразийцев в печати ²⁴. Первым евразийцем, с которым Д.Мирский стал переписываться и встречаться, был П.П.Сувчинский (1890-1985).

Музыковед, историк искусства и публицист, Сувчинский был одним из первых участников движения. На него была возложена задача распространения евразийских идей в странах Запада. 7 сентября 1922 г. П.П.Сувчинский писал из Берлина к П.Н.Савицкому, главному организатору движения: "В нашем полку прибыло: вчера был у меня князь Святополк-Мирский, который в настоящее время читает лекции по истории русской литературы в Лондоне, и показал свою заметку в "Times" о евразийстве ²⁵; он очень сочувствует всему движению. Он между прочим послал статью о современной поэзии Струве в "Русскую мысль", но Струве ответил ему неопределенно ²⁶. Постараюсь ближе его узнать" ²⁷. Позднее Сувчинский вспоминал о своем знакомстве с Д.Мирским: "Я познакомился с Д.П.Мирским в Берлине, в 1922 г., через Апухтина, который был того же полка (стрелок Е.В.!), как и мы. Д.Мирского заинтересовал сборник "Исход к Востоку", который был издан в Софии в 1921 году" ²⁸.

Д.Мирский предложил для публикации в одном из евразийских изданий статью о современной русской литературе. Но несмотря на то, что Сувчинский характеризовал Д.Мирского как автора, который "всецело разделяет" евразийские взгляды, попытка издать его статьи, видимо, натолкнулась на сопротивление П.Н.Савицкого. Сувчинский продолжал настойчиво убеждать его принять нового автора в ряды движения: "Мирскому, — писал он, — очень хочется печатно сочетаться с евразийством. Он просил меня передать Вам, что согласен на какую угодно редакторскую правку. ... Это человек искренний и способный, его хорошо бы взять под свой "знак". Главное, он неистовый и стал ярым евразийцем, всюду проповедует! Подумайте еще об нем" ²⁹. Несмотря на настороженное отношение П.Н.Савицкого к его деятельности, Д.Мирский продолжал выступать с изложением и оценкой евразийских идей в английской и англо-русской печати. После первой публикации в литературном приложении к "Таймс", он поместил заметку о движении и его манифесте "Исход к Востоку" в журнале "Russian Life", издававшемся Комитетом Освобождения России, а затем опубликовал статью в "The Contemporary Review" ³⁰. Евразийство определялось в этих публикациях как "революционный" или "пореволюционный" русский национализм. В таком качестве евразийство представлялось Д.Мирскому российским соответствием тем движениям за национальное самоутверждение, которые возникали и распространялись среди народов Европы.

Евразийство в Англии. Н.Сполдинг

В 1922 г. Д.Мирский писал П.Сувчинскому: "В окрестностях Лондона я открыл целую колонию евразийцев — Чессингтон, где живет Арапов (брат того, которого я у Вас видел) и дочь В.П.Волковой" ³¹. Имение Чессингтон (Chessington, Surrey) принадлежало Галицыным. Евразийством была увлечена хозяйка имения Екатерина Георгиевна, внучка Великой княгини Екатерины Михайловны, дочь герцога Мекленбург-Стрелицца. После революции она эмигрировала в Англию с изрядным состоянием и открыла в Лондоне антикварный магазин. Она и ее муж поддерживали связи с английским высшим светом, ее титулованные английские знакомые нередко приходили на собрания русской колонии ³². Петр Семенович Арапов, живший в их имении, был родственником Врангеля и служил кавалеристом

в Белой Армии³³. Мать Арапова устроилась гувернанткой в имении Галицких. Брат Арапова Кирилл тоже жил в Англии, но отдельно от семьи, и работал, по разным источникам, инженером или фотографом. Упомянутая Д.Мирским Анна Волкова была дочерью контр-адмирала Н.Волкова, морского атташе при русском посольстве. Евразийцем стал В.Расторгуев, выполнявший в имении Галицких обязанности шофера, садовника и сторожа. Он считался "завзятым" евразийцем и тщательно собирал все их публикации. Его коллекция евразийских изданий по сей день хранится в библиотеке колледжа Святого Антония Оксфордского университета³⁴.

Появление группы сочувствующих в Англии расширяло возможности евразийцев, которые надеялись найти в этой стране финансовую поддержку для проведения в жизнь своих замыслов. Судя по архивам, лидер политизированного евразийства П.Н.Савицкий задумывался о том, как привлечь британцев к участию в движении и чем их можно заинтересовать в России. Русская революция нарушила экономические связи Британии с Азией и лишила англичан выгодных контрактов на юге и востоке России. Одной из самых существенных потерь была потеря источников нефти в прикаспийских районах. В формулировке евразийства, разработанной для распространения в Англии и вообще на Западе, идея движения обозначена словом "Нефть", а руководство движения называется "Советом Нефти". Составлявшие этот план евразийцы рассчитывали в большей степени на участие англичан, чем русских, но и помощь эмиграции была для них не лишней. Для выяснения настроений русской эмиграции в Великобритании они направили своего наблюдателя в Лондон. Агент вернулся с докладом, который он датировал 18-25 января 1925 г. и подписал именем "С.Пенни". Не исключено, что под псевдонимом "Пенни" скрывался П.Н.Савицкий: об этом свидетельствует стиль доклада. Кроме того, Савицкий любил псевдонимы и всевозможную конспирацию: обозначение евразийства словом "Нефть", а России словом "Аргентина" типично для разрабатывавшихся им программ. Савицкий, неоднократно бывавший в Англии, в своем докладе "О программе Нефти" не раз ссылаясь на английские наблюдения С.Пенни, хотя мог бы говорить от своего имени. Как бы то ни было, здесь приводятся отрывки из рукописи английского наблюдателя под названием "Доклады с мест. Англия", хранящейся в евразийском архиве.

"Эмиграция в Англии сильно разнится от большинства других стран Европы, поскольку ее представители в основном принадлежат к правившему классу: они все обеспечены и беженская психология почти отсутствует. Можно разделить их на две основных группы: бывшие люди, в общем реставрационно настроенные, то есть видящие спасение России в возвращении к какому-то прежнему историческому моменту (Учредительное Собрание правительства Керенского, первый состав Временного правительства 1 марта 1917 г.). Эти с Нефтяной [евразийской] точки зрения ни к чему не пригоды и таковыми останутся. Среди молодежи замечается настроение, благоприятствующее восприятию Нефтяных идей: искание выхода из тупика, готовность к жертве, желание работать и твердая вера в великое и новое значение России в будущем. Большинство настроено монархически, но выдвинутый на Нефтяной беседе принцип новой династии встретил общее сочувствие. Идея эта не связывалась с физическим происхождением, а лишь устанавливалась, что будущий царь должен быть родоначальником, а не наследником. Вообще Нефть

имеет большой успех и при правильно поставленной работе можно рассчитывать как на кадр верных помощников, так и на проникновение Нефтяных идей в широкие круги молодежи. Однако в виду засасывающего характера английской культуры, работа эта нужна, причем в некоторых случаях приходится начинать с "азов". В одном случае было заметно у одного возражающего стремление проводить известную параллель между правами России на Сибирь и правами Англии на Индию. Конечно, встречается и оппозиция, но в общем Нефть принимается большинством как откровение и подтверждение собственной интуиции. Распространение Нефти только начинается, но есть полная надежда на успех.

Среди немалочисленных представителей английского общества проявляется интерес к Нефти. Отчасти это зависит от того, что англичане не чистые европейцы в своем духовном облике (обширные связи с Азией). Отчасти от сознания краха современной европейской культуры, пришедшей к тупику и связанного с этим искания правды на Востоке. Понять же эту правду они считают возможным лишь через Россию, унаследовавшую духовные богатства Запада и Востока" ³⁵.

С.Пенни писал о группе монархистов в Британии и их разделении на сторонников Кирилла Владимировича и сторонников Николая Николаевича: "Кириллизм представлен весьма слабо и недейственен. Представитель, старый генерал Х., не проявляет никакой деятельности. Нового представителя, несмотря на долгие старания, найти не удалось. К николаевцам принадлежит главная масса, старшее поколение в большинстве. Принадлежность, однако, не связана с какой-либо определенной программой и поэтому не представляет устойчивости. Фактической работы не заметно. Заседания монархического кружка страдают монотонностью; на заседаниях почти неизбежно сообщается о принесении поздравлений Н.Н. [Николаю Николаевичу], о выражении чувств верноподданничества и последовавших милостивых ответах. В связи с последними событиями в Париже замечается некоторый сдвиг в сторону К.В. [Кирилла Владимировича], или по крайней мере к примирению обоих течений. Демократические и социалистические группы представлены слабо и активности не проявляют".

Основной вывод доклада заключался в том, что в эмигрантской среде в Англии не было социальной почвы для распространения евразийских идей. Среди англичан тоже не наблюдалось заметного интереса к движению. Действительно, в английской среде евразийство привлекло отнюдь не дельцов и предпринимателей, а нескольких интеллектуалов. Двое из них, друзья Д.Мирского, выступили со статьями о движении. Дж.Э.Гэrrисон опубликовала статью под названием "Новое русское учение" в газете "The Evening Standard"; журналист Ланселот Лоутон поместил в "The Sphere" заметку под названием "Единая цивилизация завтрашнего дня"; неподписанная заметка "Евразийцы" появилась в журнале "The Living Age" ³⁶. И все же в Англии евразийцы нашли хотя и единственного, но надежного и глубоко заинтересованного мецената.

Норман Сполдинг (Henry Norman Spalding, 15.08.1877 - 6.09.1953), образованный филантроп, философ и поэт, был увлечен идеей сближения западной и восточной цивилизаций. Он вкладывал значительные средства в благотворительную, просветительскую, научную и издательскую деятельность в странах Востока, интересовался русской философией и религией. Философско-религиозный идеал

он видел в соединении западного идеализма с восточным мистицизмом. Интерес к философии, видимо, не был случайным явлением в семье Сполдингов: его брат профессор К.Дж.Сполдинг был автором нескольких книг по философии, таких как "Желание и Разум: происхождение и развитие принципов разума", "Беседы о философии" ³⁷.

События в России вызвали у Н.Сполдинга желание помочь русским, не принявшим большевистский режим, эмигрировать в Европу. Он помогал также русским эмигрантам выжить на новом месте. В начале 1920-х годов Н.Сполдинг с семьей жил в Лондоне на Сен-Джордж Сквер. По соседству в большой бедности жил русский эмигрант капитан Нарышкин с семьей. В 1926 г. Сполдинги построили дом в Хедингтоне (Headington), элитарном пригороде Оксфорда. Имение получило название "Shotover Cleve". На подъезде к имению они выстроили "Домик", названный "The Orchard", для семьи Нарышкиных. Сыновья Нарышкиных Вадим и Федор были устроены в школу в северном Оксфорде. Капитан Нарышкин стал заниматься продажей книг и антиквариата в Хедингтоне. "Домик" Нарышкиных стал пристанищем для многих русских, бывавших в Англии. Некоторое время в нем вместе с Нарышкиными жили Араповы. В течение нескольких месяцев в имении Сполдингов проживал полковник П.Н.Малевский-Малевиц (1891-1975) ³⁸. Осенью 1924 г. П.С.Арапов ввел его в круг евразийцев. Малевский к этому времени был хорошо знаком со Сполдингом, от которого получил значительную сумму на "русское дело" ³⁹. В октябре 1924 г. Д.Мирский сообщал Сувчинскому: "Видел вчера новоявленного евразийца Малевского, с которым имел длинную и интересную беседу, и надеюсь на днях повидать надежду евразийства Петра Арапова" ⁴⁰. Год спустя он иначе характеризует Малевского: "Была евразийская беседа, которая, признаюсь, не произвела на меня благоприятного впечатления. Как Малевский говорит, Вы можете себе представить: по шпаргалке и довольно неумело пользуясь учеными словами, которые ему очевидно внове. Я его при "дискуссии" поддержал как мог несколькими эпатажными формулами. Но Вы знаете мое мнение о лондонском и вообще о великосветском евразийстве. Оно терпимо только поскольку практически полезно для настоящего евразийства" ⁴¹. Малевский, видимо, претендовал на более значительную роль в движении: в Лондоне он издал книгу о евразийстве "A New Party in Russia" ("Новая партия в России", 1928). Эту книгу П.Н.Савицкий охарактеризовал как "вразумительный очерк основных положений и практической сущности евразийства" ⁴².

Весной 1925 г. П.П.Сувчинский сообщал П.Н.Савицкому о результатах деятельности по распространению евразийства в Англии: "Евразийство растет: я недавно получил письмо из Лондона от кн. Д.Мирского, где он пишет, что под его руководством образовалась местная группа евразийцев" ⁴³. Вскоре после этого Сувчинский передал Савицкому предложение съехаться в Лондоне, полученное от П.С.Арапова и П.Н.Малевского-Малевица, добавляя: "Лондонская группа весьма влиятельна. Между тем никого кроме Малевского и Арапова там не видели". "Влиятельность" лондонской группы была обусловлена ни чем иным, как теми средствами, которые эта группа получала от английского покровителя. Н.Сполдингу были близки воззрения основателей евразийства на место религии в жизни личности и общества. Он верил, что в ближайшем будущем евразийцы станут лидерами

новой России, а евразийская партия заменит коммунистическую. Хотя Сполдинг ни в коей мере не определял идеологию движения, благодаря ему, его финансовой поддержке и энтузиазму, в Англии произошли некоторые встречи и события, повлиявшие на эволюцию движения.

Решающая роль в формировании леворадикального направления внутри евразийства принадлежала Д.Мирскому. К середине 1920-х годов ему не без труда удалось утвердиться в рядах евразийцев, хотя, по его собственному признанию, он никогда не относился серьезно к своему участию в движении: евразийство представляло для него новые возможности самовыражения и приложения интеллектуальных сил. Он откровенно описывал свое отношение к движению в письме к П.Сувчинскому еще в августе 1923 г.: “Совестно сознаться, но евразийство мое было в сущности явлением преходящим, выросшим на чисто эмоциональной почве оскорбленного эмигрантского самолюбия. <...> Был бы конечно рад впоследствии писать для вас, если вы примете человека настолько несерьезного, что бывает евразийцем в четные, и европейцем в нечетные годы. Впрочем я вообще человек без убеждений, и прирожденный, хотя и не всегда открытый, враг идей вообще”⁴⁴.

Тем не менее к идеям самих евразийцев Д.Мирский относился с уважением и посвятил евразийству не одну страницу в своих английских работах о русской литературе и истории идей. Как заметное явление русской духовной жизни Д.Мирский характеризует евразийство в своей английской “Истории русской литературы за 1881-1925 годы”. Он пишет: “В отличие от художественной литературы, русская политическая мысль в эмиграции не бесплодна, ее наиболее интересные проявления обнаружились в среде молодых ученых, имена которых до революции никому не были известны, — они называли себя евразийцами. Евразийцы — крайние националисты, которые считают, что Россия — это обособленный культурный мир, не похожий ни на Европу, ни на Азию (отсюда их название). Идеи евразийцев в какой-то мере восходят к Данилевскому и Леонтьеву, но их несомненно сформировала пореволюционная эпоха. Великую Революцию они принимают как явление необратимое, и даже не без некоторой национальной гордости осознают величие ее разрушительной силы. Но в то же время они полностью отвергают вносимое революцией в жизнь “преднамеренное зло, противостояние Богу и Его Церкви”. Евразийцы — люди церкви, но они не богоискатели, они считают, что надо брать силы от веры, а не отдавать ей все свои силы. Им присущ практический реализм, и не исключено, что они оставят след — если не в литературе, то наверняка в историософии. Особый смысл и значимость евразийства в том, что оно перекликается с некоторыми глубинными духовными течениями в России. В литературе евразийцы представлены скромно: лишь один автор из их числа, князь Н.С.Трубецкой (сын философа князя С.Трубецкого), несмотря на свое амплуа “ужасного ребенка”, является подлинно одаренным публицистом”⁴⁵.

В статье, опубликованной в 1927 г. в “Лондонском Меркурии”, Д.Мирский признает, что советская цензура оказалась губительной для философской мысли в Советской России, литература идей оказалась более плодотворной в эмиграции, где она процветает в двух центрах: в Религиозно-философской Академии в Париже — и в кругу евразийцев. В поэзии, создаваемой в Советской России, Д.Мирский выявляет интонации, по его мнению, близкие к евразийству: скифскую тему у Блока,

Белого, Гумилева, Волошина и Есенина ⁴⁶. В 1928 г. Д.Мирский опубликовал статью "Современные течения в русской литературе" в английском сборнике статей, посвященном проблемам литературы Европы. В этой статье Д.Мирский пишет о евразийстве: "Литература идей прекратила свое существование в Советской России, но она еще живет в среде эмиграции: здесь молодое поколение, не способное создать ничего существенного ни в поэзии, ни в прозе, произвело тем не менее на свет единственное со времени революции значительное идейное движение — "евразийство". Суть его в сочетании культурно-религиозного консерватизма с практически полным пренебрежением социальных и политических завоеваний революции" ⁴⁷.

Самая значительная по объему и обстоятельная статья Д.Мирского о евразийстве была опубликована в "Славянском обозрении" в 1927 г. ⁴⁸ П.Н.Савицкий сдержанно отозвался о ней в своем библиографическом обзоре литературы о евразийстве. Его холодность нетрудно понять, если вчитаться в статью Д.Мирского, в которой дается своеобразная и нетрадиционная трактовка идейных основ движения. Автор возводит евразийство не только к традициям славянофильства, но и к идеям Н.Федорова, тогда как консервативное крыло евразийцев в лице Н.С.Трубецкого и П.Н.Савицкого решительно отвергало "федорство". К тому же Д.Мирский толкует элементы православной мистики во взглядах Н.Федорова на современный лад: в мистической идее пресуществления плоти он обнаруживает зачатки материализма. В сочетании мистики с практикой он усматривает самобытный русский идеал, который, в его представлении, должен стать краеугольным камнем идеологии нового века.

При анализе политических перспектив движения Д.Мирский сближает и нередко отождествляет евразийство с большевизмом. В евразийстве он видит возможность "пересмотра и переоценки всех дореволюционных идей и ценностей", творческого переосмысления истории под влиянием новых исторических событий. Стремясь сблизить евразийство с коммунизмом, Д.Мирский некоторым понятиям придает новый и неожиданный смысл. Так, когда он пишет о соединении мистического сознания с практической хозяйственной деятельностью, он приводит в пример ленинский план электрификации России, а в "соборной личности" евразийцев видит аналогию с большевистским коллективизмом. Д.Мирский сопоставляет постулируемый евразийцами принцип "идеократии", то есть власти, основанной на идее, — с организацией коммунистического общества, в котором правит одна партия, проводящая в жизнь свою идею. "Коммунизм и фашизм, — пишет он, — надо понимать как огрубленное приближение к идеалу идеократического государства". При этом, добавляет критик, недостатком фашизма является примитивность его принципов, преобладание организации над идеей. А недостаток коммунизма — в противоречии: с одной стороны, практическая политика идеократии, с другой — отрицание первичности идей, сведение истории к власти необходимости. Основным тезисом статьи является "необходимость пересмотра и переоценки всех дореволюционных идей и ценностей". Д.Мирский пишет о русской революции: "Событие такого масштаба не может не изменить наших представлений о сути вещей и заставляет нас по-новому посмотреть на историю". Русская интеллигенция, считает критик, должна учиться у истории, она обязана творчески переоценивать свои взгляды и меняться под воздействием исторических событий. Такой способностью, отмечает он, в наибольшей мере

обладают коммунисты, а в эмигрантской среде самые большие надежды подают евразийцы. В заключение Д.Мирский пишет, что хотя евразийство выросло из консервативной традиции русской мысли, оно, тем не менее, неуклонно эволюционирует влево и находит сторонников в Советской России. Интерпретация Д.Мирским евразийских идей, расстановка новых акцентов в их системе философских и политических взглядов не были результатом недопонимания или заблуждения. Д.Мирский сознательно пытался придать евразийским идеям леворадикальное направление, чтобы возглавить новое течение внутри евразийства.

Д.Мирский был первооткрывателем "евразийского литературоведения" и его основы заложены в его английских работах о русской литературе. Евразийские идеи дали Д.Мирскому новую точку зрения на русскую литературу. В контексте этих идей он начал рассматривать литературу и историю современной послереволюционной России, с новых позиций он рассматривал и оценивал культурные достижения эмиграции. Он был одним из немногих, а может быть даже единственным критиком в эмиграции, кто утверждал, что советские поэты и прозаики превзошли своих собратьев по перу, живших в эмиграции. Ориентация Д.Мирского на советскую литературу совпадала с требованиями английского университетского курса: после дипломатического признания Советской России советской культуре и литературе в Англии уделялось основное внимание, тогда как литература эмиграции оставалась в тени.

Д.Мирский считал органичной чертой евразийства положительное переосмысление исторических событий в России. Признавая революцию как свершившийся исторический факт, как историческую неизбежность, полагал он, евразийцы признают и существование новой советской культуры. В осмыслении литературы и искусства Советской России Д.Мирский видел основную культурную задачу евразийства. Совершив поворот к России в английских работах, Д.Мирский стал отстаивать свои новые взгляды и в периодике русского зарубежья. Он утверждал, что в художественной сфере поиски нового идут гораздо успешнее в России, чем в эмиграции. Это утверждение критик не раз варьировал в своих обзорных статьях и лекциях. В области философии, считал он, ситуация сложилась в пользу эмиграции, так как из России философы были высланы и над всеми проявлениями философских и социально-политических исканий была установлена строгая цензура. "В сфере политической мысли подлинное творчество проявили, со времени Революции, одни эмигранты — в лице евразийцев" ⁴⁹. Но что касается поэзии и прозы, то, повторял он, эмиграции нечего противопоставить молодой и развивающейся литературе России.

Освещению новой русской литературы Д.Мирский посвятил журнал "Версты", в котором он выступал в роли главного редактора, ведущего идеолога и литературного критика. Большая свобода действия Д.Мирского в этом издании объясняется тем, что его финансировали английские друзья Д.Мирского: Н.Споддинг и Дж.Э.Гэrrисон. Гэrrисон следила за каждым выпуском "Верст", а также за его соперничеством с другими журналами эмиграции. Она писала Д.Мирскому: "Вы удивительные существа. Эмигрантская община публикует два толстых журнала! Надеюсь, "Благонамеренный" не погубит "Версты", как это всегда бывает в Англии: один толстый журнал вытесняет другой. Ваше название великолепно своей конкретностью, так и видишь: "летят версты"..." ⁵⁰ Название журнала "Версты" дал

стихотворный сборник М.Цветаевой, творчеством которой был особенно увлечен в это время Д.Мирский.

В "Верстах", как было сказано в редакционной статье, предварявшей первый номер, ставилась задача "понять, что есть лучшего в современной русской литературе, с точки зрения <...> национально-исторической предначертанности". В эмиграции журнал вызвал бурную и противоречивую реакцию: о нем писали ведущие критики и писатели, он получил отклик и у писателей России. По-разному оценили "Версты" М.Горький и И.А.Бунин: два величайших авторитета в русской литературе, оказавшиеся по разные стороны баррикад. В газете "Возрождение" И.А.Бунин со свойственным ему сарказмом спрашивал: "Что значит "Версты"? Верстовые столбы, что ли, то есть опять "новые веки"?"⁵¹ Бунин видел в журнале "смесь сменовеховства и евразийства", и считал, что Д.Святополк-Мирский в его составлении и своих оценках руководствуется только тем, что пишут о литературе в Советской России. Писатель осудил редактора журнала за дурной вкус в отборе произведений: он раскритиковал помещенные в "Верстах" стихи С.Есенина, Л.Пастернака, М.Цветаевой, И.Сельвинского, прозу А.Белого, И.Бабеля, А.Веселого. М.Горький отнесся к изданию более снисходительно. Он писал А.К.Воронскому в связи с выходом журнала: "Здесь, — т.е. в Париже, — вышла первая книга журнала "Версты", очень толстая. Редактор — князь Святополк-Мирский, кажется, сын того, который в 1901-2 годах обещал сделать "весну"⁵². Он — очень умный и независимый критик, превосходно характеризовал Зайцева и Мережковского, Ходасевича и др."⁵³.

"Версты" отчетливо отразили переломный период в настроении Д.Мирского: он стал испытывать потребность эпатировать эмиграцию и ради этого порой был готов пожертвовать собственными кумирами. В 1926 г. на вечере, устроенном журналом "Версты", он выступил с докладом "Культура смерти в русской литературе". Основная мысль доклада заключалась в том, что вся дореволюционная поэзия говорит о смерти, а новейшая, в лице Н.Гумилева, М.Цветаевой, Б.Пастернака и В.Маяковского, призывает к жизни. Во втором номере "Верст", вышедшем в 1927 г., Д.Мирский опубликовал статью на ту же тему: "Веяние смерти в пореволюционной литературе". Статья несла в себе отрицание тех духовных ценностей, которые хранила в изгнании эмиграция и в которые верил недавно, как будто, и сам Д.Мирский. Эта статья привела к окончательному разрыву и без того напряженных отношений Д.Мирского с эмиграцией. Не случайно М.Цветаева писала о нем, что он "единственный в эмиграции критик, ненавидимый эмиграцией"⁵⁴. После 1926 г. Д.Мирский не опубликовал ни одной работы в периодических изданиях эмиграции, в которых он сам не являлся редактором или членом редколлегии.

Позднее, анализируя эволюцию Д.Мирского, критики отметили, что в своих суждениях он бывал чрезвычайно переменчив. По слову А.Бахраха, он "сжигал то, чему поклонялся, не скрывая, что знает сжигаемому цену"⁵⁵. Б.Пэрс, знавший своего коллегу с юности, писал: "Мирского охватывали одно за другим страстные увлечения. Было время, когда он с оружием в руках отстаивал Белое дело; потом он объявил себя евразийцем и разделял довольно странную точку зрения на Россию, как на особый континент; был момент, когда он назвал Марину Цветаеву "безнадежно распушенной москвичкой", но вскоре он признал ее величайшим поэтом мира. Для нас он неизменно оставался *enfant terrible*"⁵⁶.

Вскоре даже евразийство, привлекавшее Д.Мирского возможностью бросить вызов эмиграции, показалось ему слишком консервативным. Он не мог оставаться в рамках идеологии, определявшейся другими людьми: ему необходимо было собственное поле деятельности. Таким полем оказались для него группы евразийцев в Англии и в Клараме, находившиеся под его воздействием, а также газета "Евразия"⁵⁷. Газета "Евразия" явилась яблоком раздора для евразийцев разных политических направлений. Ведущие позиции в газете заняли Д.Мирский и Сувчинский. Савицкий и Трубецкой расценили статьи Д.Мирского о творчестве Б.Пильняка, Вс.Иванова, М.Цветаевой как прямую апологию советского строя. Издание "Евразии" привело к размежеванию основателей "классического", "консервативного" евразийства с лидерами радикального направления. Конечно, не только статьи Д.Мирского и Сувчинского послужили причиной для раскола. Кризис евразийства изначально коренился в неопределенности его политической программы и отсутствии общей философской платформы у участников движения. С первых выступлений в печати в начале 1920-х годов евразийство представляли самые разные по своим убеждениям философы, историки, литераторы и поэты. С приходом в евразийство Л.П.Карсавина расхождения между представителями исторически сложившегося традиционного евразийства и сторонниками левого уклона в движении проявились особенно остро⁵⁸. Окончательное размежевание евразийства на правое и левое произошло в середине 1928 г.

Деньги на издание "Евразии" Д.Мирский получил от Н.Сполдинга, и это вызывало досаду у основателей евразийства⁵⁹. Представители правой и левой группировок внутри евразийства постоянно пытались перетянуть Сполдинга на свою сторону, а так как ему были непонятны их конфликты, эти склоки ставили его в чрезвычайно трудное положение. На него оказывали давление, с одной стороны, английские евразийцы Д.Мирский, П.Арапов и П.Малевский, а с другой стороны, ему никак нельзя было порывать связи с основателями и авторитетами движения П.Н.Савицким, Г.И.Вернадским, Н.С.Трубецким. Как человека религиозного, Н.Сполдинга привлекало евразийство в его классическом варианте, в котором важную роль играла идея православия. Узнав о том, что в газете, на которую он дал деньги, пропагандируются взгляды, близкие к большевизму, а религиозная идея из евразийства выбрасывается, Сполдинг был крайне раздражен; тем не менее, он сделал все возможное, чтобы примирить два лагеря евразийства ради сохранения самого движения. Он решил собрать представителей враждующих лагерей в своем имени под Оксфордом и пытался выступать в роли миротворца. Судьба евразийства волновала Сполдинга по многим причинам: он вложил немало сил и средств в поддержание издательской и организационной деятельности движения. Он субсидировал "Евразийский временник" и газету "Евразия", а также отдельные издания евразийских научных работ ("Начертание русской истории" Г.В.Вернадского, 1927; "Теория государства" Н.Н.Алексеева, 1931). Но была еще одна важная причина, почему раскол евразийства Сполдинг воспринимал как личную катастрофу.

В 1928 г. под псевдонимом "Английский Евразиец" Н.Сполдинг опубликовал книгу "Russia in Resurrection" ("Воскресающая Россия: Сводка взглядов и целей новой партии в России")⁶⁰. На суперсбложке сообщается, что книга содержит первое на английском языке описание новой партии, которая, как здесь сказано,

появилась в России и по всей видимости сменит большевиков. Книга Сполдинга открывается детальным очерком развития русской философско-политической мысли, предшествовавшей евразийству. Очерк написан с глубоким знанием вопроса, редким для иностранца, в чем, видимо, надо признать заслугу Д.Мирского. Правление большевиков в книге Сполдинга анализируется в свете учения Маркса и Ленина, и этот анализ приводит автора к выводу, что конец правления большевиков близок. Он пишет, что евразийская партия видит причину катастроф России и ошибок ее правителей в ориентации на западный материализм. Евразийцы, как говорится в книге, ставят перед собой цель дать народам России свободу и процветание в государстве, построенном на принципах Нового Завета. Н.Сполдинг в своей книге полемизирует с англофилом Милюковым по поводу его совета строить русскую Думу по образцу английского парламента. Сполдинг писал, что одним копированием западных форм демократии Россия не достигнет тех же результатов, что европейские страны. Для этого нужны сходные исторические условия и общность психологического типа народов. Со свойственным ему английским здравомыслием Сполдинг советовал русским политикам и теоретикам государства развивать то лучшее, что достигнуто Россией за историю ее государственного существования. Свои книги Сполдинг издавал под псевдонимом и за свой счет. Непременным условием для него при публикации книг на евразийские темы было одобрение рукописей авторитетными евразийцами. Книгу Н.Сполдинга высоко оценил П.Н.Савицкий в своей библиографии евразийства. В его оценке труд Сполдинга явился самым обстоятельным изложением истории и идей евразийства не только на английском, но и вообще на иностранном языке. Савицкий считал, что она значительно серьезнее, чем книга Малевского⁶¹. Кроме этой книги на очереди у Сполдинга была готова следующая. Отстаивая необходимость единства в евразийских рядах, Н.Сполдинг заботился в то же время о том, чтобы выход его книг о евразийстве не потерял смысл с распадом движения.

В декабре 1928 г., прислушавшись к мнению Сполдинга, Савицкий пытался наладить отношения с левыми евразийцами и для этого решил выехать в Англию, чтобы поговорить с Малевским. Об этом он сообщал Г.И.Вернадскому: "Святки я провел в Англии"⁶². Сполдингу он пишет более подробно: "Я решил выехать в Англию, соединяя научные дела с намерением — наедине и до конца — поговорить с Малевским. С Малевским разминуся. Телеграммой из Лондона в Брюссель просил у него свидания"⁶³. Малевский сознательно избегал встречи с Савицким, выезжая в Брюссель, поэтому на свою телеграмму Савицкий ответа не получил. Как он пишет в своих воспоминаниях: "П.Н.Малевский-Малевич, один из влиятельных евразийцев, совершенно подпал под влияние П.П.Сувчинского и слепо выполнял поручения кламарцев. Ему удалось сорвать весной 1929 года мои переговоры с Г.Н.Сполдингом"⁶⁴. Судя по замечанию в письме к Сполдингу, у Савицкого в Англии были научные дела, однако выезжать из Праги он мог только во время университетских каникул, то есть зимой на Рождество и летом.

В письмах от 30 января, 14 и 25 марта 1929 г. Сполдинг выразил согласие с Савицким в том, что коммунистический уклон в евразийстве неприемлем, но в то же время он привлек все доводы, чтобы убедить Савицкого найти общий язык с кламарцами и не ослаблять движение внутренними разногласиями. Сполдинг счи-

тал, что внутренние противоречия евразийства губят движение как политическую силу, способную противостоять большевизму. Уговаривая Савицкого примириться с коллегами, он писал ему: "Ваше собственное доброе имя пострадает из-за этого раскола, и я очень сожалею об этом, так как именно в Вас я видел в будущем видного государственного деятеля Аргентины [России]. В общественной жизни ничего нельзя достичь усилиями отдельных личностей или отдельных групп: единство необходимо. Если хоть раз лидер заработал репутацию человека, предавшего друзей по партии, или оказавшегося неспособным договориться с ними, то даже если эта репутация не заслужена им, он окажется в одиночестве и ему уже никогда больше не поверят. Будет очень жаль, если Аргентина потеряет таких деятелей. Вот неизбежные последствия раскола, который все увеличивает трещину между вами. Мы должны постараться преодолеть его. Я с радостью вижу, что Вы и Ваши друзья не последовали дурному примеру князя Трубецкого, не вышли из движения, но лишь размежевались с идеологами газеты "Евразия". Однако из этой ситуации можно выйти с честью для обеих сторон. Я не вижу абсолютно ничего такого, что должно разъединять стороны. Необходимо только обсудить отношение газеты к марксизму. С обеих сторон были употреблены резкие выражения. Противники Ваши отнюдь не злостные атеисты, способные "подорвать основы", но всего лишь люди, которые пытаются, как говорил Шекспир, найти сердцевину добра во зле, и которые в этих поисках заблудились. В конце концов, и Карсавин, и Сувчинский такие же искренне верующие христиане, как и мы с Вами. Карсавину в особенности, хотя я совершенно не согласен с некоторыми его положениями, я лично обязан новым пониманием христианства. Кроме того, князь Д.Мирский и Никитин (который сейчас возглавляет газету) — оба способные, рассудительные люди, умеющие смотреть на вещи с разных сторон. О Малевском и Арапове можно сказать то же самое"⁶⁵. Если бы я мог хоть как-то помочь объединить вас, рассчитывайте на меня. В конце концов, никто из нас не преследует своих личных целей, все мы ищем истину, чтобы в свете этой истины служить Аргентине. Служить ей мы можем, только восстановив свое единство, а для этого каждый должен сделать шаг по направлению к другому. Не будем забывать: "Каждый, кто приближается к Центру, приближается друг к другу"⁶⁶. Обращаясь к своему английскому опыту, он писал, что государственный деятель должен не только думать о целях своих действий, но и заботиться об их последствиях. "Мы должны думать о том, является ли евразийство достаточно сильным и единым для того, чтобы взять власть в России вслед за нынешним правительством. Сила в единстве, — говорят англичане, поэтому мы должны приложить все силы к тому, чтобы сохранить наше единство".

Отвечая Сполдингу, Савицкий благодарил его за преданность интересам движения, но не соглашался "капитулировать перед материализмом". Он писал, что никогда не покинет ряды движения, так как евразийство для него — это сама жизнь. Следующее письмо во всех деталях разъясняет природу раскола. В этом письме, занимающем более 30 машинописных страниц, Савицкий говорит со Сполдингом как с человеком, мнением и дружбой которого он чрезвычайно дорожит. Он пишет: "Весь опыт последнего года (начиная с выхода Вашей книги) дает мне основания говорить с Вами не как с "человеком со стороны", но как с *подлинным евразийцем*. Я обращаюсь к Вам как к человеку, которому евразийское дело так же близко, как мне самому"⁶⁷.

Ответственность за кламарский уклон Савицкий возлагал на П.П.Сувчинского, который читал марксистскую литературу, секретно встречался с советскими гражданами, посетил советское консульство. Генеральный консул, как пишет Савицкий, одобрил евразийство, но посоветовал избавиться от "бердяевщины", имея в виду религиозную философию. Сувчинский последовал совету, избавившись от материалов на религиозные темы в газете "Евразия". Однако Сполдинг считал, что за раскол должен отвечать и руководитель движения, он писал ему: "Смею Вам заметить, что здесь есть и Ваша вина: коллегам нелегко работать с Вами, им нередко кажется, что Вы их в чем-то подозреваете, они считают, что Вы скрытны и недоверчивы. Каким бы умным ни был человек, он не может руководить людьми, если между ними нет полного доверия" ⁶⁸.

Во второй половине июня 1929 г. Савицкий снова был в Англии и продолжал обсуждение проблем движения со Сполдингом. В конце января — начале февраля 1930 г. Савицкий снова побывал у него, а также встречался с В.Расторгуевым. В письме от 5 февраля 1930 г. В.Расторгуев приглашал Савицкого к себе в гости. В это время он жил в центре Лондона на Расселл Сквер, неподалеку от Британского музея и Блумсбери. Он писал: "Глубокоуважаемый Петр Николаевич! Очень рад буду познакомиться с Вами. Дома я буду завтра (четверг) и в понедельник вечером, а также, по всей вероятности, в воскресенье, но если Вы предпочтете зайти ко мне в воскресенье, то прошу заранее известить меня (по воскресеньям почты нет). Легчайший способ добраться до меня это доехать до Russell Square Underground Station. Marchmont Street упирается в станцию. № 80 будет через два квартала на правой стороне. Уважающий Вас В.Расторгуев" ⁶⁹. Рукой Савицкого пояснено: "Лондонский евразиец". Из этого пояснения явствует, что до этого времени Савицкий с Расторгуевым не встречались. Какую роль на этом этапе мог играть Расторгуев в движении, сказать трудно. Однако из переписки Савицкого следует, что некоторые лондонские евразийцы, такие как Е.Галицына и Расторгуев, не приняли сторону отколовшихся радикалов.

Кламарский раскол отразился на судьбе второй книги Сполдинга о евразийстве. Это было продолжение и развитие его книги "Russia in Resurrection", которую Вернадский цитирует в своей английской "Истории России". Новая книга Сполдинга была написана в конце 1928 — начале 1929 г. Автор предполагал тогда же издать ее, но этому помешал кризис. Савицкий писал об этом Вернадскому: "Потрясенный происшедшим, автор положил эту книгу под сукно. Его огорчала, конечно, гибель столь крупной работы (он посвятил ей не менее года)" ⁷⁰. Во вступительной статье Сполдинг упоминал газету "Евразия" до ее выхода в свет, еще не зная, какой характер примет это издание. Кламарские идеи совершенно противоречили принципам, изложенным в книге.

Сполдинг решил напечатать свою книгу в Америке, так как туда не докатились вести о скандальных событиях в движении, и там изданию книги мог помочь основатель евразийства Г.В.Вернадский. Савицкий, стремясь вернуть коллегу в поредевшие ряды евразийства, уговаривал его написать предисловие к книге Сполдинга. Характеризуя автора, Савицкий писал, что основательно общался с ним в январе 1929 и в феврале 1930 г. Кроме того, он имел о нем сведения и рекомендации со стороны. "За его моральные качества я ручаюсь, — прибавляет он, —

недостаток Сполдинга, а скорее одно из его преувеличенных достоинств, — чрезмерная снисходительность к людям. Однако идеологических вопросов его снисходительность не касается: никаким “сменовеховцем” он не станет”. В последние месяцы (Савицкий имеет в виду период кламарского раскола) Сполдинг показал себя “убежденным и устойчивым евразийцем”. Савицкий напоминает, что Сполдинг помог издать “Евразийские временники”: номера четвертый и пятый, а также “Начертание русской истории”. Савицкий настойчиво убеждал Вернадского по-дружески отнестись к Сполдингу, так как он мог помочь евразийцам, и в частности им обоим, “остаться в рамках русской культуры, продолжить печатание научных работ по-русски”.

К достоинствам книги Савицкий относил широту охвата исторического материала, а также объективное отношение к русскому дореволюционному порядку, что, как он отмечает, “у европейцев встречается весьма редко”. “Судьба книги, — убеждает Савицкий Вернадского, — в Ваших руках. Отрицательный или отсылочный (с советом обратиться к другому) ответ был бы смертным приговором для книги. Гибель книги — большая потеря для русского дела”. Савицкий советует Вернадскому, в случае необходимости, предложить автору сделать исправления в рукописи, либо сделать замечания во введении к книге. В литературном смысле Савицкий считал книгу “вполне на уровне” и просил Вернадского подыскать для нее американское издательство, желательно где-нибудь в Калифорнии, где есть русские связи. Савицкий подчеркивает, что книга “принадлежит перу одного из самых горячих россиелюбов”. Первоначально книга называлась “Россия сегодня и завтра”, затем название было заменено на “Земля Востока и Запада”. На этот раз Сполдинг решил выступить под новым псевдонимом, в переводе звучащем как “Свет”: E.R.Light “The Land of East and West”. Книга, однако, не вышла ни под тем, ни под другим названием. Путмен, один из возможных американских издателей, отказался от рискованного предприятия, несмотря на то, что Сполдинг вкладывал в издание собственные деньги.

Поездки Савицкого в Англию и выяснение отношений со Сполдингом не изменили положения в евразийстве. Савицкий остался при убеждении, что кламарская деятельность — это измена главным принципам евразийства. “Кламарская группа, — писал он, — отделилась от идеологического источника евразийства. Она сделалась местом приложения сил литературных критиков и эстетов, из снобизма или по каким-либо другим соображениям ставших коммунистами”⁷¹. Искания их Савицкий определял как “салонный коммунизм”. Его возмущала не столько перемена во взглядах Сувчинского и Д.Мирского, сколько то, что для выражения своих взглядов они воспользовались именем евразийцев, “не ими созданным авторитетом и известностью”, а также типографией и денежными средствами, принадлежавшими всему движению. Раскол в евразийстве явился началом конца движения: кламарцам оставалось существовать не более двух лет, “классическому” евразийству П.Н.Савицкого — еще десятилетие. Несмотря на попытки сплотить евразийские силы, по верному предсказанию Сполдинга, евразийство не смогло вернуть свои прежние позиции. Д.Мирский и П.Сувчинский оказались за бортом движения, но к этому времени они не дорожили своими связями с ним.

После распада евразийства Сполдинг не утратил интереса к русским делам, его продолжала привлекать православная религия, русская философская и ре-

лигиозная мысль. Он верил в объединение человечества на духовной основе. В 1930-х — 1940-х годах он финансировал Содружество Св. Албания и Преподобного Сергия, которое объединяло англикан и православных. В деятельности этого содружества участвовали две дочери Сполдинга. В дневнике дочери Сполдинга Анны (Anne Ribe Heather, р. 18.11.1911), который она начала 18 ноября 1932 г., среди гостей семьи упоминаются: о. Сергей Булгаков, о. Георгий Флоровский, епископ Антоний Блум, о. Николай Гиббс, проф. Л.А.Зандер, князь Д.Мирский, М.И.Терещенко, И.И.Билибин; князь и княгиня Галицкие, их дети Николай, Джордж, Иммануил; фрейлина царицы баронесса Буксгевден, Михаил и Моника Будберг; члены семьи Геруа, пианист Чавчавадзе, спиритуалистка Е.А.Доленц, М.Бутенева, Т.Дезен. В библиотеке Анны Сполдинг немало книг русских авторов на английском языке: Г.П.Федотова, А.Ф.Мейендорфа, С.Н.Булгакова, Л.А.Зандера, Н.О.Лосского, есть книги с дарственными надписями Н.М.Зернова. Н.Сполдинг дал возможность нескольким русским студентам из эмигрантов, в том числе Вадиму Нарышкину и Марии Пуццинной, закончить Оксфордский университет. В конце 1920-х годов В.Нарышкин выступал в печати на евразийские темы: его статья “Нечто о евразийстве” была опубликована в “Военном вестнике” (Прага), а затем перепечатана в ревельской газете “Рассвет”⁷².

Благодаря Сполдингу, в Оксфордском университете была учреждена кафедра по истории православной культуры, которую занял Н.М.Зернов. По воспоминаниям Зернова, Сполдинг посещал дом Св.Василия в Оксфорде, подробно расспрашивал его основателей об их работе, литературных и научных планах⁷³. Н.Сполдинг учредил в Оксфорде курс лекций по православной культуре, читать который было поручено Н.М.Зернову. Сполдинг планировал также основать экуменический центр, который возглавили бы Николай и Милица Зерновы, но этот план не удалось реализовать. Вместе с женой Сполдинг основал фонд (Spalding Trust) для “развития взаимопонимания между великими культурами мира посредством изучения религиозных принципов, на которых они основаны”. Для достижения этой цели Фонд финансирует колледжи, библиотеки, а также отдельных ученых.

Второй труд Сполдинга, посвященный евразийству не пропал: в 1939 г. на основе книги “The Land of East and West” он выпустил историософский труд “Цивилизации Востока и Запада”. В эти же годы помимо исторических исследований Сполдинг писал стихи. Среди его сонетов есть идеалистические и утопические стихи, посвященные Советской России. Его сборник “Прославление жизни” (“In Praise of Life”, 1952) включает величальные сонеты “Большевистская Россия” и “Ленин”. Так что уверенность Савицкого, что Сполдинг никогда не сменит вехи, не оправдалась. Но если перемена во взглядах Сполдинга никак не отразилась на его повседневной жизни, то новые убеждения Д.Мирского роковым образом изменили его судьбу.

Возвращение Д.П.Святополк-Мирского в Россию

1928 год, как отмечал Д.Мирский в одном из писем к М.Горькому, был для него переломным: он находился, по его словам, в самом начале той дороги, которая привела его “к полному и безоговорочному принятию коммунизма”⁷⁴. В начале

января этого года Д.Мирский и Сувчинский побывали у М.Горького в Сорренто⁷⁵. До встречи с Горьким Д.Мирский не раз писал о нем для английских читателей: в журналах "Лондонский Меркурий" и "Современное обозрение", в "Истории русской литературы за 1885-1925 годы", в сборнике статей о современных течениях европейской литературы. М.Горький был в эти годы самым широко известным и читаемым русским писателем в Англии. Д.Мирский писал о нем как об одном из величайших писателей современности, но в то же время анализировал двойственность его политической и нравственной позиции, которая сказывалась на его художественном творчестве. Публицистику М.Горького Д.Мирский ставил выше его романтических рассказов и поэм, он писал: "Его статьи, написанные во время войны и революции, будут более высоко оценены потомками, чем экзотические воров и бродяги его ранних произведений". Речь идет о "Несвоевременных мыслях", публиковавшихся в "Новой жизни".

Непосредственное общение с М.Горьким в Сорренто произвело на Д.Мирского неизгладимое впечатление. Он не раз подчеркивал, что эта встреча стала одним из поворотных событий в его жизни. В своем первом письме к Горькому, написанному сразу после встречи, Д.Мирский признается: "У меня чувство, как будто я был не в Сорренто, а в России, и эта побывка в России меня страшно выпрямила"⁷⁶. В статье "Как я стал марксистом" Д.Мирский вспоминал: "Личное знакомство с Максимом Горьким, которого я посетил ранней весной 1928 г. в Италии, произвело на меня сильнейшее впечатление"⁷⁷. Более детально воздействие встречи описано в "Истории одного освобождения": "Моему перевоспитанию немало способствовала личность Максима Горького, к которому мы с Сувчинским приехали в Сорренто. Оставляя в стороне незабываемое впечатление, которое произвел на меня великий "шармер", каким несомненно был Горький, эта встреча явилась для нас первым непосредственным сближением с теми, кто был "по ту сторону баррикад". Эта встреча была для нас первым вдохом чистого материалистического воздуха, повеявшего из краев, не зараженных метафизическими миазмами, которыми мы до сих пор дышали"⁷⁸. Более конкретно о влиянии М.Горького говорил в своих воспоминаниях П.П.Сувчинский: "Я часто встречал Горького в России, а потом в Сорренто. Д.Мирский однажды попросил меня поехать с ним, и мы провели Рождество у Горького. <...> Горький уговаривал нас ехать в Россию: "Я вас устрою", и он убедил Д.Мирского и меня"⁷⁹. Р.Иванов-Разумник, основываясь на свидетельствах лиц, знавших Д.Мирского, также подтверждал, что на его решение о возвращении повлиял М.Горький. Он писал: "Он прельстился увещаниями Максима Горького (много зла натворил этот человек!), его рассказами о расцвете писательской деятельности в России после падения ВАПП'а, "репатрировался", вернулся на родину и скромно встал там просто "Мирским" в печальные ряды советских критиков и историков литературы, вынужденных поголовно стать марксистами"⁸⁰. М.Горький мог повлиять на Д.Мирского и не убеждая его вернуться в Россию, а просто дав ему понять, что он может рассчитывать на его помощь и поддержку.

В последовавшие за расколом евразийства годы Д.П.Святополк-Мирский сделал решающие шаги для создания себе имени в кругах европейских коммунистов.

Он сблизился с коммунистическими партиями Франции и Англии, по заданию последней написал книгу о Ленине, подготовил книгу по социальной истории России, а в 1931 г. вступил в коммунистическую партию Великобритании. В Париже в эти годы Д.Мирский общался с представителями Советской России. В своих письмах к секретарше Б.Пэrsa Д.Голтон он сообщает о встречах с советскими делегациями (письмо от 30 июня 1931 г.) о предстоящей встрече с "возвращенцами", которым он собирался читать лекцию о политическом положении (письмо от 9 июля 1931 г.)⁸¹. В 1932 г. он бывал в Обществе сближения с Советской Россией (SCR), входил в просоветский клуб Great Britain-USSR. Несмотря на то, что в эти годы Б.Пэрс тоже проделал определенную эволюцию в сторону признания заслуг советской власти, его отношения с Д.Мирским чрезвычайно осложнились. Если бы Д.Мирский стал социалистом, это никого бы не смутило, но высказывать коммунистические взгляды преподавателю британского университета было не к лицу. У Д.Мирского как политического эмигранта был "нансеновский паспорт", который давал ему право жить в Европе и путешествовать по странам Запада. Но для того, чтобы получить работу в Англии, ему было необходимо ежегодно возобновляемое поручительство в Министерстве внутренних дел. Его поручителем, от которого зависело продление визы, был Б.Пэрс. Поведение Д.Мирского ставило под удар репутацию его поручителя, и Б.Пэрсу оставалось только избавиться от него, отказавшись возобновить свое поручительство. Для такого отказа ему нужно было печатное подтверждение неблагонадежности Д.Мирского. В январе 1931 г. Б.Пэрс потребовал, чтобы Д.Мирский дал для "Славянского обозрения" статью с выражением политических взглядов, но он не поддался на эту провокацию. После объяснения с Б.Пэрсом, 23 января Д.Мирский написал ему отповедь:

"Уважаемый сэр Бернард,

мне пришлось уйти, не закончив нашего разговора, и боюсь, что я не совсем верно объяснил Вам, почему я не испытываю восторга по поводу Вашего предложения написать политическую статью для "Славянского обозрения". Я привел не самые главные доводы. Главная же причина в том, что мне хорошо известны Ваши политические взгляды. И я знаю, что Вы не воспринимаете всерьез мои политические взгляды, что Вы смотрите на меня по большей части как на забавного *enfant terrible*⁸². Я понимаю, что для такого мнения обо мне есть достаточно оснований, но и Вы должны понять, что при таком отношении мне приходится быть очень осторожным в высказывании своих взглядов как Вам лично, так и в Ваших изданиях. С моей стороны было бы недостойно по отношению к моим идеям писать о них в издании, где на меня смотрят как на курьез. Не думайте, однако, что я чувствую себя оскорбленным: каждый человек заслуживает того мнения, которое о нем сложилось, а Ваше личное ко мне отношение всегда было безмерно великодушным. Однако к своим убеждениям я отношусь серьезно и не намерен профанировать их публичным высказыванием в обществе, где на меня смотрят как на посмешище. Боюсь, что положение это безвыходно, так как вряд ли Ваше мнение обо мне когда-нибудь изменится. Я решил, что будет лучше, если я выскажу это на бумаге, спокойно. Надеюсь — и даже уверен — что Вы не истолкуете моего письма в неверном свете"⁸³.

В тот же день Д.Мирский получил письмо Б.Пэrsa, в котором тот писал, что журнал "Slavonic Review" является важнейшей частью работы Школы славянских

исследований, и что сотрудничество в нем является неременной обязанностью каждого штатного сотрудника Школы. В письме звучит прямая угроза: "Вряд ли мы можем позволить себе оставить в штате лектора по русской литературе, который отказывается писать для "Slavonic Review"". Пэрс требовал, чтобы Д.Мирский высказал свои взгляды даже в том случае, если они расходятся с его собственными: "Наш принцип в том, что любые взгляды имеют право и должны быть высказаны".

Прочитав этот ультиматум, Д.Мирский приписал к своему письму несколько строк: "Я только что получил Ваше письмо. Я вполне понимаю Вашу точку зрения, но я не припомню, чтобы приглашая меня на должность лектора по русской литературе, Вы ставили мне условием написание *политических* статей для "Славянского обозрения". Убедительность аргументации Д.Мирского могла вызвать лишь озлобление Пэрса. Но Д.Мирский не остановился на достигнутом. 11 марта 1931 г. он выступил в журнале "The Listener" с обзором книг о России. Обзор включал оценку "Русских мемуаров" Б.Пэрса ("My Russian Memoirs, 1931), о которых Д.Мирский писал: "Профессор Пэрс имеет давние и глубокие связи с Россией, но коммунистическая революция сбila его с ног, и сейчас мы видим в нем одного из самых ярких выразителей антисоветизма в Англии. <...> Его взгляды на русские проблемы по сей день определяются его друзьями-эмигрантами. <...> С 1919 г. он ни разу не был в России, и потому последняя глава его книги воспоминаний содержит лишь материал из вторых рук"⁸⁴.

30 июня 1931 г. Д.Мирский опубликовал свое новое кредо "Почему я стал марксистом"⁸⁵ в английской рабочей газете "Дэйли уоркер", а 1 сентября в "Нувель ревю франсез" в Париже была опубликована статья на ту же тему: "История одного освобождения"⁸⁶. В этом очерке истории своего идейного кризиса Д.Мирский пошел до конца в переоценке всех ценностей. Расцвет философского идеализма, который в прежних своих работах Д.Мирский определял как "религиозно-философское возрождение", здесь он характеризует как "метафизические миазмы". В привлекавшем его ранее мистицизме он видит теперь философскую экзотику, упадок мышления. Он отрицает заслуги русского идеализма в истории мысли, достижения символизма в поэзии и эстетике. "Освобождение", как явствует из этого очерка, состояло в "сбрасывании оков" идеалистического мировоззрения и в переходе на материалистические позиции. Автор признается, что всегда питал внутреннюю склонность к материализму, однако крепкие пути традиционного философского образования связывали его с идеализмом. От пут идеализма, как сообщает Д.Мирский, его освободило знакомство с работами Ленина и Сталина.

С переоценкой русской идеалистической философии и русского религиозного ренессанса логически связан в очерке Д.Мирского пересмотр взглядов на евразийство. Д.Мирский полностью отказывается от своих прежних оценок движения, так же как и вклада его представителей в развитие русской философской и политической мысли. Если раньше он ставил идеи евразийства на первое место среди интеллектуальных достижений эмиграции, то теперь он полностью отрицает их значимость: "Евразийство это не более чем типичный продукт того мистического и метафизического "ренессанса", который охватил Россию после поражения революции 1905 г. Идеалистические, мистические, или виталистические фантазии — это естественное убежище для разлагающейся буржуазии, у которой нет смелости для мате-

риалистического мировосприятия, то есть для того, чтобы видеть вещи такими, каковы они есть," — пишет он. Евразийцы, по его словам, это "прямые потомки религиозных философов". Они вышли из русского религиозного идеализма, и в этом основное препятствие для их развития⁸⁷. Д.Мирский определяет евразийство как разновидность реакционного национализма, а как на наиболее характерные его черты указывает на неприятие запада со всеми особенностями его менталитета, такими как "материализм", рационализм, индивидуализм. Теперь он не признает за движением никаких оригинальных идей, подчеркивая его декадентский характер, подражательность, зависимость от предшественников как по содержанию, так и по форме выражения мыслей.

Д.Мирский дает в этом очерке самокритичное и убедительное объяснение своей увлеченности евразийством, которое, наверно, можно распространить и на некоторых других участников движения: "В те годы, когда я сблизился с евразийцами, мы, эмигранты, привыкшие считать себя элитой нации, ощутили себя настоящими париями, людьми низшими — и по отношению к удачливой буржуазии запада, и по отношению к победившим рабочим и крестьянам собственной страны. Поэтому было таким утешением узнать, что все происходящее — только видимость, что русская культура ближе к Богу, чем западная, что на самом деле революция свершилась во имя нашей России, что ее марксистская скорлупа будет со временем сброшена и мы вернемся в наше отечество с честью и вновь станем вождями и сливками нации"⁸⁸. Развивая далее эту мысль, Д.Мирский пишет: "Революция разбила наш класс, эмиграция поставила нас в совершенно новые условия, лишив нас того, что принадлежало нам "по праву" <...> Мы более не были частью правящей буржуазии, мы деклассировались, мы потеряли работу; в лучшем случае мы могли равнять себя с интеллектуалами из мелкой буржуазии".

Свой интерес к евразийству, в частности к проблеме национальной культуры, Д.Мирский объясняет тем впечатлением, которое произвела на него литература Советской России: "Главным аспектом, в котором раскрывалась для меня национальная проблема в 1924-26 годах, была советская литература. Первая волна послереволюционной литературы вышла из недр формалистических и эстетических движений, тесно связанных с "ренессансом" начала века. Нам были близки по духу эти революционеры — правда, не коммунисты, но те, которых можно назвать националистами, может быть и "большевистского" толка. Их произведения казались нам истинным выражением самобытной и вечной Руси, которая продолжала существовать где-то над хаосом классовой борьбы. Бабель, Пастернак, Маяковский явились подлинным голосом того подвижного единства, которое представлялось нам Россией: в их произведениях бесследно тонули надуманные теории социальной борьбы классов"⁸⁹. Евразийская трактовка литературы, как пишет Д.Мирский в этом очерке, сложилась в журнале "Версты"⁹⁰. Свой журнал он характеризует как "анти-эмигрантский по тону, хотя и далекий от коммунизма". О движущей идее журнала он пишет: "Мы утверждали самобытность и вечную сущность России, большевизм представлялся нам временной личиной, принятой Россией. Именно советские поэты (но не коммунисты!) были для нас голосом этой вечной России". Знакомство с советской литературой позволило, продолжает он, более глубоко всмотреться в те перемены, которые происходили в СССР, литература пробудила интерес к другим

источникам познания новой России. К 1928 г. создатели журнала почувствовали, что они "незаметно для самих себя, но твердо и решительно" перешли на коммунистические позиции.

9 декабря 1931 г. Д.Мирский нанес очередной удар Пэрсу в издании "The Listener", еще резче высказавшись о его книге воспоминаний в новом обзоре литературы о России. "Все эти книги, — пишет критик, — хорошо иллюстрируют мнения и восприятия английского среднего класса в отношении новой России. Крайне антисоветскую позицию представляет сэр Бернард Пэрс, один из самых активных пропагандистов антисоветчины в этой стране. Но поскольку он никогда не бывал в Советском Союзе, его произведение содержит мало полезной информации"⁹¹. 1 января 1932 г. в "The Listener" появился "протест" Ситона Уотсона, в котором он утверждал, что Д.Мирский не имел права критиковать Пэрса в печати потому, что он и сам еще не был в России. В заметке в вину Д.Мирскому вменялось и то, что он собирался туда ехать.

Хотя всем были хорошо известны парадоксальные суждения и непредсказуемый характер Д.Мирского, никто не ожидал, что перемена убеждений приведет его к решению вернуться в Россию. Его бунтарство многим казалось игрой. Вот например, как представляла себе его идейные колебания Флора Соломон, автор воспоминаний "От Баку до Бейкер стрит": "У Дмитрия Святополк-Мирского, сына либерального царского министра, большого бон-вивана, вечно не хватало денег на выпивку. Мы встречались в Париже, когда работали вместе над чудесным изданием "Краткой истории Московии" Мильтона, вышедшей в последний раз в XVII веке. Дмитрий изменил традициям семьи, сделавшись, по иронии судьбы, коммунистом. Правда, за обедом, под влиянием избытка вина он совершенно забывал о своем коммунизме и возвращался на круги своя. Однажды в ресторане он поднялся с места и, нетвердо стоя на ногах, призвал всех присутствующих присоединиться к его тосту за династию Романовых"⁹². Хорошо знавший Д.Мирского А.Ф.Мейендорф описывал эпизод, представляющий эпатаж совершенно противоположного свойства. Он вспоминал, что будучи молодым гвардейцем, Д.Мирский отказался пить за здоровье царя, за что был уволен из полка. Мейендорф считал, что новообращение Д.Мирского было искренним: оно вполне соответствовало его романтическому бунтарству. Как и многие другие, он полагал, что Д.Мирский был психически неуравновешен. Это мнение, видимо, имело основания: из писем Д.Мирского друзьям и коллегам явствует, что он постоянно лечился во Франции от нервных расстройств.

Колебание между противоположными устремлениями наблюдается у Д.Мирского и в решении уехать в Россию. У него была реальная возможность устроить свою судьбу иначе: один из самых близких его друзей М.Т.Флоринский (1894-1981) предлагал ему переехать в Америку. Первые годы своей эмиграции Флоринский провел в Лондоне, работая ученым секретарем П.Г.Виноградова. После его смерти, в 1926 г. Флоринский переехал в Нью-Йорк. Как и многих его соотечественников, Америка привлекала Флоринского более широкими возможностями в карьере и более высокой зарплатой, при той же стоимости жизни, что в Европе. Благоприятные обстоятельства, сложившиеся в Америке, позволили Флоринскому, юристу по образованию, стать известным историком. По материалам работы с П.Г.Виноградовым он написал книгу "The End of the Russian Empire" (1931), а позднее

подготовил двухтомный труд по истории России ("Russia: A History and an Interpretation", 1953). 13 марта 1926 г. Флоринский писал Д.Мирскому из Нью-Йорка: "Встретили меня здесь очень мило, у меня великолепная отдельная комната на службе, денег дают значительно больше, чем в Лондоне, а жизнь стоит не многим дороже, по крайней мере я устроился гораздо комфортабельнее, чем в Лондоне, и не дороже. <...> Здесь чувствуется масса возможностей, которых нет в Европе, но страшно думать, что три тысячи миль отделяют меня от Лондона, Капри и Саида..."⁹³. В письме от 8 мая 1926 г. М.Флоринский предлагал и Д.Мирскому переехать в Америку: "Не согласились бы Вы переехать в Нью-Йорк? Колумбийский университет, вероятно, Вас взял бы с удовольствием"⁹⁴. В 1928 г. Д.Мирский побывал в Америке во время летней сессии и выступил с лекциями в Колумбийском, Корнеллском и Чикагском университетах. 24 января 1930 г. Д.Мирский писал М.Флоринскому: "Я вдруг (не совсем вдруг) пришел к заключению, что мне надо переселиться в Америку. <...> Сожительство с Персом <...> становится нестерпимо. Кроме этого никаких перспектив лучшего. В СССР я все-таки, несмотря на мой коммунизм, поехать не могу — что ни говори, а социально чужд. Остается Америка"⁹⁵.

Год спустя, 30 декабря 1930 г., он обратился к М.Горькому со страстной просьбой помочь ему вернуться в Россию и с пылом убеждал его в своей преданности идеалам коммунизма: "Мое сокровенное желание посвятить какие у меня есть силы делу Ленина и Советских Республик"⁹⁶. Он напоминал о своих связях с европейским коммунистическим движением, о том, что он написал книгу о Ленине, которая, как он надеялся, должна послужить ему пропуском в СССР. В своей решимости добиться цели Д.Мирский обратился к М.Будберг с просьбой повлиять на М.Горького, и она взялась за это. В письме от 14 марта 1931 г. она писала М.Горькому, умело подогревая его писательское тщеславие: "Видела Д.Мирского — он писал Вам? Его "Жизнь Ленина" на днях выходит. Он, кажется твердо решил поехать в Россию. Вы думаете это удастся? Кира ходит слушать его лекции в King's College, недавно он читал о Вас и Кира в своей тетради записала с его слов: "Никто, никогда не произносил слово Человек так, как это сделал Горький"⁹⁷. М.Горький попросил своего секретаря П.П.Крючкова уточнить, что нужно делать Д.Мирскому, чтобы получить советский паспорт и визу. Крючков ответил: "Мирскому необходимо подать заявление в ЦИК и пусть он через Вас перешлет просьбу в Москву"⁹⁸.

17 февраля 1931 г. Д.Мирский выслал М.Горькому свое заявление в ЦИК и 31 июля получил из лондонского полпредства извещение о том, что он восстановлен в советском гражданстве. Из следующего письма Д.Мирского, от 13 августа 1931 г., выясняется, что он еще не получил паспорт. Кроме того, у него появились сомнения и новые соображения о переезде. Он узнал, например, что с советским паспортом он не сможет вернуться в Англию. К такому повороту событий он, привыкший свободно передвигаться по европейским странам, не был готов. В это время он выслушивал советы от многих и разных людей, которые могли повлиять на его решение в ту или другую сторону. В 1931 г. Д.Мирский встречался с советским послом в Лондоне Г.Я.Сокольниковым и его женой писательницей Г.И.Серебряковой⁹⁹. Незадолго до этой встречи Сокольников и Серебрякова побывали у Горького в Сорренто, в беседе был затронут вопрос о Д.Мирском. Сокольников

считал, что дело Д.Мирского "по самому существу не может не затянуться", но обещал со своей стороны помочь¹⁰⁰. Профессор Янко Лаврин, английский русист славянского происхождения, много лет живший в России, хорошо знавший Д.Мирского, считал, что его уговорил ехать в Россию именно Сокольников¹⁰¹.

В письме от 10 июля 1930 г. Д.Мирский рассказывал Д.Голтон, что он был у хиромантки, с которой каждую неделю консультировался французский премьер-министр. Гадалка предостерегала Д.Мирского против поездки "туда, куда он собирался ехать". В этом предостережении Д.Мирский усматривал "империалистическую интригу". В открытке от 19 ноября 1930 г. он рассказывал Д.Голтон свой сон, состоявший из длинного разговора с "высоко стоящим чином ГПУ". История с получением Д.Мирским советского паспорта и визы весьма запутанна. 18 июля 1931 г. он сообщал Д.Голтон: "Только что получил письмо из лондонского консульства о том, что я восстановлен в советском гражданстве. Но паспорт еще не получен". Д.Мирский просил сохранить это сообщение в тайне от Пэрса, от которого зависело продление его английской визы. Письмо Д.Мирского к Голтон от 9 августа 1931 г. не оставляет сомнений в том, что он надеялся, запасшись на всякий случай советским гражданством, продолжать работать в Англии. Хватаясь за соломинку, он просил ее о помощи: "Я прилагаю письмо Б.Пэрса. Что Вы об этом думаете? Как Вам кажется, будет ли он мне еще помогать? И если нет, не могли бы Ваши друзья лейбористы помочь мне восстановить свое положение? Не кажется ли Вам, что это так вульгарно с его стороны в отместку за отказ во въезде в Россию лишать меня возможности восстановить мои права в Англии? Так ли должен вести себя английский джентльмен?" 21 августа он пишет из Сен-Клера: "Я должен вернуться в Англию перед тем, как ехать в Россию: было бы легкомысленно уехать, не выяснив своих отношений с Королевским колледжем". 21 сентября он пишет из Парижа: "Я получил бумаги только на днях, но я поеду не раньше конца этого года. И если поеду, то насовсем". И дальше: "Вы видели мою статью в "Ла Нувель Ревю Франсез"? Здесь она произвела сенсацию"¹⁰². Д.Мирский, видимо, не усматривал связи между своими коммунистическими выступлениями в печати и отказом Пэрса оставить его при университете. Нежелание иметь дело с коммунистом казалось Д.Мирскому вульгарной ограниченностью, так как коммунизм вошел в Англии в моду и получил распространение даже в светских кругах. В общественно-политической сфере, в противоположность академической, его акции выросли. В начале 1932 г. он получил приглашение бывать в доме известных социалистов Беатрис и Сидни Уэббов. Он выступал с лекциями о России в Фабианском обществе, а затем перед рабочими в Манчестере, где, по отзывам "Манчестер Гардиан", имел большой успех. Его увлеченность новыми идеями оказывала заражающее действие: английский лейборист Дэвид Уилсон, например, в своей автобиографической книге пишет, что встреча с Д.Мирским стала поворотным пунктом в его жизни, так как после нее он вступил в коммунистическую партию¹⁰³.

Однако дело было, видимо, не в коммунистических взглядах Д.Мирского, а в его характере, в неприемлемом для начальства сочетании независимости, капризности и высокомерия. Возможно не без участия Б.Пэрса в 1932 г. в "Морнинг Пост" Д.Мирский был объявлен коммунистическим агитатором. После этого он немедленно лишился своей должности в университете. На его место прочили известного

критика Миддлтона Марри. 7 января 1932 г. Д.Мирский писал Голтон: "Меня задевает кандидатура Миддлтона Марри на мое место заведующего кафедрой. Я его не уважаю и не жажду обменяться с ним рукопожатием. <...> Нельзя ли найти кого-нибудь вместо него? Это не ультиматум, но я не хочу, чтобы меня с ним как-то связывали".

Незадолго до отъезда Д.Мирский побывал у своих английских друзей в Блумсбери: они отговаривали его от переезда в Россию. Вирджиния Вулф предвидела трагическую судьбу Д.Мирского. В своем дневнике за 28 июня 1932 г. она оставила запись о его визите: "Двенадцать лет он скитается в Англии по меблированным квартирам, а сейчас возвращается в Россию — "навсегда". Наблюдая, как загораются и снова гаснут его глаза, я вдруг подумала: скоро быть пуле в этой голове. Вот что делает война, словно говорит этот загнанный в угол, попавший в западню человек" ¹⁰⁴. Ленард Вулф тоже описал этот вечер: "Однажды Д.Мирский пришел к нам на Тэвисток Сквер и сказал, что он возвращается в Россию. Было это, кажется, в 1931 г. К тому времени уже многое стало известно о той жизни (и той смерти), которая ждала интеллигента в сталинской России. Решение такого человека как Д.Мирский добровольно поехать в Россию было очевидным безумием, самоубийством: он предавал себя во власть разъяренных фанатиков, у которых не могло быть к нему ни малейшего сочувствия. Мы достаточно близко знали Д.Мирского, чтобы не сказать ему об этом со всей откровенностью. Но он проявил удивительную скрытность, словно отряхивая с себя все наши доводы. И все же в тот вечер он ушел от нас в дурном настроении, словно и сам понимал, что с открытыми глазами идет на гибель. Больше мы его никогда не встречали" ¹⁰⁵.

В письме от 10 июля 1932 г. Д.Мирский сообщил М.Горькому о своем окончательном решении "переехать в Союз на житье". Следующее письмо, от 30 сентября, послано из Ленинграда. Письмо Д.Мирского к Д.Голтон от 19 октября послано из гостиницы "Интурист" в Москве. Он писал: "Мое положение пока довольно неопределенно. Предложений по работе очень много, но я до сих пор не решил, на чем я остановлюсь как на основном деле. Я до сих пор еще не видел страну, хотя встречался со многими людьми, по большей части с литераторами, так как это для меня линия наименьшего сопротивления". Вскоре он включился в привычный ритм жизни: неделю спустя он просил выслать научные книги для рецензирования в сборнике "Под знаменем марксизма". Эту работу ему заказали в философском отделении Академии наук, по адресу Волхонка, 4, куда он и просил выслать книги.

Возвращение Д.Мирского в Россию состоялось почти одновременно с возвращением М.Горького. Писатель продолжал покровительствовать ему и наблюдать за тем, как складывается его судьба. Д.Мирский интересовал М.Горького с психологической точки зрения, как пример "изменника своему классу". В 1922 г. в статье о Савве Морозове он писал: "...В России "белые вороны", "изменники интересам своего класса" — явление столь же частое, как и в других странах. У нас потомок Рюриковичей — анархист, граф — "из принципа" — пашет землю и тоже проповедует пассивный анархизм; наиболее яркими атеистами становятся богословы; а литература "кающихся дворян" усердно обнажала нищету своей сословной идеологии" ¹⁰⁶. Десятью годами позже М.Горький продолжает это наблюдение в письме к Р.Роллану уже на новых примерах, включая и Д.Мирского: "Есть несколько инте-

ресных фактов психологической перестройки: например, граф Стенбок-Фермор, наследник богатых уральских промышленников, гвардейский офицер армии Вильгельма II, вступил вместе с десятком других офицеров в немецкую коммунистическую партию; князь Святополк-Мирский, сын бывшего министра внутренних дел, тоже объявил себя коммунистом, и сын князя Хилкова, проживающий в Бельгии, бывший офицер, а теперь рабочий-шахтер, внезапно порвал всякие связи с эмигрантами. Однако эти отдельные случаи нравственного возрождения еще не позволяют, разумеется, делать серьезные выводы”¹⁰⁷.

М.Горький стремился помочь Д.Мирскому войти в литературный мир России еще до его отъезда из Англии. В июне 1932 г. он рекомендовал его М.Е.Кольцову в качестве автора журнала “За рубежом”: “Он — член английской компартии, отлично знает быт и настроения английской интеллигенции”¹⁰⁸. Вскоре по приезде М.Горький заказал Д.Мирскому статью об английской интеллигенции, за которую критик с готовностью взялся. Статья была опубликована в “Литературной газете”¹⁰⁹. 1 декабря 1932 г. Д.Мирский спрашивал Д.Голтона: “Видел ли кто мою статью об английской интеллигенции в “Известиях”? Что они об этом думают?” В октябре 1933 г. он сообщил, что на основе этой статьи написал книгу об английской интеллигенции и готовит другую — об имперской буржуазной литературе Франции и Англии. В 1934 г. книга “Интеллидженсия” увидела свет в России. М.Горький писал о ней: “Недавно вышла весьма интересная, очень острая книжка Д.Мирского “Интеллидженсия”, в ней характеризуется интеллигенция Англии и между прочим сказано, что буржуазия, “признав ограниченность познавательных способностей своих, отказалась от познания закономерностей и ограничивает мышление только оценками”. Это — сугубо правильная мысль, особенно в ее приложении к явлениям социальным”¹¹⁰. В 1935 г. книга вышла в Лондоне в переводе на английский А.Брауна¹¹¹. В Англии книга Д.Мирского задела не одно самолюбие. Как англичане, так и русские считали, что он использовал во зло английское гостеприимство. Прочитав книгу, Вирджиния Вулф записала в дневнике 16 марта 1935 г.: “За последнее время я пережила три предательства: Уиндем Льюис, Д.Мирский и теперь еще Суиннертон. Над Блумсбери смеются, а с его крушением и я делаюсь ненужной”¹¹².

В первых письмах из России Д.Мирский писал Д.Голтона, что нигде не был кроме Москвы, а в Москве видел только электрозавод, где был уже несколько раз. Но вскоре ситуация изменилась и ему довелось за короткое время объездить всю страну. Горький вовлек его в работу над историей фабрик и заводов, и Д.Мирский, десять лет проживший между Лондоном и Парижем, ездил по заданию редколлегии в Центральную Азию, до афганской границы и отрогов Памира, на Белое море, на Урал. Работая в большом писательском “колхозе”, он участвовал в подготовке книги о строительстве Беломорско-Балтийского канала (1934), в которой он написал историческую часть главы “ГПУ, инженеры, проект”. В следующем году под редакцией М.Горького и Д.Мирского вышла книга “Были горы Высокой” (1935) о высокогорском железном руднике. Д.Мирскому в этой книге принадлежит вторая часть предисловия (первая написана М.Горьким) и историческая справка о руднике. Хотя Д.Мирский хотел работать в России только в качестве историка (об этом он писал в письме к М.Горькому от 10 июля 1932 г.), ему поручалась и литературоведческая работа. По заданию М.Горького он написал для альманаха “Год шест-

надцатый" статью о Д.Джойсе, которую писатель одобрил, несмотря на "немножко тяжеловатый язык". Для следующего альманаха "Год семнадцатый" Д.Мирский подготовил статью "Социальные корни современного декадентства". М.Горький тщательно проанализировал ее в единственном сохранившемся письме его к Д.Мирскому, но статья так и не была опубликована¹¹³.

В Москве Д.Мирского поначалу занимала новизна впечатлений, предельная занятость отвлекала его от проблем быта. Но энтузиазм в его письмах в Англию постепенно сменялся раздражением, а потом и отчаянием. Вырастало множество бытовых проблем, трудно было доставать необходимые книги. Почти в каждом письме он просил Д.Голтона купить ему вещи, в том числе одежду, на те деньги, которые он предусмотрительно оставил в Англии. Он начал с нетерпением ожидать писем, посылок и приезда коллег из Европы. В начале октября 1932 г. Д.Мирского встретил в Москве его английский знакомый Малколм Магтеридж. В письме Д.Голтона Д.Мирский характеризовал его как "пример типичного радикального оксфордского интеллектуала". В своем дневнике за 4 октября 1932 г. Магтеридж оставил запись об этой встрече: "Я столкнулся с Д.Мирским в "Новой" московской гостинице. Бывший князь при царском режиме, он сделался фанатичным коммунистом и имел храбрость вернуться в Россию, несмотря на то, что его отец в 1905 г. был царским министром внутренних дел, и несмотря на то, что он сам воевал против большевиков во время гражданской войны. Ему поручено написать фундаментальную работу о Ленине"¹¹⁴. 28 ноября Магтеридж записал: "Заглядывал Д.Мирский. Мы поговорили о том, не поселиться ли нам в одной квартире <...>. Я пытался понять, что он думает о своей теперешней жизни, но он был очень скрытен. "Я нашел то, что ожидал", — ответил он уклончиво. Однако вид у него подавленный, в большей степени чем раньше. И более трезвый. Думаю, он немного не в своем уме. Он спрашивал о деньгах и сказал, что за одну статью ему заплатили 1700 рублей. И все же он хранит небольшой запас валюты, оставшийся у него после приезда. Не для того ли, чтобы иметь возможность в случае чего вернуться? Он единственный человек, с которым мне было хорошо в России"¹¹⁵.

1 декабря Магтеридж записал: "Мирский — это загадка. Он все реже и реже хочет меня видеть. Возможно, ему со мной скучно, а может быть, он боится. Конечно, он никогда об этом не скажет. Не думаю, что в России он счастлив; но сомневаюсь, чтобы он мог быть счастлив где бы то ни было. С ним трудно говорить. У него блуждающий взгляд: может быть из-за необходимости что-то скрывать, но может быть, есть другая причина. Его лицо — лицо фанатика, и он трезв"¹¹⁶. 1 января 1933 г. Д.Мирский обедал с Магтериджем, с ними были и другие английские знакомые. Как отметил Магтеридж, это была неудачная компания: Д.Мирский за весь вечер не произнес ни слова. Одна из присутствовавших дам, с большим уважением относившаяся к Д.Мирскому, сказала ему: "В Лондоне мы встречались с Бернардом Пэрсом. Он много о вас говорил, и сказал, что ему так нехватает вас на кафедре!" На это Д.Мирский угрюмо отрезал: "Подлый лицемер" и снова погрузился в молчание¹¹⁷.

В середине января Д.Мирский и Магтеридж посетили Луи Арагона в его роскошной московской квартире. Д.Мирский, по наблюдению Магтериджа, был влюблен в жену Арагона Эльзу. "Он напился и с мрачным видом молча сидел на полу"¹¹⁸. В своей книге "Хроника потерянного времени" (1973) Магтеридж вспо-

минал Д.Мирского в Москве: "Было очевидно, что жить в Москве и сотрудничать с советскими литераторами ему удавалось с трудом. То ли дело в Лондоне, где у него было прочное положение "бывшего князя" как в аристократической среде, так и в кругах интеллигенции, не говоря уже о рабочих собраниях, где он также пользовался популярностью. Коммунистам особенно льстило присутствие князя в их рядах во время демонстраций на Трафальгарской площади. В Москве он попал в полную зависимость от власти предрежащих. Не знаю, задумывался ли он о побеге, но как-то раз, когда мы вместе рассматривали карту, его палец как будто нечаянно двинулся в направлении Батума и остановился на турецкой границе" ¹¹⁹.

Благодаря покровительству М.Горького, в течение нескольких лет Д.Мирский держался над пропастью, готовой поглотить его в любой момент. Отношение к нему в советской литературной среде было настороженным, а вскоре настороженность переросла в открытую враждебность. В этой атмосфере Д.Мирский продолжал работать с поразительной продуктивностью: он писал о русской литературе XVIII века, о Пушкине, об английском и европейском модернизме, о новых произведениях советских авторов. Став советским критиком-марксистом, он продолжал верить в свое право высказывать то, что он думал. При такой губительной наивности Д.Мирского не мог спасти от конфликтов с коллегами даже М.Горький. Тучи над его головой сгущались. В Москве Д.Мирскому пришлось несколько раз менять квартиру, причем каждый раз на худшую. 22 октября 1933 г. он писал Д.Голтон о своей новой квартире на Русаковской улице: "В Москве строят метро, на днях я спускался в шахту. Но дома я очень мучаюсь от этого строительства: камнедробильная машина стоит прямо под моим окном и работает по 24 часа в сутки". Его несколько раз посещали странные грабители, которые выносили из квартиры самые нужные для работы книги, выписанные из Англии. Д.Мирский подозревал, что этими специфическими ограблениями занимались сотрудники спецслужб. В мае 1934 г. Д.Мирский переехал в квартиру на улице Горького, в которой проживали поэтесса и переводчица Анна Радлова и ее муж театральный режиссер С.Радлов. "Комната хуже, — пишет Д.Мирский, — и соседнюю занимает дама, переводящая Шекспира, у нее два мужа: один мой старый приятель, который строит железную дорогу в Башкирии. Другой ее муж не строит железных дорог, но ставит драмы, он только что поставил "Ромео и Джульету" в ее переводе. Постановка очень недурна. К счастью мадам в основном живет в Ленинграде и приехала сюда только из-за "Ромео и Джульеты". Несмотря на свое недовольство соседями, критик написал положительные рецензии на их постановку шекспировской драмы.

Д.Мирский неустанно работал в нескольких направлениях: он готовил курс лекций на английском языке по советской литературе для Американского института, писал статьи о новых произведениях советских авторов, работал над статьями об английской литературе и составлял антологию английской поэзии. Он написал работы о В.Шекспире, Д.Дефо, Д.Свифте, Т.Смоллете, П.Б.Шелли, М.Арнольде, Р.Киплинге, Дж.Джойсе, Р.Олдингтоне, Дж.Леманне, Д.Льюисе, Т.С.Элиоте. В списке книг, которые он просил прислать из Англии, значатся сборники стихов Т.Гарди, Р.Киплинга, Д.Г.Лоуренса, У.Х.Одена и С.Спендера. Сборник стихов Одена и его друзей под названием "Новая страна" особенно заинтересовал его. В своих письмах он передавал просьбы Одну, чтобы он присылал свои книги: "Важ-

но, чтобы их знали здесь. А это во многом зависит от меня". В России Д.Мирский с увлечением читал прозу своих английских современников: в письме Д.Голтон он сообщал, что прочел "Любовника леди Чэттерлей" недавно умершего Д.Г.Лоуренса, и что роман ему понравился. В 1936 г. Д.Мирский написал предисловие к роману О.Хаксли "Контрапункт", дав ему с "марксистских позиций" критическую оценку, для предисловия необычно резкую. В этом же году он написал статью "Английская литература" для энциклопедического словаря института Гранат. В соавторстве с А.Д.Миллером Д.Мирский работал над составлением англо-русского словаря, который вышел в 1936 г.

В марте 1937 г. он узнал о том, что в Англии собираются переиздать его книгу о Ленине и был очень обеспокоен, что это случится без его редакторского участия: "Там есть части, которые звучали нормально в 1931 г., но в 1937 г. их печатать невозможно". По его мнению, книгу не стоило перепечатывать даже в отредактированном виде. Однако, как выяснилось, издатели собирались лишь распродать по сниженной цене остатки тиража. В письме Д.Голтон от 24 марта 1937 г. он опровергал слух о том, что его вызывали для допроса. В последнем письме — от 2 мая того же года Д.Мирский сообщал об отъезде в Ленинград.

Рассказывая Д.Голтон о своих неприятностях, Д.Мирский оставлял в тени их главный источник — свои конфликты с официальными литературными авторитетами. Работы Д.Мирского, как чисто научные, так и литературно-критические, неизменно вызывали бурю опровержений. Если даже его публикации принимались к изданию, например в престижном "Литературном наследстве", они сопровождалась разгромными предисловиями маститых оппонентов. С такими дополнениями вышли его исследования о русской литературе XVIII века и о Пушкине в этом издании. Еще большее раздражение вызвало вторжение Д.Мирского в дела современной советской литературы. Когда он откровенно высказал свое критическое мнение о романе А.Фадеева "Последний из удэге", в центральной прессе последовал взрыв возмущения: как это бывший белогвардеец и князь смеет критиковать пролетарского писателя. С обвинениями против Д.Мирского одновременно в "Правде" и в "Известиях" выступил Ф.И.Панферов, и многие его поддержали. В защиту Д.Мирского выступил только М.Горький, тоже считавший этот роман Фадеева слабым. М.Горький писал: "Д.Мирский, отлично грамотный человек, умный критик, член английской компартии, совершенно правильно указал в печати, что "Последний из удэге" не украшает советскую литературу. Суждение это общепризнано, ничего обидного в нем не содержится, сам автор этой книги тоже знает, что она очень плоха. Но Д.Мирский разрешил себе появиться на землю от родителей-дворян, и этого было достаточно, чтобы на него закричали: как может он, виновный в неправильном рождении, критиковать книгу коммуниста?"¹²⁰. Имя М.Горького, однако, более не служило для Д.Мирского охранной грамотой. В 1935 г. во время дискуссии по проблемам романа, во время которой обсуждался доклад Д.Лукача, критики усмотрели в выступлениях Д.Мирского отклонения от принципов марксистского литературоведения.

Смерть М.Горького в 1936 г. предельно усложнила положение Д.Мирского. Еще не осознав всего значения этой утраты в своей судьбе, Д.Мирский писал в Англию: "Бедный Горький! Я не видел его с прошлого лета. Похороны были очень

пышные. Сталин нес урну, Андре Жид произносил речь с мавзолея Ленина (стоял рядом с Молотовым и другими)". В 1937 г. критические выступления против Д.Мирского перешли в открытую травлю: в апреле в центральной литературной прессе он был объявлен троцкистом, ему напомнили о его политическом прошлом¹²¹. На общем собрании Московского Союза писателей, членом которой состоял Д.Мирский, он был публично обвинен во враждебном отношении к советскому строю, в шпионаже и предательстве. Несмотря на то, что Д.Мирский выступил с признанием своих ошибок и выразил готовность пересмотреть свои убеждения, в этом же году он был арестован. Вскоре увидела свет "Антология новой английской поэзии". На титульном листе этой книги, которой Д.Мирский посвятил много сил, его имя не значилось: антология вышла после его ареста.

Переход Д.П.Святополк-Мирского, князя, офицера русской армии, в коммунистический лагерь, его отъезд в Россию и неизбежный арест потрясли эмиграцию и его английских друзей. 20 марта 1937 г. в газете "Русский в Англии" (№ 5/29, с. 2) была опубликована статья "Судьба перелета", автор которой писал: "Как сообщают советские газеты, небезызвестный русским лондонцам кн. Святополк-Мирский, в 1933 году уехавший в Россию, заподозрен в троцкизме, что грозит ему весьма серьезными неприятностями. История этого отпрыска древнего княжеского рода интересна и поучительна..." Далее корреспондент напоминал читателям основные факты биографии Д.Мирского и заключал статью верным предположением: "Большевики, как известно, стараясь вызвать среди эмиграции разложение и возвращенчество, к соблазненным ими людям относятся с большим подозрением и в конце концов под тем или иным предлогом с ними расправляются". Продолжая эту тему, автор заметки в номере газеты за 1 мая 1938 г. (№ 8/54) рассказывал о методах работы ГПУ в Лондоне: "ГПУ старается найти агентов среди членов лондонской русской колонии. Подходят люди давно живущие в Англии и имеющие широкие связи в различных кругах, но в то же время не слишком стоящие на виду по своему общественному положению. Ограниченность в средствах — также положительный фактор. Метод таков: к намеченному лицу подсылается говорящая порусски англичанка. Она широко тратит деньги на его дела и устраивает ему знакомства с видными членами английской компартии. Выпытываются сведения о родственниках и друзьях в Советской России". Затем даются "поручения". Автор делает предупреждение, что "поручениями" дело не ограничится: "Коготок увяз — всей птичке пропасть".

Точные даты ареста и смерти Д.Мирского удалось установить Дж.Смиту по документам, полученным через общество "Мемориал"¹²⁵. Ордер на арест Д.Мирского датирован 2 июня 1937 г., 3 июня он был доставлен в Бутырскую тюрьму, где заполнил анкету и подвергся первому допросу. В течение полутора месяцев его допрашивали девять раз, последний допрос состоялся 15 июня 1937 г. Во время допросов Д.Мирский не сказал ничего, что не было бы известно широкому кругу знавших его людей, он не раскрыл никаких тайн, так как их не было. Однако все события его жизни уже были для него приговором. Как точно заметил еще М.Горький, он был "виновен в неправильном рождении". Он рассказал, что в Англию его привез М.Беринг, а в Школу славянских исследований он был принят по приглашению Б.Пэрса. С ними он познакомился в доме своего отца. Сообщение было

интерпретировано как признание в том, что он поддерживал контакты с английскими шпионами, работавшими в России. Д.Мирский не отрицал, что в Париже он встречался с Пятаковым, российским торгпредом во Франции, и что на этой встрече обсуждалась возможность коалиции коммунистов с евразийцами. Общеизвестных фактов жизни Д.Мирского было достаточно для осуждения его по статье "58(6)" — "измена родине". В следственном заключении Д.Мирский обвинялся в том, что служил в Белой армии, поддерживал связи с белой эмиграцией в Европе, сотрудничал с разведслужбами Великобритании. Как значится в заключении, с 1922 г. он занимался подготовкой английских шпионов в Школе славянских исследований: об этом учреждении говорится, что в действительности оно готовило не столько ученых, сколько кадры разведки. В июле 1937 г. Д.Мирский был приговорен к 8 годам заключения в трудовых лагерях. Последовала ссылка. В соответствии с документами, он погиб в лагере под Магаданом 6 сентября 1939 г.

В последующие годы в России и в Англии время от времени появлялись сведения о том, что Д.Мирский жив, и что некоторые его знакомые даже получали от него открытки из Сибири. Подобные ложные сведения часто распространялись сотрудниками спецслужб, однако в лагерях были свидетели его смерти, вышедшие на свободу и опубликовавшие впоследствии свои воспоминания. О его гибели писал Р.Иванов-Разумник в книге "Писательские судьбы": он ссылался на свидетельство Ю.Г.Оксмана, находившегося в том же лагере, что и Д.Мирский¹²². Значительно позднее Ю.Иваск в своей публикации "О смерти князя Святополк-Мирского" в "Новом журнале" привел письмо политического заключенного, встречавшего Д.Мирского в транзитном лагере. Письмо было адресовано Е.П.Шуваловой, знавшей Д.Мирского с детства. 1939 год указан в нем как год смерти Д.Мирского¹²³. А.Краснов-Левитин в книге "Лихие годы" описал свою встречу с врачом С.В.Грузиновым, отбывавшим ссылку в Воркуте и работавшим в лагерной больнице. Грузинов также был свидетелем гибели Мирского¹²⁴.

Ленард Вулф посвятил Д.П.Святополк-Мирскому несколько страниц в своей книге "Downhill all the Way" ("Все вниз и вниз по склону"): "Мы все знаем старые истины: "Собака собаку не заест", "Волк волка не загрызет". Но эти истины на наш XX век не распространяются: мы только и слышим о братоубийственных войнах, которые ведут между собой различного толка патриоты, монархисты, республиканцы, фашисты, нацисты, социалисты, анархисты во всех концах света: в Германии, Италии, Испании, Африке. Но ничто не сравнится по масштабу с идеологизированным каннибализмом русских коммунистов, действующих с 1917 года. Ликвидация в 1930 году русских кулаков — крестьян, которые со своими семьями составили пять миллионов человек — один из самых кошмарных эпизодов во всей мировой истории. И сейчас никто не может сказать, сколько тысяч русских людей было уничтожено самими русскими за последние 40 лет — в трудовых лагерях, тюрьмах, во время процессов и чисток. Когда читаешь о том, что миллион кулаков были разорены или умерщвлены только за то, что обладали достатком, или о том, что 500 000 русских коммунистов были ликвидированы русскими же коммунистами за уклон влево или вправо, или шесть миллионов немецких евреев были уничтожены немецкими христианами за то, что они евреи, невольно становишься на место одного или другого человека из этих миллионов и представляешь себе, что это тебя и твою

семью выгоняют из собственного дома, сгоняют с твоей земли на голод и смерть в сибирских снегах, что это тебя гноят как русского коммуниста в трудовом лагере в Сибири, что это ты один из тех шестисот миллионов евреев, которых волокут в газовую камеру, — переживаешь те чувства, которые испытал бы ты сам на их месте. Не согласен, что это сентиментальность, неуместная в книге. Я ясно чувствую, что меня все это лично касается и имеет для меня лично огромное значение”¹²⁶.

Это размышление Л.Вулф подтверждает примерами Д.Мирского и Ф.Ротштейна: “У меня было двое знакомых, двое друзей в Лондоне — двое русских, вернувшихся в Россию и вложивших свои головы в петлю сталинского коммунизма. У меня нет сомнений, что в каждом из этих двух случаев петля рано или поздно затянулась и мои друзья были ликвидированы. Трудно было найти людей менее похожих друг на друга, чем эти двое: российский еврей Федор Ротштейн и русский аристократ князь Святополк-Мирский. Ротштейн напоминал средневекового ученого, случайно попавшего в XX век, это был педант и фанатик во всем, что касалось евангелия от Карла Маркса. Думаю, что по натуре это был мягкий и вежливый человек, который любил интеллектуальную беседу и те удовольствия, которые дает игра сильного ума. Но он попал в жестокую машину коммунизма. И если бы он не был ликвидирован со всей бесчеловечностью, которую можно себе представить, он бы сам стал бесчеловечным ликвидатором. Ротштейну предстоял выбор: быть застреленным каким-нибудь товарищем, или самому ликвидировать других товарищей в одной из тех чисток, посредством которых люди за железным занавесом строили идеальное общество. Что же касается князя Д.Мирского, то это был еще более странный человек, чем Ротштейн. Мне всегда казалось, что по сути он один из тех непредсказуемых персонажей, которых можно встретить в литературе XIX века в книгах Аксакова, Толстого или Тургенева. Как-то, разглядывая при случайно упавшем свете линию его губ и форму челюсти, я почувствовал в сердце холодок. Я вдруг вспомнил в этот момент, как мать Тургенева засекала досмерти своих крепостных. Мне редко встречались люди с такой зловещей складкой губ: в ней как будто прячется тень улыбки, но это хищная улыбка акулы или крокодила. У Д.Мирского была именно такая улыбка. Возможно, это была случайная складка, вовсе не отражавшая его характер, в котором, вполне возможно, не было ничего хищного. С нами он всегда был чрезвычайно вежлив и даже мягок, он был высоко интеллигентен, культурен, преданно служил искусству, был прекрасным литературным критиком. И при всем том, им владел дух глубочайшего пессимизма, который, кажется, свойствен всем русским интеллигентам: и тем, которые действуют на страницах романов Достоевского, и тем, которые встречаются в повседневной жизни. Князя Д.Мирского легко представить себе среди персонажей “Бесов” или “Идиота”. Л.Вулф продолжает: “Судьба Д.Мирского и Ротштейна кажется мне чудовищной — и очень типичной для наших дней. Оба, как я уже говорил, были несомненно ликвидированы, то есть истреблены, уничтожены каким-нибудь варварским способом. Если этого и не случилось, то по какой-то исключительной случайности, так как тысячи людей, подобных им, были ликвидированы в России. Но я с особым ужасом думаю о гибели именно этих двух людей, потому что знал их лично; я чувствую эту гибель острее, чем все те ужасы, которые происходят с миллионами людей по воле их собратьев. Я чувствую их, как людей, и как человек переживаю их судьбу, бес-

смысленные мучения и гибель. Что может быть безобиднее очкастого Ротштейна, распутывающего бесконечный лабиринт марксовской теории, или Д.Мирского, погруженного в бесконечные рассуждения об ошибках Толстого или об ураганном стиле Достоевского?»

На примере своих русских знакомых Л.Вулф развивает мысль о значении нравственных испытаний в человеческом обществе, показывая, что цивилизация делает эти испытания ненужными. Хорошо организованное общество стремится к тому, чтобы исключить проявления варварских инстинктов, воли к преступлению. «Моя мысль не опровергается тем соображением, что при определенных обстоятельствах Федор Ротштейн и сам мог бы стать хладнокровным убийцей, а князь Д.Мирский вполне мог быть столь же бесчеловечно жестоким по отношению к другим русским аристократам. Этим соображением только подчеркивается абсурдность государственного и социального устройства современной Европы. Я не раз беседовал с Ротштейном в Ричмонде, а с Д.Мирским на Тэвисток Сквер и в Париже, и я прекрасно знаю, что больше всего на свете их интересовали создания искусства, работа мысли, живопись, музыка, литература. В любом обществе, где есть хоть зачатки культуры, эти двое могли бы жить и умереть как нормальные цивилизованные люди, не принеся никакого вреда обществу и не испытав на себе никаких преследований с его стороны. А в современной действительности их жизни оказались безнадежно запутаны в сети идиотской, варварской социальной и политической системы, и все испытания, которые они перенесли, и их гибель (в которой они сами же оказались виновны) — выпали на их долю по причинам, не имеющим ни смысла, ни объяснения, ни реального существования для большинства представителей человечества. Конечно власть и борьба за власть — это реальные продукты, производимые государственным механизмом коммунистической России, — и Ротштейн с Д.Мирским попали в железные колеса этой машины. Но за власть борются единицы. А ротштейны и мирские, так же как и тысячи безымянных жертв коммунизма, приносятся в жертву словам и декларациям, — мифам, «которые сочиняет идиот, распираемый громогласным и бессмысленным пустословием» (как писал Шекспир в «Макбете»). Да, я предубежден против коммунизма, который во многих отношениях представляется мне более опасным явлением, чем нацизм и фашизм. *Corruptio optimi pessima*: наихудшее зло — это извращенное, вывернутое наизнанку добро. Ведь гитлеры и муссолини — это всего лишь мерзавцы, психопаты, дикари, которые во все эпохи образовывали подонки общества. Их подражатели, такие как Освальд Мозли, не вызывают во мне более глубоких чувств, чем презрение. Но коммунизм уходит корнями в самые лучшие социальные надежды человечества и вырастает из самых разумных политических мотивов. Потому-то его извращение оказывается наиболее чудовищным». Вспоминая о той изысканной культурной среде, которая окружала Д.Мирского в Англии, Л.Вулф пишет: «Когда подумаешь, что из этой среды его затащили в советскую паутину, чтобы лишить жизни, — то душу переполняет отчаяние, отчаяние оттого, что коммунизм, это вывернутое наизнанку добро, снова и снова «освещает дуракам дорогу к недостойной смерти»».

Для людей, близко знавших Д.Мирского, его «смена вех» не была неожиданной, в ней видели следствие доведенного до крайности стремления к оригинальности. Г.П.Струве, преемник Д.Мирского на русской кафедре Лондонского универ-

ситета, считал, что Д.Мирский “стал жертвой собственного духовного озорства”¹²⁷. Современные исследователи в оценке мотивов смены вех Д.Мирского придерживаются сходных суждений. Н.Лаврухина высказала мнение, что в самой натуре Д.Мирского было заложено противоречие между чувствами и рассудком, это противоречие и приводило к радикальной смене убеждений. А.Чертков усматривал в стремлении Д.Мирского на родину желание обрести русскую аудиторию. Увлечение Д.Мирского новой идеологией, по его мнению, было искренним: он хотел порвать с прошлым, создать новый образ своей личности. Д.С.Смит также убежден, что Д.Мирский не был ни оппортунистом, ни приспособленцем, и что изменение его убеждений, не будучи творчески плодотворным, все же было искренним.

Как свидетельствуют письма Д.Мирского к М.Горькому, написанные перед возвращением на родину, у него было много политических иллюзий, его представления о положении в России в конце 1920-х — начале 1930-х годов, основанные на материалах лейбористской и коммунистической английской прессы, были далеки от реальности. Чисто рассудочным было и его решение связать свою судьбу с новым отечеством, что явствует, например из фразы в его письме к М.Горькому: “Меня двигает не советский патриотизм, а ненависть к буржуазии международной и вера в социальную революцию всеобщую. [...] Коммунизм мне дороже СССР”¹²⁸. Возможно, Д.Мирский сам наиболее точно определил природу своей переориентации, когда писал о Брюсове: “Главное, что толкало Брюсова к большевикам, было его одиночество, его сознаваемая им отсталость от передних и желание во что бы то ни стало быть снова впереди, опять быть “последним словом”¹²⁹.

В.А.Трейл

Важное место в жизни Д.Мирского в эмиграции занимала Вера Александровна Трейл, старшая дочь А.И.Гучкова (в первом браке Сувчинская; 22.3.1907–26.4.1987, Cambridge). Она вела жизнь, полную риска, и сыграла роковую роль в судьбе нескольких людей. С детства В.Гучкову окружала артистическая среда. Ее мать певица Мария Зилоти приходилась двоюродной сестрой С.В.Рахманинову. Ее крестной матерью была Вера Комиссаржевская. После революции Гучковы эмигрировали в Берлин. В архиве Русско-Британского Братства А.И.Гучков¹³⁰ значился в списках лиц, которым необходимо было оказать содействие в выезде из России и устройстве в Англии. Однако жизнь сложилась иначе, и В.Гучкова поступила в русскую гимназию в Берлине. Она училась вместе с сестрой В.В.Набокова Ольгой и была знакома с будущим писателем. В Берлине она встречала и других известных русских писателей, была хорошо знакома с А.М.Ремизовым. Продолжая свое образование в Германии, В.Гучкова два года изучала в университете философию. В 1924 г., переехав с семьей в Париж, она оказалась в привычном кругу русских музыкантов, писателей, мыслителей. Ее, однако же, стала привлекать деятельность иного рода, в которой были переплетены идеология, авантюризм и связи с международными спецслужбами. В среде евразийцев она познакомилась с Д.П.Святополк-Мирским и П.П.Сувчинским. С первым она завязала роман, а за второго в 1925 г. вышла замуж. Из Парижа, где жил Сувчинский, она часто уезжала в Лондон, куда переехал Д.П.Святополк-Мирский. Роль В.Трейл в евразийстве

сводилась к установлению контактов между различными центрами, в частности между Парижем и Лондоном. Основные контакты парижских евразийцев с Лондоном осуществлялись также через Петра Арапова, которого В.Трейл особо выделяла среди своих поклонников в своих воспоминаниях. Она несомненно обладала способностью привлекать к себе людей. В 1925 г. в кругу евразийцев она познакомилась с М.Цветаевой, которая в это время переехала в Париж из Праги. Лето 1925 г. М.Цветаева провела на юге Франции в обществе В.Трейл и Д.Святополк-Мирского¹³¹. М.Цветаева была очарована обоими. Вере Трейл она написала несколько писем в своем эмоциональном стиле¹³², а с Д.Мирским встретила в Лондоне в 1926 г. Дальнейшие отношения поэта и критика складывались сложно, но по всей видимости М.Цветаеву по-женски интересовала дальнейшая судьба ее друзей. В сентябре 1931 г. она сообщала в письме Саломее Андроникиной о разводе Сувчинских и о том, что Д.Мирский собирается жениться на Вере Сувчинской; два года спустя она писала о появлении у Веры жениха в Англии¹³³. Несмотря на ее многочисленные увлечения, Веру Трейл и Д.П.Святополк-Мирского связывали длительные отношения, которые продолжались и после его возвращения в Россию¹³⁴.

В Париже в начале 1930-х годов В.Трейл сблизилась с французскими коммунистами и вступила в компартию Франции. По этому же пути шел и Д.Мирский, и трудно сказать, кто из них был ведущим в этой эволюции интересов. У них был общий круг знакомых, они вместе бывали у Луи Арагона и Эльзы Триоле, у Вирджинии и Ленарда Вулфов. В.Трейл вспоминала, что Д.Мирский нашел общий язык с Арагоном и соглашался с ним в том, что для построения социализма гибель "нескольких миллионов идиотов" несущественна. В одном из писем к М.Горькому, написанном в 1933 г. в Москве, Д.Мирский просил его оказать помощь В.Трейл в возвращении на родину. Он писал:

"Дорогой Алексей Максимович,

хочу опять надоедать Вам с просьбой о репатриации. Дело идет о Вере Александровне Сувчинской, бывшей жене Сувчинского. Она мой очень близкий друг и ручаться за нее я могу как за самого себя. К сожалению, она не писательница и потому она не может дать такую оценку своим убеждениям, как мог я. Я думаю, впрочем, что возражений против нее не было бы, не будь тут очень серьезной беды — дело в том, что она дочь активного и известного контрреволюционера А.Гучкова. И хотя она с ним в открытой вражде, этот факт, конечно, должен ей очень повредить. Зато ей могут помочь ее английские и французские друзья, которых у нее много в партии и около партии. Можно Вас просить как-нибудь помочь ей в этом деле?"¹³⁵

Помог ли М.Горький, или друзья-коммунисты, сказать трудно, однако с начала 1930-х годов В.Трейл стала часто и подолгу бывать в Москве. О встречах с ней вспоминали в своих мемуарах бывавшие в то время в Москве англичане Джон Леман ("The Whispering Gallery") и Малькольм Магтеридж ("Tread Softly"). В 1935 г. в Москве она познакомилась с Робертом Трейлом — шотландским коммунистом, журналистом и профсоюзным деятелем. Он работал в газете "Moscow Daily News" и привлек ее к переводческой работе для этой газеты. В конце 1936 г. она вышла за него замуж. Москвой ее жизнь не ограничивалась: она свободно передвигалась из Европы в Россию и обратно. Во второй половине 1930-х годов она продолжала бывать в доме своих родителей в Париже. Об этом оставил воспо-

минания Р.Гуль: "Чай в столовой разливала дочь А.И.[Гучкова] — Вера (по мужу, англичанину, кажется Трейл). Кроме меня был Кирилл Зайцев, автор книги о Бунине, книгу эту Бунин весьма одобрил. Позже Зайцев стал архимандритом Константином в Америке, в монастыре в Джорданвилле. Зайцев был человек умный, образованный. За столом в общем разговоре он довольно остро "столкнулся" с Верой Гучковой. И неудивительно: Зайцев — страстный антибольшевик, а Вера (как ни нелепо) — коммунистка (и ее муж — коммунист). Помню, я как-то удивился, зачем А.И. [Гучков] приглашает гостей-антибольшевиков и Веру. Вера — высокая, некрасивая, в манерах и разговоре резкая. "Коммунизм", "советизм" к ее резкости и манерам шел"¹³⁶.

Многих удивляло, что Веру Трейл, дочь министра свергнутого правительства, не останавливали на таможне при переезде через советскую границу, что ее не касались ни чистки, ни репрессии. Этому было только одно объяснение: работа на спецслужбе, и возможно не только советские. Она входила в "Союз возвращения на родину", который возглавлял в Париже Сергей Эфрон, и занималась вербовкой русских эмигрантов в интербригады для участия в гражданской войне в Испании на стороне коммунистов. Эмигрантам было обещано, что участие в этой войне послужит им пропуском для возвращения на родину. Тех, кто попались на эту приманку, в России ждал Гулаг. Своего мужа Вера Трейл также убедила отправиться воевать в Испанию: он поехал в январе и погиб в июле 1937 г.¹³⁷ В том же году Вера Трейл снова была в России и встречалась с Д.Мирским. По ее воспоминаниям, однажды он не пришел на назначенную ему встречу, и после этого исчез без следа. Догадавшись, в чем дело, она решила спасти его и написала Ежову письмо с просьбой принять ее. Их встреча состоялась поздним вечером в Кремле; он посоветовал ей незамедлительно возвращаться в Париж, так как в России ей было опасно оставаться. Этому совету она последовала на следующее утро.

В своем письме к М.Горькому по поводу репатриации В.Трейл, Д.Мирский писал, что она не писательница. Однако это было не совсем так, она имела некоторые литературные амбиции. Об этом свидетельствует запись в дневнике Вирджинии Вулф за 28 июня 1932 г.: "Приходил князь Д.Мирский со своей сомнительного вида болталивой русской дамой: живости в ней было хоть отбавляй, в сочетании с развязной славянской жестикуляцией. Д.Мирский при ней словно в рот воды набрал: начинал фразу, но не мог связать слов; обнажал свои неровные желтые зубы, морщил лоб, и в лице его было столько отчаяния и страдания"¹³⁸. Д.Мирский вручил В.Вулф для прочтения мемуарный роман своей приятельницы (видимо переведенный им на английский язык). Стиль госпожи Болотовой (под таким псевдонимом написала В.Трейл свой роман) вызвал у В.Вулф непреодолимое отвращение даже в переводе. "Как прилипчив дурной стиль, — писала она, — что бы такое почитать, чтобы избавиться от неприятной "оскомины"?". Зная об этом отзыве, В.Трейл, тем не менее, гордилась своим знакомством с английской писательницей и близостью к Блумсбери. Она вспоминала, что жила в то время на Torrington Square, Вирджиния Вулф — на Russel Square, Д.Мирский — на Gower Street, все по соседству: "Это было настоящее блумсберийское существование: в двух шагах друг от друга".

В конце войны под псевдонимом "Вера Т.Мирская" она опубликовала автобиографический роман "Чаша изумления" (Vera T.Mirsky. The Cup of Astonishment.

London: The Crescent Press, 1944). Роман посвящен дочери В.Трейл Маше, которая родилась в 1937 г. и жила с матерью Веры в Париже. Кто был ее отцом, точно не известно. Д.Мирский в романе не упоминается, в нем описан более поздний период жизни В.Трейл, когда она во время войны во Франции была интернирована и содержалась в концлагере. Героем ее романа был на этот раз немецкий коммунист Вгипо von Sale mann, содержащийся в том же лагере. Позднее в интервью с Д.Смитом она говорила о книге: "Это было абсолютно бесстыдно, абсолютно автобиографично". Этот роман заметил и написал на него рецензию Джордж Оруэлл. Хотя у В.Трейл был британский паспорт, ее не хотели выпускать из лагеря за ее связи с коммунистами. Ей удалось освободиться благодаря помощи А.Гальперна, мужа Саломеи Андрониковой. 22 июня 1941 г. она через Португалию отправилась в Ливерпуль. В Англии она поселилась сначала в Лондоне, где ей снова помог с устройством А.Гальперн, потом переехала в Кембридж. На этом этапе она стала постоянно заниматься журналистикой и литературной работой: писала рецензии на кинофильмы для журнала "Observer", готовила передачи о кино для третьей программы английского радио ("Радио-3") и приобрела некоторую известность как кинокритик. Публиковалась она под именем Вера Трейл. Ей принадлежат несколько художественных переводов, среди них "Воспоминания и литературные портреты" И.А.Бунина¹³⁹ в американском и английском изданиях 1951 г. и "Воскресение" Л.Толстого.

После смерти Сталина В.Трейл снова стала посещать Москву. В 1957 г. она приезжала на Первый международный кинофестиваль, тогда же она впервые встретилась с А.Эфрон, которая вышла на свободу после 17 лет лагерей. Младший брат Веры Трейл Андрей, живший сначала в Париже, позднее, видимо, переехал в Англию. В английском некрологе Веры Трейл сообщалось, что "Андрей Гучков поет в кембриджском церковном хоре"¹⁴⁰. В.Трейл, по ее признанию, никогда не была религиозна, а в поздние годы отступила и от партии.

М.И.Будберг

Мария Игнатьевна Будберг (ур. Закревская, в первом браке графиня Бенкендорф, Полтава, р.1893 - ум.31 октября 1974, Тосканиа, Италия) оставила заметный след в судьбах нескольких знаменитостей и в памяти людей, близких к литературе и политике. О ней немало писали: Роберт Брюс Локкарт в "Воспоминаниях британского агента"; Герберт Уэллс в третьем томе своей автобиографии (т. 3. "Уэллс и любовь"); в своих дневниках ее упоминал Гарольд Николсон, дипломат и директор французской службы Би-Би-Си; ее имя можно встретить в мемуарах М.Бьюкенен, дочери английского посла в России, писательницы Энид Бэгнолд, издателя Фредерика Ворберга и актера Питера Устинова. Штрихи к ее портрету можно найти в письмах М.Горького, В.Ходасевича и его сестры Валентины, в мемуарах Р.Гуля.

Не раз возникали замыслы написать ее исчерпывающую биографию, но потенциальные авторы сталкивались с непреодолимыми трудностями: столько оказывалось недомолвок и противоречий в фактической стороне ее жизни и так сложно было провести в этой жизни грань между действительностью и легендой. Сэр Хамфри Тревельян, сын известного английского историка, которому М.И.Будберг

доверила свое жизнеописание, решил, по размышлении, что лучше не разрушать легенду. Другой возможный биограф, Р.А.Диксон, обнаружил, что чем больше всматриваешься в историю этой женщины, тем меньше в ней что-нибудь понимаешь. Г.Уэллс до конца своих дней пребывал в недоумении, где правда и где вымысел в ее рассказах о себе, а О.Хаксли высказал мнение, что может быть, в ее случае легенда значительнее фактов.

Все, кто помнили М.И.Будберг, единодушно признавали ее неотразимое обаяние. Однако у многих она вызывала раздражение и неприязнь. История ее окружена домыслами и слухами, бросающими мрачную тень на ее имя. Некоторые мемуаристы, в том числе Энтони Уэст, сын Г.Уэллса и Ребекки Уэст, указывают на ее связь с секретными службами: советскими, немецкими и английскими. Н.Берберова в документальном романе "Железная женщина", вышедшем на Западе в 1960-х годах, приводит убедительные доводы в пользу версии, что она работала на советские спецслужбы, так как многие обстоятельства ее жизни иначе объяснить невозможно¹⁴¹. Новые штрихи к биографии М.Будберг добавила книга воспоминаний ее дочери Т.Александр¹⁴². Она попыталась разрушить легенду и показать вместо маски "железной женщины" человеческое лицо, на котором оставили печать и жизненный успех, и удары судьбы. Для Т.Александр реальность была интереснее мифа. В создании легенд и слухов о себе, считает она, главную роль сыграла сама Мария Игнатьевна, Мура. Всю жизнь она сознательно создавала свой образ, посвоему перекраивая свое прошлое, свободно обращаясь с фактами настоящего. Ее правилом было никогда не опровергать домыслов, даже если они порочили ее.

Детство М.И.Будберг прошло в Полтаве, где она с малых лет была окружена восхищенным вниманием знакомых ее отца, губернатора. Жизнь с юных лет открывала перед ней широкие возможности, но и создавала на ее пути препятствия. Достигнув совершеннолетия, она, преодолевая отчаянное сопротивление матери, уехала из полтавского имения вслед за сестрой в Берлин, где находилась русская дипломатическая миссия. Там она познакомилась со своим будущим мужем. Это был эстонский дворянин, русский по воспитанию, дипломат И.Бенкендорф (он не был родственником русского посла в Англии А.К.Бенкендорфа). Брак с ним открыл ей путь в светские и дипломатические круги. Она свободно говорила на английском, немецком и французском языках, умела прекрасно держаться на приемах, и нашла себя в новой среде. В имении Бенкендорфов родились и воспитывались их дети Татьяна и Павел. В их воспитании и в дальнейшей судьбе важную роль сыграла их ирландская гувернантка Маргарет Уилсон. В детские годы она по существу заменила им мать.

В годы предреволюционной смуты И.Бенкендорф был убит при невыясненных обстоятельствах вблизи своего имения. М.И.Бенкендорф оказалась в голодном и холодном Петрограде с больной матерью на руках, дети оставались в отрезанной от России Эстонии. В поисках выхода из трудного положения она решила восстановить свои контакты с Британским посольством. Она была хорошо знакома с Вильямом Хиксом и с морским атташе капитаном Кроми. В день рождения Кроми она устроила званый обед, на который среди других был приглашен Роберт Брюс Локкарт. Позднее, в мемуарах Локкарт вспоминал свое первое впечатление от этой встречи: "Чистокровная русская, она с высокомерным презрением смотрела на

мелочи жизни и отличалась исключительным бесстрашием. Ее огромная жизнеспособность, которой она, наверно, была обязана своему железному здоровью, вселяла бодрость во всех, кто с ней соприкасался. <...> Она была аристократка. Но могла бы стать коммунисткой. Она никогда не могла бы стать мещанкой”¹⁴³.

Локкарт играл сложную и запутанную роль в отношениях Англии и России, стремясь одновременно поддерживать отношения с большевиками и помогать их противникам. “Заговор” Локкарта был раскрыт и он был арестован. По официальной версии этой истории, он был освобожден из тюрьмы, так как его было необходимо обменять на русских большевиков, задержанных в Англии. По версии Н.Берберовой, его освободила М.И.Бенкендорф, распространив свое обаяние на Петерса. Пережив отчаяние и одиночество после рузлуки с Локкартом, потеряв их общего ребенка, она начала строить свою жизнь заново. Корней Чуковский, которого она встречала в английском посольстве, где он работал переводчиком, привлек ее к сотрудничеству в основанном М.Горьким издательстве “Всемирная литература”. Она стала незаменимым для М.Горького человеком, работая как секретарь и переводчик, ведя его переписку с зарубежными писателями и помогая наладить быт его большого и гостеприимного дома. В этом доме она встречалась с литературными знаменитостями: в нем бывали Р.Роллан, С.Цвейг, Т.Манн, А.Белый, А.Толстой, В.Ходасевич, И.Бабель. В 1920 г. у М.Горького гостил Г.Уэллс, и М.Бенкендорф была его гидом и переводчиком. Это знакомство переросло в длительную привязанность.

В ее жизни любовь не совпадала с браком. Второе замужество, давшее ей титул баронессы Будберг, имеет прозаическое объяснение: ей было необходимо эстонское гражданство, чтобы ездить в Эстонию к своим детям и выезжать в Европу. Барон Н.Будберг, кроме титула не обладавший ничем, получил от М.Горького значительную сумму, которая помогла ему решить финансовые проблемы, связанные с пристрастием к азартным играм. Брак не мешал М.Будберг чувствовать себя хозяйкой в доме М.Горького на Капри. В середине 1920-х годов у М.Горького стали возникать проблемы с итальянским правительством, которое не хотело видеть в своей стране представителей Советской России. Особенно подозрительной казалась итальянским властям М.Будберг, свободно передвигавшаяся из России в Европу. 6 октября 1925 г. М.Горький писал в письме, адресованном Муссолини, что ни М.Будберг и никто другой из его окружения не занимаются политикой¹⁴⁴.

С возвращением М.Горького в Россию начался новый период в жизни М.Будберг — лондонский. С Англией ее давно и многое связывало: и семейные знакомства, и деловые отношения. В 1920-х годах она время от времени посещала Лондон, где она возобновила дружбу с Г.Уэллсом, не ставя об этом в известность Горького. Но тайну сохранить не удалось: в Лондоне ее случайно встретил В.Ходасевич во время своего, кажется, единственного визита. На постоянное жительство в Англию она переехала в 1931 г. В свое время М.Будберг приложила усилия к тому, чтобы разыскать Локкарта, который после отъезда из России вернулся к своей английской жене. В это время Локкарт редко бывал в Англии, так как ему приходилось перемещаться по всей Европе с различными миссиями. Ей с трудом удалось его разыскать, но близость восстановить не удалось. Тем не менее их дружеские и деловые отношения ее стараниями никогда не прерывались. Серьезная размолвка была связана лишь с публикацией его воспоминаний и выходом фильма по ним, в кото-

рых образ Муры не соответствовал ее собственному представлению о себе. Однако "Воспоминания" Локкарта и фильм сослужили ей хорошую службу: так или иначе они создали ей на ее новой родине популярность, к которой она всегда стремилась. В Лондоне М.Будберг привлекла внимание К.А.Бенкендорфа, однофамильца своего первого мужа, сына бывшего российского посла в Англии. Их отношения вызывали немалое раздражение в его семье ¹⁴⁵.

С М.Горьким она тоже не прерывала отношений. По его поручению она перевезла с собой в Лондон его архив, частную переписку, которую он, опасаясь за судьбы людей, в ней упомянутых, наказывал ей ни при каких условиях не возвращать в Россию. Существует версия, что советские спецслужбы принудили ее передать в Россию горьковские архивы, что она и сделала, поставив условием гарантию свободы собственного передвижения по России ¹⁴⁶. Эта версия объясняет, почему она могла бывать в России в 1930-е годы. Во время последней встречи с М.Горьким на его даче в Крыму она, возможно, получила от него права наследства на его зарубежные издания. В начале 1930-х годов М.Будберг перевезла в Англию детей Павла и Татьяну, а также племянницу Киру. Татьяна, воспитанная ирландской гувернанткой и прекрасно говорившая по-английски, быстро освоилась в Англии: она получила высшее образование, устроилась на работу в известную издательскую фирму Секкера и Ворберга.

Не будучи профессиональным литератором, М.И.Будберг прожила долгую "окололитературную" жизнь, да и сама занималась литературным трудом. Она перевела несколько произведений М.Горького на английский язык с участием редактора-стилиста: отрывки из дневника (M.Gorky. Fragments from my diary. Transl. by Moura Budberg. NY: McBride, 1924; Harmondsworth, 1975), рассказ "Судья" (The Judge. Transl. by M.Zakrevsky and B.H.Clark. NY: McBride, 1924), сборник под общим названием "История романа и другие рассказы" (The Story of a novel and other stories. Transl. by M.Zakrevsky. NY: L., 1925). В 1926 г. в Америке вышел в ее переводе и с предисловием М.Горького роман С.Н.Сергеева-Ценского "Преображение" (S.N.Sergeev-Tsensky. Transfiguration. Transl. by M.Budberg. Ed. with an Introduction by M.Gorky. NY, 1926). Предложение перевести этот роман исходило, видимо, от М.Горького, который был о нем высокого мнения. Позднее в соавторстве с А.Ярмолинским она подготовила сборник рассказов М.Горького "Двадцать шесть и одна" (Twenty-six men and a girl. Ed. by A.Jarmolinsky and M.Budberg. NY, 1939).

В 1939 г. русский англичанин актер Питер Устинов попросил свою мать, Надежду Бенуа, перевести на английский "Розу и крест" Блока, и она пригласила в качестве помощницы М.Будберг, но и вдвоем они с этой задачей не справились. М.Будберг пыталась переводить рассказ В.Набокова "Весна", однако его язык оказался для нее слишком труден. Она потерпела и другие неудачи, например с переводом повести Н.Лескова "Очарованный странник", писем А.П.Чехова к О.Л.Книппер (оказалось, что их уже перевела К.Гарнетт, и они были изданы в 1926 г.). Видимо по совету Д.Мирского она взялась за перевод романа Б.Пастернака "Детство Люверс". Предисловие к нему написал М.Горький, но перевод так и не был опубликован ¹⁴⁷. В общей сложности М.Будберг перевела на английский

более двух десятков книг. Н.Берберова, рассмотрев ее переводческие труды, пришла к заключению, что качество переводов было невысоким ¹⁴⁸.

В годы Второй мировой войны М.Будберг работала в левом журнале "Свободная Франция", в числе авторов которого были Б.Шоу, Г.Уэллс, Дж.Б.Пристли. Журнал имел большое влияние как в Англии, так и во Франции. После войны она устроилась консультантом по русским реалиям в кинематографической фирме Александра Корды. Судьба свела в Англии М.Будберг, С.Андроникову и В.Трейл, в характере и жизни которых есть трудно определимые общие черты. В.Трейл и М.Будберг вместе приезжали в Россию в 1950-х гг. О.Ивинская в своих воспоминаниях описывает их визит в Переделкино, куда они приехали, чтобы взять у Пастернака интервью для английского дамского журнала ¹⁴⁹. Последние годы своей жизни М.Будберг провела в доме сына в Италии.

Н.М.Бахтин

Николай Михайлович Бахтин (1894-1950) — старший брат известнейшего философа и теоретика литературы нашего века, жил в Англии с 1932 г. до конца своих дней. Из английского источника биографии Н.Бахтина, основанного на сообщенных им самим сведениях ¹⁵⁰, следует, что он принадлежал к обедневшему, но родовитому нетитулованному дворянству и мог проследить историю своего рода до XVI в. Однако русские исследователи на основе оставшихся в России документов выяснили, что он происходил из купеческого сословия. Его родители — орловский купеческий сын Михаил Николаевич Бахтин, мать — Варвара Захаровна, урожденная Овечкина, тоже из купеческого сословия. Во всех документах Н.Бахтин записан как "мещанин губернского города Орла". Н.Бахтин был первым ребенком в семье и был на год старше своего брата Михаила, который родился в 1895 г ¹⁵¹. Когда Н.Бахтин учился в гимназии, его отец был переведен по службе в Вильно и перевез туда всю семью. Один эпизод из детства любопытным образом перекликается с английской эмиграцией Н.Бахтина. Однажды гувернантка читала ему книгу, в которой англичане подавляли восстание в Индии. Ребенок проникся симпатией к англичанину, который вел армию в бой против восставших, и когда его спрашивали, кем он собирается стать, он отвечал: "англичанином".

Закончив гимназию в Вильно, Н.Бахтин поступил в Новороссийский университет, а через год, в 1913 г., перевелся в Петербургский университет. Его ближайший друг М.И.Лопатто вспоминал, что в эти годы они оба увлекались поэзией, и что Бахтин был признанным авторитетом в группе интеллектуальной молодежи ¹⁵². Бахтина увлекала поэзия всех времен — от древних греков до современников символистов. Со студенческих лет Бахтин постоянно оказывался в артистической среде. В Петербурге он снимал комнату у сестры Врубеля, в доме, где царил художественная атмосфера. Однако богемная жизнь не привлекала его. Ему не нравилось бывать и в кафе "Бродячая собака", где можно было встретить всех литературных знаменитостей того времени. Однако, он с благоговением вспоминал, как он бывал на башне Вяч.Иванова, "божественного Вячеслава". Он писал: "Вечер, когда Иванов читал свой перевод "Орестей", остается самым важным, поворотным событием в моей жизни" ¹⁵³. Н.Бахтин восхищался Вяч.Ивановым как живым

воплощением античного идеала и восторгался его знанием эллинской культуры. В университете любимыми предметами Н.Бахтина были классическая филология, философия, русский язык и литература. Самым серьезным его научным увлечением была древнегреческая античность и эллинизм, а любимым профессором — Ф.Ф.Зеллинский. Одним из его преподавателей был Н.О.Лосский.

В 1915 г. Н.Бахтин поступил в Николаевское кавалерийское училище, по окончании которого 28 февраля 1917 г., т. е. когда у власти было Временное правительство, он был направлен в 11 Гусарский полк. Как студента, его не могли призвать в армию, он отправился на фронт добровольцем. Он писал в "Воспоминаниях белогвардейца": "Я стал задумываться о том, что война — необходимая часть жизни каждого человека. Я выбрал полк, имевший яркое прошлое, и не дожидаясь окончания курса поспешил на фронт"¹⁵⁴. Реальная армейская жизнь принесла разочарования: вместо приключений и лихих кавалерийских атак его ждали грязные окопы, холод и вши. Радость ему доставляло только общение с товарищами по полку: в окопах они вели долгие беседы на философские и политические темы.

Отправившись на войну, Бахтин, как и многие молодые офицеры, не думал о ее смысле и цели: "Меня в то время нисколько не волновало, победим ли мы в войне, или потерпим поражение. Я, мне думалось, был выше патриотизма. Я вступил в армию, как и многие другие, в поисках нового и интересного жизненного опыта. Я бы покраснел со стыда, если бы кто-нибудь заподозрил, что я "воюю за отечество"". Революционные веяния докатились до элитарного полка, в котором служил Н.Бахтин. Он, считавший себя другом солдат, испытал на себе их насмешки и издевательства, почувствовал их враждебность, для которой, как ему казалось, он не дал никаких оснований. Он объяснял эту враждебность тем, что они чувствовали в нем "оскорбительное безразличие стороннего наблюдателя". Он "был ни с кем, был сам по себе". Чтобы выйти с достоинством из трудной ситуации, Н.Бахтин попросил увольнения. Полковой врач дал ему справку, требующую шестимесячного отпуска. Вернувшись в Петроград, как он пишет, он чувствовал себя уже не сторонним наблюдателем, а потенциальным белогвардейцем, испытывавшим вполне определенные чувства к "низшим классам".

Оставшуюся часть лета Бахтин провел в кругу семьи на даче в Финляндии. Там о революции можно было забыть, что он и сделал, погружившись в философию. Впоследствии он жалел о том, что в роковую минуту истории стоял в стороне от событий. С чувством досады он вспоминал: "В этот решающий момент мировой истории, я виделся лишь с избранными друзьями, с либералами, или "розовыми" социалистами, но ни разу не встречался и не разговаривал ни с одним большевиком!" День 24 октября ничем не отличался для Бахтина от других. Как он писал, в полночь прозвучали один за другим два выстрела из дальнобойного орудия и зазвенели от ударной волны оконные стекла. Холодным утром следующего дня, отправившись в очередь за хлебом, он увидел расклеенные на стенах объявления о том, что власть перешла к Советам. Люди были поставлены перед свершившимся фактом: "Так, тихо и почти незаметно, началась новая историческая эра".

Его отношение к революции, как и к войне, было отстраненным и субъективным: "Революция меня возбуждала только потому, что в ней я видел новый для себя опыт. У меня была исключительная возможность наблюдать великие истори-

ческие перемены. И я наблюдал происходящее с жадным любопытством, но при этом вполне отстраненно и даже иронично. Мое отношение к событиям было в то время в высшей степени типично для значительной части русской интеллигенции, особенно для всех этих молодых умников, которые находились в приятном заблуждении, что они составляют соль земли, что они выше политики и у них есть более серьезные занятия, такие как поэзия, философия, искусство, чистая наука. На самом же деле, мы были не выше, а ниже политики, и это показали последующие события, в которых большинство из нас, с нашим романтическим неведением, сделали слепым орудием военной реакции. Мы были вынуждены признать, что многого лишились, поставив не на ту лошадь. Но это осознание пришло слишком поздно”.

В своих мемуарах Н.Бахтин предельно самокритичен: и в этом, с точки зрения западного человека, так много русского самобичевания и покаяния. Бахтин пишет не только о себе, но о представителе своего класса, герое своего времени. “Судьба России нас совершенно не волновала. Мы считали себя гражданами мира, принадлежащими в равной мере всем временам и народам. Мы собирали мед с цветов всех культур, как бы ни были они удалены от нас во времени и пространстве. Только очень не многие из нас все еще интересовались если не политической практикой, то во всяком случае политической теорией. И для них у нас находилась только снисходительная жалость: “Бедняга! Он до сих пор возится с прибавочной стоимостью — когда можно упиваться Рембо, Маларме, греческой трагедией, когда можно пытаться соперничать с ними в собственном творчестве”. Мы были, конечно, ретроgrадами, но сами того не понимали. Мы презирали царя, духовенство, жандармов — как нечто вульгарное и нечистое, но мы мирились с ними, как приходится мириться с некоторыми неприятными естественными явлениями: “Это отвратительно, но с этим ничего нельзя поделать, бесполезно возмущаться, от этого ничего не изменится”. Такие взгляды давались нам без труда, так как нам никогда не приходилось сталкиваться в нашей деятельности с властями. Наше презрение и вражда не стоили нам ни копейки”.

После объявленной в январе всеобщей демобилизации, Бахтин, переодевшись простым солдатом, отправился из Петербурга на юг. В 1918 г. он некоторое время жил в Одессе. Со своим другом М.Лопатто он возобновил деятельность пародийного издательства “Омфалос”, созданного ими в Петербурге. Их деятельность состояла в сочинении пародий на поэтов прошлого века и современников: по воспоминаниям Лопатто, они пародировали Фета, Ахматову, Брюсова, “Гумилева и подобных”¹⁵⁵. В издательстве вышла книга стихов Н.Бахтина “Омфалитический Олимп”.

В 1918 г. Бахтин участвовал в завоевании Кавказа, попал в госпиталь, затем эмигрировал. Он плавал матросом, вступил в Иностранный легион, прослужил три года в Алжире и был награжден за свои заслуги. В 1923 г. он получил ранение, провел несколько месяцев в алжирском госпитале, а после поправки отправился в Париж. Служба в Иностранном легионе описана Бахтиным в его воспоминаниях под названием “Военный монастырь”¹⁵⁶, а также в его стихах¹⁵⁷. В Париже Н.Бахтин встретил друзей, в число которых входил Г.Адамович. Чтобы выжить во Франции, Н.Бахтин зарабатывал на жизнь чтением лекций об античности для русской колонии. Лекции его были посвящены предмету, в котором он чувствовал себя наиболее уверенно — классической Греции и греческой религии. В Париже Н.Бахтин стал

постоянным сотрудником журнала "Звено", который редактировали П.Н.Милоков и М.М.Винавер. Бахтин опубликовал в нем не менее 50 статей на философские, исторические, литературные темы. Он писал о Поле Валери, Жаке Маритене, Андре Моруа, Анатоле Франсе, Жане Кокто, о Фрейде, Шпенглере, неомистах, о Ницше и Достоевском. Он дал отзывы на книги Б.В.Томашевского и В.М.Жирмунского, рецензировал книгу Н.Бердяева "Новое средневековье" и труд Ф.Ф.Зелинского "Религия античной Греции" (в переводе на французский язык). Время от времени он выступал в журнале с "философскими диалогами", или "беседами" на темы о мышлении, оптимизме, разуме, смерти. Долгое время он оставался поклонником философии Ницше, но это был не тот вульгаризованный Ницше, в котором видели пророка "сверхчеловека" и отрицателя морали: в Ницше его восхищало эллинистическое начало, ощущение духа музыки. Его привлекала также его концепция культуры.

Во многих работах Бахтина разрабатывается культурологическая проблематика. Его интересовали такие вопросы как перевод идей на язык иной культуры, взаимоотношения культуры и языка. В 1925 г. он опубликовал статью "Морфология культуры и языка", в которой изложил принципы оригинальной философии культуры. В 1928 г. в третьем номере журнала "Новый корабль" появилась его статья "Антиномия культуры". С темой культуры в работах Н.Бахтина связана проблемы философии жизни и поступка, которые он рассматривал во многих своих эссе, в том числе в работе "Разложение личности и внутренняя жизнь" ("Числа", 1930/31, № 4).

Тематика и методология работ Н.Бахтина перекликаются с работами его брата, хотя за все эти годы они не встречались. В 1920-е гг. Н.Бахтин переписывался с семьей, и возможно именно его письма послужили поводом для ареста М.Бахтина. Когда переписка прекратилась, Н.Бахтин решил, что его брат погиб. Книгу М.Бахтина о Достоевском, опубликованную в 1929 г., он случайно увидел в книжном магазине в Париже в 1930 г.

Судьбу Н.Бахтина изменило знакомство с английским профессором Данкан-Джоунзом, основателем и секретарем Славянского общества в университете Бирмингема. Они встретились в июне 1928 г. в Париже. Посредником в этом знакомстве, возможно, был С.Коновалов. Он мог убедить Данкан-Джоунза пригласить Н.Бахтина в Бирмингемский университет для оживления деятельности Славянского общества. По другой версии, переезд Н.Бахтина в Бирмингем устроила англичанка Франческа Уилсон, помогавшая русским беженцам во Франции. Как бы то ни было, вскоре Бахтин приехал в Бирмингем со всем своим багажом, который составляла стопка книг, завернутых в газету.

Поначалу английский язык показался Н.Бахтину одним из самых трудных для освоения, "неподдающихся" языков, он овладел им далеко не сразу и с большими усилиями, но результаты этих усилий оказались впечатляющими. Через три месяца он начал читать Шекспира. В расцвете своей английской карьеры, он свободно читал лекции по-английски, и не один английский профессор отмечал, что он владеет английским не хуже англичан. После пяти первых месяцев, проведенных в Англии, Бахтин вернулся во Францию, где возобновил свое обучение в Школе Восточных языков Сорбонны. Но в 1932 г. он снова приехал в Англию и поступил в Кембриджский университет. Диплом об окончании университета он получил, защитив диссертацию о фессалийцах в XIII в. до н.э. и о происхождении мифа о кентаврах.

В 1935 г. Бахтин женился на Констанции Пэнтлинг, с которой познакомился в Париже, где она выступала с лекциями в Британском институте. Талантливая женщина, Констанция была в то же время очень практичной и помогала мужу в качестве секретаря. В 1935 г. он получил должность лектора в Классическом университетском колледже Сауттемптона (позднее университет Сауттемптона). В апреле 1938 г. он был приглашен в университет Бирмингема. В эти годы, пытаясь возродить парижскую традицию, Н.Бахтин начал выпускать на английском языке журнал "Звено" ("The Link"). По тематике этот журнал должен был отличаться от парижского: он был посвящен средневековой и современной Греции. Н.Бахтин пригласил для участия в журнале видных ученых из разных стран. Но на первом номере выпуск журнала прекратился. В этом единственном номере он опубликовал статью об английской поэзии в переводе на греческий язык, в которой, в частности, он проанализировал перевод поэмы Т.С.Элиота "Бесплодная земля" на греческий язык.

Наследие Н.Бахтина можно схематично разделить на работы по истории античности, философскую эссеистику и работы по литературе. Разделение это условно — так как жестких границ между этими областями в его работах нет. Трудам Н.Бахтина, независимо от темы исследования, в той или иной мере присуща одна особенность: автор ведет в них разговор о своем времени и о себе, ставит вопросы о смысле жизни и назначении человека. Работы Н.Бахтина пропитаны субъективностью: воспоминаниями, самоанализом, они исповедальны и даже само-разоблачительны. Эмоциональность работ Н.Бахтина, параллели между давними историческими событиями и событиями, которые он пережил, — придают его творчеству литературность. О нем можно говорить как о писателе, который избрал для своих произведений язык исторической и философской науки, а своими героями сделал древних греков, философов и поэтов разных времен. Любимые его герои — Ницше, Паскаль, Поль Валери, Толстой, Пушкин. В своих эссе Бахтин высказывает самого себя в большей мере, чем объясняет чужие философские системы. Например Паскаля он понимал слишком буквально и односторонне. Однако личность философа и темы его философского творчества давали Бахтину простор для собственных размышлений. Бахтина привлекала не столько систематическая философия, сколько философская эссеистика и история идей. В собственных философских работах он выступал продолжателем жанровых и стилистических традиций русских мыслителей начала века.

Посредством исторических примеров Н.Бахтин пытался объяснить свое время и свою жизнь. В своих работах он словно пытался ретроспективно найти иные возможные выходы из тех ситуаций, в которые его ставило развитие исторических событий. В центре его размышлений находится связь между мышлением и деянием, мыслью и поступком. В своей философии поступка Н.Бахтин искал единства мысли и действия. В этом он во многом следовал за И.А.Ильиным, создателем философии "волевой идеи". И.А.Ильину посвящена одна из рецензий Бахтина. Гамлетовская раздвоенность, "мирное сожительство противоположных идей" вызвали его умственный протест и он стремился из всякой философии вывести "конкретную", "реальную" и действенную мысль. Однако далеко не всякая система взглядов предоставляла возможность вывести из нее руководство к действию. Исследование этической философии Паскаля ("Паскаль и трагедия") приводит автора к выводу, что "христианин не может ни целюно страдать, ни целюно радоваться".

Собственная судьба не давала Бахтину почвы и материала для цельного мышления и целенаправленных поступков. В жизни он оказывался то жертвой, то баловнем судьбы, и лишь в незначительной степени ее творцом. Эссе о Паскале заканчивается ницшеанским размышлением об ответственности: "Трагедия начинается именно там, где есть окончательное самоутверждение и сознание полной ответственности за себя — перед одним собою. Нет и не может быть возможности сложить с себя это бремя, перенести его на другого". Трагическое сознание, по Н.Бахтину, противоположно христианскому, так как христианство перелагает ответственность за себя на Бога. Логика этого анализа приводит автора к выводу, что сам он не был христианином, так как выбрал "трагедию — *против* христианства". В выработке "философии поступка" Н.Бахтин, не зная об этом, шел по следам своего младшего брата. Но если М.Бахтину было дано в этой области построить органичную систему, то Н.Бахтину удалось только набросать к ней только некоторые штрихи. Его высшим достижением на этом пути является эссе "Современность и фанатизм".

Существенным недостатком философской и литературной мысли Бахтина является, пожалуй, отсутствие чувства юмора в широком смысле, а также отсутствие чувства литературной условности. Он слишком прямолинейно и односторонне трактует поэтов, особенно символистов, а также философов, применявших в своем творчестве литературные приемы. Разбирая стихи, Н.Бахтин с легкостью переводил поэтический язык на язык понятий, не замечая, что от поэзии при этом ничего не остается. "Чужое" слово в литературе он принимал за слово автора и обрушивал свою критику на идеи, которые автор вовсе не разделял. Эпиграфом к литературно-критическому разделу наследия Н.Бахтина может служить его собственное признание, сделанное в начале одной из лекций: "Я не литературовед, не историк литературы". Есть в подходе Н.Бахтина к истории литературы и другие существенные ограничения: он например, не признавал русской литературы до Пушкина. Статью "Движение символизма в России" он строит на том, что русская литература начинается с Пушкина, до которого русской словесности, будто бы, вообще не существовало, а его ближайшими предшественниками-современниками были В.Жуковский и К.Батюшков. "Темная эпоха" русского средневековья, будто бы, не знала никакой словесности, и Пушкин привел Россию из скифского мира в мир западной словесной культуры. О том, что русская литература начинается с Пушкина, он говорил и в своих английских лекциях. И это в то время, когда уже были изданы английские книги по истории русской литературы Д.Мирского, в которых были сведения о "Слове о полку Игореве", летописях, повестях, сказаниях, легендах, апокрифах. Д.Мирский уделял пристальное внимание "Житию" Аввакума, писал о поэзии и драматургии русского классицизма. Английские русисты к этому времени также внесли вклад в исследование древнерусской литературы. Дж.Э.Гаррисон выпустила книгу о древнерусской литературе, были опубликованы русские сказки. Но Н.Бахтин каким-то образом не заметил этих работ.

Бахтин рассматривал литературу не как текст, а как явление жизни. Так же как в философии и истории, он искал в литературе указание к действию. Великолепен с этой точки зрения его разбор "Войны и мира" Толстого: автор пишет о романе, как части русской жизни, без которой ни один русский не может представить себе ни государственную историю, ни историю собственного духовного становления. Н.Бахтин

писал: "Роман, не будучи дидактическим, научил нас жить, расширил наш жизненный опыт, научил видеть, слышать, понимать происходящее". Другие оценки более спорны: это касается "скучного" Чехова, или "фальшивомонетчика" Достоевского. Н.Бахтин восторженно оценивал литературу Советской России, в частности творчество Маяковского, которого он знал до революции молодым футуристом в желтой блузе.

В своих лекциях о литературе Н.Бахтин обращался к английской студенческой аудитории, и этим объясняется некоторая упрощенность и схематизм в выражении мыслей. Но несмотря на упрощенность, некоторые его сопоставления, в частности проведенное им сравнение русской интеллигенции и английского образованного класса, продолжают оставаться актуальными для культурологии. Он писал: "Интеллигенция, о которой я говорю, не имеет ничего общего с тем классом, который называют "интеллигенцией" в Англии. В Англии нет и никогда не было интеллигенции в истинном смысле этого слова. Здесь образованный класс и правящий класс составляют единое целое: это сплоченный класс, противостоящий народу, а внутри этого класса нет перегородок: специалисты, университетские преподаватели и ученые выступают заодно с духовенством и полицейскими органами: у них единая система интеллектуальных и нравственных ценностей, у них единый образ жизни и защищать им приходится одно и то же. Те, кто в этой стране претендует на звание "интеллигенции" — высоколобые представители Блумсбери, эксцентрики разного рода — это просто чудаки, которые не играют в стране никакой реальной роли и никто, кроме них самих, не воспринимает их всерьез. В России это было совсем не так. Определенные условия исторического развития вызвали к существованию совершенно особую и игравшую важную роль оппозиционную прослойку общества. В нее, по существу, входили все образованные люди страны, а среди них были представители всех классов, от родовой аристократии до представителей крестьянства и пролетариата, которым удалось — в результате личных усилий или везения — получить образование, а главное — открыть для себя интеллектуальные ценности. Таким образом, интеллигенция в России не совпадала по своему составу ни с одним классом, хотя средний класс, конечно, преобладал. Эта часть общества с полным презрением смотрела на невежественных, глупых и жестоких правителей России, и в то же время она отчетливо противостояла народным массам, которых держали в слепоте невежества церковь и полиция"¹⁵⁸.

Н.Бахтин анализировал государственные установления и учреждения России с точки зрения представлений о них англичан, стремясь освободить их от привычных стереотипов. Обращаясь к стереотипному представлению о чрезвычайной религиозности русского народа, выражаемому понятием "Святая Русь", автор утверждал, что в России его времени священники не пользовались большим авторитетом у просвещенных людей, и лишь темные крестьяне побаивались их влияния. Бахтин призывал сравнить эту ситуацию с тем отношением к религии, которое характерно для Англии. Продолжая сопоставление в сфере бытовой нравственности, Н.Бахтин высказал мысль, что в русском обществе было гораздо меньше условностей, чем в любой стране мира: отсутствовало лицемерие (тут он, видимо, намекал на пресловутое английское лицемерие), не было никаких запретов в индивидуальной любви. В частной жизни никого не заставляли следовать общепринятым стандартам поведения и

быть похожими на своих соседей. "Общественное мнение" не имело там никакого веса. Все эти привлекательные черты, подводил итоги автор, "заслоняли от нашего взора глубинные пороки русской жизни".

В Англии в процессе чтения лекций о современной русской истории у Н.Бахтина сложилась теория, в соответствии с которой революцию нельзя остановить на полпути: ее надо или душисть в зародыше, или доводить до логического конца. По его мнению, кровопролитие в России было вызвано не революцией, а сопротивлением ей. Идея белого движения, считал он, была ложной: "Мы принимали за болезнь муки рождения нового и высшего порядка, и мы всячески препятствовали этому рождению". Он приходит к выводу: "Для того, чтобы создать новый порядок, необходимо сначала разрушить старый". В этом смысле, считал он, революция 1917 г. шла своим логическим путем, и на том этапе, когда она уже зашла далеко, препятствовать этому ходу не следовало. В значительной мере, выработке политических взглядов Н.Бахтина способствовала либеральная среда английских университетов. В зрелые годы он стал выразителем позиций "розовых" социалистов. Можно предположить, что как и Д.Святополк-Мирский, он мог бы оказаться в рядах возвращенцев, но обстоятельства его жизни сложились иначе. К началу Второй мировой войны, по воспоминаниям его коллеги Фанни Паскаль, он стал "яростным коммунистом". Его современники вспоминали о его сталинистских симпатиях.

Н.Бахтин тяжело пережил Вторую мировую войну, которая заставила его особенно остро почувствовать себя русским среди англичан. В эти годы он осознал, что ему нужна своя школа, ученики. В 1946 г. он основал Отделение лингвистики в университете Бирмингема и возглавил его. В штате он был единственным сотрудником. Хотя он продолжал читать вдохновенные лекции, школы у него не получилось. Он начал ощущать бесплодность своих усилий, отсутствие заслуженного признания.

Коллеги и студенты Н.Бахтина, тем не менее, считали, что он оказал серьезное влияние на научную жизнь университета Бирмингема. Об ученом вспоминал в своей книге о М.Бахтине известный английский писатель и литературовед Дэвид Лодж, занимавший должность профессора в Бирмингеме десять лет спустя после Н.Бахтина¹⁵⁹. Н.Бахтин оказался героем сатирического романа известного современного литературоведа Терри Иглтона "Saints and Scholars" ("Святые и Ученые", 1987).

Т.Иглтон, один из крупнейших толкователей философских течений в теории литературы XX века, теории "карнавальности" Михаила Бахтина, концепций структурализма и постструктурализма, применяет эти теории в художественной системе своего романа. Автор был лично знаком с людьми, близко знавшими Н.Бахтина, однако в своем романе он не стремился создать документальный портрет. Как пишет Т.Иглтон, портрет Н.Бахтина в его романе "является по большей части вымышленным". Он уточняет: "Моя идея заключалась в том, чтобы создать карнавальную образ, подсказанный книгами Михаила Бахтина"¹⁶⁰. Его "Бахтин" — это гротескный портрет русского интеллигента времен революции, оторванного от своей почвы эмигранта. Между героем романа и его прообразом нет даже внешнего сходства, в романе изменены многие факты его биографии. Тем не менее, портрет в романе является психологически точным: он похож на того Бахтина, которого рисуют его собственные мемуары и воспоминания близко знавших его людей.

Некоторые картины в романе в гротесково-сатирической форме воспроизводят "Воспоминания белогвардейца" Н.Бахтина. Одна из самых выразительных картин — фантасмагорический образ предреволюционного Петрограда:

"В то время весь город трепетал в духовной лихорадке, погруженный в предчувствие близкого и неизбежного апокалипсиса. Университетская жизнь являла собой нескончаемый пир, на котором каждый пьянел от теоретических дебатов и испытывал головокружение от полемики. Провидцы помельче в бредовом тумане бродили по улицам, а оборванные воплощения Бесконечности толпились в городских парках. Библиотеки и уличные кафе были набиты двойниками Распутина. Поэты сновали по улицам как карманные воры, стараясь подсунуть свои произведения всем попадавшимся навстречу буржуазным юбкам и сюртукам. Мощные приливы мистицизма затапливали заснеженные площади города. Казалось, каждый только и мечтает кого-то излечить, отравить, загниотизировать. Многие безуспешно распинали ближнего на кустарно изготовленных крестах, или практиковали наведение порчи на расстояний".

"Лихие это были времена. Пьяные солдаты ходили с обыском по дешевым гостиницам, вынюхивая большевиков, а в многоквартирных домах изгой, сошедшие со страниц Достоевского, вели охоту на старушек, которых можно было бы порешить. Весь город ушел в подполье. Казалось, каждый человек принадлежит к какому-либо политическому или мистическому братству [ср. у Бахтина Союз Третьего ренессанса], а многие — одновременно к нескольким идеологически отрицающим друг друга обществам. Серафические Братья или Трансцендентные Виталисты скандально вторгались на тайные заседания Ассоциации неокантианских анархосиндикалистов. <...> Попы-расстриги перебегали к большевикам, на своем пути сталкиваясь с большевиками, бегущими в церковь. Бушующая толпа пьяных студентов назначила революцию на следующее утро без четверти десять — оставив привычную четверть часа, чтобы пришедшие смогли перебраться последними новостями и чтобы успели подойти опоздавшие. <...> В воздухе мешался запах ладана и пороха. Интеллектуалы славляли великолепную жестокость машины и предавались мечтам о будущем, в котором не будет людей, тогда как другие пытались синтезировать Маркса и мадам Блаватскую. Распираемый скоплением газов город тяжело вздыхал и сотрясался в попытках извергнуть царя и все его деяния раз и навсегда". <...>

"Ленин еще в ссылке, но он скоро вернется в облаке славы, а будущее будет торчать у него из кармана, чтобы он мог сверять по нему свой суд над живыми и мертвыми. Город начинен шпионами, доносчиками, двойными и тройными агентами, которые предупреждают каждое движение врага неожиданной переменой своих планов". <...>

"Весь мир превратился в мысль и эту мысль думал Николай Бахтин. Он каждый вечер напивался до потери дара речи и мечтал о том, чтобы никогда не пробуждаться от райского видения бесконечных возможностей" ¹⁶¹.

В "видении", которое оказалось мыслью героя, можно найти немало переключек не только с мемуарами, но и социально-философскими работами Н.Бахтина. В статье "Современность и фанатизм" Н.Бахтин писал: "...Мирное сожительство противоположных идей возможно только при одном условии: ни одна из этих идей не выросла до подлинной реальности, не стала движущей и повелевающей силой, но все они пребывают в состоянии какой-то абстрактной и волнующей возможности. Это лишь призраки, лишь хрупкие игрушки ленивого или бессильного духа. Сове-

менное сознание замкнуто в этом мире бесчисленных и равноправных возможностей. Но для того, чтобы действовать, нужен окончательный, беспощадный выбор; нужна сила "отвергнуть тысячи возможностей во имя одного свершения" ¹⁶². Бахтин призывает к действенной мысли — одержимости идеей, фанатизму. Он предрекает конец "тлеющей европейской мысли", если она не разгорится в пламя — "в новый фанатизм". К этой идее его привел жизненный опыт: "Мы узнали, как хрупки и бессильны наши призрачные богатства — мудрость книжников и совопросников — перед лицом самой косной, самой тупой, — но конкретной силы" ¹⁶³. В другой статье "Два облика Валери" (1927) Н.Бахтин пишет: "Всякое действие, всякое осуществление есть умаление возможности, покупается ценою отказа от бесчисленных возможностей".

Создавая роман, Т.Иглтон пародийно переосмыслил понятийный аппарат Н.Бахтина. Автор, в частности, пародировал использование Н.Бахтиным категории "возможности", "действия", "инерции", "конкретности". Т.Иглтон воспользовался также некоторыми приемами, характерными для стиля Н.Бахтина, такими как нанизывание определений, импрессионистическое нагромождение "штрихов" в изображаемом предмете. Один из главных приемов пародирования у Т.Иглтона — искажение бахтинской мысли — до выворачивания наизнанку. Например реальный Н.Бахтин в своих эссе декларирует решающую роль действия. Героя романа отличает именно бездействие и "неучастие" в событиях истории. Реальный Н.Бахтин осуждал двойственность и противоречивость мысли, призывал к единству мышления и деяния. Для героя романа характерна именно противоречивость мысли, вера в равноценность противоположных утверждений.

Покаяние Н.Бахтина и его рассуждения о нереализованных исторических возможностях, которыми пронизаны "Воспоминания белогвардейца", Т.Иглтон рассматривает как типичное проявление раздвоенности мысли русского интеллигента и его растерянности перед выбором. В решающий момент истории эти качества привели к тому, что все исторические "возможности" были упущены. Особенно характерным проявлением раздвоенности и ухода от действия в портрете, нарисованном романистом, является попытка героя найти себя в революционном движении: "...Он стал членом революционной группировки, основным постулатом которой было убежденное неучастие ни в какого рода деятельности. <...> Все то недолгое время, что Бахтин провел в рядах своей группы, он занимался незаконными демонстрациями и маршами протеста — именно "неучаствовал", — в его задачу входило, лавируя между рядами распевających демонстрантов, распространять листовки, в которых разъяснялось, почему его группа отказывается участвовать в мероприятиях всех этих реформаторов, центристов или коллаборационистов. Воскресными вечерами он бездумно отмокал в ванне, утомленный своим неучастием в демонстрациях" ¹⁶⁴.

Н.Бахтин писал в мемуарах: "Что мы знали об истинной России? Совсем немного. Мы никогда не встречались с рабочими, и нам они казались более далекими и менее реальными, чем рабы древних греков или египтян, о которых мы знали гораздо больше". Иглтон обыгрывает и это признание: "Вступая в организацию, он надеялся сблизиться, в известном смысле, с рабочим классом и втайне огорчался, что в ее составе рабочих почти не было. Ему объяснили, что рабочий класс, хотя в теории и является главным действующим субъектом истории, но на практике он

настолько подавлен своими инстинктами, а сознание его настолько испорчено, что рабочие способны только отравить революционное движение своим консерватизмом”¹⁶⁵. Революционная деятельность героя романа бесславно заканчивается изгнанием его из рядов партии за высказанные им крамольные замечания в адрес центрального комитета. Герой уходит из революции и забывается в мире интеллектуальных удовольствий: это развитие событий также близко к содержанию бахтинских мемуаров: “...Он с облегчением вернулся к своей прежней богемной жизни, смаковал вина и восхищал друзей исполнением собственным голосом целых симфоний Чайковского. Он говорил об эллинистическом возрождении <...>, он лихорадочно перечитывал всех философов от Платона до Ницше и разрывался между безусловной верой в каждое их слово и подозрением, что все их писания — никуда не годная ерунда. Его обессиливала борьба, которую вели между собой в его душе Толстой и Достоевский: утром он просыпался скромным и чистым толстовцем, готовил себе простую крестьянскую пищу в своей крошечной кухне и наскоро молился перед иконой; вечером, под прикрытием темноты, он давал волю своей зловещей сатанинской сущности”¹⁶⁶.

Казалось бы, герой романа в своих принципиальных характеристиках не похож на оригинал. Но здесь возникает проблема: ведь искать цельности, единства мысли и действия еще не значит находить их. Если на страницах своих работ Н.Бахтин предстает как ищущий цельности философ-деятель, это еще не доказывает, что в жизни ему удалось преодолеть гамлетовскую раздвоенность мысли и действия. Возможно, романский образ не так уж далек от характера реального Н.Бахтина, во всяком случае в этом образе определенно присутствуют узнаваемые черты русского интеллигента. В характере, нарисованном Т.Иглтоном, есть черты и Н.Бахтина, и Д.Святополк-Мирского, и С.Котлянского: “Он рассуждал в артистических салонах об очищающем действии великий трагедии, хотя сам никогда по-настоящему не страдал. Это был простой, невинный, сентиментальный, любивший поест человек. <...> Вообще это был не человек, а литературный персонаж, и единственное, что делало его реальным, это то, что он это сознавал”¹⁶⁷. Здесь интересно вспомнить замечание В.Вулф о том, что С.С.Котлянский напоминает ей персонажей русской литературы. Есть и другие примеры, показывающие, что англичане смотрели на своих русских знакомых через призму произведений Достоевского, Толстого, Тургенева, Чехова.

Биография героя Т.Иглтона в значительной мере отражает черты представителей русской художественной и интеллектуальной богемы предреволюционных лет. Гипертрофированность деталей не затеняет существенного сходства с оригиналом, как в психологическом облике, так и жизненном пути. “Спустя какое-то время, он понял, что Петербург для него исчерпан и переместился в Париж, где присоединился к художникам <...> Все свои скромные средства он тратил на вино, в котором видел самый прямой путь к постижению трансцендентальной истины. Приступив к этому постижению, он проходил известные фазы от нарциссических фантазий до горестных сетований по поводу той России, которую он потерял, затем наступала фаза беспричинной раздражительности и наконец полного безумия. В последней фазе он рвался на парижские улицы в поисках противника, с которым можно было бы схватиться. Посвятив ночь карнавальной буффонаде, <...> он обнаруживал, что может говорить на любом существующем иностранном языке, так как в этот момент он ощущал мисти-

ческую связь с универсальной природой речи как таковой. Не раз он хватал за пуговицу какого-нибудь испуганного турка или испанца на Шанз Элизе и красноречиво обращался к ним на языке, который, как он был убежден, был им понятен”¹⁶⁸.

В ткань романа вплетены фактические сведения из биографии Н.Бахтина. Например о его знакомстве с английским профессором Данкан-Джоунзом, пригласившим его в Англию, о его дружбе в Кембридже с уже знаменитым в то время философом языка Л.Витгенштейном. Другам Витгенштейна, в том числе и Н.Бахтину, Т.Иглтон ранее посвятил статью, опубликованную в 1982 г. в “Новом левом обозрении”. В книге “Святые и Ученые” автор использовал реальные факты, но реконструировал детали с помощью воображения. О знакомстве Витгенштейна с Н.Бахтиным он пишет: “Ко всеобщему изумлению, Витгенштейн нашел его чрезвычайно занимательным, и проводил часы в его обществе, прислушиваясь с пристальным вниманием к его словесным излияниям. Возможно буффонады этого русского отражали тайные помыслы самого Витгенштейна, и в то же время давали ему почувствовать себя выше него”. Будучи тоже эмигрантом, Витгенштейн был в восторге от того, что Бахтин не был похож на англичанина. “Два философа были и похожи и отличались друг от друга. Бахтин представлял страну, где буржуазия еще не вошла в силу, где правила автократия, лишенная культуры и цивилизованности. Свобода в России ушла в подполье, голодная, безымянная, объявленная вне закона, преследуемая варварским режимом. Россия Бахтина задыхалась от отсутствия культуры. Вена Витгенштейна задыхалась под ее тяжестью”¹⁶⁹.

В романе Т.Иглтона изображена Европа накануне мирового кризиса. В нем представлены послевоенная Вена, революционный Петроград и повстанческая Ирландия. Два изгоя-интеллектуала, австрийский еврей Л.Витгенштейн и русский белогвардеец Н.Бахтин, во время университетских каникул вместе едут отдыхать в Ирландию. Погруженные в мир идей, они не замечают, что в Ирландии идет война за национальную независимость. Герои едва не становятся жертвами английских солдат, которые принимают их за скрывающихся вождей восстания. К счастью, один из офицеров узнает в Витгенштейне своего университетского лектора, и их отпускают на свободу. Параллелей этим событиям нет в биографии Н.Бахтина, хотя Витгенштейн действительно бывал в Ирландии.

***

При всей талантливости натуры Н.Бахтина, благодаря которой он в молодые годы оставлял в тени своего младшего брата, он был лишен важного для ученого качества: он не мог систематизировать и придавать форму законченного исследования своим теориям, особенно тем, которые требовали длительной и глубокой проработки. Его английские коллеги считали этот недостаток проявлением “русскости”: в нем был размах, темперамент, способность зажечь идеей и увлечь мыслью, но не было умения научно оформить кипение своего интеллекта. По выражению его биографов К.Кларка и М.Холквиста, “фонтан его идей уходил в песок”¹⁷⁰. Исследователи, относящиеся к Н.Бахтину с большой симпатией, пришли к весьма неутешительным выводам об итогах работы ученого: “Он был неспособен собрать свои

разбросанные прозрения в логически ясное целое. <...> Ирония судьбы заключается здесь в том, что старший брат, Николай, не мог сформулировать философию языка при самых благоприятных условиях, включая поддержку коллег, интерес учеников, великолепные библиотеки, тогда как младший, Михаил, решил эту же задачу при самых неблагоприятных условиях, включая ссылку, полное отсутствие признания в научном мире, и жизнь в русской провинции, вдали от больших книгохранилищ”¹⁷¹. Как замечают те же исследователи, Н.Бахтин ставил перед собой слишком грандиозные задачи, не рассчитывая сил, необходимых для их решения. О “коротком дыхании” ученого пишет и российский исследователь С.Федякин¹⁷².

Опыт страданий не только закаляет, но и ломает человека; возможно, в случае Бахтина, психологические “перегрузки”, прошедшие без следа в молодости, дали себя знать в более поздние годы. Не случайно многие авторы воспоминаний пишут о его склонности к депрессии, приступах меланхолии. В этом у него было много общего с его соотечественниками, жившими в Англии — Д.П.Святополк-Мирским и С.С.Котелянским. Их депрессивность носила глубокий, болезненный характер. Но только Н.Бахтин откровенно признавал, что на его психологическое состояние повлияла жизнь в эмиграции. О своем бегстве из России он сожалел все оставшиеся годы.

Н.Бахтин успел опубликовать не так уж много своих работ, но он оставил обширное архивное наследие. В его архиве среди других материалов находятся пять ящиков подготовительных набросков к монументальному труду о природе языка, теоретическую основу которого должен был составить философский диалог Платона “Кратил”. Избранные страницы обширного наследия Н.Бахтина время от времени публикуют его коллеги и ученики. В Бирмингеме был опубликован цитировавшийся здесь сборник его автобиографических, литературных и исторических работ. В журнале “Оксфордские славянские записки” были опубликованы две его лекции — о Маяковском и о Пушкине¹⁷³. Н.Бахтин оставил заметный след в воспоминаниях современников, в научных исследованиях и даже, как здесь показано, в художественной литературе Англии.

Г.П.Струве

Связи Глеба Петровича Струве (1898-1985) с Англией уходят в далекое прошлое: его мать Нина Александровна, ур. Герд, была праправнучкой Джеймса Артура Герда (James Arthur Heard), который ввел в России обучение по системе Ланкастера. Дж.А.Герд был также автором исторического романа из времен Петра Первого и автором одного из первых учебников по русской грамматике для англичан. Среди родственников матери Г.П.Струве были производители английского шоколада Cadbury. В детстве Г.Струве подолгу жил в Швейцарии, Германии и во Франции, где его отец находился в политической эмиграции¹⁷⁴. В 1916 г. П.Б.Струве был приглашен в Кембриджский университет для получения почетной степени доктора и чтения серии лекций о России. Г.Струве, который к этому времени закончил Выборгское восьмиклассное коммерческое училище в Петрограде, поехал в Англию вместе с отцом. По его воспоминаниям, он жил на окраине Лондона у английских родственников матери, с которыми он мог разговаривать только по-английски.

Вернувшись в Россию, Г.Струве отправился добровольцем на фронт, служил в гвардейском конно-артиллерийском дивизионе в Карпатах, затем в Курской губернии. После Октябрьской революции он вступил в Добровольческую армию генерала Алексеева. В декабре 1918 г. Г.Струве вслед за своим отцом перешел финскую границу, а в 1919 г. они добрались до Англии. Осенью 1919 г. Г.Струве поступил в Оксфордский университет (Balliol College), а весной 1922 г. закончил его со степенью бакалавра по кафедре современной истории. За годы студенчества он опубликовал две статьи в оксфордском обозрении "The Oxford Outlook": "Большевизм, каким я его увидел" и "Русская проблема"¹⁷⁵.

В последующие годы судьба связала его с тремя главными центрами эмиграции: он жил в Праге, затем в Берлине, где он заведовал изданием "Русской мысли". Весной 1924 г. он переехал в Париж, где продолжал сотрудничать со своим отцом в издании ведущих эмигрантских изданий. Он возглавлял отдел хроники газеты "Возрождение", работал в газетах "Россия" и "Россия и славянство". Во все эти издания Г.Струве писал статьи на политические и литературные темы. Он анализировал политические позиции видных деятелей эмиграции, таких как П.Н.Милюков, А.И.Гучков, Е.Д.Кускова. В газете "Возрождение" за 8 декабря 1926 г. он опубликовал критический очерк о евразийском семинаре А.П.Карсавина. В этом очерке он выступил с опровержением взглядов философа на революцию как на неизбежность. В следующем году он написал отчет о докладе П.Н.Милюкова, посвященном евразийству, и прениях по нему ("Возрождение", 15 февраля 1927 г.).

В конце 1920-х гг. в газетах "Россия" и "Россия и славянство" Г.Струве часто писал о жизни русской колонии в Лондоне и об английских славистах¹⁷⁶. Русским писателями посвящены статьи Г.Струве в эмигрантской и французской периодике 1920-х гг. — начала 1930-х гг. В журнале "Le Mois" он опубликовал статьи о Бунине и Набокове, рецензии на книги М.Алданова, Н.Берберовой, Б.Пильняка, И.Эренбурга. Во французской периодике он выступал также со статьями об английских писателях и поэтах: Вирджинии Вулф, У.Б.Йейтсе, Дж.Б.Пристли, О.Хаксли, Хью Уоллопе, Дж.Голсуорси, Б.Шоу, Д.Гарнетте.

В молодые годы Г.Струве писал стихи, но критически относился к своему творчеству и как поэт публиковался мало. Ему принадлежит сборник стихов "Утлое жилье". Стихи, вошедшие в этот сборник, он впервые прочел на вечере поэзии, который был устроен в конце 1921 или начале 1922 г. в Лондоне, в доме, где он снимал в то время комнату. Это был дом родственников его невесты, будущей первой жены. На этом вечере Г.Струве познакомился с Д.П.Святополк-Мирским. По воспоминаниям Г.Струве, Д.Святополк-Мирский критиковал его стихи за историческую неточность. Затем они встречались в Париже, но там им не доводилось беседовать¹⁷⁷.

В 1932 г. Г.Струве был назначен на место Д.Мирского лектором в Школе Славянских и Восточноевропейских исследований Лондонского университета. Своим назначением Г.Струве, как и его предшественник, был обязан Б.Пэрсу, который был хорошо знаком с его отцом. Когда Г.Струве занял кафедру русской литературы в Лондоне, В.Ф. Ходасевич писал ему, что рад этому: по его мнению, Д.Мирский там "наделал много вреда"¹⁷⁸. Г.Струве был более высокого мнения о своем предшественнике. Он ставил его в ряд "столпов британской славистики", а о его "Истории русской литературы" писал: "Д.Мирский — автор лучшего до сих

пор на каком-либо языке двухтомного обзора русской литературы от ее зачатков до начала Революции" ¹⁷⁹.

По поводу своего назначения Г.Струве писал к Е.В. Саблину 31 мая 1932 г.:

"Дорогой Евгений Васильевич, вчера получил извещение от Лондонского университета о том, что назначение мое на место Д.Мирского состоялось — с 1 октября с.г. я Assistant Lecturer in Russian Literature (почему они в последний момент решили именовать эту должность Assistant Lecturer — не совсем ясно). Сейчас приходится думать о том, как перебираться и устроиваться в Англии. Материально это нелегко, так как оплата на новом месте с 1 октября только, а сейчас мое существование более или менее обеспечено лишь до августа. Все же в августе хочу переехать в Англию — для начала без семьи" ¹⁸⁰.

Но вот переезд состоялся. В одной из эмигрантских газет под рубрикой "Нам пишут из Лондона" сообщалось: "16 ноября новый лектор по истории русской литературы при School of Slavonic and East European Studies Г.Струве (заменивший перекочевавшего к коммунистам Д.Святополк-Мирского) прочел в лондонском университете первую лекцию своего курса: "Несколько современных русских писателей". Первая лекция была посвящена творчеству И.Бунина. Вторая лекция — 23 ноября — была о В.Сирине. Две другие лекции курса посвящены Е.Замятину и Л.Леонову. Г.П.Струве приглашен также прочесть лекции по русской литературе в Славянском клубе в Оксфорде и в Международном обществе при Редингском университете" ¹⁸¹.

За годы своего преподавания в Лондоне Г.Струве находился в самом центре английской университетской жизни. При этом он не терял связей с эмиграцией. Он много писал и для английских журналов, и для русских газет, выходивших в Париже. Охват литературных явлений в литературно-критическом творчестве Г.Струве чрезвычайно широк, однако есть у него и определенные пристрастия. Список его публикаций в английской академической периодике открывается статьей "Искусство Ивана Бунина" в "Славянском обозрении" в 1933 г. ¹⁸². В том же году в соавторстве с Хэмиш Майлзом (Hamish Miles) он опубликовал перевод книги И.Бунина "Жизнь Арсеньева" ("The Well of Days"). В следующем году он опубликовал в газете "Observer" рецензию на издания И.Бунина в английских переводах: "Господин из Сан-Франциско", "Деревня" и сборник "15 рассказов" [см. гл. о И.А.Бунине]. Весной 1924 г. в "The Contemporary Review" в его переводе вышли воспоминания И.Бунина о встречах с А.Толстым.

В 1933-34 гг. в "Славянском обозрении" под рубрикой "Текущая русская литература" Г.Струве публиковал очерки о советской литературе и о литературе эмиграции: среди них статья, посвященная памяти М.Волошина, рецензия "Леонид Леонов и его "Скутаревский", статьи об Андрее Белом и русском символизме, о В.Сирине и К.Федине. В эти же годы в газете "Observer" он опубликовал заметку о романе В.Катаева "Вперед, время!", а в журнале "Life and Letters" рецензию на роман М.Шолохова "Тихий Дон".

Как того требовала программа английских университетов в 1930-х годах, в своих лекциях Г.Струве ориентировался преимущественно на советскую литературу. В 1935 г. он издал свой курс лекций "Soviet Russian Literature" ¹⁸³. Однако в периодических изданиях он продолжал освещать литературный процесс в русском

зарубежье. Среди авторов, о которых он писал, помимо уже названных, Б.Зайцев, Д.Мережковский, З.Гиппиус. Устойчивое положение в университете, не избавляло Г.Струве от материальных забот, не спасали и публикации: в первое время жизни в Англии ему постоянно приходилось искать заработков. Он писал Е.Д.Кусковой: "Живется нам здесь, конечно, много легче и увереннее, чем в Германии и во Франции, хотя с подрастающими детьми (старшим уже 15 и 14 лет) и с дороговизной (относительной) их учения, денег всегда не хватает"¹⁸⁴. В этот период Г.Струве брался за переводы нехудожественной литературы: он переводил книги Н.С.Прокоповича и помогал устраивать публикации Кусковой в английской экономической периодике. Но переводы, видимо, мало способствовали поправлению финансового положения. В ноябре 1938 г. Г.Струве обращался к Е.В.Саблину с просьбой дать денег в долг, а также помочь устроить в Русском доме платный вечер поэзии, где бы он выступил с чтением своих стихов. Он писал: "У меня сейчас ужасное положение: в доме хоть шаром покати, телефон закрыт за неплатеж, я ожидаю кой-каких запоздавших получений, но в течение ближайшей недели ничего не предвидится"¹⁸⁵.

В последующие годы положение исправилось. Г.Струве получил признание как лектор и автор литературно-критических публикаций. Помимо работы в университете, он участвовал в деятельности Общества Северян и сибиряков. На вечерах у Северян он делал доклады о творчестве современных писателей, а в Русском Доме вел вечера приезжавших в Лондон русских писателей, в том числе Н.Тэффи и В.Набокова. В августе 1938 г. в Лондон для работы в библиотеке Британского музея приезжал отец Г.П.Струве. Они не виделись семь лет. Г.Струве писал о нем Е.Д.Кусковой: "Целыми днями неутомимо работает в библиотеках. Постарел и спорился, но умственно необыкновенно бодр еще"¹⁸⁶.

В 1941 г. Г.Струве сотрудничал в агентстве Рейтер в Лондоне в качестве "слухача", затем возглавил русский отдел радиостанции. Во время войны он продолжал свою преподавательскую работу: читал лекции в Оксфорде, куда была переведена часть Школы славянских исследований. В 1943 г. он получил повышение в Лондонском университете, а в 1946 г. был приглашен в Калифорнийский университет. Он принял приглашение и переехал на постоянное жительство в Беркли. Помимо этого университета, которому он посвятил много лет жизни, он читал лекции в Гарварде, университетах Вашингтона, Колорадо, Индианы и Торонто. Летом 1947 г. он ненадолго вернулся в Англию, которую, по его признанию, всегда любил. В 1965 г. он вышел в отставку, но еще два года продолжал преподавать в Калифорнийском университете.

Как литературный критик и историк литературы, Г.Струве отличался необыкновенной продуктивностью: его юбилейная библиография представляет собой объемную брошюру. В своих книгах и статьях он освещал все заметные явления русской литературы и социальной мысли его времени: как эмигрантской, так и советской. В 1944 и 1946 гг. был переиздан в переработанном и дополненном виде его курс лекций о советской литературе: "25 Years of Soviet Russian Literature: 1918-1943"¹⁸⁷. На русском языке в 1956 г. вышла его книга "Русская литература в изгнании"¹⁸⁸. Эта книга и в наши дни остается основным историко-литературным и справочным трудом по истории литературы русского зарубежья. Над историей "двух русских литератур" Г.Струве продолжал работать до конца жизни, выступая в периодике,

читая университетские курсы и дополняя издания своих книг. В 1971 г. вышло новое, расширенное и дополненное издание истории советской литературы с броским названием "Russian Literature Under Lenin and Stalin: 1917-1953" ("Русская литература под Лениным и Сталиным: 1917-53")¹⁸⁹. На белом фоне обложки этого издания художник поместил красную пятиконечную звезду, а название дал шрифтом в стиле плакатов Маяковского.

Г.Струве оставил заметный след в судьбе многих писателей, о которых он писал, произведения которых переводил и публиковал. Он сыграл важную роль в литературной судьбе В.Набокова: ему принадлежат первые статьи о нем в эмигрантской и западной периодике и первые переводы его произведений на английский язык [см. гл. о В.В.Набокове]. В январе 1934 г. Г.Струве написал обзорно-аналитическую статью "Владимир Сирин" в "Славянском обозрении"¹⁹⁰. В 1936 г. он опубликовал заметку о Набокове в газете "Русский в Англии"¹⁹¹. В феврале 1937 г., когда В.Набоков приезжал в Лондон, его вечер в Обществе Северян вел Г.Струве. Он же написал статью об этом вечере в газете "Русский в Англии".

Г.Струве сыграл уникальную посредническую роль в передаче традиции социальной утопии. Дж.Оруэлл впервые узнал о романе Е.И.Замятина "Мы" из книги Г.Струве "25 Years of Soviet Russian Literature: 1918-1943". По признанию писателя, анализ романа в этой книге оказал сильное воздействие на формирование замысла книги "Год 1984". Г.Струве был одним из первых, кто откликнулся на выход романа Дж.Оруэлла в 1949 г. Он выступил с рецензиями в газетах "Русская мысль" и "Новое русское слово". В 1950 г., когда писателя не стало, Г.Струве написал о нем статью "Памяти Джорджа Орвела"¹⁹². В том же году в соавторстве со своей второй женой М.С.Кригер он перевел на русский язык его более ранний сатирический роман "Скотский хутор".

Г.Струве принадлежат первые работы, в которых проводится сравнительный анализ трех главных антиутопий XX века: Е.Замятина, О.Хаксли и Дж.Оруэлла¹⁹³. Самая значительная его статья на эту тему "Новые варианты шигалевщины: О романах Замятина, Хаксли и Орвела" была опубликована в 1952 г. в "Новом журнале". Возводя все три антиутопии к их общему идейному источнику — романам Достоевского, Г.Струве отдал решительное предпочтение роману Замятина [см. гл. о Е.И.Замятине]. К теме преемственной связи трех главных социальных утопий века Г.Струве обращался и позже: в 1972 г. в газете "Новое русское слово" он опубликовал письмо в редакцию по поводу романа "Мы" Замятина в Англии¹⁹⁴. В 1976 г. в той же газете он предпринял перепечатку "Крестьянской утопии" А.В.Чаянова и написал к ней предисловие¹⁹⁵.

Г.Струве внес серьезный вклад в пушкинистику. В 1937 г. он принимал участие в организации Пушкинских дней, торжественно отмечавшихся русской колонией в Лондоне и английскими русистами. К этой дате Г.Струве опубликовал несколько статей о Пушкине в английской и русской прессе: в их числе ценнейшее исследование архивов Пушкина в библиотеке Британского музея, открывшее неизвестные ранее рукописи поэта. В газете "Русский в Англии" Г.Струве опубликовал статью о Пушкине и его переводчике Джордже Борроу (George Borrow). В последующие годы творчество Пушкина всегда оставалось в кругу основных научных интересов ученого.

Одна из важнейших заслуг Г.Струве перед русской литературой состоит в его издательской деятельности. Совместно с Б.Филипповым он выпустил научно подготовленные собрания сочинений Н.Гумилева, Н.Заболоцкого, А.Ахматовой, О.Мандельштама, Б.Пастернака, Н.Клюева. Ему принадлежит первенство в публикации неизданных материалов лондонского архива Н.Гумилева [см. гл. о Гумилеве]. Г.Струве публиковал детальные рецензии на все выходявшие в свет антологии русской литературы в английских переводах, а также исследования английских русистов Макса Хейворда, Дж.Риви, Э.Брауна по истории русской литературы.

Много внимания Г.Струве уделял русско-английским литературным связям на протяжении веков: он писал о путешествии А.И.Тургенева в Шотландию, об англорусском клане Воронцовых, о русских ученых в Англии. Он собирал сведения о своих современниках — русских эмигрантах в Англии в XX веке. Большой интерес представляет его письмо в редакцию газеты "Новое русское слово" за 27 июля 1947 г. Так как этот номер газеты труднодоступен, письмо приводится полностью.

Г.Струве. Русские — доктора Кембриджского университета

Письмо в редакцию

М.Г., г. редактор!

Недавно в Вашей уважаемой газете была напечатана заметка о присвоении почетной степени доктора Кембриджского Университета Н.А.Бердяеву. В этой же заметке говорилось, что до Бердяева этой же чести удостоились лишь трое русских — И.С.Тургенев, П.И.Чайковский и П.Н.Милюков. К этим именам надлежит еще прибавить покойного академика А.С.Лаппо-Данилевского и П.Б.Струве, получивших степень доктора Кембриджского Университета в 1916 г., одновременно с Милюковым, когда все трое приняли участие в устроенной Кембриджским Университетом серии летних лекций о России. Если память мне не изменяет, почетная докторская степень была присуждена тогда заочно и бар. Б.Э.Нольде, который тоже был приглашен прочесть лекции в Кембридже, но не мог покинуть Россию из-за своих обязанностей в Министерстве иностранных дел. Тогда же получил докторскую степень и Роман Дмовский, известный польский политический и общественный деятель, тогда русский подданный, тоже принявший участие в означенных лекциях. Вероятно доктором Кембриджского Университета был и покойный П.Г.Виноградов, правда уже британский подданный. Думается — у меня нет под рукой справочника для проверки этого факта, что доктором Кембриджского Университета является знаменитый ныне советский физик П.А.Капица, несколько лет проработавший в Кембридже до своего вызова обратно в СССР, и проф. Ю.Ломоносов. Возможно, этот список может быть еще пополнен".

С.А.Коновалов

Современником Г.П.Струве среди русских в Англии был Сергей Александрович Коновалов (1899-1982) — сын министра Временного правительства А.И.Коновалова, миллионера и либерала¹⁹⁶. В эмиграции Коновалов-отец в жил в Париже. Коновалов-сын делал университетскую карьеру в Англии. Она складывалась довольно успешно, сначала благодаря, а позднее вопреки Б.Пэрсу, с которым у него были сложные отношения соперничества. С.Коновалов учился в Оксфордском

университете в 1919-1922 гг., в те же годы, что и Г.Струве, и закончил его с дипломом по экономическим и политическим наукам. Г.Струве вспоминал: "Мы были с ним однокашниками по Оксфордскому университету, где он сначала занимался политической экономией, а потом перешел на русскую литературу. Вместе со мной Коновалов был одним из основателей англо-русского клуба в Оксфордском университете в 1920-х годах. Помню его прекрасный доклад там о выступлениях Маяковского в Москве в начале революции"¹⁹⁷. В 1925-1927 гг. С.Коновалов закончил аспирантуру и получил степень бакалавра. В 1927 г. он возглавил русское отделение в университете Бирмингема, где преподавал русский язык и литературу. В 1929 г., уже в звании профессора, он возглавил русскую кафедру в Окфорде. В первое время он читал лекции о древнерусской литературе, много внимания уделяя протопопу Аввакуму, а позднее сосредоточился на современности¹⁹⁸.

Занявшись литературой, С.Коновалов не оставлял своей экономической карьеры. В 1931 г. в Бирмингеме он основал Экономическое Бюро по исследованию экономического положения России. Под его редакцией выходили записки Бюро "Birmingham Bureau of Research on Russian Economic Conditions: Memoranda", на страницах которого публиковались А.М.Байков, С.Н.Прокопович, Е.Д.Кускова, С.П.Тюрин, Ланселот Лоутон и другие. С 1931 по 1940 г. вышло 13 выпусков этого издания. Создавая Бюро, С.Коновалов надеялся, что он сможет оказывать влияние на определенную часть английских политиков: либералов и представителей рабочей партии. Он писал Е.Д.Кусковой: "Если бы мы еще год просуществовали, несомненно мы бы завоевали все права гражданства. Принимая во внимание оттачивание здесь от всего иностранного, замечательное здесь с 1931 г., полное недоверие к русским эмигрантским научным построениям, к эмиграции и пропаганде (всем это надоело здесь вконец) — даже я, пессимист, считаю, что успех наш громадный. Просто смешно, и даже не обидно, что парижане, лондонцы и прочие [эмигранты] нас "проморгали". А ведь могли в свое время помочь (например если бы каждый русский не замалчивал нашей работы, а говорил бы о ней, глядь — сотня подписчиков)"¹⁹⁹.

В газете "Observer" была опубликована заметка, автор которой одобрял и поддерживал деятельность Бюро. Коновалов видел в этом свою заслугу: "Я думаю, что мы в данном случае действительно "повлияли": нас признали, нам поверили". Тем не менее газету "Observer" он характеризовал критически: "Главная лондонская воскресная газета с либеральным уклоном; в свое время резко отгородилась от белого движения; занимала одно время двусмысленную позицию в русском вопросе"²⁰⁰. Деятельность Русского Экономического бюро подвергалась критике со стороны Б.Пэрса, который публиковал экономические исследования о России в "Славянском обозрении" и был, таким образом, конкурентом Коновалова. "Экономические записки" Коновалова подвергались критике со стороны экономистов и публицистов эмиграции, выступавших в парижских "Последних новостях" и "Современных записках". К ним присоединял свой голос лондонский журнал "Moscow Narodny Bank Review". Коновалов объяснял это так: "Думаю, что мне никак не могут простить молодость. Здесь это очевидно: за последние 15 лет устроились здесь "престижно" лишь Винаверы (Манчестер) и я (Бирмингем). И ни я, ни они ни разу не удостоились приглашения в Лондон — англичане нас требуют, русским мы не нужны. Гадюшник,

а не эмиграция! И я считаю, что нет смысла себя с ней тесно связывать. Но горе в том, что вредить эта публика готова при каждом удобном случае”²⁰¹.

В Англии работали русские экономисты С.П.Тюрин (1880-1951) и А.М.Байков (1899-1963). С.П.Тюрин являлся в Англии представителем Земгора в Русском Правительственном комитете, а также был председателем Союза Народопривлечения. Он был автором большого количества работ по экономике и политической истории, опубликованных на английском языке, среди них “Революция и новая Россия” (1917), “Русский Земгор в Англии во время войны и революции” (1920), “От Петра Великого до Ленина: история русского рабочего движения” (1935). А.Байков был членом редколлегии бирмингемских “Записок”, занимался исследованием англо-русских экономических отношений. Но Коновалов находился в конфликтных отношениях с ними. К 1933 г. бирмингемское Бюро стало сдавать позиции в конкуренции с журналом Б.Пэрса “Славянское обозрение”. Б.Пэрс с торжеством писал Кусковой и Прокоповичу: “Коновалов не находит возможности продолжать “Birmingham Memoranda”²⁰². С.Коновалов, со своей стороны, жаловался Прокоповичу на Б.Пэрса, на эмиграцию и на А.Ф.Керенского. Он писал: “В Лондоне он [А.Ф.Керенский] нам конечно портил, но связан он (если вообще связан) лишь с очень правыми кругами консервативной партии, да и с эмиграцией — Тырковой, Саблиным, Брайкевичем, Байкаловым, Гавронским, <...> да и с Пэрсом разводит он шуры-муры. Я убежден, что они ни одного “Memorandum’a” не прочли! А сыновья репортируют предвзято — Глеб [Керенский] вообще считает, что имеет смысл влиять лишь на правое крыло консервативной партии, что же касается английской интеллигенции, то с ней вообще разговаривать не следует: “по морде ей надо давать”²⁰³.

В письме Кусковой от 3 июля 1934 г. Коновалов обвинял Б.Пэрса в некорректном поведении: “Прислал очень грубое письмо англичанина, привыкшего распоряжаться в колонии. <...> Пэрс с русскими обращается как английские колонизаторы-администраторы с индусами. Я уже это заметил, когда он целый час заставил ждать Карташева: без всякой надобности, “для респекта”. Но верно и то, что никогда еще русские с ним так не обращались, злитесь, вероятно, в душе, и не может выругаться”. Б.Пэрсу в это время не удавалось получить визу для поездки в Россию. Свое раздражение он вымещал на знакомых русских. Он напоминал С.Коновалову о том, что образованием в Англии он обязан ему, Пэрсу: если бы не его деятельность в качестве секретаря комитета по отбору студентов, то русских “азиатско-эмигрантов” никогда не приняли бы в Оксфорд, не дали бы возможности учиться в Англии. Только благодаря его настойчивости, подчеркивал он, в английские университеты были приняты Коновалов, Струве, Винавер, князь Щербатов, Барк (сын директора банка), Денисова (дочь предпринимателя, финансировавшего Комитет Освобождения России). Б.Пэрс, как пишет Коновалов, требовал благодарности за то, что этим студентам, “детям обеспеченных и влиятельных родителей разрешили на равных с другими, за свой счет, учиться!” По поводу этих претензий Коновалов заключает: “Пэрс по-видимому рехнулся”. Самолюбие Коновалова было не раз задето замечаниями Пэрса: “Есть форма общественных взаимоотношений, которые ненарушимы в Англии. И я утверждаю, что Пэрс не решился бы этими формами пренебречь, будь я не русский, а англичанин (попробовал бы он написать что-нибудь подобное Смиту, например)”²⁰⁴.

С русской колонией в Англии у С.А.Коновалова не было устойчивых связей. В ответ на расспросы Е.Д.Кусковой о старых знакомых он писал ей: "Вообще я здесь русских не выдаю — элющие, или англазироваанные — да и времени нет на это" ²⁰⁵. Она, видимо, осудила его за такое безразличие к соотечественникам, и какое-то время спустя он писал ей в весьма ироническом тоне: "Вы меня пристыдили в своем письме — как это я не знаю, что делается в русском Лондоне! И я окунулся в колонию — навещал здешних светил. Теперь я знаю, с кем живет А.Ф.<Керенский>, что написал Д.Мирский в последнем письме Муре <Будберг> — бывшей *maitresse* Брюса Локкарта, счета Чермоева в *Savoy Hotel*, дела Гальперна, Вольфа, Брайкевича, Барка и банка, Терещенко и Винавера, как Олег Керенский шикал на П.Н.Милюкова на докладе в Лондоне, и как он сочувствует младороссам; Митя Рубинштейн, Пумпянский, Майский — и Сидней Уэбб, имена русских эмигрантов, учитывающих советские векселя и т.д. и т.д." ²⁰⁶. Русский бомонд явно не привлекал Конавалова и вскоре он снова обособился от соотечественников: "В Лондоне я никого из русских не выдаю, ни с кем не переписываюсь, кроме А.Тырковой и Звегинцева, которых видел раз" ²⁰⁷. Не только русские в Англии, но и эмиграция в целом вызвала раздражение С.Конавалова. К одному из писем он прилагает вырезку из "Таймс" об академике Ольденбурге и отмечает: "Слава Богу, что все англичане помнят о русской культуре, от "Последних новостей" этого ждать не приходится".

Преподавательская карьера Конавалова несколько осложнялась его семейным положением. Он жил раздельно со своей женой, которая осталась в Париже. Об этом он писал Кусковой в 1933 г.: "Благодарю Вас за совет жениться! У меня мысли в данное время совсем не матримониальные: я женился уже раз в 1922 году и у меня даже имеется сын восьми лет. Семейные связи у меня порвались уже пять лет тому назад, и семья моя во Франции. Пожелайте мне — развестись! Но желать этого бесполезно: мое положение здесь и английские условности не позволяют мне ставить этот вопрос (и вряд ли позволят поставить его в будущем). В этом отношении теперешнее — с русской точки зрения ненормальное положение — приемлемее всякого другого: "Жена не переносит английского климата". И все верят, не веря! Большое завоевание, даже чудо, что меня назначили на пожизненный пост (кафедру), зная, что что-то в этом отношении неладно. А женился я очень по Сергею Николаевичу <Прокоповичу>! То есть так, как следует настоящему Конавалову, которому предстоит еще выполнить "проигранную роль" в России, в родовом деле. Жена моя урожденная Морозова (Тверская мануфактура). Но, видимо, я очень далек (или удался) от идеалов и понятий своей среды... Все это говорю без злобы: с женой мы хорошие друзья и отношения у нас добрые" ²⁰⁸.

С.Конавалов нередко навещал в Париже своего отца, бывшую жену и сына, но в "парижском аду" он уставал и предпочитал "спокойную и серьезную" жизнь в Англии. Он писал Е.Д.Кусковой из Парижа: "Париж ужасный город. Не советую Вам сюда перебираться — станете опять яркой социалисткой. Я просто не переношу здешней буржуазности и власти капитала. Лучше уж ехать в СССР" ²⁰⁹. Вскоре он писал ей из Англии: "За три-четыре дня пребывания в Париже я совершенно измучился от эмигрантских настроений: все стоном стонут и пребывают в тихой безнадёжности... Рад, что вернулся". Замечание об СССР не было шуткой: Кона-

валов не раз признавался Кусковой в том, что считал ошибкой свое бегство из России. В одном из писем он пишет: "Под "ошиблись" я разумел — *terribile dictu* — что уехали из России! Но сейчас об этом рассуждать бесполезно — лучше не думать и хранить силы..." 210

В связи с деятельностью Экономического бюро, Коновалов часто бывал в командировках: он ездил в Стокгольм, Ригу, Вильнюс, Берлин. В августе 1932 г. он останавливался у Кусковой и Прокоповича в Праге, затем отправился в Грецию и Италию. Он писал им с Ривьеры: "Люди вокруг полны радости и все какие-то солнечные, а море смеется тысячами огней (как выразился бы М. Горький)". Затем через Париж он вернулся в Лондон. Напряженные отношения с эмиграцией заставляли Коновалова искать новые пути в карьере. Когда он работал в лондонском банке и защищал диссертацию, он познакомился с неким Докучаевым, молодым человеком, лет на пять старше него самого. Докучаев звал Коновалова в Америку, говорил, что там хотя и пришлось бы на первых порах "лифтером поработать", но потом удалось бы пробиться. В Америку переехал Коновалов-отец, но не смог там устроиться так, как хотел. Коновалов-сын считал, что отъезд в Америку был бы для него ошибкой: "Я пошел по своему пути и все-таки пробились, хотя и нарушил коноваловскую традицию. <...> Америка — страна забвения родины. Докучаев устроился, но ведь он заплатил за это дорого — натурализовался".

Когда прекратилась издательская деятельность Экономического бюро, дел у С. Коновалова не стало меньше, он писал своим друзьям, что совсем "завяз в делах". "Суеты слишком много: вчера вернулся из Cheltenham в Лондон, сегодня еду в Оксфорд, завтра — в Бирмингем, в среду в Лондон, в четверг в Кембридж, пятница и суббота — Оксфорд и т.д." Университетская жизнь затянула его, он не без гордости изображает себя "во всем оксфордском величии — белый галстук, горноста́й, синий капюшон, шелковая черная мантия, четырехуголка с кисточкой". Тут же по контрасту описывает свое жилье: живет он в мансарде под самой крышей, в каморке с вечным запахом газа, который сочится из системы отопления. Несмотря на предельную занятость, он испытывал чувство оторванности и одиночества: "Не знаю, согласились бы Вы поселиться в Бирмингеме, где на миллион жителей всего один русский — я, или в Оксфорде, где положение аналогичное. Если бы еще не было вокруг англичан..."

Коновалов считал, что в Оксфорде его возраст — большое неудобство: "Коллегам под 50-60, а студентам — под 20. <...> В этом средневековом монастыре лучше быть или молодым или старым". В письмах Кусковой он пишет о своей молодости, которая "проходит безвестно, бесцельно, дешево, не оставит по себе следа в России". "Нельзя жить без среды, без людей и идей. Подлинная жизнь все-таки там — только там". Жить будущим, пишет Коновалов, невозможно, наивно верить, что в зарубежье делается общее русское дело. Ни радоваться, ни гордиться своим положением он не мог: "Не жалею, но и не доволен". В феврале 1936 г. он писал: "Я один здесь остался "с другой стороны", все перевелись, кроме неугомонного Байкалова. Вообще все меняется: можно ли было думать десять лет тому назад, что генерала Деникина будут бойкотировать в Лондоне. Ирония судьбы: на станции "Виктория" его провожали лишь три эмигранта — два еврея и бывший большевик Байкалов!" В одном из писем он сообщает, что Англия приютила около 200 научных

работников из Германии. "Нам, русским, в свое время не удалось завоевать общественное мнение в Европе и Америке. Конечно, многое объяснимо, но все-таки обидно".

В письмах середины 1930-х гг. Коновалов писал об изменении отношений на международной арене, которое не могло не повлиять на мироощущение представителей русской эмиграции. Он, как будто, разделял отношение "сменовеховцев" к сближению с Россией. "Настроения в Англии со дня на день меняются. Угроза Германии наконец напугала даже широкие круги публики. И все идет к тесному сближению с СССР. Нарушать это течение событий и не следует, и невозможно, и против течения не очень-то комфортабельно плыть". Он подчеркивает, что перемены с 1931 г. произошли большие: "В 1936-37 годах это надо учесть, принять во внимание без жалоб или компромиссов". Однако позиция Коновалова в отношении Советской России оставалась все же осторожной. Например, когда его пригласили читать лекции на собраниях Общества культурных связей с СССР, он спрашивал совета Кусковой, как ему относиться к этой организации: "Может ли она зависеть от Москвы, можно ли на нее влиять?". В конце концов он согласился выступить в Обществе на тему "Моя точка зрения на Россию". Он называл себя и Кускову "анти-интервенционистами" и считал, что не его дело "просвещать капиталистических акул в деле отношения их с Россией".

Расхождения Коновалова с эмиграцией в основном и объясняются его умеренно "сменовеховскими" позициями. В своих взглядах на новую советскую культуру он близок и к левым евразийцам. Как и они, он считал, что русская культура развивается только в России, но не в зарубежье: "Русскую эмиграцию надо учить серьезно относиться к изучению советской действительности. Недопустимо презрение к западноевропейским достижениям: мол, и это все мы можем, лишь бы расчет знать! Эмиграция считает себя солью земли. В России плохо, но не эмиграция сделает хорошо"²¹¹. Он разошелся во взглядах и со своим бывшим однокашником по университету. Г.П.Струве вспоминал: "В 1930-х и 1940-х годах мы оба преподавали в британских университетах, я — в Лондоне, а он — сначала в Бирмингеме, а потом в Оксфорде (со званием профессора). К 1960-м годам, когда я уже жил довольно давно и преподавал в США, наши взгляды сильно разошлись, переписка наша постепенно сошла на нет, и в последние годы я ничего даже не слышал о нем"²¹².

Подобно Н.С.Трубецкому и другим ученым, оказавшимся в эмиграции в относительно молодом возрасте, С.Коновалов остро ощущал неизбежность и сложность перехода в иную культурную среду. Как редактор и издатель, он постоянно сталкивался с проблемой перевода русских работ не только на английский язык, но и на язык иной логики, иного мышления и восприятия. В своих письмах к Кусковой и Прокоповичу, работы которых ему приходилось редактировать для "Экономических записок", он отметил различия в мышлении и изложении мыслей, которые мешают англичанам и русским понимать друг друга. "Не случайно, что никто из русских в Англии не печатается — душа англичанина не принимает склада русской души. И над формой запад работал веками и форму выработал. Поэтому есть пределы "приспособления". В другом письме он не без иронии добавляет: "Хотя вы и русские и англичан недолюбливаете, — нельзя ли разбить работу на главы?". О статье

А.М.Ремизова, которую при переводе пришлось сократить, он писал: "Английский язык и английская форма не допускают ремизовщины и розановщины..."²¹³. Но непонимание проистекало не только из-за различий в построении статей. Камнем преткновения оказывались также психологические различия. Коновалов заметил, что англичанам совершенно непонятна чрезмерная самокритичность русских по отношению к России и к самим себе. Англичане привыкли гордиться своей страной и своими национальными качествами. У русских же с давних времен было принято каяться во всех своих грехах. О статьях Кусковой в "Последних новостях" он писал, цитируя Достоевского: "Широка натура у русского человека, надо сузить. Надо не воевать, а излагать. Писать надо для англичан, а издеваться над Россией здесь не принято". Но не всегда С.Коновалов считал необходимым "приспосабливать" русскую манеру изложения к английскому восприятию. Иногда ему казалось необходимым заставить английских читателей принять русский способ мышления. Про статью Прокоповича, которую перевел на английский Глеб Керенский, он пишет, что хотя она построена не по-английски, она хороша по сути и ее не следует переделывать: "Англичане может быть будут давиться, но все-таки проглотят с благодарностью все до последней строчки". Коновалов предлагал Кусковой и Прокоповичу дать статьи в "Таймс", и рекомендовал Н.А.Даддингтон как известную в Англии переводчицу.

В письмах С.Коновалова к Кусковой встречаются размышления о литературе и издательском деле. В нескольких письмах он бросает замечания о поэзии Блока, цитирует Маяковского. В письме от 23 января 1931 г. он просит ее совета по составлению антологии современной советской литературы: "В своей антологии я хочу дать не только представление о советской литературе, но и о быте, по возможности не очерняя России в глазах иностранцев". В антологию были включены произведения таких авторов как П.Романов, А.Веселый, В.Шкловский, Ю.Олеша, К.Федин, А.Леонов, И.Эренбург, Б.Пильняк, М.Зощенко, М.Замiatин, А.Толстой, И.Бабель, В.Катаев. "По техническим причинам" не удалось включить М.Булгакова, М.Горького, Б.Пастернака и многих других. С.Коновалов предлагал Кусковой принять участие в составлении второй советской антологии "с каким-нибудь не очень приятным для нас заглавием", как например "Пятилетний план в литературе". Он собирался "дать картинки русской жизни и мысли через литературу 1920-х — 30-х годов". Писал, что для составления антологии связался с Адамовичем, но тот ответил неопределенно, считая, что все зависит от отзывов на первый выпуск. Помимо литературных антологий, в более поздние годы С.Коновалов выпустил антологию русской литературной критики XX века: "Russian Critical Essays: XX-th Century" (Oxford, 1971).

С.Коновалов стоял у основания одного из самых уважаемых и престижных академических журналов Англии "Oxford Slavonic Papers", который начал выходить в свет с 1949 г. Он был редактором этого журнала и постоянным его автором. В одном из первых номеров журнала вышла его статья по истории русско-английских связей в XVII веке. В журнале нашел отражение вклад русской эмиграции в английскую филологию: в нем печатались работы Н.М.Бахтина, Р.О.Якобсона, Б.Г.Унбегауна. В более поздние годы при содействии С.Коновалова в журнале публиковались труды советских ученых, таких как П.Р.Берков, Н.К.Гудзий, М.П.Алексеев, Д.С.Лихачев, К.И.Чуковский, В.М.Жирмунский. В журнале были опубликованы первые научные библиографии В.Брюсова и А.Леонова.

Николай Ефремович Андреев (1908-1982) оказался в Англии после Второй мировой войны. С 1919 г. семья Андреевых жила в Эстонии. В 1927 г. он окончил Ревельскую (Таллиннскую) гимназию и в том же году поступил в Карловский университет в Праге на отделение славянской филологии философского факультета. На втором курсе он стал стипендиатом Т.Г.Масарика. Его учителями были В.А.Францев, А.А.Кизеветтер, Е.А.Ляцкий. С 16 лет Н.Е.Андреев занимался журналистикой, сотрудничал в периодических изданиях Ревеля "Новь" и "Наша газета" (1928-1934), публиковал свои художественные произведения и статьи о литературе и театре, выступая под псевдонимами Н.Николин, К.Рем, А.Корсунский, А.-v, N. В 1930 г. в ревельском сборнике "Новь" он опубликовал статью о Набокове-Сирине²¹⁴. В последующие годы он публиковался в пражском журнале "Воля России", в парижских газетах "Русская мысль", "Россия и славянство", в журналах "Числа" и "Возрождение".

В Праге, куда он переехал из Эстонии, он находился в самом центре литературной и научной жизни: был членом литературного содружества "Скит" и сотрудником Археологического института Н.П.Кондакова. В серии статей "Письма из Праги" Н.Андреев освещал культурную жизнь одного из главных центров русского зарубежья. В институт Кондакова он был принят на работу в 1928 г., поначалу на должность библиотекаря, и сотрудничал в нем в течение 18 лет, занимаясь археологией, историей древнерусского искусства, византологией. В 1932 г. он защитил докторскую диссертацию на тему "Дело дьяка Висковатого как идейное и литературное явление", и в 1933 г. ему было присвоено звание доктора философии. Он стал действительным членом Кондаковского института. В том же году он получил специальный исследовательский грант от президента Т.Г.Масарика для продолжения работы в течение пяти лет. С 1939 до 1945 г. Н.Андреев возглавлял институт Кондакова в качестве директора. Во время оккупации Праги Советской армией Н.Андреев был арестован и провел два года в советских лагерях в Чехословакии и Восточной Германии. Институт Кондакова был закрыт, его сотрудники бежали из Праги, а те, кто не успел, попали в советские концлагеря. Мать Андреева была репатриирована советскими властями в Эстонию. После освобождения из лагеря Н.Андреев устроился на временную должность в Магдебургском университете.

Как описывает Н.Андреев в автобиографическом очерке, в мае 1948 г. его вызвали в штаб оккупационных войск британской армии и молодой английский чиновник обратился к нему со словами: "Ваше место назначения — Кембридж"²¹⁵. "Это звучало как пожизненный приговор, — вспоминал Н.Андреев. И в то же время это было продолжением "какого-то нереального, почти сказочного бытия", в котором от его воли мало что зависело. Покидать Германию приходилось с соблюдением конспирации, так как не раз случалось, что накануне отъезда люди исчезали за стенами берлинского кремля. Его вылет был назначен на 30 июля, но в тот день ему не удалось покинуть территорию Германии: напряженно ожидая вызова в объявлении о посадке по радио, он не узнал свою фамилию в английском произношении и пропустил свой самолет. На следующий день уже в воздухе Н.Андреев впервые в жизни оказался среди англичан, выпил свою первую чашку английского чая. Позади осталась мрачная реальность советской тюрьмы, хмурая атмосфера послево-

енного Берлина — впечатления, которые, по мнению Андреева, могли бы “питать творчество Достоевского, Кестлера, Бабея, Кафки и Набокова”.

“Что такое Британия для русского человека?”, — размышлял Н.Андреев в самолете. Он стал вспоминать те общие стереотипные представления, которые были характерны для разных исторических моментов в отношениях России и Англии. С незапамятных времен и в начале века образ страны выражали формулы: “Британия — царица морей” и “Британец никогда не будет рабом”. Андреев вспоминал о союзнничестве России и Англии в Первой мировой войне, речи англофила П.Н.Миллюкова в Думе, делегацию Думы в Англию, поражающее всех сходство между двоюродными братьями Николаем II и Георгом V, всеобщее удивление, которое вызывал тот факт, что царь и царица всю жизнь говорили друг с другом и переписывались по-английски. Во время гражданской войны солдаты генерала Юденича были одеты в британскую военную форму. Англия времен Второй мировой войны особенно запомнилась фразой Черчилля: “Мы будем воевать с ними на море”. Оказалось, что литературные впечатления, на основе которых можно было выстроить образ Англии, мало помогали. Оказавшись на английской почве, он понял, “как опасно полагаться на литературу”: по его словам, литература — от Д.Дефо до Б.Шоу и других современных авторов — является отражением внутреннего мира писателя, но мало рассказывает о реальной жизни.

В лондонском аэропорту Н.Андреева встречала профессор Элизабет Хилл, возглавлявшая в Кембриджском университете славянское отделение ²¹⁶. Она приехала за ним на своем крошечном фиате, который студенты прозвали “блохой”. Э.Хилл вручила ему номер университетской газеты, в котором сообщалось о его назначении на должность лектора на год с октября 1948 г. Г.П.Струве вспоминал: “Своим приглашением в Кембриджский университет Николай Ефремович был обязан Елизавете Федоровне Хилл, выросшей в России англичанке, ученице Святополк-Мирского, написавшей у него диссертацию о Достоевском, и перед Второй мировой войной начавшей преподавать в Кембридже” ²¹⁷. Сама Э.Хилл подтверждала важность своей роли в судьбе Н.Е.Андреева, так как именно она узнала о его бедствиях в последние годы войны и поручила сотрудникам британской оккупационной службы разыскать его и вывезти в Англию ²¹⁸.

В университете Андреева приветствовал Эллис Миннз, глава колледжа Пембрук, специалист по скифским древностям и по иконам. Андреев был знаком с ним по институту Кондакова в Праге. Эллис Миннз познакомил своего коллегу с академическими ритуалами Кембриджа, которые показались ему, как и всем его соотечественникам, очень непохожими на обычаи России и континентальной Европы. В Кембридже на Н.Андреева в первое время ошеломляющее впечатление производили мелочи повседневной жизни, свидетельствовавшие о том, что он оказался в другом мире. Утром у дверей домов без присмотра стояли бутылки с молоком, повсюду на улице стояли оставленные без замков велосипеды, ключ от его квартиры был потерян, никто его не искал, и за все время он так и не понадобился.

В Кембриджском университете Н.Андреев начал работать по двум направлениям: он читал лекции о Киевской и Московской Руси, а также вел курс, посвященный русской социальной мысли XIX и XX веков. Среди важнейших научных исследований Н.Андреева работы “Никон и Аввакум об иконописи” (1961) и

“Литература и иконопись” (1967). Он написал статьи по русской истории в Британской энциклопедии: среди них статья о Ермаке Тимофеевиче, князе А. Курбском, графе Строганове, Иване Грозном, Борисе Годунове. Помимо Кембриджа, Н.Е. Андреев преподавал и экзаменовал студентов в университетах Оксфорда, Лондона, Дарема, Восточной Англии, Эдинбурга, Манчестера, Ноттингема и Рединга.

Со времен своего активного участия в пражской литературной жизни Н.Е. Андреев постоянно писал о литературе: о русской классике, о литературе Советской России и русского зарубежья. Он написал предисловия к тринадцати томам популярной серии “Evghen’s Library”, включавшим произведения Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева. Его статьи посвящены творчеству многих других русских писателей, среди них А.П. Чехов, Вяч. Иванов, Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, Б.К. Зайцев, А.М. Ремизов, И.А. Бунин, Е.И. Замятин, Н.С. Гумилев, М.И. Цветаева, В.В. Набоков, Б.А. Пильняк, Л.М. Леонов. Он опубликовал несколько собственных художественных произведений. В 1948 г. в англо-русской газете “Россиянин” он напечатал сатирическую повесть “Похождения Чичикова за границей”²¹⁹.

В английской периодике Н. Андреев опубликовал несколько значительных работ о русских писателях. Среди них посмертная статья о Бунине, напечатанная 11 ноября 1953 г. в газете “Manchester Guardian”²²⁰, статья о поэме М. Цветаевой “Лебединый стан”, опубликованная в “Славянском обозрении” в 1958 г.²²¹. В послевоенные годы Н.Е. Андреев публиковался в нью-йоркском “Новом журнале” и “Новом русском слове”, а также во франкфуртских журналах “Грани” и “Посев”. В “Гранях” появились статьи о Замятине: о его романе “Мы”, о его повестях и публицистике²²². Н. Андреев рецензировал научные труды своих современников, в частности книги Г. Вернадского “Киевская Русь” и “Монголы и Россия”. Его перу принадлежит подробный анализ книги Г. Струве “Русская литература в изгнании”. В 1972 г. Н. Андреев опубликовал обзор литературы эмиграции с 1920 по 1970 г. в сборнике Н.П. Полторацкого²²³. Ученый работал в Кембридже до своей отставки в 1975 г. Мать Н.Е. Андреева, Екатерина Александровна (1883-1961), урожденная Квашенинникова, с 1958 г. жила с сыном в Кембридже²²⁴.

Дополнения

В период осознания бесперспективности евразийства Н.С. Трубецкой (1890-1938) понял, что придется строить научную карьеру на Западе. Казалось бы, он мог найти пристанище в Англии, где у жили его родственники и где для его научной карьеры были исключительные возможности. Но в действительности оказалось, что некому было оказать ему помощь в поиске места в университете. В ответ на просьбу Р. Якобсона устроить в Англии его знакомого, Н. Трубецкой писал в 1931 г.: “В Англии у меня зацепок нет. Д. Мирский — мелкая сошка и не пользуется достаточным авторитетом”²²⁵. Н. Трубецкому не раз приходилось бывать в Лондоне на научных конференциях. По приглашению Лондонского университета он читал лекции по северо-кавказским языкам. В письме к П.Н. Савицкому от 23 апреля 1934 г. он сообщал: “Лекции мои в Лондоне сошли благополучно. <...> Внешних впечатлений у меня очень мало, так как большую часть времени проводил в кругу

своих родственников. Насколько удалось заметить, Лондон по сравнению с прочей Европой поражает отсутствием внешних признаков экономического кризиса”²²⁶. В мае 1934 г. Н.Трубецкой участвовал в конференции лингвистов. В своих письмах он упоминает Б.Пэrsa, Г.Струве, Б.Унбегауна. В январе 1935 г. он участвовал в Международном конгрессе антропологов и этнографов в Лондоне, в феврале того же года он был приглашен на международный конгресс по фонологии. В Лондоне Н.Трубецкой встречался с С.О.Якобсоном, который работал в библиотеке Лондонского университета и читал лекции по русской истории в Королевском колледже.

В 1930-х годах в издательстве Оксфордского университета работал один из виднейших литературных критиков эмиграции В.В.Вейде. Он надеялся получить место на литературной кафедре в Кембридже и остаться в Англии. В 1940-х годах он принимал участие в деятельности Общества Св.Албания и Преподобного Сергия.

С 1951 по 1960 г. другой известнейший литературный критик эмиграции Г.В.Адамович преподавал русский язык в Манчестере²²⁷. В устройстве на работу в Англии ему помогли, видимо, его масонские связи. Рекомендовал его известный в масонских кругах Б.И.Элькин.

Лингвист Б.Г.Унбегаун с 1953 г. являлся профессором сравнительной славянской филологии в Оксфорде на кафедре славянской филологии. Он имел звание заслуженного профессора Оксфордского университета. В 1965 г. он переехал в Нью-Йорк.

Историк Г.Катков, внучатый племянник М.Каткова, консервативного публициста XIX в., переехал в Англию из Праги в 1939 г. Во время войны он работал на Би-Би-Си в качестве “слухача”. После войны он устроился в Оксфорде, преподавал в колледже Св.Антония. Г.Катков — автор “Истории русской революции”, он писал также статьи о литературе, в частности о Достоевском.

С главными научными центрами Англии, Кембриджем и Оксфордом, связана судьба Д.Д.Оболенского, византолога с мировым именем, автора многочисленных трудов в своей области. Знатор русской поэзии, Д.Д.Оболенский составил английскую антологию, в которую вошли произведения русских поэтов от древности до современности: “The Heritage of Russian Verse” (1962, 1965, 1976) с исключительными по точности прозаическими переводами.

---

¹ Даты жизни Д.П.Святополк-Мирского даются на основании архивных документов, описанных Дж.С.Смитом в готовящейся к изданию монографии о Д.П.Святополк-Мирском. Рукопись была предоставлена мне автором для ознакомления.

² “Повеяло весной”: Речи П.Д.Святополк-Мирского и толки о них прессы. — М., 1904.

³ Е.А.Святополк-Мирская. Дневник // Исторические записки. — 1965. — № 77. — С. 240-288.

⁴ M.Baring. Landmarks in Russian Literature. — L., 1910. — P. 126. Русский перевод: М.Беринг. Вехи русской литературы. — М., 1913. — С. 74-75.

⁵ B.Pares. A Wandering Student: The Story of a Purpose. — Syracuse University Press, 1948. — P. 290.

⁶ Н.Гумилев. Письма о русской поэзии // Соч.: В 3 т. — М.: Худож. лит., 1991. — Т. 3. — С. 75.

⁷ P.Howarth. J.C.Squire: Most Generous of Men. — L., 1963. — P. 138.

⁸ Д.П.Святополк-Мирский. Письмо к Б.Пэрсу от 26 апреля 1922 г. — Letters of Prince D.P.Svyatopolk-Mirsky to Sir Bernard Pares: 1922-1931. — The British Library, ADD MS 49604.

⁹ Prince P.A.Kropotkin. Russian Literature: Ideals and Realities. — NY, 1905; L.: Duckworth, 1915.

¹⁰ G.S.Smith. Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S.Mirsky: 1924-1926 // Oxford Slavonic Papers. New Series. — 1995. — Vol. XXVIII.

¹¹ D.Mirsky. Pushkin /Ed. W.Rose. — L.: Routledge; New York: E.P.Dutton, 1926. — (Republic of Letters Series.)

¹² G.Siegel. [Introd.] //D.Mirsky. Pushkin. — New York: E.P.Dutton, 1963. — P. IX.

¹³ D.Mirsky. Contemporary Russian Literature: 1881-1925. — L.; New-York, 1926; D.Mirsky. A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). — L.; New-York, 1927. Обе книги переведены на русский язык, см.: Д.С.Мирский. История русской литературы с древнейших времен до 1925 г. /Пер. с англ. Р.Зернова. — Лондон: Overseas Publications Interchange, 1992.

¹⁴ А.Бахрах. Самообольщенный князь //Новое русское слово. — 1982. — 31 октября. — С. 5.

¹⁵ B.Pares. A Wandering Student: The Story of a Purpose. — 1948. — P. 290.

¹⁶ Д.П.Святополк-Мирский. Письмо к И.В.Шкловскому от 6 декабря 1921 г. — РГАЛИ. Ф 1390, оп. 2, ед. хр. 48.

¹⁷ Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. — Paris: La Presse franco-russe, 1924.

¹⁸ L.Woolf. Downhill all the Way. An Autobiography of the Years 1919 to 1939. — L.: Hogarth Press, 1967. — P. 26.

¹⁹ J.Stewart. Jane Ellen Harrison. — Merlin Press, 1959. — P. 192.

²⁰ G.S.Smith. Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S.Mirsky: 1924-1926 //Oxford Slavonic Papers. New Series. — 1995. — Vol. XXVIII.

²¹ Д.П.Святополк-Мирский. Письмо к Б.Пэрсу от 19 октября 1922 г. — Letters of Prince D.P.Svyatopolk-Mirsky to Sir Bernard Pares: 1922-1931. — The British Library, Add MS 49604.

²² Д.П.Святополк-Мирский. Письмо к Б.Пэрсу от 20 августа 1924 г. — Ibid.

²³ Д.П.Святополк-Мирский. Письмо к Б.Пэрсу от 20 августа 1925 г. — Ibid.

²⁴ Эту дату Д.Святополк-Мирский называет в "Истории одного освобождения", подтверждают ее и архивы. См.: D.Mirsky. L'Histoire d'une émancipation //La Nouvelle Revue Française. — 1931. — 1 Sept. — № 216. — P. 384-397.

²⁵ [Anon.] A "Eurasian" Manifesto: (P.N. Savickij et al. Isxod k vostoku. Sofija, 1921) //The Times Literary Supplement. — 1922. — 1 June. — P. 350.

²⁶ Статья Д.Святополк-Мирского "О современном состоянии русской поэзии", написанная в июне 1922 г., не была принята П.Б.Струве к изданию в "Русской мысли", так как популяризация советской поэзии не входила в его задачи. Однако много лет спустя его сын Г.П.Струве опубликовал эту статью. См.: Кн. Д.П.Святополк-Мирский о русской поэзии в 1922 году /Публикация Г.П.Струве, с послесл. Дж.Смита //Новый журнал. — 1978. — № 131. — С. 79-110.

²⁷ П.П.Сувчинский. Письмо к П.Н.Савицкому от 7 сентября 1922 г. — ГАРФ, Ф 5783, оп. 1, ед. хр. 388, л. 26.

²⁸ П.П.Сувчинский. Письмо к Дж.С.Смиту от 23 июня 1974 г. — Частный архив.

²⁹ П.П.Сувчинский. Письмо к П.Н.Савицкому от 3 апреля 1923 г. — ГАРФ, Ф 5783, оп. 1, ед. хр. 388, л. 35.

³⁰ D.Mirsky. Two Aspects of Revolutionary Nationalism //Russian Life. — 1922. — Vol. 1. — № 5. — P. 172-174; D.Mirsky. The Exodus to the East //Ibid. — 1922. — Vol. 1. — № 6. — P. 210-212; D.Mirsky. Russian Post-Revolutionary Nationalism //The Contemporary Review. — 1923. — № 124. — P. 191-198.

³¹ G.S.Smith. The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinskii: 1922-31 //Birmingham Slavonic Monographs. — 1995. — № 26. — P. 21, 168.

³² Р.Р.Шиловский. "Here Is Imperial Russia" //The Other Russia. — L., 1990. — P. 296, 307-308. Е.Г.Галицына переписывалась с П.Н.Савицким. В период раскола евразийства она поначалу увлеклась кламарскими идеями, но быстро разочаровалась в них под воздействием убеждений Савицкого.

³³ Сведения о П.С.Арапове см. в статье: А.Соболев. Князь Н.С.Трубецкой и евразийство //Литературная учеба. — 1991. — № 6. — С. 127.

³⁴ В ответ на расспросы Дж.Смита В.Расторгуев вспоминал как в 1926 г. он вез М.Цветаеву и Д.Святополк-Мирского в гости к Галицким.

³⁵ Доклады с мест: О политическом настроении русской эмиграции в Англии, Франции, Польше и Германии. Информация составлена С.Пенни. Берлин, 18-26 января 1925 г. — ГАРФ, Ф 5783, оп. 1.

³⁶ E.J.Harrison. A New Russian School //The Evening Standard. — 1925. — 4 November; [Anon.] "Europasians" //The Living Age. — 1926. — 31 July; L.Lawton. The Synthetic Civilization of Tomorrow //The Sphere. — 1927. — 30 April.

- ³⁷ Kenneth Jay Spalding. *Desire and Reason: Talks on Philosophy*. — L., 1922; Oxford, 1931.
- ³⁸ В начале 1920-х гг. П.Н.Малеvский-Малеvич жил в Англии на ферме Игнатьевых, позднее, в Лондоне проживал в доме адмирала Волкова. Он являлся двоюродным братом мужа Зинаиды Шаховской С.С.Малеvского-Малеvича.
- ³⁹ А.В.Соболев. [Вступит. ст. к публикации:] "Полюса евразийства" //Новый мир. — 1991. — № 1. — С. 181. С именами Арапова и Малеvского исследователь связывает внедрение в евразийское движение с апреля 1924 г. чекистской провокационной организации "Трест". См. также: А.В. Евразийцы и "Трест" //Возрождение. — 1953. — № 30. — С. 126; С.А.Войцеховский. "Трест": воспоминания и документы. — London; Ontario: Zaria, 1974.
- ⁴⁰ G.S.Smith. The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinskii: 1922-31. Birmingham Slavonic Monographs. — 1995. — № 26. — P. 33, 161.
- ⁴¹ Ibid. — P. 41.
- ⁴² П.Н.Савицкий. В борьбе за евразийство: Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах // Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. — Кн. 7. — Париж, 1931. — С. 30.
- ⁴³ П.П.Сувчинский. Письмо к П.Н.Савицкому. [Весна 1925 г.]. — ГАРФ, Ф 5783, оп. 1, ед. хр. 388, л. 57.
- ⁴⁴ Д.П.Святополк-Мирский. Письмо к П.П.Сувчинскому от 11 августа 1923 г. //G.S.Smith. The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinskii: 1922-31. Birmingham Slavonic Monographs. — 1995. — № 26. — P. 23.
- ⁴⁵ D.S.Mirsky. Literature and Politics: 1917-1925 //Contemporary Russian Literature: 1881-1925. — L.; New York, 1926. — P. 241-52. Цит. по кн.: D.S.Mirsky. Uncollected Writings on Russian Literature /Ed. with an Introd. and Bibliography by G.S.Smith. — Berkeley, 1989 (далее UWRL). — P. 197.
- ⁴⁶ D.Mirsky. The Present State of Russian Letters //The London Mercury. — 1927. — № 16 (93). — P. 275-286.
- ⁴⁷ D.S.Mirsky. Contemporary Move ments in Russian Literature //Contemporary Move ments in European Literature /Ed. W.Rose and J.Isaaks. — L.: Routledge, 1928. — P. 151-177.
- ⁴⁸ D.Mirsky. The Eurasian Movement //The Slavonic Review. — 1927. — Vol. 6. — № 17. — P. 311-19; D.S.Mirsky. UWRL. — P. 237-45.
- ⁴⁹ Д.П.Святополк-Мирский. О нынешнем состоянии русской литературы //Благонамеренный. — 1926. — № 1. — С. 90-97; D.S.Mirsky. UWRL. — P. 226.
- ⁵⁰ G.S.Smith. Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S.Mirsky: 1924-1926 //Oxford Slavonic Papers. New Series. — 1995. — Vol. XXVIII.
- ⁵¹ Ив. Бунин. "Версты" //Возрождение. — 1926. — 5 августа. — № 429. — С. 3.
- ⁵² М.Горькому в начале века пришлось общаться с отцом Д.П.Святополк-Мирского — П.Д.Святополком-Мирским. 17 апреля 1901 г. писатель был арестован и заключен в одиночную камеру по доносу о том, что он собирается печатать антиправительственные воззвания. Е.П.Пешкова и друзья М.Горького обратились к А.Толстому с просьбой ходатайствовать о его освобождении из нижегородского острога. А.Толстой написал письмо (от 6 мая 1901 г.) к товарищу министра внутренних дел П.Д.Святополк-Мирскому. Вскоре писатель был освобожден из тюрьмы и отдан под надзор полиции. (См. также: А.Н.Толстой. Собр. соч.: В 22 т. — Т. 19-20. — М.: Худож. лит., 1984. — С.490-491). В другой раз П.Д.Святополк-Мирский удовлетворил письменную просьбу М.Горького заменить северное место ссылки на Крым по состоянию здоровья его самого и его семьи.
- ⁵³ М.Горький. Письмо к А.К.Воронскому от 24 июля 1926 г. //Архив А.М.Горького. — Т. 10. — Кн. 1: М.Горький и советская печать. — М., 1964. — С. 40.
- ⁵⁴ Письма М.И.Цветаевой к Р.Н.Ломоносовой (1928-1931) /Публикация Р.Дэвиса //Минувшее: Исторический альманах. — 1989. — № 3. — С. 222.
- ⁵⁵ А.Бахрах. Самообольщенный князь //Новое русское слово. — 1982. — 31 октября. — С. 5.
- ⁵⁶ V.Pares. A Wandering Student: The Story of a Purpose. — 1948. — P. 290.
- ⁵⁷ О.А.Казнина. Д.П.Святополк-Мирский и евразийское движение //Начала. — 1992. — № 4. — С. 81-88.
- ⁵⁸ А.В.Соболев. Своя своих не познала: Евразийство: А.П.Карсавин и другие: Конспект исследования //Там же. — С. 49-58.
- ⁵⁹ П.Н.Савицкий писал: "Не подлежит никакому сомнению, что в основном газета "Евразия" издавалась на деньги Г.Н.Сполдинг". (Объяснительная записка к Евразийскому архиву эпохи "Клармарского уклона" (1928-1931). 2-3 мая 1938 г. — ГАРФ, Ф 5783, оп. № 1, ед. хр. 472, л. 6.)
- ⁶⁰ English Europasian. Russia in Resurrection: A Summary of the Views and of the Aims of a New Party in Russia. — L., 1928.

⁶¹ С. Лубенский [П.Н.Савицкий]. Евразийская библиография: 1921-1931: Путеводитель по евразийской литературе // Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. — Кн. 7. — Париж, 1931. — С. 285-317. См. также: Славяноведение. — 1992. — № 4. — С. 102.

⁶² П.Н.Савицкий. Письмо к Г.И.Вернадскому от 12 (25) января 1929 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. G.V.Vernadsky Coll. Cataloged correspondence.

⁶³ П.Н.Савицкий. Письмо к Н.Споддинг. — ГАРФ, Ф 5783, ед. хр. 352, л. 32.

⁶⁴ П.Н.Савицкий. Объяснительная записка к Евразийскому архиву эпохи "Кламарского уклона" (1928-1931). 2-3 мая 1938 г. — ГАРФ, Ф 5783, оп. № 1, ед. хр. 472, л. 2-32.

⁶⁵ Н.Споддинг скорее всего ничего не знал о связи Арапова и других евразийцев с советскими спецслужбами и продолжал поддерживать отношения с обоими лагерями до их полного разрыва.

⁶⁶ Н.Споддинг. Письмо к П.Н.Савицкому от 30 января 1929 г. — ГАРФ, Ф 5783, оп. 1, ед. хр. 354, л. 12-13.

⁶⁷ П.Н.Савицкий. Письмо к Н.Споддингу от 7 марта 1929 г. — ГАРФ, Ф 5783, оп. 1, ед. хр. 352, л. 12.

⁶⁸ Н.Споддинг. Письмо к П.Н.Савицкому от 3 декабря 1929 г. — ГАРФ, Ф 5783, оп. 1, ед. хр. 354.

⁶⁹ В.Расторгуев. Письмо к П.Н.Савицкому от 5 февраля 1930 г. — ГАРФ, Ф 5783, оп. 1, ед. хр. 420.

⁷⁰ П.Н.Савицкий. Письмо к Г.В.Вернадскому от 17 (30) мая 1930 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. G.V.Vernadsky Coll. Cataloged correspondence.

⁷¹ П.Н.Савицкий. Объяснительная записка к Евразийскому архиву эпохи "кламарского уклона" (1928-1931). 2-3 мая 1938 г. — ГАРФ, Ф 5783, оп. 1, ед. хр. 472, л. 1.

⁷² В.Нарышкин. Нечто о евразийстве // Рассвет. — 1927. — 11 сентября. — № 3. — С. 5. Статья была написана в Оксфорде 20 августа 1927 г. Благодарю О.Фигурнову за сообщение об этой публикации.

⁷³ За рубежом: Хроника семьи Зерновых. Т. 2: Белград-Париж-Оксфорд: 1921-1972. — Париж, 1973. — С. 355-356.

⁷⁴ Д.Святополк-Мирский. Письмо к М.Горькому от 30 декабря 1930 г. // Ol'ga Kaznina and G.S.Smith. D.S.Mirsky to Maxim Gor'ky: Sixteen Letters (1928-1934) // Oxford Slavonic Papers. New Series. — 1993. — Vol. XXVI. — P. 93.

⁷⁵ П.П.Сувчинский писал в письме к Д.С.Смигу от 23 июня 1974 г.: "Мы были у М.Горького в Сорренто в 1928 году. Я знал Горького еще в Петербурге-Ленинграде, познакомился с ним у Шаляпина. Д.П. <Мирский> не знал его и просил меня с ним познакомиться. Я списался с Горьким и мы получили визы через поэта Унгаретти, что было в то время нелегко" (П.П.Сувчинский. Письмо к Дж.С.Смигу от 23 июня 1974 г. — Частный архив).

⁷⁶ Д.Мирский. Письмо к Горькому от 2 февраля 1928 г. // Ol'ga Kaznina and G.S.Smith. D.S.Mirsky to Maxim Gor'ky: Sixteen Letters (1928-1934) // Oxford Slavonic Papers. New Series. — 1993. — Vol. XXVI. — P. 93.

⁷⁷ D.S.Mirsky. Why I Became a Marxist // Daily Worker. — 1931. — 30 June. — P. 2. На статью обратила внимание информационная служба ТАСС, см.: Бюллетень не для печати, от 4 июля 1931 г., № 182. Письмо эмигранта Д.Мирского в "Дейли Уоркер". Лондон, 30 июня 1931 г. — Институт Мировой литературы Российской Академии наук. Архив М.Горького. КГ-П 51-9-1.

⁷⁸ D.Mirsky. L'Histoire d'une émancipation // La Nouvelle Revue Française. — 1931. — 1 Sept. — № 216. — P. 384-397. Цит. по кн.: D.Mirsky. UWRL. — P. 364.

⁷⁹ В.Лосская. Марина Цветаева в жизни. — М.: Культура и традиции, 1992. — С. 206.

⁸⁰ Р.Иванов-Разумник. Писательские судьбы. — Нью-Йорк, 1951. — С. 22.

⁸¹ Letters of Prince D.P.Svyatopolk-Mirsky to Dorothy Galton. — The British Library. Add MS 49 530.

⁸² Именно так — "enfant terrible" — характеризует Б.Пэрс Д.Мирского в своей книге "A Wandering Student: The Story of a Purpose" (1948). Видимо, определение Д.Мирского показалось ему удачным.

⁸³ Letters of Prince D.P.Svyatopolk-Mirsky to Sir Bernard Pares. — The British Library. Add MS 49 604.

⁸⁴ D.S.Mirsky. Three Views of Russia // The Listener. — 1931. — 11 March. — P. 418.

⁸⁵ D.S.Mirsky. Why I Became a Marksist // Daily Worker. — 1931. — 30 June. — P. 2.

⁸⁶ D.Mirsky L'Histoire d'une émancipation // La Nouvelle Revue Française. — 1931. — 1 Sept. — № 216. — В сокращенном виде очерк перепечатывался в "Литературной газете" (1932. — № 10).

⁸⁷ D.S.Mirsky. UWRL. — P. 360.

⁸⁸ D.S.Mirsky. UWRL. — P. 361-62.

⁸⁹ D.S.Mirsky. UWRL. — P. 362.

⁹⁰ Иное мнение о характере журнала и о собственной роли в евразийстве Д.Мирский высказал в письме к Д.А.Шаховскому от 21 апреля 1926 г.: "Версты" не будут евразийским органом, несмотря на участие нескольких евразийцев (к числу кои я себя не причисляю, хотя отчасти сочувствую)" (Архиепископ Иоанн Шаховской. Биография юности: Установление единства. — Париж, 1977. — С. 212). А.Д.Шаховской в то время был редактором журнала "Благонамеренный", и собирался посвятить евразийству один из номеров своего журнала. Д.Мирский в письме отговаривает его от этого, стараясь, по всей видимости, избежать конкуренции в области литературного евразийства.

⁹¹ D.S.Mirsky. Reporting on the New Russia //The Listener. — 1931. — December 9.

⁹² Flora Solomon, Barnet Litvinoff. Baku to Baker Street: Memoirs. — L.: Collins, 1984. — P. 140.

⁹³ G.S.Smith. The Correspondence of D.S.Mirsky and Michael Florinsky: 1926-32 //The Slavonic and East European Review. — 1994. — January. — Vol. 72. — № 1. — P. 124.

⁹⁴ Ibid. — P. 127.

⁹⁵ Ibid. — P. 133.

⁹⁶ Д.Святополк-Мирский. Письмо к М.Горькому от 30 декабря 1930 г. //Ol'ga Kaznina and G.S.Smith. D.S.Mirsky to Maxim Gor'ky: Sixteen Letters (1928-1934) //Oxford Slavonic Papers. New Series. — 1993. — Vol. XXVI. — P. 93.

⁹⁷ М.Будберг. Письмо к Горькому от 14 марта 1931 г. — ИМЛИ РАН. Архив М.Горького. КГ-раз 1-157/210. Кира — Кира Артуровна Клефт, в девичестве Бенкендорф, племянница М.Будберг, которую она привезла в Англию вместе со своими детьми.

⁹⁸ П.П.Крючков. Письмо к М.Горькому от 3 февраля 1931 г. — ИМЛИ РАН. Архив М.Горького.

⁹⁹ Георгий Яковлевич Сокольников (1888-1939), с 1929 по 1934 г. советский посол в Британии. В период репрессий был отозван из Англии, по возвращении в Россию арестован и подвергнут суду на одном из показательных процессов, широко освещавшихся в прессе. Д.Мирскому пришлось присоединить свой голос к хору проклятий в адрес "троцкистов" (Литературная газета. — 26 января 1937. — № 5 (641). — С.6). Г.Сокольников был осужден на десять лет заключения, но через три года был расстрелян. Реабилитирован в 1989 г. Его жена — Галина Иосифовна Серебрякова (1905-1980) по образованию врач и журналист, автор книг "Очная ставка: Картины английской жизни" (М., Сов.лит., 1933); "Странствия по минувшим годам" (М., 1963, 1965) и др. Была арестована в 1937 г., провела 17 лет в лагерях, но после освобождения продолжала литературную работу.

¹⁰⁰ Д.Мирский. Письмо к М.Горькому от 14 мая 1931 г. //Ol'ga Kaznina and G.S.Smith. D.S.Mirsky to Maxim Gor'ky: Sixteen Letters (1928-1934) //Oxford Slavonic Papers. New Series. — 1993. — Vol. XXVI. — P. 96.

¹⁰¹ G.Smith. Interview with Emeritus Professor Janko Lavrin, 30 January 1974. — Leeds Russian Archive.

¹⁰² Letters of Prince D.P.Svyatopolk-Mirsky to Dorothy Galton. — The British Library. Add MS 49530. Летом 1990 г. в своем доме в Sheringham Д.Голтон дала автору настоящего исследования устные комментарии к своему архиву (магнитофонная запись, частный архив).

¹⁰³ David Wilson. Living in My Time. Цит. по: Leopold Labedz. Stalin and History //Survey. — 1977-78. — Summer. — Vol. 23. — № 3 (104). — P. 139.

¹⁰⁴ V.Woolf. The Diary. Vol. IV: 1931-1935. — L.: The Hogarth Press, 1982. — P. 112.

¹⁰⁵ L.Woolf. Downhill all the Way. An Autobiography of the Years 1919 to 1939. — L.: Hogarth Press, 1967. — P. 24.

¹⁰⁶ М.Горький. Савва Морозов //М.Горький в эпоху революции 1905-1907 годов. — М., 1957. — С. 15. "Потомок Рюриковичей" — князь П.А.Кропоткин, "граф" — А.Н.Толстой.

¹⁰⁷ М.Горький. Письмо к Р.Роллану от 20 февраля 1932 г. // М.Горький и советские писатели: Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 70. — М. 1963. — С. 618. Упоминаемый здесь А.Д.Хилков (1898-1947) принял советское гражданство и приехал в Россию в мае 1934 г. Он устроился рабочим на вагоноремонтный завод в Ленинграде, а на досуге занимался литературным трудом. В 1940 г. был опубликован его роман "Обнаженные корни" из жизни эмиграции. М.Горький помогал Хилкову профессиональными советами.

¹⁰⁸ М.Горький. Письмо к М.Е.Кольцову от 23 июня 1932 г. — ИМЛИ РАН. Архив М.Горького. ПГ-рл 19-22-6.

¹⁰⁹ Интеллигенция и литература Англии: Из доклада Д.П.Мирского // Литературная газета. — 1932. — 29 октября. — № 49 (218). — С.4. Публикация в "Известиях", о которой Д.Мирский пишет в следующей цитате, ни в одной библиографии не отмечена.

¹¹⁰ М.Горький. "Литературные забавы" // М.Горький. О литературе. — М., 1935. — С.343.

¹¹¹ D.Mirsky. The Intelligentsia of Great Britain. — L., 1935.

¹¹² V.Woolf. The Diary /Ed. by Anne Olivier Bell. Assisted by Andrew McNeillie. — L.: The Hogarth Press, 1982. — Vol. IV: 1931-1935. — P. 287-288. В записи от 27 марта 1935 г. В.Вулф рассказывает о том, как оценила выход книги Д.Мирского жившая в Англии русская балерина Лидия Лопухова. Более подробно В.Вулф пишет о книге Д.Мирского в одной из своих критических статей, см.: V.Woolf. The Critical Heritage /Ed. R. Majumdar and Allen Mc Laughlin. — L., 1975. — P. 346-350.

¹¹³ М.Горький. Письмо к Д.П.Святополк-Мирскому от 8 апреля 1934 г. — ИМЛИ РАН. Архив М.Горького. ПГ-рл 26-38-3. Опубликовано в отрывках в кн.: В.Ф.Воробьев. М.Горький о социалистическом реализме. — Львов, 1959. — С.17, 75. Статью Д.Мирского и письмо М.Горького разбирает Н.Анастасьев во вступительной статье к кн.: Д.Мирский. Статьи о литературе. — М., 1987. — С. 16-17. Одно из главных положений письма заключается в том, что "критический реализм был создан "блудными детьми" буржуазии помимо ее воли и не в ее интересах".

¹¹⁴ M.Muggenidge. Like it Was: The Diaries /Selected and ed. by John Bright-Holmes. — L.: Collins, 1984. — P. 24.

¹¹⁵ Ibid. — P. 50.

¹¹⁶ Ibid. — P. 51.

¹¹⁷ Ibid. — P. 60. В письме к Д.Голтон Д.Мирский тоже описывает этот эпизод, указывая, что эта дама была миссис Чемберлен, жена московского корреспондента "Christian Science Monitor".

¹¹⁸ Ibid. — P. 65.

¹¹⁹ M.Muggenidge. Chronicles of Wasted Time. — 1973. Цит. по статье: L.Labedz. Stalin and History //Survey. — 1977-78. — Summer. — Vol. 23. — № 3 (104). — P. 140.

¹²⁰ М.Горький. О литературе. — М., 1935. — С. 357.

¹²¹ Литературная газета. — 1937. — 26 апреля. — № 18 (654). — С. 3-4.

¹²² Р.Иванов-Разумник. Писательские судьбы. — Нью-Йорк, 1951. — С. 22.

¹²³ Ю.Иваск. О смерти князя Святополк-Мирского //Новый журнал. — 1977. — № 127. — С. 290-292.

¹²⁴ А.Краснов-Левитин. Лихие годы: 1925-1941. — Paris: YMCA-press, 1977. — С. 317.

¹²⁵ В готовящейся к изданию монографии Дж.С.Смита о Д.Мирском впервые сообщаются документированные сведения о гибели Д.Мирского.

¹²⁶ L.Woolf. Downhill all the Way. An Autobiography of the Years 1919 to 1939. — L.: Hogarth Press, 1967. — P. 22-23.

¹²⁷ Г.Струве. Русская литература в изгнании. — 2-е изд. — Париж, 1984. — С. 77.

¹²⁸ Д.Мирский. Письмо к М.Горькому от 30 декабря 1930 г. //Ol'ga Kaznina and G.S.Smith. D.S.Mirsky to Maxim Gor'ky: Sixteen Letters (1928-1934) //Oxford Slavonic Papers. New Series. — 1993. — Vol. XXVI. — P. 94.

¹²⁹ Д.П.Святополк-Мирский. Валерий Яковлевич Брюсов //Современные записки. — 1924. — Кн. 22. — С. 425.

¹³⁰ А.И.Гучков (1862-1936) — председатель Третьей Государственной думы, военный министр Временного правительства, глава партии октябристов, ближайший сторонник П.А.Столыпина. См. кн.: Александр Иванович Гучков рассказывает: Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. — М., 1993.

¹³¹ G.Smith. Interview with Vera Traill. — Leeds Russian Archive.

¹³² М.Цветаева. Письма к В.А.Трейл. — Leeds Russian Archive.

¹³³ Из писем Марины Цветаевой к Саломее Андрониковой-Гальперн. Публикация Г.П.Струве // Вестник Русского Христианского Движения. — 1983. — № 138. — С. 164-189.

¹³⁴ Д.П.Святополк-Мирский. Письма к В.А.Трейл за март-июль 1930 г. — Leeds Russian Archive. См. также: G.S.Smith. Interview with Vera Traill. — Leeds Russian Archive.

¹³⁵ Д.Мирский. Письмо к М.Горькому от 19 февраля 1933 г. //Ol'ga Kaznina and G.S.Smith. D.S.Mirsky to Maxim Gor'ky: Sixteen Letters (1928-1934) //Oxford Slavonic Papers. New Series. — 1993. — Vol. XXVI. — P. 101-102.

¹³⁶ Р. Гуаль. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 2. Россия во Франции. — Нью-Йорк, 1984. — С. 33.

¹³⁷ Alain Brossat. Agents de Moscou. — Paris, 1988. См. перевод отдельных глав этой книги в публикации: Ален Бросса. Групповой портрет с дамой // Иностранная литература. — 1989. — № 11. — С. 226-249. Глава "Наследница" посвящена Вере Трейл. См. также: А. Кривопапов. Кто она, Вера Трейл-Гучкова? Последнее слово — за архивами НКВД // Известия. — 22 сентября 1992. — № 211. — С. 7.

¹³⁸ V. Woolf. The Diary. Vol. IV: 1931-1935. — L.: The Hogarth Press, 1982. — P. 112. В. Вулф не называет имени подруги Д. Мирского, но В. А. Трейл сама раскрыла этот факт в интервью с Дж. Смитом (G.S. Smith. Interview with Vera Traill. — Leeds Russian Archive).

¹³⁹ Первое издание этой книги вышло одновременно в Лондоне и Нью-Йорке: Ivan Bunin. Memories & Portraits. Translated by Vera Traill and Robin Chancellor. First Edition. — L.: John Lehmann, 1951; Ivan Bunin. Memories & Portraits. Translated by Vera Traill and Robin Chancellor. Copyright by Ivan Bunin. First Edition. — New York: Doubleday & Co Inc., 1951.

¹⁴⁰ Vera Traill. Obituary // The Independent. — 1987. — 4 May.

¹⁴¹ Ссылки даются на испр. и доп. изд.: Н. Н. Берберова. Железная женщина. Рассказ о жизни М. И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях. — М.: Книжная палата, 1991.

¹⁴² Tanya Alexander. An Estonian Childhood. — L., 1989; first published as A Little of All That. — L., 1987. См. рец.: О. Казнина. T. Alexander. An Estonian Childhood: A Memoir. London, 1989 // Диапазон: Вестник иностранной литературы. Всесоюзная Государственная библиотека Иностранной литературы. — 1991. — № 3. — С. 30-32.

¹⁴³ Р. Брюс Локкарт. История изнутри: мемуары британского агента. — М.: Новости, 1991. — С. 224.

¹⁴⁴ М. Горький. Письмо к Б. Муссолини от 6 октября 1925 г. — ИМЛИ РАН. Архив М. Горького. ПГ ин 59 29/5 31468 (59 29/2 6900).

¹⁴⁵ Сведения получены от дочери К. А. Бенкендорфа Н. К. Брук.

¹⁴⁶ Эта версия дается в фильме "Под знаком Скорпиона", снятом по сценарию А. Лапшина при консультации д. н. н. А. Д. Макеева на Студии детских и юношеских фильмов им. А. М. Горького (1995 г.).

¹⁴⁷ М. Горький и советские писатели: Неизданная переписка. Литературное наследство. — Т. 70. — М., 1963. — С. 308-10.

¹⁴⁸ Н. Н. Берберова. Железная женщина. — 1991. — С. 292-295.

¹⁴⁹ О. Ивинская. В плену времени: Годы с Борисом Пастернаком. — Paris, 1978.

¹⁵⁰ Nicholas Bachtin. Lectures and Essays / Biographical Introd. by A. E. Duncan-Jones, Francesca M. Wilson et al. — Birmingham: Birmingham University Press, 1963. — P. 1-16.

¹⁵¹ С. С. Конкин, А. С. Конкина. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. — Саранск, 1993. — С. 35, 41-43, 361. В книге использованы материалы Госархива Одесской области и материалы фонда Н. М. Бахтина из Государственного исторического архива Ленинграда, а также другие документальные материалы.

¹⁵² Михаил Иосифович Лопатто (1896?-1981) учился в Вильне в одной гимназии с Н. М. Бахтиным. Издавал книгу стихов. Эмигрировал из Одессы во Флоренцию.

¹⁵³ N. Bachtin. The Symbolist Movement in Russia <1934> // N. Bachtin. Lectures and Essays. — 1963. — P. 41. Статья "Движение символизма в России" по всей видимости является лекцией, прочитанной перед английской аудиторией.

¹⁵⁴ N. Bachtin. The Russian Revolution as Seen by a White Guard // Ibid. — P. 45-61. Далее, где нет ссылок, цитируется это издание мемуаров Н. Бахтина "Воспоминания белогвардейца".

¹⁵⁵ Вильям Эджертон. Ю. Г. Оксман, М. И. Лопатто, Н. М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве "Омфалос" // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. — Рига: Зинатне, 1990. — С. 211-241.

¹⁵⁶ Н. М. Бахтин. Из жизни идей: Статьи, эссе, диалоги / Сост., послесл., коммент. С. Р. Федякина. — М.: Лабиринт, 1995. — С. 5-9.

¹⁵⁷ R. F. Christian. Some Unpublished Poems of Nicholas Bachtin // Oxford Slavonic Papers. New Series. — 1977. — Vol. X. — P. 107-112. В публикации приводится 24 стихотворения, написанных зимой 1923-24 г.

¹⁵⁸ К положению Н. Бахтина близки взгляды на интеллигенцию И. Берлина. См.: Isaiah Berlin. Russian Thinkers. — L., 1978; его же: The Current in the History of Ideas. — L., 1979; The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. — L., 1990.

- ¹⁵⁹ D.Lodge. After Bakhtin: Essays on fiction and criticism. — L.: Routledge, 1990. — P. 3.
- ¹⁶⁰ T.Eagleton. Письмо к автору настоящего исследования от 30 апреля 1996 г. — Частный архив.
- ¹⁶¹ T.Eagleton. Saints and Scholars. — L.: Futura, 1987. — P. 24-26. Ср. эту картину с отрывком из "Воспоминаний белогвардейца" Н.Бахтина: N.Bachtin. The Russian Revolution as Seen by a White Guard // N.Bachtin. Lectures and Essays. — 1963. — P. 50.
- ¹⁶² Н.М.Бахтин. Современность и фанатизм // Звено. — 1925. — № 140.
- ¹⁶³ Н.М.Бахтин. Из жизни идей. — 1995. — С. 3-4.
- ¹⁶⁴ T.Eagleton. Saints and Scholars. — P. 26-27.
- ¹⁶⁵ Ibid. — P. 27.
- ¹⁶⁶ Ibid. — P. 29.
- ¹⁶⁷ Ibid. — P. 29-30.
- ¹⁶⁸ Ibid. — P. 30.
- ¹⁶⁹ Ibid. — P. 35.
- ¹⁷⁰ A.E.Duncan-Jones, F.M.Wilson. Biographical introduction // Nicholas Bachtin. Lectures and Essays. — 1963.
- ¹⁷¹ K.Clark, M.Holquist. Mikhail Bakhtin. — Cambridge (Mass.); L., 1984. — P. 20-21.
- ¹⁷² С.Р.Федякин. Вместо введения: Современность и фанатизм // Н.М.Бахтин. Из жизни идей: Статьи, эссе, диалоги. — М., 1995.
- ¹⁷³ Oxford Slavonic Papers. — 1951. — № 2; 1964. — № 11.
- ¹⁷⁴ Robert P.Hughes (comp.). Gleb Struve: A Bibliography // California Slavic Studies /Eds. N.V.Riasanovsky, G.Struve, Thomas Eekman. — Berkeley: University of California Press, 1980. — Vol. XI. — P. 269-317. См. также: Г.П.Струве. Краткая автобиография // Содружество /Ред. Т.П.Фесенко. — Вашингтон: Виктор Камкин, 1966: [Подпись:] Х. Чествование Г.П.Струве // Русская мысль. — 1971. — 25 ноября; В.Самарин. Г.П.Струве // Записки русской академической группы в США (Transactions). — 1975. — Т. 9. — С. 309-313.
- ¹⁷⁵ G.Struve. Bolshevism as I saw it // The Oxford Outlook. — 1919. — June. — Vol. I. — № 2; G.Struve. Russia: A Problem // The Oxford Outlook. — 1920. — May. — Vol. II. — № 7.
- ¹⁷⁶ Внепартийный осведомительный центр: Беседа с Е.В.Саблиным // Россия. — 1927. — 17 сентября; Англичанин о старой и новой России // Россия и славянство. — 1929. — 16 февраля; 50-летие проф. Р.В.Ситона-Уотсона // Россия и славянство. — 1929. — 31 августа.
- ¹⁷⁷ Г.П.Струве. Письма к Дж.Смиту от 7 ноября 1977 г.; 8 сентября 1979 и 24 апреля 1982 г. — Частный архив.
- ¹⁷⁸ В.Ф.Ходасевич. Письмо Глебу Струве от 18 августа 1933 г. // Мосты. — 1970. — № 15. — С. 398.
- ¹⁷⁹ Г.П.Струве. Дневник читателя: К кончине Н.Е.Андреева // Новое русское слово. — 1982. — [после 6 марта].
- ¹⁸⁰ Г.П.Струве. Письмо к Е.В.Саблину от 31 мая 1932 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. E.V.Sablin Coll.
- ¹⁸¹ Русская литература в Лондонском университете [Вырезка из газеты. Б.д. [1932]] — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 3. Reel 4. Clippings.
- ¹⁸² G.Struve. The Art of Ivan Bunin // The Slavonic and East European Review. — 1933. — January. — Vol. XI. — № 32.
- ¹⁸³ G.Struve. Soviet Russian Literature. — L., 1935.
- ¹⁸⁴ Г.П.Струве. Письмо к Е.Д.Кусковой от 13 июля 1938 г. — ГАРФ. Архив Е.Д.Прокопович-Кусковой. Ф 5865, оп. 1., ед. хр. № 479.
- ¹⁸⁵ Г.П.Струве. Письмо к Е.В.Саблину от 8 ноября 1938 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. E.V.Sablin Coll.
- ¹⁸⁶ Г.П.Струве. Письмо к Е.Д.Кусковой от 16 августа 1938 г. — ГАРФ. Архив Е.Д.Прокопович-Кусковой. Ф 5865, оп. 1., ед. хр. № 479.
- ¹⁸⁷ G.Struve. 25 Years of Soviet Russian Literature: 1918-1943. — L.: Routledge, 1944; 1946.
- ¹⁸⁸ Г.Струве. Русская литература в изгнании /Сост. и вступ. ст. К.Ю.Лаппо-Данилевского. — 3-е изд., испр. и доп. — Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996.
- ¹⁸⁹ G.Struve. Russian Literature Under Lenin and Stalin: 1917-1953. — Oklahoma, 1971.

¹⁹⁰ G.Struve. Current Russian Literature: Vladimir Sirin //The Slavonic and East European Review. — 1934. — January. — Vol. XII. — № 35.

¹⁹¹ Г.Струве. О В.Сирине //Русский в Англии — 1936. — 15 мая. — № 9. — С. 3. (Новости науки и техники); Г.Струве. Владимир Сирин-Набоков: К его вечеру в Лондоне 20-го февраля //Русский в Англии. — [15 февраля 1937 г.] Просмотреть этот номер газеты de visu не удалось.

¹⁹² Г.Струве. Человечество в 1984 году: Новый роман о тоталитаризме (рец. на кн.: George Orwell. 1984. London & New York, 1949) //Русская мысль. — 1949. — 24 июня; Г.Струве. Через 35 лет: Новая сатира на тоталитаризм (рец. на кн.: George Orwell. 1984. London & New York, 1949) //Новое русское слово. — 1949. — 10 июля; Г.Струве. Дневник читателя: Памяти Джорджа Орвела //Новое русское слово. — 1950. — 19 февраля; Г.Орвелл. Скотский курор /Пер. Г.П.Струве совместно с М.Кригер. — Франкфурт: Посев, 1950; переизд. 1967, 1971.

¹⁹³ Г.Струве. Новые варианты шигалевщины: О романах Замятина, Хаксли и Орвелла //Новый журнал. — 1952. — Кн. 30; G.Struve. Letter to the Editor: Russian Anti-Utopia Anticipated Huxley, Orwell //The New Leader. — 1953. — 9 March.

¹⁹⁴ Г.Струве. Письмо в редакцию: "Мы" Замятина в Англии //Новое русское слово. — 1972. — 3 августа.

¹⁹⁵ Г.П.Струве. Об А.Б.Чаянове и его утопии // Новое русское слово. — 1976. — 31 марта. [Вступ. ст. к перепечатке повести "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии", которая печаталась в газ. "Новое русское слово", между 1 и 15 апреля 1976 г.]

¹⁹⁶ О семье Коноваловых см.: П.А.Бурыйшин "Москва купеческая". — М.: Современник, 1991. — С. 159.

¹⁹⁷ Г.П.Струве. Дневник читателя: К кончине Н.Е.Андреева //Новое русское слово. — 1982 — [после 6 марта].

¹⁹⁸ Некоторые биографические сведения о С.А.Коновалове почерпнуты в книге: R.E.F.Smith. A Novelty: Russian at Birmingham University: 1917-67. — Birmingham, 1987. — P. 14-19.

¹⁹⁹ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой. 1931 г. Б.д. — ГАРФ. Архив Е.Д.Прокопович-Кусковой. Ф 5865, оп. 1, ед. хр. 225, л. 8. Далее, где источник не указан, письма цитируются по этому же архивному фонду. Сотрудничество С.Н.Прокоповича и Е.Д.Кусковой в бирмингемских "Memoranda" отмечено в кн.: R.E.F.Smith. A Novelty: Russian at Birmingham University: 1917-67. — Birmingham, 1987. — P. 20-21.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой от 19 ноября 1934 г. — ГАРФ. Архив Е.Д.Прокопович-Кусковой. Ф 5865, оп. 1, л. 270.

²⁰² Б.Пэрс. Письмо к Е.Д.Кусковой от 19 января 1933 г. — Там же.

²⁰³ С.А.Коновалов. Письмо к С.Н.Прокоповичу от 31 января 1933 г. — Там же. — Л. 247-48.

²⁰⁴ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой от 3 июля 1934 г. — Там же. — Л. 276-79.

²⁰⁵ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой. 1931 г. Б.д. — Там же. — Ед. хр. 225. — Л. 8.

²⁰⁶ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой. Б.д. [1931] — Там же. — Л. 67.

²⁰⁷ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой. [1933?]. — Л. 109.

²⁰⁸ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой от 27 апреля [1933?]. — Там же. — Л. 80.

²⁰⁹ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой. Б.д. — Там же. — Л. 150.

²¹⁰ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой от 27 апреля [1933?]. — Там же. — Л. 80.

²¹¹ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой. Б.д. — Там же. — Л. 83-85.

²¹² Г.П.Струве. Дневник читателя: К кончине Н.Е.Андреева //Новое русское слово. — 1982. — [после 6 марта].

²¹³ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой от 13 мая [не позднее 1935 г.]. — Там же. — Л. 92.

²¹⁴ Н.Андреев. Сирин //Новь. Третий сборник произведений и статей молодежи ко "Дню Русской культуры". — Ревель, октябрь 1930.

²¹⁵ Nikolay Andreyev. Your destination is Cambridge //Cambridge Review. — 1979. — Vol. C. — № 2251. — P. 176-181.

²¹⁶ Elizabeth Hill. Preface to N.Andreyev. Studies in Muscovy: Western Influences and Byzantine Inheritance. — L.: Variorum Reprints, 1970.

²¹⁷ Г.П.Струве. Дневник читателя: К кончине Н.Е.Андреева //Новое русское слово. — 1982. — [после 6 марта]. Что касается диссертации о Достоевском, Г.П.Струве, возможно, путает Э.Хилл с Э.Мучник (Helen Muchnic), которая была ученицей Д.Мирского и написала книгу:

Dostoevsky's English Reputation (1881-1936) //Smith College Studies in Modern Languages. — Vol. XX. — October, 1938 — July, 1939. — Northampton, Mass.

²¹⁸ Магнитофонные записи беседы с Э.Хилл. — Кембридж, август 1990 г. — Частный архив.

²¹⁹ Повесть перепечатывалась под псевдонимом "С.Несмеянов" в 1980 г. в газете "Новое русское слово" за 12, 19 и 26 января; 2, 9, 16 и 23 февраля; 1 и 8 марта.

²²⁰ N.Andreyev. Ivan Bunin: An Appreciation //Manchester Guardian. — 1953. — 11 November.

²²¹ The Slavonic and East European Review. — 1958. — Vol. 37. — № 88.

²²² Н.Андреев. "Мы" Замятина //Грани. — 1952. — № 16. — С. 171-173; Н.Андреев. "Ересь" Замятина. [Послесловие к публикации в "Новом журнале" повести Замятина "Наводнение" и статей "Современная русская литература" и "Психология творчества"] //Грани. — 1956. — № 32. — С. 118-126.

²²³ Ник.Андреев. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом: Опыт постановки темы //Русская литература в эмиграции /Сб. под ред. Н.П.Полторацкого. — Питтсбург, 1972. — С. 15-38. О Н.Е.Андрееве см.: В.В.Вейдле. Об исторических трудах Н.Е.Андреева //Новый журнал. — 1971. — № 105; Ю. Иваск. Памяти Н.Е.Андрева (1908-1982) //Новое Русское слово. — 1982. — 14 марта; To Honour Nikolay Andreyev: Essays on the occasion of his seventieth birthday /Ed. by W.Harrison and A.Pyman //Canadian-American Slavic Studies. — 1979. — Spring-Summer. — Vol. 13. — Nos 1-2; T.Pachmuss. Russian Literature in the Baltic Between the World Wars. Slavica. — Columbus (Ohio), 1988. Curriculum Vitae Н.Е.Андреева //Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. — М., Наука, 1992. — С. 225.

²²⁴ Климов Е. Встречи //Новое русское слово. — 1978. — 18 июня. — С. 4.

²²⁵ N.S.Trubetskoy's Letters and Notes. Prepared for publication by Roman Jacobson. — The Hague-Paris, 1975. — P. 194.

²²⁶ Н.С.Трубецкой. Письмо к П.Н.Савицкому от 23 апреля 1934 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. G.V.Vernadsky Coll. Cataloged correspondence. Box 7.

²²⁷ См.: Письма Г.Адамовича к И.Одоевцевой и Г.Иванову (1955-1958) /Сост., вступ. ст. и прим. О.А.Коростелева. — М., 1966 (готовится к изданию). Благодарю О.А.Коростелева за это сообщение. См. также: Н.Н.Берберова. Люди и логи //Вопросы литературы. — 1990. — № 5. — С. 144.

Часть 3. Русские писатели в Англии

Е.И.Замятин

Как в жизни, так и в творчестве Евгения Ивановича Замятина (20.1 (1.2). 1884, Лебедянь — 10.3.1937, Париж) невозможно выделить и отдельно рассмотреть “английскую тему”. Она парадоксальным образом вплетена в его исконно русские замыслы и бытие. Он с гордостью носил прозвище “англичанин”, но проныцательный А.М.Ремизов по этому поводу заметил: “Замятин из Лебедяни, тамбовский, чего русее, и стихия его слов отборно русская. Прозвище “англичанин”. Как будто он и сам поверил — а это тоже очень русское. Внешне было “прилично” и до Англии... и никакое это не английское, а просто под инженерскую гребенку, а разоидется — смотрите: лебедянский молодец с пробором!”¹. Д.Мирский считал, что Замятин, в одном ряду с Ремизовым и Пришвиным, в предвоенные годы возглавил новую школу русской прозы, стоял у истоков ее возрождения. Один из самых русских по духу писателей, “скиф”, Замятин в то же время был страстным поклонником творчества Г.Уэллса, его лучшим в России переводчиком, биографом и комментатором. Замятин был одновременно западником и антиевропеистом: он восхищался западной техникой, но не принимал западной иерархии ценностей.

Судьба связала его с Англией во время Первой мировой войны. В марте 1916 г. он был командирован для наблюдения за строительством ледоколов для русского военного флота на английских судостроительных верфях. Он вспоминал: “Зима 1915-16 года — опять какая-то метельная, буйная — кончается дуэльным вызовом в январе, а в марте — отъездом в Англию”². В корабельном деле у России и Англии были связи со времен Петра Первого. Англия была родиной первых русских ледоколов. О “Ермаке”, построенном на заводе Армстронга в Ньюкасле в 1880-х годах по проекту адмирала Макарова, Замятин писал: “Дед всех ледоколов” — это “Ермак”, и это самый большой из построенных до сих пор ледоколов. Дед “Ермак” жив и работает до сих пор: так прочно и надежно строили англичане в те годы, когда еще прочен и надежен был их фунт стерлингов”³. Во время войны строительство ледоколов для России возобновилось в союзнической Англии. В качестве специалиста, представляющего Россию в Англии, был рекомендован Замятин, которого хорошо знал Митчелл, партнер Армстронга, возглавлявший английское судостроительное дело в Санкт-Петербурге. Замятин вспоминал, как появились новые ледоколы: “...Во время войны — сразу целый выводок, целая стая ледоколов: “Ленин” (прежнее, дореволюционное имя “Ленина” было “Святой Александр Невский”), “Красин” (до революции “Святогор”), два близнеца — “Минин” и “Пожарский” (не помню их новых имен), “Илья Муромец” и штук пять маленьких ледоколов. Все эти ледоколы были построены в Англии, в Ньюкасле и на заводах около Ньюкасла; в каждом из них есть следы моей работы, и особенно в “Александре Невском” — он же “Ленин”: для него я делал аванпроект, и дальше ни один чертеж этого корабля не попадал в мастерскую, пока не был проверен и подписан: “Chief surveyor of Russian Icebreakers’ Building E.Zamiatin”⁴.

В Англии Замятин работал в портовых городах Ньюкасл-он-Тайн, Сандерленд, Саусшилдс, бывал также в Глазго, Эдинбурге и Лондоне. Почти два года, проведенные в Англии, не оставили, как ни удивительно, следов в британских архивах. Как выяснил А.Майерс, имя Замятина не значится ни в архивах компании Армстронга в Ньюкасле, ни в портовых архивах других городов, а его подпись не стоит ни на одном из сохранившихся аванпроектов⁵. В архивах Института Инженеров и кораблестроителей Северо-восточного побережья, также не обнаружено следов пребывания Замятина. Передвижения Замятина по Англии также нигде не регистрировались: не отмечены ни его приезды в Глазго в 1916 и 1917 гг., ни его участие в спуске на воду двух выстроенных там ледоколов. Объяснение этого удивительного обстоятельства А.Майерс видит в том, что в те времена иностранцев не заставляли регистрироваться в местной полиции. О пребывании Замятина в Англии, таким образом, можно составить представление в основном по его письмам, записным книжкам, очеркам и художественным произведениям.

По приезду в Ньюкасл в марте 1916 г. Замятин остановился в привокзальном отеле, а затем переехал в частный дом по адресу 10 Cavendish Place, принадлежавший некой миссис Тэйлор. Позднее он поселился в доме по адресу: 19 Sanderson Road⁶. Первые, да и последующие впечатления Замятина от Англии были безотрадными. В письме к своей невесте Л.Н.Усовой он набросал портрет города: "...Сам Ньюкасл — какой противный. Все улицы, все жилые дома — одинаковые, понимаете — совершенно одинаковые, как амбары хлебные в Питере возле Александро-Невской Лавры. Когда мы ехали мимо, я спросил: "Это у вас что за склады?" — "Это жилые дома". По делам кораблестроения Замятину приходилось бывать в Глазго и Эдинбурге. Свои впечатления от столицы Шотландии он оставил в записной книжке под заголовком "Эдинбург": "Шпили и башни в тумане, все далекое — не то воспоминание, не то сказка. Замок на утесе посреди города. Солнце как-то всегда за утесом садится и замок на фоне ярко-оранжевого неба угольно-черный, резкие чернятся углы и ступеньки, и зубцы на ярком небе. <...> Узкие переулочки — панорамы восточные. Надписи: "Little Jack Close", "Big Jack Close". Старые дома, лестнички вверх. Шотландские мальчишки — гиды, однотонно сообщающие о казни Марии Стюарт и прочих вещах"⁷. Здесь же Замятин отмечает: "Прекрасная тюрьма. Красота". Позднее Замятин вспомнил Эдинбург, когда находился в Праге: "Похоже на Эдинбург. — Неровно, беспорядочно, весело. Уже нет берлинского ранжира, перейти улицу труднее..."⁸

Замятин побывал и в Лондоне. По дороге он увидел знакомую картину: "...Мимо мелькают все те же амбарные города, одинаковые, стриженные под нулевой номер. Ужас какое отсутствие воображения"⁹. В Лондоне Замятину удалось попасть на торжественное шествие Лорд-Мэра, которое традиционно проводится раз в год. Его водили в театр — на чеховский спектакль "Вишневый сад", где он с особой остротой ощутил барьер понимания между русскими и англичанами: " — Ставили в Лондоне ("Stage Theatre") "Вишневый сад". Проектируют: все — в шубах. "Но ведь лето же?" — "Но ведь это в России". И все горничные — в русских костюмах"¹⁰. Однако сам театр его заинтересовал: "Здесь, в Stage Theater — имеют право ставить всякие пьесы без цензуры. Театр закрытый. Здесь, например, идут "Огни Ивановой ночи", "Саломея" Уайльда". Однако он добавляет, что обще-

ственное мнение бывает пострашнее цензуры: "А вообще — всякий английский гражданин имеет право подать жалобу в суд на любую пьесу или любое произведение, если находит его не согласным с моралью. Так, ведь, было с Уайльдом" ¹¹.

В записной книжке Замятин пишет о газетах в Лондоне: "...700 акров канадских лесов вырубает еженедельно, чтобы можно было выпустить воскресный номер лондонской газеты в 3-4 миллионов экземпляров. ...Специальные поезда для развозки выпусков таких газет как "Times", "Daily Mail" ¹². По газетам Замятин следил за военными действиями англичан и вспомнил о "британском пацифизме", глядя на львов у подножия памятника Нельсону на Трафальгарской площади: "Львы в Трафальгарском сквере на памятнике: сытые, хорошо пообедавшие и переваривающие этот обед. Львиный — только костюм. Это и есть британский потешный лев: "Don't disturb my digestion" ["Не мешайте мне переваривать"]. Вот секрет британского пацифизма" ¹³.

Позднее, сравнивая свои английские впечатления с предшествовавшими выездами за границу, с Берлином, который ему показался "конденсированным, 80%-ным Петербургом", Замятин писал, что в Англии "все было так же ново и странно, как когда-то в Александрии, в Иерусалиме" ¹⁴. Самая традиционная европейская страна оказалась не похожей на все, что он до сих пор видел. В ней была экзотика, сравнимая разве что с Востоком, с Африкой: настолько все "не так как у нас", непривычно. В записных книжках он отметил особенно запомнившиеся штрихи этого "зазеркалья": "Все наоборот: свист в театре, свой шар в лузу, левая езда на улицах, чистые пороги и дверные ручки" ¹⁵.

В Англии Замятина поразило сосуществование века будущего с веком прошлым. В записной книжке он заметил: "Удивительно, что хлеб здесь растет в поле, а не делается на станках". И в то же время его внимание привлекла бытовая сценка из прошлого века: "На воскресном базаре — тележка доморощенного доктора, продающего собственного приготовления лекарства. Дерет зуб за шиллинг. Это не в деревне, а в городе" ¹⁶. Оказалось, что гигантские шаги науки и техники никак не отразились на провинциальном быте, сознании, укладе жизни человека. Английский пригород с однообразными домами и сонной атмосферой ничем не отличался от российского "уездного", в котором рутина повседневного бытия медленно и незаметно съедает отпущенное человеку время. Только английское уездное было цивилизованное, комфортабельное. Замятин начал вести дневник местных нравов и обычаев, записывая, видимо, без особого отбора, все, что попадалось. Под заголовком "Англия" в записной книжке содержатся такие наблюдения:

"Закон: сечь альфонсов. И секут. Нравственность и пять шиллингов в неделю на ребенка по новому закону. В Newcastle'е нет докторов венерологов, нет в больницах венерических отделений. "Таких болезней у нас не должно быть, и мы считаем — их нет". Девушка говорит поклоннику, который зашел далеко: "O, no. I am innocent". Вообще, невинность не ценится. Большая часть деревенских женщин — выходит замуж не девушками. Внебрачные дети — довольно частое явление. Но зато нет в Англии случаев самоубийства девушек из-за потери невинности или внебрачного ребенка" ¹⁷. Замятина смешило утилитарное отношение англичан к нравственности, религии, к спасению души. На той же странице он продолжает: "Профессия содержателя публичных домов — очень почтенна. Они для получения разрешения под-

вергаются очень строгой анкете: о их прошлом, о их нравственности (!), нет ли и не было ли судимости. Есть один из сенаторов (делегат провинции), содержащий публичный дом. Впрочем — так же было в Риме". Писатель отметил, что религиозные обязанности в повседневной жизни легко уживаются с развлечениями: "Гимн между двух канканов (кусочек гимна)". Чтобы порассуждать о Христе англичанам не требуется особой атмосферы, это обычная, бытовая тема. "Армия Спасения. Вечером часов в восемь полная тьма, дождь моросит. На углу под дождем толпа горланит какой-то псалом. Тут же двое спорят о Lord Christ — с трубками в зубах"¹⁸. В английских повестях Замятин тема утилитарной этики получила разнообразное отражение. Примеры рационального отношения к спасению души он находил и в романах Уэллса. Он выписал строки из романа "Грядущее", в которых Уэллс попытался представить, к чему придет религиозный прагматизм через два столетия: "Вы бродите по улицам XXII столетия, на фронтонах церквей реклама: "Быстрейшее в Лондоне обращение на путь истинный! Лучшие епископы, цены твердые! Остерегайтесь подделок! Моментальное отпущение грехов для занятых людей!"¹⁹.

В английской провинции Замятин чувствовал себя оторванным от столичной жизни, от политических и литературных споров, от привычной атмосферы российской писательской среды. Работа в порту и редкие поездки по стране не избавляли его от чувства заброшенности. В Англии он как будто снова оказался в ссылке, "на куличках". В окружавшей человеческой среде его угнетала ограниченность интересов практическими повседневными делами, неспособность и нежелание выйти за границы своего опыта, познать чужие ценности, научиться — в широком смысле — говорить на чужом языке. Провинциализм начал казаться ему универсальным явлением, некой "всемирной пошлостью". Во фрагменте "На острове", в записных книжках, он изображает себя и окружающих "аборигенов" в образах романа Д.Дефо "Робинзон Крузо":

"Чувствовалось именно так: на острове, отрезаны как Робинзоны. Кругом — серое Северное море, полное стальных акул. Кругом — чужие, чудные Пятницы. Пятницы слышат знакомые английские слова, но понимают их только внешне — так же вчера в мюзик-холле слушали дрессированного тюленя. Тюлень говорил человеческие слова, дивились: "Говорит, а? Ну, сделай одолжение..." Но за словами, конечно, не слышали души тюленьей. Мы для них — для рядовых англичан, только чудо природы: говорящие тюлени"²⁰.

Глядя в цирке на дрессированного тюленя, писатель с грустью подумал, что он сам оказался в роли циркового зверя: он удивлял окружающих "фокусами" — тем, что изъяснялся по-английски и носил такие же, как у всех, костюмы.

"Послушайте, да вы одеты совершенно по-английски... — оглядывал меня Пятница с ног до головы.

— Да? Благодарю вас...

— Ну а как вы одеваетесь у себя на родине, в России?

— То есть как — как? Да все так же.

Но Пятница — хитрый, Пятницу не проведешь:

— Нет-нет: этот костюм вы, конечно, по пути, в Норвегии купили. А как вы там в России ходите, какие у вас одежды?

Слова у нас общие. Но разве нам в чем-нибудь сговориться?»²¹.

Можно представить себе, как трудно было Замятину, привыкшему возвращаться в кругах петербургской и московской интеллигенции, мириться с положением экзотического животного в провинциальном зоопарке. Эта тема повторяется в еще одном эпизоде из записной книжки: «Сэр Бойль. Корректнейший. Живет то в Лондоне, то в Париже. Пригласил Г. к себе. Любезен. За обедом усадил рядом с своей женой. Г. чувствует, что он (экзотика!) понравился леди Бойль...»²². Далее сэр Бойль уговаривает гостя развлечь его жену, пока он съездит в Париж, чтобы встретиться со своей подружкой. Гость отказывается, хозяин — взбешен.

В этих фрагментах Замятин подчеркнуто говорит о «рядовых» англичанах, не об интеллектуалах, не об элите. С английской литературной элитой ему общаться, по всей видимости, не пришлось. И это было для него горьким опытом: пребывание в Англии в качестве иностранного инженера ничего не давало для расширения его писательских связей, для знакомства с новым читателем, для роста известности. На время он как писатель оказался «вещью в себе», не находящей отклика и признания у окружающих. Должно быть, это была непростая ситуация, пережить которую помогало сознание временности этого положения. Не удивительно, что обстоятельства жизни и настроения писателя сказались на тональности его повести об англичанах, которую он начал писать в Ньюкасле. Повесть стала своего рода мстью англичанам за то чувство одиночества и отверженности, которое писатель испытал в Англии.

О том, как он писал повесть, он вспоминал в автобиографии: «Часто, когда я вечером возвращался с завода на своем маленьком «рено», меня встречал темный, ослепший, потушивший все огни город: это значило, что уже где-то близко немецкие цеппелины и скоро загрохают вниз их бомбы. Ночью, дома, я слушал то далекие, то близкие взрывы этих бомб, проверял чертежи «Ленина» и писал свой роман об англичанах — «Островитяне». Как говорят, и роман, и ледокол — вышли удачны»²³. Название повести дал, возможно, фрагмент «На острове», оставшийся в записной книжке. Островной характер Англии до распространения авиации, ощущался самими англичанами и европейцами довольно остро. Еще славянофил А.С.Хомяков называл англичан «островитянами»²⁴. В контексте творчества Замятина это название перекликается с названием повести «На куличках». В «Островитянах» речь идет не столько об англичанах, сколько о таком общем явлении как провинциализм. В повести показана жизнь, идущая на обочине истории.

Действие повести «Островитяне» происходит в удаленном от столицы английском городке под названием Джезмонд (Jesmond). В Джезмонде жил Замятин, и в его времена это был пригород Ньюкасла. В наши дни Джезмонд считается районом города. Можно было бы предположить, что мотив «однообразия» и скуки в английских повестях Замятина был навеян районом или улицей, где он жил. Действительно, Sanderson Road не отличается разнообразием архитектуры, но именно это и придает ей стилистическое единство. На ней ровными рядами стоят английские особняки из трех этажей, с пристройками и садами. Улица радует взгляд, в ее атмосфере разлиты тишина и покой. Дом, где жил Замятин, сохранился. Не исключено, что сохранились и все остальные дома, и вся улица в его время имела тот же вид, что и сейчас. Однако писателю, которого занимала определенная идея, необ-

ходима была и в облике жилья его героев доминанта “ранжированности”, упорядоченности, единообразия, подчинения разных вкусов и стремлений одному образцу.

Английские реалии в повести условны, и хотя в ней упоминаются некоторые реальные названия, к английской географии они имеют самое отдаленное отношение. В повести нашла отражение важная деталь внешнего облика дома, где жил писатель. Над входом в дом, где живут его герои, прикреплен Орден Святого Станислава — орден висел над входом в дом, где жил Замятин. В настоящее время орден на доме отсутствует, но историки местной архитектуры подтверждают, что он там до недавнего времени висел²⁵. Названия в повести связаны по ассоциации с географией тех мест, где в основном жил или бывал в Англии Замятин. Например, городская церковь Св. Георгия у Замятина носит имя “Св. Еноха” — так в те времена называлась главная железнодорожная станция города Глазго. Происхождение имени героя повести “Островитяне” пастора Дьюли исследователи связывают с названием местности Дьюли Хилл (Dewly Hill), или фермы, носившей такое же название (Dewly). Местность Дьюли Хилл находится по дороге из Ньюкасла на север в Нортумберландию, куда Замятина возили смотреть развалины старинных замков. Есть и другая версия происхождения имени героя: оно могло быть позаимствовано у Л.Стерна, который на первых страницах романа “Тристрам Шенди” употребляет слово “duly”, в значении “должным образом”. “Тристрама Шенди” заставляют вспомнить и другие важные элементы сюжета повести. Расписание повседневной жизни викария Дьюли напоминает бытовой уклад семейства Шенди. Интерес Замятина к Стерну не был явлением исключительным: английский писатель занимал важное место в русской культуре XIX — начала XX века²⁶. Замятин не раз упоминает Стерна в своей литературно-критической эссеистике.

Грохота воздушных налетов в этой повести не слышно: экспозиция мирная, уездная. Жизнь людей идет как по расписанию, не знающему никаких отклонений. Казалось бы, ничто не может нарушить течения жизни горожан: все заранее предопределено до конца их дней. Мистер Кембл задумал жениться и неуклонно движется к намеченной цели. Демонстрируя серьезность своих намерений, он покупает в подарок своей избраннице уют. Однако происходит непредвиденное: вниманием легкомысленной невесты овладевает соперник. Ревность превращает непробиваемого мистера Кембла в Отелло и толкает его на преступление. Природная страсть оказывается сильнее воспитания. Сюжет повести традиционен: любовный треугольник, ревность и месть. Однако сюжет — это условная конструкция, необходимая для решения более сложных художественных задач, чем повторение этой вечной истории. Цель автора — создать стилизованные портреты персонажей и передать атмосферу провинциальной жизни. В этом смысле повесть является прямым продолжением его российских повестей, несмотря на то, что его герои англичане. Англичане в повести изображены в стиле Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Ф.Сологуба: образы предельно упрощены и шаржированы. Герои повести воплощают определенные свойства, сформированные провинциальной средой, это не личности, а типы: старый ханжа пастор и скучающая с ним жена, тупоголовый Кембл и воспитавшая его мать, а также парочка веселых и циничных любовников. Здесь на английских примерах разрабатывается тема формирования человека средой. Трудно сказать, что больше интересовало Замятина: специфически английские черты, или универсальный характер этого явления.

Хотя повесть "Островитяне", в которой представлена галерея шаржированных "типов", является главным произведением Замятина на английскую тему, она далеко не исчерпывает его представления об англичанах. Он знал и другие проявления английского характера, и другие стороны английского уклада жизни. Об этом свидетельствует, например, запись в его записной книжке о свободолобии этой нации: "Англичанин любит свободу как свою законную жену, и если обращается с ней не особенно нежно, то умеет при случае защитить ее как мужчина"²⁷. Замятин признавал и уважал английское чувство собственного достоинства, восхищался английским техническим гением. Но в повести "Островитяне" он не ставил задачи многостороннего осмысления английского опыта: оно выкристаллизуется позднее в его эссеистике. Повесть, как и большинство художественных произведений писателя, выдержана в тонах шаржа и гротеска. В ней отразилось то внутреннее состояние, которое характерно и для его сугубо российских повестей на ту же тему: "Уездное" и "На куличках". Не случайно Д.Мирский сближает "Островитян" с этими произведениями, указывая на главные их черты в "Истории современной русской литературы": "Эти произведения отличает изысканная гротесковость, шаржированность, карикатурное изображение тоскливой и одинокой жизни". Тоскливой и одинокой была не только жизнь английского "уездного", но и его собственная жизнь, ограниченная узким кругом повседневных обязанностей и делового общения.

Состояние души, близкое к тому, что передано в этой повести, характерно и для рассказа "Правда истинная"²⁸. Несмотря на то, что рассказ был написан в Англии, на первый взгляд в нем никак не отразилось пребывание автора в чужой стране. Это типичная для предшествующих лет его творчества зарисовка, или портрет, из российской жизни. Его героиня — деревенская девушка, которая устроилась служанкой в городе, но мечтает о своей деревне. В письме домой она описывает свою городскую жизнь с парадной стороны, а потом, не выдержив взятой на себя роли, изливает всю горечь несбывшихся надежд. При внешней традиционности темы, не исключено, что этот рассказ является своего рода аллегорией европейского опыта автора и отражением его собственного душевного состояния.

Особенно чужим почувствовал себя Замятин среди островитян, когда в английских газетах стали появляться скудные сведения о революционных событиях в России. "Тут, на острове, среди чужих Пятниц, встретил я дни февральской революции. Русские газеты получались через месяц. Письма не доходили. Английские газеты о внутренних делах своих доблестных союзников вежливо молчали. Никогда ни одного нескромного слова, одни сухие телеграммы: назначен Трепов, убит "таинственный монах" Распутин"²⁹. "Когда в английских газетах запестрели жирные заголовки: "Abdication of Tzar!", "Revolution in Russia" — в Англии стало невмочь", — вспоминал Замятин в своей автобиографии³⁰. В сентябре 1917 г. он возвратился в Петроград. В России он стал свидетелем Октябрьской революции. Потом наступила "веселая, жуткая зима 17-18 года, когда все сдвинулось, поплыло куда-то в неизвестность"³¹. Замятин вернулся к преподаванию в Политехническом институте, но как инженер уже не работал. "Практическая техника засохла и отломилась от меня, как желтый лист", — вспоминал он это время.

Два года в Англии заметно изменили Замятина, он сам чувствовал это, когда писал в автобиографии: "...Совсем не таким" я стал после Англии". Прозвище

“англичанин”, дал ему Блок, встретивший его в издательстве “Всемирная литература” после его возвращения. Прозвище прижилось. А.М.Ремизов увидел вернувшегося Замятина во сне, записанном во “Взвихренной Руси”: “Тут и Замятин, вижу, в сереньком, только что из Англии вернулся, еще на человека похож...”³². Собственные ощущения и наблюдения друзей совпадали, хотя дело здесь было не в том, что Замятин что-то перенял у англичан, а в том, что прожил два решающих года российской истории в ином времени и пространстве. Он оказался вне общего потока российской жизни, вне осознания и переживания происходящего, и потому воспринимался другими и чувствовал себя сам иностранцем в своем отечестве.

В первые годы по возвращении в Россию писатель продолжал жить английскими впечатлениями: в 1917-18 гг. он написал рассказ “Ловец человека”³³, в котором нашла продолжение тема повести “Островитяне”³⁴. Сюжет повести вырос из услышанного писателем в Англии рассказа о людях, которые под видом борьбы за нравственность вылавливают в парках любовные парочки, а затем шантажируют их оглашением их связи, чтобы получить с них деньги. Герой повести — пастор, призванный улавливать души, является ловцом в буквальном смысле, он ловит “грешников”, предающихся “пороку” в городском парке. Пастор не замечает, что “порок” свил гнездо в его собственном доме: его жена влюбилась, да еще в художника, человека “не своего круга”. Незаконная страсть чуть не закончилась супружеской изменой. Во время бомбежки Лондона жена пастора на какое-то мгновение осознает значение своей незаконной любви. Взрыв бомбы возле пасторского дома звучит символически — он напоминает героине о близости смерти, и на мгновение высвечивает истинные ценности жизни. Она порывается бежать к своему возлюбленному, но в следующее мгновение, когда становится ясно, что опасность миновала, жизнь возвращается на круги своя. “Ловец человека” — это пожалуй, единственное художественное произведение Замятина об Англии, в котором нашли отражение военные реалии. На сюжет рассказа писателя могло натолкнуть впечатление, бегло отмеченное в записной книжке: “Налеты цеппелинов. Старая дева, бегущая в халате в подвал”³⁵.

Действие рассказа “Ловец человека” происходит в Лондоне, который Замятин знал далеко не так хорошо как Ньюкасл. Тем не менее, в рассказе упоминаются названия его улиц, парков и районов. Приезжая в Лондон, Замятин останавливался на Стрэнде, в отеле “Сесиль”, в наши дни не существующем. В свое время это было грандиозное здание, название которого стало ходячим словом для обозначения роскоши. Исследование “замятинских мест” в Лондоне навело А.Майерса на выявление удивительных перекличек этого рассказа с произведениями английского писателя Р.Остина Фримэна. Например, он обнаружил описание отеля “Сесиль” в его детективном романе “Тайна гостиницы “Новая” (1912)³⁶. Действие этого романа начинается в Хэмпстеде, одном из самых изысканных районов английской столицы. Замятинский герой также ведет свою сыскную работу в парке Хэмпстед Хит. Но что еще любопытнее, у Фримэна есть повесть, которая называется: “Ловец человека” (“A Fisher of Men”). По мнению А.Майерса, трудно отказаться от мысли, что Замятин читал Фримэна и позаимствовал у него заглавие своей повести, а также некоторые географические названия. Лондонские впечатления нашли отражение в небольшой зарисовке “Австралиец” (1918), в которой

Замятин изобразил одну из самых красивых центральных улиц Лондона — Пик-кадилли. Зарисовка построена на контрасте: солнечный весенний день, нарядная толпа, а на ее фоне искалеченный войной человек.

Замятин вспомнил свои лондонские впечатления, когда работал над статьей “Герберт Уэллс” (1922), задуманной как предисловие к собранию сочинений английского фантаста. Здесь он посмотрел на город в перспективе истории и отдал должное техническим достижениям англичан. “Перенесемся в старый Лондон — в Лондон лет 25 назад. Как будто недавно, но эти 25 лет — век: так непохоже на теперешнее. По улице мирно плетутся кэбы: на высоких козлах сзади — важные, в цилиндрах, с длинными бичами кучера. Цокая по камню копытами, громяхают конные омнибусы. В небе лениво помахивает крыльями галка, в небе — никаких туч: благословенное царствование Виктории, в мире все прочно осело и твердеет, твердеет, твердеет, никогда больше не будет никаких войн, революций, катастроф...” Но вот наступает новый век, совершаются перелеты из Лондона в Париж, изобретен телефон: “в Лондоне говорят в какую-то трубку, а в Нью-Йорке слышно каждое слово”³⁷.

Но к чему приводят чудеса изобретательства, технического гения человека? Он сравнивает свои лондонские впечатления не с историей, а с фантастическими картинами Уэллса: “Представьте себе страну, где единственная плодородная почва — асфальт, и на этой почве густые дебри только фабричных труб и стада зверей только одной породы — автомобили, и никакого другого весеннего благоухания — кроме бензина. Эта каменная, асфальтовая, железная, бензинная, механическая страна — называется сегодняшним XX столетия Лондоном...”. В Лондоне Замятин видел воплощение фантазий Г. Уэллса: на земле автомобили вытеснили людей и животных, в небе шла настоящая уэллсовская “война в воздухе”. В этом эссе Замятин сравнивает англичан и русских. И это сравнение оказывается не в пользу соотечественников: “Разница между сказками Уэллса, и нашими, русскими — такая же как между психологией пошехонца и лондонца: пошехонец сидится под окошко и ждет, пока шапка-невидимка и ковер-самолет явятся к нему “по щучьему веленью”: лондонец на “щучье веленье” не надеется, а надеется на себя — лондонец сидится за чертежную доску, берет логарифмическую линейку и вычисляет ковер-самолет, лондонец идет в лабораторию, зажигает электрическую печь и изобретает разрыв-траву, пошехонец примиряется с тем, что его чудеса — за тридевять земель и в тридевятом царстве; лондонец хочет, чтобы чудеса были сегодня, сейчас же, здесь же. <...> Религия сегодняшнего города — это точная наука”³⁸.

Теперь глазами Уэллса Замятин посмотрел на Россию. Разбирая реалистический роман Уэллса “Джоана и Питер”, он выписывает из него длинный отрывок, предлагая своим соотечественникам посмотреть на себя со стороны в это несколько кривое, но все же зеркало: “Красные стены Кремля; варварская карикатура Василия Блаженного; грязный странник с котелком в Успенском соборе; длиннобородые священники; татары-официанты в ресторанах; публика в меховых шубах — так нелепо богатая на английский взгляд”. А вот панорама с Воробьевых гор: “Этот город — не то, что города Европы: это — нечто свое, особенное. Это — татарский лагерь, замерзший лагерь. Лагерь из дерева, кирпича и штукатурки... Тут лучше начинаешь понимать Достоевского. Начинаешь представлять себе эту “Holy Russia” —

“Святую Русь”, как род эпилептического гения среди наций — нечто вроде “Идиота” Достоевского — гения, настаивающего на моральной правде, поднимающего крест над всем человечеством... Да, Азия идет на Европу с новой идеей... У них, русских, есть христианская идея в том виде, в каком у нас, в Европе, ее нет. Христианство для России — обозначает братство. И этот город с его бесчисленными крестами — в гармонии с русской музыкой, искусством, литературой...” В Петербурге Уэллс поначалу не увидел ничего азиатского, пока не попал ... в Государственную Думу, русский парламент. “Фигура самодержца, четверо больше натуральной величины, с длинным, неинтеллигентным лицом, стояла во весь рост, попирая кавалерийскими сапогами голову председателя Государственной Думы. “Вы и вся империя существуете для меня, — явно говорил глуполицый портрет, держа руку на эфесе шпаги. И эта фигура требовала лояльности от молодой России”. Последние главы романа “Джоана и Питер” связаны с надвигающейся революцией: в России уже пожар, искры от него долетают в Англию. В романе звучат отзвуки опасений, возникших у европейцев после войны, что мир развалится и “раса большевистских мужиков будет разводить свиней среди руин”. Замятин вполне разделял отвращение англичанина к “азиатчине” в российской жизни — не случайно он подчеркивает признаки восточного деспотизма в государственной жизни, господство старого над новым в быту, стремление к ненужной роскоши в одежде для самоутверждения. Видимо, стремясь быть самокритичным, он довольно мягко отзывался о статьях Уэллса, вошедших в книгу “Russia in the Shadows”. О них Замятин писал в том же эссе: “Статьи эти дают обширный, — часто, впрочем, легковесный, из окна вагона — материал...”

В большей степени, чем идеи, Замятина восхищали образы и символы художественных произведений Уэллса. Именно они оказали воздействие на строй художественного мышления Замятина. В Уэллсе он видел создателя мифов нового времени. Не удивительно, писал он, что именно англичанин создал “механические, химические сказки”, “городские сказки”. Это мифы нового века, в которых Г. Уэллс предсказывает крушение старой цивилизации, мировую войну (“Война в воздухе”). В его романах война приводит к созданию Всемирного государства, в котором учреждаются общие деньги и принимается единый для всех язык (“Освобожденный мир”); миром управляет класс способных людей — духовная аристократия (“Прозрения”, “Новая утопия”); в жизнь вводится организующее начало — *ratio*, особый уэллсовский социализм. В своем эссе “Рай” (1921) Замятин откликнулся на теологические размышления Уэллса в его романе “Неугасимый огонь” (“The Undying Fire”, 1918)³⁹. В этом романе выясняют отношения бог, архангел и сатана. Их беседа напоминает размышления самого Замятина об организованном рае, об энтропии, о вечном духовном скитальчестве.

Английские влияния прослеживаются в последующие годы в разных жанрах замятинского творчества. Стимулом к созданию программной статьи Замятина “О литературе, революции, энтропии и прочем”⁴⁰ послужила статья британского физика и физиолога Франка Ива “Начало: толкование сущности солнечной энергии”. Эта статья была опубликована в английском научном журнале в мае 1923 г.⁴¹, а статья Замятина “О литературе, революции, энтропии...” датирована октябрём 1923 г. В том же году статья Ф. Ива в переводе на русский язык вышла в четвертом номере журнала “Современный Запад” под названием “О солнечной энергии”. В

кратком неподписанном введении к статье подчеркивается оригинальность разрабатываемой в ней теории энтропии. Автором введения и перевода скорее всего был Замятин, редактировавший журнал ⁴². Замятина привлекло в статье Ива то, что законы неограниченной химии он распространял на биологию, таким образом переходя границы между живой и неживой материей. Над переводом английской статьи и над собственной статьей Замятин, видимо, работал почти одновременно. В своей работе он разрабатывает сходные идеи не в естественнонаучном, а публицистически-эссеистическом ключе. Научные идеи он трактует как метафоры, что позволяет ему приложить теорию энтропии к таким сферам бытия как общественная жизнь, мышление, литература. Тема энтропии стала одной из центральных в эссеистике Замятина последующих лет. Суть этой теории в том, что пока существуют контрасты тепла и холода, в природе происходит обмен. Как только устанавливается равенство температур, обмен кончается, прекращается развитие, начинается энтропия, распад. Этот же процесс упрощения, деградации и гибели, по теории Замятина, происходит в человеческом обществе, когда людям навязывается тотальное уравнивание и нивелируется индивидуальность. Этот же процесс должен произойти во всемирном масштабе, когда постепенно сотрется национальное своеобразие народов, установится единая система государственного управления, утвердятся общие для всех системы ценностей. В разработке теории энтропии сказалось и германское влияние на Замятина. Его идеи об энтропии сформировались в процессе работы над книгой "Роберт Майер" (1922). В работах немецкого врача, физика, основателя термодинамики Замятина привлекало то, что он прилагал естественнонаучные открытия, в частности теорию энтропии, к решению социальных, этических, психологических и философских вопросов.

К английским темам, точнее, условно английским, Замятин обратился в своей драматургии. Трагикомедия "Общество почетных звонарей", которую он писал в 1924 г., является переложением для театра повести "Островитяне". Пьеса была впервые поставлена Михайловским театром 21 ноября 1925 г., а в 1926 г. вышла отдельным изданием в ленинградском издательстве "Мысль". Проблема столкновения русского и английского национального характера поставлена в пьесе "Блоха", созданной по мотивам народной легенды и рассказа Н.Лескова "Левша". Пьеса была издана и поставлена в 1925 г. и пользовалась успехом в последующие годы. Как и в легенде, герой пьесы, самобытный русский умелец Левша оказывается жертвой своих хитроумных английских покровителей. Анализ русского характера у Замятина в высшей степени самокритичен: он показывает, что Левша становится жертвой не столько англичан, сколько своей русской безалаберности. Он талантливое, но наивное дитя, которому давно следует повзрослеть. Как и другие произведения Замятина на английские темы, пьеса "Блоха" оставляет ощущение, что "англичане" нужны были писателю для того, чтобы понять и объяснить русский характер, в каком-то смысле "познать самого себя".

Английские впечатления, а также влияние научно-фантастического творчества Г.Уэллса, во многом определяют замысел и образный строй самого крупного и сложного произведения Замятина — его романа "Мы". Роман, как писал Замятин, был задуман в 1917-18 гг., а значит или сразу после приезда из Англии, или в Англии. Закончен он был не позднее середины 1921 г. В нем перед читателем

предстает картина “организованного рая”, опасность навязывания которого он почувствовал и в жестко регламентированном порядке жизни в Англии, и в первых декретах советской власти в России. Проявление единой сущности государственного правления в разных странах он видел в отношении власти к мыслителям и поэтам. По природе “еретик” и неконформист, Замятин выступил в романе против утверждения коммунизма в качестве единственной истины и против канонизации большевистской революции как последней в истории. Материал для размышлений о свободе, о революции, о социализме, организованном счастье, о подчинении человека государству и машине Замятин черпал во многих источниках. В романе поставлен вечный вопрос о свободе и другие вопросы русской религиозно-философской мысли, получившие развитие в произведениях Достоевского “Легенда о Великом Инквизиторе”, “Записки из подполья” и “Бесы”. К этим российским ветвям в романе прививаются темы и образы фантастических романов Г.Уэллса и А.Франса. Если философия Достоевского дала роману основную идею, то мотивы Уэллса определили его образную систему.

За фантастическими гротескными образами в романе проглядывают черты английской жизни, как писатель ее увидел и изобразил в повести “Островитяне” и рассказе “Ловец человеков”. В этих произведениях уже подчеркнуты те особенности общественного устройства, развитие которых приводит к созданию утопического “Единого Государства” в романе “Мы”. Жизнь граждан Единого Государства так же строго регламентирована, как жизнь “островитян”. В основе социального порядка — разросшееся до конституционных форм “расписание” мистера Дьюли. Главный принцип Единого государства состоит в том, что счастье и свобода несовместимы, поэтому всякое стремление к свободе следует искоренить. Этот принцип, сами того не сознавая, воплощали герои “Островитян”. Роль английских реалий в создании романа “Мы” можно продемонстрировать текстологически, если обратиться к киносценарию, написанному в более поздние годы на основе романа. В рукописи сценария есть строки: “Одинаковы все дома; одинаково обставлены одинаковые комнаты; одинаково одеты их обитатели”⁴³. Вспоминаются письма Замятина к невесте из Англии: “... Все улицы, все жилые дома — одинаковые, понимаете — совершенно одинаковые...”. И его впечатления от поездки в Лондон: “И мимо мелькают все те же амбарные города, одинаковые, стриженные под нулевой номер”⁴⁴. Но это только один из множества штрихов, указывающих на преобразование в романе жизненных наблюдений.

В своем романе Замятин размышляет о будущем человечества, о том, к чему идет развитие государства. Писателю виделось, что ход истории — как в “загнивающей” Европе, так и в революционной России, — ведет к жесткому контролю коллектива над личностью, безраздельному господству “мы” над “я”, к полной зависимости человека от раз и навсегда установленных форм жизни. В романе зримо показано, каким образом государство, играя на материальных нуждах человека, используя развитие техники и производства вещей, возвращает человека в нравственном смысле в состояние первобытного варварства. И в российской, и в английской действительности писатель увидел угрожающие симптомы разрастания власти государства, возвращения к тому общественному состоянию человечества, при котором личность была подчинена коллективу. Писатель размышляет о кризисе западной цивилизации и о новом строе в России как об одном из проявлений этого кризиса.

Размышления Замятина об организованном счастье и благодетелях человечества порождены также личным опытом отношений писателя с властью, с государством. Этот опыт был расширен теми впечатлениями, которые он вынес из своего пребывания в Англии. Англия дала ему возможность увидеть различия и сходства в психологии народов и их отношений с правящей элитой. В его утопическом Едином Государстве наука, техника, великие изобретения оказываются на службе у Благодетелей человечества — нравственных чудовищ с большим рассудком, которыми владеет маниакальная воля к власти. Из помощника человека техника превращается в его хозяина и поработителя. Ради сохранения своей власти Благодетели выводят породу предельно упрощенного и послушного человека, которым легко управлять. Для того, чтобы придать человечеству качества послушного стада они используют генетику. Все “звериное”, “слишком человеческое”, непредсказуемое оставлено за непреодолимой, хотя и прозрачной “Зеленой стеной”. Там все еще живут птицы, животные и люди-звери “мефи”, но связь с ними разорвана.

Однако Благодетели не все рассчитали. В механизированном человеке не до конца вытравлено все человеческое. Главный строитель “интеграла” D-503, плод незаконной связи “цивилизованной женщины” и “мефи”, влюбляется и заболевает опасной болезнью под названием “фантазия”. Эта личная драма происходит на фоне подготовки восстания интеллигенции против режима государства. Правителям удается подавить восстание: бесследно уничтожаются после пыток его руководители, а герою делают операцию на мозге, избавляющую его от воображения.

Как предсказание, как предупреждение об опасности, замятинская антиутопия имеет много общего с апокалиптическим видением. Подобно персонажам античных и средневековых видений, под водительством женщины — новой Евы, или может быть новой Софии — D-503 проходит искушение познания. Из “рая”, напоминающего хорошо оборудованную ферму для животных, герою предстоит найти выход. Искушение чуть не кончается для него “грехопадением”, но его в последний момент спасают Хранители, некие новые “ангелы”. “Мы” своего рода миф о конце света. Пессимистический тон его мало изменяют мотивы надежды, которые вносит появление птиц над городом, говорящее о падении Зеленой стены.

Граждане Единого Государства живут в прозрачных домах, чтобы коллектив и агенты государственного “Бюро хранителей” всегда могли видеть, чем они заняты. Все жители государства одеты в униформу, вместо имен у них номера. Они коллективно “отдыхают”, маршируя под гимны Единого государства. Для любви им отводится особый час по талонам, позволяющим опустить занавески в прозрачном жилище. Иметь детей разрешается только тем людям, которые соответствуют нормам, установленным евгенической комиссией. Государством правит Благодетель, которого раз в год единогласно переизбирают.

Идеологи большевизма хорошо понимали, что “Мы” — это не утопия, а сатира на государство большевиков, на их стремление получить власть над телами и душами, над мыслями своих сограждан, организовать их в единую армию, которой можно без труда управлять. В сюжете и деталях романа писатель с поразительной точностью предсказывает развитие опасных социальных тенденций нового строя. “Благодетель” — ежегодно избираемый глава государства собственноручно выполняет операции уничтожения преступников; демонстрируется одна из таких операций —

уничтожение поэта, осмелившегося написать иронические стихи по адресу "Благодетеля"... Другой поэт ("с негритянскими губами" — так не раз описывали Пастернака) в это время, бледнея от ужаса, читает Благодетелю свои специально написанные к этому случаю оды. Напрашивается мысль, что и этого поэта ждет участь его предшественника. В романе предсказаны тотальная коллективизация, массовый террор, культ личности, методы психической обработки людей и их превращения в послушную массу, которой легко управлять. Замятин предвидел возможность государственного контроля не только над поступками, но и над мыслями человека. По природе "еретик", неконформист, он выступил в романе против подавления государством личной свободы, против утверждения коммунизма в качестве единственной истины, против канонизации большевистской революции как последней в истории общества.

Главный герой романа D-503 это автопортрет Замятина: он тоже инженер, и даже "кораблестроитель", а в социальном смысле тоже "еретик", заболевший опасной болезнью под названием "фантазия". Автопортрет Замятина, так же как и коллективный портрет, шаржирован, автор писал о своем герое: "D-503, очевидно, один из талантливейших инженеров своей эпохи и, как будто, один из самых типичных представителей механизированного, "счастливого" человечества". В отличие от своего создателя, D-503 не борец: он порождение Единого Государства и его жертва.

Важные уточнения в определении жанра романа "Мы" вносят размышления Замятина о жанровой природе романов Уэллса. В своей статье о нем он писал: "Романы Уэллса — не утопии. <...> это — в большинстве случаев — социальные памфлеты, облеченные в художественную форму фантастического романа". В конце этой статьи Замятин объявляет себя прямым преемником Уэллса: "Россия послереволюционная, ставшая фантастичнейшей из стран современной Европы, несомненно, отразит этот период своей истории в фантастике литературной. И начало этому уже положено: роман А.Н.Толстого "Аэлита" и "Гиперболоид", роман автора настоящей статьи "Мы"..."⁴⁵.

В судьбе романа и его автора реализовались худшие опасения Замятина об установлении тоталитарного мышления в Советской России. Роман был близок к завершению в начале 1921 г. О предстоящей публикации было объявлено в разделе хроники апрельского номера берлинского журнала А.С.Яценко "Русская книга". Объявление повторялось в июльском номере, а в сентябре сообщалось: "Ев.И.Замятин написал роман "Мы", рисующий коммунистическое общество через 800 лет. Несколько глав из этого романа предполагается к печатанию в ближайшем номере "Записок мечтателей"⁴⁶. О публикации романа в "Записках мечтателей" извещала хроника "Печати и революции"⁴⁷ и журнал "Экран"⁴⁸. В четвертом номере "Записок мечтателей" появился анонс о начале публикации романа со следующего выпуска. Об этом же Замятин сообщает А.Ф.Даманской в письме, отправленном в Берлин в конце 1921 г.: "Все-таки умудрился написать роман. Через месяц, может, уже прочтете начало в "Записках Мечтателей"..."⁴⁹. Не исключено, что летом 1921 г. Замятин отправил рукопись романа в числе других книг американскому издателю в Нью-Йорк для перевода на английский язык. В том же письме Даманской он пишет: "Спасибо, Густя, за предложение американского издателя. Но в начале лета я уже получил просьбу послать книги для перевода от одной крупной фирмы в Нью-Йорке и книги им послал".

Несмотря на многократные анонсы, в России роман оставался неопубликованным. Состоялась лишь устная публикация: зимой 1921-22 г. в течение двух вечеров автор читал свой роман при полном зале в Петербургском Институте Истории искусств⁵⁰. В 1923 г. роман читался на литературных вечерах в Московском и Ленинградском отделениях Всероссийского Союза писателей. В печати появились отзывы на неопубликованный роман, написанные Ю.Тыняновым и В.Шкловским. В конце 1924 г. роман "Мы" наконец был опубликован в переводе на английский язык в Нью-Йорке⁵¹. В предисловии к роману переводчик Г.Зильбург писал: "Кажется, это первый случай за последние десятилетия, когда русская книга, вдохновенная русской жизнью и написанная по-русски, впервые увидела свет не в России, а зарубежом, и не по-русски, а в переводе на иностранный язык". Те времена, когда русские писатели уезжали из России и были вынуждены публиковать свои произведения на Западе, он называет "самыми темными периодами русской истории". Излагая проблему романа для американских и английских читателей, Зильбург показывает, что она не имеет национальных границ: "Главная проблема романа Замятина — подавленность личности массой. Конфликт творческой личности и толпы — это не только русский вопрос. Проблема личности и массы стоит одинаково остро и при большевистской диктатуре, и на заводе Форда. Для всех тех, кто предпочитает быть частью толпы, как и для тех, кому существование толпы необходимо, — вопрос этот представляет опасность. Поэтому роман и не увидел света в России, где духовная деятельность подчинена стандарту, сводящему на нет все индивидуальные творческие усилия личности. Творческий прием Замятина — смех сквозь невидимые миру слезы, по слову Гоголя. Его любовь к человеку смешана у него с ненавистью ко всему, что разрушает самобытность личности. Это чувство было давно выражено Катуллом: "Odi et amo". Трагедия, изображенная в "Мы" — это всеобщая трагедия человечества".

Три года спустя при посредничестве Р.Якобсона роман был опубликован на чешском языке сначала в газете "Лидове новины", а затем отдельным изданием. В том же году главы романа были опубликованы по-русски в есеровском журнале "Воля России", редактором которого был Марк Слоним⁵². Публикация была осуществлена без согласия автора: с пропусками отдельных глав и другими неточностями, а главное, в обратном переводе с чешского и английского (об этом сообщалось в преамбуле к публикации⁵³). Хотя было очевидно, что такое издание не могло быть осуществлено с согласия автора, именно оно явилось поводом к началу травли Замятина в советской печати. Подобно бомбе замедленного действия роман вызвал потрясение, взрывная волна которого захлестнула самого автора.

В конце августа 1929 г. критики "Литературной газеты" и "Комсомольской правды" выступили с обвинениями Замятина в сотрудничестве с белоэмигрантской прессой. От него требовали публичного признания своих ошибок и отказа от своего произведения. В открытом письме редактору "Литературной газеты" Замятин писал, что подобного требования к писателю не предъявляла даже царская цензура. В ответ на развернувшуюся против него кампанию Замятин вышел из Союза писателей и написал заявление с просьбой разрешить ему уехать за границу. Но и в этом ему было отказано. Положение Замятина предельно осложнилось: в театре запрещались постановки его пьес, его книги изымались из библиотек, в издатель-

ствах приостанавливался выпуск книг, в подготовке которых он принимал участие. После 1929 г. советские издательства и журналы были для Замятина закрыты, а травля продолжалась. Писатель оказался в роли своего героя D-503, которому благодетели хотели сделать операцию воображения.

Не видя выхода из создавшегося положения, Замятин написал отчаянно смелое письмо Сталину, в котором потребовал, чтобы ему дали возможность печатать свои произведения на родине или разрешили уехать за границу. По редкому стечению обстоятельств, Замятину удалось получить право на легальный выезд в Европу с советскими паспортами для себя и своей жены. В ноябре 1931 г. Замятин уехал из России как советский гражданин. А.Воронский в своем напутствии дал ему совет не печататься в эмигрантских изданиях. Первой остановкой Замятиных после России была Рига, затем Берлин, в 1932 г. они приехали в Париж. В своих интервью для зарубежной прессы Замятин подчеркивал, что он гражданин России, и что находится в Европе в годичном отпуске, после которого собирается вернуться к преподаванию в Кораблестроительном институте в Ленинграде. Замятин верил в свое возвращение в Россию. Находясь в Европе, он никогда не выступал с критикой советского строя, и лишь в одном из интервью отрицательно оценивал культурную деятельность Российской ассоциации пролетарских писателей. Он сохранял советский паспорт и платил за свою ленинградскую квартиру.

В 1932 г. Замятин опубликовал в английской прессе несколько статей о советском кораблестроении, а также о современном советском театре и литературе. Организовать эти публикации ему помог А.Верт, который находился в тот момент в Париже в качестве корреспондента английской газеты "Manchester Guardian"⁵⁴. Заметки были опубликованы за подписью "Парижского корреспондента". Первая из них называется "Литература в Советской России: Интервью с Евгением Замятиным: Пролетарин". Предваряя интервью, корреспондент писал: "Евгений Замятин — одно из самых громких имен в современной русской литературе. Когда я узнал, что он приехал во Францию на шесть месяцев, я позвонил ему и попросил назначить встречу. "Манчестер Гардиан"! — воскликнул писатель, — Ну, конечно! Это, кажется, единственная английская газета, которую можно найти в наших библиотеках и читальных залах". На следующий день я позвонил ему в его отель в Латинском квартале. Замятину 48 лет, но выглядит он не старше 35. Он — представитель "новых русских": человек деятельный и исключительно компетентный, в нем нет ничего от "мечтательного славянина". А в его серых глазах постоянно светится ирония".

А.Верт сообщает, что несколько лет назад Замятин расстался с профессией кораблестроителя, но продолжает читать курс лекций для морских инженеров в Ленинграде. Как о важнейшем произведении Замятина, признанном зарубежом, но не в России, пишет Верт о романе "Мы": "Его главный роман "Мы" переведен на английский и французский языки и опубликован в Америке и во Франции. Советская цензура до сих пор не разрешила его публикацию. <...> У русских роман оказался не в чести..." Но это единственное критическое замечание в адрес советской цензуры. В основном тон статьи жизнерадостный, в чем, видимо, была заслуга писателя, несколько приукрасившего и общую картину литературного процесса, и собственное положение в нем: "...Тем не менее, другие книги Замятина хорошо расходятся в России, а две его недавние пьесы занимают первые места по количеству постановок,

как в Москве и Ленинграде, так и в провинции. Замятин сказал, что Россия единственная страна в мире, где театр еще жив, где нет кризиса театра”.

В отрывке с подзаголовком “Вознаграждение за авторство” Замятин ответил на вопросы корреспондента о том, как живет писателям в Советской России. В сравнении с другими профессиями, сообщил он, писатели устроены относительно хорошо. Несмотря на голод и недостаток жилья в России, достигшие известности авторы, особенно драматурги, находятся в исключительном положении. Он, Замятин, имеет в Ленинграде собственную трехкомнатную квартиру. Пильняк с семьей живет в Москве в пятикомнатной квартире. Писатели — это единственные законные “буржуа” в Советской России, и никто не лишает их привилегий. У писателей есть особый, достаточно щедрый “паек” и продуктовые карточки, которые позволяют им доставать масло, сыр и другие предметы “роскоши”, недоступные для простых смертных. В этом смысле советская власть заботится об авторах. В Ленинграде около семидесяти пяти писателей получают специальный паек, и в Москве не меньше ста. Советские издатели, в отличие от западных, не делают больших различий между известными и молодыми авторами. За произведения, полезные в идеологическом плане, как маститые, так и молодые писатели получают хорошие гонорары. При этом у маститых тиражи и гонорары больше, но только в два, в три раза. Русские в наши дни, продолжал Замятин, даже простые крестьяне, очень много читают. Психологически страна пережила в этом смысле революцию. Это завоевание пятилетки еще более значительно, чем все экономические завоевания: оно излечит русских от их лени и медлительности. Новое поколение верит в технику и американизацию. В заключение писатель заметил, что было бы интересно наблюдать перемены в России в следующие десять-пятнадцать лет.

В следующем разделе, посвященном “Послереволюционному роману”, Замятин отвечает на вопрос о роли литературы в преобразовании общества и объясняет, что значит “литература на службе пятилетки”. Замятин сказал, что “индустриальный роман” не поможет произвести лишнюю тонну стали, но стремление создать “индустриальный роман” уже произвело тонны плохих романов. Но тут же писатель высказал уверенность, что это положение изменится. Он напомнил о том, какие этапы прошла литература с момента революции. В голодные годы, годы гражданской войны и военного коммунизма, когда казалось, что мир идет к своему концу, в первом ряду оказались футуристы. Они объявили монополию на “новое” пролетарское искусство. Но вскоре стало ясно, что пролетарии ничего общего не имеют с этим искусством, “эпатирующим буржуа”. Период НЭП был отмечен всплеском литературных талантов в России, но и эта литература еще не была пролетарской. Лучшие писатели этого периода были известны лишь как “попутчики” — представители интеллигенции, но не коммунисты, хотя многие из них одобряли, или делали вид, что одобряют, революцию. Писатель так и не объяснил, каким образом, по его мнению, может сложиться настоящая пролетарская литература.

Следующие два интервью посвящены театру в Советской России: в первом из них Замятин коротко изложил кардинально отличающиеся друг от друга системы Станиславского и Мейерхольда, во втором рассказал об экспериментальном театре и кинематографе. В том же 1932 г. Замятин опубликовал три статьи о советском кораблестроении в газете “Glasgow Herald Tribune”. Посредником между газетой и

Замятым и на этот раз был А.Верт. В этих публикациях Замятин представлен как "профессор Ленинградского кораблестроительного института, находящийся с визитом в Европе". Заметки посвящены возрождению русского кораблестроения в Советской России и роли пятилетнего плана в этом возрождении.

Находясь в вынужденной эмиграции, в поисках приложения своих творческих сил, Замятин обращался к искусству оперы и балета, пытаясь писать либретто. Некоторое время он переписывался с танцовщиком и постановщиком балета Л.Мясиным, жившим в то время в Лондоне. Замятин написал по его заказу либретто былины "Добрыня" и "Поток Прекрасный", но Мясин нашел их "мало интересным для хореографии"⁵⁵.

Много занимаясь театром, Замятин живо интересовался молодым искусством кино, которое было близко ему по приемам и изобразительным методам⁵⁶. На Западе Замятин начал уделять особое внимание кинематографу, так как он давал выход его драматургическим устремлениям и при этом позволял преодолеть языковой барьер. Работа в кино привлекала к нему внимание и как к писателю. В 1932 г. во Франции Жан Ренуар снял фильм "На дне" по пьесе М.Горького. Сценарий к фильму написал Замятин. В заметке, в которой сообщалось о выходе фильма, Замятин был представлен как автор романа "Мы". Для французских читателей и зрителей в тот момент эта информация звучала актуально: роман был издан в переводе на французский язык в 1929 г. Сценарии Замятина приобрели известность в Голливуде. Известнейший голливудский режиссер Сесиль де Милль приглашал его для совместной работы по экранизации русской классики и современной литературы. Замятин написал для него сценарии по роману А.Толстого "Война и мир", по повести А.С.Пушкина "Пиковая дама", а также по собственным произведениям, в их числе "Бич Божий" и "Мы". Значительную часть замятинского архива периода эмиграции составляют киносценарии на русском, английском и французском языках. Возможности писателя как сценариста могли бы реализоваться в значительно большей мере, если бы его жизнь сложилась иначе. В 1932 г. Замятин обменялся несколькими письмами с С.де Миллем, которые свидетельствуют о том, что вопрос с его переездом в Америку был почти решен. 22 марта 1932 г. С.де Милль писал ему из Парижа:

"Уважаемый господин Замятин,

Я был рад получить Ваше письмо от 12 февраля и узнать, что Вы читаете лекции в европейских городах на темы, столь нам всем близкие. Сегодня я отправил письмо в Американское консульство в Берлине, как Вы просили, и надеюсь, что мы будем иметь удовольствие видеть Вас в нашей части света. Нам сейчас как никогда нужны хорошие драматурги, так как в этой области урожай очень скуден. Из-за депрессии даже развлечения высокого класса не приносят финансового успеха.

С надеждой на скорую встречу у нас и с наилучшими пожеланиями от меня и мадам де Милль. Искренне Ваш, Сесиль де Милль"⁵⁷.

Но поездка в Америку по каким-то причинам сорвалась.

В Англии Замятин также налаживал связи с представителями мира кино. В 1934 г. А.Верт опубликовал заметку в кинематографическом ежеквартальнике под названием "Советский писатель берется за кино"⁵⁸. Заметка свидетельствовала о том, что писатель не сменил ориентиров, остался советским гражданином и по-прежнему ждет возвращения, но при этом не сидит без дела. В это время в Англии

велись переговоры о создании консорциума, в который должны были войти "Совкино" и четыре английских кино-общества. В концерн собирались войти также представители английского парламента от рабочей партии. К постановке в первую очередь были намечены два фильма по сценарию Замятина: "Петр I" по роману А.Толстого и "Атилла" по его собственному произведению. Реализация этих планов также могла изменить судьбу Замятина, а может быть и продлить ему жизнь. О его желании переехать в Англию свидетельствует письмо Л.Н.Замятиной. Она писала 1 июня 1936 г. М.А.Булгакову из Парижа: "Живем — неплохо. Париж с каждой весной люблю все больше и больше. И когда Евгений Иванович поднимает вопрос о возможном переезде в Лондон — я протестую. Расстаться с этим изумительным городом, с "прекрасной Францией" — не хочется. Но Евгению Ивановичу уже давно Париж поднадоел" ⁵⁹. Однако через год Е.И.Замятина не стало.

Свои жизненные планы Замятин связывал с Англией еще до эмиграции, возможно, правда, только в воображении. В письме Сталину в июне 1931 г., объясняя невыносимость положения писателя, лишенного возможности издавать свои произведения, он писал: "Если обстоятельствами я буду приведен к невозможности (надеюсь, временной) быть русским писателем — может быть мне удастся, как это удалось поляку Джозефу Конраду, стать на время английским, тем более что порусски об Англии я уже писал (сатирическая повесть "Островитяне" и др.), а писать по-английски мне не многим труднее, чем по-русски" ⁶⁰. Мысль "стать на время английским писателем" была смелой фантазией и скорее всего была высказана в качестве полемического приема. Рукописи Замятина периода эмиграции — написанные им по-английски сценарии — показывают, что он владел языком не в достаточной степени для творческой работы. В отличие от своего двуязычного соотечественника В.В.Набокова, Замятин начал учить язык довольно поздно и притом самостоятельно, не с гувернанткой, а по учебнику. Он вспоминал о своем заключении в одиночной камере, куда он попал в студенческие годы за свою революционную активность: "Был влюблен, изучал стенографию, английский язык и писал стихи" ⁶¹. Впоследствии он с успехом переводил с английского романы Уэллса и, наверное, мог без труда изъясняться. Но отсюда еще далеко до писательства. Стоит вспомнить, с каким трудом дался переход к творчеству на английском языке В.В.Набокову, говорившему на нем с детства ⁶².

В отличие от Дж.Конрада, который польским писателем никогда не был, Замятин ко времени своего отъезда из России был известным русским писателем. Если бы он решил писать по-английски, ему пришлось бы постоянно искать переводчика, или стилиста, и платить ему деньги. И все же он оставался бы для англичан переводным русским автором. А для того, чтобы стать писателем русского зарубежья, необходимо было жить в Париже, где была читательская среда и издатели. Хотя у Замятина были близкие друзья в парижской эмиграции — А.М.Ремизов, художники Ю.П.Анненков и Б.Д.Григорьев, он не чувствовал себя "парижанином". Эмигрантскими кругами он не был принят, и сам не стремился к сближению с ними. Как бывший председатель Советского союза писателей, в глазах изгнанников он был советским писателем, имевшим заслуги перед большевиками, опальным представителем советской административной власти. Среди критиков эмиграции, кажется, только Д.Мирский отдавал должное его таланту. Благодаря Д.Мирскому, с

творчеством Замятина познакомились англичане. В 1921 г. в газете "Лондонский Меркурий" Д.Мирский писал в статье "Литература большевистской России": "Восхитительно лаконичные, колоритные рассказы Замятина из провинциальной жизни дореволюционной России очень много обещали. Сейчас нам о нем известно, что он написал много новых великолепных вещей, но они остаются неопубликованными"⁶³.

Д.Мирский уделил особое внимание Замятину в июньском номере академического журнала "Славянское обозрение" за 1923 г. Он поместил в нем повесть Замятина "Пещера" в своем переводе, а также отвел писателю важное место в статье "Возрождение русской прозы", опубликованной в том же номере. В этой статье он писал о ведущей роли писателя в литературном процессе современной России: "Один Замятин в его превосходных рассказах из провинциальной жизни ("Уездное", 1916) являет собой пример хорошей прозы, которая по уровню не уступает поэзии, сохраняет лаконичность и напряженность. Кажется, мы снова наблюдаем приливное движение в сфере прозы: и начал его Замятин"⁶⁴. Далее Д.Мирский рассказывает об основанной Замятиным литературной студии и о группе "Серапионовы братья". Рассказ "Пещера" Д.Мирский назвал шедевром среди произведений Замятина: он восхищался тем, что в этом произведении "целой семьей метафор управляет одна материнская метафора"⁶⁵. Заметка Д.Мирского была известна Замятину и хранилась в его архиве. В том же 1923 г. во втором номере журнала "Современный запад", который редактировали Замятин и Чуковский, появилась статья Д.Мирского "О современной английской литературе: Письмо из Лондона". Близость этих публикаций по времени говорит о том, что между Замятиным и Д.П.Святополк-Мирским существовали связи, и что эти публикации были свидетельством взаимного признания. Иначе было бы невозможно объяснить, каким образом в советский журнал в это время попала рукопись белоэмигранта.

В своей английской книге "Современная русская литература: 1881-1925" (1926) Д.Мирский посвятил Замятину отдельную главу. Рассказывая о жизненном и творческом пути писателя, критик упомянул среди прочих фактов его пребывание в Англии. В статье упомянуты произведения: "Уездное", "Островитяне", "На куличках", "Большим детям сказки", "Огни Св.Доминика". Д.Мирский считал, что Ремизов, Пришвин и Замятин в предвоенные годы возглавили новую школу русской прозы. Любопытно, что уже в "Уездном" Д.Мирский выявляет черты кубистического стиля Замятина, он также указывает на соответствующую тому же стилю "квадратность" главного героя "Островитян". О романе "Мы" в этой книге Д.Мирский пишет, что в России он не будет опубликован до тех пор, пока советская цензура не изменит свои принципы. О предстоящей публикации романа Д.Мирский узнал из берлинского журнала "Русская книга", а также из других источников, так как у него сложилось о романе очень точное представление. Он писал: "Роман "Мы", о котором никто не может сказать, когда он будет опубликован, это научно-фантастическая картина будущего, созданная, судя по рецензиям, в новой острой манере, которая является развитием замятинского кубизма". Завершая главу, Д.Мирский пишет: "Замятин пользуется большим влиянием как мастер, точнее как учитель слога. Изысканностью прозаического стиля нынешние писатели, в особенности петербургские, обязаны именно ему. Он является также интересным критиком, и его рецензии на современные произведения заслуживают того, чтобы их прочесть".

Пожалуй, высшая оценка Замятина содержится не в английской, а в русской статье Д.Мирского "О ныннешнем состоянии русской литературы", написанной для брюссельского журнала "Благонамеренный" (1926). В ней критик поместил Замятина среди "бессмертных": "Если бы у нас была Академия, никто не был бы более достоин войти в нее, чем Анна Ахматова, Евгений Замятин и Владислав Ходасевич..." В 1927 г. в "Лондонском Меркурии" Д.Мирский опубликовал очередной обзор современной русской литературы. Возвращаясь к роману "Мы", он пишет: "Замятинский *magnum opus* — философский роман о будущем, запрещенный цензурой, но когда он будет опубликован, его слава не ограничится Россией"⁶⁶. Предсказание критика сбылось: роман Замятина был переведен на все основные европейские языки и оказал воздействие на одну из самых давних европейских литературных традиций: традицию утопического романа.

К идеям, положенным в основу романа "Мы", Замятин не раз возвращался в своих записных книжках, письмах и эссе периода вынужденной эмиграции. В 1932 г. в интервью с Фредериком Лефевром для французской газеты "Ле нувель литерер" он суммировал замысел и цель создания романа: "Этот роман — сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства — все равно какого"⁶⁷. В этом интервью писатель подчеркнул, что речь в романе идет не о каком-либо конкретном государстве — а о государстве вообще. Однако рукописи подтверждают, что при всех условностях утопического жанра, аллегоризме, свойственном мифу и философской притче, роман наполнен приметами действительности: это и российская и английская действительность. Как верно выразился один из критиков, в замятинском Едином Государстве соединились черты западной технологии и большевистской идеологии.

Киносценарий по роману "Мы", написанный Замятиным для Голливуда и названный по имени главного героя "D-503", содержит наиболее прозрачную и острую формулировку идей романа. Сценарий написан по-русски и по-английски, с вариациями, от которых писатель отказался, вычеркнув их. В рукописи, датированной 15 июля 1932 г., дается экспозиция: "Геометрически-правильный город. Огромные, прозрачные кубы-дома из "нового стекла": видно, как внутри их движутся в десятом — в двадцатом этаже люди, как будто плавающие на этой высоте в воздухе. Одинаковы все дома; одинаково обставлены одинаковые комнаты; одинаково одеты их обитатели. От вторжения неорганизованной природы — цветов, деревьев, птиц, животных — города ограждены стеклянной "Зеленой Стеной", за которой простираются бесконечные земные зеленые, никому теперь ненужные дебри, куда человеческая нога не ступала уже в течение веков...

Мы перенесены на 1000 лет вперед от нашей эпохи. Все революции, в ожидании которых живет наше поколение, уже позади. Вся жизнь рационализирована, стандартизована, рассчитана по системе Тейлора. Рационализирована даже любовь: каждый человек исследуется в сексуальном отношении врачами в Медицинском Бюро, получает определенное число "сексуальных дней" в неделю и "розовые талоны". <...> Уверенность человечества — или, по крайней мере, государственной власти в достижении абсолютного счастья так велика, что это счастье собираются пренести и на другие планеты. С этой целью под руководством D-503 (имена теперь, конечно, заменены буквами и цифрами) строится "Интеграл" — ракетный

аппарат для междупланетного сообщения. Вокруг строителя этого аппарата и разворачивается основная интрига”⁶⁸.

В изложение интриги Замятин вносит конкретные штрихи накопленного опыта советской жизни, как например: “Наступает великий день выборов “Благотетеля”, которые на этот раз заканчиваются небывалым в истории нового человечества скандалом: вместо обычной, почти религиозной церемонии единогласного вотума, какая-то группа голосует против — при всеобщем ужасе и смущении...” В сценарии более схематично представлены узловые идеи романа, например, о конечной цели бунтовщиков говорится, что человеческое счастье они видят в синтезе примитивной жизни лесных людей с механизированной жизнью людей города. В вычеркнутом варианте есть интересные детали, которые перекликаются с замятинскими картинами Лондона: “Лицо мира, человеческая жизнь — совершенно изменились. С изобретением механической “нефтяной пищи” — умерло земледелие, исчезла деревня, победил город, победила машинная цивилизация, все в жизни рационализировано, построено по системе Тэйлора”.

В 1932 г. в Англии вышел в свет роман О.Хаксли “Brave New World”. Все, кто читал Замятина, отметили сходство нового произведения с романом “Мы”. О.Хаксли отвергал самую возможность влияния, утверждая, что романа Замятина он не читал. О.Хаксли был крупной звездой на небе английской литературы и его роман произвел сенсацию. А произведение русского автора, не имеющего определенного гражданского статуса, осталось в тени. А.Верт писал в “Манчестер Гардиан” о романе “Мы”: “У этой книги, представляющей американскую техническую цивилизацию в ироническом и фантастическом ключе, много общего с романом Олдоса Хаксли “Храбрый новый мир””. Можно было подумать, что Замятин написал свое произведение не раньше, а позже Хаксли.

Замятин спокойно относился к повторению своих замыслов в романе английского автора и объяснял это сходство тем, что идеи прагматической антиутопии, мальтузианства, носят в воздухе. Но Замятин разрабатывал эти идеи задолго до выхода романа Хаксли и в своих творческих замыслах не раз сосредотачивался на проблемах генетики. В одном из своих рукописных “автоинтервью”, в предисловии к переводу романа “Мы” на французский язык в 1929 г., Замятин так излагает основную тему своего романа: “Одна из таких тем, пока еще очень робко затрагиваемых в советской литературе, это вопрос об отношении личности и коллектива, личности и государства. На практике сейчас этот вопрос разрешен полностью в пользу государства, но это решение не может не быть только временным: в государстве, которое ставит своей конечной задачей сведение на нет государственной власти, эта проблема раньше или позже несомненно возникнет в очень острой форме. Именно эта проблема, правда, в очень утопической, пародийной форме, в виде *reductio ad absurdum* одного из возможных решений, является основой всего моего романа “Nous autres”. Замятин продолжает: “Один неглупый человек резонно говорил, что “миром правит любовь и голод”. Вообразите себе, что все вопросы “голода” государству действительно удалось разрешить, у всех достаточно штанов, дров, хлеба, даже шоколаду, даже автомобилей. Тогда государство, берущее на себя разрешение задачи человеческого счастья, неминуемо заинтересуется вопросами любви, и в первую голову, конечно, областью евгеники, вопросом об усовершенствовании челове-

ческой породы, о предохранении человечества от вырождения. Логический вывод отсюда — государственное регулирование деторождения и очень сложные, очень интересные коллизии на этой почве между индивидуумом и государством”⁶⁹. Здесь словно очерчены основные проблемы романа О.Хаксли “Храбрый новый мир”, в котором вопросы евгеники выдвинуты на первый план.

Излагая содержание романа “Мы” в эссе “Будущее театра”, написанном в ноябре 1931 г. и опубликованном в мае 1932 г. на французском языке в журнале “Le Moins”, Замятин еще более заостряет проблемы евгеники. Он пишет: “Однажды первые страницы всех газет будут заполнены отчетами о международной женеvской конференции по вопросам государственного человеководства: так же, как спорят сейчас о калибре орудий — будут спорить о калибре матерей и отцов, которым разрешено будет производить на свет детей. Организовав материальную базу жизни, государство неминуемо должно будет заняться вопросами евгеники, усовершенствования человеческой породы — и это дает богатейший материал для новой любовной драмы. Но эта драма будет разыгрываться уже не в маленьком адюльтерном треугольнике: она будет строиться на коллизии индивидуума с государством, сурово и беспощадно раздавливающим на своем пути человеческих муравьев — как судьба”⁷⁰. В романе “Мы” такой искусственный отбор уже произведен: людям разрешается иметь детей строго по решению государственной комиссии. В “Храбром новом мире” О.Хаксли социальные проблемы решаются средствами научного “человеководства”. О.Хаксли читал по-французски и часто бывал в Париже. Если он не прочел роман Замятина, то мог познакомиться с его интервью. Но Замятин был прав в том, что главное “влияние” — это то, которое носится в воздухе. А интерпретация подхваченной мысли у русского и английского автора различна.

Помимо влияния злободневных идей, проблематику романов Замятина и О.Хаксли определяют и более глубинные источники, главный из которых — Достоевский. Но и это влияние по-разному пережито писателями. В романе Замятина — при всем его сатирическом звучании — проблема свободы поставлена и решается в религиозно-философском ключе, как ее ставили русские мыслители и Достоевский. В романе О.Хаксли, по существу, дается пародия на подобную постановку: беседа с дикарем Мустафы Монда, “контролера Западной Европы” — это пародия на диалог между Великим Инквизитом и Христом. Герои Хаксли, так же как герои Достоевского, поставлены перед дилеммой: свобода или счастье. Но выбор за них уже сделан. Герой Хаксли высказывает мысли Великого Инквизитора, но в современном стиле. Мысль героя Достоевского о том, что человек должен любить свое рабство, звучит у него модернизированно: “Надо заставить людей полюбить их неизбежное социальное предназначение”. Но суть от этого не меняется. В тоталитарном государстве О.Хаксли “всемогущая исполнительная власть политических вожakov и армия их опричников управляют населением рабов, которых уже незачем принуждать, ибо они любят свое рабство”. Государство в “Храбром новом мире” охраняет людей от самих себя: от мыслей, от чувств и от связанных с ними страданий.

У Замятина и Хаксли могли быть и другие общие источники: романы Г.Уэллса и А.Франса, а также повесть Джерома К.Джерома “Новая утопия”, которая была опубликована в 1891 г. в книге под названием “Дневник путешествия и шесть эссе”⁷¹. Об этой повести, как о своем детском чтении, вспомнила Е.Стенбок-Фермор и

впервые ввела ее в научный обиход в качестве источника утопий Замятина и Хаксли, опубликовав в 1988 г. сопоставительную статью. Схождения оказались разительными. В повести "Новая утопия" описано совершенное социалистическое государство, которое образовалось "после Великой Социалистической революции 1899 г." После торжественного обеда в Национальном социалистическом клубе, состоявшемся за десять лет до революции, в 1889 г., один из обедавших — герой, он же рассказчик — засыпает. Просыпается он через тысячу лет, в 2889 г., и что же он видит? Он видит вокруг себя совершенно одинаково одетых людей, которые различают друг друга по номерам. Они едят, ложатся спать, идут на работу по звонку. Кормят их коллективно, частных домов и семей не существует. Сексуальные потребности строго контролируются, так же, как и рождаемость. Количество детей ограничивается потребностями государства, детей обучают выполнять определенные обязанности с самого раннего возраста. Люди, которые оказались слишком умными, должны подвергнуться операции на мозге, после которой они становятся такими, как все. Пробудившемуся кажется, что люди на улицах напоминают стадо домашних животных.

Критика обходила вниманием более поздний утопический роман О.Хаксли "Остров" (1962), оценив его как слабое, социально незначительное произведение. Совпадение с Замятинскими "Островитянами" в названии, конечно, случайное. "Остров" — это утопия в исконном смысле слова: в романе описано состояние блаженства, достигнутое человечеством на одном из неприступных островов в Тихом океане. Нечто похожее видел в своем воображении Замятин, когда писал сценарий по роману "Мы": "...Все материальные потребности удовлетворены в одинаковой мере для всех. Никаких оснований для драм, коллизий, имевших место в прежние века, как будто уже нет". О.Хаксли в "Острове" делает попытку устроить свой воображаемый оазис самым гуманным образом: жители Острова не только решили экономические и социальные проблемы, но и прогрессировали в нравственном плане настолько, что научились быть одновременно счастливыми и свободными. Власть государства на "Острове" ни в чем не проявляется, она не нужна, так как нет неравенства между людьми, нет причин для преступности. Сохранена семья и даже существуют семейные конфликты, но они решаются воспитательными средствами, с помощью друзей. Человеческие страсти — агрессивность, ревность, чувство соперничества, собственности находят выход в спорте. Все жители острова увлечены альпинизмом, который требует от человека напряжения всех сил и помогает понять истинные ценности жизни. Жителей государства отличает исключительная утонченность и одухотворенность: это царство рафинированных интеллигентов, хотя и необязательно интеллектуалов. Оказывается, однако, что благополучие Острова висит на волоске, так как его окружает обычный мир, мир власти и наживы. Нефтяные магнаты прослышали о его нефтяных богатствах и замышляют колонизировать его. "Остров" в творчестве О.Хаксли явился противовесом "Храброму новому миру", он насыщен изысканной медитативностью и ему, несмотря на изображенные в нем безнадежные обстоятельства, свойствен глубинный оптимизм. Однако оторванность от реальной жизни не создали ему популярности ни у читателей, ни у критиков.

В отличие от О.Хаксли, Джордж Оруэлл признавал воздействие романа Е.И.Замятина "Мы" на свое творчество. Посредником в передаче вдохновляющего импульса оказался Г.П.Струве. О романе "Мы" Дж.Оруэлл узнал из только что вышедшей

его книги "25 Years of Soviet Russian Literature: 1918-1943", которую он читал, находясь в больнице ⁷². 17 февраля 1944 г. Дж.Оруэлл писал к Г.П.Струве: "Уважаемый мистер Струве, пожалуйста, извините меня за то, что я не написал Вам раньше, чтобы поблагодарить за Вашу книгу "25 Years of Soviet Russian Literature" с любезной дарственной надписью. Боюсь, что я совсем мало знаю русскую литературу и надеюсь, что Ваша книга заполнит белые пятна в моих познаниях. Меня особенно заинтересовал роман Замятина "Мы", о котором я никогда раньше не слышал. Меня привлекает этот жанр литературы и сейчас я набрасываю план подобной книги, которую я собираюсь рано или поздно написать. <...> Сейчас я работаю над небольшой повестью "Скотский хутор": она могла бы развлечь Вас, когда появится на свет, но боюсь, что политически она настолько неприемлема, что вряд ли кто-нибудь возьмется ее издавать" ⁷³. По признанию писателя, анализ романа "Мы" в книге Г.Струве оказал воздействие на формирование замысла книги "Год 1984".

Дж.Оруэллу стало известно о существовании английского перевода романа, вышедшего в Америке, но ему не удалось достать его и он прочел роман во французском переводе ("Nous Autres", 1929). В 1946 г., уже работая над своим романом, Дж.Оруэлл писал в рецензии, опубликованной в газете "Tribune" за 4 января: "Некоторое время назад я наконец смог прочесть роман Замятина "Мы", который представляет собой любопытный феномен нашего времени, времени книжных костров. Об этом романе я узнал из книги Глеба Струве "Twenty-Five Years of Soviet Russian Literature" ⁷⁴. Фактам, изложенным русским критиком, Дж.Оруэлл дает свою интерпретацию и свои оценки, которые раскрывают механику его восприятия и переосмысления русского романа. Он писал, что речь в романе "Мы" идет не о России и вообще не о современности, что это "фантазия о XXVI веке", слишком острая в политическом отношении, чтобы быть изданной в России или даже в Англии. И в то же время он пишет, что в России книга была запрещена из-за очевидных аналогий с революцией и новым строем, главная ценность которого — полное отсутствие развития: "Это была наша последняя революция, и следующей не может быть". В этой рецензии Дж.Оруэлл высказал предположение, что "Храбрый новый мир" О.Хаксли был "частично заимствован" у Замятина: он подчеркивает, что действие обоих романов происходит примерно в одно время, в них очевидны сюжетные параллели. В основе обоих романов одна тема — бунт человеческой природы против рационализированного и механизированного мира, против удушающей общественной атмосферы. Однако, — пишет Оруэлл, — английскому писателю далеко до политической остроты его русского предшественника. Оруэлл считал, что социально-политическая проблематика Замятина значительно актуальнее для XX века, чем вопросы выведения определенных "пород" людей, интересовавшие Хаксли. Но нельзя забывать о том, что Хаксли был слишком хорошо знаком с возможностями воздействия химических и фармацевтических препаратов на человека и его гены, и заострял эти проблемы не без основания.

Из книги Г.Струве Дж.Оруэлл узнал, что Замятин бывал в Англии и создал сатиру на английское общество. Так как повесть "Островитяне" не переводилась в Англии до 1960 г., Дж. Оруэлл не мог с ней познакомиться. В последующие годы, до самой своей смерти он хлопотал о публикации нового английского издания романа Замятина "Мы", но успеха не добился. Следующий перевод романа на

английский был осуществлен Б.Г.Герни и опубликован в Нью-Йорке в 1960 г. Этот же перевод десять лет спустя был опубликован в Англии издательством Дж.Кейпа, а через два года издательством "Penguin". Таким образом первое издание романа в Британии появилось только в 1970 г. В предисловии к английскому изданию перевода Б.Герни, Майкл Гленни писал: "Главным звеном в английской традиции антиутопии является русский "англичанин" Евгений Замятин: он впитал художественный потенциал английского писателя одного поколения, придал ему новое измерение и передал его двум писателям следующего поколения" ⁷⁵.

Г.Струве, сыгравший столь важную роль в передаче литературных идей в цепочке англо-русских влияний, был первым критиком, сопоставившим три утопии и проследившим их идейно-литературные истоки. В своих работах он отдал решительное предпочтение роману Замятина, так как ему в наибольшей мере удалось предсказать события истории. Он пишет о "Мы": "В романе повсюду разбросаны черточки, придающие ему пророческий характер: Замятин точно предвидел в 1920 году сталинский полицейский тоталитаризм. Он упоминает не только о "Государственной науке", но и о "Институте Государственных Поэтов и Писателей". Казнь врагов государства сопровождается декламацией од, восхваляющих мудрость этой казни. Все нумера призываются "составлять трактаты, поэмы, манифесты, оды или иные сочинения о красоте и величии Единого государства". О главе Единого Государства герой романа пишет совсем как советские писатели сейчас о Сталине: "Благодетель, мудро связавший нас по рукам и ногам благодетельными тенетами счастья" ⁷⁶.

В романах Замятина и Оруэлла Г.Струве подчеркнул и общее, и принципиальные различия. В Едином Государстве Замятина есть черты классической "утопии": в нем достигнуто полное материальное благополучие, все сыты и одеты. Послушность массы покупается удовлетворением потребностей в еде и физиологической любви. Человечество — стадо довольных животных. У Оруэлла, ставшего свидетелем развития советского строя, представлено противоположное решение проблемы власти: послушание массы достигнуто средствами голода и нищеты. Люди недоедают, отчего их ослабленные организмы неспособны бороться с болезнями, они рано стареют и умирают. Они превращены в больных животных, неспособных на бунт, на борьбу за свои человеческие права.

"Утопизм" романа Оруэлла проявляется только в некоторых признаках "технического прогресса". Во всем остальном — это реальная, даже не гипертрофированная картина России его времени. Политическое положение государств в обеих утопиях различно. У Единого Государства Замятина нет и не может быть внешних врагов, потому что человечество уже объединилось во всемирное единство. Общим врагом человечества является естественная природа, животные и полу-люди, живущие в лесах. Суть политического положения в романе "Год 1984" состоит в том, что на Земле остались три сверхгосударства: Океания, Евразия и Истазия. Океания, со столицей в Лондоне — Британская Империя. Евразия — Европа и Россия, Истазия — Восточная Азия и Африка. Они находятся в состоянии непрекращающейся войны: Океания воюет либо с Истазией, находясь в союзе с Евразией, или, наоборот, воюет с Евразией, находясь в союзе с Истазией. О том, с кем в настоящий момент ведется война и кто является союзником, граждане Океании узнают из сообщений по радио и телевидению, а также из газет. Время от времени в стране

проводится День ненависти, во время которого на площадях собираются огромные митинги, и граждане Океании, подобно дикарям, заражая друг друга энтузиазмом ненависти, выкрикивают актуальные лозунги. По улицам города время от времени проводят пленных: если у них азиатские лица, это значит, что война идет с Истазией, если европейские — значит с Евразией.

Единым государством Замятина правит Благотетель и преданные ему Хранители. Здесь Оруэлл следует за своим предшественником: его Океанией правит Большой Брат. Однако в разработанности деталей Оруэлл далеко ушел от абстрактного образа Замятина: на улицах, в учреждениях и домах Океании висит легко узнаваемый портрет человека "с густыми усами и грубыми, но правильными чертами лица". И в том и другом произведении центральное место в государстве занимает система наблюдения и сыска. Но если в романе Замятина она представлена метафорически: в виде прозрачных, доступных для обозрения домов, то в романе Оруэлла индивидуальное наблюдение и одновременно воспитание ведется с помощью средств массовой информации. Дома, на работе и на улице включены телевизоры или радиорепродукторы. Человека с утра до вечера преследует голос, произносящий партийные лозунги и не дающий ни на минуту сосредоточиться на собственных мыслях. Неусыпный надзор над гражданами ведется с помощью телевизоров, размещенных во всех домах и квартирах. Эволюция телевидения, которая свидетельствует о высокой ступени технического развития Океании, сочетается с нищетой людей, недостатком пищи и необходимых предметов быта, убожеством их жилья, распространением болезней и отсутствием лекарств и врачей.

Жители Океании разделены на три неравные группы: правящая "внутренняя" партия, "внешняя партия", то есть рядовые члены партии, и пролетарии. Партийная элита правит членами "внешней партии" и пролетариями. Каждая группа живет по своим законам. В магазинах для рядовых членов партии постоянно не хватает чего-то самого необходимого: мыла, бритвенных лезвий, иголок и ниток. Но существует свободный рынок — магазины на пролетарских окраинах города, где можно купить все, чего нет в городе. Действие романа Оруэлла происходит в Лондоне, но этот город больше похож на послевоенную Москву или Ленинград: полуразрушенные дома подперты деревянными балками, в коммунальных квартирах и на лестничных клетках стоит неистребимый запах капустного отвара. В то же время легко узнать черты Лондона: в центре площади Победы, где проводятся митинги и манифестации, находится памятник, окруженный львами — это Трафальгарская площадь.

История в Океании время от времени полностью переписывается. Исправления вносятся не только в "текущие новости", но во все без исключения газеты за прошлые годы и в архивные материалы. Из газет вырезаются сообщения и фотографии, подменяются даты. Если человек упрямо не желает забывать факты, он исчезает без следа. Интересоваться, куда и почему он пропал, и даже упоминать его имя опасно для жизни. Для переписывания истории существует огромное Министерство Истины, которое одновременно является информационным агентством, архивом и издательством. Там же, при министерстве, создается художественная литература: романы пишут не писатели, а редакторы на специальных станках: они прокручивают калейдоскоп известных сюжетов и комбинируют их в новых вариациях. Новые комбинации это и есть новые романы.

Несмотря на расхождения в способах решения проблемы, Оруэлл, так же как Замятин и Хаксли, решает проблему, поставленную в “Легенде о Великом Иквизиторе”: это проблема “ошибок”, допущенных Создателем при сотворении человека. “Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми?” Христос, пытавшийся вывести людей из их заблудшего состояния, тоже выбрал неверный путь: он не поработал и не искушал человечество чудесами, но хотел их свободной веры и любви. Пастыри людей сочли, что он требовал от людей слишком многого, и исправили его учение. Они взяли на себя задачу устроить всемирное счастье людей, основав его на чуде, тайне и авторитете. Они поняли, что человек на земле ищет: “Пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник...”

В романах Замятина и Оруэлла любовь к женщине выводит героя из состояния коллективного гипноза. Сильное личное чувство приводит к прозрению, познанию “добра и зла”. Но оба героя не выдерживают своего бунта. В этом коренная близость романов. Сходство ситуации и в том, что в отличие от своих героев, авторы были оптимистами и борцами. Замятин хотел видеть будущее “с положительным знаком”. На одной из страниц записной книжки он размышляет: — “Какая же будет утопия? Назовите мне ее. — Ни я, ни кто другой еще не назовет ее — потому что она только рождается. Но я знаю, что когда завершит свой круг развитие “Мы”, начнется новый круг “Я”. Я знаю, что когда дойдет до предела математика и механика Эвклидова пространства — начнется неумелая, чудесная математика неэвклидовых пространств. Я знаю, что отстроивши до конца рациональный, трехмерный мир (а он уже почти отстроен), человек ощупью двинется в неведомый еще мир четырех измерений — мир подсознания. Не беда, что сейчас это кажется нелепостью и фантастикой; превосходно, что это кажется нелепостью и фантастикой: это признак высшего пути, это — несомненный запах завтра”⁷⁷.

Б.В.Анреп

Борис Васильевич Анреп (15 (27).IX.1883, Петербург — 7.VI.1969, Лондон) родился в семье профессора судебной медицины В.К. фон Анрепа, впоследствии депутата Государственной Думы от партии октябристов. Среди предков Анрепа по отцу — воины Карла XII, которые были взяты в плен при Петре Первом и с тех пор служили при русском дворе. Анреп вел свою родословную также от внебрачной дочери Екатерины Второй. По большей части предки Анрепа воевали на суше и на море. Его отец отступил от этой традиции. В 1885 г. он стал профессором медицины Харьковского университета, затем был назначен попечителем Харьковского учебного округа, а позднее получил солидный пост в министерстве образования. Семья жила в собственном доме в Петербурге, а также владела имением на Волге в окрестностях Ярославля. Анреп два года учился в Харьковской гимназии, где познакомился с Н.В.Недоброво (1882-1919). Дружба с ним продолжалась долгие годы и имела большое влияние на судьбу Анрепа. С молодых лет Анреп много путешествовал. Первый раз он выехал в Англию в 1899 г., несколько лет обучался в частных школах Англии. В России в 1905 г. он окончил Императорское училище правоведения. В памятной книжке этого училища опубликована его автобиография⁷⁸.

Затем по настоянию семьи он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Окончив его, он начал профессорскую карьеру, но вскоре почувствовал, что душа его не лежит к юриспруденции. Во время своих путешествий по России, Ближнему Востоку, Италии и Франции он страстно увлекся искусством мозаики. Кроме этого он писал стихи и решил посвятить свою жизнь искусству. Недоброво познакомил его с художником Д.С.Стеллецким, который поддержал его в выборе нового жизненного пути. В 1908 г. он уехал в Париж, где занялся живописью. Около двух лет он учился во Франции в Académie Julien, а в 1910-1911 г. переехал в Англию и продолжал обучение в Колледже Искусств в Эдинбурге (Edinburgh College of Art) под руководством Ф.М.Флетчера. Закончив образование, он переехал в Лондон.

В художественных кругах Парижа Анреп познакомился с английским художником Генри Лэмом (Henry Lamb), а тот представил его мэтру английской живописи Огастасу Джону (Augustus John). О.Джон произвел на Анрепа неизгладимое впечатление, которым он делился в одном из писем Г.Лэму. Он писал: "...Когда я впервые увидел О.Джона, во мне все перевернулось. Это было кошмарное ощущение, я испытал всю силу и могущество его чудовищного влияния, я был потрясен его готической красотой, в которой было какое-то звериное, жестокое и грубое великолепие"⁷⁹. О.Джон заметил Анрепа и немало сделал для того, чтобы создать ему имя в художественной среде. В 1913 г. он устроил первую персональную выставку Анрепа в галерее Chenil, где были представлены 54 работы: рисунки, акварели и мозаики⁸⁰. Он нашел для него первых заказчиков, а в 1919 г. заказал ему мозаику для гостиной своего дома в Челси.

Знакомство с О.Джоном не помешало Анрепу войти в соперничавший с его кружком салон Блумсбери. Главная вдохновительница блумсберийцев Вирджиния Вулф скептически относилась к Анрепу, но Клайв Белл, муж ее сестры, художницы, стал приятелем и помощником Анрепа. Анреп был тепло принят в салоне Оттолин Моррелл. В своем дневнике она оставила запись о его первом визите: "Из Парижа приехал друг Лэма Борис фон Анреп, умный, упитанный, добродушный, чувственный, полный молодой энергии и русского задора"⁸¹. О.Моррелл познакомила его с авторитетным художественным критиком Роджером Фраем (Roger Fry) и тот написал несколько отзывов о мозаиках Анрепа. В этом кругу к Анрепу был расположен известнейший литератор и критик своего времени Литтон Стрейчи (Lytton Strachey).

В 1908 г. в Ницце Анреп женился на Юнии Павловне Хитрово (1880-1973), представительнице процветавшей русской аристократической семьи. Брак был заключен по настоянию семей жениха и невесты, так как они считали, что она была им скомпрометирована. Юния Анреп была радушно принята в кругу О.Моррелл, по воспоминаниям которой, она "очаровывала всех в доме". В.Вулф оставила о ней несколько благожелательных записей в дневнике. Семейное положение Ю.П.Анреп не было прочным, оно особенно осложнилось в 1911 г., когда Анреп познакомился в Париже с близкой приятельницей своего друга Генри Лэма — Элен Мейтленд (1885-1965). Мейтленд была американкой шотландского происхождения, была воспитана в обеспеченной семье и отправлена в Европу учиться оперному пению. Анреп, склонный к романтическим похождениям, увлекся певицей и пригласил ее жить в его парижском доме. Юния Анреп некоторое мирилась с этим

мэпэж а троис и не оставила мужа. В 1912 г. у Анрепа и Элен Мейтленд родилась дочь и они решили переехать в Лондон, в Хэмпстед, где Элен принадлежали три дома. В одном из этих домов Анреп организовал свою мастерскую, в другом проходила его семейная жизнь. В 1914 г. у Анрепа и Элен Мейтленд родился сын. В том же году, как раз накануне войны, Юния Анреп вернулась в Россию. Английские друзья и знакомые Анрепа по-разному относились к событиям его личной жизни. Вирджиния Вулф была готова отказать ему от дома, от этого ее удерживало только то, что он был вхож в семью ее сестры художницы. О.Моррел, которую некоторое время связывали с Анрепом близкие отношения, была возмущена откровенностью его слишком свободных даже для богемы манер. Однако Литтон Стрейчи, отстаивавший собственную свободу от гнета моральных требований, сохранил к нему прежнее отношение: он считал, что дамы, диктовавшие принципы поведения в Блумсбери и Гарсингтоне, к нему слишком строги⁸².

Сложные отношения с окружающими не мешали стремительной карьере модного художника. В 1912 г. Р.Фрай пригласил Анрепа участвовать в организации русской части Второй выставки пост-импрессионизма в галерее Графтон (Grafton Galleries). Анреп подготовил также русскую часть каталога этой выставки. На выставке были представлены Н.С.Гончарова, М.Ф.Ларионов, К.С.Петров-Водкин, Г.Б.Сарьян, М.К.Чюрленис⁸³. Английскую часть выставки готовил Клайв Белл. В 1913 г. Анреп возобновил свои поэтические опыты. В Лондоне на английском языке была опубликована его поэма "Foreword to the Book of Anrep" ("Предисловие к Книге Анрепа")⁸⁴. Это написанное на трудном для понимания английском языке, туманное по содержанию произведение получило отклик в российском Обществе поэтов, в котором руководящую роль играл Недоброво. 17 ноября 1913 г. на заседании Общества было сделано сообщение о поэме Анрепа. Попытке писать по-английски предшествовали ранние поэмы Анрепа, созданные под влиянием английских романтиков. "Предисловие к Книге Анрепа" перекликается по жанру с поэмами Блейка "Создание человека", "Создание мира", а также с его космогоническими видениями. Возможно, существовал и русский вариант поэмы. Знавшие Анрепа люди вспоминали, что он говорил по-английски бегло, но с заметным русским акцентом. Если судить по цитатам из его английских писем, которые приводит М.Холройд в биографии Литтона Стрейчи, Анрепа отличала большая смелость выражения при ограниченном знании грамматики и структуры языка. Возможно, это неполное владение грамматикой и лексикой, давало ему ту свободу обращения с языком, при которой иногда достигается большая оригинальность, непредсказуемость и выразительность речи.

В 1914 г. Анреп выполнил свой первый серьезный заказ, с которого началась его биография как оформителя важнейших в Британии архитектурных сооружений. Ему было поручено создание фресок на стенах Вестминстерского собора в Лондоне, самого крупного католического храма в Англии (его не следует путать с Вестминстерским аббатством, которое находится в том же районе Лондона, Вестминстере). Работу в соборе Анреп продолжал и в последующие годы: его мозаики в этом храме можно видеть в часовне Святого Причастия и Святого Сердца. Первая мировая война на некоторое время прервала художественную карьеру Анрепа. Он был призван на военную службу и был прикомандирован к русской армии

в Архангельске. В 1914-16 гг. он участвовал в военных действиях в Галиции и Закарпатье. Каким-то образом он продолжал бывать в Лондоне и в 1915 г. он добровольно начал работать в Русском правительственном комитете по снабжению русской армии. Устроиться туда ему помог ему Мейнард Кейнс, который во время войны являлся министром по снабжению. Поддержка известнейшего экономиста и министра союзнической державы чрезвычайно повысила авторитет Анрепа в российских военных кругах и в 1916 г. он получил назначение в Лондон для работы в Русском правительственном комитете.

Эта работа позволила ему возобновить светскую жизнь. В марте 1916 г. с несколькими друзьями офицерами он кавестил Моррелл в Гарсингтоне. Она была убежденной пацифисткой и помогала Б.Расселу вести широкую пропагандистскую деятельность против войны. Пацифистами были и многие ее друзья. Хотя свои убеждения они распространяли со всей возможной активностью, Анреп, по всей видимости, ничего об этом не знал, иначе трудно объяснить его появление в Гарсингтоне, не говоря уже о его поведении там. На О.Моррелл агрессивная бодрость военных произвела угнетающее впечатление. Она записала в дневнике, что они выглядели как напыщенные павлины в своей роскошной военной форме и гордо демонстрировали свои мощные тела. Ужасы войны вызывали у них смех, о вандализме и мародерстве они говорили как о привычном деле, по их мнению, неизбежном на войне. Слушая их военные рассказы, О.Моррелл, как она пишет, лишилась дара речи. Ее представление об Анрепе резко изменилось: "Я едва узнала Бориса, — писала она, — раньше он был таким милым, простым, и в то же время значительным — настоящий художник-жизнелюб. Теперь же он превратился в здорового краснолицего детину, раздувающегося от гордости, что у него на плечах капитанские погоны. Я вздохнула с облегчением, когда пришло время прощаться"⁸⁵. Анреп, однако, не почувствовал напряженности. В октябре он снова появился в Гарсингтоне, где на этот раз гостил Олдос Хаксли. Хозяйка, по всей видимости, отсутствовала. Хаксли писал ей в письме: "Сегодня приехало странное существо по имени Анреп, он — военный секретарь Русского правительства в Англии, а в мирной жизни скульптор и художник. Тип лица германский, сознание — прусское: до удивления циничен в отношении войны, которую он видит как войну татар против гуннов, русских против немцев — для него нет ничего важнее расового вопроса. Ужасы войны его только развлекают: он утверждает, что русские совершают не меньше военных преступлений, чем немцы, а то, что в Польше разрушено множество библиотек и церквей, он оправдывает фразой "на войне как на войне". Он считает, что и мы должны крушить и истреблять немцев так же, как немцы крушат и истребляют других. Раз они имеют на это право — то и мы имеем. В своих устремлениях он исключительно кровожаден. А во всем остальном он очень мил: занятен, умен и талантлив"⁸⁶.

С первого взгляда Анреп показался писателю "воплощением самого бесстыдного волокитства"⁸⁷. У него были личные основания для беспокойства по поводу нравственного облика Анрепа. Анреп начал проявлять повышенное внимание к Марии Нис, в которую был влюблен Хаксли. Мария Нис была бельгийской беженкой, которую О.Моррелл приютила в своем имении и оплачивала ее образование в Кембридже. Мария, однако же, бросила свой колледж и переехала в Лондон,

где Анреп предлагал ей работу в своей студии. Это обстоятельство задело О. Моррелла, а также обострило ревность и наблюдательность Хаксли. События, разворачивавшиеся в Гарсингтоне, Хаксли детально описывал в письмах О. Моррелла, рассчитывая на ее авторитетное вмешательство. Он писал в одном из очередных посланий этого периода: "В воскресенье мы испытали московское вторжение в виде Анрепа. Я был совершенно заворожен его сапогами, глядя на которые, вы бы никогда не подумали, что они могут существовать в реальной жизни, а не только на театральной сцене. Такие большие, черные, казацкие сапоги гармошкой... Он был очень весел, временами занятен, но беспрерывно говорил за чаем о выгодах войны для ее участников. Он был очень внимателен к Марии и когда мы гуляли, все время предлагал перенести ее на руках через разные препятствия, встречавшиеся на пути"⁸⁸.

Знакомство с Анрепом и связанные с его "вторжением" переживания натолкнули Хаксли на замысел романа, в котором автор хотел исследовать психологические особенности мужских характеров, притягательных для женщин. Главной героиней романа должна была стать некая Венеция Стенли, изысканная молодая женщина, которая постоянно оказывается предметом искательств наглых молодых придворных. Развивая этот замысел, О. Хаксли писал О. Моррелла в октябре 1916 г.: "Есть и в современной жизни бесчисленное количество случаев, когда очень умная женщина, самого утонченного типа, становится жертвой самой банальной наглости и самоуверенности. Можно только поражаться, не веря своим глазам, когда видишь как Анрепы нашего мира покоряют Венеций Стенли своей примитивной силой и напором. Чем больше нахрапистости у такого героя, тем стремительнее достигает он победы и тем эта победа полнее. Те качества, которые мне, как и большинству разумных и порядочных людей, кажутся наиболее отвратительными, гарантируют им успех у женщин. Это какая-то загадка. Я совершенно неспособен это понять. Этот психологический феномен выше моего рассудка. Наглость, как будто, является наиболее существенным условием их успеха. Я испытываю ужас перед наглецами, но в то же время, порой восхищаюсь и завидую им. Мне бы хотелось, чтобы меня временно покрыли броней наглости. Стать хотя бы на неделю Анрепом — вот было бы интересно. Так можно было бы проникнуть в существо явления. Хотя с другой стороны, я не думаю, что даже и это поможет объяснить женскую психологию. Наверно, это психология оленей и ланей, которых можно наблюдать в октябре в парке святой Магдалины"⁸⁹.

Вместо исторического романа О. Хаксли написал роман из современной жизни "Желтый Храм" (1921), в котором сатирически изобразил элитарный кружок Гарсингтона. Среди его героев легко узнать хозяйку и хозяина имения, а также близкого друга О. Моррелла Бертрана Расселла. Главный герой романа писатель Денис Стоун — это шаржированный автопортрет Хаксли. Другие персонажи романа также напоминают реальных людей, иногда кого-то одного, иногда сразу нескольких человек. "Собирательным" персонажем, по всей видимости, является художник Гомбо, в котором исследователи находят черты нескольких художников, гостивших в Гарсингтоне. Принято считать, что основным прототипом Гомбо был Огастас Джон. Однако, если привлечь к сравнению с этим портретом письма Хаксли об Анрепе, то не остается сомнений в том, что главным прототипом этого образа был именно Анреп.

Внешне они мало похожи: Гомбо — черноглазый и черноволосый провансалец, у Анрепа — светлые глаза и волосы. Но внешнее несходство, даже контраст, автору

нужны лишь для отвода глаз, чтобы тем свободнее передать в Гомбо внутреннего сущность реального лица. Вот его портрет в начале третьей главы "Желтого Хрома": "Гомбо был выходец из Провансаля, черноволосый молодой корсар тридцати лет, со сверкающими белизной зубами и сияющими большими черными глазами. Денис смотрел на него с завистью. Он завидовал его таланту: ах, если бы он так же писал стихи, как Гомбо писал картины! А сейчас он больше всего завидовал его красоте, полноте его жизненных сил, естественной уверенности в себе. Что удивительного в том, что он нравится Анне? Только ли нравится? Это могло быть и нечто большее".

Дальше в этой же главе интеллектуал Скоуген, в образе которого сатирически преломлены характерные черты Б. Рассела, рассуждает о том, что художники непреносимо скучны в общении, потому что их занимают теории чистого искусства, столь же далекие от жизни, как, например, чистая математика. В абстрактные рассуждения об искусстве любил пускаться и Анреп. В период угасания дружбы с ним, Р. Фрай однажды заметил в частном письме: "Его бесконечное теоретизирование по всякому поводу мне просто надоело"⁹⁰. Скоуген-Рассел уточняет, обращаясь к Гомбо: в роли любовника или собутыльника вы, может быть, совершенно обворожительны, но как создатель художественных форм — невыносимо скучны. Названные роли занимали весьма важное место в жизни Анрепа. О взглядах Анрепа на смысл войны заставляет вспомнить высказывание Гомбо о том, что война — эффективный отдых от повседневности и здравомыслия, от обычных ощущений и занятий. Как писал Хаксли в письме к О. Моррелл: "Ужасы войны его только развлекают..."⁹¹. Помещенное в романе рассуждение о переходе Гомбо от кубизма к реализму, от абстрактной к конкретной живописи, возможно, также имеет непосредственное отношение к художественной манере Анрепа. Сопоставляя мозаические работы и живопись Анрепа, О. Хаксли мог отметить стилистическую разницу в произведениях одного и того же художника. Мозаики, по самой природе материала, имеют много общего с кубизмом, тогда как зарисовки, этюды и живопись Анрепа были ближе к конкретной реальности.

Витальность, плодovitость, сексуальность — главные черты Гомбо — ассоциируются не столько с обликом О. Джона, в котором те же качества были преобразованы и подчинены мистическому началу, сколько с обликом Анрепа, в котором они имели более простые и очевидные проявления. Характерная сцена подчеркивает прямолинейность и откровенность устремлений Гомбо. На скотном дворе у стойла племенного быка он рассуждает о том, как приятно созерцать плодящихся и размножающихся животных: "Бьющая ключом жизнь — это то, что нам нужно. Плодиться — как это великолепно! Все должно расти и размножаться во всю свою силу <...> Все должны заводить детей — Анна должна. Мария должна, дюжинами, дюжинами," — он подкрепил свою мысль поглаживанием филейных частей племенного быка своей тростью, — "Стерильность ужасна, противоестественна, это грех против жизни. Жизнь, жизнь и еще раз жизнь".

Эта ода плодородию заставляет вспомнить не только художников Гарсингтона, но и бывавшего там Д. Г. Лоуренса. В противовес гимну естественной жизни Хаксли нарисовал убийственную картину будущего мира, в котором природные инстинкты будут подчинены плановому воспроизводству народонаселения. Создавая эту картину, Хаксли довел до логического конца рассуждения Б. Рассела, которые он

вложил в уста своего героя. Скоутен говорит: "Даже ваше красноречие, Гомбо, не сможет обратить мир в религию плодоношения. Эрос — дитя свободы: его связь с Юноной и плодородием легко растормаживаема. Я смотрю на это спокойно. На свет явится безликое поколение и изменит чудовищный закон природы: в больших государственных инкубаторах, в колбах, специально предназначенных для размножения, будет выращиваться необходимая для воспроизведения популяция людей. Семья исчезнет, а Эрос будет летать под солнцем свободной бабочкой с цветка на цветок". Пророчества Б.Рас-селла о будущем человечества, которые Хаксли в шаржированном виде излагает на страницах "Желтого Хрома", позднее легли в основу романа "Храбрый новый мир" (1932). Так мироощущение художника-жизнелюба и контрастирующие с ним идеи кабинетного ученого дали взрывчатую смесь, породившую самый блестящий утопический роман века. Роль русского художника была здесь не последней.

Подтверждением связи образа Гомбо с реальным Анрепом является основное определение, которым пользовался Хаксли в письмах, характеризуя Анрепа. В них не раз обыгрываются два значения английского слова "brass" ("brazen"), которое означает "медь" ("медный", или "бронзовый"), а также "наглость" ("наглый"). В письме к О.Моррелл, пожелание, высказанное О.Хаксли — "Мне бы хотелось, чтобы меня временно покрыли броней наглости. Стать хотя бы на неделю Анрепом" — можно понять и так: "Я хотел бы, чтобы меня временно покрыли слоем меди". Значения этих слов обыгрываются и в портрете Гомбо: "У Гомбо было медное лицо, напоминавшее старинный таран, которым долбили стены города, пока он не сдавался. У Дениса лицо было совсем другое — ватное". Кроме того, "медь" ассоциируется с военным оркестром. Военная терминология, с помощью которой писатель изображает атаку своего героя на понравившуюся ему даму, также вполне гармонирует с образом реального лица, запечатленным в письмах его современников.

Реальной действительности соответствует в романе эпизод работы Гомбо над портретом Анны. Мария Нис подолгу позировала Анрепу в мастерской Гарсингтона. Определенного конца в романе эта история не имеет, Денис не проявляет никакой настойчивости в борьбе за любимую женщину, считая ревность унижительным чувством. В жизни О.Хаксли проявил гораздо больше решимости, чем его герой: он женился на Марии Нис и издал свой роман с саркастической карикатурой на соперника.

А.А.Ахматова и Б.В.Анреп

Во время Первой мировой войны жизнь Анрепа, проходившая между Англией и Россией, пополнилась еще одной — и может быть главной победой в его жизни. Во время одной из своих командировок в Россию он познакомился с Анной Ахматовой. Встреча произошла в доме их общего друга в Царском Селе. Анреп так вспоминал об этом: "Н.В.Недоброво познакомил меня с Анной Андреевной в 1914 г. по моем приезде из Парижа, перед моим отъездом на фронт. Николай Владимирович восхищенно писал мне про нее еще раньше"⁹². Недоброво действительно писал Анрепу об Ахматовой в октябре 1913 г.: "Источником существенных развлечений служит для меня Анна Ахматова, очень способная поэтесса". В марте 1914 г. он послал ему сборник Ахматовой "Четки", на что Анреп ответил: "Она была бы Сафо, если бы не ее православная изнеможенность". В письме от 27 апреля 1914 г.

Недоброво писал Анрепу: "Я всегда говорил ей, что у нее чрезвычайно много общего, в самой сути ее творческих приемов, с тобою и со мною" ⁹³.

Ахматова познакомилась с творчеством Анрепа до того, как встретила с ним: она бывала на собраниях Общества поэтов, где он читал свои сочинения. Лейтмотив поэмы Анрепа "Человек": "Я пою и лес зеленеет" Ахматова взяла в качестве эпиграфа к своему сборнику "Белая стая". По ее свидетельству, она познакомилась с Анрепом "в Великом Посту в 1915 г. в Царском Селе у Недоброво" ⁹⁴. В 1915 г. Анреп несколько раз виделся с нею во время своих отпусков с фронта или командировок. В одну из последних встреч Ахматова передала ему магический черный перстень, переходивший в ее семье из рода в род, а также книгу стихов "Вечер" с надписью:

Одной надеждой меньше стало,

Одною песней больше будет.

(17 марта 1915)

В стихах, посвященных Б. Анрепу, Ахматова видит в нем человека, живущего в ином, европейском мире, и словно случайно забредшего в угрюмый Петербург. С этим образом связана в ее поэзии тема изгнания, скитания и безответного любовного чувства. Ожиданию его возвращения посвящено стихотворение "Эта встреча никем не воспета" (1916) и "Небо мелкий дождик сеет..." (Весна 1916):

Нынче другу возвратиться

Из-за моря — крайний срок.

Мечтая о возлюбленном, ее лирическая героиня видит контуры дальней, заморской, никогда не виданной, но в то же время вполне конкретной страны. Об Англии напоминает и непрерывный "мелкий дождик", и описание морского берега:

Все мне дальний берег снится,

Камни, башни и песок.

Анреп должен был вернуться на Духов День, то есть 30 мая 1916 г., но приехал он только в конце года. Январь 1917 г. он провел в Петрограде. Несмотря на рискованность похода в гости в тех обстоятельствах, он побывал у Ахматовой, добравшись до квартиры, где она жила, по невскому льду, сняв офицерские погоны. Роман Ахматовой и Анрепа был литературно-поэтическим. Любовь к Анрепу — это, по ее словам, "семь дней любви и вечная разлука". Однако этот полувековой роман на расстоянии породил цикл замечательных по глубине чувства и мысли стихотворений о России, изгнании, странствовании, жизни на чужой стороне.

С первым поездом после февральской революции Анреп уехал в Лондон, по верному предсказанию Ахматовой, — навсегда. Анреп в этот момент не знал, вернется ли в Россию, он говорил Ахматовой: "Я люблю покойную английскую цивилизацию разума, а не религиозный политический бред". Ответом ему было одно из самых известных стихотворений Ахматовой, в котором Россия противопоставляется Западу и ставится вопрос о высших ценностях веры:

Высокомерьем дух твой помрачен,

И оттого ты не познаешь света,

Ты говоришь, что вера наша — сон

И марево — столица эта.

Ты говоришь — страна моя грешна,
А я скажу — твоя страна безбожна.
Пускай на нас еще лежит вина, -
Все искупить и все исправить можно.

(1 января 1917. Слепнево)

В этом стихотворении нашел продолжение разговор Ахматовой и Анрепа о его безверии. Для Ахматовой Европа — “безбожная” страна, которая дает свободу и довольство, но губит православную душу. Тема отечества, веры, преданности получила развитие в стихотворении, написанном летом того же года:

Ты — отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну.

Для чего ты, лихой ярославец,
Коль еще не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц
И на пышные эти дома?

Так теперь и кощунствуй и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.

Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь,
И в смертельном бою невредим.

Да, не страшны ни море, ни битвы
Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы
Попросил ты себя помянуть.

(Июль 1917. Слепнево)

Не стоит искать в этих стихах биографической точности: Анреп, конечно, не стонал под окном Ахматовой и вряд ли верил в молитвы о своей душе. Но для Ахматовой-поэта гораздо интереснее был человек, страдающий от разрыва с Россией. Некая дьявольская неуязвимость героя этого стихотворения (не страшны ни море, ни битвы) почерпнута Ахматовой из биографии Анрепа: на войне он выходил целым и невредимым из всех переделок. Воспоминание об Анрепе задевало разные струны души поэта и извлекало разные аккорды — и куртуазно-лирические, и религиозно-патриотические. В нескольких стихотворениях, написанных в 1917 г., она представляет себя странницей, в поисках неверного возлюбленного. Она скита-

ется в одиночестве по иноземной столице без всякой надежды на ответное чувство. Радость от предвкушения встречи прорывается вопреки здравому смыслу:

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.
Для чего же так тянуться
Мне к чужому человеку,
Для чего же каждый вечер
Мне молиться за тебя?
Для чего же, бросив друга
И кудрявого ребенка,
Бросив город мой любимый
И родную сторону,
Черной нищенкой скитаюсь
По столице иноземной?
О, как весело мне думать,
Что тебя увижу я!

В своих "сентиментальных путешествиях" Ахматова отдает дань романтическому, литературному образу Англии: здесь и море, и зеленые волны, мелкий дождь, дальний берег, "камни, башни и песок", "и воды, и цветы", "зеленый остров", "пышные дома", "королевская столица", "рыжие красавицы". Интуитивно, она с большой точностью выстроила этот образ по литературным и устным описаниям: до 1965 г. в Англии она не бывала.

В стихах, посвященных Анрепу, Ахматова определила свое отношение к эмиграции — к вопросу, который осенью 1917 г. был животрепещущим для многих:

Мне голос был, он звал утешно,
Он говорил: "Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда"...
<...>
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойно
Не осквернился скорбный дух.

На это стихотворение обратил внимание А.Блок. Обычно сдержанный в оценке поэзии Ахматовой, на этот раз он сказал: "Ахматова права"⁹⁵. Первоначально это стихотворение, с посвящением Б.Анрепу, было опубликовано 12 апреля 1918 г. в газете "Воля народа", без последней, самой выразительной строфы⁹⁶. Позднее этим строфам были предпосланы две другие, начинавшиеся словами "Когда в тоске самоубийства..." Добавление строф, передающих картину катастрофы русской войны и революции, придало этому произведению исторический и философский смысл.

Д.Мирский, особо отметивший это стихотворение, по всей видимости нашел его в сборнике "Подорожник", вышедшем в свет в апреле 1921 г. В статье "О современном состоянии русской литературы" (1921), не публиковавшейся при жизни, Д.Мирский писал: "В слове "мужество" есть большая несправедливость: свойство, им означенное, никак не составляет монополии нашего пола, и то же мужество, что в Гумилеве и Мандельштаме (мужество, конечно, не исключающее женственности), мы находим и в Анне Ахматовой". Критик цитирует строки ее стихотворения "Мне голос был", противопоставляя Ахматову эмиграции: "Ее [эмиграции] поэтическое бесплодие как бы карма отделения от родной почвы, вне которой поэзия — самый органический свет национальной культуры — существовать не может. Поэтому те поэты, которые чувствовали ответственность за национальное достояние, к эмиграции не присоединились, как Анна Ахматова —

Чтоб этой речью недостойно
Не осквернился скорбный дух" ⁹⁷.

Несколько лет спустя — лет, которые для России были эпохой — Ахматова подтвердила верность выбранному пути:

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Польною пахнет хлеб чужой.

("Не с теми я, кто бросил землю..." Июль 1922)

Б.Анрепу посвящены строки, в которых события русской истории осмысливаются в тональности шекспировской трагедии:

Тому прошло семь лет. Трагический октябрь,
Как листья желтые, сметал людские жизни,
А друга моего последний мчал корабль
От страшных берегов пылающей отчизны.

(1923)

В апреле 1917 г. Анреп окончательно уехал в Англию ⁹⁸. Его спутницей была Мария Волкова, сестра жены его брата Глеба, которой в Лондоне была предоставлена работа в Русском правительственном комитете. Путешествие в Англию было долгим, на корабле начался их роман, и когда они приехали в Лондон, Анреп предложил ей поселиться в его семейном доме. В эти же годы — 1914-1917 — Анреп поддерживал романтические отношения с О.Моррелл. Так же как и Юния Хитрово, Элен Анреп несколько лет мирилась с неукротимым темпераментом мужа.

Карьера Б.В.Анрепа на этом этапе продолжала складываться удачно: он участвовал во всех заметных событиях художественной жизни Англии и продолжал выполнять частные заказы по оформлению домов лондонской аристократии. Излюбленной темой изображений для него были портреты его известных друзей и знакомых в различных бытовых ситуациях и в виде алегорических фигур. В доме Этель Сэндс в Челси он оформил мозаикой пол в прихожей и стены. На стенах были изображены В.Вулф в мужском костюме ⁹⁹ и Литтон Стрейчи, наблюдающий из окна коттеджа за художницей Каррингтон. К сожалению, эта мозаика не сохранилась: по одной версии, она была покрашена новыми хозяевами дома, по другой,

дом был разрушен во время войны. Анрепу принадлежит мозаика для дома сэра Вильяма и леди Джовитт. Этому произведению больше повезло, чем некоторым другим мозаикам в частных домах: оно было перевезено в художественную галерею Бирмингема. Среди частных заказов Анрепа камин в спальне Литтона Стрейчи¹⁰⁰. В 1921 г. Анреп закончил композицию "Видение Св. Иоанна" в мемориальной часовне в церкви военного колледжа в Сэндхерсте. В следующем году он представил свои живописные работы маслом на выставке Лондонской группы. В 1923 г. он работал над мозаичным полом в зале Блейка в галерее Тейт, который стал одной из важнейших мозаичных работ Анрепа. В этой мозаике художник взялся за иллюстративную задачу, создав композиции на темы философской лирики Блейка "Пословицы ада" ("Proverbs of Hell"). Над этими мозаиками Анреп по большей части работал в своей студии в Хэмстеде.

В 1925 г. в семейной жизни Анрепов произошел давно назревший кризис: Элен Анреп ушла от мужа к Роджеру Фраю. По ее признанию, ее разочаровало "литературное мащанство" Анрепа, ей не нравилось, что он отдает явное предпочтение "демонстрации ног перед демонстрацией интеллекта"¹⁰¹. Развод с Анрепом оказался непростым делом: неверный муж был разгневан требованием расторжения брака. С разводом был связан переезд художника в Париж. Он открыл студию на бульваре Араго, но и там продолжал выполнять свои английские заказы. Он говорил: "Я живу во Франции, но работаю для Англии"¹⁰². В Англии он продолжал пользоваться успехом. В 1928 г. О. Джон писал о нем в журнале "Vogue": "Его работы украсили наши известнейшие здания и в этом его вечный и уникальный вклад в культуру нашего времени. По существу, в одиночестве среди современных художников он возродил утерянное искусство, дал новую жизнь традициям Золотого века христианского искусства мозаичных фресок. Он продолжает ранние византийские традиции, которые до сих пор живы в России, и в то же время следует великолепным образцам, которые можно видеть в храме Св. Марии Маджоре в Риме, в Равенне и Палермо. Он изобразил современность средствами, которые принято было считать ушедшими в невозвратное прошлое"¹⁰³. К наиболее значительным мозаичным работам Анрепа относится оформление холла Банка Англии, часовни Св. Анны и греческой православной церкви Св. Софии на Московской улице в Лондоне.

Над самым крупным заказом своей жизни — мозаичным полом Национальной галереи — Анреп работал периодически между 1926 и 1954 г. Впервые мозаичное оформление пола галереи упоминается в протоколах заседаний дирекции 9 марта 1926 г. В октябре 1926 г. был создан комитет, специально занимавшийся мозаичным оформлением Национальной галереи. Художнику была в общих чертах дана схема содержания и стиля изображений, но ему была предоставлена большая свобода для выражения своих идей. Финансировал проект С. Курто (S. Courtault), знаток и меценат искусства. Мозаики на полу Национальной галереи должны были отразить разные стороны культурной жизни Англии с середины 1920-х годов. Главной работой Анрепа в галерее является цикл "Пробуждение муз". Он был закончен в 1933 г. и состоял из портретов знаменитых современников, которые представлены в виде мифологических и аллегорических фигур. Осберт Ситуэлл, литератор и теоретик новейших течений в искусстве, представлен в виде

Аполлона, символизирующего разумную и цивилизованную сторону человеческой природы. Рядом портрет Клайва Белла в виде Бахуса, бога вина, символизирующего удовольствия жизни. Они окружены девятью музами, вдохновительницами искусств и наук. Среди них Вирджиния Вулф в образе музы истории Клио, Лидия Лопухова в образе музы танца Терпсихоры, Грета Гарбо — муза трагедии Мельпомена, графиня Джовитт — муза комедии Талия. Графиню Джовитт Анреп изобразил еще в одной мозанке, которую назвал “Разные моменты дня светской дамы” (галерея Бирмингема). Содержание этой работы — повседневная жизнь, уход за своей внешностью, беседы по телефону и развлечения, — особенно явственно показывают, что у художника не было проблем с выбором предмета изображения.

В цикле портретов Национальной галереи изображен основатель теории атома лорд Резерфорд в виде аллегории “Любознательности”, Т.С.Элиот фигурирует как “Отдохновение”, Бертран Расселл воплощает “Ясность”. Анреп изобразил также Уинстона Черчилля и своего патрона Огастаса Джона. Все изображенные люди в то время здравствовали. Поэтому особенно непривычно было то, что зрителям приходилось ходить по изображениям. Англичане отнеслись к этому обстоятельству со свойственным им чувством юмора. Граф Джовитт писал сэру Филипу Хенди: “Помимо эстетической ценности моего портрета, помимо того, что в нем есть большое сходство с оригиналом, есть и определенная в нем польза: когда вы будете на меня раздражены, можете пойти и потоптаться на моем лице”¹⁰⁴. Портреты на мозаичном полу перемежаются аллегорическими медальонами, например такими как “Литература” и “Музыка”. По замыслу художника литература должна была быть представлена самыми известными детскими книгами. Анреп собирался написать детским почерком, словно мелом на доске, четыре имени: Шекспир, Мильтон, Дефо, Диккенс. Вместо этого в последнем варианте в медальон были вписаны названия детских книг: “Путешествия Гулливера”, “Робинзон Крузо”, “Алиса в стране чудес”, “Остров сокровищ”. В Западном вестибюле расположен цикл на тему “Труды жизни”, в медальонах изображены рабочий с электродрелью, скульптор, работающий над статуей, и другие трудовые и творческие процессы. В противоположном Восточном вестибюле представлены “Удовольствия жизни”, изображающие отдых, спорт, развлечения.

В наши дни посетители “Национальной галереи” не так уж часто рассматривают мозаичный пол. Для того, чтобы узнать, кто есть кто на этих портретах, необходим путеводитель. В основном мозаиками Анрепа занимаются специалисты, которые на основе его архивов установили, кто на них изображен. Один из портретов имеет уникальную историю, но для того, чтобы она зазвучала, оказалось необходимо сопоставить с английскими архивами Анрепа его русские архивы. В медальоне с аллегорической подписью “Сострадание” изображена Анна Ахматова. Это единственная русская современница Анрепа среди знаменитых англичан своего времени. Замысел этого портрета является, возможно, более ранним, чем все остальные. В письме к Анрепу от 27 апреля 1914 г. Н.Недоброво восхищался обликом Ахматовой и советовал ему сделать с нее “леонардовский рисунок, гейнсборовский портрет маслом и икону темперой, а лучше всего, поместить ее в самом значащем месте мозаики, изображающей мир поэзии”¹⁰⁵. Как ни фантастичен был замысел Недоброво в тот момент, Анрепу удалось осуществить его с точностью до деталей. На его

мозаике Ахматова изображена в виде ангела, парящего над землей¹⁰⁶, где в муках корчатся изможденные люди. Художник стремился изобразить Россию и своих соотечественников, но можно видеть здесь отражение европейской действительности периода мировых войн.

Во время Второй мировой войны Анреп работал в агентстве Рейтер. Его студия в Хэмпстедде была разрушена при воздушном налете. Черный перстень, подаренный Ахматовой и хранившийся в шкатулке, пропал. Он, однако же, о ней не забывал. После войны Анреп послал Ахматовой фотографию своей мозаики, посвященной Христу, "Cor Sacrum" ("Сердце Господне"). Это было не только напоминание о себе, но и продолжение разговора о вере. Фотография мозаики навеяла еще два стихотворения, посвященные Анрепу, которые появились в начале 1960-х годов в цикле "Из черных песен". Благодаря дружбе с Г.П.Струве, Анреп читал все, что писала Ахматова, однако о многих стихах, посвященных ему, он не знал до последних лет жизни. Он не знал, например, о существовании акrostиха, начальные буквы строк которого составляют его имя. В наши дни исследователям известно более 30 стихотворений Ахматовой, посвященных Анрепу: 17 — в сборнике "Белая стая", 14 — в сборнике "Подорожник"¹⁰⁷. Так как адресат стихотворения не всегда точно известен, а с нескольких стихотворений посвящение было снято, об отношении стихов к Анрепу иногда можно только догадываться, сопоставляя факты.

Посвящая Анрепу два стихотворения, почти полвека спустя, в 1961 г., Ахматова вернулась к теме изгнания:

Прав, что не взял меня с собой
И не назвал своей подругой,
Я стала песней и судьбой,
Сквозной бессонницей и выюгой.

В действительности, конечно, свой выбор она сделала сама. Оглядываясь на свою жизнь, она попыталась увидеть себя в иных обстоятельствах и иной роли, но картина того, что не состоялось, не вызвала у нее вздоха сожаления:

Меня бы не узнали вы
На пригородном полустанке
В той молодящейся, увы,
И деловитой парижанке.

"Голос", звавший оставить Россию навсегда — это внутреннее сомнение и соблазн, который она отвергла как временную слабость. Анреп был символом этого соблазна.

В 1965 г. состоялось чествование Ахматовой в Оксфорде. Помимо самой церемонии, во время которой многие стремились увидеть ее, и нескольких дружеских встреч, в том числе с С.Н.Андрониковой, Ахматова хотела увидеть и Анрепа. Но он сделал все возможное, чтобы избежать этой встречи. Как он пишет в своих воспоминаниях, ему "не хотелось стоять в хвосте ее поклонников". Он попросил Г.Струве передать ей привет и уехал в Париж, где ему надо было свернуть свои работы в мастерской и закрыть студию на бульваре Араго. "Я оказался трусом и бежал, чтобы Анна Андреевна не спросила о кольце", — так он объяснял причину своего отступления. Однако Ахматова проявила настойчивость: приехав в Париж,

она нашла его номер в телефонной книге и высказала пожелание непременно его увидеть. Встретившись, они вели беседу о современных поэтах, об общих знакомых. Стремясь перевести разговор на общие воспоминания, Ахматова заговорила о поэме Недоброво "Юдифь", которую они вместе слушали вечером 13 февраля 1916 г. В тот вечер она передала ему черный перстень. Но возвращение в прошлое так и не состоялось. Анреп сам дал оценку своей роли в этом последнем эпизоде драмы: "Трусость, подлость. Мой долг был сказать ей о потере кольца. Боялся нанести ей удар? Глупости, я нанес ей еще больший удар тем, что третиrowал ее лишь как литературный феномен. <...> Я ищу себе оправдания... Я его не нахожу" ¹⁰⁸.

А.А.Ахматова и "лондонцы"
(С.Н.Андроникова, И.М.Берлин и другие)

У Ахматовой в Лондоне кроме Анрепа были и другие друзья. Значительную часть своей жизни, с 1919 по 1935 г. в Лондоне прожила А.В.Тыркова-Вильямс, с которой Ахматова была хорошо знакома: она упоминает о ней в "Воспоминаниях об Александре Блоке" ¹⁰⁹. Тыркова тоже оставила воспоминания об Ахматовой ¹¹⁰. В Лондоне поселилась "Соломинка" — Саломея Николаевна Андроникова, с которой Ахматова была знакома до революции в Петербурге-Петрограде. В Лондоне жил и герой ее "Поэмы без героя" — "Гость из Будущего", адресат ее "Полночных стихов" И.М.Берлин. Во время войны сообщения о немецких воздушных налетах на Лондон вызвали у Ахматовой тревогу за судьбу "лондонцев" далеких и близких. Воспоминания старой дружбы и любви породили стихотворение "Лондонцам" (1940, сборник "Нечет", цикл "В сороковом году"). В рукописи сборника заглавие давалось по-английски с переводом ("To the Londoners"). Эпиграф к стихотворению взят из "Апокалипсиса": "И сделалась война на небе", который в то же время заставляет вспомнить Г.Уэллса (роман "Война в воздухе"). Страшная реальность в стихотворении противопоставляется трагедиям Шекспира:

Двадцать четвертую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники чумного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше сегодня голубку Джульетту
С пеньем и факелом в гроб провожать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать, -
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!

Ахматова не раз вспоминала о С.Н.Андрониковой в своем дневнике. В 1964 г. она писала: "Саломея Андроникова, Андреева, теперь Гальперн, которую Мандельштам обессмертил в книге "Tristia" — "Когда, Соломинка, не спишь в огромной спальне ..." Там был стих: "Что знает женщина одна о смертном часе..." Сравните мое — "Не смертного ль часа жду"..." ¹¹¹. К ней обращено стихотворение

этого цикла "Тень", датированное 9 августа 1940 г.¹¹² В автографе Ахматовой стихотворение носит название "Современница", она вспоминает в нем "красавицу тринадцатого года":

Как спорили тогда — ты ангел или птица!

Соломинкой тебя назвал поэт.

Равно на всех сквозь черные ресницы

Дарьяльских глаз струился нежный свет.

В Петербурге, в годы перед войной С.Н.Андроникова находилась в самом центре группы писателей, музыкантов, художников, среди которых были Н.Гумилев, А.Ахматова, И.Стравинский, М.Цветаева, О.Мандельштам, А.Радлова. В беседе с поэтом Евгением Дубновым, записанной им в форме поэмы, С.Андроникова говорила: "Мое знакомство со всем кругом поэтов этих, все началось с Гумилева... И за ним уже пошли и Мандельштам, и Анна". "...Мои современники. Разве мы могли представить их как теперешних Ахматову, Мандельштама, Цветаеву?". "...Анна была скорее сдержанной. Великой она сделалась потом"¹¹³.

С.Н.Гальперн (ур. Андроникова, по первому мужу Андреева; октябрь 1888 — май 1982) родилась в семье грузинского князя. По матери она внучатая племянница поэта Плещеева. С первым мужем П.С.Андреевым она рассталась вскоре после рождения дочери Ирины. После развода она уехала в Париж, но затем вернулась в Петербург. О 1917 г. она вспоминала: "Революцию я приняла восторженно, хотя политикой не занималась, ждала от нее многого". В сентябре 1917 г. Андроникова с дочерью находилась в Грузии, откуда эмигрировала в Париж¹¹⁴. Дочь Ирина была переправлена в Европу через Константинополь. Родители Саломеи и сестра Мария остались в России. В Париже С.Андроникова устроилась на работу в модный журнал Вожея, который был посвящен светской жизни, политике и искусству. В Париже она вышла замуж вторым браком за А.Я.Гальперна, у которого была успешная адвокатская практика в Лондоне. Первое время они жили раздельно и когда она приезжала в Лондон, он устраивал для нее приемы с друзьями, посещениями театров. В 1937 г. она окончательно переехала в Лондон.

А.Я.Гальперн (1879-1956) был видным деятелем российской колонии эмигрантов в Лондоне. Он родился в Санкт-Петербурге в семье высокопоставленного гражданского чиновника Министерства юстиции. Закончил юридический факультет Петербургского университета и стал членом судебной коллегии. Как и его отец, А.Я.Гальперн был юридическим консультантом Британского посольства в Санкт-Петербурге, а также консультировал английские и американские деловые компании в России. Он рано начал заниматься политической деятельностью, по своим политическим симпатиям склонялся к социал-демократам меньшевикам. В феврале 1917 г. Гальперн являлся секретарем Кабинета министров Временного правительства. После 1917 г. он поправел, а затем повернул к левым кадетам. В 1919 г. (после убийства в Петрограде британского морского атташе Кроми) Гальперн эмигрировал из России и поселился в Лондоне, где стал работать в качестве юридического консультанта. В 1923 г. он вступил в качестве студента в Gray's Inn и с 1926 г. начал карьеру адвоката, имел многочисленную клиентуру и стал признанным экспертом по вопросам российского законодательства¹¹⁵. Гальперн всегда интересовался художественной жизнью России — литературой, музыкой, театром и жи-

вописью. Он читал лекции, выступал по радио, публиковал статьи в газетах и периодических изданиях по вопросам юриспруденции, политики, русской истории и литературы. Его ближайший друг и помощник М.Вольф вспоминал, что в доме Гальпернов он встречал Д.П.Святополка-Мирского, К.Бенкендорфа, Э.Хилл, Б.Парса, М.Цветаеву¹¹⁶.

С домом Гальпернов была связана жизнь Анны Калиной (2/15 января 1896 — 14 октября 1984). Она родилась в Москве, юность провела в Берлине, но с приходом Гитлера ее семья эмигрировала в Англию. После Второй мировой войны она работала на БиБиСи и снимала комнату у Гальпернов в Челси. А.Калина явилась создательницей "Разговорной секции" Третьей программы Би-Би-Си: она привлекала к выступлению с лекциями многих английских интеллектуалов: среди них были Арнольд Тойнби, Бертран Расселл, Джордж Кеннан, И.Берлин¹¹⁷.

Среди друзей С.Андрониковой была М.Будберг, по свидетельству И.Берлина, "хорошо известная фигура в лондонском обществе". Обе дружили с Верой Трэйл. С.Андроникова знала толк не только в литературе и живописи, но и в кулинарии. Этому искусству она посвятила книгу, которую издала в 1953 г. на английском языке: "Хорошая еда из-за рубежа: от Кавказа до Лондона через Москву и Париж". В своей книге она предлагала "космополитический" выбор блюд: в нее включены рецепты итальянские, русские, шведские, грузинские, польские, французские, греческие и украинские. Предисловие к книге С.Андрониковой написала Вера Трэйл. Она ностальгически вспоминала невозвратно потерянную Россию с ее гостеприимством. Приводя сцену из драмы Островского, которую она смотрела в Лондоне, В.Трэйл писала: "При этой сцене подал голос мой инстинкт гостеприимства, глубоко похороненный за эти годы британской умеренности. Вот как следовало жить: в кухне всегда полно еды и она всегда горяча и готова к приходу неожиданных гостей. И чем больше гостей, тем лучше"¹¹⁸.

В поздние годы на вопрос, дружила ли она с Ахматовой, Андроникова ответила: "Да нет, не дружила. Была знакома, встречались, нравились друг другу, разговаривали, спорили, смеялись, а потом разлетелись на целую жизнь. Но не забывали друг о друге"¹¹⁹. Их последняя встреча состоялась в 1965 г. в Лондоне в доме С.Андрониковой-Гальперн, где Ахматова провела день. Ахматова вспоминала, как она снова оказалась под обаянием ее жизнелюбия, оценила сохранившуюся остроту ее критических суждений, ее вкус в литературе и живописи. С.Н.Андроникова хорошо помнила эту встречу: "Я встретила с Ахматовой, когда она приехала в Оксфорд на торжества в ее честь. Она пришла ко мне, сидела вот на этом же месте, <...> и у нас обеих было ощущение, что годы не прошли, что мы расстались лишь вчера и завтра встретимся снова. Оставила автограф "Тени", признавшись, что посвятила стихотворение мне"¹²⁰.

С.Андроникова поддерживала отношения как с писателями зарубежья, так и Советской России: встречалась с И.А.Буниным и М.Алдановым, с А.Н.Толстым и И.Эренбургом. С 1950-х годов, по воспоминаниям И.Берлина, она стала страстной "просоветчицей": "Взгляды Саломеи были замечены и приняты Москвой благосклонно. Советские авторы, особенно фавориты власти, имели свободный доступ к ней в Лондоне. Это был единственный частный дом, в который они могли прийти при том или ином одобрении советских властей, и она встречала их добро-

желательно”¹²¹. Всех, кто с ней встречался, поражала острота ее памяти и интерес к современности.

С. Андроникова-Гальперн умерла на 94 году жизни. Об этом сообщала “Times” от 12 мая 1982 г.¹²², а несколько дней спустя, 17 мая, в той же газете опубликовал свои воспоминания о ней И. Берлин¹²³. С. Андроникову писали многие художники: К. Петров-Водкин, З. Серебрякова, К. Сомов, Б. Григорьев, С. Сорин, В. Шухаев, А. Яковлев. Американская скульпторша Р. Браун оставила ее скульптурный портрет. Портрет работы Петрова-Водкина С. Андроникова в год своего 90-летия подарила Третьяковской галерее.

И. М. Берлин (р. 1909) — еще один герой поэзии Ахматовой, живший в Англии, не был российским эмигрантом в точном смысле слова, и сам себя таковым не считает. В 1919 г. в возрасте 10 лет он эмигрировал с семьей из Риги, затем учился в английской школе, поступил в Оксфордский университет и закончил его в 1922 г. Защитив диссертацию, он стал профессором философии и логики. В 1941 г. он служил в Нью-Йорке в качестве официального представителя британского Министерства информации. Там в то время находился на службе А. Гальперн с женой, и И. Берлин часто бывал в их доме. В 1942 г. И. Берлин был переведен в британское посольство в Вашингтоне, работал на радио. С 1949 г. он преподавал в Гарварде “Историю политической мысли в России в XIX веке”. Его любимые темы — история идей, история философско-политической мысли, история русской интеллигенции. Этим темам посвящены его книги “Карл Маркс”, “Век просвещения”, “Четыре очерка о свободе” (1969), “Вико и Гердер: два очерка из истории идей” (1976), “Русские мыслители” (1978), “Концепции и категории: философские очерки” (1978), “Против течения: Очерки из истории идей” (1979), “Извилистое древо человечества” (1959) и другие работы¹²⁴. В книгах, посвященных истории идей в России, И. Берлин на широком материале показывает, что в России не было самостоятельной философии, что русская мысль в основном формировалась на заимствованиях из немецких оригиналов. И. Берлин — автор воспоминаний о русских писателях и поэтах, в том числе об А. Ахматовой¹²⁵.

После окончания войны И. Берлин провел пять месяцев в Москве. И в это время произошла его встреча с Ахматовой, оставившая след в ее душе и творчестве. “Поэма без героя” А. Ахматовой пронизана английскими ассоциациями, хотя ее основная тема восходит к российским 1910-м годам. Среди масок можно угадать черты живших в Лондоне Б. Анрепа и С. Н. Андрониковой. “Поэма без героя” — мистерия, в которой реальность переплетена с фантазией, прошлое — с настоящим.

Как в прошедшем грядущее зреет,

Так в грядущем прошлое тлеет —

Страшный праздник мертвой листвы.

Один из центральных образов поэмы Гость из Будущего нитями ассоциаций связывает прошлые дружбы с современностью. За Гостем из Будущего просматривается гость из Англии. В то время он мог казаться гостем из “иного мира”, существующего в другом времени и пространстве. Английского гостя она приняла как посредника между собой и своим прошлым, посланником, явившимся из прошлого, от друзей своей молодости. В то же время он был посланником из будущего, так

как она предсказывала свою встречу в будущем с кем-то из этих друзей. В "Третьем посвящении к "Поэме без героя", адресованном И. Берлину, Ахматова пишет:

Я его приняла случайно
За того, кто дарован тайной,
С кем горчайшее суждено ...

За каждой маской в поэме угадывается не одно, а несколько реальных лиц, в поэме действуют и литературные персонажи. Персонажи появляются в отражении зеркал, при неверном свете свечей, в антураже, характерном для гаданий о будущем. Гость из Будущего — "гость зазеркальный". Мотив зазеркалья, который ассоциируется с Англией, с фантазией Льюиса Кэрролла, появляется у Ахматовой в третьей из "Северных Элегий", написанной в Царском Селе в 1921 г. В ней есть строки:

В то время как мы полночь старались
Не видеть, что творится в зазеркалье ...

Тема зеркал и зазеркалья повторяется в цикле "Полночные стихи", посвященном И. Берлину ("№ 2. Первое предупреждение" и "№ 3. В зазеркалье", 1963). Ассоциации Ахматовой, на первый взгляд причудливые, точно мотивированы и адресованы. Как точно заметил А. Лурье: "У нее никогда ничего не бывает сказано зря"¹²⁶. "Поэма без героя" перекликается с драмой "Энума Элиш", в которой Ахматова предсказывает встречу с Гостем из Будущего и гибельные последствия этой встречи для поэта. Она предсказывает и новую встречу в далекой стране, которая произойдет незадолго до смерти: "И она придет, когда все уже будет почти хорошо, и будет она как две капли воды похожа на счастье. Там будут цветы и вереск, серебряное море, гранит, там будет и Голос ..."¹²⁷. Похоже выглядит далекая страна в стихах, посвященных Анрепу, и эта страна — Англия. В поэме повторяется афоризм "Мой конец в моем начале", который связывает эти встречи, произошедшие с разрывом в полвека. В поэме звучит Голос: "Хочешь, я возьму тебя с собой?", на который поэт Икс отвечает: "Это уже было ... много раз. (Мне голос был ...)". Здесь дается указание на посвященное Анрепу стихотворение "Мне голос был", в котором он, будто бы, звал ее с собой. На это Гость из Будущего с жестокой откровенностью замечает: "У тебя мнимые воспоминания".

Возможно, Ахматова не знала, что ее поэму читала еще одна живая представительница далекого прошлого. На девяносто втором году жизни А. В. Тыркова, жившая в это время в Америке, по воспоминаниям Б. Филиппова, с огромным интересом прослушала всю "Поэму без героя", назвав ее "ироническими поминками по Блоку"¹²⁸.

***

Первые полноценные сведения о творчестве А. А. Ахматовой англичане получили из работ Д. П. Святополк-Мирского. Критик писал о ней в 1922 г. в статье "Русская поэтесса" в журнале "The Outlook"¹²⁹ и в "Русских письмах" в журнале "The London Mercury". В третьем из своих "Русских писем" он назвал ее "десятой музой современной России". Он писал: "Она безусловно лучший поэт из поколения тех, кто моложе Блока. Она отбросила сентиментальность и напыщенность XIX века и в своих изумительных по лаконизму стихах, лишенных всякой назидательности, говорит о глубоко внутренних, сугубо личных переживаниях петербур-

жанки двадцатого столетия". В качестве примера Д. Святополк-Мирский приводит перевод, видимо собственный, стихотворения "Мальчик сказал мне: "Как это больно!" ... И заключает: "Ахматова сказала то, что чувствуют тысячи русских женщин образованного класса, и то, что хотят услышать сотни любителей поэзии" ¹³⁰. В этой же статье, классифицируя поэтов новой России по их политическим взглядам и гражданским позициям, Д. Святополк-Мирский открывает список группы поэтов-патриотов именами М. Волошина и А. Ахматовой: "Поэмы Волошина <...> и горестное погребальное пенье Ахматовой — лучшее в патриотической поэзии" ¹³¹.

В "Русском письме", посвященном литературе эмиграции, в подтверждение своего наблюдения о соотношении литературных сил в России и зарубежье, Д. Святополк-Мирский писал: "Величайшие русские писатели и поэты остались в России. В Петербурге 7 августа 1921 г. умер А. Блок — величайший со времен Тютчева русский поэт, в Петербурге 23 августа был расстрелян чекистами Николай Гумилев, в Петербурге — "гранитном городе славы и горя" — и сейчас живет Анна Ахматова, наследница первородства Блока в русской поэзии" ¹³². В своих работах Д. Святополк-Мирский раскрывает национально-патриотическое начало поэзии Ахматовой, которое признавали далеко не все ее современники, относя ее поэзию к категории дамской и салонной. В поэзии Ахматовой Д. Мирский отмечает высокую одухотворенность: "Анна Ахматова все больше и больше поднимается в разреженные высоты и перестает любить земное". Начало "новой Анны Ахматовой" Д. Мирский обнаруживает "очень рано, в июле 1914 года, который она пережила глубже, чем кто бы то ни было". Тогда ее голос, "голос Кассандры", звучал "странно и неоправданно" ¹³³. Вещая душа поэта и живая вера Ахматовой для Д. Мирского — два столпа, на которых держится ее поэзия. Пророческое видение и вера позволяют ей судить о земных делах с высоты, с расстояния времени, из иного исторического пространства. "Творчество теперешней Анны Ахматовой, несмотря на свой реализм и конкретность ее поэтики, отвлечено от всего земного, так как всему земному она знает точную цену. Поэтому она имеет право и может судить, и поэтому ее суд и суждение так вески". "Анна Ахматова вернула человечность поэзии, хотевшей преодолеть "Границы человеческого" то в сторону сверхсознания, то в сторону бессознания". Ахматову Д. Мирский рассматривал в "высших планах искусства", где "устарелого нет" ¹³⁴.

В 1926 г. В журнале "Благонамеренный" в статье "О нынешнем состоянии русской литературы" Д. Мирский упоминает Ахматову среди тех, кто "удалились в пустыню и если продолжают работать, то вне всякой мысли о воздействии на читателя." И вместе с тем он помещает ее в круг "бессмертных", достойных войти в Академию ¹³⁵. В английской статье в "Лондонском Меркурии" (1927) Д. Мирский, оценивая Ахматову, сравнивает ее с Данте и объясняет читателю причину ее "молчания": "Ахматова, особенно в ее последней книге ("Anno Domini", 1923) выработала новый стиль, сочетающий возвышенное благородство с суровой сдержанностью. Написанные женщиной, ее стихи удивительно напоминают Данте. Из всех писателей и поэтов, ныне живущих в России, она в наибольшей мере противопоставила себя правящей партии, и за последние три-четыре года ей почти ничего не удалось опубликовать" ¹³⁶. В том же году, когда была написана эта статья, вышла книга стихотворений Ахматовой в переводе на английский язык Н. Даддинг-

гтон. При пересмотре своих идейных и эстетических позиций, Д. Святополк-Мирский словно забыл о существовании Ахматовой. А она о нем вспоминала много лет спустя: "И зачем он только вернулся, такой был красивый, умный... Умер он не сразу, но страшной, ужасной смертью, где-то на Колыме... Вот и он очень хорошо обо мне написал, всего несколько фраз в своей маленькой истории русской литературы на английском языке" ¹³⁷.

Н.С.Гумилев

В мае 1917 г. Гумилев, числившийся в то время прапорщиком 5-го Гусарского полка Ее Величества, был командирован на Салоникский фронт. Он выехал в Париж через Стокгольм, Осло, Берген и Лондон. В начале 10-х чисел июня он прибыл в Лондон и оставался там до своего отъезда в Париж, который состоялся в начале следующего месяца. К этому времени относятся два письма: одно, адресованное Ахматовой, предположительно от 20 июня, и другое — к М.Л.Лозинскому, написанное в конце июня. В них он подробно рассказывает о своей лондонской жизни. В письме к Ахматовой он пишет: "Дорогая Анечка, привет из Лондона, мой, Анрепа, Вадима Гарднера и Бехгофера. Не правда ли букет имен" ¹³⁸. С каждым из этих имен связаны важные для творческой биографии Гумилева эпизоды его пребывания в Англии. Как пишет Гумилев, почти каждый день он виделся с Б.В.Анрепом ¹³⁹, и в своих письмах старался как можно больше рассказать о нем Ахматовой, зная, что в то время она была им увлечена: "Анреп занимает видное положение в комитете и очень много возится со мной. Устраивает мне знакомства, возит по обедам, вечерам" ¹⁴⁰. Б.Анреп помог ему устроиться на работу в шифровальный отдел Русского правительственного комитета, где он сам в то время работал. Гумилев упоминает о семье Анрепа: "Семья его в деревне, а он или на службе, или в кафе".

Первый визит Гумилева в Лондон был насыщен встречами и знакомствами. Анреп помогал ему заполнить событиями каждый день. Гумилев писал Ахматовой: "Я живу отлично, каждый день вижу кого-нибудь интересного, веселюсь, пишу стихи, устанавливаю литературные связи."

В середине июня 1917 г. Гумилев познакомился с Олдосом Хаксли. В одном из частных писем О.Хаксли писал: "Я встречаюсь с известным русским поэтом Гумилевым (правда, раньше я никогда о нем не слышал, и все же!), он к тому же — редактор журнала "Аполлон". Мы с большим трудом объясняемся по-французски, он с трудом подбирает слова, а я делаю чудовищные ошибки. Несмотря на это, он кажется мне интересным и приятным собеседником. Анреп хочет привезти его в это воскресенье в Гарсингтон" ¹⁴¹. Действительно, в воскресенье 17 июня 1917 г. Анреп и Гумилев приехали в имение Оттолин Моррелл в окрестностях Оксфорда (Carsington Manor). Летом в имении обычно собиралось много знакомых и друзей хозяйки: во время своего приезда Гумилев мог встретиться с В.Вулф, К.Мэнсфилд, Литтоном Стрейчи, Зигфридом Сассуном. Бывал в Гарсингтоне и У.Б.Йейтс. По всей видимости, Б.Анреп рассказывал О.Моррелл об Ахматовой. Гумилев пишет ей: "Анреп о тебе вспоминает, но не со мной. Так леди Моррель, дама-патронесса, у которой я провел день под Оксфордом, спрашивала, не моя ли жена та интересная, очаровательная и талантливая поэтесса, о которой ей так много говорил Анреп" ¹⁴².

Продолжая свое письмо, Гумилев сообщает: "Сегодня буду на вечере у Йейтса, английского Вячеслава". С Вячеславом Ивановым английский поэт сближал интерес к мистике и оккультизму, а также стиль жизни. Как и Вяч.Иванов, он обитал в башне, реализуя поэтическую мечту о возвышенном уединении в кругу избранных друзей. Гумилева привлекала эта романтическая концепция жизни как поэтического самовыражения. Он писал в одном из своих писем по поводу О.Уайльда: "Что есть прекрасная жизнь, как не реализация вымыслов, созданных искусством? Разве не хорошо сотворить свою жизнь, как художник творит картину, как поэт создает поэму?"¹⁴³.

В письме к Ахматовой Гумилев продолжает список своих знакомств: "Мне обещали также устроить встречу с Честертоном, которому, оказывается, за сорок и у которого около двадцати книг". В России Г.К.Честертон был известен одной своей книгой: "Человек, который был Четвергом" ("The Man Who Was Thursday"), переведенной на русский язык. Поэтому Гумилев и был так удивлен, узнав, что он был автором еще двух десятков книг. Встреча Гумилева с Честертоном состоялась в доме Джулии Дафф. Она занималась переводами современных русских писателей на английский язык. В этот дом, расположенный в одном из самых престижных районов Лондона — Мэйфер (Mayfair), Гумилева привел Морис Бэринг. Время было военное, Лондон постоянно подвергался немецким воздушным налетам, но люди продолжали вести светскую жизнь. Как истинные англичане, при бомбежке они невозмутимо делали вид, что ничего не происходит. Честертон и его соавтор Беллок, знаменитые остроумными беседами, вступая в диалог, вызывали бурный восторг слушателей, старавшихся не пропустить ни слова. Гумилев, который ничего не знал об обычаях своих хозяев, и к тому же плохо понимал английскую разговорную речь, решительно вступил в общую беседу. Этим он привлек к себе всеобщее внимание и поразил Честертона, оставившего воспоминание об этом эпизоде в своей "Автобиографии". Имени русского офицера-поэта он не запомнил, но в его выразительном портрете нельзя не узнать Гумилева. Честертон вспоминал:

"Это случилось в доме леди Джулиет Дафф. Среди гостей был майор Морис Бэринг, он привел с собой русского в военной форме, который говорил с таким напором, что его не смущали даже замечания Беллока, на какую-то бомбежку он обращал еще меньше внимания. Его бурный монолог на французском заставил замолчать всех. Многое из того, что он говорил, очень выразительно характеризовало его как представителя своей нации. Попытки определить это качество делались не раз, но безуспешно. Несколько упрощая, можно, наверное, сказать, что этот народ одарен всеми возможными талантами, кроме одного: здравого смысла. Наш гость был дворянин, помещик, офицер царской гвардии, человек, как говорится, старого режима. Но было в нем и нечто от большевика: нечто, что я обнаруживал в каждом встреченном мною русском. Когда он выходил из комнаты через дверь, мне казалось, что он мог с равным успехом выйти через окно. Коммунистом он не был, но он был утопистом, и его утопия была безумнее всякого коммунизма. По его замыслу, привить миром должны были только поэты. (В этом месте он важно заметил, что он и сам поэт.) Любезность и великодушие его простирались столь далеко, что он вручил мне, поскольку я тоже поэт, пост абсолютного и несменяемого правителя Англии. Д'Аннунцио был назначен правителем Италии, Анатоль Франс был удостоен трона Франции. Я позволил себе заметить — на таком французском, кото-

рый отлично гармонировал с его бурным французским монологом, что управление государством требует какой-то общей идеи, и что, например, идеи Франса и Д'Аннунцио совершенно непримиримы, при том они неприемлемы для патриотически настроенных французов. Но он отменил все мои возражения, так как был убежден, что если все политические деятели будут поэтами, или хотя бы литераторами, они не наделают ошибок и всегда сумеют понять друг друга. Короли, промышленники, людские массы могут столкнуться в бессмысленной борьбе, но писатели не могут враждовать. На этой стадии изложения новой политической системы, до моего сознания вдруг дошло, что — как это отмечается в театральные ремарки — “за сценой слышится нарастающий гул и приближаются леденящие душу раскаты воздушного налета”. И тут Пруссия, царица воздуха, обрушила огонь на великий город наших отцов, и к тому, что уже говорилось против Германии, можно было с уверенностью добавить, что ее правители не были поэтами. Разумеется, мы как ни в чем не бывало продолжали беседу, только хозяйка дома перенесла вниз своего ребенка, спавшего на верхнем этаже. Оратор продолжал разворачивать перед нами грандиозный план поэтического управления миром. В подобной ситуации трудно было не ощутить близости смерти, не вспомнить страницы из литературных произведений, в которых смерть застает человека в возвышенных или, напротив, комических ситуациях. И мне показалось, что не может быть ничего эффектнее, чем проститься с жизнью в роскошном особняке на Мейфер, приняв английскую корону из рук безумного русского офицера”¹⁴⁴.

В своем монологе Гумилев развивает любимую мысль о главенствующей роли поэта. Эта мысль звучит в оде, посвященной Д'Аннунцио: “Судьба Италии в судьбе // Ее торжественных поэтов”. Эта мысль владела Гумилевым в первые годы после революции. Г.Адамович вспоминал: “В последние годы он выработал величественную концепцию поэзии, долженствующей возглавлять мировой порядок. Миром должны управлять поэты, и дело поэзии помогать строить “прекрасную жизнь”¹⁴⁵. По воспоминаниям другого современника, Н.Оцупа, Гумилев говорил: “Поэт должен все уметь. Поэты будущего — естественные и единственные правители свободных народов”¹⁴⁶. Гумилев размышлял об интернационале поэтов, управляющем вселенной”¹⁴⁷. В 1920 г. в докладе в Доме Искусств он утверждал, что “поэты и прочие артисты должны в будущем делать жизнь, участвовать в правительствах”¹⁴⁸. На возражение о Платоне, который советовал изгнать поэтов из государства, Гумилев отвечал, что поэты сами не пошли бы в его республику”¹⁴⁹. В развитии этой идеи своеобразную роль сыграло давнее увлечение Гумилева кельтской мифологией. В стихотворении “Канцона третья” из сборника “Костёр” Гумилев представил свой политический идеал как правление мудрецов-друидов, которые в легендарной кельтской истории являлись одновременно жрецами и поэтами. В своих лекциях по истории поэзии он напоминал: “В древние времена власть принадлежала духовенству — жрецам; затем — вплоть до наших дней — войску. Сейчас же на наших глазах начинается период власти пролетарской. Ясно каждому, что и он ложен, как предыдущие”¹⁵⁰. Гумилев считал, что в идеальном обществе власть должна перейти к людям высокого разума, к гениям. В предисловии к балладам Саути (“Всемирная литература”, Пг., 1922) он писал о том, как Саути и Кольридж, увлекшись идеями Французской революции, “затеяли устроить в Америке социали-

стическую республику, где бы первое место было отведено поэтам"¹⁵¹. Таким образом, монолог, пересказанный Честертоном, содержал любимые идеи Гумилева, которыми он хотел поделиться со своими новыми друзьями — англичанами.

В Англии Гумилев встретил и своего старого знакомого Карла Бехгофера, корреспондента журнала "The New Age". У него он, возможно, и остановился. Он писал Ахматовой: "Бехгофер (англичанин из "Собаки") пригласил меня остановиться у него. Он тоже в India"¹⁵², недурно говорит по-русски и знакомит меня с поэтами". Гумилев познакомился с Бехгофером в декабре 1914 г., когда приехал с фронта, чтобы провести в столице трехдневный отпуск. Не снимая офицерской формы, Гумилев отправился в литературное кафе "Бродячая собака". Он читал новые стихи, написанные во время передышек в военных действиях. Во время этого выступления его и увидел корреспондент "Нового века", который поделился с английскими читателями своими впечатлениями: "Вошел молодой офицер, только что приехавший с фронта. Он стал читать свои стихи, написанные на поле сражения. Стихи были хорошие, он говорил: "Я не могу умереть, потому что сердце России бьется в моей груди". После чтения стихов я подошел к нему.

— Не думайте, что это так страшно, — сказал он, — на войне весело.

— А по мне так нет ничего страшнее сегодняшнего Петрограда, — возразил я".

В ответ Гумилев предложил Бехгоферу вместе отправиться на фронт¹⁵³. В статье Бехгофера в вольном переводе процитированы строки из стихотворения "Наступление":

Я, носитель мысли великой,

Не могу, не могу умереть.

Подводя итоги своего пребывания в Англии, Гумилев писал М.А.Лозинскому: "Я просидел в Лондоне две недели и сегодня еду дальше. В Лондоне я не потерял времени даром. Видел много поэтов, художников, эссеистов; дал интервьюеру одной литературной газеты (еженедельной) общий мой взгляд на современную поэзию"¹⁵⁴. Интервью с Гумилевым К.Бехгофер опубликовал в "Новом веке" 28 июня 1917 г., когда поэт еще находился в Лондоне¹⁵⁵. Гумилев представлен в этой публикации как "один из самых известных молодых поэтов России и литературный редактор петроградского "Аполлона". В беседе с Бехгофером Гумилев говорил о конце риторической поэзии XIX века и о новых тенденциях современной поэзии. Экономия слов, конкретность, стремление к подлинно национальным формам поэзии — вот, по мнению Гумилева, — основные черты современной поэзии. В качестве примеров он приводил поэзию англичан: Г.К.Честертона, У.Б.Йейтса и А.Э.Хаусмена (выступавшего в журнале под псевдонимом "А.Е."). По словам Гумилева, эти поэты "возрождают в своем творчестве балладные и фольклорные формы, в которых английская лирика находит свое высшее выражение".

В русской поэзии эпохи войны и революции Гумилев подчеркнул связь с философией и религией. Мистическая поэзия, сказал он, переживает возрождение в России, "где она связана с великими религиозными идеями народа". В его представлении, жанром, способным передать атмосферу своего времени, должна была стать поэтическая драма. Для переживаемого времени, сказал он, "с его грандиозными открытиями, войной и революцией" в искусстве необходима глубина и тра-

гичность. Задачи современной поэзии, как их формулирует в своем интервью Гумилев, являются, по существу, программой акмеизма. Они перекликаются с англо-американским имажизмом¹⁵⁶. К акмеистическим положениям Гумилева близки многие положения программы, с которой выступали Эзра Паунд, У.Льюис, Т.Э.Хьюм, Ф.С.Флинт: призыв к простоте выражения, к точности и конкретности образов, внимание к технике стиха. Много общего с программой акмеизма можно обнаружить в статье главного литературного критика журнала "Новый век" Томаса Эрнеста Хьюма (1883-1917) о классицизме и романтизме. Эта статья была написана в том же году, что русские акмеистические манифесты, но была опубликована значительно позднее, в 1924 г.. Гумилеву не удалось встретиться с Т.Э.Хьюмом, столь близким ему по своим эстетическим исканиям. В августе 1917 г. Хьюм был убит в бою¹⁵⁷. Гумилев мог познакомиться с программой имажинистов, прочитав статью З.Венгеровой "Английские футуристы" в альманахе "Стрелец" в 1915 г.¹⁵⁸ Публикация Венгеровой открывается беседой с лидером имажинистов Эзрой Паундом, который полемизирует с теориями итальянских футуристов. Гумилев связывает "поиск образной простоты" с традициями китайской лирики. Он подчеркнул, что интерес к поэзии Китая растет одновременно в Англии, Франции и России. Собственный интерес Гумилева к китайской поэзии проявился в Лондоне: он познакомился с известным английским переводчиком китайской поэзии Артуром Уэйли (A.Waley), который работал в отделе рукописей Британского музея. В Лондоне были написаны некоторые стихотворения из сборника "Фарфоровый павильон" (Пг., 1918), в котором Гумилев отдает дань своему увлечению китайской поэзией¹⁵⁹.

Для "Нового века" Гумилев начал писать статью "Вожди новой школы: К.Бальмонт, Валерий Брюсов, Федор Сологуб". Начало статьи сохранилось в одной из записной книжек в лондонском архиве Гумилева¹⁶⁰. Там же записан адрес журнала: "The New Age", 38 Cursitor St., Chancery Lane, с пометкой "To-day" (сегодня). Несколько слов по-французски характеризуют "Новый век" как самый интеллектуальный журнал Англии: "Le journal le plus éclairé de l'Angleterre". Записная книжка свидетельствует о том, что Гумилев побывал в редакции журнала Миддлтона Марри "Adelphi"¹⁶¹.

Поэтическое вдохновение не покидало Гумилева в Лондоне. Он писал М.А.Лозинскому: "Я чувствую себя совершенно новым человеком, сильным, как был, и помолодевшим, по крайней мере, на пятнадцать лет. Написал уже десяток стихотворений, и строчки бродят в голове"¹⁶². Лондонская записная книжка Гумилева включает стихотворения: "Война", "Наступление", "Смерть", "Виденье", "Солнце духа", "Рабочий", "В Северном море", "Травы", "Пятистопные ямбы", "Третий год", "Ода Д.Аннунцио", "Рай". Стихотворение "В Северном море" было приложено к письму Лозинскому, а стихотворения "Стокгольм" и "Так вот и вся она, природа..." — к письму Ахматовой. Среди двенадцати других стихотворений есть набросок "Мы покидали Соуттемпитон", написанный во время его первого отъезда из Англии 4 сентября 1917 г. Впоследствии набросок оформился как стихотворение "Предзнаменование". В нем высказано предчувствие трагического развития событий в России:

Господь, помилуй наши души:

Большая нам грозит беда¹⁶³.

На нескольких страницах записной книжки Гумилева перечисляются английские классики, чьи книги он, видимо, хотел приобрести. Среди них Мэтью Арнольд

в серии "Оксфордские классики", баллады Чосера, Каупер, Драйден, Голдсмит, Грей, Мильтон, Марвелл, Спенсер, Браунинг, Джон Дэвидсон, Вильям Уотсон. Среди современников, с которыми он хотел познакомиться, названы Фрэнсис Томпсон, У.Б.Иейтс, Бриджес, Г.К.Честертон, Беллок (подчеркнуто — стихи), Герберт Тренч, Стивен Филипс, Эндрю Лэнг, Ричард Ле Гальен, Беатрис Хейстингс, Лоренс Виньон, А.Е.Хаусмен, Альфред Остин, Мейсфилд (самые ранние стихи), Гордон Ботомли, У.Г.Дэвис, Руперт Брук, Ласель Аберкромби, Ф.С.Флинт. Список поэтов написан рукой англичанина, сделавшего краткие комментарии на русском языке. Не исключено, что это был Морис Беринг, знаток русской и английской поэзии.

У Гумилева родилось много издательских замыслов: он задумал издать в Англии антологию русской поэзии в переводе на английский язык, и начать печатать в Лондоне "гиперборейские издания" — поэтические сборники Цеха поэтов, выходявшие в издательстве "Гиперборей" (1914-1919). В воспоминаниях современников есть свидетельство о том, что он собирался открыть поэтическую студию в Лондоне. В.И.Лурье писал: "Как-то говорю ему, что собираюсь за границу, он обещал позже приехать и в Париже, Берлине или Лондоне устроить поэтическую студию"¹⁶⁴. Замысел антологии Гумилев намеревался реализовать в сотрудничестве с Дж.Курносом или К.Бехгофером. Американец русско-еврейского происхождения Джон Курнос (1881-1966) был плодовитым автором романов и стихов, а также литературным критиком и переводчиком. Он переводил Л.Андреева, И.Бунина, Д.Мережковского, Ф.Сологуба. В 1917-18 гг. Курнос приехал в Петроград в составе Англо-русской комиссии, встречался с Ахматовой, оставил стихи в ее альбоме. Статьи Курноса печатались в "Аполлоне" и "Ниве". Видимо, Ахматова и рекомендовала его Гумилеву для ведения его литературно-издательских дел. Но познакомившись с ним, Гумилев был разочарован: "Это просто безызвестный графоман". В письме к Ахматовой Гумилев упоминает своего друга по Цеху поэтов и по издательству "Гиперборей": "Вадим Гарднер, который тоже в India House, проводит время исключительно в обществе третьеразрядных кокотов и презирует Лондон и все английское — этакий Верлен". Вадим Данилович Гарднер (1880-1956), как и Анреп, находился на службе в Русском правительственном комитете по снабжению союзников оружием¹⁶⁵.

Как видно из воспоминаний встречавшихся с Гумилевым людей, английским он не владел и говорил с англичанами по-французски, которым не владел в совершенстве¹⁶⁶. В конце июня 1917 г. он писал М.Лозинскому из Лондона: "По-английски уже объясняюсь, только понимаю плохо"¹⁶⁷. В Лондоне Гумилев с большим увлечением посещал художественные галереи и знакомился с английскими художниками. Об этом он сообщает в письме к М.Лозинскому, а в его записной книжке указаны адреса галерей Grafton и Chenil, мастерской "Омега", принадлежавшей Роджеру Фраю, в которой собирались художники, поэты и писатели (там бывали Иейтс, Уэллс, Шоу). В записной книжке Гумилев отметил ланч у Роджера Фрая, во время которого он встречался с художником-футуристом С.Р.Невинсоном (позднее он прославился как традиционный баталист). Возможно, благодаря содействию Гумилева, в "Аполлоне" была перепечатана статья Джона Курноса о Невинсоне "Смерть футуризма"¹⁶⁸. В Лондоне Гумилев встречался с Арунделем Дель Ре, итальянским журналистом и критиком, который после Первой мировой войны

стал профессором итальянского языка и литературы в Оксфорде ¹⁶⁹. В "Аполлоне" было напечатано его "Письмо из Лондона". А. Дель Ре дал Гумилеву рекомендательное письмо к Джованни Папини и другим итальянским писателям и журналистам. Этими письмами Гумилев заручился для того, чтобы по пути на Салоникский фронт остановиться в Италии и познакомиться с итальянской интеллигенцией.

Однако попасть в Грецию и Италию ему было не суждено: он был оставлен в Париже офицером для связи и особых поручений при военном комиссаре. За время его пребывания в Париже в России произошла Октябрьская революция и русская армия во Франции начала расформировываться. В начале января 1918 г. Гумилев подал рапорт с просьбой о назначении его на Персидский фронт, затем сделал попытку попасть в Африку добровольцем французской армии. Когда и это не удалось, он обратился к командованию с просьбой снова послать его в Лондон, чтобы оттуда отправиться на Месопотамский фронт сражаться в английской армии.

2 (15) января 1918 г., как свидетельствуют документы лондонского архива Гумилева, он был "по собственному желанию командирован в Англию для направления в действующую армию на Месопотамский фронт" ¹⁷⁰. Документ, предписывавший прапорщику Гумилеву отправиться в Англию, был заверен старшим комендантом Парижа 3 (16) января: "Предписываю Вам сего числа отправиться в Англию в распоряжение генерала Ермолова и об отбытии донести" ¹⁷¹. Приказы командиров несуществующей армии по инерции еще имели силу, и Гумилев сел на пароход, отплывавший в Англию из Булони. Документ о посадке на пароход в Булони датирован 21 января 1918 г. Гумилев получил на расходы 54 фунта стерлингов: эта сумма включала суточные на месяц, стоимость билета от Англии до Бергена и стоимость железнодорожного билета от Бергена до Петрограда. В Лондоне стало очевидно, что попасть на Месопотамский фронт не удастся, так как Россия вышла из войны и уже не являлась союзницей Англии. Б. Анреп попытался снова устроить Гумилева на временную работу в Русском правительственном комитете, но на этот раз найти работу оказалось значительно сложнее. Прожив в Англии месяц, Гумилев сделал попытку получить место в русской военной миссии, о чем свидетельствуют документы в его архиве. Военный агент в Великобритании в записке от 21 февраля просил его сообщить о себе сведения, необходимые "в целях приискания работы", ему предлагалось заполнить анкету: "Имя и фамилия, чин, род оружия. Что делал в Англии. Какие знает языки. Лета. Что может делать в смысле работы".

Гумилеву не удалось найти место, скорее всего потому, что он не слишком заботился об этом. По воспоминаниям Б. Анрепа, он не хотел эмигрировать: "Гумилев, с которым я виделся почти каждый день, рвался вернуться в Россию. Я уговаривал его не ехать, но все напрасно. Родина тянула его..." ¹⁷². Ему представлялись и другие возможности устроиться в Европе. Так, 3 февраля Гумилев получил письмо из Парижа от К. Льдова, который писал: "Мы обрадовались, узнав, что Вам удалось пристроиться в Лондоне. Жаль, что не удалось уехать на Восток. <...> Если условия окажутся неблагоприятными для возвращения в Россию, консульство даст Вам возможность продержаться до неизбежного переворота" ¹⁷³.

Общение Гумилева с сотрудниками Русского правительственного комитета в Лондоне оставило след в автобиографическом романе Николая Губского "Angry

Dust" ("Злое ничтожество", 1937). Н.Губский — писатель, не сравнимый с Набоковым по величине, но сравнимый по типу: тоже русский эмигрант, ставший "английским писателем". Н.Губский, петербуржец, выучил английский язык в Лицее. В мемуарах он вспоминал, что учителем его был англичанин Вильям Вебб, и что на занятиях не произносилось ни слова по-русски. В 1909 г. Губский пошел добровольцем во флот, но вскоре отказался от военной карьеры и стал служить в Министерстве земледелия. В 1916 г. с молодой женой Надеждой Васильевной (ур. Азанчевской), он отправился в Англию с твердым решением в Россию не возвращаться. Поначалу он устроился на работу консулом в Ньюкасле, затем был переведен в Русский правительственный комитет в Лондоне. В последующие годы он работал на Би-Би-Си в секции радиовещания на Европу. После смерти жены Н.Губский отправился в Америку и поселился в местах проживания индейцев. Он вел образ жизни, близкий к природному. Умер он в 1970-х годах, точного года его смерти не знают даже его сын и дочь, родившиеся и выросшие в Англии.

За годы жизни в Англии Н.Губский написал около десятка романов на английском языке. Роман "Злое ничтожество", пожалуй, наиболее интересное его произведение, так как в нем нашла отражение реальная жизнь русской колонии в Лондоне. Правда, как исторический источник этот роман не представляет значительной ценности: автор отбирал материал слишком субъективно, не называя многих имен, сосредотачиваясь на личном опыте и предаваясь рассуждениям, интересным зачастую для него одного. Однако в этом романе, в главе, посвященной повседневной жизни и работе сотрудников Русского правительственного комитета, содержится эпизод, благодаря которому он получает право на место в истории литературы. В этом эпизоде описано выступление Гумилева перед русскими офицерами — сотрудниками Русского правительственного комитета. Н.Губский, по всей видимости, не имел представления о даровании поэта и его месте в русской поэзии. Как и Честертон, он не запомнил его имени. Хотя тот факт, что он был петербуржцем, лицеистом и русским офицером, делает его забывчивость менее простительной. Возможно, именно из-за отсутствия имени Гумилева, на этот эпизод никогда не обращали внимание исследователи. Он приводится здесь впервые.

"Море воображения не знает берегов: для человека с богатым воображением от дома в Хэмпстеде рукой подать до Родезии или Абиссинии. Мысль об Абиссинии бросил русский беженец, поэт с лошадиным лицом, представитель школы ажиотистов (не знаю, что это значит), который бывал там до войны с этнографической экспедицией и вернулся оттуда с толстой тетрадью напыщенных экзотических стихов и непоколебимой самоуверенностью. Абиссиния, заявил он, это самое подходящее место для русских: теплый климат, избыток солнца, широкие просторы, изобилие дичи для охоты — и что самое важное — та же церковь: греческая православная. По вечерам бывшие служащие бывшего Комитета собирались у Курчениновых, и наш поэт, устремив взор в даль, начинал нараспев, неестественным голосом исполнять свои баллады. Он повествовал о Неуязвимом Носороге и стройных эфиопских красавицах, о ловко брошенном копье охотника и Голубых глазах Джунглей (очевидно имелись в виду горные озера). Слушатели заворуженно внимали стихам, и их воображение рисовало им необыкновенные приключения. В своих мечтах они натягивали в джунглях палатки, нанимали сотню эфиопов, выращивали плантации

редких тропических растений (одним казалось, что это сахарный тростник, другим виделось манго). Или они устремлялись в горы (конечно на мулах и до зубов вооруженные) и открывали торговлю. Дело оказывалось доходным: как уверял поэт, за два фунта соли можно купить бивень слона, за две коробки спичек — шкуру леопарда. Так что если привезти с собой побольше соли да спичек... После двух таких встреч мне это перестало казаться смешным, и вызывало скорее печаль. Двое из них действительно отправились в конце концов в Абиссинию: один умер от лихорадки, другой был назначен инструктором пехоты в армии негуса, и сейчас, должно быть, если он еще жив, мечтает эмигрировать в Лондон”¹⁷⁴.

Любопытно в этой связи, что более четверти века спустя, летом 1946 г. Е.В.Саблин получил письмо от русских офицеров, желавших переселиться в Абиссинию. Он написал за них ходатайство абиссинскому посланнику, который передал его в Аддис-Абебу¹⁷⁵.

Портретное сходство, география путешествий и поэтические образы, которыми в романе Н.Губского офицер зачаровывал слушателей, не оставляют сомнения в том, что оригиналом этого портрета является Гумилев. В отличие от Н.Губского, он верил в свои поэтические мечты и собирался продолжать странствия. За время своего второго визита в Лондон Гумилев снова встречался с английскими поэтами и художниками и много работал. Он продолжал начатую в Париже “византийскую трагедию” “Отравленная туника”, составлял план книги “Теория интегральной поэтики”, писал статьи и стихи. В лондонском архиве Гумилева сохранилось около 30 стихотворений, большинство из которых вошло в сборник “Костер”. Он составил также список английских поэтов для переводной антологии¹⁷⁶. В Лондоне Гумилев продолжал работу над повестью “Веселые братья” (“Подделыватели”), которую он начал на фронте в России. В конце повести появились английские мотивы. В беседе героев упоминается Чаттертон, английский романтический поэт XIX века, погибший в юном возрасте, а также автор литературной мистификации Псалманазар, живший в Англии¹⁷⁷. В записных книжках Гумилева сохранились 23 страницы перепечатанного текста перевода этой повести на английский язык под названием “The Joyful Brotherhood”¹⁷⁸. Видимо, Гумилев собирался издать эту повесть в английском переводе в каком-нибудь английском журнале или сборнике рассказов.

Но несмотря на благоприятные для творчества условия, Гумилев отправился в Россию: 3 апреля 1918 г. российское консульство в Лондоне выдало ему паспорт для свободного проезда, 10 апреля он расплатился за комнату в гостинице на Гилфорд Стрит, недалеко от Британского Музея. На английском транспортном судне он отплыл в Мурманск. Вадим Гарднер, оказавшийся его попутчиком, описал это путешествие в комических стихах:

В последний раз был в Dartnell парке
Я в восемнадцатом году.
Мне жить велели злые Парки
В коммунистическом аду.

Я в настроеньи безотрадном,
Отдавшись воле моряков,

Отплыл на транспорте громадном
От дымных аглицких берегов.

Тогда моя молчала лира.
Неслись мы вдаль к полярным льдам.
Три миноносца-конвоира
Три дня сопутствовали нам.

До Мурманска двенадцать суток
Мы шли под страхом субмарин —
Предательских подводных "уток",
Злокозненных плавучих мин.

Хотя ужасней смерть на "дыбе",
Лязг кандалов во мгле тюрьмы,
Но что кошмарней мертвой зыби
И качки с борта и кормы?

Лимоном в тяжкую минуту
Смягчал мне муки Гумилев.
Со мной он занимал каюту,
Деля и штиль и шторма рев.

Стихотворение по большей части посвящено попутчику Гумилева и Гарднера — инженеру Лаврову.

Лежал еще на третьей койке
Лавров (он родственник Петра) —
Уютно было нашей тройке
Болтали часто до утра.

Стихи читали мы друг другу.
То слушал милый инженер,
Отдавшись сладкому досугу,
То усыплял его размер.

<...>

Он в Комитете по снабжению
Работал в Лондоне у нас.
Но ставя грань грань воображенью,
Укорочу я свой рассказ.

Скажу, что мы друзьями были
И скорбь и радость пополам
По-братски целый год делили.
То мчались в Вульвич по делам,

То в Барроу, то в Манчестер дождливый
На полигоны, в арсенал;
Но больше Лондон хлопотливый
Друзей в стенах своих держал.

Описывая возвращение, поэт приводит интересные детали, в том числе упоминает тот факт, что на их документах стояла виза М.Литвинова.

Но вот добравшись до Мурмана,
На берег высадились мы.
То было, помню, утром рано.
Кругом белел ковер зимы.

С Литвиновской пометкой виды
Представив двум большевикам,
По воле роковой планиды
Помчались к Невским берегам.

Провел три злополучных года
Я в красном ленинском раю.
Но муки русского народа
В другой я песне воспою.

(10 декабря (27 ноября) 1922 г.)¹⁷⁹

Уезжая из Англии, Н.Гумилев оставил свои бумаги и записные книжки в доме Б.Анрепа, где они и хранились более двадцати лет. Летом 1941 г. Б.Анреп познакомился с Г.П.Струве и передал ему лондонский архив Гумилева. Г.Струве посвятил много лет его изучению. Первой публикацией на его основе была статья в газете "Новое русское слово", появившаяся в декабре 1947 г. с подробным перечнем документов¹⁸⁰. В 1952 г. Г.Струве выпустил на основе архива книгу "Неизданный Гумилев"¹⁸¹. Десятилетие спустя материалы архива с дополнениями и уточнениями вошли в подготовленное Г.Струве и Б.Филипповым четырехтомное издание сочинений Гумилева (Вашингтон, 1962-1968). Исследовав лондонский архив Гумилева, Г.Струве пришел к заключению, что "ни Париж, ни Лондон, где он пробыл довольно долго, сами по себе не оставили следов в его поэзии..." С этим утверждением можно поспорить.

Непосредственные английские впечатления усилили интерес к английской литературе, который Гумилев испытывал с юных лет. В исследовательской литературе английские влияния в его творчестве всегда оставались в тени, так как основное внимание уделялось французским. Мотивы английской, кельтской и ирландской литературы появляются у Гумилева в его первых значительных поэтических выступлениях. В сборнике "Путь конквистадора" (1905) присутствуют мотивы кельтских мифов и легенд. Стихотворение из этого сборника "Греза ночная и темная" позднее вошло в сборник "Романтические цветы" под названием "Оссиан".

С поэзией на английском языке Гумилев знакомился по переводам И.Анненского, К.Бальмонта и В.Брюсова. Английского языка Гумилев в это время не знал, в 1906 г. он писал В.Я.Брюсову: "Из иностранных языков читаю только на француз-

ском, и то с трудом... ". Отвечая на вопрос Брюсова о своих поэтических интересах и увлечениях, Гумилев писал: "Из поэтов больше всего люблю Эдгара По, которого знаю по переводам Бальмонта и Вас..."¹⁸². Как в молодости, так и в зрелые годы Гумилев любил англоязычных писателей, которые позднее стали считаться "детскими": Стивенсона, Киплинга, Хаггарда, Купера, Майн Рида. В увлечениях Гумилева ранних лет серьезное место занимают различные направления английского романтизма: Байрон, "Озерная школа", О.Уайльд, Теннисон, прерафаэлиты. Он был знаком с творчеством Джона Раскина и Уильяма Морриса, был поклонником поэзии и графики Обри Бердсли. Имя вождя прерафаэлитов Данте Габриеля Россетти Гумилев обыгрывает в стихотворении 1906 г. "Загадка":

Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти.

В поэзии прерафаэлитов его привлекала "задумчивость, <...> отсутствие поэмы и естественное благородство линий"¹⁸³. По свидетельству И.Одоевцевой, Гумилев говорил, что строку "в каждой луже запах океана" он "у Стивенсона откопал"¹⁸⁴. На самом деле это хорошо известные каждому англичанину строки из У.Блейка, которыми открывается поэма "Auguries of Innocence" ("Предзнаменования невинности"). В этих строках много сходного, хотя это сходство может быть случайным. У Гумилева:

В каждой луже запах океана,
В каждом камне веянье пустынь.
(Н.Гумилев. Открытие Америки, 1910)

У Блейка:

To see a world in a grain of sand,
And a heaven in a wild flower.
(Увидеть мир в каждой песчинке,
Небо — в каждом полевом цветке.)
(W.Blake. Auguries of Innocence)

Блейк в этих строках определил философскую задачу поэзии, образно представил сущность поэтической метафоры. Похожие строки Гумилева больше говорят о конкретном земном странствии, к которому человека влечет воображение. Но сходство строк стихотворения "Память" (сборник "Огненный столп", 1921) не может быть случайным: они слишком близки к оригиналу лексически и по содержанию. У Гумилева:

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

У Блейка:

I will not cease from Mental Fight
Nor shall my sword sleep in my hand
Till we have built Jerusalem
In England's green and pleasant land.

(Я не отступаю от битвы в Духе,
Не задремлет меч в моей руке,
Покуда мы не возведем Иерусалима
На английской зеленой благодатной земле.)

(W.Blake. Milton. Lines 17-18)

В 1912 г. Гумилев перевел поэму Уайльда "Сфинкс" и несколько его стихотворений: "Могила Шелли", "Мильтону", "Федра". Эти переводы, сделанные по просьбе К.Чуковского, вошли в четвертый том сочинений О.Уайльда в издательстве А.Ф.Маркса. Возможно, работа с подстрочниками показала Гумилеву, как трудно вжиться в стихи, не зная языка оригинала, и он взялся за английскую грамматику. Если Ахматова учила английский по Шекспиру, то Гумилев начал с Байрона. О своих успехах он писал Ахматовой в июне 1912 г. из Слепнева: "Живу я здесь тихо, скромно, почти без книг, вечно с грамматикой, то английской, то итальянской. Данте уже читаю, хотя, конечно, схватываю только общий смысл и лишь некоторые выражения. С Байроном (английским) дело обстоит хуже, хотя я не унываю" ¹⁸⁵.

Переводить он в это время продолжал по подстрочникам. В "Северных записках" в мае 1914 г. был опубликован его перевод пьесы Р.Браунинга "Пиппа проходит" ("Pippa passes") ¹⁸⁶. В рецензиях этого времени Гумилев нередко упоминает Китса, Стивенсона, Теннисона. А.Ф.Даманская писала, что интерес к Китсу возник у Гумилева под влиянием Е.И.Замятина, вернувшегося из Англии ¹⁸⁷. Но видимо, Гумилев читал Китса и раньше. К Теннисону он в разные периоды своего творчества относился по-разному. Например в одной из рецензий 1910 г. он подчеркивал стилистические изъяны Теннисона, пользуясь такими определениями его образов, как "сладко-поучительные" и "безвкусно-декоративные" ¹⁸⁸.

Но значительно чаще и концентрированнее, чем в поэзии, английские мотивы появляются в ранней прозе Гумилева. Она откровенно подражательна, но с некоторыми элементами литературной пародии, что придает ей характер стилистического упражнения. Для этюда "Карты" (1902) ¹⁸⁹ образцом послужило эссе Обри Бердсли "Застольные беседы" ("Table-talk"). Эссе О.Бердсли публиковалось в русском переводе в журнале "Весы" в 1905 г. ¹⁹⁰. Жанр table-talk Гумилев называет по-французски *causerie*, тем не менее он стремится передать именно английские реалии источника. Главные образы этюда — ожившие игральные карты: О.Бердсли использовал их в качестве иллюстраций к пьесе О.Уайльда "Саломея". В автопортрете О.Бердсли Гумилев находил нечто общее с самим собой, он смотрит на него "как странник, который на чужбине случайно услышал родной язык".

Этюд "Карты" и зарисовка "Вверх по Нилу" подписаны именем "Анатолий Грант", в котором есть "что-то английское", как писал сам автор ¹⁹¹. "Вверх по Нилу" — дневник путешествия по Африке. Автор дневника (А.Грант) путешествует по Нилу со спутником-англичанином мистером Тьерри. Описание путешествия перекликается с романами Г.Р.Хаггарда, но традиции "колонийального романа" оцениваются критически: автор дневника в отличие от Хаггарда стремится видеть не только внешнюю экзотику Египта, но проникнуть в эзотерическую, мистическую глубину египетской культуры.

Мотивы средневековой, а также готической и романтической английской литературы в изобилии встречаются в этюдах и новеллах, написанных в 1907-1908 гг.

в Париже. В основе новеллы “Золотой рыцарь” (1908) легенда времен короля Ричарда Львиное Сердце, в ней действуют английские рыцари-темплиеры граф Кентерберийский Оливер, герцог Нортумберлендский, барон Норичский, а также и сам “веселый король Ричард”. Хотя по своей тематической основе новелла является подражанием средневековому роману, в стилистическом плане ее вдохновил поздний романтизм.

События новеллы “Дочери Каина” (1908) происходят также в эпоху короля Ричарда. Обе новеллы, очевидно, имеют общий источник, так как в них совпадают время и место действия, действуют те же герои — рыцари-крестоносцы из окружения короля Ричарда Львиное Сердце. В основе обеих новелл распространенный в средние века прием видения, в котором человеку открывается истина, недоступная земному знанию. В том же году была опубликована совершенно иная по стилю новелла Гумилева “Черный Дик”. Время действия новеллы недавнее прошлое, место действия — английский рыбачий поселок. Хотя экспозиция новеллы вполне реалистична, она наполнена мистическими ужасами в духе Э.По. Рецензировавший сборник В.Рождественский указал на связь новеллы “Черный Дик” с произведениями Стивенсона¹⁹². Однако мрачная, жестокая тема новеллы, в интерпретации которой присутствуют садистические элементы, больше напоминает английский готический роман в его позднем, декадентско-романтическом варианте. К “Черному Дик” близко примыкает другая новелла Гумилева — “Лесной дьявол”. Время публикации новелл не позволяет установить в какой последовательности они создавались. Было ли это для автора движение от средневекового идеализма к романтическому декадансу — или наоборот, от более поздней эпохи к более ранней, — сказать трудно.

“Последний придворный поэт” — сцена из жизни английского двора в современную Гумилеву эпоху, на что намекает замечание “король нашего века”, и такие атрибуты времени как железные дороги, концессии, налоги, министерство иностранных дел, и пожалуй самое выразительное — замечание одного из придворных о том, что поэтов решено заменить граммофонами¹⁹³. Моралистический сюжет показывает, как лицемерие губит талант поэта. Но в конце новеллы поэт сбрасывает путы лицемерия. В новелле присутствуют отзвуки творчества О.Уайльда.

Поздней осенью 1908 г., вернувшись из Африки, Гумилев взялся за фантастическую повесть из современной жизни. Он писал Брюсову: “Не взяли бы Вы повесть листа в 4,5 печатных. Она из современной жизни, но с фантастическим элементом. Написана скорее всего в стиле “Дориана Грея”, фантастический элемент в стиле Уэллса. Называется “Белый единорог”¹⁹⁴. Ахматова вспоминала, что впоследствии, вплоть до 1914 г. Гумилев несколько раз возвращался к этому замыслу, но повести так и не написал. Рукопись повести была утеряна. В более поздние годы Гумилев почувствовал, что перерос свою прозу, тем не менее, он включил несколько новелл в сборник “Тень пальмы” (1922): в него вошли “Золотой рыцарь”, “Дочери Каина”, “Черный Дик”, “Последний придворный поэт”.

В те годы, когда Гумилев начал разрабатывать теорию новой поэзии, у английских поэтов, наравне с французскими, он искал образцы звучания и близкие ему по духу определения поэзии. В статье “Жизнь стиха” (1910) в качестве примера трудных форм в одном ряду с гекзаметрами Гомера, терцинами и сонетами Данте,

ямбами Пушкина, Гумилев приводит старошотландские строфы поэм Байрона. Здесь же он цитирует рассуждение О. Уайльда о богатстве и сложности слова как материала искусства¹⁹⁵. Имя Уайльда в статьях Гумилева этих лет встречается часто: Уайльд для него, так же как Леконт де Лиль, “непогрешимый и только непогрешимый”. Однако ему, по Гумилеву, недостает мощи и жизненной силы Готье. “Уайльд показал нам искусство — веселую игру”¹⁹⁶, — пишет Гумилев, и, подводя черту под тем, что достигнуто поэтом, призывает идти к чему-то высшему. В поэзии и прозе Гумилева имена поэтов и литературных персонажей, в том числе английских, становятся частью его собственной системы образов. В такой литературной роли в его поэзии появляются Шекспир и Байрон, Отелло и Дездемона, Дон Жуан и Манфред.

Шекспир для Гумилева — одно из знамен акмеизма, о чем он пишет в своей программной статье “Наследие символизма и акмеизм” (1913): “В кругах, близких к акмеизму чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье. Подбор этих имен не произволен. Каждое из них — краеугольный камень для здания акмеизма, высокое напряжение той или иной его стихии”¹⁹⁷. Каждый из названных литературных предшественников символизирует для Гумилева не только литературную традицию, но особое мировосприятие, особую форму познания жизни. Гумилев не раз упоминает Шекспира в критических статьях и рецензиях, а шекспировские герои становятся героями его поэзии (“Сон”, 1912; “Дездемона”, 1913). Кроме этого Гумилев перевел Семнадцатый сонет Шекспира, а в марте 1920 г. написал двухактную пьесу “Фальстаф”, основанную на шекспировских исторических драмах¹⁹⁸. Свидетелям рождения акмеизма казался чрезмерно широким охват разных пластов литературы и имен, в которых теоретик нового течения хотел видеть своих предшественников. А. Блок писал в своем дневнике за 25 марта 1913 г.: “Гумилева тягелит “вкус”, багаж у него тяжелый (от Шекспира до ... Теофиля Готье)”¹⁹⁹. Но для Гумилева такая всеохватность была существенно важна: он считал, что новые поэты должны усвоить все достижения своих предшественников, как в технике стиха, так и в способности приближаться к непознаваемым тайнам жизни и духа. Он заявлял: “Мы становимся причастны мировому ритму, принимаем все воздействия на нас и в свою очередь воздействуем сами”²⁰⁰.

После поездки в Лондон Англия и ее литература продолжают занимать особое место в творчестве Гумилева. В конце 1918 г. Гумилев перевел для только что созданного издательства “Всемирная литература” “Поэму о старом моряке” С. Т. Кольриджа, к переводу он написал предисловие²⁰¹. В мае-июне 1919 г. для того же издательства он перевел пролог к поэме Байрона “Дон Жуан”²⁰² и несколько баллад для сборника о Робин Гуде, подготовил издание “Баллад” Р. Саути²⁰³. По воспоминаниям Чуковского, переводы баллад Саути обсуждались на секции исторических картин, и М. Горький заявил, что переводы Жуковского “рядом с переводами Гумилева страшно теряют”²⁰⁴.

В феврале 1919 г. Гумилев читал лекции о поэзии, в том числе об английской, в студии перевода при “Всемирной литературе”. В январе-феврале 1920 г. Гумилев переводил английские народные баллады. Весной этого же года он взялся за перевод драмы У. Б. Йейтса “Графиня Кетлин” и одновременно задумал собственную драму из ирландской жизни “Красота Морни”, над которой работал с 1918 по

1921 г.²⁰⁵ В апреле-мае Гумилев редактировал для "Всемирной литературы" переводы стихов Р.Браунинга, осуществленные В.Рождественским, а летом переводил "Балладу о темной леди" Кольриджа. В статьях "Анатомия стихотворения" и "Читатель" Гумилев высоко оценивает Кольриджа не только как поэта, но и как теоретика поэтического искусства. В своих рецензиях на поэтические сборники Гумилев нередко сравнивает русских поэтов с поэтами европейскими, в том числе с английскими.

***

В английской прессе о Гумилеве помимо К.Бехгофера писал Д.Святополк-Мирский. Его первые характеристики акмеизма появились в 1921 г. в "Русских письмах", опубликованных в "Лондонском Меркурии"²⁰⁶. В оценке Гумилева, — и это, пожалуй, единственный случай в творческом наследии критика, этический элемент преобладает над эстетическим. Д.Святополк-Мирский восхищался Гумилевым не столько как поэтом, сколько как человеком. Критик писал, что экзотические стихи Гумилева, написанные по впечатлениям его путешествия в Абиссинию, "подобны сладкому лимонаду летом", а его военно-патриотические стихи, хотя и хороши по замыслу, слабы по исполнению. Д.Святополк-Мирский был высокого мнения о поздних произведениях поэта, он считал, что настоящий Гумилев начался со сборника "Костер" (1919). В статье, опубликованной после гибели Гумилева, Д.Святополк-Мирский называет его среди лучших поэтов России, в ряду с Блоком и Ахматовой. Д.Святополк-Мирский подчеркивал в его поэзии героическое, "мужское" начало и называл его "Майн Ридом русской поэзии". Критик считал, что главная сила поэзии Гумилева в ее духовном начале: "...У него было ясное зрение нравственное" ... "Как поэт он был праведником перед Господом" ... "Религиозность его несомненного и чистого качества". Логичен для этой системы суждений и вывод: "Мне кажется, что в русской традиции Гумилев останется больше как человек, чем как поэт. <...> Он был из теста, из которого делают героев"²⁰⁷.

Л.Н.Андреев

В 1919 г. с Англией связывал свои планы Леонид Андреев. После захвата власти большевиками в 1917 г. Андреев с семьей выехал из Петрограда в Финляндию и жил в Вammelssuу недалеко от Кронштадта. Но вскоре Финляндия была объявлена независимым государством и Андреев оказался отрезанным от России. Л.Андреев к этому времени пережил разочарование в большевизме: "Если бы не столько лжи и подлости у большевиков, всею душою отдался бы им!"²⁰⁸. Теперь он видел свое дело жизни в борьбе с большевиками доступными ему средствами. В марте 1919 г. он выступил со статьей "S.O.S." ("Спасите наши души"), призывавшей союзников не предавать Россию и продолжать интервенцию. Pamфлет был написан в ответ на приглашение русских — "белых и красных" — на Принкипо для обсуждения положения в России. Этим приглашением союзники продемонстрировали полное непонимание непримиримости белых и красных, непонимание сущности большевизма, с которым было наивно искать дипломатического примирения.

Статья, которую Андреев не относил к своим лучшим сочинениям, произвела сильное действие. Этот успех он объяснял тем, что ему удалось высказать то, что

думали многие. Но на самом деле статья Андреева поражает не только своей злободневностью, это — одно из самых талантливых его публицистических выступлений, написанное со страстью, темпераментом и исключительной искренностью. Обращение Л. Андреева было передано по телеграфу в Париж, где готовилось его распространение на европейских языках. Русское издание (Wiirigi, 1919) вышло с рисунком Н.К.Рериха "Меч мужества". Чрезвычайно быстро выступление Л. Андреева получило отклик в Англии, хотя и не сразу получило поддержку. В газете "Таймс" от 1 марта 1919 г. были приведены выдержки из обращения в сопровождении статьи, в которой некто, подписавшийся "Мисс", назвал Андреева реакционером²⁰⁹. В следующем номере газеты, от 3 марта, Карл Бехгофер выступил в поддержку и защиту Андреева²¹⁰. Ни тот, ни другой отзыв не удовлетворил писателя: "Ни шума ни движения, как псу под хвост"²¹¹. Но это было лишь первое впечатление. Андреев стал находить отголоски своего обращения в публикациях французских и английских корреспондентов: "Во многих французских и английских статьях и рассуждениях я вижу словно отражение моей статьи, неуловимое сходство не в мыслях, к которым можно прийти и мимо меня, а в глубине тона, в некоторых оттенках настроения. Будто читал "S.O.S.", передумал в своей французской голове и дал свое — незаметно для себя воспроизведя черты моего лица. Если это так, то и это хорошо"²¹².

Публикация выдержек из "S.O.S." в в самой читаемой английской газете не могла пройти незамеченной. 24 апреля 1919 г. писатель записывает в дневнике: "Есть хорошие вести о "S.O.S.", о его распространении за границей, даже в Голландии. Телеграмма Руманова из Лондона, что статья отпечатана в огромном количестве, читается на митингах знаменитыми актерами, успех. Несомненный поворот в общественном мнении Англии о необходимости борьбы с большевиками, успешное добровольческое движение некоторыми приурочивается к моей статье. Это хорошо — и возможно. На честных людей она не может не действовать"²¹³. О воздействии обращения свидетельствовал позднее Д.Святополк-Мирский: "Надрывная, но пронзительно искренняя лебединая песнь позднего Леонида Андреева — "Спасите наши души" — надеюсь, принята близко к сердцу каждым англичанином"²¹⁴.

Важную роль в распространении обращения Андреева сыграл П.Н.Милюков. Получив в Лондоне рукопись "S.O.S.", он выступил с чтением обращения Л. Андреева на нескольких заседаниях русской колонии. Английский перевод "S.O.S." с предисловием Милюкова был издан лондонским Комитетом Освобождения России в серии пропагандистских брошюр тиражом в 10.000 экземпляров²¹⁵. В июне статья была опубликована в переводе Эймера Мода в архангельской военной газете "Gazette of Archangel Expeditionary Force" (№№ 3-4). 26 июня в литературном приложении к "Таймс" было опубликовано письмо Э.Мода по поводу памфлета Андреева, написанное 5 июня 1919 г. в Архангельске: "Literature under the Bolsheviks" ("Литература под большевиками")²¹⁶.

Существовала еще одна публикация обращения Андреева на английском языке, не отмеченная исследователями и не упоминаемая самим Л. Андреевым: она появилась в англо-русской газете "The Russian Outlook" в номере за 14 июня 1919 г.²¹⁷. В комментариях сообщалось: "Впервые печатается полностью. Написано до совместных действий союзников. Страстное обращение известного писателя. Измена и безумие". Редакция считала, что если союзники понимают природу больше-

визма — и все же приглашают большевиков в Принкипо для подписания мира — это предательство. Если они не понимают этой природы — то это безумие. Простые факты очевидны — надо только смотреть и слушать. Среди корреспондентов газеты "The Russian Outlook" были П.Н.Милюков и А.В.Руманов, которые, по всей видимости, и были инициаторами публикации обращения Андреева в этой газете. На них лежит ответственность за точность сведений о полноте публикации "SOS". Поскольку точно не известно, в каком месяце вышла в свет брошюра "SOS" Комитета Освобождения России, трудно судить, какая из этих публикаций была действительно первой. Отклик на издание "SOS" появился в литературном приложении к "Таймс" от 17 июля 1919 г.²¹⁸ Скорее всего, это был отклик на брошюру Комитета Освобождения. Андреев сообщает Милюкову о получении брошюры 26 июля 1919 г.: "С живейшей радостью я увидел английскую брошюру S.O.S."²¹⁹ С.А.Гуревичу он писал в июле 1919 г.: "Карташев пишет мне, по сведениям из Лондона, что "S.O.S." именно теперь приобретает особо значение"²²⁰. Можно предположить, что брошюра вышла в свет в середине июля. А публикация в газете "The Russian Outlook" появилась месяцем раньше.

Как бы то ни было, публикация "S.O.S" в английской газете "Таймс", в газете "The Russian Outlook" и в виде брошюры Комитета Освобождения России открывала для Л.Андреева путь пропагандистской и журналистской работы в Англии и Америке. У него была поддержка в лице П.Н.Милюкова, А.В.Руманова, Н.К.Рериха и некоторых других известных людей, имевших связи в Лондоне. Рерих писал в письме Андрееву от 3 апреля 1919 г.: "Надо и Вам на Запад. Там мы заварили бы целое "осведомительное бюро" о России — о той России, которую мы знаем и о которой кроме нас, немногих, кто же говорить может? А такая борьба во имя культуры и правды делается все необходимое, ибо подземный пожар ползет и его надо заливать"²²¹. Выступая 22 июля 1919 г. в Лондоне в Русско-Британском Братстве, Рерих, возможно, упоминал Л.Андреева и его призыв к союзникам. Присутствовавший на докладе Милюков записал в своем дневнике: "Необходимо способствовать приезду Андреева сюда"²²². С Милюковым Л.Андреев был знаком с 1905 г., когда они были соседями по даче в Финляндии. Л.Андреев, хотя и не принадлежал ни к какой партии, оказался под обаянием Милюкова. Он, по его словам, питал к нему "слабость". Л.Андреев писал И.В.Гессену 9 июня 1919 г.: "Об английском "S.O.S." с статьей Павла Николаевича я слыхал, и мне чрезвычайно радостно, что предисловие написал как раз П.Н. При всех его "ошибках", я считаю его самым большим государственным человеком России; да и лично он внушает мне сильнейшую симпатию. И как он работает!"²²³

Письмо Л.Андреева к Милюкову от 26 июля 1919 г. содержит детально разработанную программу работы Андреева по созданию своего рода системы контрпропаганды²²⁴. Он считал, что эмиграция пока ничего не сумела противопоставить умелой пропагандистской деятельности большевиков. Деятельность Комитета Освобождения России, который, казалось, был создан с этой целью, по его мнению, не имела того влияния, на которое рассчитывали его создатели. Некоторым наблюдателям она вообще не казалась заслуживающей внимания. М.С.Магруаиес, например, писал в июле 1919 г. о членах комитета: "Печатают брошюры, "влияют на парламентские сферы", делают "большую" русскую политику в Англии"²²⁵. Влияние

лондонских кадетов он определял как "микроскопическое". Милюков, возможно, возлагал некоторые надежды на то, что приезд Л.Андреева внесет оживление в деятельность Комитета. Его приглашение приобрело вполне конкретные формы, когда он выслал писателю деньги на проезд и посоветовал обратиться за визой к К.Д.Набокову. Л.Андреев писал к К.Д.Набокову в письме от 30 августа 1919 года: "Глубокоуважаемый Константин Дмитриевич! Позволяю себе, не имея чести быть лично знакомым с Вами, обратиться к Вам с большой просьбой; пусть оправданием мне послужат трудные обстоятельства, в которых мы все живем. Я решил ехать на некоторое время в Америку (в Штаты). Цель поездки агитационная, противобольшевистская. По дороге я хотел бы заехать в Лондон для беседы и согласования моих действий с видами моих политических друзей; в частности мне необходимо поговорить с Павлом Николаевичем <Милюковым>. Не будете ли Вы так добры и не окажете ли мне содействия в получении английской визы? Я тороплюсь, а если начинать хлопотать о визе здесь, то пройдет масса времени"²²⁶.

Несмотря на предпринятые шаги, Андреев колебался, ехать или не ехать в Англию. Он считал более целесообразным отправиться прямо в Америку, где его лучше знали как писателя, больше переводили, и где знакомые устроили для него лекционную работу. В Англии такой определенности не было. 4 сентября 1919 г. он писал Н.К.Рериху: "Я в некотором расстройстве ума — Америка или Англия?"²²⁷. Причину колебаний разъясняет продолжение письма: "От Милюкова получил некое как бы пригласительное письмо в Лондон и даже 78 фунтов. Во всяком разе до Америки мне необходимо побыть в Лондоне для координирования действий. Что может мне дать Лондон? Это я должен знать точно и определенно. О Ярошинском я слыхал как о джентльмене. Это все хорошо, но я никак не уясню себе своей роли в Лондоне: в чем будет моя работа? За что буду получать деньги, которые мне так анафемски нужны? И сколько? <...> Конечно, если Лондон даст мне возможность туда приехать и жить, то я могу поехать сравнительно скоро, не выжидая окончательного ответа от Америки: из Лондона легче будет сговориться. <...> В Англии ко мне холодны (не говорю про Вас, такого верного друга, и про хороших русских, — разумею англичан), в Америке температура много выше. <...> В Лондоне и Америке я хочу вести переговоры о некоей новой партии, которая (тише!) должна будет вместить в себе кадетов под несколько новой окраской; эта мысль идет со стороны лиц, весьма влиятельных, и мне кажется не только приемлемой, но и спасительной"²²⁸.

Таким образом, несмотря на приглашения, полученные от Рериха и Милюкова, у Андреева не было уверенности в том, что в Англии можно будет устроиться прочно и надолго. А с его семьей, а он ехал с женой, маленькими детьми и старой матерью, и с его неустойчивым здоровьем, определенность была чрезвычайно важна. 5 сентября 1919 г. он писал в Лондон своему знакомому Н.Г.Вальтеру: "Об Англии мне пишет Н.К.Рерих, но реального пока ничего нет. <...> Картинка лондонской разобщенности и разномыслия, которую Вы даете, очень характерна: то же самое вероятно происходит и в Париже, и в Америке. В этом одинаково повинны как русские, так и все остальные". Но все же надежда оставалась: "Неужели случится, что все это увижу я сам, своими глазами, и буду обедать у Вас в Лондоне! За Ваше старание вытянуть меня из здешнего рая — сердечное спасибо"²²⁹.

Наконец решение было принято, и 6 сентября 1919 г. он сообщал П.Н.Милюкову, что получил письмо и деньги и что деньгами воспользуется для поездки в Лондон. "Мне необходимо заехать в Лондон, чтобы поговорить с Вами. <...> Я хочу просить у Вас указаний, так как глубочайше верю в Ваше понимание и опыт. <...> Н.К.Рерих пишет, что для меня есть какое-то дело и работа. Еще не знаю, в чем она заключается, но допускаю возможность остаться в Англии на более продолжительное время; впрочем, это вопрос новый и сложный — работа в Лондоне. Еще не знаю, в чем дело, но во всяком случае радуюсь самому слову: работа — так утомительны и невыносимы были эти года безделья, доведшего меня до болезни" ²³⁰.

9 сентября 1919 г. о решении ехать в Лондон Л.Андреев сообщал В.А.Бурцеву. Это письмо — еще один памфлет против большевизма, в котором писатель приводит факты истребления в России образованных людей. 10 сентября отъезд в Англию был уже настолько реален, что Л.Андреев сообщал Рериху об английском судне, на котором он собирался отплыть. О его подготовке к отъезду стало известно друзьям и знакомым. Мария Иорданская, издательница журнала "Современный мир", вспоминала: "Общие знакомые передавали, что он готовится к поездке в Лондон, Париж, может быть Америку, думает прочитать там ряд лекций, ознакомить общественное мнение Европы и Америки со всеми ужасами большевизма" ²³¹. Однако планы Л.Андреева сорвала его смерть. Преждевременная гибель писателя побудила Н.Рериха выступить с брошюрой "Губители искусства", посвященной жертвам большевиков — художникам и писателям России. Брошюра вышла в Лондоне в серии изданий Комитета Освобождения России и была датирована днем смерти Л.Андреева 12 сентября 1919 г. ²³² Рерих считал своим долгом посылить участвовать в издании наследия Л.Андреева. Об этом свидетельствует письмо, которое он написал 2 марта 1920 г. Милюкову: "Дорогой Павел Николаевич, я получил письмо Андреевой — она еще раз просит поместить дневник Л.Н., не стесняясь размером гонорара. У меня нашлись бы теперь возможности, а потому если дневник еще не удалось поместить — будьте добры, верните его мне; я устрою напечатание его" ²³³.

Хотя Андреев считал, что англичане к нему "холодны", библиография свидетельствует о том, что в Англии его активно переводили с того момента, когда его слава достигла расцвета. В 1905 г. в Лондоне в переводе А.Линдена был опубликован рассказ "Красный смех", в 1909 г. "Рассказ о семи повешенных", и с этих пор произведения Андреева постоянно появлялись в английском переводе. По подсчетам Р.Дэвиса, после 1908 г. около семидесяти произведений Андреева было переведено на английский язык и издано в Англии и Америке ²³⁴. Несколько изданий избранных рассказов вышло в свет в годы Первой мировой войны, некоторые из них переиздавались три-четыре раза в течение следующего десятилетия. Некоторые произведения появились в период между двумя войнами в различных журналах и антологиях, а также выходили отдельными изданиями. В Англии переводились и ставились драматические произведения Л.Андреева: в 1915 г. были опубликованы в переводе на английский пьесы "Черные маски", "Жизнь Человека" и "Сабинянки".

Сведения о Л.Андрееве появлялись в английской литературной периодике, о нем писал Д.Святополк-Мирский в "Русских письмах" и многих других статьях. Л.Андреев и сам прилагал усилия к распространению своих произведений в Англии. Через

посредство Рериха он вел переговоры о постановке пьес "Черные маски", "Мысль" и "Екатерина Ивановна"²³⁵. Пьеса "Екатерина Ивановна" была поставлена Ф.Комиссаржевским в Лондоне в 1926 г. в переводе Г.Д.Бернштейна²³⁶. В Лондоне были изданы: первая драма Л.Андреева "К звездам" (1921), "Губернатор" (1921), "Тьма" (1922), "Сашка Жегулев" в переводе Л.Малининой-Хикс с предисловием М.Горького (1925).

Н.К.Рерих

Н.К.Рерих провел в Лондоне полтора года, с июля 1919 до декабря 1920 г., в ожидании визы в Индию, оформлением которой занималось Британское министерство колоний. Приехать в Англию летом 1919 г. Рериху помогло приглашение С.П.Дягилева. Он предложил ему работу над декорациями к опере "Князь Игорь", которая в это время ставилась в Лондоне²³⁷. 19 марта Леонид Андреев, узнавший об отъезде Рериха, писал ему прочувствованное прощальное письмо, с приглашением встретиться перед отъездом: "...Ведь Вы единственная моя живая связь со всем миром, который лежит к западу от прекрасного Тюрисева"²³⁸. В конце марта через Копенгаген Рерих с семьей выехал в Англию. В Копенгагене проходила выставка его произведений. Не позднее 22 июля 1919 г. он был в Лондоне. Биографические источники сообщают, что он приехал в Англию осенью 1919 г.²³⁹, однако протоколы заседаний Русско-Британского Братства, а также некоторые другие архивные материалы позволяют уточнить дату его приезда. На 22 июля 1919 г. было назначено выступление Н.Рериха перед членами Братства. Повестки русским членам Братства рассылались 17 июля 1919 г., так что возможно, что Рерих был в Лондоне уже в это время. О выступлении сообщалось в специально разосланном приглашении: "Во вторник 22 июля в 5 часов дня в помещении Русско-Британского Братства художник Н.К.Рерих, только что прибывший в Лондон, сделает сообщение на тему "Русский вопрос в Финляндии и Швеции". О том, что выступление состоялось, косвенно свидетельствует запись в дневнике П.Н.Милюкова от 22 июля 1919 г.²⁴⁰.

Н.К.Рерих был принят в состав Братства одновременно с генералом Б.Геруа, о чем им обоим торжественно сообщалось в специальных письмах. В списке Братства Рерих значится под № 36. А всего к концу 1919 г. Братство насчитывало 150 членов²⁴¹. Елена Ивановна Рерих участвовала в работе Комитета помощи беженцам, благотворительной организации при Братстве, посещала заседания, лекции и концерты. В протоколе от 22 августа 1919 г. имя Н.К.Рериха значится среди присутствующих на заседании Комитета помощи беженцам. Там же присутствовали П.Н.Милюков с женой, В.И.Исаев, С.П.Тюрин, С.А.Поляков и другие.

Несмотря на сложный переезд и необходимость привыкать к новой стране, Н.К.Рерих в Лондоне много работал. Сэр Томас Бичем, финансировавший дягилевские сезоны в Лондоне, заказал ему помимо декораций к "Князю Игорю" оформление оперных спектаклей "Снегурочка", "Царь Салтан" и "Садко". Рерих подготовил эти декорации, но не забывал и о живописи. В ожидании и предчувствии поездки в Индию он погрузился в работу над картинами серии "Сны Востока", которые были навеяны чтением "Гитанджали". На одной из них он изобразил индианку с цветком у водопада; на другой индианку с ланью у храма, с павлином в

верхней части картины ²⁴². Однажды в его лондонской квартире, по адресу 25 Queen's Gate Terrace, Рерих посетил Рабиндранат Тагор, с которым он давно мечтал встретиться в Индии. Оба были поражены совпадением своих мыслей и настроений. Рерих вспоминал: "Мечталось увидеть Тагора, и вот поэт самолично в моей мастерской на Куинсгейт Террейс в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия панно "Сны Востока". Помню удивление поэта при виде такого совпадения. Помню, как прекрасно вошел он, и духовный облик его заставил трепетать наши сердца" ²⁴³. Тагор хотел помочь Рериху получить визу в Индию, но ему помешали выехать непредвиденные обстоятельства: Т.Бичем не смог заплатить ему за работу над декорациями, а для поездки нужны были деньги. В ожидании отъезда старший сын Рериха Юрий поступил в Лондоне в университет на индо-иранское отделение Школы восточных языков, где он начал изучать санскрит под руководством профессора Д.Росса.

Н.К.Рерих вел активную деятельность в Комитете Освобождения России. В своем памфлете о положении художников и писателей в России "Violators of Art", с которым он выступил в связи со смертью Л.Андреева, он раскрывал западному обществу глаза на то, что значили на деле декларации большевиков о любви к искусству. Он рассказывал о расстреле художника Виктора Васнецова, о смерти историка профессора С.Ф.Платонова в тюрьме, о голодной смерти академика А.С.Лаппо-Данилевского, профессора Ю.А.Веселовского и профессора А.Ф.Фортунатова, академика В.В.Радлова, знаменитого пианиста А.И.Зилоти, о трагической судьбе К.Д.Бальмонта и многих других представителей русской культуры, которые были принуждены либо ждать гибели в России, либо эмигрировать. Рерих рассказывал о том, что все, кто мог, бежали от "петроградских медичи": Л.Н.Андреев, И.А.Бунин, профессор М.И.Ростовцев, художники И.Е.Репин, Н.С.Гончарова, М.Ф.Ларионов, И.Я.Билибин, композиторы С.В.Рахманинов и И.Ф.Стравинский, представители балета Т.П.Карсавина, С.П.Дягилев, М.М.Фокин, режиссеры Б.А.Евреинов и Ф.Ф.Комиссаржевский. Он рассказывал о разрушении памятников искусства в Киеве, Москве и Петербурге, о вадализме в церквях, анархии в театре и в сфере образования.

3 ноября 1919 г. в Лондоне открылся очередной сезон русского искусства. В английских газетах сообщалось о репертуаре и участниках сезона: в Ковент Гардене в постановке Ф.Ф.Комиссаржевского шла опера А.П.Бородина "Князь Игорь" с декорациями Н.К.Рериха, было поставлено еще пять русских опер, включая оперу И.Ф.Стравинского "Соловей". "Участие русских знаменитостей гарантирует, что на опере не будет печати "сделано в Англии", — обещали журналисты. В английской прессе были и критические замечания по поводу русских оперных постановок. Например в журнале "Athenaeum" корреспондент, подписавшийся "R.O.M.", высказал мнение, что опера "Князь Игорь", как и многие другие, держится исключительно на музыке, что в ней "слабый сюжет и рыхлая драматическая структура". "Русские декорации, — писал он, — несмотря на роскошь красок, не столь впечатляют, как в постановке "Бориса Годунова", которая поразила англичан шесть или семь лет назад" ²⁴⁴.

Так как отъезд в Индию задерживался, Н.К.Рерих решил устроить в Лондоне выставку своих произведений. Ее проведение было намечено на весну 1920 г. Незадолго до вернисажа в прессе начали появляться статьи, готовившие публику к этому

событию. В апреле в журнале "The Quest" появилась статья "Искусство Рериха в интерпретации Леонида Андреева", автор которой Роза Ньюмарч писала: "В настоящее время с нами находится один из самых оригинальных представителей современного русского искусства: провидец, художник, несравненный творец. Ему удалось спастись от режима, который предъявляет интеллигенции выбор: совесть или жизнь. Этот режим заявляет, что Бога нет, что есть Диктатура пролетариата. Такой режим, с его утилитарным отношением к искусству, губителен для творчества. Зато наше общество выигрывает оттого, например, что Рерих эмигрировал". Журналистка сообщила о выставке Рериха в галерее Гупила и дала краткий очерк его деятельности: "В Англии Рерих известен гораздо меньше, чем в других странах, здесь знают разве что его декорации для сцены. На второй постимпрессионистической выставке в Grafton Galleries (1913) было представлено полдюжины его работ, в основном в неовизантийском стиле". Р.Ньюмарч напомнила об интерпретациях творчества Рериха в статьях А.Бенуа, А.Ремизова и А.Баумгартена. Этот ряд, считала она, необходимо дополнить именем Л.Андреева. Писатель, по мнению журналистки, был лучшим толкователем художника, так как между ними существует духовное родство. В марте 1919 г. Л.Андреев опубликовал статью "Держава Рериха" в газете "Русская жизнь" (Гельсингфорс). Основной тезис Андреева заключался в том, что Рерих — служитель не этого мира, он создал свой собственный мир. Но этот мир так же реален, как Орловская губерния или Испанское королевство. Рерих — историк варяжской древности, тех времен, когда в Россию пришли Рюрики (Рерихи?) и основали Новгород. Статья Л.Андреева была опубликована в журнале в переводе на английский язык под названием "Roerich's Realm"²⁴⁵.

28 апреля 1920 г. выставка, которую Рерих назвал "Очарования России", открылась в одном из самых престижных выставочных залов Лондона галерее Гупила на Риджент Стрит (The Goupil Gallery, 5 Regent Street). О выставке сообщали все основные английские и эмигрантские газеты. А.Руманов писал: "28 апреля в галерее Гупила открыта обширная (198 номеров) выставка произведений Рериха, составившая крупное художественное событие Лондона"²⁴⁶. В журнале Милюкова "The New Russia" о Рерихе и готовящейся выставке писали Б.Григорьев, А.Койранский, М-me N.Jarintsov и другие. Выступил с заметкой и сам Милюков, подчеркнув значение выставки Рериха для русской колонии в Лондоне. В журнале сообщалось о выступлении Рериха на собрании "Англо-русского литературного общества", членом которого он состоял уже много лет. А само выступление было опубликовано в журнале "The Studio".

Живопись и декорации Н.К.Рериха оказали воздействие на английского дирижера А.Коутса. По приглашению художника в январе 1920 г. он побывал у него дома и посмотрел эскизы декораций к "Царю Салтану" Н.А.Римского-Корсакова. Под впечатлением этого визита А.Коутс опубликовал статью в "Daily Telegraph", в которой писал: "Я чувствовал себя как ребенок в сказочной стране"²⁴⁷. Коутс писал, что Рерих своими декорациями иллюстрировал не только драматическое содержание оперы, но и музыку. Для него, дирижера, эти эскизы и декорации открыли нечто новое в музыке. В заключение автор сделал вывод, что декорации Рериха — это шаг к пониманию оперы как синтеза музыки, драмы и живописи. В январе 1920 г. статья о Рерихе появилась в еженедельнике "The Russian Outlook":

Рой Девре писал, что Рериха хорошо знают в Европе, но мало — в Англии. Лондонцы познакомились с ним недавно как с декоратором оперы “Князь Игорь” и нескольких русских балетов. Автор статьи напоминал читателям о том, что несколько картин Рериха было представлено на Международной выставке в Альберт-холле в 1903 г., а также на выставке живописи из Москвы и Петербурга в 1911 г. в галерее Графтон (the Grafton Galleries). Это было началом знакомства британской публики и критиков с современной русской живописью. Два года спустя работы Рериха были представлены в русской секции постимпрессионистской выставки в той же галерее Графтон. Для новой выставки, по сообщению корреспондента, были отобраны северные пейзажи, а также аллегорическая медитативная живопись, в которой воплощается принцип “искусство для мысли”. Автор статьи сопоставлял Рериха с Блейком и писал, что его искусство противостоит футуризму и импрессионизму. Далее корреспондент писал: “В настоящее время Рерих находится в эмиграции в Лондоне: ему с трудом удалось бежать из России и он отверг предложения большевиков сотрудничать с организаторами Красного Террора”²⁴⁸. Критика особенно привлекли картины “Крик змея”, “Меч мужества”, “Проклятый город”, в которых художник “предсказал судьбу своей страны”. На выставке в четырех галереях было представлено 198 картин, из них 32 декорации для Ковент-Гардена, в том числе девять — для дягилевских балетов: “Половецкий лагерь” (опера “Князь Игорь”); костюм хана Кончака для Ф.И.Шаляпина, декорации и костюмы к балетам “Петрушка”, “Росильон”, “Весна”, “Каменный цветок”. Среди 24-х почетных членов организационного комитета выставки был Г.Уэллс. Во время выставки продавалась изданная на английском языке книга Рериха. Был выпущен каталог выставки с вступительным словом К.Хагберга Райта²⁴⁹. Выставка имела огромный успех, усиленный ажиотажем в прессе, и художник получил приглашения из других городов Англии.

А.Н.Толстой

В феврале-марте 1916 г. А.Н.Толстой побывал в Англии с группой русских журналистов и писателей. По материалам поездки он написал очерк для общего сборника “Путешествие в Англию в 1916 году” под названием “Бокс”. Значительно позднее, в 1927 г. — в момент кризиса англо-русских отношений — А.Н.Толстой вернулся к своим английским впечатлениям и опубликовал в “Огоньке” фельетон “Англичане, когда они любезны”²⁵⁰, в который вошел очерк “Бокс”, и новый эпизод — о приеме русских писателей у английского короля. В этом фельетоне писатель возвращается к временам самой тесной дружбы между Англией и Россией — к годам Первой мировой войны. Он с большим сарказмом объясняет природу увлечения англичан русской литературой и их интерес к “русской душе”: “...Когда под Ипром немцы выпустили хлор и пропахали весь английский фронт тяжелыми снарядами, — тогда англичане стали говорить, что, в сущности, всегда любили русский народ и восхищались им и что русская душа — это особенная душа, загадочная и мистическая, и англичанам именно этой души и не хватало для полноты бытия”.

С не меньшим сарказмом А.Н.Толстой пишет о “патриотизме” русских политиков. Когда их похвалили за союзнический энтузиазм, и похвалил не кто-нибудь,

“а сама Англия”, “патриоты обрадовались ужасно” и стали объяснять загадку души русского крестьянина тем, что он “является как бы женской частью европейской цивилизации” и потому “слепо и беззаветно будет умирать в боях за свое мужское начало, то есть за союзников”. Посылая на смерть свой народ, члены Временного правительства “хлопали об пол бокалы с шампанским”. Англичане ответили на энтузиазм энтузиазмом, и в порыве взаимного политического восторга группа из шести русских журналистов и писателей была приглашена в Англию: “Посмотреть на жар английских чувств”. “В пути и во все время пребывания гостям были предоставлены восхитительные удобства (бесплатно), — чтобы было чем помянуть гостеприимство”. В очерке описаны роскошные банкеты с министрами и с членами королевского дома, которые дружно выдерживали “стиль грубоватого добродушия, так сказать — морской, соленый... (душа Старой Англии). Этого стиля держались почти все, кому требовалось производить впечатление на гостей. Только и видно было добродушнейших, — почти что придурковатых, — людей-рубах. Ты, мол, да я, мол, англичанин да русский, — давай, парень, выпьем...” Тем не менее среди этих “людей-рубах”, постоянно находившихся при гостях, писатель заметил большое количество офицеров из контрразведки: “Они возили гостей по театрам, и по выставкам, и в кабаки”. Происходило это в те самые дни, когда Англия защищалась щепеллинами от воздушных налетов, и Лондон по вечерам погружался во мрак. В ответ на гостеприимство от русских деятелей пера ждали выражения союзнического энтузиазма в печати. Но видимо не учли, что энтузиазм явление временное, и с годами приходит трезвая оценка ситуации.

В следующем эпизоде фельетона А.Н.Толстой описывает “русскую выставку”, устроенную в самом центре художественной и интеллектуальной жизни Лондона — на Пиккадилли. Нагромождение исторических нелепиц призвано было показать здесь загадочную страну, “по которой тосковала английская душа”, изобразить русского крестьянина, который “с восторгом готов умереть за английскую цивилизацию”. Он пишет о цинично фабрикуемых стереотипах массового сознания, на которых воспитываются поколения людей. “И нищета, и средневековая экзотика. На стене — карта России. Смотри и делай выводы, премудрый сын Альбиона: перед тобой шестая часть земного шара, дикий и нищий народ, занятия: земледелие времен каменного века, охота и кустарный промысел. Ну, чем не место для колонии, когда победоносно окончится война, когда Россия растрясет последние деньжонки и вконец обессилеет”.

Одна из острых сатирических картинок в этом фельетоне изображает прием у короля в Букингемском дворце. Писатель подчеркнул многими замеченное сходство Георга VI и русского царя: “Та же борода, те же усы серпом, что у Николая...” Прием был организован с полным безразличием к той ситуации, в которой находились гости. Русским гостям предписывалось явиться во фраках и цилиндрах, за неимением которых им пришлось взять эту бутафорию напрокат. “Беседа” с королем вылилась в краткий монолог монарха, закончившийся бодрими рукопожатиями с гостями.

Следующая поездка А.Н.Толстого в Англию состоялась в середине 1930-х годов. В очерке “Третий Толстой” И.А.Бунин пишет, что когда он последний раз встречался с А.Н.Толстым в ноябре 1936 г. в Париже, тот собирался на следующий день лететь в Лондон²⁵¹. Возможно, Бунин, как это с ним не раз бывало в

воспоминаниях, ошибся, и его встреча А.Н.Толстым состоялась в 1935 г., когда он приезжал в Париж как участник Первого Международного конгресса писателей в защиту культуры. Именно тогда А.Н.Толстой второй раз побывал в Лондоне. Он описывает этот визит в письме Н.В.Крандиевской-Толстой от 21 июня 1935 г.: "...В туман и дождь, в непроглядную ночь подошли к Лондону. Этот город меня подавил величием и грандиозностью. В нем нет плана, бесчисленные, роскошные кривые улицы, дворцы, древние церкви из прокопченного камня с белыми потеками, парки, парки. Я ночевал в Сент-Джемском парке в нашем посольстве, и в 7 часов меня разбудили соловьи под окном"²⁵².

Каким-то образом в Англии А.Н.Толстой оказался в одном поезде и даже в одном купе с русским эмигрантом Н.Х.Денисовым, предпринимателем, финансировавшим Комитет Освобождения России. А.Н.Толстой описал эту встречу: "В 10 часов сел в поезд, в купе, где сидел старый, гнусный мышинный жеребчик, все прихорашивался, и с ним девчонка с собачонкой. Это был Н.Х.Денисов, глава антисоветского движения, наш лютей враг. Мы сделали вид, что не узнали друг друга". Подробностей о том, как они оказались в столь близком соседстве, в письме не сообщается.

По всей видимости, пребывание писателя в Лондоне не было длительным и вскоре он вернулся в Париж. "Зеленые холмы, пастбища, дубовые рощи и однообразные линии рабочих поселков, светло-туманный, голубой Ламанш...", затем — Дьеп, сады и холмы Франции, и снова — Париж: "Точно я никогда не уезжал отсюда". И дальше — довольно характерное сравнение: "После Лондона Париж провинциален, мал, грязен".

В.В.Набоков

Если говорить о русской литературной эмиграции в Англии, то В.В.Набоков (23(10).IV 1899 — 2.VII.1977) является самым значительным ее представителем. Точнее говоря, в эмиграции это единственный писатель "первого ряда", который провел в Англии несколько лет и в творчестве которого Англия занимает одно из центральных мест. Набоков — уникальный в истории случай литературного двуязычия. Годы его становления как писателя совпали со студенчеством в Кембридже. В эти годы он, по его собственному признанию, формировался как русский поэт и писатель.

Английская культура повлияла на мироощущение Набокова задолго до его приезда в Англию. Он воспитывался в англофильской семье и с детства чувствовал себя "англичанином". В автобиографическом романе "Другие берега" Набоков пишет: "В обиходе таких семей как наша была давняя склонность ко всему английскому <...>. Дегтярное лондонское мыло, черное как смоль в сухом виде, а в мокром янтарное на свет, было скользким участником ежеутренних обливаний, для которых служили раскладные резиновые ванны — тоже из Англии. <...> Этот мой резиновый tub я взял с собой и в эмиграцию, и он, уже заплатанный, был мне сущим спасением в моих бесчисленных европейских пансионах. <...> За брекфастом яркий паточный сироп, golden syrup, <...> зубы мы чистили лондонской пастой <...> Бесконечная череда удобных, добротных изделий да всякие ладные вещи для разных игр, да снедь текли к нам из английского магазина на Невском. Тут были и

кексы, и нюхательные соли, и покерные карты, и какао, и в цветную полоску спортивные фланелевые пиджаки, и чудные скрипучие кожаные футболы, и белые как тальк, с девственным пушком, теннисные мячи в упаковке, достойной редкостных фруктов. Эдемский сад мне представлялся британской колонией”²⁵³.

Все эти предметы и запахи по законам прустовской памяти потом не раз всплывут в мемуарной и художественной прозе писателя, потянут за собой цепь ассоциаций, настроений, мыслей. Мелочи быта создавали атмосферу для усвоения более серьезных и глубоких влияний. Набоков пишет в том же романе: “Я научился читать по-английски раньше, чем по-русски...”. В детстве перед сном он молился по-английски: “...Я без мысли говорил английскую молитву для детей, предлагавшую — в хореических стихах с парными мужскими рифмами — кроткому Иисусу благословить малого дитя. В соединении с православной иконкой в головах, на которой виднелся смуглый святой в прорези темной фольги, все это составляло довольно поэтическую смесь”²⁵⁴.

Основы английского воспитания, по всей видимости, были заложены не только и не столько английскими гувернантками, которых писатель часто упоминает с благодарностью в своих мемуарах, но прежде всего его матерью, русской барыней Еленой Ивановной Рукавишниковой. Любовь матери ко всему английскому — и в быту, и в литературе — Набоков описал в воспоминаниях и в автобиографическом романе “Подвиг”. “В Петербурге она слыла англomanкой и славу эту любила, красноречиво говорила о бойскаутах, о Киплинге и находила совершенно особое удовольствие в частых посещениях Дрюса, где уже на лестнице, перед большой рекламой (женщина, сочно намыливающая голову мальчишке), приветствовал вас замечательный запах мыла, лаванды, с примесью еще чего-то, говорившего о резиновых ваннах, футбольных мячах и круглых, тяжеленьких, туго спеленутых рождественских пудингах”²⁵⁵.

Мать говорила с Набоковым-ребенком по английски, вместо русских сказок читала ему английские переложения средневековых романов. В “Других берегах” он вспоминает: “...Мать в гостиной читает мне английскую сказку перед сном. Подбираясь к страшному месту, где Тристана ждет за холмом неслыханная, может быть роковая, опасность, она замедляет чтение, многозначительно разделяя слова, и прежде чем перевернуть страницу, таинственно кладет на нее маленькую белую руку с перстнем, украшенным алмазом и розовым рубином...”²⁵⁶ Так, в детстве он познакомился с легендами о Тристане и рыцарях короля Артура. В романе “Подвиг” о детстве героя рассказывается: “И разумеется, первые книги Мартына были на английском языке <...> Не Ерусланом, а западным братом Еруслана было в детстве разбужено его воображение. Да и не все ли равно, откуда приходит нежный толчок, от которого трогается и катится душа, обреченная после сего никогда не прекращать движения”²⁵⁷.

В романе “Подлинная жизнь Себастьяна Найта” сделан еще один шаг в сторону превращения героя в англичанина. Мать Себастьяна Найта — англичанка, и он ощущает в своих жилах “мощную струю английской крови”. В характеристике семьи героя несомненно нашли отражение особенности уклада семьи Набоковых: “Себастьян рос в атмосфере умственной утонченности, сочетавшей духовную благодать русского дома с лучшим, что есть в европейской культуре...”²⁵⁸. Себастьян — одна из ипостасей автора — англичанин не только по воспитанию, но и по крови.

После того как нежная пора детства окончилась, для юного Набокова последовала "несоразмерно длинная череда английских бонн и гувернанток", а еще позднее появились английские учителя: молодого Набокова обучали шотландец Бернес и англичанин Куммингс. Мистер Куммингс учил его рисованию и живописи до того, как за это взялись "известный Яремич", а затем — "знаменитый Добужинский"²⁵⁹.

Англофильство отца органично продолжало семейные традиции на интеллектуальном уровне. Он был англофилом как бы по своему партийному призванию: кадеты были поклонниками английской демократии и культурных традиций. В 1905 г. В.Д.Набоков, в очередной раз оторвавшись от политических дел в столице и приехав в Выру, свое имение, заметил, что два его старших сына читают и пишут по-английски отлично, но русской азбуки не знают. Несмотря на то, что для обучения русскому языку был нанят сельский учитель, английские основы воспитания уже были прочно заложены. Набоков-отец бывал в Англии до эмиграции. Набоков-сын вспоминал: "Отец и раньше бывал в Англии, а в феврале 1916-го года приезжал туда с пятью другими видными деятелями печати (среди них были Алексей Толстой, Немирович-Данченко, Чуковский) по приглашению британского правительства, желавшего показать им свою военную деятельность, которая недостаточно оценивалась русским общественным мнением. Были обеды и речи"²⁶⁰. В 1916 г. в Англию приезжали две делегации: в феврале журналисты, среди которых был В.Д.Набоков, а позднее, в мае — делегация членов Думы, в которую входил П.Н.Милюков. Многие члены делегации журналистов оставили отчеты и корреспонденции об этом визите. Написал свой отчет и В.Д.Набоков: по частям он регулярно появлялся в ежедневной газете "Речь", а затем был опубликован в виде книги "Из воюющей Англии" (Петроград, 1916)²⁶¹. Однако, как отмечает Набоков-сын, некоторые эпизоды визита, о которых отец рассказывал за обеденным столом, в книгу не вошли ("Я нахожу мало примеров его обычного юмора: он не был писателем, и я не слышу его голоса ..."). В своих воспоминаниях Набоков-сын восполнил этот пробел, включив в них эпизоды, которые слышал в устных рассказах отца. Вот один из них:

"Во время аудиенции у Георга Пятого Чуковский, как многие русские преувеличивающий литературное значение автора "Дориана Грея", внезапно, на невероятном своем английском языке, стал добиваться у короля, нравятся ли ему произведения — "дзи воркс" — Оскара Уайльда. Застенчивый и туповатый король, который Уайльда не читал, да и не понимал, какие слова Чуковский так старательно и мучительно выговаривает, вежливо выслушал его и спросил на французском языке, ненамного лучше английского языка собеседника, как ему нравится лондонский туман — "бруар"? Чуковский только понял, что король меняет разговор, и впоследствии с большим торжеством приводил это как пример английского ханжества, — замалчивания гения писателя из-за безнравственности его личной жизни"²⁶².

У семьи писателя были, можно сказать, "родственные" связи с Англией: дядя писателя К.Д.Набоков (в воспоминаниях "дядя Константин") был поверенным в делах России при русском посольстве в Лондоне. Другой дядя — по материнской линии — Василий Иванович Рукавишников тоже был дипломатом и ему случалось жить в Лондоне. Не удивительно поэтому, что когда пришлось покинуть Россию, Набоковы отправились в Англию: "Через Крым и Грецию стая Набоковых — на деле три семьи — бежали из России в Западную Европу, — пишет Набоков в

английских воспоминаниях, — Было решено, что мы с братом будем поступать в Кембридж, на это были получены средства, которые были выделены не столько из признания наших интеллектуальных достоинств, сколько по причине политической нестабильности. Предполагалось, что остальные члены семьи проживут некоторое время в Лондоне. <...> Мы покинули наше северное жилище, как мы думали, для короткой передышки, для скромного отдыха на южных окраинах России, но новый режим, как оказалось, не собирался сдаваться”²⁶³. Однако, по всей видимости, решение поступить в Кембридж возникло независимо от развития исторических событий, до эмиграции, что было естественно в этой семье. “Я рассчитывал закончить образование в Англии”, — пишет Набоков в “Других берегах”.

С юга России Набоковы направились в Грецию, затем во Францию. Из Франции они переехали в Англию. В описании этого переезда есть некоторая неувязка с документами. По воспоминаниям писателя, его семья выехала из Марселя в Кале, а затем пересекла Ламанш между Кале и Дувром. А в документах значится: “Приехал в Соединенное Королевство 27 мая 1919 г. в Саутгемптон из Гавра” (“Entered UK on 27 May 1919 at Southampton from Le Havre”) ²⁶⁴. На эти документы, хранящиеся в архиве В.Набокова в коллекции Берга в Публичной библиотеке Нью-Йорка, ссылается Б.Бойд, самый авторитетный биограф Набокова ²⁶⁵. Трудно сказать, почему писателю захотелось изменить маршрут в мемуарном романе. Возможно, он забыл, как они ехали, но скорее всего ему показалось, с литературной точки зрения, что “Кале-Дувр” как более короткий, “классический” вариант пересечения Ламанша звучит более красиво, чем “Гавр-Саутгемптон”. В тот же день 27 мая В.Набоков зарегистрировался в полицейском округе по месту прибытия — в Лондоне.

Третья глава романа “Подлинная жизнь Себастьяна Найта” открывается еще одной литературной версией эмиграции, в ней рассказывается о том, как в ноябре 1918 г. герои романа — рассказчик, его мать и сводный брат Себастьян бежали от “русских напастей” и переправились в Европу через финскую границу. Возможно, автор использовал здесь рассказы знакомых, в частности Глеба Струве, бежавшего вслед за своим отцом по этому пути.

В английских мемуарах въезд в Лондон описан, по всей видимости, с фактической точностью, если не считать того, что поезд прибыл на станцию “Виктория” не из Дувра, а из Саутгемптона: “Бледный канал все еще отсвечивал где-то внутри, когда поезд “Дувр-Лондон” медленно подошел к станции”. Первое, что увидел Набоков, выйдя из поезда, были изображения, рекламировавшие английское дегтярное мыло, которым гувернантки мыли его с детства. Некоторые другие зрительные образы, звуки и запахи вызвали у него ощущение чего-то давно знакомого и уже виденного ²⁶⁶.

В отличие от большинства беженцев, Набоковы оказались в Лондоне не одни: на платформе их встречал К.Д.Набоков. “Константин Дмитриевич был худощавый, чопорный, с тревожными глазами, довольно меланхолический холостяк, живший на клубной квартире в Лондоне, среди фотографий каких-то молодых английских офицеров...”. По приезде в английскую столицу семья Набоковых сняла дом в одном из самых престижных кварталов Лондона: в Южном Кенсингтоне, неподалеку от музея Естественной истории, по адресу 55 Stanhope Gardens, Cromwell Road. Чтобы платить за этот дом, матери Набокова пришлось расстаться со своими бриллиантами. Рассчитывали, что на деньги, вырученные при продаже драгоценностей, можно будет прожить год в Лондоне и оплатить обучение сыновей в университете.

В.Д.Набоков стремился включиться в работу по формированию общественного мнения в пользу интервенции. В Англии в тот момент складывались благоприятные для этого обстоятельства: в Лондоне находились ближайшие соратники В.Д.Набокова по кадетской партии П.Н.Милюков и А.В.Тыркова²⁶⁷. В.Д.Набоков вошел в центральную группу Комитета Освобождения России, участвовал в создании журнала "The New Russia" и публиковал в нем свои статьи, в частности по вопросам британско-российских отношений²⁶⁸. В начале июля семья переехала в не менее престижный квартал Лондона Челси, по адресу 6 Elm Park Gardens, где жили многие эмигранты.

Молодые Набоковы — Владимир и Сергей — оказались перед выбором: в какой университет поступить. В Оксфорде в это время готовился к поступлению их сверстник Глеб Струве. Решили посоветоваться с ним по поводу выбора колледжей и пригласили его на обед, о котором он позднее вспоминал: "Помню этот обед в доме, который они снимали на Элм Парк Гарденс. Помню, что в обеде принимали участие русский генеральный консул в Англии А.М.Ону и его жена (весьма возможно, что от Ону Набоковы и узнали о том, что я поступаю в Оксфорд). На этом обеде мы сговорились, что братья Набоковы приедут ко мне в Оксфорд, и мы обо всем переговорим более основательно"²⁶⁹. Назначенная встреча состоялась, продолжает Г.Струве: "Я очень хорошо помню, как мы беседовали втроем, лежа на лужайке моего оксфордского пансиона. Братья Набоковы были, помнится, в белых теннисных костюмах".

В "Других берегах" Набоков вспоминает: "Брат мой и я поступили осенью 1919 г. в Кембриджский университет — он в Christ's College, а я в Trinity"²⁷⁰. Но Г.Струве поправляет его: "Память немного изменила В.Н. Я очень хорошо помню, что, поскольку от меня ожидался совет (я к тому времени прожил в Англии на несколько месяцев дольше, чем Набоковы, и со многим в Оксфорде ознакомился), я посоветовал В.Н., который собирался заниматься не только литературой, но и энтомологией (и даже чуть ли не в первую голову энтомологией, он еще в России увлекался бабочками), поступить не в Оксфорд, где мы бы стали однокашниками, а в Кембридж, где постановка образования в области естественно-исторических наук особенно славилась. А его брату Сергею, который хотел изучать французскую литературу, я посоветовал выбрать Оксфорд. Так они и поступили. Но Сергей довольно скоро (если не ошибаюсь, уже к январю 1920 года, т.е. после первого триместра) перешел в Кембридж, последовав за неким Любржинским, с которым завязал тесную дружбу. Насколько помню (почти уверен в этом), за все время моего учения в Оксфорде мы с В.Н. ни разу не виделись"²⁷¹.

В конце июня В.Набоков встретил своего знакомого по Тенишевскому училищу Самуила Розова. Тот только что приехал в Англию и собирался поступать в Лондонский университет. Выпускникам Тенишевского училища разрешили поступать в британские университеты без вступительных экзаменов. 1 октября 1919 г. В.Набоков был принят на кафедру энтомологии в Тринити-колледж (Колледж Святой Троицы) Кембриджского университета. Он получал стипендию от эмигрантской берлинской организации, где его отец играл важную роль. Сергей поступил в Оксфорд, на кафедру французской литературы. Братьев в это время сближал, как будто, только теннис, в который они играли "на неровном травяном корте в

Кенсингтоне и на хорошем глино-песчаном в Кембридже". Младший брат Кирилла ходил в школу в Лондоне ²⁷².

Три года, проведенные в Англии, по большей части в Кембридже, оставили неизгладимый след в памяти Набокова. Он писал в воспоминаниях: "Я не знаю, отправится ли кто-нибудь когда-нибудь в Кембридж на поиски следов, оставленных шипами моих футбольных бутсов в черной глине перед воротами, или в поисках тени моей прямоуголки на лестнице моего руководителя..." ²⁷³ Набокову повезло с биографом: по его следам и в Кембридже и во всех других городах отправился австралийский профессор Б.Бойд, за которым следуют и все остальные исследователи. В художественном, эмоциональном смысле, по собственным следам не раз отправлялся в своем творчестве и сам В.Набоков. О своих первых студенческих днях он писал: "Помню мутный, мокрый и мрачный октябрьский день, когда с неловким чувством, что участвую в каком-то ряженье, я в первый раз надел тонкотканый иссиня-черный плащ средневекового покроя и черный квадратный головной убор с кисточкой, чтобы представиться Гаррисону ²⁷⁴, моему "тютору" (ментору, наставнику, следящему за успехами студента). Обойдя пустынный и туманный двор колледжа, я поднялся по указанной мне лестнице и постучал в слегка приоткрытую массивную дверь. Далекий голос отрывисто пригласил войти. <...> Я подошел со словами "Моя фамилия — " и вступил в чайные принадлежности, стоявшие на ковре около низкого камышового кресла Гаррисона. <...> Так студенческий цикл моей жизни начался с неловкости, и этим предопределилась длинная серия неуклюжестей, ошибок и всякого рода неудач и глупостей, включая романтические, которые преследовали меня в продолжение трех-четырех последовавших лет" ²⁷⁵. Так Набоков описывает начало своей университетской жизни в "Других Берегах". Несколько поэтических деталей прибавляет к этому описанию начало пятой главы романа "Подлинная жизнь Себастьяна Найта":

"Университетские годы Себастьяна Найта не были особенно счастливы. Конечно, он упивался многим из найденного в Кембридже, — в сущности его поначалу буквально ошеломила возможность видеть, обонять, осязать страну, к которой он издавна стремился. <...> Слякоть улиц, влажно отблескивающая в мглистых потемках, вместе с обетованным ее контрапунктом — чашкой крепкого чаю и щедрым огнем камина — создавали гармонию, которую он, неведомо почему, знал наизусть. Чистый перезвон башенных часов, то повисающий над городом, то, перемешиваясь, эхом отдающийся вдали, каким-то странным и страшно знакомым образом сливался с пронзительными выкриками продавцов газет" ²⁷⁶.

"Гармонию, которую он знал наизусть" Набоков подарил герою из собственного запаса ощущений. Встреча с Англией вызвала у него вереницу "прустовских" моментов: "Себастьян чувствовал, что он почему-то узнает каждое ощущение, — вездесущую вонь сыроватого дерна, древнюю гулкость каменных плит под каблуками, расплывчатые очертания темных каменных стен вверху — все" ²⁷⁷. Для Себастьяна — наполовину англичанина — это память крови, наследственная память. Для писателя — память детства и воображения.

В скором времени В.Набоков осознал, что несмотря на видимость сходства с образом, давно жившим в воображении, реальная Англия мало похожа на Англию его детства. В Кембридже В.Набоков жил в спартанском студенческом общежи-

тии на Trinity Lane. "Аппартаменты, которые я занимал, поражали меня своим убожеством по сравнению с обстановкой моего русского детства, ибо, — как теперь мне ясно, — я, метя в Англию, рассчитывал попасть не в какое-то неизвестное продолжение юности, а назад, в красочное младенчество, которому именно Англия, ее язык, книги и вещи придавали нарядность и сказочность. Вместо этого был просиженный, пылью пахнущий диван, мещанские подушечки, тарелки на стене, раковины на камине, и, на видном месте ветхая пианола <...> Мимо моего окна шел к службам пятисотлетний переулочек, вдоль которого серела глухая стена. В спальне не полагалось топить. Из всех щелей дуло, постель была как глетчер, в кувшине за ночь набирался лед, не было ни ванны, ни даже проточной воды; приходилось поэтому по утрам совершать унылое паломничество в ванное заведение при колледже, идти по мокрому переулочку среди туманной стужи, в тонком халате поверх пижамы, с губкой в клеенчатом мешке под мышкой"²⁷⁸.

Но никакие трудности быта не могли сравниться с мучительным осознанием своей чужеродности: он постигал, что такое быть "иностранцем", гостем в чужой стране. Его на каждом шагу поражала непохожесть его англазированной на все то, что было истинно, природно английским. Даже его английский, который в России звучал безупречно, оказался не таким, как язык настоящих англичан. "Ведь и английское произношение, которым Мартын тихо гордился, тоже послужило поводом для изысканно насмешливых поправок. Так, совершенно неожиданно, Мартын попал в неучи, в недоросли, в маменькины сынки. Он считал, что это несправедливо..."²⁷⁹. Так страдало его самолюбие в Лондоне. "В Кембридже он и подавно почувствовал себя иностранцем. Встречаясь с англичанами-студентами, он, дивясь, отмечал свое несомненно русское нутро. От полуанглийского детства у него остались только такие вещи, которые у коренных англичан, его сверстников, <...> уложились в должную перспективу. Он помнил и говорил словечки, которые десять лет назад были в ходу среди английских школьников, а ныне считались либо вульгарными, либо до смешного старомодными". Не только русский Мартын в "Подвиге", но и полу-англичанин Себастьян Найт в Англии чувствует себя не более чем англазированным иностранцем. "Оказывается, английский язык Себастьяна, хотя и плавный и образный, решительно оставался английским иностранца". Он делал смешные ошибки в устойчивых словосочетаниях, неправильно ставил ударения в многосложных словах, неправильно выговаривал имена литературных героев. "Однажды поправленный, он никогда ошибки не повторял, но сама неуверенность в некоторых словах ужасно его огорчала"²⁸⁰. Во всех этих случаях Набоков, несомненно, описал свой личный опыт освоения подлинного английского языка.

Автобиографический герой Набокова (и Мартын, и Себастьян) приходит к выводу, что для того, чтобы "стать типичным студентом" Кембриджа, надо было родиться англичанином. Надо было вырасти в обеспеченной семье с хорошей английской родословной и со связями, окончить одну из самых дорогих и престижных частных школ... Поэтому так безуспешны попытки этого героя неукоснительно подражать чужим образцам, следовать чужому вкусу, вообще "перебританить" британцев. В этом ему не могли помочь даже его добровольные учителя — английские друзья. В "Подвиге" рассказывается, как они знакомили Мартына с местным этикетом, вводили его в круг кембриджских традиций, как "осветили, ему в назида-

ние, некоторые строгие, исконные правила: не полагается студенту ходить по улице в шляпе и в пальто, как бы холодно ни было; нельзя ни здороваться за руку, ни желать доброго утра, и следует всякого знакомого, будь он сам Томпсон, объявивший войну атому, приветствовать широкой улыбкой и развязным междометием”²⁸¹. Такое же посвящение прошел Себастьян Найт: “Вначале он, видимо, страшно боялся сделать неверный шаг или, еще того хуже, — неловкий. <...> Шляпы и зонты запрещались в любую погоду, и Себастьян набожно мок и простужался <...> И все-таки он изо всех сил старался стать образцовым первокурсником. В коричневом халате и старых лакированных туфлях, с мыльницей и губкой в мешке, он неспешно шагал зимними утрами в ванное заведение за углом. Он завтракал в Холле овсянкой, серой и скучной, как небеса над Большим Двором, и апельсиновым джемом — в точности того же оттенка, что ползучая поросль на его стенах”²⁸². Как все, на велосипеде он отправлялся на лекции в то или другое здание университета. Затем наступало время для спорта, после спортивных упражнений следовало пить чай и общаться с приятелями. Потом бывали одна-две лекции перед ужином. После ужина можно было идти домой или в кино.

Набоков, как и его герои, поначалу строго следовал всем правилам. Студенту Кембриджа не предписывалось слишком серьезно увлекаться наукой. Набоков с гордостью писал, что за все свои студенческие годы он так и не выяснил, где находится главная университетская библиотека, и так и не узнал, что в его колледже был свой читальный зал. Зато спортивные достижения — в футболе, боксе и в теннисе — составляли предмет его истинной гордости. В романе о Себастьяне Найте один из собеседников рассказчика вспоминает “шадящий теннис на сыром, как губка, корте, где в совсем уж бежнадёжных местах попросту росли маргаритки”²⁸³. Как теннисные, так и футбольные матчи не отменялись по случаю дождя. В своей футбольной команде Набоков был вратарем, но так как в Англии больше ценятся коллективные стороны игры, должность вратаря там не слишком почиталась. В отчаянные минуты, вынуд мяч из сетки и ощутив бессмысленность жизни, его герой Мартын, прислонясь к штанге, предавался стихотворчеству. В “Других берагах” автор вспоминает “дни под тяжелыми зимними небесами, когда пространство перед моими воротами представляло собой сплошную жижу черной грязи, и мяч был точно обмазан салом”. В такие минуты он “ощущал слепую морось на лице <...> и думал о себе, как об экзотическом существе, переодетом английским футболистом и сочиняющим стихи на никому не известном наречии, о заморской стране”²⁸⁴.

Молодого Набокова неприятно удивило, что наставники и полицейские в Кембридже указывали ему, как себя вести. Предупреждение о штрафе некоторое время казалось ему местной шуткой. Возможно, именно из протеста против этих ограничений он совершал довольно безвкусные молодецкие подвиги в компании своих русских приятелей. Ближайшими друзьями Набокова по Кембриджу были Михаил Калашников и Никита Романов. В июне 1920 г. он писал матери: “Мы имели втроем самые смелые приключения, и не одному проктору знакомы наши лица. Счетов у меня порядочно, — и как-то в одну буйную ночь мы сломали два хозяйских стула и облепили противоположную стену кремом ядовитых пирожных. За это приходится платить, но не дорого”²⁸⁵. В другом письме он пишет, что как-то раз ночью они били уличные фонари, были пойманы полицейским и даже побиты им.

О Романове он пишет: "Никита один из очаровательных людей, каких я знаю — очень веселый, наблюдательный и прямой". Портрет Никиты Романова Набоков оставил в романе "Подвиг". Приятель Мартына Вадим был "милый, привязчивый, привлекательный человек, падкий на смешное и способный живо чувствовать". Вадим выступает зачинщиком разных аристократических проказ: под его началом Мартын и Дарвин снимают вывеску с табачной лавки, отбирают шлем у полицейского, запрягаются во время праздника в огненную колесницу и тому подобное. Друг его "образованием не блистал", но зато "был отличным сквернословом". В нем была та русская экзотика, на которую падки иностранцы: "Англичане к нему так и льнули. <...> Его прибаутки, бальные туфли, застенчивость и хулиганство, нежный профиль, обведенный на свету золотистым пушком, — все это, в сочетании с великолепием титула, действовало на Арчибальда Муна неотразимо, разымчиво²⁸⁶, вроде шампанского с соленым миндалем, которым он некогда упивался..."

Совсем другой, но тоже экзотический русский тип представлял собой Михаил Калашников. С ним В.Набоков делил квартиру в общежитии, и это мучительное соседство описано с добродушным юмором в письмах к родителям. Провалившись на экзаменах, Калашников должен был уехать из Кембриджа. В письме от 20 июня 1920 г. Набоков писал родителям: "Завтра утром Калашников покидает Cambridge для берегов отчизны дальней и мрачно волнуется. Вообще за последнее время он как-то потемнел, окислился и омизантропировался — и с ним иногда мне бывало неприятно"²⁸⁷. На самом деле Калашников не уехал, и Набоков провел в общении с ним не один триместр, а два года. В течение этих лет Набоков продолжал упоминать "Мишку" почти в каждом письме к родителям.

На следующий год прикалочки выдались политического свойства: "Вчера ночью случилось забавное происшествие: возвращаясь домой, мы встретили трех пьяных студентов, с которыми на улице подрались (им не нравилось, что мы говорим по-русски). Помирились, разошлись, мы с М. отправились восвояси, и что ты думаешь? — в полночь эти три молодца влезли по стене и ввалились через окно в нашу "гостиную". Разумеется, был скандал, но все обошлось благополучно, т.е. до властей не дошло"²⁸⁸. 7 июня 1921 г. он пишет матери: "Мишка был очень тронут твоим участием и благодарит тебя; экзамен он, кажется, выдержал. А все результаты будут известны только 18-го — до этих пор ignorance is bliss <в неведении благодать>"²⁸⁹. Впоследствии Калашников уехал в Америку, где стал брокером.

Годы спустя, впечатление, произведенное Калашниковым, отозвалось в романе "Дар", впервые напечатанном в "Соверменных записках" в 1937-1938 гг. Один из его персонажей — Борис Иванович Щеголев, отчим Зины Мерц, — один из тех "бравурных российских пошляков, которые при случае смакуют слово "жид" как толстую винную ягоду". Словно в наказание, судьба послала ему в жены русскую аристократку-смолянку, которая до него была замужем за евреем. Она поддерживает отношения с еврейскими родственниками и друзьями, ее дочь Зина, конечно, тоже не разделяет настроений отчима. Щеголев докучает жильцу, писателю Годунову-Чердынцеву, однообразными и глупыми разговорами. "В области литературы он высоко ставил "Человека, который убил" Клода Фаррера, а в области философии — "Протоколы сионских мудрецов". Об этих двух книжках он мог толковать часами, и казалось, что ничего другого он в жизни не прочитал. Он был щедр на

рассказы из судебной практики..."²⁹⁰. Любопытно, что именно этот "говорун" Щеголев подбрасывает Годунову-Чердынцеву сюжет "Лолиты". Он рассказывает о своей влюбленности в слишком юное существо, и оценивает эту историю как "трагедию Достоевского". Персонажи, подобные Щеголеву, встречаются и в других произведениях Набокова, например в английском рассказе "Conversation Piece" (1945). В этом рассказе кошмарный двойник рассказчика, человек, носящий его фамилию, читает "Протоколы сионских мудрецов". Этот образ становится в творчестве Набокова почти трафаретным. В 1947 г. Набоков писал в письме к Э.Уилсону: "Калашников был, а может быть и остался, типичным русским фашистом старой школы, черносотенец и дурак. Он занимал со мной квартиру в течение одного термина и слава Богу в конце первого года провалился на экзаменах и должен был отчислиться из Кембриджского университета. Он считал себя начитанным человеком, хотя на самом деле он прочитал всего две книги: "Протоколы Сионских мудрецов" и "Человек, который убил" Фаррера. Позже он добавил к этому списку "Остров Сен-Мишель". У нас была общая обшарпанная гостиная, и когда я пытался читать, он принимался швырять в меня разные предметы, лил воду в огонь в камине. Его экзаменационная работа была посвящена демократии и он начал ее так: "Демократия" является латинским словом". Но главное, он был отвратительным снобом, хотя дамы считали его остроумным и очень привлекательным <...>. Мы много играли в теннис, а в начале 1920-х я чуть было не женился на его кузине <Светлане Зиверт>, вот, пожалуй, и все"²⁹¹.

Помимо уличных боев, Набокову пришлось поучаствовать и в неизбежных в Кембридже политических баталиях. В те годы — первые годы после русской революции — в Кембридже много говорили о русском вопросе. "Он заметил, что всякий считает должным говорить с ним о России, выяснять, что он думает о революции, об интервенции, о Ленине и Троцком, а иные, побывавшие в России, хвалили русское хлебосольство или спрашивали, не знает ли он случайно Иванова из Москвы. Мартыну такие разговоры претили..."²⁹².

28 ноября 1919 г. он принял участие в дискуссии, проходившей под лозунгом "Мы одобряем политику союзников в России". Набоков, как и следовало сыну виднейшего кадета, выступил в поддержку интервенции. В протоколе об этом выступлении записано: "Г-н Набоков говорил, основываясь на личном опыте знакомства с большевизмом, и описывал его как проклятье и болезнь. Ленин, по его словам, безумец, остальные — негодяи. Он призвал к незамедлительному оказанию помощи России со стороны Англии, требовал выступить в поддержку Деникина и Колчака и отказаться от переговоров с большевиками"²⁹³. Набоков говорил около двадцати минут, излагая выученный наизусть к этому случаю английский доклад отца. После этого выступления он навсегда охладел к участию в политических дискуссиях. "Это была моя первая и последняя политическая речь", — писал он в воспоминаниях²⁹⁴.

Жаркие дискуссии о большевизме неофициально продолжались в студенческой келье Набокова. Судя по его письмам, в Кембридже ему приходилось общаться с сыновьями русских эмигрантов, но он находил общий язык далеко не со всеми собратьями по изгнанию. Немало среди них было "темных и реакционных" русских, у которых "патриотизм и политика сводились к животной злобе, направленной против Керенского скорей, чем Ленина, и зависевшей исключительно от материаль-

ных неудобств и потерь”²⁹⁵. Но если с этими людьми все было более или менее ясно, то “гораздо сложнее обстояло дело с теми английскими моими знакомыми, которые считались, — и которых я сам считал, — культурными, тонкими, человеколюбивыми, либеральными людьми, но которые, несмотря на свою духовную изысканность, начинали нести гнетущий вздор, как только речь заходила о России”²⁹⁶.

Главным оппонентом Набокова неизменно был англичанин, которого он вывел в своих воспоминаниях и романах под разными именами: Несбит в англо-американском варианте воспоминаний, он же Бомстон в мемуарном романе “Другие берега” и в какой-то степени Дарвин в романе “Подвиг”²⁹⁷. Портрет Бомстона из романа “Другие берега” имеет нечто общее с Дарвином из “Подвига”: “Мне особенно вспоминается один студент, прошедший через войну и бывший на четыре года старше меня: он называл себя социалистом, писал стихи без рифм и был замечательным экспертом по (скажем) египетской истории. <...> Назову его Бомстон”. Прототипом этого персонажа был Р.А.Батлер (R.A.Butler) — человек слишком заметный в политическом и университетском мире Британии, чтобы писатель мог открыто назвать его имя в мемуарах. Он баллотировался на пост премьер-министра от партии консерваторов и был одним из самых известных в Англии кандидатов в премьер-министры. Впоследствии, выйдя в отставку, он возглавил Тринити Колледж²⁹⁸. Набоков встретился с ним 15 лет спустя, когда в 1937 г. приехал в Лондон в поисках работы.

Портрет английского социалиста, представителя интеллектуальной и классовой элиты, рассуждающего о русском коммунизме за чашкой крепкого чая, или покуривая трубку, набитую добротным табаком, — один из мемуарных шедевров Набокова. Выразительные жесты и мимика героя говорят о нем больше, чем могли бы сказать рассуждения о природе этого социального феномена. Но Набоков не ограничивается живописью, отдавая дань и анализу. “Говорят, что в ленинскую пору сочувствие большевизму со стороны английских и американских передовых кругов основано было на соображениях внутренней политики. Мне кажется, что в значительной мере оно зависело от простого невежества. То небольшое, что мой Бомстон и его друзья знали о России, пришло на Запад из коммунистических мутных источников. Когда я допытывался у гуманнейшего Бомстона, как же он оправдывает презренный и мерзостный террор, установленный Лениным, пытки и расстрелы, и всякую другую полоумную расправу, — Бомстон выбивал трубку о чугун очага, менял положение громадных скрещенных ног и говорил, что не будь союзной блокады, не было бы и террора. Всех русских эмигрантов, всех врагов Советов от меньшевика до монархиста, он преспокойно сбивал в кучу “царистских элементов”, и что бы я ни кричал, полагал, что Львов родственник государя, а Миллюков бывший царский министр. Ему никогда не приходило в голову, что если бы он и другие иностранные идеалисты были русскими в России, их бы ленинский режим истребил немедленно”²⁹⁹.

В английском варианте мемуаров есть детали, не вошедшие в русский текст: Несбит (так зовут этого героя в английском тексте) считал Ленина знатоком литературы и искусства; как и многие его высоколобые друзья, он почему-то верил, что Ленин поощряет новейшие тенденции в искусстве. Для этих снобов, пишет Набоков, “наш убогий Ленин был чувствительнейшим, проницательнейшим знатоком и поборником новейших течений в литературе...” Набоков пытался убедить своего приятеля, что царский режим был несравнимо человечнее советского. Он напоминал

ему о тех отеческих наказаниях, которым лидеры революционеров эпохи царизма подвергались за свою антигосударственную деятельность, о той легкости, с которой известные политические ссыльные перемещались из сибирской ссылки в европейские столицы. Но на Несбита не производили впечатления никакие доводы Набокова, так как он сам в глазах его оппонента был представителем недобитых "царистских элементов", потерявших свои имения и деньги и потому обозленных на весь свет. На все аргументы Набокова он отвечал высокомерной улыбкой. "Странно вспомнить, — писал Набоков, — я в те годы "спорил о политике", — много и мучительно спорил с ним о России, в которой он, конечно, никогда не был..."

Набокову приходилось встречаться и с теми английскими сторонниками русских реформ, кто побывал в России: однажды его посетил в Кембридже сын Г.Уэллса Джип (George). Этому визиту посвящено полное негодования письмо Набокова матери. В семье Набокова Г.Уэллса знали давно. В первый раз он приехал в Россию в конце января — начале февраля 1914 г. в обществе Мориса Беринга. Писателей принимали в основном в либеральных англофильских кругах Петербурга; они были приглашены на обед в дом Набоковых. В.Набоков вспоминал курьезные эпизоды этого посещения, беседу писателя с Зинаидой Венгеровой, переводчицей его романов, которая не очень точно знала их названия³⁰⁰. В юности Набоков, как и многие молодые люди, был поклонником английского фантаста. "Г.Д.Уэллс, великий художник, был в детстве моим любимым писателем," — писал он³⁰¹. С Уэллсом-младшим Набоков не нашел общего языка. Во время своего приезда в Кембридж в ноябре 1920 г. Джип Уэллс добродушно рассказывал о том, как хорошо живется людям в Советской России. Есть конечно, некоторые проблемы, — признавал он, — но они несущественны: ведь если Иван Иванович не может купить себе ананас, то виновата в этом только блокада. Заметьте, добавляет Набоков, что эти туристы говорят по-русски хуже, чем я по-исландски³⁰².

В 1919 г. с Г.Уэллсом встречался Набоков-отец. Он также не смог убедить писателя в том, что большевизм — это "особенно жестокая и изощренная форма варварского подавления, древняя как пески Сахары, а вовсе не привлекающий своей новизной революционный эксперимент, как это казалось многим иностранным наблюдателям"³⁰³. С критикой взглядов Г.Уэллса на Россию Набоков-старший выступал в 1920 г. в журнале "The New Russia". Разочаровавшись в социологических построениях знаменитого писателя, В.В.Набоков продолжал почитать его литературный талант. Любопытно, что при этом он совершенно игнорировал написанную под влиянием Уэллса русскую антиутопию — "Мы" Е.И.Замятина. В поздние годы на вопрос, что он думает о русской традиции анти-утопии, от "Последнего самоубийства" и "Города без имени" в "Русских ночах" Одоевского до "Республики Южного Креста" Брюсова и "Мы" Замятина, Набоков лаконично ответил: "Я безразличен к этим произведениям" ("I am indifferent to those works")³⁰⁴.

Как и в жизни каждого студента, природа Кембриджа занимала важное место в жизни Набокова, особенно летом. Он проводил целые дни с книгой в лодке, плывущей по течению реки Кем, пересекающей город. На реке и на берегу происходят наиболее драматичные события романа "Подвиг". В одиночестве и в общении с природой проводит свои дни Себастьян Найт: он катается на велосипеде в сумерках по тропинкам, окаймляющим окрестные луга; сидя на полевой ограде,

предается ностальгическим воспоминаниям и задает извечные вопросы самому себе и Божьему миру вокруг. В течение года английские впечатления Набокова перемешались европейскими: в Германии он по несколько раз в год бывал на каникулах у родителей и у друзей, в Швейцарии катался на лыжах. Ему было с чем сравнить природу Англии: "...Природа казалась оранжерейной, ручной; в геометрических садах, под морозящим небом, она умирала без роскошных причуд, но по-своему были прекрасны розовато-серые стены, прямоугольные газоны, покрытые в редкие погожие утра бледным серебром инея, и выгнутый каменный мостик над узкой рекой, образовавший полный круг со своим совершенным отражением"³⁰⁵.

Набоков научился получать удовольствие от жизни в Кембридже, однако он был рад всякому удобному случаю вырваться в Лондон, чаще всего не спрашивая разрешения наставника. Он полюбил этот город: "Память о Лондоне моей юности — это память о бесконечных, бесцельных блужданиях, об ослепленном солнцем окне, внезапно пробившем утренний синий туман, или о черных чудесных проводах с бегущими вдоль них подвесками капель. Как будто я, неслышно ступая, иду сквозь призрачные лужайки и дансинги, полные взвизгов гавайской музыки, спускаюсь по славным грязно-коричневым улочкам с милыми именами и в конце концов попадаю в какую-то теплую полость, где нечто, страшно похожее на мое сокровенное "я", сидит, свернувшись калачиком, в темноте..."³⁰⁶. В Лондоне его ждал гостеприимный семейный дом, который мало чем отличался по культурной атмосфере от петербургского. Как вспоминал Набоков в одном из интервью: "Среди знакомых моих родителей было много художников, танцовщиков и музыкантов. У нас пел молодой Шалапин, а в нашем доме Лондоне в 1919 г. я танцевал фокстрот с Анной Павловой"³⁰⁷. Посольские связи К.Д.Набокова позволяли открыть двери многим представителям русской и английской элиты.

Набоков, с его многообразием интересов, долго не мог выбрать, какой наукой заниматься в университете. С такой же проблемой столкнулся герой его романа "Подвиг": "Поступая в университет, Мартын долго не мог избрать себе науку. Их было так много и все — занимательные. <...> Предсказать элемент или создать теорию, открыть горный хребет или назвать нового зверя, — все было равно заманчиво. <...> В науке исторической Мартыну нравилось то, что он мог ясно вообразить, и потому он любил Карлейля. <...> Не зная на что решиться, что выбрать, Мартын постепенно отстранил все то, что могло бы слишком ревниво его завлечь. Оставалась еще словесность. Были и в ней для Мартына намеки на блаженство". Набокова словесность привлекала не научной, а творческой стороной. Ученым-филологом он стать не собирался, как и его герой: "Перспектива изучать многословные, водянистые произведения и влияние их на другие многословные, водянистые произведения была мало прельстительна"³⁰⁸.

В первом или втором триместре Набоков посещал лекции по естественным наукам, в частности по ихтиологии, но после того, как на практических занятиях ему пришлось резать рыбу, он попросил своего тьютора разрешить ему переключиться на русскую и французскую литературу. К концу третьего триместра он твердо решил заканчивать университет по "современным и средневековым языкам", из которых он выбрал французский и русский. Однако он продолжал посещать и один из естественнонаучных курсов: это была энтомология. Именно в этой области осуществил

он свою первую на английском языке публикацию: "Несколько замечаний о Крымской лепидоптере" ³⁰⁹.

Судя по выбору дисциплин, Набоков искал для себя такой ритм жизни в университете, который оставлял бы ему как можно больше свободного времени. Время было необходимо для творческой работы. "Литературная братья, Бомстон и его несколько упадочный кружок, и какие-то молодые люди, пишущие триолеты" составляли ту среду, в которой Набоков получал живую литературную пищу. Ее не могли заменить книги. Английские друзья познакомили его с поэтической "университетской традицией", процветавшей в те дни в Кембридже. Набоков читал стихи Руперта Брука, студента Кингз Колледжа, Уолтера де ла Мара и Хаусмена. Хаусмен в те годы преподавал в Кембридже, и проходя вечером мимо его дома, Набоков мог видеть его в освещенном окне за профессорским столом. О Бруке Набоков написал критическое эссе, которое отправил отцу для публикации в альманахе "Грани" ³¹⁰. Об этом очерке его отец писал И.В.Шкловскому: "Он только что написал отличный очерк, посвященный английскому поэту Бруку (погибшему во время войны) с превосходными переводами ряда его стихотворений. Это появится в "Альманахе", который выйдет здесь в Берлине" ³¹¹.

В те же годы Набоков испытал страстное увлечение русской классикой. "Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира", — писал он. Он также зачитывался прозой русских естествоиспытателей и путешественников, сам будучи энтомологом и путешественником по призванию и семейной традиции. В одном из писем он просит родителей найти для него русскую хрестоматию. Однажды на рыночной площади, на лотке с книгами он обнаружил словарь Даля в четырех томах и по вечерам просматривал его, отмечая "прелестные слова и выражения". Из этого материала он пытался создавать собственные стихи, но, как он позднее понял, это были искусственные построения, целиком зависящие "от тех английских поэтов, от Марвелла до Хаусмена, которыми был заражен самый воздух моего тогдашнего быта" ³¹².

На втором курсе Набоков углубился во французскую классическую литературу, следуя в этом увлечении за своим братом. Он с успехом сдавал экзамены, во время которых ему приходилось переводить на русский Скотта и Диккенса, или переводить на английский с французского. Это давалось ему без усилий и он успевал в перерыве между экзаменами писать стихи. В октябре 1919 г. он написал, а в следующем году опубликовал в журнале "The English Review" английское стихотворение "Remembrance" ("Память" или "Воспоминание"). Б.Бойд оценивает его как "клишированное на английский слух", и приводит типичную строку: "Like silent ships we two in darkness met..." ("Беззвучные ладьи, мы встретились во мраке") ³¹³. 18 ноября 1920 г. Набоков сообщает матери, что его английское стихотворение "Home" ("Дом") опубликовано в "Trinity Magazine". Но английские стихи являлись редкими экспериментами. В основном в это время он писал по-русски и о России.

Ни науки, ни развлечения в Кембридже не избавляли Набокова от чувства одиночества. Если свое юношеское стремление в Англию он объяснял как стремление в прошлое, в детство ³¹⁴, то теперь, в студенческие годы, он начал испытывать подобную же ностальгию по утраченной России: "Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству" ³¹⁵. Тоска по детству проис-

текала из желания восстановить блаженное состояние всеобщей любви, комфорта, беззаботного наслаждения жизнью, ощущения своей уникальности и ценности. Вернуть детство можно было только в воображении, и для этого надо было оживить в памяти Россию. Альбом стихов, который он начал со второго триместра в Кембридже, он назвал "Ностальгия". Роскошные весны Кембриджа с особой остротой напоминали ему северную природу России. Стихотворение, написанное 3 мая 1920 г., он посвятил матери.

Людам ты скажешь: настало!

Завтра я в путь соберусь...

(Голуби. Двор постоялый.

Ржавая вывеска: Русь.)³¹⁶

В стихотворении "Беженец", которое он послал родителям вместе с письмом от 13 мая 1920 г., отражено причудливое сплетение эмоций, связанных с Россией и с детством³¹⁷. В конце того же месяца Набоков пишет стихотворение, в котором обозначенное время и место его написания "Кембридж, 31 мая 1920" особенно резко диссонирует с содержанием: это "крик души" изгнанника, заключенного, ссыльного:

В неволе я, в неволе я, в неволе!

На пыльном подоконнике моем

следы локтей. Передо мною дом

туманится. От несравненной боли

я изнемог...³¹⁸

Далее следует поэтическая картина ночного Кембриджа: туманится стена противоположного дома, в лунном свете высятся готические силуэты средневековых зданий, слышатся, как во сне, ночные голоса, чудится шелест страниц старинных книг. Звуки чужого языка принимаются за русскую речь и при этом явственно различаются даже отдельные слова:

Влюбленные. В мой переулочек узкий

они вошли. Мне кажется на миг,

что тихо говорят они по-русски.

Находясь в любимой с детства Англии, Набоков думал и чувствовал по-русски и испытывал, помимо обычной ностальгии, особую — языковую.

В первый год университетской жизни Набокова поддерживала близость семьи. От Кембриджа до Лондона час езды на поезде: он бывал в Лондоне каждый "уик-энд", а также на каникулах, совпадавших с праздниками: на Рождество, на Пасху. Однако для семьи жизнь в Англии оказалась очень дорогой, и рассчитывать на длительное пребывание в Лондоне не приходилось. Попытка В.Д.Набокова найти себе дело в Англии не увенчалась успехом. Журнал "The New Russia" прекратил свое существование после того, как П.Н.Миллюков снял с себя редакторские полномочия. Как и многие русские в Англии, В.Д.Набоков убедился, что интерес к русскому Белому делу угасает, что у эмигрантов все меньше и меньше возможностей найти политическое сочувствие во влиятельных политических кругах. Сравнивая визит отца в 1916 г. в составе правительственной делегации с эмиграцией в 1919 г., Набоков-сын с горечью писал: "Теперь, три года спустя, не было ни речей, ни банкетов"³¹⁹.

В.Д.Набоков предпринял шаги для того, чтобы устроить семью и найти для себя деятельность в Берлине. После года и двух месяцев пребывания в Лондоне, в начале августа 1920 г. семья Набоковых переехала в Берлин: родители, трое младших детей, бабушка. В Берлине В.Д.Набоков вместе с И.В.Гессеном, соратником по партии Народной Свободы, начал издавать ежедневную газету "Руль". В.Д.Набоков стал неофициальным главой берлинской русской колонии. В его доме снова встречались самые известные представители России в эмиграции, писатели, политики, актеры, музыканты, ученые, журналисты. Свои русско-английские связи В.Д.Набоков поддерживал в переписке.

Он обменивался письмами с А.В.Тырковой и с И.В.Шкловским. 14 мая 1921 г. В.Д.Набоков писал И.В.Шкловскому о своей семье: "Жена моя по-прежнему вздыхает по Лондону и чувствует к нему прежнюю нежность. Сыновья преуспевают в Кембридже, а дочери учатся здесь в русской гимназии, находящейся в ведении нашей Академической группы"³²⁰. Он писал также, что они с женой часто вспоминают уютный дом И.В.Шкловского в Лондоне. Е.И.Набокова, по всей видимости, занималась переводами: в письме А.И.Куприна к Тырковой она упоминается в качестве возможного переводчика рассказа "Звезда Соломона" на английский язык³²¹. 5 октября 1921 г. В.Д.Набоков писал И.В.Шкловскому о своем сыне: "Письмо мое повезет Вам тот самый Владимир Сирин — мой старший сын — поэзию которого Вы похвалили, доставив этим большое удовлетворение ему, его матери, — ну и мне, разумеется. Его талант развивается. <...> Здесь печатается книга его стихов и, если состоится соглашение с Romain Rolland, "Слово" напечатает перевод "Colas Breugnot" — очень замечательный. "Жар-Птица" печатает его стихи и прозу. Я возлагаю на него большие надежды. Я думаю, что Вам известен его псевдоним, взятый для "Руля" только для того, чтобы не было там так много Набоковых"³²².

В журнале "Руль", который выходил в Берлине с 16 ноября 1920 г. и которым руководил его отец, публиковались практически все стихотворения, написанные в это время Набоковым. Под некоторыми из них стоит подпись "Cantab" или "Cantaboff". По-латыни "Cantab" (Cantabrigian) значит "студент Кембриджского университета". В рождественском номере журнала от 7 января 1921 г. было напечатано три стихотворения, подписанные "Влад. Сирин".

Отъезд семьи из Англии усилил чувство одиночества, которое Набоков постоянно испытывал. Он потерял ощущение близости той среды, к которой привык дома. Оставшись один, он начал понимать, что "ждал от Англии больше, чем она могла дать": "Себастьян в каком-то беспомощном замешательстве осознал, что как бы мудро и славно ни подыгрывало его новое окружение давним мечтам, сам он, вернее — наиболее драгоценное в нем, обречен оставаться, как и прежде, в безнадежном одиночестве. Одиночество было лейтмотивом жизни Себастьяна, и чем внимательнее судьба пеклась о его душевном уюте, дивно имитируя исполнение его надуманных желаний, тем острее он сознавал свою неспособность вписаться в картину — в какую бы то ни было"³²³. На смену ревностному подражанию чужим образцам пришло совершенно противоположное стремление: уйти в себя, стать собой, утвердить себя и свои ценности в чужой среде. С одной стороны, этой цели можно было достичь битьем фонарей по ночам, с другой — попыткой восстановить утраченное наследство.

“Истинной историей моего пребывания в Кембридже была история того, как я пытался стать русским писателем,” — пишет он в своих английских воспоминаниях³²⁴. Есть вариации на эту тему и в “Других берегах”: “Настоящая история моего пребывания в английском университете есть история моих потуг удержать Россию. У меня было чувство, что Кембридж и все его знаменитые особенности, — величественные ильмы <вязы>, расписные окна, башенные часы с курантами, аркады, серо-розовые стены в пиковых тузах плюща, — не имеют сами по себе никакого значения, существуя только для того, чтобы обрамлять и подпирать мою невыносимую ностальгию”³²⁵. Теперь свое одиночество он оценивает по-новому: не как наказание и муку, а как благодать. Его Себастьян Найт осознал, что он “приговорен к благодати одиночного заключения внутри себя самого”³²⁶. В.Набоков отдается стихотворному творчеству, забывая про сон и обед, запуская лекции. Он пишет родителям 19 февраля 1921 г.: “Дорогой мапочка, дорогая памочка, сегодня Михайло уехал в Лондон, и я воспользовался этим, чтобы пригласить к себе музу мою: я угостил ее чаем с клубничным вдохновеньем, тарелкой дактилей а la crème и жареным амфибрахием. Посылаю вам счет. — Все по-прежнему великолепно, я веду полу-монашескую, полу-апатическую жизнь, перестал курить папиросы, но зато ... курю трубку <...> По временам у меня лопатки чешутся — чувствую, что растут крылья, тренируюсь, дабы “тленья убежать”. Но нет времени; нет времени и нет места развернуться...” К письму прилагается стихотворение “На Голгофе”. В нем Христос перед смертью вспоминает “домик в переулке пестром, //И голубей, и стружки на полу...”³²⁷ Себастьяну Найту он позднее передаст растущее сознание, что слова и вымыслы становятся его “подлинной жизнью” и судьбой³²⁸.

С первыми признаками второй Кембриджской весны он почувствовал приближение летних каникул, освобождающих не только от университета, но и от весенней тоски и ностальгии. 23 февраля 1921 г. он пишет родителям: “Я с глубоким, глубоким нетерпением жду отъезда”. В следующих письмах этой весны он часто упрекает мать, что она редко пишет: “Ты обещала писать мне почаще, но вот уже третий день не вижу твоего родного, остренького почерка. Que это значит?” Весна в Кембридже, как и в прошлом году, заставляет его вспомнить такие не похожие на нее весны России. 1 апреля он пишет стихотворение “Я без слез не могу тебя видеть, весна!”³²⁹. Большинство своих ранних стихотворений Набоков не включил в издаваемые сборники: в них юная искренность и порой потрясающая образность сочетаются с дебрями сентиментальности и провалами в стиле.

24 апреля 1921 г. Набоков описывает в письме ностальгическую поездку в гости: “Заезжали с Мишкой на велосипедах к одной русской молоденькой даме, скужающей в глуши среди жирных *parson*’ов и докучливых кумушек. Мы с ней чай пили, играли в шары на дерне; очень было уютно...” и прилагает к письму стихотворение “Телефон” (23 апреля 1921), в котором поэтическая возлюбленная символизирует Россию:

Надолго ль мы с тобой разлучены?

Я вопрошал, тоскуя несказанно.

— Да, — глухо ты ответствовала, — да,

Навеки, мой возлюбленный, навеки³³⁰.

В другом стихотворении “Поэты” (26 апреля 1921) тоска по родине и детству переливается в ностальгию по более человеческому прошлому (пусть только воображаемому), в котором было больше поэзии и в котором нужны были поэты.

Так беспощаден гул окрестный,
Людей так грубы города,
Нам так невесело и тесно,
Что мы уходим навсегда.

И горько сжав сухие губы,
Глядим мы, — падшие цари,
Как черные дымятся трубы
Средь перьев розовых зари³³¹.

В письме от 29 апреля 1921 г. Набоков описывает свою повседневную университетскую жизнь: он сдает экзамены, играет в теннис, собирается в Лондон “встречать Пасху”. И снова лейтмотив, в котором сквозь наслаждение красотой чужой страны прорывается тоска по дому, по детству, по семье, по прошлому: “Погода волшебная, все в цвету, домой хочется”. На обороте письма — стихотворение, датированное 28 апреля 1921 г., в котором нашло выражение стремление домой:

Если ветер-судьба ради шутки,
дохнув, забросит меня
в тот город, желанный и жуткий...³³²

Встретив в городе юности подругу, поэт с грустью замечает, что “мы стали несхожи за эти глухие года” и что “что дома на Мильонной на вид уж совсем не те”. Предвидение будущей встречи с новым, неузнаваемым Петербургом Набоков воплотил в более поздние годы в прозе (рассказ “Посещение музея”). 10 мая 1921 г. написано стихотворение “Лестница”, в котором слышатся голоса одновременно нескольких русских поэтов, что не умаляет его достоинств. Несмотря на чужие ритмы, в нем присутствуют в концентрированном виде все основные мотивы поэзии Набокова: ностальгия по детству и по утерянному отчему гнезду, чувство своей потерянности в мире, предчувствие творческого расцвета (восхождение по лестнице), культ чувственного восприятия мира — и все это в “жанре видения”, сладкого и грустного сна.

Слышу звон часов холодный и размеренный.
Сплю и вижу сон: тягуч он и печален...
Будто я вернулся, и брожу, потерянный,
Мучаюсь, не узнаю развалин...
<...>
Все это лишь сказка, все это потеряно...
Господи, нельзя же, мука ведь какая!
Сплю и звон часов холодный и размеренный
Катится, мой сон пересекая.

От Кембриджа здесь только “звон часов холодный и размеренный”, оформляющий его русское видение. 11 мая 1921 г. он пишет отцу и матери: “Милые мои, как сейчас славно в Кембридже! Погода теплая, бойкая, играю ежедневно в теннисок, валяюсь на траве. А вместе с тем так грустно, что и сказать не могу. Вчера, пока я брлся, затрикали первые ласточки (запоздали из-за угольной стачки) и от волне-

ния я чуть не порезался. Надо заниматься, готовиться к новым экзаменам (они начнутся 23-его), а хочется стихи писать, гулять с барышнями, по реке кататься. Провалюсь, чего доброго." Стихотворение "Березы", написанное в этом месяце, посвящено России и заканчивается строками:

...И это жизнь моя, и это край родной,
родная красота; и льется надо мной
сиянье легкое, зеленое — березы³³³.

27 мая 1921 г. он пишет матери: "Я только что вернулся с exam'a (перевод с английского на русский, отрывки из W.Scott и C.Dickens) и теперь собираюсь на речку. Милая мамочка, уже недолго осталось, приеду к вам в лавровом венке; готовьтесь." 3 июня ей же: "Посылаю тебе два стихотворения, одно переводное, другое собственноручное; я никогда так много не писал. ... Осталась неделька с хвостиком, радость моя, я соскучился без тебя, очень соскучился". Первое, переводное стихотворение — "La Belle Dame sans Merci" Джона Китса, было опубликовано в сборнике В.Сирина "Горный путь" (Берлин, 1922). Во втором, "Я думаю о ней, о девочке, о дальней...", поэт снова вернулся к теме ностальгии:

О, Боже! Я готов за вечными стенами
неисчислимые страданья воспринять, —
но дай нам, дай нам вновь под теми деревьями
хоть миг да постоять³³⁴!

И вот экзамены сданы, и 7 июня 1921 г. он пишет матери с детской радостью: "Мамочка, моя родная, в понедельник вечером мы выезжаем из Лондона — как хорошо! Сейчас я пойду к tutor'у за экзаменом — он даст мне его со своей неизменной угрюмой улыбкой. Сегодня я получил извещение, что виза получена, через денька три начну укладываться. Нового нет ничего — кроме разве, стишка, который я посылаю тебе: он удался"³³⁵. К письму приложено символическое стихотворение "Перо" — о пере жар птицы, которое иннок находит на пороге своего жилья. Ностальгическая тема продолжает доминировать в стихах Набокова и в последующие годы, проведенные в Кембридже. Не раз в них рифмуются "слезы" и "березы", но встречаются и находки.

В Лондоне и Кембридже были написаны некоторые другие стихотворения и переводы, вошедшие в сборник "Горный путь" (Берлин, 1923): перевод из Байрона "Солнце бессонных" ("Sun of the sleepless"), стихотворение, посвященное "M.W.", написанное в Лондоне у Мраморной Арки. Если инициалы прочесть не по-английски, а по-русски "М.Ш.", то адресатом его, возможно, является балерина Марианна Шрайбер, которой Набоков посвятил несколько стихотворений. В Лондоне написано стихотворение "Наполеон в изгнании", в котором поэт, видимо осмысливая собственное изгнание, обращается к историческим образам.

В Кембридже было написано несколько стихотворений с английскими названиями: о футболе, теннисе и биологии. В стихотворении "Football" поэт пишет о необычном футболисте, который "творит созвучья для иных веков". Этот образ позднее разовьется в эпизод в романе "Подвиг", где Мартын Эдельвейс в роли голкипера сочиняет русские стихи, прислонясь к штанге под моросящим дождем. В стихотворении "Lawn Tennis" любимая игра Набокова искусно описана в ритме и стиле античной

лирики: "Юноша, белый и легкий, пестрым платком подпоясан..." В стихотворении "Biology" в том же античном стиле, придающем вневременный, символический характер каждой детали, поэт описывает, как он "вертит золотой винт" микроскопа, рассматривая сквозь его магические линзы лист растения, или живое сердце лягушки.

В Кембридже Набоков понял, что не только кувшинки, стрижи, "стрекозки", "березки" и другие "деревца" под Петербургом безвозвратно потеряны, но также и веками выстраивавшаяся система ценностей, в которой его род, семья и он сам занимали определенное место. Он всегда иронизировал над эмигрантами, жалевшими о потере своих имений в России, но в своих ранних стихах он еще помнил о том, что в этих имениях формировалось видение и мироощущение поэта, писателя, художника и вообще всякого русского человека. И в этом смысле имения представляли собой не только материальную ценность, но и ценность духовную. "Под бременем этой любви я сидел часами у камина, и слезы навертывались на глаза от напора чувств, от разымчивой банальности тлеющих углей, одиночества, отдаленных курантов, — и мучила мысль о том, сколько я пропустил в России, сколько я бы успел рассовать по всем карманам души и увезти с собой, кабы предвидел разлуку"³³⁶. Так, в Англии он почувствовал себя русским.

28 октября 1921 г. в газете "Руль" Набоков опубликовал живописный очерк под названием "Кембридж", в котором выразил чувство одиночества и тоску по утерянной России, а также провел любопытное сравнение между русским и английским характером. В эссе содержатся интересные наблюдения над метаморфозами русской души в Англии. "Между ними и нами, русскими, — некая стена стеклянная; у них свой мир, круглый и твердый, похожий на тщательно расцвеченный глобус. В их душе нет того вдохновенного вихря, биения, сияния, плясового неистовства, той злобы и нежности, которые заводят нас Бог знает в какие небеса и бездны; у нас бывают минуты, когда облака на плечо, море по колено, — гуляй, душа! Для англичанина это непонятно, ново, пожалуй заманчиво. Если напившись он и буйнит, то буйнство его шаблонно и благодушно, и глядя на него, только улыбаются блюстители порядка, зная, что известной черты он не переступит. А с другой стороны, никогда, самый разымчивый хмель не заставит его расчувствоваться, оголить грудь, хлопнуть шапку оземь... Во всякое время — откровенности коробят его. Говоришь, бывало, с товарищем о том, о сем, о стачках и скачках, да и сболтнешь по простоте душевной, что вот, кажется, всю кровь отдал бы, чтобы снова увидеть какое-нибудь болотце под Петербургом, — но высказывать мысли такие непристойно; он на тебя так взглянет, словно ты в церкви расставился"³³⁷.

Стереотипное представление о "загадочной русской душе" в этом очерке противопоставлено общепринятому представлению об "англичанине-мудреце". С одной стороны, "плясовое неистовство", "небеса и бездны", "море по-колено", "гуляй, душа!", "оголить грудь", "хлопнуть шапку оземь"... А с другой — "круглый и твердый мир" англичанина, расцвеченный глобус его имперского самосознания... Конечно, случается и англичанину "оголить грудь", бывают и рассудочно-расчетливые русские. Но писатель стремился уловить какое-то "среднее арифметическое" национального характера, которое делает стереотипы такими живучими, а их контраст неизменно эффектным. Набоков пытался понять, почему русский человек не может органично влиться в английскую жизнь, оставаясь самим собой: "...Если же буйный иноземец

будет поступать все-таки по-своему, то сначала на него подивятся — экий чудак, варвар, — а потом станут избегать, не узнавать на улице. Иногда, правда, подвернется добрая душа, падкая на зверей заморских, но подойдет она к тебе только в уединенном месте, боязливо озираясь, и навсегда исчезнет, удовлетворив свое любопытство. Вот отчего подчас тоской набухает сердце, чувствуя, что истинного друга оно здесь не сыщет. И тогда все кажется скучным, — и очки юркой старушки, у которой снимаешь комнату, и сама комната с ее грязно-красным диваном, угрюмым камином, нелепыми вазочками на нелепых полочках, и звуки, доносящиеся с улицы, — крик мальчишек-газетчиков... Но ко всему привыкаешь, подлаживаешься, учишься в чуждом тебе подмечать прекрасное". Похожий образ русских — как "зверей заморских" — встречается в записных книжках Е.И.Замятина, которых Набоков, конечно, не мог читать. "Мы для них говорящие тюлени", — писал Замятин в 1916 г., подчеркивая, что если англичан что-то и влечет к русским, то только любопытство.

В Кембридже Набоков прошел несколько фаз приспособления к окружающей чужой среде: сначала, обнаружив свое коренное несходство с английскими сверстниками, он пытался во всем подражать им, даже превзойти их во всем том, что они особенно ценили. Подражая чужим образцам и следуя чужому вкусу, он стремился "перебританить британцев". Затем он осознал, что стать англичанином он никогда не сможет, но в попытках достичь этой цели утратит собственную личность. Тогда он ушел в поиск "утраченного времени" — прежней России и детства, стал реставрировать свою "русскость". Окружающее как будто перестало интересовать его. "У меня не было ни малейшего интереса к истории Кембриджа или Англии, и я был уверен, что Кембридж никак не действует на мою душу; однако именно Кембридж снабжал меня и мое русское раздумье не только рамой, но и ритмом. На независимого юношу среда только тогда влияет, когда в нем уже заложена восприимчивая частица; такой частицей было во мне все то английское, чем питалось мое детство. Мне впервые стало это ясно в последнюю мою кембриджскую весну, когда я почувствовал себя в таком же естественном соприкосновении с непосредственной средой, в каком я был с моим русским прошлым, и этого состояния гармонии я достиг в ту минуту, когда то, чем я только и занимался три года, кропотливая реставрация моей, может быть, искусственной, но восхитительной России, была наконец закончена, то есть я уже знал, что закрепил ее в душе навсегда"³³⁸.

Осознав себя в качестве русского поэта, "закрепив в душе Россию", он снова повернулся к английскому миру. Но теперь он смотрел на Англию иными глазами, к нему пришло понимание той роли, которую Англия сыграла в его формировании как русского писателя, и он с благодарностью принял это влияние. Произошел синтез английского и русского начала в его душе. В последнюю кембриджскую весну Набоков достиг гармонии со своей английской средой, научился по-новому любить Англию. Теперь это была любовь не к воображаемой и "галантерейной" Англии, "нарядной и сказочной", которую он знал по детским книгам, красивыми и добротным вещам. Теперь он научился любить реальную страну, со всей ее мучительной непохожестью его ранние представления о ней. Дома с российской щедростью пользовались "сливками" английской бытовой культуры. У русских был свой английский язык и литература, свои английские парки и своя домашняя английская демократия.

Зрелая любовь к Англии нашла отражение в романе "Подвиг", герой которого признается, что не только привык к однообразной повседневности английской жизни,

но даже научился получать удовольствие от банальности английского быта: "Ни скверная погода, ни ледяная стужа спальни, где традиция запрещала топить, не могли изменить мечтательную жизнерадостность Мартына. Одиночество веселило его. Свою рабочую комнату, жаркий камин, пыльную пианолу, безобидные литографии по стенам, низкие плетеные кресла и дешевые фарфоровые штучки на полочках, — все это он от души полюбил" ³³⁹. В романе "Подлинная жизнь Себастьяна Найта" шероховатости быта еще дальше уходят с первого плана, и остается романтическая влюбленность в Англию. Об этой влюбленности Себастьян Найт пишет в своем эссе "Стол находок" ("Утерянные вещи"): "Я был бесконечно влюблен в страну, ставшую мне домом, насколько моя натура допускает идею дома; у меня бывали киплинговские настроения, бруковские настроения, хаусменовские настроения" ³⁴⁰.

Позднее пришло еще более глубокое понимание сути того влияния, которое оказал на него Кембридж. В "Других берегах" он пишет: "... Что-то было такое в Кембридже... Не футбол, не крики газетчиков в сгущающейся темноте, не крепкий чай с розовыми и зелеными пирожными, — словом, не преходящая мода и не чувствам доступные подробности, а тонкая сущность, которую я теперь бы определил, как приволье времени и простор веков. На что ни посмотришь кругом, ничто не было стеснено или занавешено по отношению к стихии времени; напротив, всюду сияли отверстия в его сизую стихию, так что мысль привыкала работать в особенно чистой и вольной среде" ³⁴¹. Писатель с другого берега, Б.Пильняк, которого, кстати сказать, Набоков не признавал, в ином стилистическом ключе выразил сходную мысль. В своих английских рассказах он заметил, что в Англии "XIV век колом заехал в ребро теперешних дней". Интересно, читал ли Пильняк эссе Набокова "Кембридж", опубликованное в 1921 г. в берлинском "Руле"? Вполне вероятно, но совпадение, конечно, вызвано не чтением, а реальными впечатлениями.

В конце июня 1922 г. Набоков сдал последние выпускные экзамены в Кембридже и уехал в Берлин к родителям. После трех лет университетской жизни, когда он, избавленный от забот о хлебе насущном, мог свободно предаваться научным и литературным занятиям, для него началось обычное эмигрантское существование, неизбежной частью которого был поиск заработка. В Германии — в отличие от Англии — ничто немецкое не приставало к нему: он не знал языка, не пытался завести друзей. Он писал впоследствии: "Оглядываясь на эти годы вольного зарубежья, я вижу себя и тысячи других русских людей ведущими несколько странную, но не лишенную приятности жизнь в вещественной нищете и духовной неге, среди не играющих ровно никакой роли призрачных иностранцев, в чьих городах нам, изгнанникам, доводилось физически существовать. Туземцы эти были как прозрачные, плоские фигуры из целлофана, и хотя мы пользовались их постройками, изобретениями, огородами, виноградниками, местами увеселения и т.д., между ними и нами не было и подобия тех человеческих отношений, которые у большинства эмигрантов были между собой" ³⁴². В Берлине, а затем в Париже он находился в среде русских писателей, у которых он находил отклик своему творчеству: "Большинство писателей, с которыми я общался, были русские эмигранты в 1920-30-х годах," — скажет он в одном из интервью ³⁴³.

Если в Англии В.Набоков думал и писал о России, потерю которой он все острее осознавал в Кембридже, то после переезда в русский Берлин вернулась

любовь к Англии. В русском окружении он снова почувствовал себя англичанином. Он сделал еще одну попытку писать по-английски. В 1923 г. в журнале "Carousel" он опубликовал пьесу на английском языке под названием "Painted Wood" ("Крашеное дерево")³⁴⁴. Однако содержание этой пьесы совсем не английское — в ней рассказывается о сказочной птице русского фольклора. В Берлине он перевел одну из своих любимых английских книг: "Алису в Стране Чудес" Л.Кэрролла³⁴⁵. В декабре 1924 г. он написал выразительное стихотворение "Шекспир" ("После чтения Шекспира"), опубликованное в альманахе "Жар-Птица" (1925, № 12), но не входившее в прижизненные сборники:

Среди вельмож времен Елизаветы

И ты блистал, чтил пышные заветы...

В более поздние годы Набоков продолжал переводить английских поэтов, уделяя особое внимание Шекспиру. В "Руле" были опубликованы в его переводе 17 и 27 сонеты³⁴⁶, несколько отрывков из "Гамлета", в том числе монолог³⁴⁷.

Английский фон и англичане появляются в рассказах Набокова. Герой рассказа "Картофельный Эльф" — уроженец Бристоля карлик Фредерик Добсон по прозвищу Картофельный Эльф. Другие англичане в рассказе тоже не совсем обычные. Это фокусник Шок и его жена Нора. Нора была дочерью почтенного художника, писавшего сцены охоты, и до свадьбы жила в respectable районе Лондона Челси, "восхищалась дымными закатами над Темзой, рисовала, посещала нелепые собрания, на которых бывала лондонская богема..."³⁴⁸ Нора была бы типичной англичанкой, если бы не вышла по ошибке замуж за фокусника, которого до самой свадьбы принимала за поэта. В рассказе множество аксессуаров, столь дорогих Набокову: полуреальная жизнь цирка, полуреальная жизнь фокусника: "муж — мираж, ходячий фокус, обман всех пяти чувств". В рассказе выразительными штрихами описан Лондон: "В этот сизый, солнечный августовский день Лондон был особенно прекрасен. Легкое, праздничное небо отражалось в гладких потоках асфальта, румяным лаком пылали почтовые тумбы на углах, в гобеленовой зелени парка прокатывал блеск и шелест автомобилей, — весь город искрился, дышал млеющей теплотой, и только внизу, на платформах подземных дорог, было прохладно"³⁴⁹. Особенно запоминается в этой словесной картине красивая фраза: "Лондон острожно вечерел"³⁵⁰.

В рассказе описан также провинциальный английский городок с условным названием "Драузи". По описанию этот городок, название которого в переводе с английского означает "Сонный", напоминает замаятинский "Джезмонд". Место действия — тоже замаятинское: городок находится в сонном графстве "Драузитон", в северной Англии, где жизнь более размеренна и менее многолюдна, чем в центральных и южных районах. "Городок Драузи, в северной Англии, был такой сонный на вид, что казалось, будто кто-то позабыл его среди туманных, плавных полей, где городок и заснул навеки. Был почтамт, велосипедный магазин, две-три табачные лавки с красно-синими вывесками, старинная серая церковь, окруженная могильными плитами, на которых потягивалась тень громадного каштана, — и вдоль единственной улицы шли зеленые ограды, садики, низкие кирпичные дома, косо обтянутые плющом"³⁵¹. Его герой "полюбил уют, до сих пор ему неведомый, — голубые пленки пламени над углями в камине, пыльные вазочки на полукруглых полках,

гравюру между окон..."³⁵² Атмосфера гостинной, запах лаванды в спальне, сентиментальные занавески на окнах — из кембриджских воспоминаний Набокова.

К студенческим годам в Кембридже Набоков вернулся в "Университетской поэме"³⁵³, ставшей следующим после очерка "Кембридж" значительным по объему произведением на кембриджскую тему. Поэма была опубликована в 1927 г. в журнале "Современные записки". К набоковским произведениям первого ряда ее не отнесешь, и если в свое время Бунин назвал поэму его лучшим произведением³⁵⁴, то думается, исключительно из чувства мести молодому сопернику, с которым он не нашел общего языка. Поэма состоит из 63 строф, напоминающих онегинскую. Можно было бы сказать, что "Университетская поэма" — это подражание Пушкину, если бы она не была на самом деле плохой пародией на "Евгения Онегина". Поэма повествует о любовном романе рассказчика, студента Кембриджа, с 27-летней англичанкой Виолеттой. Их знакомство состоялось в доме ее родственника, викария, в присутствии тетушки. Тетушка — пожалуй, единственный живой образ в поэме, была "социализмом занята" и до хрипоты спорила с викарием о политике. В поэме разбросаны впечатления студенческой поры, которые встречаются в ранних стихах Набокова. Некоторые детали автор использовал и в более поздних произведениях. События поэмы начинают разворачиваться в дождливый "февральский день", — в такой же день посещает Кембридж рассказчик "Подлинной жизни Себастьяна Найта" и "Других берегов". Поэт живописно изображает Кембридж и свою студенческую жизнь: "Я по утрам, вскочив с постели, //летел на лекцию; свистели //концы плаща...". Далее читатель попадает вместе с ним в лабораторию, где он рассматривает под микроскопом листок или каплю воды. Мир биологии он описывает с благоговением, это описание переключается со стихотворением кембриджского периода "Biology". Однако в поэме перед читателем совсем не тот юный Набоков, который жертвует ночным сном и лекциями ради поэзии. Совсем наоборот: автор сообщает, что в студенческое время сочинение стихов он считал для себя вредным (это звучит у него почти как "вреден Север для меня") и что основной радостью для него были естественно-научные занятия:

...И углубляться день-деньской
в колодезь светлый микроскопа
ты не мешала мне совсем
тоскующая Каллиопы,
тоска неконченных поэм.

Стихи помогают ему спастись от скуки в вечерние часы, литературой он занимается, как будто, от нечего делать. Ему случайно попался под руку литературный образец: "Нашел я Пушкина и Даля //на заколдованном лотке" — отмечает он фактическую деталь. Он перечитал "Евгения Онегина", его заинтересовало слово "хандра", объяснение которого он нашел у Даля. Музу он называет своей "вялой госпожой". Словарь он листает "в тягостной истоме". И вовсе не вдохновенье, а хандра ("тоска, унынье, скука") заставляет его искать забвения в поэзии. Однако хандра его, как выясняется, ностальгического свойства. В изгнании все не как дома, и особенно чувствительно напоминает об этом весна:

И завтра без обильных слез
без сумасшедшего напева
придет, усядется она, —
совсем воспитанная дева,
совсем не русская весна.
О доме напоминают звуки и запахи:
И так в Россию вдруг потянет,
обдаст всю душу тошный жар, —
особенно когда комар
над ухом пропоет, в безмолвный
вечерний час, — и ноет грудь
от запаха черемух. Полно,
я возвращусь когда-нибудь.

Однако этими ностальгическими отступлениями, пожалуй, исчерпывается лирическое содержание поэмы. Гораздо больше внимания уделяется здесь описанию подвигов героя в духе "Графа Нулина". Правда, автору поэмы далеко до предмета подражания в отношении вкуса. Самая динамичная часть поэмы — описание ночного бегства от ментора и его подручных с преодолением многочисленных стен и заборов, предпринятое во избежание штрафа за нарушение режима и формы одежды. В "Университетской поэме" есть сюжетная переключка с романом "Подвиг", написанным несколько лет спустя: герой поэмы узнает, что его приятель англичанин Джонсон является его соперником в любви. С досадой он отказывается от продолжения своего романа, погружается в науку и в результате с блеском сдает экзамены. Последняя встреча с Виолеттой происходит на прощальном балу, после которого он покидает Кембридж. Рассуждения героя поэмы о предмете своего увлечения лишены какой-бы то ни было романтики: со "знанием жизни", достойным столь презираемых им "упитанных пошляков", он рассуждает о том, как Виолетта расставляет сети, чтобы накинуть на свою жертву цепи Гименея. Поэма тяжеловесна по стилю и оставляет неприятный осадок. Труд ее чтения искупается, правда, живописными деталями, такими как: "колодезь светлый микроскопа", или сравнение кембриджской весны с "воспитанной девой".

С творческой, психологической и биографической точки зрения, поэма представляет несомненный интерес. Она дает возможность проследить, как на протяжении многих лет английские впечатления в творчестве Набокова меняют свою тональность. "Университетская поэма" по настроению разительно отличается от его ностальгических писем и стихов кембриджских лет. Здесь, пять лет спустя, Набоков смотрит на свою студенческую жизнь отстраненно и иронично. Если его юношеским стихам свойственна искренность и непосредственность ощущений, искушавшая огрехи формы, то для "Университетской поэмы" характерен напускной цинизм. Автор пытается искусственно воссоздать студенческое мироощущение, но не свое собственное, а характерное для некоего среднего студюозуса, ваганта. В "Университетской поэме" используются образы из ранних стихов Набокова, позднее эти образы переходят в прозу. В прозе непосредственные впечатления обрастают повторениями, превращаясь из импрессионистических штрихов в освоенный прием, затем стирающийся до клише.

Кембридж стал не только фоном, но активной, действующей средой в романах "Подвиг" (1931) и "Подлинная жизнь Себастьяна Найта" (1938-39), а также в мемуарном романе "Conclusive Evidence" ("Заключительное свидетельство"; "Другие берега", 1946-1950). В романе "Подвиг", как и во всех произведениях Набокова, из-под масок различных персонажей выглядывает автор, черты авторского "я" распределены между двумя главными героями. Мартын Эдельвейс похож на автора во всем, кроме одного, но самого главного: он не писатель; а Дарвин, англичанин, не похож на него ни в чем, кроме того, что он писатель (и очень талантливый, как подчеркивает Набоков, хотя об этом знают только истинные ценители). В других персонажах тоже можно узнать черты автора или услышать от них то, что он сам думал. Один из выразителей мыслей и чувств автора в "Подвиге" — уникальный английский русист: "Профессором русской словесности и истории был в ту пору небезызвестный Арчибальд Мун. В России он прожил довольно долго, всюду побывал, всех знал, все пережил. <...> Говорили, единственное, что он в мире любит, это — Россия. Многие не понимали, почему он там не остался. На вопросы такого рода Мун неизменно отвечал: "Справьтесь у Робертсона (это был востоковед), почему он не остался в Вавилоне". Возражали вполне резонно, что Вавилона уже нет. Мун кивал, тихо и хитро улыбаясь. Он усматривал в октябрьском перевороте некий отчетливый конец. Охотно допуская, что со временем образуется в Советском Союзе, пройдя через первобытные фазы, известная культура, он вместе с тем утверждал, что Россия завершена и неповторима, — что ее можно взять, как прекрасную амфору, и поставить под стекло. Печной горшок, который там теперь обжигался, ничего общего с нею не имел. Гражданская война представлялась ему нелепой: одни бьются за призрак прошлого, другие за призрак будущего..."³⁵⁵.

Б.Бойд предполагает, что под именем Арчи Муна в романе Набокова скрывается Александр Гауди (A.Goudy), известный лингвист, который в ту пору преподавал в Кембридже русский язык, а также сербский и болгарский языки, он же вел испанский и новогреческий курсы³⁵⁶. Но можно предположить, что это собирательный образ, материал для создания которого Набоков мог найти также в личности Эллиса Миннза или Гарольда Вильямса. Эллис Миннс (Ellis Minns), специалист по скифским древностям, дважды подолгу жил в России: первый раз в 1890-е гг. Он говорил на слегка старомодном русском языке и мог каллиграфически писать уставом. У него было замечательное собрание древнерусских рукописных и старопечатных книг, икон, а также коллекция писем от русских ученых. Хотя он был экспертом по русским древностям, в том числе палеографии, в Кембридже он преподавал на классическом отделении и был удостоен звания профессора латинской палеографии. Он был почетным членом пражского Археологического института Н.П.Кондакова, перевел на английский книгу Н.П.Кондакова "Русская икона", снабдил ее своими комментариями и по существу создал терминологический аппарат для английских работ по русской иконописи.

В романе "Подвиг", возможно, нашла отражение еще одна реальная биография. В некрологической статье о князе Павле Дмитриевиче Долгорукове (1866-1927), датированной 15 июня 1927 г. и опубликованной в газете "Русский патриот", А.В.Тыркова писала о его возвращении в Россию: "Это не было ни жестом отчаяния, ни донкихотством. Одетый странником, тяжело передвигая больные ноги, тай-

ком, через опасные пограничные места пробрался на родину этот бывший баловень судьбы. Многие пожимали плечами, считая это безумием фантастической души, уставшей от эмиграции. На самом деле издали почуял он, что опять глухо, но неуклонно нарастают в России какие-то освободительные силы, что опять настала пора, хотя бы ценой подвига и жертвы пробуждать в запуганных людях человеческое достоинство и политическую волю. Он знал, что пример убедительнее слов". Решение Мартына — героя романа "Подвиг" — не имело ничего общего с мотивами князя Долгорукого, однако и само название романа, и решение Мартына вернуться перекликаются с историей этого трагического возвращения. Не ради политики, не ради высокой идеи пробуждения людей, а только ради поэзии, ради пережитых в детстве ощущений возвращается Мартын в Россию. Но и его возвращение — подвиг.

Размышляя в своих произведениях о России и восхищаясь подвигом своего юного героя, автор, однако, видел, что историческая реальность не давала никаких надежд на скорые перемены и возвращение. Он стал также сознавать, что у русского писателя в эмиграции нет будущего. Живя в Берлине и Париже, он не порывал своих связей с Англией. Он хотел вернуться в Англию, но не безвестным эмигрантом, а известным писателем. К началу 1930-х гг., когда Набоков решил целенаправленно искать работу в Англии, он был уже не просто известным, но знаменитым русским писателем. Его произведения могли найти спрос в Англии и Америке. Помочь в этом мог Г.Струве. Он был одним из первых критиков эмиграции, кто откликнулся на публикацию поэзии и прозы Набокова и оценил его дарование. Он рецензировал все основные произведения писателя в газетах русского зарубежья, таких как "Возрождение", "Россия"³⁵⁷, "Россия и славянство". Г.Струве был также автором первых отзывов о творчестве Набокова в европейской периодике: в 1931 г. он опубликовал во французском журнале "Le Mois" статью "Романы-фокусы Владимира Сирина", а затем очерк "Владимир Набоков-Сирин: влюбленный в жизнь: Портрет"³⁵⁸.

Г.Струве принадлежат и первые переводы рассказов Набокова на английский язык. В начале 1930-х годов он перевел рассказ Набокова "Возвращение Чорба" для английского журнала "This Quarter", выходившего в Париже³⁵⁹. Позднее он вспоминал об этом: "В 1930 или 1931 г. я перевел на английский язык один из моих любимых рассказов В.Н. — "Возвращение Чорба". Совершенно случайно мне удалось сосватать его в издававшийся в Париже английский журнал "This Quarter" <...> Набокову перевод мой тогда понравился (автопереводами он сам еще не занимался и оригинальных произведений по-английски не писал). Позднее, издавая по-английски свои ранние рассказы, он свое мнение изменил. <...> Это было первое значительное произведение Набокова, появившееся в печати на английском языке"³⁶⁰.

Затем Набоков задумал издать на английском языке роман "Камера obscura" (1932). Нашелся переводчик, и роман был принят к изданию в Америке под новым английским названием "Laughter in the Dark" ("Смех в темноте"). В 1934 г. Г.Струве напечатал в одном из лондонских журналов переведенный им рассказ Набокова "Пассажиры"³⁶¹. Как и в случае с "Возвращением Чорба", впоследствии, при переиздании своих рассказов на английском языке, Набоков заменил его на перевод своего сына Дмитрия, а в предисловии к изданию отметил, что переводы Г.Струве его больше не удовлетворяют ни с точки зрения стиля, ни с точки зрения точности.

На опыте переводов, сделанных Г. Струве и другими переводчиками, Набоков понял, что видеть собственные произведения в чужих переводах для него невыносимо. С другой стороны, очевидно было и то, что избежать процесса перевода не удастся. В конце июня 1935 г. он сделал решительный шаг: начал сам переводить свой роман "Отчаяние", поставив условие, что издатель Хатчисон возьмется отредактировать перевод. В письме к матери от 8 сентября 1935 г. он писал, что перевод "Отчаяния" — его первая попытка использовать английский язык в художественных целях. В письме к Зинаиде Шаховской в октябре того же года он описывает свои мучения, связанные с переходом на другой язык: ему приходилось создавать новый язык и при этом лучший словарь оказывался не только не помощником, но худшим врагом. Тем не менее, 29 декабря 1935 г. он закончил перевод. В апреле 1936 г. он отправил рукопись Хатчисону, но тот дал понять, что не испытывает особого энтузиазма по поводу публикации этого произведения. После уговоров Хатчисон согласился принять "Отчаяние", но включил его в список дешевых изданий массовой литературной продукции, выпускавшейся издательской фирмой Джона Лонга в Лондоне. С помощью Г. Струве Набоков нашел для перевода английского редактора: за работу взялась одна из студенток Школы Славянских исследований Молли Карпентер-Ли. В 1937 г. роман "Отчаяние" вышел в Лондоне ³⁶².

Столкнувшись с трудностями перевода своих произведений, Набоков переступил последний барьер: он решил писать по-английски. В конце лета 1935 г. — то есть во время работы над переводом "Отчаяния" он приступил к небольшому очерку на английском языке о своих первых детских английских впечатлениях. Очерк назывался "It is Me" ("Это я"). В процессе работы Набоков задумал превратить очерк в книгу из нескольких глав. Работа над этим замыслом продолжалась до лета 1936 г. В письмах 1936-38 гг. писатель упоминает предполагаемые названия для этой книги: "It is Me", "Elizabeth", "My English Wife", "English Games in Russia", "Memoirs", "A Russian's Early Associations with England" ("Это я", "Элизабет", "Моя английская жена", "Английские игры в России", "Воспоминания", "Детские связи с Англией") ³⁶³. Б. Бойд пишет, что уже само заглавие очерка "It is Me" свидетельствовало о языковых трудностях, с которыми столкнулся Набоков, несмотря на его англоязычное воспитание. По-английски естественно было бы употребить сокращенную форму настоящего времени "It's Me", либо, как требовали "запутавшиеся пуристы", именительный падеж местоимения "It is I".

Начиная писать по-английски, Набоков не оставлял отчаянных попыток найти работу в англоязычном мире. В английском варианте воспоминаний "Speak, Memory" сохранилась фраза, опущенная в русском тексте: "Я безнадежно пытался найти в Англии научную работу" ³⁶⁴. С просьбой помочь ему устроиться в Англии он обращался к Александру Кауну, преподававшему в университете Калифорнии, В.Г. Вернадскому и М.И. Ростовцеву, преподававшим в Йейле ³⁶⁵. Он писал давнему другу своего отца Бернарду Персу: "Любой вид работы — чтение лекций или что-нибудь связанное с издательством (где может быть, пригодился бы и мой французский?) — все что угодно, где угодно — если не в Британии, то в США, Канаде, Индии или Южной Африке. Я чувствую, что мог бы быть действительно полезен в англоязычной стране" ³⁶⁶. Как видно из этого письма, Британия занимала первое место среди стран, где он хотел устроиться на работу. До поездки в Америку

он не просто размышлял о Британии, но целенаправленно планировал возвращение в любимую с детства страну. Он обратился и к Г.Струве с просьбой найти ему в Англии место преподавателя русской или французской литературы, он расспрашивал Молли Карпентер-Ли о месте в Кембридже, которое не смог получить Г.Струве. В результате своих поисков Набоков чуть не получил лекторат в университете Лидса, но по каким-то причинам лекторат был отменен ³⁶⁷.

Когда Набоков узнал, что Г.Струве помог В.С.Франку, сыну философа С.А.Франка, выехать из гитлеровской Германии и получить стипендию в Англии, он стал возлагать на Г.Струве особые надежды. Но не все зависело от Г.Струве. Он помогал Набокову как мог: в 1934 г. он написал обзорно-аналитическую статью "Владимир Сирин" в "Славянском обозрении", ведущем академическом журнале английских славистов ³⁶⁸. В 1936 г. опубликовал заметку о нем в журнале "Русский в Англии", под рубрикой "Новости науки и техники", видимо отдавая дань научным интересам автора ³⁶⁹. Таким образом, критик создавал писателю имя в Англии: как в английской, так и в русской среде.

Во второй половине 1930-х гг. положение русских эмигрантов в Европе стало критическим. Набоков чувствовал, что ему надо в ближайшее время устроить жизнь своей семьи: жены и сына. Ему нужен был устойчивый заработок и положение. Планируя свое очередное путешествие по центрам русской эмиграции в Европе с чтением своих произведений, Набоков включил в свой маршрут Лондон. В январе 1937 г. он выехал из Германии в Брюссель и Париж. Выступление в Брюсселе принесло ему большой успех, в Париже его ждал триумф. В этом городе, где сосредоточились лучшие силы русской литературной эмиграции, у него были все основания задержаться и попытаться остаться. Он хорошо говорил по-французски, однако, по его собственному признанию, чувствовал себя гораздо менее уверенным во владении этим языком, чем английским. По-французски им написаны две вещи: эссе о Пушкине к столетию со дня его смерти, и рассказ "Мадмуазель О". Остаться во Франции с таким небольшим литературным багажом он не хотел, но рассчитывал, обосновавшись в Париже, продолжать искать работу в Англии или Америке.

Поездка в Лондон планировалась на февраль 1937 г. Конечно нельзя было рассчитывать на триумфальные гастроли в Лондоне, где была иная культурная среда, состоявшая по большей части из бывших политиков и деловых людей. Набоков, тем не менее, вел переговоры об устройстве вечера чтения своих произведений перед русской колонией. Как правило, такие выступления устраивало Общество Северян и Русский Дом Е.В.Саблина. Получив приглашение Общества Северян, Набоков обратился с просьбой к Саблину организовать его выступление и в Русском Доме. В письме к нему от 31 января 1937 г. Набоков писал: "Милостивый государь, Евгений Васильевич, разрешите мне обратиться к Вам со следующей просьбой: мне необходимо быть во второй половине февраля в Лондоне, по делу, и я хотел бы выступить там с чтением своих вещей. Для меня это чрезвычайно важный вопрос в виду моего тяжелого материального положения. Общество Северян устраивает мой вечер 20-го февраля. Я был бы вам весьма признателен, если бы вы сочли возможным помочь мне устроить еще одно выступление в Лондоне. Мой приятель Г.П.Струве собирался, кажется, обратиться к Вам с этой просьбой *on my behalf* <от моего имени>, но не знаю, обратился ли. Я нахожусь сейчас в Париже, где пробуду до отъезда в Лондон.

Вы меня весьма обязали бы, ответив мне сюда, могу ли я надеяться на ваше содействие. Надеюсь, что вы меня извините за причиняемое беспокойство и прошу вас принять уверение в моем совершенном уважении. В.Набоков (Сири́н)" ³⁷⁰.

Саблин отвечал ему 2 февраля 1937 г.: "Дорогой Владимир Владимирович! С большим удовольствием помогу Вам устроить Ваше второе выступление в Лондоне и предоставляю в Ваше распоряжение мой дом, известный здесь под названием Русского Дома. Мы можем удобно посадить сто человек, а потеснившись — еще человек пятьдесят. Недавно такой вечер у нас устраивала Тэффи и результаты получились хорошие. Вопрос конечно, когда устроить этот вечер. Впрочем публика, бывающая в Обществе Северян и у нас — разная. Хочу Вам дать один практический совет: нет ли у Вас здесь, в Лондоне, кого либо из более или менее состоятельных евреев, которые могли бы заняться, так сказать, пропагандированием Вашего выступления. Наши здешние евреи очень отзывчивый народ и русская литература интересует их гораздо более, чем ею заинтересованы истинно русские люди. У меня среди таких евреев много друзей, но необходимо найти кого-нибудь из них, который взялся бы за организацию всего вечера. Никаких расходов у Вас не будет, за исключением напечатания билетов. Стулья у меня имеются. Переговорю еще со Струве" ³⁷¹.

Набоков отвечал Саблину: "Многоуважаемый Евгений Васильевич, очень благодарю Вас за письмо и за любезнейшую вашу готовность устроить у себя мое выступление. Я собираюсь в Лондон всего на неделю или десять дней: приезжаю 16-го утром и останусь до 23-го или дня на два дольше. Возможно ли было бы устроить чтение в течение этого срока, т.е. в любой вечер, кроме 20-го? Я почти никого в Лондоне не знаю, но сейчас пишу к Мэри Евсеевне Гавронской (4, Eton av. N.W.3) и к Савелию Исааковичу Гринбергу (11 Ashborn Rd, Ealing). Первого из этих лиц я лично не знаю и был бы очень вам обязан, если бы Вы согласились бы с ней снестись. Вообще же я сам ужасно нерасторопен — и все всегда делаю не так! Еще раз примите мою живейшую благодарность и уверение в совершенном моем уважении. В.Набоков" ³⁷².

Устроить приезд Набокова помогали несколько человек, в том числе Г.П.Струве, Е.В.Саблин, А.В.Тыркова и С.Гринберг. Вскоре было отпечатано "Приглашение" на вечер, который должен был состояться в воскресенье 28 февраля в 8.30 вечера. Пришедшим предлагалось прослушать новые произведения Набокова в исполнении автора. Приглашение было подписано Саблиным как хозяином дома. Цена за билеты была установлена высокая: полгиней за место. За билетами к Саблину обращались не только русские эмигранты, но и его высокопоставленные английские знакомые. На вечере не смог присутствовать А.Гальперн, о чем он сообщил Саблину в письме от 24 февраля: "Дорогой Евгений Васильевич, я очень жалею, что не могу быть на чтении В.В.Набокова. Я очень высоко ставлю его дарование, да и независимо от этого мне хотелось бы приветствовать сына покойного Владимира Дмитриевича, к которому я был сердечно привязан. Но я буду отсутствовать из Лондона от пятницы до вторника, так что мне приходится ограничиться присылкой стоимости двух билетов. Искренне Вам преданный Гальперн. P.S. Не откажите передать В.В. мои сожаления" ³⁷³.

16 февраля 1937 г. Набоков приехал в Лондон и остановился у Марка и Татьяны Цетлиных (Kensington Park Road). 20 февраля состоялось его выступле-

ние в Обществе Северян. Вечер вел Г.Струве. Народу собралось немного. Вечер в Русском Доме в воскресенье 28 февраля, несмотря на дорогие билеты, собрал значительно больше народу. Оба вечера дали писателю возможность немного заработать. Приезд его и выступление были отмечены в газете "Русский в Англии"³⁷⁴. Для переговоров о работе Набоков встретился с Г.Струве за ланчем неподалеку от Британского музея. Г.Струве откровенно сказал ему, что получить место в университете чрезвычайно трудно, однако пообещал сделать все, от него зависящее. Набоков оставил у Г.Струве полушутливый текст, в котором рекламировал себя для работодателей. Текст написан по-русски и по-английски, и в том и в другом случае автохарактеристика отличается лаконичностью: "Беден!!! Талантлив!! Гордость эмиграции!! Новое слово!!" Далее следует перечень главных русских произведений Набокова, среди них значатся два романа, переведенные на английский: "Камера обскура" и "Отчаяние", и упомянут новый роман на английском языке.

Набоков надеялся не только восстановить свои контакты в английской академической среде, но и установить новые связи в издательских кругах. Чтобы помочь ему с устройством издания воспоминаний об английском детстве, Г.Струве обратился к одной из своих студенток, которая имела связи в литературных кругах. Это была внучка бывшего русского посла графа А.К.Бенкендорфа, дочь Екатерины Ридли. В семье Ридли был устроен обед, на который были приглашены известные издатели, критики и журналисты. Среди приглашенных были Ленард Вулф, Питер Квенел (Peter Quennell, впоследствии редактор книги о Набокове), Десмонд Маккартни, Л.П.Хартли (L.P.Hartley), а также баронесса Будберг. Набоков читал отрывки из воспоминаний о детских связях с Англией ("A Russian's Early Associations with England"). Хотя некоторые гости попросили оставить им копию рукописи, это чтение не дало практических результатов. Однако труд не пропал зря: воспоминания об "английском детстве" составили четвертую главу мемуарного романа "Speak, Memory": "My English Education" ("Говори, память", гл. 4. "Мое английское воспитание").

В том же феврале 1937 г. вместе с товарищем по Тенишевскому училищу С.Гринбергом Набоков посетил Кембридж и навестил бывших преподавателей. Это посещение не принесло радости: "Вновь посетив Англию после семнадцатилетнего перерыва, я допустил грубую ошибку, а именно отправился в Кембридж не в тихо сияющий майский день, а под ледяным февральским дождем, который всего лишь напомнил мне мою старую тоску по родине"³⁷⁵. Набоков встретился со своим старым приятелем, которого в своих произведениях называет "Несбит" или "Бомстон" и который в реальной жизни звался Рэбом Батлером (Rab A. Butler). За прошедшие годы он сделал политическую карьеру и имел большое влияние в университетских кругах. По всей видимости, Набоков просил его о встрече не только ради воспоминаний молодости. Он ждал от бывшего однокашника помощи в устройстве на работу. Однако и этой его надежде не суждено было сбыться. В тот день сестра Батлера находилась в больнице и ей делали операцию. Как писал Набоков, именно эта "мелочь", это "совершенно постороннее обстоятельство" помешало "серьезному разговору". Он с досадой пишет: "...Как бывает у однодумов, эта побочная забота явно мешала ему хорошенько сосредоточиться на том очень важном и спешном деле, в котором я так надеялся на его совет"³⁷⁶. Здесь Набокова

подвела переоценка собственной значимости и неумение встать на место другого человека. Устройство на работу русского эмигранта явно меньше занимало Батлера, чем здоровье сестры. Набоков заключает в своих мемуарах, что "во всех отношениях визит оказался неудачным"³⁷⁷. На самом деле писателя в этот приезд ждали не только разочарования. Ему удалось получить значительную по тем временам сумму в 45 фунтов стерлингов от издателя Джона Лонга за публикацию на английском языке романа "Отчаяние". Он встречался с актером Фрицем Кортнером, эмигрировавшим из Германии и собиравшимся поставить фильм по его рассказу "Камера obscura".

Вернувшись в Париж в начале марта, Набоков написал благодарственное письмо устроителю вечера Саблиным: "Многоуважаемая Надежда Ивановна и Евгений Васильевич, позвольте от души поблагодарить Вас за все то доброе внимание, которое Вы так очаровательно мне оказали. Чтение у Вас в доме было одно из самых приятных моих experiences в этом роде. Это просто было большое удовольствие. Надеюсь, что Надежда Ивановна чувствует себя теперь вполне хорошо. Целую ее ручку и крепко жму вашу руку, Евгений Васильевич. Искренне ваш В.Набоков"³⁷⁸.

Набоков планировал снова отправиться в Англию в апреле 1937 г. Для того, чтобы поддерживать связи с Лондоном, ему необходимо было оставаться в Париже. Его жена с сыном находились в Берлине. В.Е.Набокова настойчиво уговаривала мужа поехать в Чехословакию, чтобы повидаться с его матерью и показать ей внука, но он писал ей в ответ, что после стольких отчаянных усилий, когда только начали устанавливаться жизненно важные связи с Лондоном и Парижем, невозможно все бросить и устремиться в "дикую Чехословакию", где он будет отрезан от всех источников и возможностей заработка. План поездки в Лондон в конце апреля из Праги представлялся ему "совершенно неосуществимым"³⁷⁹.

В письмах жене этого периода он подробно описывал свои деловые встречи и переговоры. 30 марта он писал ей из Парижа, что встречался со своим другом Н.М.Виленкиным, который в это время жил в Лондоне и пытался издать в Англии его роман "Защита Лужина". На другой день он должен был встретиться с Н.И.Саблиной и женой С.А.Полякова, которых он называл своими литературными патронессами. Они тоже пытались устроить его произведения в английских издательствах. Кроме того, он виделся с М.И.Будберг, которая предлагала свою помощь в переводах его произведений. Это литературное соавторство не осуществилось, так как она не справилась с первым из предложенных им произведений³⁸⁰. 15 апреля Набоков писал жене, что в конце месяца, не раньше 25 апреля, он собирается в Англию, и задерживается только потому, что "книге надо дать созреть", то есть дать время недавно опубликованному роману "Отчаяние" ("Despair") распространиться среди английских читателей³⁸¹. В действительности было еще одно обстоятельство, мешавшее ему воссоединиться с семьей: в это время достиг кульминации его роман с Ириной Гваданини, едва не разрушивший его семейную жизнь. Вторая поездка в Англию в 1937 г. не состоялась, Набоковы переехали из Берлина в Париж, где оставались до 1940 г.

Хотя Набоков считал свой февральский визит в Англию неудачным, он дал ему богатый литературный материал: у него оформился замысел нового романа, а его наблюдения над английскими "типами" — в лице Батлера — получили историчес-

кую перспективу. Характер английского социалиста, — “бунтаря”, который со временем мирно превращается в консерватора, детально очерчен в мемуарном романе “Другие берега”. Автор рассказывает, как 15 лет спустя после окончания университета он встретил в Кембридже своего старого друга и оппонента Бомстона. За прошедшие годы Бомстон успел сделать блестящую карьеру, при этом его радикальные политические взгляды заметно изменились, изменилось и отношение к русскому вопросу. Его превращение из социалиста в консерватора отразилось даже в его внешности. “Бомстон бросил курить. Его черты смягчились, его мысли полиняли. <...> Разговор разваливался, и Бомстон уцепился за политику. Дело было уже в конце тридцатых годов, и бывшие попутчики из эстетов теперь поносили Сталина (перед которым впрочем им еще предстояло умилиться в пору Второй мировой войны). В свое время, в начале двадцатых годов, Бомстон, по невежеству своему, принимал собственный восторженный идеализм за нечто романтическое и гуманное в мерзостном ленинском режиме. Теперь, в не менее мерзостное царствование Сталина, он опять ошибался, ибо принимал количественное расширение своих знаний за какую-то качественную перемену к худшему в эволюции советской власти. Гром “чисток”, который ударил в “старых большевиков”, героев его юности, потряс Бомстона до глубины души, чего в молодости, во дни Ленина, не могли сделать с ним никакие стоны из Соловков и с Лубянки. С ужасом и отвращением он теперь произносил имена Ежова и Ягоды, но совершенно не помнил их предшественников, Урицкого и Дзержинского. Между тем как время исправило его взгляд на текущие советские дела, ему не приходило в голову пересмотреть и может быть осудить восторженные и невежественные предубеждения его юности...”³⁸² В английском варианте мемуаров в портрете Батлера есть любопытная деталь, опущенная в русском тексте: “Время смягчило его черты и он уже не так походил на Горького, или на переводчика Горького, а скорее напоминал Ибсена, если не обращать внимания на обезьянью растительность”³⁸³. Визит в Кембридж разбудил “прустовские” ощущения, которым писатель так любил предаваться. Кембриджскую главу мемуарного романа “Другие берега” (в английской редакции глава называется “Cambridge Revisited”) завершает эффектное повторение эпизода, с которого начались студенческие годы Набокова. Навещая своего бывшего наставника Гаррисона, он, как и тогда, наступил на поднос с чайными принадлежностями, по английскому обычаю стоявший на полу у кресла. Это небольшое происшествие вернуло его самого и его наставника в давние времена его студенчества.

Кембридж стал местом действия первого значительного произведения Набокова, написанного на английском языке: “The Real Life of Sebastian Knight” (“Подлинная жизнь Себастьяна Найта”) ³⁸⁴. Роман стал поворотным моментом в писательской биографии Набокова: с него начался англоязычный период его творчества. По существу, это роман-воспоминание о собственной юности, проведенной в Кембридже. Речь в нем в основном идет о студенческих годах героя. Однако воспоминания об этом времени воссозданы по свежим впечатлениям более поздней поездки. Об этом говорит уже то, что в романе рассказчик приезжает в Кембридж “мрачным февральским днем” — именно таким был день его приезда в Кембридж в феврале 1937 г. Романом “Подлинная жизнь Себастьяна Найта” Набоков стремился лишить будущих биографов возможности создания его “беллетризованной”

или "романизированной" биографии. Автор идет по следам своего героя, но в действительности — по своим собственным следам. Время от времени автор высмеивает приемы биографического жанра, создавая по своей прихоти свой собственный коллаж из фактов, ощущений, испытанных в действительности и воображаемых. Предвосхищая старания своих биографов и исследователей, Набоков предостерегает их: "Помни, что все, что тебе говорится, по сути, тройственно: истолковано рассказчиком, перетолковано слушателем, утаено от обоих покойным героем рассказа. <...> А где же арбитр? Мирно истлевают на кладбище Сен-Дамье. Живет, посмеиваясь, в пяти своих томах"³⁸⁵. Как биографические подробности, так и детали мироощущения стирают грань между автором и его героем. Небольшие расхождения делают Себастьяна еще более похожим на своего создателя, потому что в этих расхождениях воплощены мечты Набокова о самом себе.

Как и автор, его герой после революции эмигрирует в Европу, а в 1919 г. уезжает в Англию. В Лондоне он живет там же, где жили Набоковы — в Южном Кенсингтоне, только название улицы "Elm Park Gardens" ("Вязовая (ильмовая) аллея") превращается в "Oak Park Gardens" ("Дубовая аллея"). В Кембридже студент Себастьян ходит по тем же улицам, что и студент Набоков. За совпадением биографических подробностей и внешних, чувственных ощущений, которые писатель передал своему персонажу, следуют совпадения более глубинные. Себастьян, как сам Набоков, почувствовал в Англии, как "прорастают у него крылья", как слова и вымыслы становятся его подлинной жизнью и судьбой. Кембридж играет в жизни героя такую же "формообразующую" роль, какую он сыграл в жизни и творчестве молодого Набокова.

От имени Себастьяна Найта Набоков безыскусно предается ностальгическим воспоминаниям о безмятежном студенческом времени. В конце четвертой главы романа писатель любовно разбирает библиотеку Себастьяна — в действительности свою кембриджскую библиотеку: в ней его детское чтение, сказки и средневековые романы, "La Mort d'Arthur" Т.Мэлори, "Гамлет" и "Король Лир" Шекспира, "Доктор Джекилл и мистер Хайд" Р.Л.Стивенсона, "Человек-невидимка" Г.Уэллса, "Алиса в стране чудес" Льюиса Кэрролла, "Улисс" Дж.Джойса. Просмотр книг превращается в шараду, в которой словесные ребусы сплетаются с шахматными³⁸⁶. Но вот он переходит к творчеству Себастьяна Найта. "Люблю ли я его книги?" — спрашивает он сам себя. "О, чрезвычайно", — отвечает он. Полтора десятилетия спустя в своих английских мемуарах "Говори, память" он даст себе волю поговорить о "лучшем писателе русской эмиграции Сирине". Этот пассаж будет обращен к неискушенному американскому читателю, не имевшему понятия, о ком идет речь.

В феврале 1939 г. Набоков в очередной раз обратился к М.И.Ростовцеву, на этот раз с просьбой дать ему рекомендацию для получения места в каком-либо из американских университетов. "Мне необходимо, — писал он, — представить testimonial какого-нибудь выдающегося ученого с мировым именем, рекомендация которого выбила бы искру в башке всякого ректора — будь он самый захолаустный"³⁸⁷. С той же просьбой Набоков обратился к И.А.Бунину и Н.А.Бердяеву. В 1940 г., незадолго до нацистской оккупации Парижа, писатель перевез свою семью в Америку, не имея определенных видов на будущее. В Америке им помогали устроиться М.И.Ростовцев и Г.В.Вернадский. Первое время Набоков с семьей жил в штате Мэн, у родственников, по соседству с Эдмундом Уилсоном, американским

критиком, с которым его связали долгие годы дружбы и переписки. В Америке жил также двоюродный брат В.В.Набокова композитор Николай Набоков.

В скором времени его цель — найти место в англоязычном мире — была достигнута. В 1941 г. в Америке был опубликован его роман "The Real Life of Sebastian Knight". С этих пор он писал в основном по-английски. В Америке были созданы романы: "Bend Sinister" ("Под знаком незаконнорожденных", 1947), "Lolita" (1955), "Invitation of a Small Creature" (1957) и другие произведения. По-английски он написал воспоминания "Conclusive Evidence" (1947). Он занимался также переводами русской классики на английский, перевел "Песнь о Вещем Олеге" и "Героя нашего времени" Лермонтова, издал в переводе с комментариями роман Пушкина "Евгений Онегин", написал по-английски исследование творчества Гоголя, опубликовал лекции о русской литературе, которые он прочел в американских университетах.

В интервью, которое Набоков дал в 1954 г., он сказал: "Я всегда считал, еще в те времена, когда учился в гимназии, что национальность писателя не имеет серьезного значения". Аргументируя это заявление, он сравнивает писателя с бабочкой, происхождение и вид которой специалист может определить по окраске, не глядя на табличку с указанием, где она была поймана. И тем не менее Набоков здесь же счел нужным внести уточнение: "Сегодня я считаю себя американским писателем, который когда-то был русским"³⁸⁸. В течение почти двух десятилетий Набоков жил в Америке, испытывая благодарность по отношению к стране, которая не только приняла его как своего гражданина, но и дала ему все, что он искал: признание, славу, устойчивое благополучие. Столь равнодушный прежде ко всяким символам гражданственности, космополит, он теперь гордился своим американским гражданством: в одном из интервью он говорит, что испытывает гордость, когда на европейских таможенных ему приходится показывать свой зеленый американский паспорт. Как тут не вспомнить "краснокожую паспортину" Маяковского.

Англия всегда оставалась для него притягательной, как страна его детства, студенческой юности и как страна, где у него был читатель. В 1959 г. в Англии должна была выйти в лондонском издательстве "Weidenfeld & Nicolson" его шумевшая в Америке и Европе "Лолита". Издание знаменовало собой начало действия нового английского закона о цензуре. В качестве рекламной кампании издатель решил организовать визит писателя в Кембридж с чтением лекций в университете. Наиболее действенным рекламным средством должно было стать выступление Набокова по британскому телевидению. Его пригласили на серьезную литературную программу, которую вел А.Прайс-Джоунз (Alan Price-Jones). Еще одно интервью, 5 ноября 1959 г., он дал Д.Холмсу на Би-Би-Си. Издание романа сопровождалось дискуссиями в печати.

Во время визита в Англию в 1959 г. Набоков сообщил много важных сведений о своем двуязычном сознании. "Мой английский, этот второй инструмент, которым я всегда, казалось бы, владел, был на самом деле негибким и искусственным; его, конечно, было достаточно для описания заката или какого-нибудь насекомого, но бедность его синтаксиса и его домашняя упрощенность становилась очевидной, когда мне необходимо было пройти кратчайшим путем от склада слов к магазину произведения. Старый "Роллс-Ройс" не всегда предпочтительнее простого "Джипа"..."³⁸⁹. О проблемах перехода на английский язык, он говорил, отвечая на вопросы корреспондента по

поводу издания "Лолиты". Здесь приводятся в переводе отрывки из рукописи, хранящейся в нью-йоркском архиве В.Набокова.

"В.Н<абоков>.: Английский был в моде в русской семье, в которой я родился. У нас были английские няни, английские гувернантки, английские учителя. Первые книги, которые мне читали вслух, были английские. Утром мисс Sheldon читала мне "Little Lord Fauntleroy", вечером швейцарская гувернантка читала мне "Les Misérables" <"Отверженные" В.Гюго>. И конечно я помню все картинки в "Chums" или "The Boy's own paper" <"Мальчишеская газета">, а позднее я начал осваивать отцовскую библиотеку, в которой было множество английских и французских книг, и я читал, читал и читал.

Корр.: Но отсюда еще далеко до выработки английского стиля, необходимого для написания романа.

В.Н.: Да, несомненно, но так как я хорошо знаю и тот и другой язык — ведь я начал писать по-английски, я решился — а это потребовало решимости — в 1938-39 году писать роман о Себастьяне Найте прямо по-английски, но до этого я перевел на английский один-два своих рассказа" ³⁹⁰.

Переход на английский язык дался Набокову болезненно, несмотря на его двуязычие и студенчество в Кембридже. В то время, как другие его соотечественники легко переходили на английский, французский, немецкий языки в своей преподавательской и научной работе, ему, писателю, этот переход стоил больших жертв. Набоков объяснял, что это были за жертвы, в написанном в 1954 г. предисловии к русскому изданию воспоминаний "Другие берега": "Совершенно владея с младенчества и английским и французским, я перешел бы для нужд сочинительства с русского на иностранный язык без труда, будь я, скажем, Джозеф Конрад, который, до того, как начал писать по-английски, никакого следа в родной (польской) литературе не оставил, и на избранном языке (английском) искусно пользовался готовыми формулами. Когда, в 1940 году [в действительности в 1937-38], я решил перейти на английский язык, моя беда заключалась в том, что перед тем, в течение пятнадцати с лишком лет, я писал по-русски и за эти годы наложил собственный отпечаток на свое орудие, на своего посредника. Переходя на другой язык, я отказывался таким образом не от языка Аввакума, Пушкина, Толстого — или Иванова, няни, русской публицистики — словом, не от общего языка, а от индивидуального, кровного наречия. Долголетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами, — и чудовищные трудности предстоявшего перевоплощения, и ужас расставания с живым, ручным существом ввергли меня сначала в состояние, о котором нет надобности распространяться; скажу только, что ни один стоящий на определенном уровне писатель его не испытывал до меня" ³⁹¹.

В ноябре 1956 г. он писал в послесловии к американскому изданию "Лолиты": "Личная моя трагедия — которая не может и не должна кого-либо касаться — это то, что мне пришлось отказаться от природной речи, от моего ничем не стесненного, богатого, бесконечно послушного мне русского слога ради второстепенного сорта английского языка, лишенного в моем случае всей той аппаратуры — каверзного зеркала, черно-бархатного задника, подразумеваемых ассоциаций и традиций, — которыми туземный фокусник с развевающимися фалдами может так волшебным воспользоваться, чтобы преодолеть по-своему наследие отцов" ³⁹².

В американский период Набоков не отказался полностью от русского языка. На вопрос, на каком языке он говорит и думает, Набоков ответил: "Говорю я по-русски: я говорю по-русски дома, с женой, с сыном. Обо всех домашних вещах гораздо легче говорить по-русски — по крайней мере мне так кажется — легче, чем по-английски. Но что касается других предметов, то я не могу сказать, думаю ли я по-английски или по-русски, так как в основном я думаю образами" ³⁹³. На новом этапе своего творчества он столкнулся с не менее мучительной проблемой перевода своих английских произведений на русский язык. В 1950-х гг. он взялся за перевод на русский своих воспоминаний, написанных первоначально по-английски ("Conclusive Evidence"). Промучавшись над поиском несуществующих слов, он пришел к выводу, что "точный перевод на русский язык был бы карикатурой Мнемозины" ³⁹⁴. Перевод по существу вылился в переписывание мемуаров наново, в результате чего они вышли значительно переработанными и под новым названием: "Другие берега". "Удержав общий узор, я изменил и дополнил многое", — сообщал писатель.

Еще более сложной оказалась задача перевода на русский "Лолиты". В ноябре 1965 г. он писал в постскрипуме к русскому изданию: "Меня только мутит ныне от дребезжания моих ржавых русских струн. История этого перевода — история разочарования. Увы, тот "дивный русский язык", который, сдавалось мне, все ждет меня где-то, цветет, как верная весна за наглухо запертыми воротами, от которых столько лет хранился у меня ключ, оказался несуществующим, и за воротами нет ничего, кроме обугленных пней и осенней безнадежной дали, а ключ в руке скорее похож на отмычку" ³⁹⁵.

О своей двуязычности он говорил: "Я думаю, <русский и английский> языки являются самыми богатыми в мире. Возможно, именно русский порождает у меня некоторые новые английские формы — и наоборот. На мой русский всегда оказывало влияние мое знание английского, даже в прежние времена. Таким образом, существует некое переплетение и связь между двумя языками, между этими двумя сокровищницами" ³⁹⁶.

После успеха "Лолиты" в Америке, принесшей ему не только огромную популярность, но и большие деньги, Набоков переехал в Швейцарию, сохраняя американское гражданство. В Европе он продолжал писать по-английски: в этот период им созданы романы "Pale Fire" ("Бледный огонь", 1962), "Ada, or Ardor: a Family Chronicle" (1969), "Transparent Things" ("Прозрачные предметы", 1972) "Look at the Harlequins!" ("Посмотри на арлекинов!", 1974). В европейский период были переведены на английский под наблюдением автора все русские романы Набокова ³⁹⁷. Писатель подготовил новый переработанный вариант воспоминаний, опубликованный под названием "Speak, Memory" ("Говори, память", 1966, 1967).

В решимости Набокова отказаться от русского языка в свое время главную роль сыграла литературная ситуация, точнее ее оценка самим писателем. В отличие от многих писателей эмиграции, он считал, что возврата в Россию не будет. Для него ясно было и то, что России, из которой он уехал, больше нет. Она ушла в историю, подобно другим великим цивилизациям. Признав это, он должен был совершить переход в еще существовавшую цивилизацию, западную, европейско-американскую. Отказ от собственного, годами вырабатывавшегося, авторского литературного языка, представлялся ему катастрофой. Но катастрофа, как ему виделось, грозила и тем писа-

телям в эмиграции, которые не были способны отказаться от родного языка. Набоков высказал это ощущение в 1928 г. в поэме "Разговор". В беседе с Критиком и Издателем Писатель говорит:

Года идут. Язык, мне данный,
скудеет, жара не храня,
вдали живительной стихии.
Слова, как берега России,
в туман уходят от меня ³⁹⁸.

Здесь Набоков говорит не только о себе, и пожалуй вообще не о себе, так как в неоскудении своего жара всегда был уверен, — а о писателях-изгнанниках, оказавшихся в безвыходной творческой ситуации:

Бормочет где-то русский гений
на иностранном чердаке.

Итог "Разговора" заключается в том, что мир изменился, традиции устарели. Как анахронизм воспринимается даже, казалось, бессмертный "искусно-разговорный ямб". Устаревание, а значит гибель русского языка в эмиграции была для Набокова символом, симптомом гибели России, со всей ее историей и культурой. Новая Россия была для него чужой страной, где ничто из того, что ему было дорого, не сохранилось. Вместе с Арчибалдом Муном, специалистом по древностям из романа "Подвиг", Набоков "усматривал в октябрьском перевороте некий отчетливый конец", он был согласен, что "Россия завершена и неповторима, — что ее можно взять, как прекрасную амфору, и поставить под стекло". Любые попытки сохранить прежнюю Россию и работать для нее отдавали для него музейной деятельностью.

В рассказе "Посещение музея" (1938) "завершенная" Россия превращается в музейный экспонат, а реальную современную Россию символизирует засыпанная снегом вывеска, гласящая: "...инка сапог" с затертым твердым знаком на конце ³⁹⁹. Бродя по музею, его герой попадает в гардероб, перегруженный черными пальто и каракулевыми шубами. Он слышит, как за стеной гремят аплодисменты, с любопытством открывает дверь в зал — но за дверью нет ни сцены, ни зала: перед ним "мягкая муть, туман, превосходно подделанный, с совершенно убедительными пятнами расплывающихся фонарей. Более, чем убедительными!" ⁴⁰⁰ Это напоминает зарисовку из "Апокалипсиса нашего времени" В.В.Розанова, с дантовским названием "La Divina comedia" ⁴⁰¹. Герой рассказа "Посещение музея" находится на грани сна и реальности, он хотел бы проснуться, но не получается. Оказывается, что сон — это явь: "Увы! это была не Россия моей памяти, а всамделишная, сегодняшняя, заказанная мне, безнадежно рабская и безнадежно родная". Возможно, это все-таки сон, но это не меняет дела: этот сон заставляет колотиться сердце рассказчика от предчувствий и страха. Такой сон способен разрушить хрупкую жизнь художника, для которого граница между реальностью и воображением не существует.

Отношение к России, как к экспонату, который он поместил в своем частном музее, Набоков перенес на литературу: все настоящие русские писатели, считал он, покинули Россию, остались только те, кто был "куплен новым режимом". Так, однозначно, без оттенков он классифицировал своих собратьев по перу, оставшихся

на родине. Ахматова была для него деталью “завершенной” России, со своей поэзией декадентского периода, которую он пародирует в одном из своих рассказов. Замятин его не интересовал. О своих советских современниках, которых ему довелось читать, он писал: “Мне их убожество знакомо...”⁴⁰² В культурном смысле зарубежная Россия представлялась ему осколком музейной амфоры, которую можно было “поставить под стекло”. Спасение для него было в переходе в еще живую литературную цивилизацию Запада.

Разочарование в русской культуре, сохранявшейся в эмиграции, для Набокова оказалось взаимным: русское зарубежье разочаровалось в нем. Поначалу критики эмиграции восторгалась Набоковым, видели в нем “оправдание своего существования”, как писала Н.Н.Берберова. Восторги со временем сменились сомнением и трезвым анализом. З.Н.Гиппиус писала, что Набоков — талант, которому “нечего сказать”. Г.Иванов отметил в нем черты “хлесткого пошляка-журналиста, “владеющего пером”, который “сыплет дешевыми афоризмами и бесконечно доволен”. Б.К.Зайцев заметил, что у него “нет Бога, а может быть и дьявола”. В.Варшавский писал, что у него “все чрезвычайно сочно и красочно и как-то жирно”, но за этим — “плоская пустота”. О внутренней опустошенности автора писал Ю.Терапиано. Среди противоречивых отзывов Г.Адамовича можно встретить и восторженные характеристики стиля, и наблюдение, что Набоков “сам себя питает, сам в себя обращен”. Многие критики, начиная с Г.Струве и В.Ходасевича, сравнивали его с фокусником, который, сначала поражает зрителя чудесами, а потом показывает ему свою лабораторию. Г.Струве, поначалу восторженно принявший появление Сирина на небосклоне русской литературы, в более поздних работах более критично оценил его талант. В своей итоговой книге о русской литературе в изгнании Г.Струве пишет: “В его романах нет живых людей, он их не видит”; “во всех персонажах его позднейших романов и рассказов есть что-то ущербное, что-то от моральных уродов и недоносков”⁴⁰³. Критик резко отозвался об автобиографии Набокова “Другие берега”: “Здесь, как только Набоков пробует выйти в область человеческих чувств, он впадает в совершенно нестерпимую слащавую сентиментальность. Кроме того, здесь, в рассказе о невыдуманной, действительной жизни на фоне трагического периода русской истории с полной силой сказался феноменальный эгоцентризм Набокова, временами граничащий с дурным вкусом, как часто граничит с дурным вкусом его пристрастие к каламбурам”⁴⁰⁴.

Набоков сам набросал для будущих исследователей множество разнообразных метафор для сравнения и определения его творчества. Одним из главных является относимое им к Гоголю суждение о том, что его творчество — это феномен языка, а не идей. В согласии с этим, исследователи сделали меткое заключение, что главными героями его произведений являются художественные приемы. Набоков не признавал никаких сопоставлений своего творчества с произведениями других авторов, не верил ни в какие влияния. Он был раздражен высказанным Г.Адамовичем предположением о родстве “Приглашения на казнь” с “Процессом” Кафки. Раздражение это понятно, так как родство слишком очевидно. С творчеством Замyatина исследователи небезосновательно связывают набоковские утопии “Bend Sinister” и “Приглашение на казнь”. Но на вопрос корреспондента о романе “Мы” Набоков отмахнулся: его подобные вещи не занимали. О Дж.Джойсе он сказал, что

первый раз услышал об "Улиссе" в 1920 г., в Кембридже, но писатель не произвел на него впечатления ⁴⁰⁵. Чтобы отвести всякие подозрения в подверженности "влияниям", Набоков порой утверждал, что не читал произведений своих современников и даже предшественников, и что он вообще почти не общался с писателями. Чтобы не возвращаться к вопросу о "влияниях", в мемуарах он перечислил все свои литературные знакомства: "Больше всего писателей за свою жизнь я встречал в Берлине и Париже в среде русской эмиграции. С американскими писателями у меня по существу не было никаких контактов. В Англии я однажды встречался за завтраком с Грэмом Грином, обедал с Джойсом, пил чай с Роб-Грийе". В одиночестве, оторванности от литературной среды он видел неперемное условие творческой свободы, позволявшей ему делать художественные открытия ⁴⁰⁶, но в отрыве от литературной среды он не замечал, что его открытия оказывались запоздавшими, а потому и воспринимались как подражательные.

А.В. Чаянов

В июле 1922 г. в научную командировку в Англию приехал Александр Васильевич Чаянов (1888-1937). В письме к А.С.Яценко от 20 июля 1922 г. он сообщает: "После мытарств мы только что обосновались в Англии и думаю, что вскоре исполню мною Вам данные обещания"⁴⁰⁷. Чаянов с женой Ольгой Эммануиловной поселился в городе Тонбридж в графстве Кент, изредка они выезжали в Лондон. Судя по его письмам, А.В.Чаянов был в это время оторван от событий в России и от общения с русскими коллегами. Его друзья и знакомые, по всей видимости, тоже мало знали о нем и строили всевозможные догадки. В письме от 12 августа 1922 г. он пишет Е.Д.Кусковой в Прагу: "Ваше письмо получил и очень благодарю Вас за него, хотя не скрою, что первые строки его "о моем высоком коммунистическом назначении" меня раздосадовали изрядно и я боюсь, что очередной московской сплетней будет слух о моем тесном сближении с Бурцевым или Черновым... Отвечать по существу на Ваше письмо мне очень трудно, так как я не располагаю и сотой долей той богатой информации, которой пользуетесь Вы... Из Москвы получаю только родственные письма, из которых заключаю, что люди живут пестро: и хорошо и очень плохо, и что в Северной России снова неплохой урожай и снова плохо на юге... О чем-либо более глубоком никаких представлений не имею, так как даже английские газеты читаю не каждый день"⁴⁰⁸.

А.В.Чаянов приветствовал намерение Е.Д.Кусковой издавать в эмиграции постоянную русскую газету: "Если я правильно понимаю Вашу задачу, как задаче — содействовать прекращению гражданской распри и превратить русскую проблему из проблемы борьбы за власть в проблему спасения и возрождения родины всеми живыми силами ее, в том числе и коммунистическими, поскольку они содержат в себе живое творческое начало, — то в случае успешности ее разрешения, за Вами будет исключительная историческая заслуга, и в сущности говоря, кроме Вас вряд ли кто мог бы за такое дело взяться, ибо Вас никто не может упрекнуть в партийности, и та позиция, которую Вы занимаете сейчас, — в сущности та же, как и в эпоху 1917 года, если судить по Вашей прекрасной речи в предпарламенте. Если Вам интересен мой взгляд на желательный характер Вашей газеты, то я мог бы формулировать его,

сказав, что газету эту следует вести так, как *Вы бы вели ее сейчас в сегодняшней Москве, будь там свобода печати*. Вполне с Вами согласен, что такого рода орган пользовался бы исключительным весом и авторитетом, особенно среди теперешней заграничной печати, которая не перестает петь "Интернационал навыворот":

Мы весь Советский мир разрушим

до основания и затем, мы свой... и т.д.

и печатать, как это иногда делают даже "Последние новости", во всеобщее сведение военные тайны хотя и Красной, но все-таки русской национальной армии".

О своих планах Чаянов сообщает: "Мои ближайшие планы, на год по крайней мере, исключительно научного характера: хочется подвести научный базис под основные устои своих социальных верований. Конкретно — удалось вчерне уже закончить три больших главы "Крестьянского хозяйства", сейчас работаю над четвертой и около десяти еще впереди. Очень остро чувствуется недостаток в русских книгах, и я с большим нетерпением жду появления в свет последней работы Сергея Николаевича [Прокоповича] о крестьянских бюджетах, о чем пишу ему особо. В Лондоне бываю редко и свято придерживаюсь Вашего совета не отказываться ни от одного разговора, который просят, но не лезть самому. Сообразно чему имел длинную беседу с Брайкевичем⁴⁰⁹ и Бурьшкиным, причем с первым разошелся по всем пунктам. Вот и все! Очень рад буду повидать Вас в Лондоне. Жизнь здесь спокойная и очень тихая".

В 1922 г. Е.Д.Кускова и С.Н.Прокопович побывали в Англии и возможно виделись с Чаяновым. Е.Д.Кускова выступала с лекциями в Лондоне и Бирмингеме и имела успех, о чем свидетельствует письмо А.В.Тырковой, которая слышала о ее выступлениях от знакомых. 12 октября А.В.Тыркова ей писала: "Слышала, что в Лондонской колонии Вы произвели большое впечатление. Этого и ждала. Очень, очень досадно, что сама не видала и не слыхала Вас"⁴¹⁰. В следующем письме она продолжает эту тему: "Лучше всего Вас понял Петр Бернгардович [Струве], а Милоков высказывает полное удовлетворение, что они все время говорили то же, что Вы. Но ведь они полярны!"⁴¹¹

В недатированном письме к Е.Д.Кусковой А.В.Чаянов сообщает о недомоганиях жены, связанных с ожиданием ребенка, и делится своими соображениями о необходимости отъезда из Англии: "Дорогая Екатерина Дмитриевна! Дела у нас не важны. Люсика уже неделю пластом лежит в кровати: болит голова и тошнит. Доктор пока еще не осмотрел вплотную в смысле появления маленького, но думает, что все эти болезни именно на этой почве. Хорошо было бы, если это так, а то просто руки опускаются с ее здоровьем. Я что-то тоже начинаю расклеиваться. При первой возможности покинем Туманный Альбион и думаем перебраться в Италию, по пути заехать в Берлин, где анализировать ее с медицинской точки зрения основательно и всесторонне. Аппендицит резать, очевидно, нужно будет тоже у немцев, ибо публика делать сего в Англии не советует, да и стоит это удовольствие здесь около 150 фунтов.

Поскольку позволяет здоровье, я продолжаю работать над крестьянским хозяйством и благодаря любезности моих московских друзей на днях получил из Москвы почти все недостававшие мне книги. Единственно, что мне нехватает, это корреляционных коэффициентов из работы С.Н.[Прокоповича], но выход его книги очевид-

но откладывается надолго. Очень был бы я Вам благодарен, если бы Вы сообщили мне, какова в конце концов оказалась участь А.А.Рабинкова и Н.Д.Кондратьева, а также, где обосновались за границей Осоргины, Матвеев, Любимов и Сикорский. Меня особенно интересует М.А.[Осоргин] ⁴¹². Я уже более недели отрезан от всего света и кроме газетного материала ничего не знаю о том, что происходит. Письма же из Москвы и даже из Берлина оканчиваются лаконично на самом интересном месте словами "об этом подробно расскажу Вам при личном свидании". Цензура не только русская, но даже и английская стала строга до черта. И например письма ко мне из Парижа приходят в открытом распечатанном виде".

Следующее сохранившееся в этом архиве письмо А.В.Чаянова пришло из Гейдельберга 3 мая 1923 г.

"Дорогая Екатерина Дмитриевна! Прежде всего огромное спасибо за маму... Чем ближе становится момент появления на свет нашего чада, тем беспомощней я себя чувствую, и тем более важным становится мамин приезд. Благодаря Вашей исключительной доброте и хлопотам, я думаю удастся наладить мамин приезд еще до появления младенца, в чем я уже начал сомневаться... Еще раз большое спасибо за Вашу доброту и отзывчивость. Мамин адрес: Москва, Поварская, Хлебный переулок 9, кв. 4 (Елена Константиновна Чаянова, урожд. Клепикова, родилась 4 марта 1863 года в Вятской губернии). Мы медленно, но основательно акклиматизируемся и уже во всех актах зачислены как гейдельбергские жители. Еще раз большое, большое спасибо.

А.Чаянов".

В приписке к письму он сообщает: "Утопию высылаю, псевдоним Кремнев, не очень раскрывайте!" ⁴¹³ Вместе с письмом он выслал Е.Д.Кусковой свою повесть "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии", опубликованную в 1920 г. под псевдонимом Ив.Кремнев.

"Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии", как и большинство утопических произведений, в большей мере напоминает трактат или эссе, чем роман, хотя в повествование включены романтические сюжеты. Время действия повести — роковой 1984 год, как и в романе Дж.Оруэлла, написанном почти три десятилетия спустя. Сюжет основан на известном приеме: "спящий пробуждается". Герой повести Иван Кремнев засыпает в 1924 г. и просыпается 60 лет спустя. Проснувшись, он видит вокруг незнакомых, но доброжелательных людей и постепенно с их помощью знакомится с новой жизнью. Он выясняет, что за прошедшие годы совершенно изменилась карта Земли: разразилась мировая война и мир разделился на пять "замкнутых народнохозяйственных систем": немецкую, англо-французскую, американо-австралийскую, японо-китайскую и русскую. В каждой системе произошли глубокие социальные сдвиги: "В Англо-Франции весьма скоро олигархия советских служащих выродилась в капиталистический режим..." Россия же, "свято храня советский строй, не могла до конца национализировать земледелие". Россия 1984 года по-прежнему занимает территорию Европы и Азии. В стране удалось осуществить многие, но далеко не все большевистские идеи. Крестьянская масса "туго поддавалась коммунизации", рабочие часто становились орудием в руках борьбы за власть двух партий, одна из партий пыталась ввести в государственную систему методы "евгеники". Здесь очевидна перекличка с романом

Е.Замятина "Мы", созданным в это же время. Замятин, как уже говорилось, отметил, что в те годы эти идеи носились в воздухе. Но в отличие от замятинской, утопия Чаянова представляет позитивную картину социально-экономического развития.

В крестьянской утопии Чаянова уничтожены большие города: люди расселены по "поясам", идущим от культурных центров. При этом отказе от городов, как центров, новым правителям России удалось решить культурно-социальные задачи: вся территория крестьянской России "охвачена" распространением искусства. Значительные территории принадлежат "Братству святого Флора и Лавра" — это "светский монастырь", члены которого занимаются как творчеством, так и его изучением. "Братство" владеет десятками имений, разбросанных по России и Азии. Мыслители утопии подчинили существование государства задаче культурного развития личности: "Всегда нашим конечным критерием являлось углубление содержания человеческой жизни, интегральная человеческая личность. Все остальное было средством." Общество и государство, подчеркивает рассказчик, — "только средства". Жизнь и быт в крестьянской утопии пронизаны творчеством, причем оно не ограничивается народным, коллективным, или дилетантским творчеством. Это индивидуальная и высоко профессиональная деятельность. Всеобщим достоянием в утопии стало не массовое, упрощенное, а подлинное искусство, не набор общеизвестных шедевров, а вся сокровищница мирового искусства. Социальный прогресс в утопии заключается в расширении круга лиц, "пьющих из первоисточника культуры и жизни".

В культуре и социальной организации утопии сохраняются традиции, существовавшие в дореволюционной России: возрождены уезды и волости с их культурными центрами, где находятся театры и музеи, народные университеты, церкви, спортивные сооружения. В повести показана Москва 1984 г.: Румянцевская библиотека разрослась и занимает целый квартал, от Манежа до Знаменки, выходя своими фасадами к Александровскому саду. В залах музея представлено мировое и русское искусство. В образование молодежи введен закон об "обязательном путешествии" (с целью познания своего отечества) и военно-трудовая повинность. Наука посвящена изучению человеческой жизни и возможностей человека: "Теперь мы знаем морфологию и динамику человеческой жизни, знаем, как можно развить у человека все заложенные в него силы" ⁴¹⁴. Здесь утопия А.В.Чаянова заставляет вспомнить искания антропософов. Одной из главных профессий в крестьянском государстве Чаянова является искусствоведение (надо отметить, что искусствоведом была жена Чаянова и он сам был глубоким знатоком искусства). Искусство служит средством воспитания и исправления дурных сторон в природе человека. Реформаторы утопии признают, что человеческая природа меняется медленно, и даже в благополучном обществе всеобщего достатка сохраняются некоторые "дикарские страсти", такие как воля к власти, желание устроить себе "наиболее полную и содержательную жизнь" за счет других. Искусство, благотворное влияние шедевров прошлого, а также собственное созидательное творчество — помогают жителям утопии избавиться от атавистических инстинктов.

Хотя жизнь в крестьянской утопии, на первый взгляд, представляется пасторальной идиллией, оказывается, что в этом раю постоянно ведется война, меняются только союзники и противники. Здесь Чаянов предвещает один из мотивов романа Дж.Оруэлла. У Чаянова, однако, ведется война нового, "гуманного" типа, главное

оружие в ней — средства метеорологии: специалисты организуют бураны и другие стихийные явления, не позволяющие авиации и пехоте противника продвигаться вглубь страны; война прекращается в течение нескольких дней.

А.В.Чаянов стремился соединить в своей утопии лучшие черты европейского и русского уклада жизни. В повести присутствуют некоторые черты, характерные для Англии: города разделены на "пояса", наподобие транспортных поясов Лондона: по экономическому и культурному уровню город мало отличается от "провинции", регионы не уступают один другому по уровню жизни. Автор, видимо, почерпнул эти детали из поездок в европейские страны. В дополнениях к книге автор упоминает реалии английской жизни, скажем, Кембриджский университет. Кроме этого в тексте повести Чаянов указывает на английских литературных предшественников в жанре утопии. Среди них: "Старый Морис, добродетельный Томас, Беллами, Блечфорт"... То есть Уильям Моррис, Томас Мор, американский утопист Эдуард Беллами, английский социалист Роберт Блечфорт.

Подобно роману "Мы" Замятина, утопия Чаянова является сатирой на современность — в первых двух главах повести откровенно пародируются некоторые характерные черты нового социалистического строя, в гротескном виде представлена тенденция к беспредельному коллективизму, отказу от приватности, частной собственности, семейной жизни. В следующих, собственно утопических главах повести современности противопоставлен гуманный вариант социализма, напоминающий построения основоположника английского социализма Р.Оуэна. Автор не называет его в качестве своего предшественника, но переключки очевидны. Чаянов не раз упомянул — как создателей социально-экономических учений — своих современников: Е.Д.Кускову, П.Н.Милюкова, П.И.Новгородцева, а также вспомнил "дивную анархию князя Петра Алексеевича [Кропоткина]". В отличие от романа "Мы" Замятина, повесть Чаянова, несмотря на элементы социальной сатиры, является утопией с положительным знаком, идеальной моделью государства, в котором гармонично соединяются лучшие традиции прошлого и достижения современности, культ искусства и технический прогресс.

Английские литературные традиции нашли отражение в еще одной повести Чаянова: "Венедиктов" (1921). Время ее действия — конец XVIII — начало XIX в. Для этой повести, как и для некоторых других произведений Чаянова, характерна атмосфера английского готического романа. Автор со знанием дела применяет в ней типичные приемы "романа ужасов". Сюжетную основу повести составляет сюжет о договоре человека с нечистой силой. Молодой аристократ Венедиктов приезжает в Англию и однажды вечером попадает в мрачный лондонский район Уайтчепел (в котором, кстати сказать, нередко происходят события готических романов). Он оказывается свидетелем нападения разъяренной толпы представителей духовенства на некоего рыжего джентльмена. Подчиняясь благородному порыву, он помогает жертве уйти от преследователей. Спасенный рыжий джентльмен оказывается самим дьяволом. В благодарность за помощь дьявол приглашает Венедиктова в клуб нечистой силы. Клуб находится на Пиккадилли, и в повести дается живописная зарисовка роскошной толпы и вечернего Лондона. Во время карточной игры в клубе Венедиктов, сам того не ведая, выигрывает несколько человеческих душ, над которыми он получает безграничную власть. Среди подвластных ему людей оказы-

вается рассказчик повести по фамилии Булгаков и актриса Настасья Федоровна К. Судьба сводит Булгакова и Настасью Федоровну как товарищей по несчастью. В конце концов, пройдя через испытания, они освобождаются от власти нечистой силы, соединяют свои жизни и живут вместе долго и счастливо.

Название театра, где работала героиня повести, — “Театр Медокса” — имеет английскую историю: он был построен профессором математики Оксфордского университета М.Е.Медоксом (1747-1822), который, поселившись в России, стал театральным антрепренером. О театре Медокса в Москве (существовал с 1776 до 1805 г.) написала исследование жена писателя О.Э.Чаянова. В повести упоминается также Английский клуб в Москве у Петровских ворот. Об интересе А.В.Чаянова к этому учреждению свидетельствует один из его докладов в обществе “Старая Москва”: “О поварях Английского клуба”.

Повесть “Венецианское зеркало”, авторство которой А.В.Чаянов передает некоему “Ботанику Х.”, написана в Лондоне в 1922 г. и издана в 1923 г. в Берлине. Хотя в повести нет непосредственных упоминаний английских реалий (разве что героиня повести Кет — носит англазированное имя), вся она насыщена английскими литературными аллюзиями. Она построена на приеме оживления “зазеркалья”, как в рассказах Льюиса Кэрролла об Алисе. В ней чувствуется влияние художественных идей О.Уайльда, использованных в “Портрете Дориана Грея”. Герой А.В.Чаянова Алексей меняется местами со своим отражением в зеркале, и оно начинает самостоятельную жизнь. Отражение воплощает все пороки реального человека. В применении этого приема сказалось влияние повести Р.Л.Стивенсона “Доктор Джекилл и мистер Хайд”. Герой этой повести доктор Джекилл раздваивается и его двойник мистер Хайд начинает вести преступную жизнь. То же происходит с зеркальным двойником Алексея: он воплощает в себе тайные, подавленные воспитанием и образованием устремления его натуры, которые вызывают у него самого нравственное отвращение. Но с этого момента Чаянов идет по своему пути, вводя в повесть эротический элемент, объясняющий изначальную греховность и порочность человека. Зеркальный двойник воплощает темные страсти героя, которыми он не может управлять и с которыми он бессилен бороться. И оказывается, что эта сторона его натуры сохраняет притягательность для его подруги: она измучена страстями, которые разбудил в ней зеркальный человек, но познав их, уже не может найти успокоение в дружбе и нежностях своего Алексея. Попав к черно-книжнице, Алексей разбивает волшебное зеркало и летит вверх ногами в темную бездну, что напоминает падение Алисы сквозь землю. Через это падение он получает силы для борьбы со своим противником — то есть по существу с самим собой, с бессознательным в себе. Победив врага, Алексей вновь обретает власть над своим отражением в зеркале, любовь подруги, семейный покой и уют. А.В.Чаянов посвятил “Венецианское зеркало” своей жене О.Э.Чаяновой.

Английские ассоциации присутствуют и в более поздней повести А.В.Чаянова “Необычайные, но истинные приключения графа Ф.М.Бутурлина” (1924). Героем ее также является молодой русский аристократ, посетивший Англию. В главе под названием “Странствование” о нем говорится: “Он был в Англии, где по дороге от Гарвича в Лондон <...> был едва не ограблен конными ворами перед самыми предместьями столицы”. В Лондоне он “бродил по кондитерским со славным

Ричардсоном", посетил Ковентгарден, где увидел актрису Сару Сиддонс, знаменитую исполнением ролей в драмах Шекспира. Героиня повести Жервеза — дочь английского советника в Москве Джона Гамильтона. Шекспира А.В.Чаянов не раз упоминает в своих повестях. Романтические повести Чаянова впитали традиции русского, германского и английского романтизма, но при этом они не были только стилизацией под старину: в них звучат личностные, психологические проблемы современного человека, которому предстоит переход в какую-то иную форму существования, еще неопределенную и непредсказуемую. Эти же проблемы человека в новой среде — социальной и экологической — являются центральными в его крестьянской утопии. И в романтических повестях Чаянова, где преодолевается трехмерность пространства, и в его утопии, где совершается путешествие во времени, — эти приемы применяются ради раскрытия внутреннего мира человека, в том числе его подсознания. В этом отношении творческие установки Чаянова близки к тому, о чем в поздние годы задумывался Замятин: "...Когда завершит свой круг развитие "Мы", начнется новый круг "Я". <...> Я знаю, что отстроивши до конца рациональный, трехмерный мир (а он уже почти отстроен), человек ощупью двинется в неведомый еще мир четырех измерений — мир подсознания".

Как замятинские предупреждения об опасностях, ожидающих человека в будущем, так и положительная картина будущего, созданная Чаяновым, пришлось не ко времени. В 1929 г. Чаянова, возглавлявшего прогрессивную аграрную школу, обвинили в том, что он пытается реставрировать в России капитализм. Ему было предъявлено обвинение в принадлежности к Трудовой крестьянской партии, которая считалась "кулацко-эсеровской", а ее деятельность — антисоветской. Чаянов был сослан, а в 1937 г. снова арестован и расстрелян. Только в 1980-х годах состоялось возвращение Чаянова в русскую науку и литературу.

Б.А.Пильняк

В мае 1923 г. Борис Пильняк и Николай Никитин отправились в трехмесячное путешествие по Англии. Поводом для поездки было участие в Первом Международном конгрессе ПЕН-клуба ⁴¹⁵. Борис Андреевич Пильняк (наст. фамилия Вогау, 1894-1937) не был членом клуба и не был официально приглашен на Конгресс. Но случилось так, что именно он представлял писателей России в тот момент, когда ПЕН-клуб складывался как международное объединение писателей.

ПЕН-клуб, по замыслу, был аполитической организацией и его первые руководители надеялись избежать ситуаций, проблемных в политическом отношении. Они стремились создать в чистом виде "обеденный клуб", основной формой работы которого были бы обеды и вечера. В виде грандиозного обеда должен был проходить и Первый Международный конгресс ПЕН-клуба, открытие которого было назначено на 1 мая 1923 г. Как принято в Англии, приглашения рассылались за полтора года до события, чтобы приглашенные могли спланировать свое время. Россию на конгрессе должен был представлять Максим Горький — член клуба. Приглашение ему было отправлено 25 ноября 1922 г. от имени Дж.Голсуорси. Видимо, ответа не было, и 19 января 1923 г. было отправлено еще одно письмо, в котором уточнялись детали визита и излагалась его культурная программа. Участни-

ков конгресса приглашали посетить Стратфорд-на-Эйвоне, город, где родился Шекспир, и побывать в Шекспировском театре. На этот раз Горький ответил, но от приглашения отказался. Дж.Голсуорси высказал по этому поводу сожаление в письме от 7 февраля. К письму он приложил внушительный список писателей, которые дали согласие присутствовать на обеде. Возможно, он надеялся, что, увидев этот список, Горький оценит масштаб и значение события и изменит свое решение. Но этого не случилось.

О приглашении Горького на Конгресс ПЕН-клуба и о его отказе стало известно Борису Пильняку. После своей поездки в Европу в 1922 г. он горел желанием увидеть Англию, где он никогда не был. Поездка за рубеж для советского писателя была непростым делом. Но положение Пильняка, занимавшего должность ответственного редактора в издательстве "Круг", и имевшего связи в Комиссариате, давало ему некоторую свободу действий. К.И.Чуковский отметил в своем дневнике за 27 февраля 1923 г.: "Он много говорит теперь по телефону с Красиным, хочет уехать от Внешторга в Лондон"⁴¹⁶. Своими планами, связанными с Лондоном, Пильняк делился с А.М.Ремизовым, у которого он жил в Берлине во время своей первой поездки в Европу. Он писал ему 2 апреля: "Очень скоро (уже есть заграничный паспорт, но нет английской визы, и не говорите об этом камарадам по Курфюрстендамму) я еду в Лондон посмотреть и повертеться, пробуду там месяца три, и вернувшись оттуда — прямо в тишину к рукописи; поеду в Лондон морем, через Копенгаген, в Германии не буду. Оттуда поеду через Белое море"⁴¹⁷.

В другой тональности Пильняк на следующий день писал о своей поездке Е.И.Замятину: "Да, еду в Лондон. Не весело что-то мне. Зима прошла. <...> Хочется мне написать большую, хорошую вещь, роман, — есть тема, мысли..."⁴¹⁸. Месяц спустя еще одна весточка Замятину: "Уезжаю <...> недели через три в Лондон, через Наркомвнешторг, к Красину"⁴¹⁹. Перед отъездом Пильняк вспоминал о повести Замятина "Островитяне" и жалел, что не удалось ее "протащить" в издательстве.

Официально Пильняк отправлялся в Англию не как писатель, а как профессиональный экономист. Комиссариат Внешней торговли командировал его для работы в советском торговом представительстве "Аркос". О деловых целях командировки он сообщал из Лондона И.М.Касаткину: "Я и Никитин в Лондоне, работаем в Аркосе, в Бюро Информации. Задача Бюро — возможно четче отразить действительное экономическое состояние России. На нашей обязанности лежит собирать материал, систематизировать этот материал мы будем уже здесь"⁴²⁰.

У Пильняка в Англии были и другие дела: на английский язык переводился его роман "Голый год". Несомненно, ему хотелось принять участие в подготовке этого издания. Но главной причиной, почему Англия занимала его воображение, была законченная им летом 1922 г. повесть "Третья столица". В этой повести английская тема занимает одно из центральных сюжетных мест. Ее содержание он определил в одном из своих писем: "Вещь это экономическая, о мировом кризисе, о смертях, о Лондоне, Берлине, изгоях и скифах"⁴²¹. О публикации повести в январе 1923 г. сообщала берлинская газета "Новая русская книга": "Борис Пильняк печатает в альманахе издательства "Круг" новую повесть "Третья столица", действие которой разворачивается в России и заграницей".

На торжественное открытие конгресса ПЕН-клуба Пильняк и Никитин не успевали. В начале мая они только начали свое морское путешествие. Но у них

оставалась возможность побывать на обычных клубных обедах и вечерах. Добравшись до Лондона, они попали с корабля на бал: окунулись в европейскую литературно-светскую жизнь. Как представители Советской России, Пильняк и Никитин не могли оставаться в ПЕН-клубе только наблюдателями. От них ждали речей, выступлений, инициатив. Пильняк выступил с предложением открыть ПЕН-центр в Москве. Эта идея, как будто, в точности соответствовала намерениям Международного Комитета клуба, в задачи которого входило распространение деятельности во всех странах мира. Открытие центра в России было в повестке дня с первых шагов его работы. Однако разделение русской литературы на два лагеря — советскую и белоэмигрантскую — осложняло эту задачу. Предложение Пильняка об открытии центра в Москве, постепенно как снежный ком обросло политическими проблемами. Перспектива участия Советской России в работе ПЕН-клуба поставила его руководство — представителей английской интеллектуальной элиты перед “русским вопросом”. В дискуссию были вовлечены известные писатели и люди, близкие к литературным и политическим кругам. Обсуждение проходило кулуарно, в узком кругу, и оно недостаточно документировано, однако архивы ПЕН-клуба, переписка его организаторов и дневники писателей проливают некоторый свет на этот эпизод в истории литературных связей, в котором важная роль принадлежит Борису Пильняку.

Выступления советских писателей попали в английские и эмигрантские газеты. В короткой заметке в “Новой русской книге”, редактируемой А.Яценко, сообщалось: “Борис Пильняк находится в настоящее время в Лондоне (London WC1, 20 Handel Mansions, Handel Str.), где принимает участие в организационных работах по созданию международного клуба писателей во главе с Уэллсом. Написал новую книгу рассказов “Черный хлеб”, выходящую в Берлине в “Книгоиздательстве писателей”. В Россию возвращается в августе. Николай Никитин находится в настоящее время в Лондоне вместе с Б.Пильняком” (дается тот же адрес)⁴²².

Пильняк, переписывавшийся с А.Яценко, сообщил эти сведения в газету, подчеркнув свою роль в создании клуба и перепутав Голсуорси с Уэллсом. Писатель не то, чтобы ошибся, но опередил события на несколько лет: в конце 1920-х годов Г.Уэллс действительно возглавил ПЕН-клуб.

Архивы ПЕН-клуба в Лондоне свидетельствуют о том, что Пильняк несколько раз за три месяца, проведенные в Лондоне, официально обращался к организаторам Клуба с предложением открыть в России ПЕН-центр. Он начал с того, что во время одного из обедов поделился своим планом с английским литератором Стивеном Грэмом, входившим в Исполнительный комитет Клуба. Стивен Грэм отнесся к идее с большим энтузиазмом. Он бывал в России и был рад помочь собрату по перу в установлении контактов между советскими писателями и Европой. С.Грэм выступил с докладом по предложению Пильняка на очередном заседании Исполнительного комитета. Он сообщил, что российский писатель Пильняк, обедавший в этот вечер в клубе, выразил желание открыть в Москве ПЕН-центр, как только он вернется в августе в Россию. Пильняк, подчеркнул Грэм, выразил уверенность в том, что общение под эгидой Клуба поможет объединить живущих в России писателей с эмигрантами.

От имени Пильняка С.Грэм заверял членов Комитета, что участие в ПЕН-клубе не будет использовано советскими писателями в политических целях. Именно “политики” правление Клуба опасалось больше всего. Председатель Голсуорси

предложил не спешить с решением и посоветоваться с несколькими авторитетными русскими писателями. Как сказано в протоколе, "было решено обратиться за советом к господам Бунину, Куприну, Мережковскому и Горькому, с тем чтобы выяснить их отношение к этому предложению" ⁴²³. Всем названным писателям были разосланы письма.

Узнав о деятельности Пильняка и Никитина в ПЕН-клубе, М. Горький писал В. Ходасевичу: "Пильняк и Никитин успели в Лондоне проникнуть в ПЕН-клуб — интернациональное, но аполитическое объединение литераторов, где председателем Д. Голсуорси, а членами состоят самые разнообразные люди: Р. Роллан и Мережковский, С. Лагерлеф и Гауптман и т. д. Наши бойкие парни чего-то наболтали там и я, — тоже член этого клуба, — уже получил запрос от Правления: считаю ли возможной аполитическую организацию русских литераторов, живущих в России и рассеянных за границей?" И дальше: "Было бы очень важно знать: чего именно напильничали наши в Лондоне? Не поговорите ли Вы на эту тему с Никитиным?" ⁴²⁴.

В конце июня Ходасевич встретился в Берлине с Никитиным и написал Горькому с его слов: "Вот что я знаю, — и чему сперва мало верилось. "В честь Пильняка и Никитина" был "банкет". "Все в смокингах". "Я говорил речь". "Нас чествовали". "Был Голсуорси, был Уэллс и др." — Теперь из Вашего письма вижу, что был не "банкет в честь", а вечер в клубе, о котором Вы пишете. Как говорил речь Никитин — не знаю. По-английски он говорит хуже, чем я по-китайски (я все-таки по-китайски знаю одно слово: Алексеев). Беда в том, что все эти рассказы я слушал невнимательно: не знал, что они понадобятся, а слушать хлестаковщину тошно. Знаю только, что, видимо "наши" наговорили (через переводчиков, там, в клубе, были другие русские) потому что Никитин жаловался: Пильняк с места в карьер "изматюкал Кремль" — и это попало в газеты. Думаю, что "матюгал" и Никитин, потому что на другой день или через день "мы пошли к красинскому секретарю спрашивать, что нам говорить". По другой версии (того же Никитина) — их вызвали в тамошнее представительство РСФСР — и распекли" ⁴²⁵.

Никаких разъяснений по поводу ПЕН-клуба в рассказе Никитина, видимо, не было, и в письме Ходасевича об этом тоже ничего не говорится. А события, благодаря активным действиям Бориса Пильняка, развивались бурно. Познакомившись с английским ПЕН-клубом, Пильняк стал все серьезнее задумываться о русском центре. Он проявил удивительную настойчивость, добиваясь осуществления своего замысла, хотя обстоятельства этому не благоприятствовали. Писатели, мнение которых хотело знать руководство клуба, в один голос решительно заявили, что русский ПЕН — невозможен. М. Горький подробно изложил свое мнение в письме к В. Ходасевичу от 13 июня 1923 г.: "Ответил — отрицательно, указав на "ЛЕФ" и его отношение к литераторам с одной стороны, к власти — с другой. Указал также, что одни из нас принимают Соввласть, другие же нетерпеливо ждут гибели оной, чем и кормятся, но не согласны и не сойдутся с третьими, которые ожидают помощи Керзона, Пуанкаре, чумы и проказы. Но, — кроме сего существует Соввласть, коя не может допустить аполитической организации в Москве ибо не признает бытия людей не зараженных политикой с колыбели" ⁴²⁶.

25 июля в протоколах ПЕН-клуба появилась запись: "По вопросу о России г-н Голсуорси зачитал письма, полученные от Ивана Бунина, Д. Мережковского и

Максима Горького. Все они настроены решительно против организации отделения ПЕН-клуба в Москве. Учитывая это мнение, секретарю поручается направить г-ну Пильняку письмо с разъяснением, что в результате обсуждения вопроса было достигнуто полное согласие в том, что организация отделения ПЕН-клуба в Москве должна быть отложена до более благоприятного момента". Этот ответ С.Грэм передал Б.Пильняку. М.Уоттс в своей книге также дает малообнадешивающую трактовку решения Исполнительного Комитета: "Рассмотрев письма господ Бунина, Горького и Мережковского, комиссия пришла к выводу, что в настоящее время организация российского отделения ПЕН-клуба не представляется возможной" ⁴²⁷.

Правление оказалось в непростом положении: представитель Советской России делал все, от него зависевшее, чтобы включить свою страну в число членов Клуба. Но Горький — тоже представитель Советской России — был решительно против. Голоса эмигрантов в это время имели меньший вес, но все же это были голоса известных писателей. Конечно, решение правления ПЕН-клуба положиться на мнение нескольких, пусть и авторитетных лиц, в обсуждении вопроса о русском центре, вряд ли было безупречным. Все опрошенные были едины в своем мнении — но критерии суждения у них были разные. Естественно, что писатели-эмигранты, отвергавшие советский режим, не хотели ни в какой форме сотрудничать или даже общаться с представителями идеологии этого режима. Однако и в эмиграции, и среди писателей, оставшихся в Советской России, существовали другие точки зрения. Например Ходасевич не видел серьезных препятствий для создания аполитической писательской организации. Он напоминал М.Горькому: "В Московском Союзе писателей уживались такие люди как Бердяев и Аксенов, Айхенвальд и Вересаев. Так что вообще объединение мыслимо, но, конечно, как объединение цеховое, а не идейное". Здесь же Ходасевич поставил любопытный вопрос: "Но какое дело до этого англичанам?" М.Горький дает запутанное, но пронизательное объяснение: "Англичане спрашивают о возможности объединения русских писателей, потому что Р.Е.Н. клуб имеет целью своей защиту авторских прав в странах, не связанных с Англией литературной конвенцией. Я не знаю, осуществляется ли практически эта защита и как осуществляется? Но я знаю, что в России переводят и издают английских книг значительно больше, чем в Англии — русских. Отсюда и возникает интерес англичан к защите прав русских авторов, и отсюда же ясно, что "сие надо понять в противном смысле" ⁴²⁸.

Проблемы с авторскими правами при издании русских авторов возникали в конце 1910-х и в 1920-х годах постоянно. Особенно острыми они стали, когда в Англии начали переводить и издавать писателей-эмигрантов. Например книги Бунина и Куприна выходили в английских переводах, но издатели ничего не платили авторам ⁴²⁹. Возможно, членство в ПЕН-клубе могло бы исправить положение. Но и здесь вопрос оставался открытым, так как членские взносы были русским писателям не по карману.

Поднятый Пильняком в ПЕН-клубе "русский вопрос" не был исчерпан после его отъезда. Несмотря на безоговорочный отказ правления ПЕН-клуба, поддержанный авторитетным мнением писателей, Пильняк не сдавался. Вернувшись в Россию, он направил письмо в ПЕН-клуб с просьбой выслать ему копии Устава и другие организационные документы. Этот запрос был обсужден на правлении клу-

ба, и Пильняк снова получил отказ, уже в довольно резкой форме. Запись в протоколе гласит: "Ввиду того, что Правление ПЕН-клуба не желает, чтобы г-н Пильняк открывал отделение клуба в России, секретарю поручается направить ему письмо с разъяснением, что наши организационные правила не допускают распространения копий Устава среди лиц, не являющихся членами нашей организации" ⁴³⁰.

В конце 1924 г. этот вопрос снова поставил другой авторитетный знаток России — доктор Хагберг Райт (Sir Charles Theodore Hagberg Wright, 1862-1940), редактор лондонского периодического издания "Nation", специалист по русским вопросам, директор частной Лондонской библиотеки ⁴³¹. Хагберг Райт приветствовал перемены в России и относился к эмигрантам как к "политическим мертвецам". В декабре 1924 г. Дж.Голсуорси писал о нем Э.Доусон-Скотт из Италии: "Хагберг Райт милейший человек, но я совершенно не доверяю его практическим суждениям. Более того, мне кажется, что он определенно склонен к большевизму. Его замечание о русских эмигрантах явное тому доказательство. Я не уверен в том, что "все они мертвецы" и не понимаю, почему они "того заслуживают". Этот "русский вопрос" <...> самый запутанный из всего, с чем мы до сих пор сталкивались. Хотелось бы знать, можем ли мы хоть в малейшей степени быть уверены, что будем иметь дело с писателями, а не с замаскированными политиками..." ⁴³².

Дж.Голсуорси был одним из немногих английских интеллектуалов, кто в эти годы критически относился к советским государственным экспериментам. Его сочувственное отношение к русским эмигрантам нетипично для этой среды. По всей видимости он не изменил своих взглядов и в последующие годы. Вопрос об участии России в деятельности Клуба продолжал волновать правление и в дальнейшем. 12 октября 1927 г. Дж.Голсуорси писал Э.Доусон-Скотт: "Проблема с Россией такова: кто бы то ни было в какой угодно стране может открыть свой ПЕН-центр — и никто не станет обливать нас грязью. Но стоит нам только принять в число своих членов Россию, и мы сразу увязнем в политических проблемах. Все "правые" тут же ошестинятся. Россия, как мне представляется, — эта какая-то затянущаяся политическая пощечина всему миру. В этом загвоздка: и дела не спасет тот факт, что писатели, которые стремятся открыть центр в Москве, являются (или хотят казаться) аполитичными. Мне кажется, мы можем согласиться открыть русский центр только в том случае, если Россия вступит в Лигу Наций (и не раньше, чем это случится). Сделав этот шаг, Россия откажется, по крайней мере официально, от позиции открытой враждебности по отношению к другим народам. И тогда мы можем рискнуть слегка запачкаться. А спешить не стоит. <...> До тех пор пока Россия не начнет жить и давать жить другим (а от нее только это и требуется), трогать ее опасно, или во всяком случае политически невыгодно" ⁴³³.

Инициатива Пильняка в ПЕН-клубе как будто не дала заметных практических результатов, однако, как выясняется, его предложение возбудило одну из самых интересных дискуссий в истории русско-английских культурных отношений. Уникальность состоявшегося обмена мнениями заключается еще и в том, что в него были вовлечены писатели Советской России и эмиграции. В последовавшие годы такой обмен мнениями стал невозможен.

Не менее важен и тот след, который английский опыт оставил в творчестве Пильняка. Пильняк, которому нехватало в Англии московской писательской ат-

мосферы, писал из Лондона довольно сумбурные письма. Жена его Мария Алексеевна жаловалась: "От Бор<иса> Андр<еевича> получила коротенькую записочку сегодня 18 июня, ничего толкового о себе он не пишет: смокинги, фраки, крахмал — вот собственно все содержание его письма. В общем, вероятно, живет не плохо"⁴³⁴. Более подробное послание, отправленное 11 июня, получил Корней Чуковский. Описывая свою лондонскую жизнь, Пильняк сообщает: "Бургундское пьем за тебя и за всемирную литературу. Русский вопрос ужасен. Настроение превосходное. Романтика давит душу. Сердце пыжится, а князь нас укоряет. Старая привычка. Почему? Никто не понимает. Живем в окружении — Kings College, Международный Клуб писателей, Британский Музей, речи, любовь, телеграммы и в конце как мученический венец — Зинаида Венгерова — Ник. Никитин, и я. <...> Светлое пятно в лавочке Макаровой, а до этого русский роман с англичанкой. <...> Денег нет. Пьем. Мирский — опоздал на 100 лет родиться. — Помирает"⁴³⁵.

Судя по этому письму, Пильняк не чуждался встреч с эмигрантами. В своих очерках он оставил описание островка русской жизни в Лондоне: "Сейчас мне хочется упомянуть два учреждения, которые связаны с Россией: это книжную лавочку Н.С.Макаровой около Британского музея и кружок англичан, собирающихся в Кингс-колледже (Королевском университете) в Лондоне. Книжная лавочка, очень маленькая и тихая, чуть-чуть похожая на лавку писателей в Москве, когда она была в Леонтьевском, — была единственным литературным местом — русским литературным местом — в Лондоне, в чужом городе, где мы, литераторы, собирались, чтоб посмотреть новые книги (русские, из России, книги в Англии редкость, и к Макаровой они доходили по одному, по два экземпляра, хотя нужда там в них большая), чтоб повидаться, поговорить, поспорить, покурить, — там было всегда очень уютно и хорошо: ведь мы все чувствовали себя в Англии — на чужбине, а тут дым сигареток и дым разговоров был "дымом отечества"⁴³⁶.

Одна из встреч в лавке Макаровой описана в повести "Заволочье". Героиня повести (англичанка по отцу, русская по матери, романтическая и странная девушка, мысли которой занимает Земля Франца Иосифа и судьба северной русской экспедиции) в поисках нужной ей книги приходит в русский книжный магазин. Она застаёт такую картину: "В задней комнате на складе, на столе и на тюках книг сидели русские, один князь и он же профессор Кингс-колледжа, один актер и два писателя из Союза Социалистических Республик, бывшей России; они весело говорили и пили шабли как отрезвляющее"⁴³⁷. "Статистами" в этом эпизоде являются реальные лица. "Два советских писателя" — это Пильняк и Никитин. "Князь и он же профессор Кингс-колледжа" — Д.П.Святополк-Мирский.

Второе русское учреждение в Лондоне, которое Пильняк описывает в очерках, — это кружок англичан, которых собирал в Кингс-колледже Святополк-Мирский: по субботам он учил их не только говорить по-русски, но и петь русские песни. "Заезжих русских" он приглашал читать лекции. Выступили в кружке и Пильняк с Никитиным, а после лекции состоялось описанное Пильняком дружеское общение: "Англичане, люди страшно далекие нам и по воспитанию, и по национальной культуре, по всему" — пели русские песни: "Дубинушку", "Во поле березинька", очень странно было слышать из их уст слова "Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь"⁴³⁸...

Д.Святополк-Мирский и Пильняк, как будто, не были знакомы до этой встречи. Но Пильняк несомненно был наслышан о нем. Д.Святополк-Мирский —

лучший среди критиков эмиграции знаток новой советской литературы — внимательно следил за творчеством Пильняка. Он писал о нем в статье, предназначавшейся для “Русской мысли” П.Б.Струве: “Известнейший из молодых прозаиков, Пильняк, доводит до абсурда поэтическую тенденцию своей прозы”. А далее, отстаивая ценность поэзии Ахматовой, которая в новой России стала казаться устаревшей, он пишет: “Не на Пильняке же свет клином сошелся”⁴³⁹. По этим кратким замечаниям можно судить о том, насколько Д.Святополк-Мирский был осведомлен о популярности Пильняка в России.

У критика и писателя возникли общие творческие планы, связанные с изданием романа “Голый год” и сборника рассказов на английском языке. Роман был уже переведен переводчицей Mrs. Townsend, но Пильняк заявил, что переводом он недоволен. Непонятно как, не зная языка, он мог судить о его качестве. По всей видимости, здесь сыграл свою роль Д.Святополк-Мирский⁴⁴⁰. Этот перевод издан не был, но усилия Пильняка по устройству своих изданий в Англии не пропали даром. В 1924 г. в Лондоне вышел его сборник рассказов с предисловием Д.Мирского⁴⁴¹. В этом предисловии Д.Мирский оценивает идеи писателя как туманные, а его стиль как заимствованный у Андрея Белого и А.М.Ремизова. Однако, разъясняет далее критик, стилистическая манера Пильняка является не просто заимствованием, но развитием новых традиций в оригинальном ключе. Характеризуя особенности прозы Пильняка, Д.Мирский пишет: “Для его метода характерны широкие панорамы и богатство исторических аллюзий, частые и неожиданные переходы от одного плана повествования к другому, наложение одного плана на другой, смена точек зрения, географического пространства и стиля”.

Несмотря на общий интерес к литературе и к французскому вину, Д.Святополк-Мирский и Пильняк друг другу не понравились. В письме к Чуковскому Пильняк бросил о замечание, что Д.Мирский “опоздал родиться на 100 лет”. А Д.Мирский, хотя и признавал за Пильняком стилистический талант, не забывал подчеркивать в своих статьях и книгах, что писателя губит отсутствие вкуса и культуры.

Из письма Л.Н. и Е.И. Замятиным от 12 июня можно узнать о новых знакомствах Пильняка и смене его настроений в Англии. Как и некоторые другие его письма к Замятиным, это письмо начинается обращением к Людмиле Николаевне, над строгостью которой Пильняк постоянно подшучивал. Он передает ей привет от героя замятинской сатиры “Островитяне” пастора Дьюли: “Кланяется Вам м-р Дьюли. Нынче он служит в Вестминстере...”. О своих светских успехах Пильняк иронически пишет: “Нам — “большевистским” писателям — в свет не попасть, зачем я не лорд?” Он передает привет Е.И.Замятину от Ребекки Уэст, которую называет: “Ревекка Вебер — двадцать первая жена Уэллса”⁴⁴². А дальше пишет нарочито прозаически: “Наше сидение в Лондоне — очень похоже на ссылку, хоть и кланяется тебе Уэллс, а вчера я читал у Красина, Берзина, очень хорошие люди. <...> Очень скучно в Лондоне. В воскресенье уеду на взморье, Никитин в субботу едет в Берлин, на неделю. Вернется — поедет в Шотландию. Домой буду в августе — наверняка”⁴⁴³.

По письмам, очеркам и книгам Пильняка можно проследить его путь по Англии, начиная с того момента, когда он подошел к Лондону на корабле по Темзе, и до того дня, когда он отправился — снова морем — в обратный путь. В Лондоне он жил по адресу Handel Street, № 20 (улица Генделя), в одном из самых центральных

и престижных районов, недалеко от Блумсбери, где издавна жила английская интеллектуальная и художественная элита. Дом его в четыре этажа сейчас представляет собой некое многоквартирное общежитие, а во времена Пильняка, возможно, это была недорогая гостиница. Расположен дом, хотя и в центре города, но на тихой тупиковой улице, упирающейся в парк, так что у живущих в нем создается впечатление, что они находятся на окраине или в окрестностях Лондона. И при этом с Генделя стрит можно дойти пешком до Британского музея, а оттуда рукой подать до Королевского колледжа Лондонского университета и Школы славянских исследований. В пределах пешей прогулки находится театральный район Ковент-гарден, Трафальгарская площадь, Стрэнд, Флит Стрит, с другой стороны — Пиккадилли. И все эти названия можно встретить в очерках и рассказах Пильняка. Он упоминает, что некоторое время работал над романом в доме знакомого английского писателя в полном одиночестве, изо дня в день внимательно наблюдая нравы и обычаи своих соседей. Где находился этот дом, сказать трудно, но не исключено, что это был тот же дом на тихой улице Генделя.

За три месяца Пильняк хорошо изучил Лондон, побывал в Оксфорде, провел неделю в портовом городе Барри (писатель называет его Барри-док). За это время он приобрел много друзей и пережил одно из своих многочисленных увлечений, чуть было не закончившееся браком — “русский роман с англичанкой”, о котором он пишет в письме Чуковскому⁴⁴⁴. Среди его новых знакомых были представители англо-русских семей. Он познакомился с дочерью Н.А.Даддингтон, его гидом по Оксфорду была Жозефина Калина, жена английского профессора.

В августе, как и было запланировано, Пильняк отправился в Россию. На корабле он написал — точнее напечатал на машинке — письмо к А.В.Бахраху. С Бахрахом он вел письменные переговоры об издании “Третьей Столицы”, и их переписка не прерывалась во время поездки. Письмо напечатано на бланке корабля “Леонид Красин” и потому имеет официальный вид. Пильняк начинает его предупреждением: “Не пугайтесь: это только бланк корабля, на котором Никитин и я, мы идем из Кардифа в Петербург домой”. Дальше указано время и место: “Ламанш, 11 августа 1923 г., корабль “Леонид Красин”.

Даже в эту торжественную минуту писатель не забывал о своих критиках. Он писал: “Никогда мои симпатии и несимпатии не определялись хорошими или плохими статьями обо мне: я ведь знаю, что <...> большие и малые — мы все одинаково можем дать только то, что нам отпущено, и не можем не дать, — так что уж что из того, что будут писать. Пожалеть нас надо, маньячишек. А кроме того, для меня лично ясно, что каждый прав, меня ругая, ибо сам я самый большой свой ругатель”.

На палубе корабля писатель ощутил, что путешествие, а с ним и жизнь вне привычных законов, приходят к концу, и необходимо настроиться на российский лад. Лирическим заключением письма, напечатанным как бы в постскрипtum, он отметил этот переход: “А утро сегодня необыкновенное. Все уже сказано красной лентой наверху: море, корабль и через неделю качек, восходов, закатов, неба, воды и безбрежности — Санктпитебурх, Россия, чертовщина, чертопхайство, калывань, меццера. Россия трудная страна: живешь в ней и идешь (на кораблях ведь “ходят”) сплошною страстною пятницей”⁴⁴⁵.

На другой день после приезда Пильняк записал свои первые российские впечатления:

"25 августа, 1923 г.

Сейчас утро, воскресенье, и меня разбудил колокольный звон, к обедне, что ли. Я приехал в Коломну из Лондона вчера, и мне рассказывали: где-то тут в пожарном депо лежит убитый бандит Гришка-Шпак, народу его показывают эе шесть миллионов с каждого <...>

Вчера бродил по городу, тишь глубокая, вековая, безмолвие, а кремль как гнилой рот зубами, полон соборами и церквенками. Заводов у нас нет, у нас только богovy церквенки, и вот они сейчас колоколят. Знаю, у всех, кто любит Россию, — болью большой она, — у нас колокольни вместо заводов, — бог, черт бы его побрал, не берет их на небо, они трезвонят, как при царе Дадоне. От этой тишины, что кругом, страшно, к черту, — надо, необходимо, чтобы Россия шумела машиной! И нам — не сидеть, сложа руки. Обыватель идет, ползет, распоясывается. О том, что в России революция, — ужели начинают забывать? — о революции никто не говорит, отмахиваются, не слушают. <...>

Утром вышел на задворки и сразу попал в места, где скошенная рожь торчит, как торчала при царе Алексее, триста лет назад, культура здесь не ночевала, здесь пахано слезами да потом мужичьим..."

Эта запись, как часть автобиографического очерка, была опубликована под названием "Отрывки из дневника" в сборнике "Писатели об искусстве и о себе" в 1924 г.⁴⁴⁶ Более поздняя дневниковая запись за 17 сентября — о пожаре в деревне. Заливают его, таская воду ведрами с болота. Техника времен варварства. Но еще хуже этого отношение людей к пожару: "Не мы горим". Под впечатлением дикости российской жизни по контрасту с Англией Пильняк по-новому увидел революцию. В этом ключе продолжала проявляться идея нового романа "Машины и волки": "Стало светать, лег и — продумал всю ночь, думал о своем новом романе, о том, как его написать..."⁴⁴⁷.

Коломна поразила его контрастом после Европы. Тишина приводила его в отчаяние. О революции, казалось, все забыли. А в нем еще звучали металлические ритмы английской жизни, и хотелось, чтобы они продолжали звучать и в России: "Надо, необходимо, чтобы Россия шумела машиной!"

О тишине и неподвижности, которыми встретила его уездная Россия, он писал в письме к Чуковскому несколько дней спустя, 28 августа. Англия вспоминалась ему как впечатление, невыразимое на бумаге. Письмо к Чуковскому заканчивается словами: "Об Англии нельзя писать — надо рассказывать"⁴⁴⁸. 10 сентября он писал Д.А.Лутухину: "В Россию из Англии я приехал в настроении хмуром — я видел английскую культуру и дома решил делать только одно: работать, писать..."⁴⁴⁹. Еще в большей мере, чем раньше, казались ему теперь помехой (после организованной деловой английской жизни) его общественные и административные обязанности.

Вернувшись из Англии, Пильняк некоторое время продолжал жить в другом пространстве и времени. Он ожидал, что и Россия, пока он был в Англии, вместе с ним перешла в другое время, в новый век. Читая в советских газетах о "победах на трудовом фронте", Пильняк теперь уже не сетовал о том, что "английский флот портится в портах", он сам видел, как работает английский порт, как ускоряет жизнь техника. "Я помню, в двадцатом году в "Гудке" было напечатано — "победа на трудовом фронте: люберецкими рабочими нагружено 17 вагонов дров". Мне ду-

мается, если припомнить английские грузоподъемные краны, вернее было бы сказать — “разгром на трудовом фронте...”⁴⁵⁰.

Техническая цивилизация Запада уже не кажется ему враждебной — в ней он видит теперь недостающий России упорядоченный и удобный жизненный уклад. Техникой Пильняк — все же “скиф” — восхищается с оговорками: он верит, что техническая революция может быть произведена без подавления человека машиной. И ему представляется, что стихийность русской революции может идти рука об руку с очеловеченным техническим прогрессом⁴⁵¹.

Вернувшись из Лондона, Пильняк, как и собирался, засел за машинку, и меньше чем через месяц, между 25 августа и 17 сентября написал два больших рассказа. “Все эти недели провел за рукописью, написал два рассказа, не помню у себя такой продуктивности”, отмечал он в своем дневнике⁴⁵². Это были рассказы “Speranza”⁴⁵³ и “Старый сыр”⁴⁵⁴. В 1924 г. в издательстве “Круг” вышло отдельное издание “Английских рассказов”, в которое вошли также “Отрывки из “повести в письмах”, которую скучно кончить”⁴⁵⁵. “Английским рассказам” Пильняка Д.Мирский дал решительную оценку: “Чем меньше о них будет сказано — тем лучше: все они просто невыносимо глупы”⁴⁵⁶. Д.Мирский, получивший воспитание в семье англофила и, видимо, чувствовавший себя в Лондоне как дома, свысока смотрел на заметки человека, для которого все в Англии было необычным и новым. Но можно понять и Д.Мирского: как в рассказах, так и в документальных заметках Пильняка наряду с глубокими и тонкими замечаниями немало наивного.

“Отрывки из “повести в письмах”, которую скучно кончить” появились в печати раньше других рассказов. Материалы этой повести — дневниковые записи в виде очерков — были опубликованы в газете “Известия” в октябре 1923 г.⁴⁵⁷ Можно предположить, что некоторые из этих записей Пильняк сделал еще в Англии. “Отрывки” продолжают документальную жанровую линию рассказа “Speranza”, и в то же время подхватывают культурно-историческую тему рассказа “Старый сыр”. Это своего рода синтез жанра одного рассказа и темы другого. “Отрывки” построены на противопоставлении положительных и отрицательных сторон английской цивилизации. Иногда это две стороны одного и того же явления. Пильняк пишет об архитектуре Оксфорда, о монастырских традициях в современном университете, сохранившихся от средневековья, о древнем Вестминстерском аббатстве, в котором заседает современный Парламент, о Британском музее, в котором хранятся памятники культуры всех времен и народов и все книги, изданные в мире. И в то же время он отмечает, что в современной Англии господствует дух коммерции, что культура превращается в предмет потребления. Он видит приметы грядущей вульгарной “массовой культуры”, бесстыдство коммерческой рекламы, лицемерие обычаев, не соответствующих новой морали и новым представлениям о ценностях жизни.

Очерки полны противоречивых ощущений и переживаний. Вот писатель видит Лондон “двадцать второго века”: это город, где от электрического освещения ночью светлее, чем днем. Там невозможно перейти улицу из-за потока “бассов, карров и такси-кэбов”. Там краны в доках жонглируют вагонами, а груженные корабли зачерпываются гранитными ковшами вместе с океанской водой. Но у этих достижений есть и своя темная сторона: машины вытеснили людей с поверхности земли и им пришлось уйти в подземелье метро и переходов. Слишком интенсивное производ-

ство привело к кризису и застою: заводы стоят, растет безработица. Взору писателя то и дело открывается какое-нибудь несоответствие между видимостью и сущностью. На улицах столько музыки, пенья, так много художников, рисующих картины на асфальте — сплошной карнавал. Но он узнает, что это безработные вышли на улицы, чтобы заработать на жизнь пеньем, картинами на асфальте, показом фокусов.

Но вот безусловное достижение цивилизации — старейший в мире оплот демократической государственности — Парламент. Или — другой, попроще, символ устойчивости и надежности уклада английской жизни: кабачок “Старый сыр”, где ничего не изменилось со времен Диккенса. Но устойчивость, как видится писателю, слишком близка к застою, окостенению, “осклерозиванию”. Ему представляется, что Вестминстерское аббатство, с его воздушным каменным кружевом, сделано из костей. Везде, в каждом проявлении привязанности к традиции ему слышится шпенглеровская тема старости и смерти цивилизации. Но что он мог противопоставить этому “осклерозиванию”? “Очищающие метели России”? Но эти революционные метели тоже принесли смерть одной из высших в истории человечества цивилизаций. Вряд ли писатель мог с уверенностью утверждать, что буря, прошедшая по России, сделала более человеческой жизнь, скажем, в его Коломне. Дневники его утверждают иное.

Герои рассказа “Speranza” — матросы корабля с символическим названием “Надежда”. Двое из них — русские: боцман из Псковской губернии, который “17 лет не был на родине и не знал, что его Эстляндская губерния стала государством”, и вахтенный из Новороссийска, который четыре года “мотается по океанам”, не может сойти на берег из-за трений с полицией. Не исключено, что среди новых знакомых на корабле “Speranza” был и матрос Кузьмичев, диалог с которым стал эпиграфом к роману “Машины и волки”. С ним писатель познакомился в порту Барри. Кузьмичев много лет не был в России и не видел революцию. События в России переживают на “Надежде” не только русские, но и английские матросы, которые надеются, что российская революция принесет свободу простому человеку.

В рассказе “Старый сыр” немало переключек с дневниковыми записями этого же времени. Его герой — русский эмигрант, поселившийся в Лондоне и ставший почти англичанином. Лондонская жизнь его размеренна и тосклива. И он, в конце концов, задумывается о том, что его существование будет иметь какой-то смысл, если он поедет умирать в Россию (может быть в этот момент Пильняк думал о Д.Мирском и невольно предсказал его судьбу). Сопереживая русскому человеку на чужбине, Пильняк словно примеривал к себе его судьбу. Но писателю, в отличие от его героев, необходимо было жить в двух мирах, иметь возможность посмотреть на Россию со стороны, из Европы, но все же в конце концов вернуться на свое исконное место. В “Старом сыре” он взглянул на Россию глазами старого эмигранта, который “проклял Россию за колокольный звон вместо скрежета машин”. Рассказ строится на сплетении двух тем, двух линий: английская тема импрессионистическая, бессюжетная, — и русская, полная трагических событий. Россию и Англию в рассказе разделяет не только пространство: они существуют в разных эпохах. Письма идут годами и если доходят — то это так же удивительно как весть извнеземной цивилизации: “Мой друг! Ваше письмо из Англии шло ровно год, и совершенно непонятно, как оно дошло”. Эта тонкая ниточка, протянутая между двумя мирами, вот-

вот порвется. Россия — уже не цивилизованное государство, где жизнь граждан защищена законом. В ней царит хаос первобытной борьбы за существование.

Лондон в “Старом сыре” нарисован самыми мрачными красками. Однако картины российской жизни в параллельном сюжете оказываются еще мрачнее. Стихия, бушующая в России-Евразии, оказывается гораздо более опасной для выживания человека и сохранения цивилизации, чем европейская техника. Варварская стихия затопливает остров культуры, который пытались создать в степи русские интеллигенты-культуртрегеры. Новые чингис-ханы сжигают их усадьбу и убивают ни в чем не повинных людей, желавших им добра. Судьба героини повести — центр, в котором пересекаются две линии: линия древней европейской цивилизации и линия варварской разрушительной стихии. Мария — молодая интеллигентная женщина, которая “бродила по Лондону, говорила о величии человеческой культуры, целовала камни Парламента, как святыню...” Она восхищалась Британским музеем — хранилищем памятников древних культур, ходила вокруг Вестминстерского аббатства, бывала в кабачке “Старый сыр”, где когда-то проводил вечера Диккенс. И вот в ночь перед трагедией она вспоминает Англию, а ее свекровь — свою научную работу в Монголии. А третья героиня повести после этих рассказов видит сон: Лондонские улицы, Трафальгарская площадь — среди пустыни. Фонтан у колонны Нельсона иссяк. По улицам проехали на лошадях монголы, потом прошел в цилиндре и с зонтом — англичанин. “Монголия съела Лондон”. В этом сне — точнее историософском видении — Россия и Англия сближаются в пространстве. Россия уже не может служить щитом между варварами и цивилизацией. Стихийное движение с востока затопляет неприступный остров. Перечеркивается разница во времени, исчезает пространство. Вечная цивилизация Англии кажется хрупкой перед лавиной варварской стихии⁴⁵⁸. Хотел этого Пильняк или нет, в его английских рассказах движение человеческой стихии с Востока предстает не в свете освобождающей социальной революции, а в мрачном свете непобедимого нового варварства. И какой бы тягостной ни представлял он жестко организованную, механизированную жизнь современной Англии, в созданной им картине английская культура остается светом с Запада.

Документальные очерки об Англии занимают особое место в творческой истории романа Пильняка “Третья столица”. Роман был впервые опубликован в первом номере альманаха “Круг” в 1923 г. Следующее издание того же текста под тем же названием вошло в книгу рассказов Пильняка “Никола-на-Посадях”⁴⁵⁹. В конце романа указана дата и место его написания: “Коломна, Никола-на-Посадях. Красная горка — Петров день 1922 г.”. В 1924 г. “Третья столица” вышла отдельным изданием в берлинском издательстве “Слово”.

В это же время роман был опубликован во втором томе авторского издания трехтомника⁴⁶⁰. В этом издании роман впервые вышел под новым названием: “Мать-мачеха”. Автор сохранил прежнюю датировку: “Коломна, Никола-на-Посадях, Красная горка — Петров день, 1922 г.” Дата и место остались неизменными и в более поздней публикации романа “Мать-мачеха” в четвертом томе собрания сочинений Б.Пильняка в восьми томах (1930). Сюжетных изменений в роман внесено не было, прежней осталась и дата: у исследователей были все основания считать роман “Мать-мачеха” переизданием “Третьей столицы”. В действительности “Мать-

мачеха" является новой редакцией "Третьей столицы" и автор не случайно дал этому произведению новое название. Пильняк вернулся к нему после возвращения из Лондона и включил в публиковавшийся текст свои дневниковые заметки и документальные очерки об Англии, "зарисовки с натуры". Очерки, как уже говорилось, были написаны либо непосредственно по возвращении из поездки, то есть в августе 1923 г., либо готовились еще раньше, в Англии. Включение значительных по объему документальных материалов не меняет хода событий в романе, но придает ему новое звучание. По этой причине "Мать-мачеха" по праву должна считаться либо новой редакцией романа "Третья столица", либо новым произведением.

Материал для романа дал Пильняку его первый выезд в Европу на три месяца в 1922 г.: "Границу переехал в Ямбурге 16 января 1922 г. В Ревеле жил три недели <...> В Берлин приехал 11 февраля"⁴⁶¹. Хотя первым опытом его знакомства с Европой была Германия и в значительной мере "русский Берлин", одна из главных сюжетных линий романа основана на английской теме, на контрасте "Англия-Россия". В романе действуют британский предприниматель Роберт Смит и русский филолог Емельян Разин. Смит едет в Россию искать удачи, так как Англии нужны новые источники сырья и рынки сбыта, по существу — новые колонии. В поезде он знакомится с русским ученым, который возвращается домой из своей первой поездки по Европе. Судьба персонажей — представителей не просто двух народов, но двух цивилизаций — определяется ходом истории. Встреча Разина и Смита является символом столкновения варварства и цивилизации, которое не может не закончиться драматически.

"Третья столица" в творчестве Пильняка произведение уникальное по жанру и замыслу. В романе воплотились его историософские представления о мировом кризисе, о гибели цивилизаций, о смещении центров мировой культуры, о появлении новых народов на сцене истории. В нем нашли выражение "скифские" и евразийские размышления писателя. Автор и сам неоднократно подчеркивает, что его представления о ходе истории сложились под влиянием книги О.Шпенглера "Закат Европы". В терминах Шпенглера он оценивает последние исторические события: "Так нарождались и умирали мировые цивилизации. Мы переживаем сейчас смену последней — Европейской. Мы переживаем сейчас чрезвычайную эпоху, когда центр мировой цивилизации уходит из Европы..." Указывая, как в драме, время и место действия, Пильняк придает всему роману апокалиптическое звучание: "Сроки: Великий пост восьмого года Мировой войны и гибели Европейской культуры (по Шпенглеру) — и шестой великий пост — Великой Русской Революции..." В романе, заявляет автор, "места действия нет. Россия, Европа, мир..." Этот мир охвачен общей трагедией: "Во всех странах, у всех народов пустели университеты, вымирала интеллигенция — мозг народов, пылились, разваливались, разветривались музеи, картины и книгохранилища, народами управляли солдат, мудрый как казарменная вахта, и шиббер, энергичный как кинематограф, полагавший, что вся промышленная и экономическая жизнь народов — есть только: биржа и жульничество на высоких и низких валютах..."⁴⁶². В романе Пильняк определил свое отношение к социальной революции в России и к технической революции на западе: "В этой неразрешимой коллизии нельзя жертвовать человеком, и единственные революции истинны, — это те, где здравствует дух"⁴⁶³.

Тема Англии играет важную роль в историософской концепции романа. Английская линия сюжета развивается параллельно с другими и как будто без связи с ними. В то же время все эти сюжеты — части одной всемирно-исторической картины, в которую вплетены линии судеб разных народов и в том числе русских эмигрантов. В узловых моментах романа сюжеты и темы перекрещиваются, персонажи сталкиваются в круговороте событий. “В Анатолии, в Галиполи — умирали в тот год русские изгой” ... “Глухо зачали в те годы Армения, Сирия, Палестина, Аравия — к чему бы?”

В этом мировом катаклизме распадаются главные звенья цепи, скреплявшей прежний мир, — Британская колониальная империя. Пильняк возвращается к Англии на каждом новом витке романа: кризис ее как великой морской и колониальной державы определяет судьбы народов. Англия, в представлении писателя, была последним оплотом устойчивости прежнего мира, символом традиций и неизменности жизненного уклада. Чтобы понять всю глубину кризиса, происходящего в мире, достаточно было ощутить, что Британия потрясена до основ. Британия, победившая в войне, вынуждена была защищать себя забором таможен, ее корабли ржавели в портах, замирали доки, останавливалась жизнь в ее морских портах. На судьбе Англии отразилась мировая война и революция в России. События в России изменили соотношение сил в мире. Центр мировой цивилизации перемещается из Европы — но куда? У Пильняка несколько ответов на этот вопрос: в Америку, в Россию, в Азию... Да, возможно, именно в Россию, как это ни маловероятно: “История иногда меняет свою колесницу на иные повозки. Сейчас история впряглась в русскую телегу...”

В историософском замысле романа именно Англия, а не какая-нибудь другая европейская страна, занимает место своего рода противовеса, “западного полюса” по отношению к России. В развитии детективного сюжета, развернувшегося из знакомства Смита и Разина, проявляются несовместимости Запада и Востока, разных культур, разных мировосприятий. Параллелью гибели цивилизаций становится гибель — физическая и нравственная — персонажей романа, представляющих Англию и Россию.

В основном английская линия романа была разработана писателем почти за год до поездки в Англию, когда все, что он знал об этой стране, он знал из газет или понаслышке. Подобно многим русским, Пильняк испытывал к этой воображаемой Англии смешанное чувство. Как поклонник технического изобретательства, он восхищался достижениями англичан, но как “скиф” и евразиец, он видел в Англии воплощение чуждой и даже враждебной цивилизации. Разрабатывая английскую линию романа, Пильняк словно был уверен, что опыт знакомства со страной подтвердит то, что рисовало ему воображение. И вот ему довелось испытать свои художественные гипотезы: увидеть страну собственными глазами. Вернувшись к своему английскому роману после поездки в Англию, писатель не изменил почти ничего из того, что уже было написано. Включенные в текст фрагменты — документальные очерки об Англии — не нарушили сюжетных линий, не изменили ни характеров персонажей, ни историософских и экономических заключений автора. Но благодаря этим фрагментам роман получил значение и статус не просто художественного произведения, но свидетельства очевидца.

Текст романа в первой редакции, в издании 1923 г., заканчивается словами: "Я, Пильняк, помню день, выпавший мне в дни писания этой повести, весной, в России, в Коломне, у Николе-на-Посадах, — и помню мои мысли в тот день. Сейчас я думаю о том, что эти мысли мои неисторичны, неверны: это ключ, отпирающий романтику в истории, позволивший мне крикнуть:

— Место — места действия нет. Россия, Европа, мир, братство.

— Герои — героев нет."

Этим признанием, что мысли его "неисторичны, неверны" писатель словно предвидел события своей жизни, под влиянием которых изменятся его исторические представления. Он словно оставлял для себя в романе место для роста.

В новую редакцию романа были включены три отрывка, которые можно в общих чертах — по доминирующей в каждом из них теме — обозначить как очерки о Лондоне, об Оксфорде и об Англии в целом. Каждый из этих фрагментов содержит размышления историсофского и культурологического характера: об английской культуре, о характере англичан, о канонах и традициях. Первое дополнение — о Лондоне — включено в новую редакцию после историсофского рассуждения: "В Анатолии, в Галиполи — умирали в тот год русские изгои"... "Глухо зачали в те годы Армения, Сирия, Палестина, Аравия — к чему бы?" За этим рассуждением следует авторская ремарка: "Но это говорит не мистер Роберт Смит, это говорю я, Пильняк. Мистер Смит знал иное". Далее в первой редакции романа шел рассказ о жизни Смита в Шотландии, начинавшийся словами: "Религия, семья, труд, пол". В этом отрывке Смит размышлял о бедах своей страны, которые касаются и его самого: "Мистер Смит знал как в тихой Шотландии <...> разваливалась семья".

В новом варианте романа после слов "Мистер Смит знал иное" появляется первый новый фрагмент, о Лондоне. Во внутреннем монологе, который дается непосредственно-прямой речью, Смит ностальгически вспоминает:

"Англия! Последний раз он подъезжал к Лондону по Темзе — днем, в прилив. По Темзе они шли целый день, эти шестьдесят миль, и по обеим сторонам реки все эти шестьдесят миль был один сплошной завод, доки, корпуса, краны, трубы, корабли, катера, парусники, опять краны, доки, корпуса".

Новый текст включен как бы на границе авторских историсофских размышлений и воспоминаний героя, так что он принадлежит одновременно автору и герою. Во фрагменте почти дословно повторяются дневниковые записи лондонских впечатлений Пильняка, опубликованные в виде очерков в "Известиях", а затем в "Английских рассказах" ("Отрывки из "повести в письмах", которую скучно кончить"):

"...Лондон!...

...Впервые я подъехал к Лондону — днем, в прилив — по Темзе ... По Темзе мы шли целый день... и по обеим сторонам реки все эти шестьдесят миль был один сплошной завод..."

Мистер Смит знал, продолжает рассказчик в романе, что половина этих заводов молчит, что в лабазах портятся товары, что в порту много безработных. Смит сходит на берег и переулком попадает на Стрэнд: он следует маршрутом Пильняка. И впечатления те же:

“Десять веков английской национальной цивилизации сдвинуты в Англии в одну плоскость, и четырнадцатый век — вот сегодня так же здравствует, как и двадцатый”. Это также мысли самого Пильняка, в несколько измененном виде:

“Я ведь тогда еще не знал, что десять веков английской цивилизации сдвинуты в Англии в одну плоскость, и четырнадцатый век — вот сегодня — там так же здравствует, как двадцатый...”

В романе Р.Смиту переданы многие рассуждения и впечатления Пильняка. Теперь уже не Пильняк, а Смит идет по Стрэнду и по Флит-стрит, и это ему не дают перейти улицу “тэкси, бэссы и карры”, это Смит восхищается памятниками культуры в Лондоне и в Оксфорде и, как самого Пильняка, его вскоре начинает раздражать слишком тесное соседство древности и современности. “Мистер Смит знал — вся Англия, как Лондон, жила традициями, консерватизмом, обычаями... Четырнадцатый век выпирал не только из Вестминстера, но и из каждого англичанина, с каждой улицы, — пусть этот четырнадцатый век колом заехал в ребро теперешних дней, все равно англичане сохраняют этот клин. И мистер Смит знал, как иногда вдруг начинало казаться, что все англичане, вся Англия замирает, осклероживается, известняковится известняками Вестминстера...”

Постепенно Смиуту, как и Пильняку, памятники прошлого начинают напоминать о смерти. И теперь уже, рассматривая каменное великолепие Вестминстерского аббатства, он испытывает ощущение, что аббатство построено из костей. Конечно, далеко не все свои замечания и размышления Пильняк мог передать своему герою. Он не стал включать в роман некоторые свои личные замечания, которые придадут всему наблюдению другую тональность. Вот для сравнения “Отрывки из “повести в письмах”:

“Лондон, как вся Англия, как каждый англичанин, живет традициями, консерватизмом, обычаями. <...> Два очень частых в Англии ощущения: лицемерности нации англичан (и это ощущение неверно, ибо англичане очень правдивы и честны, только надо уловить их мироощущение) и — второе — какого-то омерзения, осклероживания английской цивилизации — когда англичанин обязательно — обязательно — начнет с тобой разговор словами о погоде и будет говорить только о бизнесе, когда можно годы дружить с англичанином, бывать у него запросто, и все же не узнать, во что он верует, как верует, чем живет, о чем мечтает... Мне это пахло каким-то Китаем”. Или еще на ту же тему: “Отмирание большой литературы, театра, музыки, культуры духовной — можно объяснить и “осклероживанием”, замиранием в веках дней теперешних, замиранием веков...”⁴⁶⁴.

Второй английский фрагмент, об Оксфорде, включен в часть романа под названием “Обстоятельство третье”, в которой автор снова возвращается к истории жизни Смита. В этот фрагмент вошли впечатления Пильняка об Оксфорде (как и два других фрагмента, они были опубликованы в газете “Известия”, а затем в авторском сборнике “Английские рассказы”). Смит — выпускник Оксфорда — посещает свой университет перед уходом на войну. Он испытывает “строгую минуту гордости за человечество, за то, что он — человек и участник того огромного, что создало человечество”. Это переживание самого писателя.

Третий фрагмент начинается фразой “Мистер Смит знал Англию, страну канон, где все пути ведут в Вестминстер...”, а заканчивается символически: “Над Лон-

доном, над Англией — часты туманы. Что видно в туманах? — вернется ли к Вестминстеру Англия?» Форма введения историко-философских и документальных отступлений безыскусна и откровенна: “Мистер Смит знал...”, “Мистеру Смигу были очень памяты те дни...”. Но размышления или наблюдения, которые следуют за таким введением, имеют самое отдаленное отношение к психологии реально возможного “среднего” мистера Смита. То, что Р.Смит испытывает те же ощущения, что создавший его автор, и ему в голову приходят те же мысли, конечно — литературная условность. Восприятие британца, который родился и вырос в Англии, и сам является частью английской жизни, не могло быть тем же, что у русского писателя, впервые увидевшего эту страну. Видеть то, что видел автор романа, мог только посторонний, причем именно русский, и даже еще точнее — русский писатель Пильняк. На размышления об английской культуре и цивилизации его наводили впервые увиденные им памятники: старинная архитектура, английские учреждения, веками не меняющие своих устоев. Подобное видение Англии англичанином психологически не оправдано. Смита не могли в той же степени, что и Пильняка, удивлять близость века четырнадцатого и века двадцатого в английской жизни, загруженность улиц Лондона “тэкси, бэссами и каррами”; вряд ли он стал бы задумываться о роли телефона в деловой жизни, или пытаться по одежде прохожих на улицах определить, кто они — крестьяне или служащие.

Вкрапления “лирических отступлений” в стилистическом отношении искусственны и наивны, психологически не мотивированы, или мотивированы поверхностно и формально. Главное и единственное оправдание этой небрежности — в жанре “Третьей столицы”. В посвящении Пильняк писал: “Эту мою повесть, отнюдь не реалистическую, посвящаю Алексею Михайловичу Ремизову, мастеру, у которого я был подмастерьем”. В этом посвящении Пильняк определяет жанр своего произведения: это повесть (традиционно реалистический жанр), но у него это повесть “отнюдь не реалистическая”. Характер повествования, таким образом, уточняется ссылкой на литературного предшественника, на литературный образец. Это произведение действительно не является в традиционном смысле повестью. В одном из писем Пильняк признавался, что не умеет писать обычных — “сюжетных” — рассказов. “Третья столица” — пожалуй, самое совершенное выражение этого “неумения”, которое привело Пильняка к использованию нетрадиционных литературных методов, к созданию романа с особой системой условностей, аллегоризмом, мифологизмом, философичностью, “потокос сознания”...

Автор выступает в романе под маской разных персонажей. Словно играя с читателем в своеобразную театральную-литературную игру, он выглядывает из-под маски то одного, то другого персонажа, часто не особенно тщательно скрываясь под маской, а иногда открыто выступая от своего имени. Передав герою свои мысли о судьбе мировой цивилизации, о смещении центров культуры, о русских изгнанниках — автор как бы спохватывается: вряд ли его герой способен мыслить в категориях всемирной истории, и вряд ли его могут волновать проблемы русских эмигрантов. Вряд ли он вообще может выйти из круга понятий, определенных его воспитанием. Отсюда: “Мистер Смит знал иное”. Но автор не пытается завуалировать свои мысли под мысли своего героя. Ему важно высказать то, что он думает, — и ему безразлично, кто из его персонажей это выскажет. Внутренний монолог Р.Смита иногда прерывается голосом автора: “Но это

говорит не мистер Роберт Смит, это говорю я, — Пильняк." Автор, таким образом, напоминает об условности границы между рассказчиком и персонажем.

От имени автора говорят и другие герои. Емельян Разин, впервые "выброшенный" в Европу из нищей и голодной послереволюционной России, — в своих ощущениях и переживаниях является вторым "я" автора, хотя по своему нравственному облику далеко отстоит от него. Разину автор передал некоторые эпизоды из своей жизни. Причем, создавая своего героя, он предсказал некоторые события собственной жизни. Разин, как и Пильняк, живет сначала в провинции, потом переезжает в Москву. Так же как и автор, его герой неожиданно оказывается в Англии. Пильняк, таким образом, предсказывает и свой переезд в Москву и поездку в Англию, хотя и в иной последовательности. Возвращение Разина в Россию он "списал" с собственного возвращения из Берлина в международном вагоне. Но Пильняк передал своему герою только внешние события своей жизни и только незначительную часть своих переживаний. Сам он "знал иное". В очерке "Заграница", написанном по Берлинским впечатлениям, Пильняк писал: "Я, свободно уехавший за границу, свободно бежал оттуда в Россию: мне было радостно слушать глупейшие слова на митинге в Себеже, на нашей границе"⁴⁶⁵. Герой его Разин не разделял подобных эмоций, и, кажется, был бы рад никогда не возвращаться домой.

К жанровым особенностям романа относятся фантастические преобразования и перевоплощения персонажей. В именах героев просвечивают иные эпохи и литературные произведения (Емельян Разин, Лиза Калитина). Наряду с вымышленными персонажами в романе действуют или говорят современники Пильняка: Иван Бунин, Питирим Сорокин, Вс.Иванов. Как посторонний появляется и сам Пильняк. Реальные лица появляются в романе и под своими собственными, и под вымышленными, и под слегка измененными именами: например Лоллий Львович Кронидов это литератор Лоллий Львов, обобщенный тип эмигранта некий князь Трубецкой заставляет вспомнить об известной аристократической семье.

В докладе Питирима Сорокина, реальном или придуманном, который Пильняк включил в текст романа, содержится попытка контрастного сопоставления России и Англии: "Россия — страна катастрофическая; — Англия — богатая страна...", но, не развив этого сравнения, докладчик переходит к перечислению признаков бедственного послевоенного положения Англии: "На тысячу населения в Англии два университетских человека, — едва ли после войны осталось на тысячу пол-человека: студенты Кембриджа — все — пошли на войну офицерами — и к маю 1915 года живыми из них осталось лишь 20%. Европа обескровлена. Мозг ее высушен"⁴⁶⁶.

Не менее важно и продолжение этого рассуждения: об исторической судьбе народов и государств. Здесь, пожалуй, содержится основной тезис и идея романа, смысл исторического сопоставления России и Европы. "Совершенство государственной организации, исторические ее судьбы, — находятся в исключительной, в единственной зависимости от культуры, быта и особенностей народности этого государства..."⁴⁶⁷. Здесь Пильняк как бы объясняет свой метод исторического прочтения судьбы народа посредством наблюдения его быта, повседневной жизни, обычаев, проявления характера. Он хочет сказать, что всей совокупностью черт народной жизни и ее традиций определяется и характер правления и пути развития экономики и политики. В отношении Англии это очень пронизательное наблюдение: анг-

лийская жизнь развивается своим путем, независимо от индивидуальных качеств премьер-министра и членов его кабинета. Жизнь определяется всей системой государственной жизни. "Русский император Николай II в Англии должен был бы быть парламентским королем, а английский Георг VII стал бы в России деспотическим императором"⁴⁶⁸.

Исследуя в своем романе социальные и экономические процессы современности, Пильняк наполняет его, помимо собственных рассуждений, цитатами из произведений социальных мыслителей, отрывками из докладов, документов, экономических выкладок, из газетных и стенных объявлений, протоколов и официальных бумаг, а также из частных писем, дневников, семейных архивов... В этом поглощении в "сыром виде" цитат из внелитературных жанров состоит один из жанровых принципов модернистского романа. В "Мать-мачеха" по сравнению с "Третьей столицей" эти модернистские черты присутствуют в еще большей степени, представляя собой уникальный пример наполнения готовой сюжетной схемы документальными зарисовками "с натуры". Почти не меняя текста своих дневниковых записей и очерков, писатель вносит их в роман. Документ остается документом, однако он выполняет в художественном контексте новую функцию. Жанровая природа романа такова, что эклектичные жанровые включения только обогащают его художественную структуру.

"Поэма" — вот еще одно ненароком брошенное автором определение жанра, применимое к этому произведению, хотя может быть и только в метафорическом смысле. Путая реальность с фантазией, рассказчик спрашивает: "Иль это только бред, поэма, метель над Домбергом?". По многим признакам и "Третья столица" и "Мать-мачеха" это поэма в жанре "видения": в них доминирует тема Апокалипсиса, происходит явление иконы Богородицы, возникает тень корабля "Атлантида", появляется призрак града Китежа на дне морском. В романе есть элементы всемирно-исторической мистерии. На это указывает первоначальное название. Третья столица — это Москва, "Москва — третий Рим", третий центр мировой цивилизации. Указание на время и место действия также служит созданию атмосферы апокалипсиса, библейского "видения" нового времени: "Сроки: Великий пост восьмого года Мировой войны и гибели Европейской культуры (по Шпенглеру) — и шестой великий пост — Великой Русской Революции..." "Места действия нет. Россия, Европа, мир..." Автор смотрит на события в масштабе мировой истории, но при этом отчетливо различает детали: лица реальных людей и свое собственное лицо. Атмосфера апокалипсиса сочетается с конкретными деталями времени: и это сочетание только усиливает фантазмагоричность романа.

Писатель вернулся к английским впечатлениям в повести "Заволочье", опубликованной в альманахе "Круг" в 1925 г. (№ 5). Это также произведение со сложным переплетением сюжетных линий: события происходят в разном географическом пространстве — в Англии, в России, в Арктике, но оказываются между собой связанными невидимыми нитями судеб. Пожалуй, именно в повести "Заволочье", опубликованной спустя три года после поездки, Пильняк создал самый своеобразный художественный образ Лондона. Сочетая гротеск и реалистическую точность, он широкими мазками набрасывает огромный механизированный муравейник, а потом углубляется в детали, которые только усиливают ощущение гротеск-

ности его картины. Вот общий план: лондонский Сити — деловой центр в конце рабочего дня, в “часы пик”, когда толпы служащих разъезжаются по домам: “Через четверть часа Сити опустел, потому что толпа — или провалилась лифтами под землю и подземными дорогами ее кинуло во все концы Лондона и предместий, — или вползла на хребты слоноподобных автобусов, или водяными жучками ройсов и фордов юркнула в переулки туманов. Сити остался безлюдьем отсчитывать свои века.” Затем от общего плана делается “наплыв” на героиню повести, и, следуя за ней, автор дотошно прослеживает ее маршрут по городу: “У Банка, где нельзя перейти площадь за суматохой тысячи экипажей и прорыты для пешеходов коридоры под землей, лабиринтом подземелий она подошла к лифту подземной дороги и гостинио-подобный лифт пропел сцеплениями проводов на восемь этажей вниз, и там к перрону из кафельной трубы, толкая перед собой ветер, примчал поезд. Разом отомкнулись двери, разом свистнули кондуктора, разом разминулись люди, — и поезд блестящей змеей ушел в черную трубу подземелья. В вагонах — разом — леди и джентльмены развернули вечерние выпуски газет...”

Пильняк был и восхищен и подавлен Лондоном. Лондон его документальных очерков и Лондон художественных произведений — это разные города. В художественных произведениях (“Старый сыр”, “Заволочье”) — это мрачный, угрюмый, холодный город. Почти в каждом абзаце повторяется в разных вариантах слово туман: желтый туман, коричневый туман. Люди ходят по улицам, держась за стены, так как из-за тумана ничего не видно ⁴⁶⁹. Жизнь они проводят в холодных и сырых домах, где их спасает только камин. На земле царят автомобили, а людям приходится, уступив им земное пространство, уйти в подземелье метро и переходов. Интересно, что находясь в Лондоне между маем и августом, Пильняк оставил в своих повестях и рассказах описание зимнего и осеннего Лондона. Возможно, в рассказах ему нужен был литературный образ Лондона, знакомый каждому русскому по романам Диккенса.

Поездка в Англию решающим образом сказалась еще на одном произведении Пильняка — “Машины и волки”. Роман вышел отдельным изданием в 1925 г. ⁴⁷⁰. В нем разрабатываются излюбленные Пильняком историософские мотивы: тема Европы и Азии, цивилизации и варварства, однако в отличие от “Третьей столицы”, роман написан в реалистическом и документальном ключе. По всей видимости, роман имел тот же источник, что и повесть “Speranza”: эпизод в доке города Барри. В роман попал запоминающийся образ из очерков об Англии: краны “откусывают” вагоны от цепи поездов и опрокидывают их содержимое в корабельные емкости.

В конце романа Пильняк подробно указал, где и когда он работал над романом:

Коломна — Никола-на-Посадах, Лондон — 20, Handel-Mansions, Handel-str.,

Семеновская сторожка в Кадомском лесничестве. 10 марта 1923 — 2 июня 1924 гг.

Таким образом, Пильняк начал роман в марте 1923 г., в мае отплыл в Англию и продолжал работать над ним в Лондоне, в доме на Гендель стрит. О том, как английские впечатления повлияли на замысел романа, Пильняк писал в “Отрывках из дневника”: “Мне впервые теперь, после Англии “прозвучала” коммунистическая, рабочая, машинная, — не полевая, не мужичья, не “большевицкая”, — революция, революция заводов и городских, рабочих пригородов, революция машины, стали, как математика, как сталь. До сих пор я писал во имя “полевого цветочка” чертополоха,

его жизни и цветения, — теперь я хочу этот цветочек противопоставить — машинному цветению. Мой роман будет замешан не на поте, как раньше, а на копоты и масле: — это наша городская, машинная революция...”⁴⁷¹.

В течение нескольких лет после своей поездки в Англию Пильняк не раз возвращался к своим английским впечатлениям. С течением времени образ Англии в его представлении менялся. Поездки в Европу дали Пильняку новый масштаб видения истории России и русской революции. Он сам так оценивал значение этих путешествий для своего творчества: “В 1922-ом году я был в Германии, в 1923 — в Англии. Эти поездки за границу многое мне дали”⁴⁷². А дальше он пишет в третьем лице, словно смотрит на себя со стороны, глазами критика: “... Если его первые повести и роман “Голый год” окрашены славянофильством, то теперь ему многое в России кажется иным, — он знает, что человечество еще очень далеко от совершенства, еще много варварства и жестокости в человечестве всего мира, но на западе скоплено гораздо больше, чем в России, богатств и культурных навыков, России многому надо поучиться у Запада, и Пильняк знает, что в России сейчас — первым делом — надо ратовать за культуру, — культуре же этой поможет одно — машина, консолидированный труд, консолидированная трудоспособность, которых мало в России”⁴⁷³.

Н.Н.Никитин

Николай Николаевич Никитин (1895-1963) приобрел имя в литературе как член группы “Серапионовы братья”. Вхождению его в литературу помогали М.Горький, Е.Замятин, Б.Пильняк. Однако в отличие от своих учителей, Никитин декларировал свою преданность большевикам. Он писал А.Воронскому: “Credo мое — вам известно: “с большевиками!”⁴⁷⁴. Никитин возражал против привившегося в критике “сочетания” его с Замятиным, а также с другими писателями-попутчиками. Никитин не сумел оценить роман Замятина “Мы”, назвав его “сатиричкой из уездного”. Но во всем, что касается присутствия английской темы в творчестве Никитина, влияния Замятина никак нельзя отрицать.

Главным его литературным учителем был, несомненно, Пильняк. Уже в первой повести Никитина “Рвотный форт” (1921) господствуют пильняковские приемы: разорванный сюжет, лирико-философские отступления, включение в ткань повествования документальных фрагментов из газетных статей и радиокорреспонденций. На фоне сугубо российской провинциальной действительности даются сведения из международной политики: сообщается, например, о прибытии А.Красина в Лондон для совещаний о торговом договоре, упоминаются Оскар Уайльд и Ллойд Джордж. В виде отдельной (одиннадцатой) главы в повесть включен фантастический фрагмент “Король”: о прибытии в Россию английского короля и его свиты на минных кораблях. Английский король в этом политическом “сне” (или бреду?) предлагает россиянам свое правление⁴⁷⁵. Подобно тому, как сны отражают дневные тревоги, этот фрагмент отражает реальный российский страх тех лет перед английской интервенцией и колонизацией России. Несмотря на вставки общеисторического плана, Никитину в плане историософии далеко до Пильняка.

Со временем влияние Пильняка, уже в виде “пильняковщины” становится едва ли не преобладающим в творчестве Никитина. Творческое влияние под-

креплялось и личной дружбой. В 1922 г. у Никитина, как и у многих молодых советских писателей, возникло желание поехать за границу. Он писал об этом А.Воронскому, сначала абстрактно: "Желал бы поехать за границу", выбить "заграничников"⁴⁷⁶, а потом и более конкретно: "Вот если бы удалось поехать в Англию. Какую бы я написал книгу <...> Мне кажется, что она подняла бы мои фонды в ваших глазах"⁴⁷⁷.

В мае 1923 г. Никитин вместе с Пильняком отправился в Лондон. Как и Пильняк, он был командирован для работы в советском торговом представительстве Аркос. Писатели остались друзьями в этой поездке: Пильняк посвятил свои очерки в "Известиях" своему "спутнику Н.Никитину". О близости их взглядов и интересов свидетельствуют почти дословные совпадения в описаниях Англии. Совпадения эти скорее всего являлись следствием влияния Пильняка на Никитина, а не наоборот. По большей части Никитин и Пильняк проводили время в Лондоне вместе. Этому способствовало и то, что оба не знали английского языка. Они выступали с чтением своих произведений в Школе славянских исследований, где преподавал русскую литературу Д.Святополк-Мирский, посетили вместе с ним книжную лавочку Н.Макаровой. До этих встреч критик вряд ли был знаком с творчеством Никитина, во всяком случае первое упоминание его имени встречается в книге Д.Мирского "Современная русская литература: 1881-1925", изданной в 1926 г. В ней Д.Мирский писал: "Никитин — ученик Замятина, орнаменталист в последней степени, в его запутанных сюжетах невозможно различить основную повествовательную линию. Самые характерные его произведения посвящены гражданской войне, события которой изображаются автором с культивированным хладнокровием и отсутствием сопереживания"⁴⁷⁸. Одним из лучших его рассказов критик считал "Камни". Высказываниями Никитина наблюдения Мирского подтверждаются. Никитин писал: "Я и мои товарищи — художники катастрофической эпохи, каждый из нас берет по-своему. Упреки в отсутствии пафоса или радости у одного из нас (а хотя бы у меня) бессмысленны, потому что я этого не дам, ибо мне этого не дано. ... Мы — "горьковщина" или "достоевщина". Войну и революцию Никитин считал законом исторического процесса, а то варварство и жестокость, которые они с собой несли, — чем-то вроде закона естественного отбора. По отношению к этому процессу писатель призывал высказывать "меньше сентиментов — побольше ясности"⁴⁷⁹.

Из Англии Никитин совершил путешествие по Германии. О поездке Никитина в Берлин Пильняк упоминает в письме к Замятину от 12 июня 1923 г.: "Никитин в субботу едет в Берлин, на неделю". 12 июня 1923 г. приходится на вторник, следовательно, Никитин должен был уехать 16 июня. Вернувшись из поездки в Германию, Никитин сообщал А.К.Воронскому из Лондона 20 июля 1923 г.: "Я только что вчера приехал из Германии". Таким образом вместо недели он пробыл в Германии больше месяца. В то время "русский Берлин" еще процветал и Никитин имел возможность встретиться с русскими писателями. В беседе с Ходасевичем он рассказал о достижениях Пильняка в ПЕН-клубе, а также высказал свое мнение об англичанах. Ходасевич писал Горькому: "Никитин очень недоволен политической окраской англичан: "соглашатели", "коллапы", "кадеты"⁴⁸⁰.

В обратный путь Никитин из любопытства отправился через Рур (в это время оккупированный Францией и Бельгией), и его, как он писал Воронскому, "чуть не расстреляли бельгийцы, приняв за советского шпиона". По возвращении в Англию

из своего полного перипетий путешествия, Никитин испытал чувство, близкое в то время многим русским: "Когда я попал в Англию с парохода — сразу почувствовал всю благословенность этой страны". У писателя возникло желание подольше пожить в Англии, где ему, как и Пильняку, хорошо работалось. В том же письме он пишет: "Я взболтан как хороший гоголь-моголь. Это для здоровья — плохо, для впечатлений — хорошо. В Россию очень хочу. И очень хочу Европы. Остался бы в Англии. Здесь тихо и хорошо жить и писать. Но надо в Россию — так складываются обстоятельства. Быть может зимой куда-нибудь поеду. А сейчас, в первых числах августа, думаю nach Vaterland"⁴⁸¹.

Никитин уезжал из Англии вместе с Пильняком в середине августа 1923 г. на корабле "Леонид Красин". Установить дату их отплытия из порта Барри довольно сложно. В пятой главе своей документальной книги "Сейчас на Западе" Никитин пишет, что на грузовом судне "Леонид Красин" он отправился из порта Барри в Россию в понедельник 7 августа. В 1923 г. 7 августа приходилось на вторник. В порту, как пишет Никитин, было объявлено, что выход из порта задержится до субботы. Однако 11 августа, то есть в субботу, Никитин уже записывает: "Третий день в море". Если поверить этой записи, "Леонид Красин", отплыл из Барри 9 августа, в четверг.

Письмо Пильняка к А.В.Бахраху, написанное в море, в проливе Ламанш, датировано 11 августа. Никитин послал письмо с "Леонида Красина", помеченное датой "21 или 22 августа", когда оставалось "до Питера еще шестьдесят часов хода". Следующая часть этого делового письма, написана в Петрограде 25 августа. Пильняк в своей дневниковой записи от 25 августа (воскресенье) пишет, что "приехал в Коломну из Лондона вчера", то есть 24 августа. Казалось бы, на эти даты можно положиться, если бы снова не "документальные" записки Никитина "Сейчас на Западе". В главе "Нечто о колледжах и литературе" он пишет, что в Кембридже и Оксфорде он был ранней осенью, и что осень — лучшее время для посещения университетских городов. Глава "Один прекрасный обычай..." посвящена "Bank holiday", банковскому выходному дню, который устраивается дважды в год, весной и осенью. Никитин утверждает, что осенний бэнк-хolidays он провел неподалеку от Кардиффа, в Бэрри-доке (так он называет порт Барри). Он увлеченно описывает отдых англичан в Южном Уэллсе между 5 и 10 сентября: "На морском берегу, в песке, в зелени, в камнях стоял непрерывный гомон и шум". Отдыхающие купались, шла активная торговля. Трудно представить себе такую курортную картину в начале сентября даже на юге Англии.

И все же ближе к реальности то, что 15 августа Никитин находился в море, на пути в Россию, так как этим числом датировано его воспоминание об английских университетских городах. Он сравнивает русских и англичан: "У нас есть то, чего нет у них — это чувство человека". Познакомившись с капитаном корабля, Никитин с изумлением узнал, что тот знает Замятина и Чуковского ("Какой маленький мир!"). Этот отрывок заканчивается на лирико-патриотической ноте, в духе Пильняка: "Скоро Россия, работа. Я счастлив. Мы едем в Кронштадт".

7 октября 1923 г. Никитин писал Воронскому, что он заканчивает "Разговоры на Западе", определяя эту книгу как "отчетную работу за лето"⁴⁸². 12 марта 1924 г. он выслал ему уже изданный сборник "Сейчас на Западе: Берлин — Рур —

Лондон”⁴⁸³, сообщив, что книга имела потрясающий успех: разошлась в три дня без остатка. Четвертая часть сборника посвящена Англии и называется “Английские зеркала”. Она открывается эпиграфом: “Неча на зеркало пенять, коли ...”. Эта часть делится на десять глав. Глава первая, “Первый блин”, посвящена Р.А. и Я.А. Берзиным. В ней Никитин описывает, как их корабль вошел в Темзу. Этот эпизод с полицейским катером и выяснением, кто находится на борту, описан и у Пильняка. В газетах тех дней говорилось о разрыве с Советской Россией, и вот во время опроса выясняется, что из “недружественных стран” на корабле находятся двое — Пильняк и Никитин. Однако выяснение этого обстоятельства не ведет ни к каким дальнейшим процедурам. Далее, может быть, в косвенной связи с этим эпизодом, Никитин размышляет об английской выдержке: единственный выход, который англичанин дает своим чувствам, — это бокс. Сойдя с корабля, писатели оказываются в самом центре Лондона, едут в гостиницу, а в одиннадцатом часу вечера выходят на Стрэнд.

Во второй главе (“Город”) Никитин описывает Лондон как “город шума”, “административный центр метрополии”, “маховое колесо огромной британской машины”. Он пытается найти свои образы, но не может уйти от метафор своего собрата по перу: “Тут заводится механизм, чтобы точно — минута в минуту — шла работа”. Никитин описывает непривычный для русского человека распорядок: “Жизнь идет везде одинаково, без отступлений”: начало рабочего дня в десять, в час — ланч, в четыре-пять часов — чай, в шесть-семь — обед. В акцентах, которые расставляет Никитин в своем описании Лондона, он следует за Пильняком, но высказывается более прямолинейно: например, подчеркивая контраст богатства и бедности, он обращается к совести правителей: “Стыдно богатой стране...” и так далее. Англичан Никитин называет замаятинским словом “островитяне”; в его определении основных черт этого народа чувствуется то же влияние: “Островитянин любит “покой” и твердую ренту в банке, и крепкий банк, и крепкую валюту”⁴⁸⁴.

В главе “Митинг в Трафалгар-Сквере” Никитин в стиле газетного очерка пишет об англо-русских отношениях: “Целую неделю от 7 до 15 мая Лондон живет точно накануне войны. Все газеты полны Россией, большевиками, русским вопросом”. Речь идет об открытии новой сессии Парламента, на которой лорд Керзон должен дать отчет о деятельности и планах правительства в связи с русскими делами. Правительство выступает за войну, тред-юнионы — за более осторожную политику. Газеты сообщают о приезде Л.Б. Красина. На колонне адмирала Нельсона портреты Троцкого и Ленина. Есть предположение, что Керзона может сменить Болдуин. Атмосфера тревоги и неопределенности в Лондоне, как кажется автору, напоминает Россию в 1917 году.

В главе “О нравах, о выборах, а главное — о веселом отношении к жизни” рассказывается об “английском джентльмене” и об “английской женщине”. Эта глава изрядно отягощена “развесистой клюквой”: в ней скопились наиболее абсурдные замечания автора об Англии. Но в ней же содержится и объяснение, чем вызвано его смещение чувств: “Русский человек, попадая в Англию, не знает — что прилично и что неприлично” ... “Я до сих пор не знаю, что прилично, я — “большевистский невежа”. Далее описан один из скандальных судебных процессов, призванный опровергнуть утверждения о том, что в Англии даже мелкое нарушение приличия — вещь невозможная.

Пятая глава "Нечто о колледжах и литературе" посвящена университетам, главным образом Кембриджу и Оксфорду. Характер студента, как его изображает Никитин, — виван, культивирующий в себе уверенность и непогрешимость английского аристократа. Он готовится стать подлинным англичанином, жизнь которого подчинена трем главным доктринам: Бог, король и нравственность. Никитин считает, что Кембридж более демократичен, чем Оксфорд, но что вообще эти города — "музейный раритет". Лондон с его университетом представляется ему более практичным. Никитин отмечает (как и Пильняк), что в Англии изучение русского языка вошло в моду. Он упоминает Школу славянских исследований и "Russian Society" при нем, где каждую неделю собираются взрослые англичане, чтобы изучать русский язык и литературу. Тяготение к русскому языку, отмечает Никитин, началось с войны, а утверждение в России нового строя повысило этот интерес: "они" хотят ближе знать "дикарей". Офицеры продолжают изучать русский язык с практическими целями. Д. Мирского Никитин, разумеется, не упоминает. Но об эмигрантах он сказал несколько слов. Он пишет, что к русским студентам в английских университетах предъявляют требование — не быть большевиком. Студенту с советским паспортом чрезвычайно трудно попасть в английский университет. "Большинство русских студентов, конечно, из белых элементов", — пишет он. Они сильно нуждаются, приходится устраиваться на работу. В благоприятном положении находятся только студенты из эмигрировавшей русской аристократии.

Дальше в этой же главе Никитин описывает вечер в ПЕН-клубе: он сетует, что ему с Пильняком не дали во время обеда произнести приготовленные речи. Английские писатели, — решил он, — побоялись, что советские представители начнут "испровергать английские основы: Бога, короля и нравственность". Никитин отметил, что многие писатели, с которыми ему приходилось беседовать, начинали разговор с религии. "Это, — отмечает автор, — английская традиция, так же как вопрос о делах и о погоде". Дамы спрашивали его о браке и о свободной любви в Советской России⁴⁸⁵.

В главе "Благочестивая Англия" дается материал еще одного судебного дела, на этот раз по обвинению молодой женщины и ее возлюбленного в убийстве старого мужа. Снова автор вводит контраст между стереотипным представлением об Англии как стране благочестия — и реальностью жизни, в которой эмоции берут верх над приличиями. Он продолжает развенчивать английское лицемерие. В восьмой главе "Чудесная скрипка" писатель показывает, как нарушается политическое благочестие всей Англии: бастуют ирландские докеры, задевая права Британии. Описывая в девятой главе английские зрелища, Никитин пишет об упадке шекспировского театра, давая ему такие определения как "низкий по уровню", "только для рабочих". Как и Пильняк, он с намеком на упадок культуры пишет о возобладавшем в Англии господстве мюзик-холла и кино. О литературе брошено одно замечание, касающееся творчества Г. Уэллса. В России, с удивлением пишет Никитин, он пользуется огромным успехом, а в Англии он — ничто. Англичане гораздо больше ценят Томаса Харди. Дальше — о главных увлечениях англичан: о боксе и скачках. "Зрелища Англии", как их обобщил Никитин, это: "Ипподром, кино, бокс, мюзик-холл и театр". Странно, что он не заметил крикета и футбола.

Десятая глава "Тайна мистера Бэкши" имеет подзаголовок "Английский импрессионизм" и посвящается "Mrs В". Герой наброска мистер Бэкши был реаль-

ным лицом, Никитин познакомился с ним во время поездки в Германию. Крымский еврей, ранее носивший фамилию Бакшеев, он эмигрировал в Англию в 1907 г. как политический эмигрант и занялся предпринимательством. Дела его шли хорошо, но на своей новой родине он не мог найти подругу жизни. В 1921 г. он отправился в Москву в поисках невесты, через два месяца женился и вернулся в Лондон. Желю он нежно любил, но при этом не мог удержаться от маленьких романтических похощений. Эти истории измен и составляют основу наброска. Бэкси рассказал писателю об одной из своих любовниц, о русской женщине из семьи сибирских купцов, которая в 20 лет выехала из России с мужем-англичанином, а к 35 (когда Бэкси с ней познакомился) совершенно перестала быть русской. Она развелась с мужем, воспитывала одна двоих детей, но о России не вспоминала и думала по-английски. Никитин предлагал Воронскому опубликовать рассказ "Тайна мистера Бэкси" в его журнале "Прожектор". Он так характеризовал свое произведение: "Английский импрессионизм — о море и шквале, о том, что такое жена, а что — любовница. Порнографии никакой, все свято"⁴⁸⁶. Позднее он писал об этой же книге: "В ней меньше искусства, но больше правды".

Со словами "меньше искусства" трудно не согласиться, что же касается "правды", то в характеристике героя писатель упустил много интересного. Мистер Бэкси обрисован как обычный буржуа, делец, тогда как реальный А.Бэкси был переводчиком, театральным критиком, автором эссе из истории философии. В 1915 г. в издательстве Лондонского университета был опубликован его перевод сочинения В.С.Соловьева "Война, прогресс и конец истории, включая краткую историю Антихриста". В 1916 г. он написал и опубликовал на английском языке в издательстве Абердинского университета книгу "Философия Владимира Соловьева"⁴⁸⁷. В том же году он выпустил сборник "Путь современного русского театра и другие эссе"⁴⁸⁸. В 1923 г. Бэкси опубликовал книгу "Современный театр"⁴⁸⁹. Позднее он взялся за переводы художественной литературы, в 1930-х годах опубликовал перевод второй, третьей и четвертой частей "Жизни Климса Самгина" М.Горького⁴⁹⁰.

Е.И.Замятин дал испепеляющую рецензию на сборник путевых очерков Никитина. Он высмеял их претенциозный стиль и поиздевался над познаниями автора в английском языке. Замятин писал: "Испытанный борец за пролетариат, видный советский сановник, может быть, полпред, — впрочем, несомненно, полпред, об этом догадываешься сразу, — через Германию, через Рур едет в Лондон. Имя полпреда неизвестно, оно раскрывается только в конце... Во всяком случае ясно, что это — человек, привыкший управлять движениями и судьбами миллионов, и отсюда — это "мы". "Нам не важно, что болтает Шреземан...", "Нам не мешает поучиться у Англии политическому чутью..." <...> Этот сановник и полпред, осажденный интервьюерами ... — только Ник. Никитин". Замятин советовал: "Серапионовы братья — должны сохранить за ним этот титул: "Полпред Н.Никитин" — звучит хорошо"⁴⁹¹. С этой рецензией переключается одна из шуточных эпитафий:

Прохожий, да побойся бога,
Прочти надгробный сей запрет:
Здесь останавливаться строго
Запрещено: здесь спит полпред⁴⁹².

В 1924 г. Никитин разошелся с Серапионами, и, невзирая на критику Замятина, продолжал работать в жанре документального очерка: в 1926 г. он издал книгу "С карандашом в руке"; а очерки о путешествиях по России и по Европе составили новый сборник "Лирическая земля" (1927). В этот сборник он включил и "Английские зеркала". Писатель обращался к английской теме и в своем позднем творчестве. Его исторический роман "Северная Аврора" (1950) посвящен борьбе советской армии с англо-американской интервенцией на Севере в 1918-19 годах. Роман был удостоен Сталинской премии (Государственной премии СССР). По мотивам романа Никитин написал пьесу "Северные зори".

Н.Н.Берберова, В.Ф.Ходасевич и В.М.Ходасевич

Художница Валентина Михайловна Ходасевич, дочь старшего брата поэта В.Ф.Ходасевича, побывала в Лондоне в июне — августе 1924 г. Ее муж А.Р.Дидерихс организовал для себя деловую поездку в Лондон, а жену оформил как официального переводчика. С получением визы у них были трудности: они ждали визы четыре месяца и уезжали в большой спешке. Предполагалось, что они пробудут за границей полгода. 30 июня 1924 г. В.М.Ходасевич писала о своих лондонских впечатлениях Н.Н.Берберовой и Ходасевичу в Париж: "Лондон город замечательный, но очень жуткий. Первые дни мы совсем растерялись и вечерами, придя домой, я чувствовала только одно — "к маме хочу!" Жизнь тут странная и дорогая. Долго здесь застрять я бы не хотела. Конечно мечтаю поскорее попасть в Париж (все же уютный городок по сравнению с Лондоном) и в Италию к Дуке <Горькому>. Как и что будет — не знаю"⁴⁹³. Почти месяц спустя, 26 июля, В.Ходасевич писала, что она очень устает в Лондоне и мечтает уехать. О сроках пребывания в Англии она не могла сказать ничего определенного, но с нетерпением ждала отъезда в Париж, где были друзья и родственники. 2 августа она вынесла окончательный приговор столице Англии: "Лондон гадость и бяка". У Дидерихса в Лондоне дела не шли, и ему Лондон, видимо, тоже не нравился: "Диди <Дидерихс> кланяется, он тоже грустный". По прошествии следующего месяца, 29 августа, она писала в том же тоне: "Лондон — вещь тяжелая! Вторую неделю льют дожди и холод собачий (вас этим, вероятно, не удивитесь!). Помня заветы Нины Николаевны, ничего себе здесь не покупаю, а потому очень мерзну, чихаю и кашляю. Англичанки ходят в шубах, и я им очень завидую"⁴⁹⁴.

Дидерихсы жили в самом центре Лондона, на улице Bedford Place, рядом с Британским Музеем и районом Блумсбери. Оттуда недалеко до главных театральных центров Лондона. В.М.Ходасевич как театральную художницу больше всего интересовал театр. Но и театр не вдохновил ее: "Была как-то в театре. Было скучно и неловко, не похоже на театр. Как будто попала в дом, к каким-то англичанам, случайно присутствую, а они меня не видят, не видят и разговаривают о своем. Так вот сидели на протяжении 3-х действий, курили и говорили. Очень странно! Так играть, наверное, очень трудно. Это даже не реализм Художественного театра, а совсем что-то особенное. Все настоящее, но скучно настоящее, а не "слишком"⁴⁹⁵. Оценить английское театральное искусство, сдержанную манеру актерской игры зрительнице помешало, возможно, поверхностное знание языка и привычка к рус-

скому театральному стилю. Трудно поверить, что в центре Лондона она оказалась в "плохом" театре. На улицах Лондона В.Ходасевич тоже показалось "очень скучно и уныло". Она отметила: "Люди подолгу бесстрастно рассматривают витрины". Не произвели на нее впечатление и "разные Виндзоры", куда их возили для развлечения. В.Ходасевич узнала, что Берберова и Ходасевич собирались в Ирландию, и спрашивала: "На что похожа Ирландия?" По дороге в Ирландию Берберова и Ходасевич заехали в Лондон и встретились со своими родственниками. В сентябре обе пары вернулись в Париж.

Н.Берберова, видимо, интересовалась Англией и англичанами: над этим ее увлечением подтрунивал М.Горький. В июне 1923 г. он писал Ходасевичу из Гюнтерсталя: "Нине Берберовой сердечный мой привет. Она очень громко смеялась бы здесь над английскими леди всех возрастов, их тут масса и все смешные" ⁴⁹⁶. В следующих письмах он пишет имя Берберовой латинскими буквами и передает ей привет "по-английски": "Berberova! Privet! Budte sdorovi! Pichete li stichi?" ⁴⁹⁷.

10 августа 1924 г., когда Берберова и Ходасевич находились в Ирландии, М.Горький писал им из Сорренто: "Первый раз за всю мою жизнь пишу письмо в Ирландию, — не обижайтесь, В.Ф., дорогой, если выйдет плохо и скучно" ⁴⁹⁸. М.Горький в шутку обещает написать такую поэму, что "от досады" "Берберова примет ирландское католичество". 21 августа М.Горький, получив ответное письмо Ходасевича, снова писал в Ирландию: "Как это удивительно, что Ваши письма доходят до меня! И, очевидно, доходят мои до Вас. Пожалуй, надо верить, что Англия, поистине, страна свободы" ⁴⁹⁹.

Вернувшись из Ирландии, В.Ходасевич опубликовал статью о кораблестроительной верфи в Белфасте. Видимо на него, как и на Пильняка, неизгладимое впечатление произвела техника в порту. 20 июля 1925 г. М.Горький писал ему по этому поводу: "Я рассердился на ваш "Белфаст", несправедливо ставить это "учреждение" в упрек советской власти. Германия, Франция технически богаче России, но Белфаста и у них, ведь, нет. Это — нечто исключительное, верфь Белфаста. Да и вообще несправедливо упрекать Москву в безделье — там работают и учатся работать" ⁵⁰⁰.

М.И.Цветаева, Б.А.Пастернак

М.И.Цветаева побывала в Англии в феврале 1926 г. Хотя путешествие было коротким — она провела две недели в Лондоне — она не раз вспоминала об Англии в письмах и видела во сне Лондон. Несколько писем со своими впечатлениями она отправила непосредственно из Англии: П.П.Сувчинскому, А.А.Тесковой, Д.А.Шаховскому ⁵⁰¹. Мысленно она возвращалась в Лондон в переписке с С.Н.Андрониковой, Р.Н.Ломоносовой, В.Ф.Ходасевичем, Б.А.Пастернаком, Ю.П.Иваском.

Поездку М.Цветаевой и два ее поэтических вечера в Лондоне организовал Д.Святополк-Мирский ⁵⁰². Критик познакомился с творчеством Цветаевой в начале 1920-х годов, был заинтригован, но не сразу оценил ее. В 1921 г. в своем самом раннем отзыве о Цветаевой в журнале "Лондонский Меркурий" Д.Мирский писал: "Цветаева стремится звучать намеренно банально..." ⁵⁰³ В следующем году он дал более подробную характеристику ее творчества в статье "О современном состоянии русской поэзии", которую ему не удалось опубликовать ⁵⁰⁴. Здесь он впервые

употребляет выражение "распущенность" в приложении к ее поэзии ("распущенность в каждом движении стиха"), и дает такие определения ее поэзии как "очень своеобразная, капризная, бытовая и страшно живучая".

В 1924 г. в предисловии к составленной им антологии русской поэзии Д.Мирский бросил несколько слов о Цветаевой, надолго оставшихся в памяти современников: "талантливая, но безнадежно распущенная москвичка"⁵⁰⁵. Английским читателям наиболее доступной стала весьма неудачная характеристика поэзии и прозы Цветаевой в "Истории русской литературы" Д.Мирского. В этой книге, изданной в 1926 г., он оставил свою более раннюю оценку ее творчества: "Она пишет с очевидной и невероятной легкостью, и это нередко отражается на уровне ее поэзии: значительная часть ее второсортна и подражательна, <...> она не принадлежит к когорте великих мастеров, качество ее работы бывает очень разным. В худших своих образцах она неприятно претенциозна (в прозе) и туманна". О прозе Цветаевой Д.Мирский далее пишет, что это "самая претенциозная, неряшливая, истеричная и во всех отношениях самая худшая проза, когда-либо написанная по-русски"⁵⁰⁶.

Д.Мирский и М.Цветаева познакомились в кругу евразийцев, с которым был тесно связан ее муж С.Эфрон. Их представил друг другу П.Сувчинский. Личное знакомство дало Д.Мирскому возможность ближе узнать ее поэзию: он прочел сборник "Ремесло", затем написанные в Праге поэмы "Крысолов" и "Поэму Конца". В результате ли чтения, или общения с поэтом, а возможно повлияло и то, и другое, но мнение Д.Мирского о М.Цветаевой резко изменилось: он понял, что перед ним поэт именно "из когорты великих мастеров". Особенно сильное впечатление произвела на него поэма "Молодец": о ней он написал в 1926 г. восторженные отзывы в "Современных записках" и в английском "Славянском обзоре"⁵⁰⁷. О "Крысолове" он писал в "Воле России" как о серьезной "политической и этической" сатире, опровергая общепринятое суждение об "аполитичности" Цветаевой⁵⁰⁸. В этом же году в "Верстах" он утверждал, что благодаря публикации "Крысолова" журнал "Воля России" заслужил бессмертие в истории русской литературы: В статье "Поэты и Россия" в первом номере "Верст" Д.Мирский объединяет Цветаеву с Гумилевым, Маяковским и Пастернаком, которым он дает высшую оценку⁵⁰⁹.

В феврале 1926 г. Д.Мирский поместил статью о Цветаевой в одном из ведущих лондонских журналов "The New Statesman": это первая публикация, полностью посвященная творчеству М.Цветаевой на английском языке. Здесь Д.Мирский дает подробную историю ее творчества. Он особенно подчеркивает ее стремление вернуть русскому стиху его оригинальное звучание. Ее поэзия, особенно позднейшая, пишет критик, "это русский бунт против западного воздействия" <...> "Это первая удачная попытка (бессознательная) освободить русский язык от тирании греческого, латинского и французского синтаксиса. Такие попытки делались в прозе Ремизовым и Розановым, но на это никогда не решался ни один поэт"⁵¹⁰.

Статья в "The New Statesman" должна была, по замыслу Д.Мирского, предвзвестить визит Цветаевой в Лондон, о котором он в это время вел переговоры с А.В.Тырковой. 23 января 1926 г. он писал ей: "Я осмеливаюсь рассчитывать на Вашу помощь в одном деле, которое (может быть опрометчиво) затеваю: устройство вечера Марины Цветаевой в Лондоне. Она находится в очень бедственном положении (двое детей) и при нынешнем состоянии книжного рынка трудно рассчиты-

вать на его поправление. Я надеюсь получить для этого даровое помещение от Kings College (Malet Street). В таком случае мне кажется не бузумным рассчитывать на 30-40 фунтов сбора, то есть за покрытием расходом 20-30 фунтов, что для Франции и Чехии уже много. Мне очень хочется, чтобы это удалось, так как все-таки она сейчас первый (несомненно) русский поэт, во всяком случае младшего поколения, и положение ее ужасное и безысходное”⁵¹¹. 2 февраля прояснились многие организационные детали визита и Д.Мирский сообщил Тырковой, что вечер состоится в Школе славянских исследований в субботу 13 или 20 марта. Предполагалось продать сто билетов по пять и десять фунтов. В концерте согласился принять участие молодой пианист Чавчавадзе. Д.Мирский надеялся уговорить участвовать в вечере жену К.А.Бенкендорфа арфистку М.Корчинскую, но боялся политических неприятностей (“она монархистка из монархисток”). 4 февраля 1926 г. Д.Мирский писал П.Сувчинскому: “Еще занят другим делом: устройством вечера М.Цветаевой в Лондоне. И в связи с этим к Вам большая просьба: не можете ли Вы упросить пианиста Орлова принять в нем участие? Он будет в Лондоне в середине марта и вечер М.Цветаевой предполагается 13 или 20-го марта”⁵¹².

Цветаева приехала в Лондон 10 марта. По некоторым свидетельствам (Г.П.Струве в частном письме к Дж.Смиту), Цветаева останавливалась в Лондоне в доме Тырковой, но скорее всего она только побывала у нее в гостях вместе с Д.Мирским. На другой день после приезда в Лондон она сообщала П.Сувчинскому свой адрес: 9, Торрингтон Сквер. Она пишет: “У меня классическая мансарда поэта”. Torrington Square находится вблизи Британского музея. Это было замечательное соседство для дочери создателя Пушкинского музея в Москве. Музей привел ее в восторг. Рядом находилась Школа славянских исследований, где работал Д.Мирский: 15, Торрингтон Сквер. “С Мирским будем соседями”, — уточняла Цветаева в письме к Шаховскому⁵¹³. Так как Цветаева не говорила по-английски, в Лондоне она чувствовала себя в полной зависимости от Д.Мирского. Но оказалось, что он не смог предложить необходимое ей интенсивное общение. На следующий день своего пребывания в Лондоне, 11 марта она пишет длинное письмо П.Сувчинскому, которое начинается признанием: “Как мне в жизни не хватает старшего и как мне сейчас, в Лондоне, не хватает Вас! Мне очень трудно. Мой собеседник молчит, поэтому говорю — я. И совсем не знаю, доходит ли, и как доходит”⁵¹⁴. А заканчивается это письмо просьбой перебороть лень и написать ей “хорошее большое письмо”. А в самом конце: “Если бы Вы знали, как мне тяжело!”.

Это настроение вызвано было и усталостью от трудного переезда (Цветаеву укачивало во всех видах транспорта, что же говорить о пересечении Ламанша в феврале) и отсутствием дружеской поддержки, на которую она рассчитывала со стороны Д.Мирского. Понимания на человеческом и на бытовом уровне поэт и критик не достигли. В письме к Ю.П.Иваску Цветаева вспоминала, как мало совпадали их интересы: “Ем все, и даже мало отмечаю, чем во времена нашей дружбы сердечно огорчала Д.Мирского (страстного едока и ценителя, как, часто, очень одинокие люди), водившего меня по лучшим — тайно, знатовщически — лучшим ресторанам Парижа и Лондона”⁵¹⁵. В письме к Р.Н.Ломоносовой Цветаева вспоминала: “Я ему первая показала, то есть довела до его сознания, что Темза в часы (отлива или прилива?) течет вспять <...> Три недели бродили с ним по Лондону, он все хотел в Музей, а я — на рынок, на мост, под мост. Выходило — учила

его жизни. И заставила его разориться на три чудных <...> рубашки, которые он мне, по дикой скарелности на себя, до сих пор не простил <...> А разошлись мы с ним из-за обожасмой им и ненавидимой мной мертворожденной прозы Мандельштама — “Шум времени”⁵¹⁶.

В Лондоне Д.Мирский дал М.Цветаевой прочесть автобиографическую повесть О.Мандельштама “Шум времени” (1925). Книга возмутила Цветаеву, она писала Сувчинскому: “Книга баснословной подлости. Пишу — вот уже второй день — яростную отповедь. Мирский огорчен...”⁵¹⁷. Об этом же она писала Шаховскому: “Сижу и рву в клочки подлую книгу М[андельштама] “Шум времени”. Вот все мои тайны в Англии (лондонские трущобы)”⁵¹⁸. Возмущение Цветаевой могло быть вызвано ироничными строками поэта о царской семье, его отношением к Добровольческой армии и войне в Крыму. За неделю в Лондоне Цветаева написала “Мой ответ Осипу Мандельштаму”, но ей нигде не удалось его опубликовать. Сувчинский отказался печатать его в “Верстах”. В Париже она прочитала свою статью на литературном вечере, но по совету друзей, в том числе Д.Мирского, не стала настаивать на ее печатной публикации.

Ответ Сувчинского на свое лирическое послание она получила и 15 марта снова ответила ему длинным письмом, в котором, как и в первом, много писала о себе, так, словно в Лондоне ей не с кем было поговорить: “Я по Вас соскучилась, я когда-нибудь еще буду очень Вас любить. Если заняты, не отвечайте, это не переписка, я просто подаю голос”. Цветаева чувствовала себя одиноко, несмотря на визиты, которые устраивал для нее Д.Мирский. В письме к Сувчинскому она сообщала о том, что побывала у Галицких — “чудный и странный дом”. (В.Расторгуев, работавший у них садовником и шофером, вспоминал, как вез в Чессингтон Цветаеву и Д.Мирского⁵¹⁹.)

В этом же письме Цветаева упоминает о своем вечере, который состоялся 12 марта: “Вечер прошел удачно. Лекцию Д.П.<Мирский> начал с посрамления Чехова, который ему более далек, чем нечитанный китайский поэт (хорошо ведь?). Стихи доходили”⁵²⁰. Д.Мирский писал Сувчинскому: “Вечер М.Ц. был удачен — особенно в денежном отношении (больше, чем я ожидал)”⁵²¹.

В Лондоне Цветаева провела два поэтических вечера. Один из них был устроен с помощью Тырковой в Русском Доме, а другой либо в Королевском колледже Лондонского университета, либо в Англо-русском литературном обществе, где не раз выступал Д.Мирский и другие русские литераторы. Издатели писем Цветаевой из архива Сувчинского сообщают, не указывая источника, что целью поездки, организованной Д.Мирским, было “дать Цветаевой возможность заработать выступлением в ПЕН-клубе”⁵²², однако ни в протоколах ПЕН-клуба, ни в достаточно подробных воспоминаниях его секретаря Марджери Уоттс⁵²³, Цветаева не упоминается. Трудно предположить, что ее визит прошел незамеченным: русские авторы были редкими гостями в ПЕН-клубе и всякое их посещение должно было оставить след в документах клуба. Освещены в протоколах и отмечены мемуаристом визит Б.Пильняка и Н.Никитина в июне-августе 1923 г., визит И.А.Бунина в феврале 1925 г. Однако вопрос о визите Цветаевой остается открытым из-за недостаточной изученности архивов ПЕН-клуба.

В Англии Цветаева продолжала напряженно работать. Она держала корректуру статьи об эмигрантской литературной критике для журнала “Благонамерен-

ный". В письме к редактору журнала Д.А.Шаховскому от 8 марта она обсуждает его редакторские замечания. В письме она повторяет одну из ключевых фраз статьи: "Не доверяю также критикам — бывшим поэтам, не имевшим мужества отстать" ⁵²⁴. 18 марта она в шутовой форме сообщает Шаховскому, что в Англии мало двигается, не путешествует, 20 марта она благодарит его за книгу Честертона ⁵²⁵. 24 марта, за день до отъезда из Лондона, она пишет Шаховскому: "С корректурой беда, поправляйте, пока не поздно...". Часть корректуры, высланной в Англию, пропала, но в оправдание английской почты Цветаева писала: "Пропасть здесь не могла, здесь образцовая почта". Дальше она сообщала о своем скором возвращении и просила выслать корректуру ей домой.

Две недели, проведенные в Лондоне, изменили настроение Цветаевой, она ощутила роскошь свободного времени. 24 марта она писала Анне Тесковой: "Это первые мои две свободные недели за восемь лет (четыре советских, четыре эмигрантских) — упи-ваюсь. Завтра еду обратно. Рада, но жаль. Лондон чудный. Чудная река, чудные деревья. Чудные дети, чудные собаки, чудные кошки, чудные каминьы и чудный Британский Музей. Не чудный только холод, наносимый океаном. И ужасный переезд. (Лезжала, не поднимая головы.) Написала здесь большую статью. Писала неделю, дома бы писала полтора месяца..." ⁵²⁶ Цветаева имеет в виду статью о Мандельштаме.

Статья Цветаевой "Поэт о критике" вышла во втором номере журнала "Благонамеренный" в марте 1926 г. Публикация сильно подогрела ненависть эмиграции к Цветаевой. В том же номере был опубликован ее "Цветник" и диалог Д.Мирского "О консерватизме". В своей статье Цветаева с иронией пишет о критиках как "бывших" поэтах ("не совсем критики, не совсем поэты"). Она хвалит Д.Мирского за то, что став критиком, он отказался от публикации своих стихов, и иронизирует над Ю.Айхенвальдом и Г.Адамовичем, которые не смогли этого сделать. В подходе Д.Мирского к литературе она одобряет то, что он судит о поэте не по политическому принципу. За статью о критиках на Цветаеву обиделись в печати Ю.Айхенвальд, Г.Адамович, З.Гиппиус, И.Бунин, М.Осоргин, П.Струве и другие. Ее стихи, появившиеся вскоре в журнале "Версты", были встречены враждебно: "Поэма Горы" вызвала восторг у одного только Д.Мирского. К весне 1926 г. в эмигрантских литературных кругах ей был объявлен бойкот: о ней было не принято говорить. З.Гиппиус пыталась организовать в прессе кампанию против Д.Мирского и Цветаевой.

Несмотря на возникшую после проведенных вместе недель в Лондоне холодность в отношениях с Цветаевой, Д.Мирский не отступал от своего нового взгляда на ее поэзию. В статье "Веяние смерти в предреволюционной литературе", помещенной во втором номере "Верст" в 1927 г., Д.Мирский пишет о Цветаевой как представительнице "возрождения героического" и ставит ее ряд с Гумилевым и Пастернаком. В английской статье "Современное состояние российской словесности" он помещает ее на второе место среди живущих русских поэтов — после Б.Пастернака: "Пастернак, а за ним Цветаева — самые значительные из наших живущих поэтов". Критик не жалеет красок, опровергая свои прежние отрицательные суждения: "Цветаева — глубоко оригинальный мастер. В отличие от Рембо и Пастернака, она не создает нового мира жизненного опыта, но, подобно Аристофану и Рабле, она создает новый мир языка. Поэт, который вызывает такие ассоциации, не может быть заурядным явлением <...> Цветаева — первая из поэтов-женщин России и второй по величине поэт России" ⁵²⁷.

О литературных отношениях Д.Мирского и Цветаевой в последующие годы можно судить по ее письмам к А.Шестову за 1927 г. В одном из них она сообщает, что Д.Мирский переводит ее "Поэму Горы" для французского журнала "Commerce". Цветаева просит Шестова уговорить Сувчинского опубликовать в "Commerce" и ее прозу, ради гонорара. А в постскрипуме добавляет: "Сувчинский и Мирский до того не выносят моей прозы (особенно Мирский) что, даже не читав им, отдала прозу о Рильке в "Волю России". Месяц спустя она сообщает о ходе дел: "Дела с Мирским и "Commerce" не двинулись". О Д.Мирском она пишет: "Он лицемер: Вам говорит, что не умеет переводить, а переводит труднейшую прозу Пастернака. Просто — он мою прозу, как я Вам уже говорила, ненавидит, и всячески будет отвиливать. ("Худшая проза, которую когда-либо читал", — определение в каком-то английском журнале)" ⁵²⁸.

Тем не менее Д.Мирский продолжал оставаться восторженным поклонником поэзии Цветаевой. О сборнике "После России" он писал в письме Сувчинскому от 5 июня 1928 г.: "Получил стихи Маринины. Перечитывал многое, был сильно взволнован — какой все-таки <...> поэт! Одно плохо, что в свое время мало секли. Эти годы, 1922-25, ее лучшие. Восходящая линия ее идет до Родзевича и Родзевичем обрывается" ⁵²⁹. О сборнике "После России", на который эмигрантская критика не отреагировала, Д.Мирский писал в газете "Евразия" и в немецком журнале "Slavische Rundschau". Он повторил свое заключение о том, что Цветаева является вторым по величине русским поэтом после Пастернака в своей лекции о современном состоянии русской литературы, прочитанной весной 1927 г. в Лондонском университете ⁵³⁰, а затем, в 1929 г. в статье о русской литературе в Британской Энциклопедии. В своих критических работах, написанных после возвращения в Россию, Д.Мирский Цветаеву не упоминал. Когда она вернулась в Россию в 1939 г., его уже не было в живых.

Д.Мирский познакомил Цветаеву с С.Андрониковой, и из этого знакомства выросла дружба. В беседе с Евг.Дубновым С.Андроникова вспоминала: "Она часто у меня бывала, и мы вдвоем сидели. Такая интимность была. Но никаких личных признаний не было. Я вообще не склонна к этому, и она была не склонна" ⁵³¹. Это не совсем точно. Со стороны Цветаевой в дружбе всегда было стремление к предельной открытости. По ее письмам чувствуется, что она видит в Саломее Андрониковой равного себе человека, способного понять весь ее размах, всю безмерность и непохожесть на других людей. Она пишет: "Только с очень большим человеком можно быть самим собой, целым собой, всем собой. Не забывайте, что другому нужно меньше, потому что он слаб. Люди боятся разбега: не устоять. Самое большое (мое) горе в любви — не мочь дать столько, сколько хочу. Не обороняется только сила. Слабость отлично вооружена и, заставляя силу умеряться, быть не собой, блестяще побеждает" ⁵³².

Вернувшись из Англии, в июле 1926 г. Цветаева писала ей: "Почему я не в Лондоне? Вам было бы много легче, а мне с Вами по-новому хорошо. Мы бы ходили с Вами по каким-нибудь нищим местам — моим любимым: чем хуже, тем лучше, стояли бы на мостах (места — мосты)... И почему не Вы на днях здесь будете, а М<ир>ский. Приезжайте ко мне из Парижа! Ведь это недолго! Приезжайте хотя бы на день, не долгую ночную прогулку — у океана, которого не любите

ни Вы, ни я — или можно на дюнах, если не боитесь колючек. Привлечь, кроме себя, мне Вас здесь нечем”⁵³³.

Зная о бедности Цветаевой, Андроникова, работавшая в Париже в популярном журнале, регулярно посылала ей двести франков из своей ежемесячной зарплаты в тысячу франков. Она сумела убедить и некоторых других людей, даже и тех, кто не знал Цветаеву, собирать для нее деньги. Среди помогавших были Д.П.Святополк-Мирский и Анна Калина, подруга Цветаевой по гимназии, жившая в Лондоне. 3 марта 1931 г. Цветаева сообщала Андрониковой о своих финансовых затруднениях, о том, что Д.Мирский больше не может ей помогать: “Д.П. уже давно написал, что помогать больше не может, — не наверное, но почти, или по-другому как-то, в общем: готовьтесь к неполучке. ...Мирские деньги были — квартирные. Просто — негде взять”.

Когда в 1937 г. С.Андроникова переехала в Лондон, ее переписка с Цветаевой не прервалась. Но впоследствии, разбирая свой архив, она выяснила, что многие письма за 1936-39 гг. пропали. Возможно это произошло во время бомбежки, которой подвергся ее дом во время Второй мировой войны⁵³⁴. В одном из интервью С.Андроникова подвела итог общения с М.И.Цветаевой: “У нас была настоящая интеллектуальная дружба. Мне она говорила: “Саломея, мы с вами не блестящие, мы блистательные!”⁵³⁵. Когда Цветаева решила вернуться в Россию, С.Андроникова поехала в Париж, чтобы попрощаться с ней. Они встретились в маленьком кафе: Цветаева с сыном и С.Андроникова. В отличие от других, С.Андроникова не отговаривала ее от возвращения в Россию. Это была их последняя встреча.

В воспоминаниях Цветаевой образ Лондона не утратил реальных деталей. Почти год спустя после поездки она вспоминала о Лондоне в письме к Б.Пастернаку от 1 января 1927 г.: “И нынче ночью (под Новый год) мне снились океанский пароход (я на нем) и поезд. Это значит, что ты приедешь ко мне и мы вместе поедem в Лондон. Строй на Лондон, строй Лондон, у меня в него давняя вера. <...> Я тебя никогда не звала, теперь время. Мы будем одни в огромном Лондоне. Твой город и мой. К зверям пойдем. К Тауэру пойдем (ныне — казармы). Перед Тауэром маленький крутой сквер, пустынный, только одна кошка из-под скамейки. Там будем сидеть...”⁵³⁶

Знакомство с реальным Лондоном разрушило образ, сложившийся в воображении Цветаевой. Этот образ несомненно существовал, изредка появляясь в стихах и прозе. В одном из своих прозаических очерков она писала: “Коммуна недалеко, великолепный каменный особняк, напоминающий Англию (никогда не была)”⁵³⁷. В воспоминаниях пришло осознание того, насколько воображаемая Англия отличалась от реальной. В апреле 1934 г., она писала В.Ф.Ходасевичу: “Когда я, несколько лет тому назад, впервые подъезжала к Лондону, он был весь во мне — полный и цельный: сразу утренний, ночной, дождевой, с факелами, с Темзой, одновременно втекающей в море и вытекающей из него, весь Лондон с Темзой *aller et retour* [приливной и отливной], с лордом Байроном, Диккенсом и Оскар Уайльдом — сосуществующими. Лондон всех Карлов и Ричардов, от А до Z, весь Лондон, втиснутый в мое представление о нем, вневременное и всевременное.

Когда же я приехала в Лондон, я его не узнала. Было ясное утро — но где Лондон туманов? Нужно ждать до вечера; но где Лондон факелов? В Вестминстерском аббатстве я вижу только один бок — но где оно — целиком, со всех сторон сразу?

Мгновенности: места в автобусе, табачные лавки, монеты, опускаемые в отопление, случайности времяпрепровождения и собственного самочувствия, и — всюду лицо N., в моем Лондоне непредвиденного.

Город на моих глазах рассыпался день за днем, час за часом, рассыпался на собственные камни, из которых был построен, я ничего не узнавала, всего было слишком много, и все было четко и мелко — как близорукий, внезапно надевший очки и увидевший 3/4 лишнего.

Лондон на моих глазах рассыпался — в прах. И только когда его не стало видно, отъехав от него приблизительно на час, я вновь увидела его, он стал возникать с каждым отдаляющим от него оборотом колес — весь целиком, и полнее, и стройнее; а когда я догадалась закрыть глаза, я вновь увидела его — мой, целый, с Темзой *aller et retour*, с Гайд-Парком, соседствующим с Вестминстерским аббатством, с королевой Елизаветой об руку с лордом Байроном, Лондон единовременный, единоместный, Лондон вне- и всевременный.

Конечно, это — налет. Останься я в нем, *живи* я в нем, без посещений Музеев и Аббатств, где-нибудь в *норе*, не глядя на него, но так, кругом ощущая — он бы вошел сквозь мои поры, как я в него — сквозь его, каменные”⁵³⁸.

С переводами на английский язык, о которых в эмиграции мечтал каждый писатель, у Цветаевой были большие сложности. Одно время Д.Мирский хлопотал об издании журнала “Версты” в Америке, в переводе на английский язык. В случае удачи, ее стихи, опубликованные в нем, могли появиться в переводе. Но этот замысел Д.Мирского страдал утопизмом. После закрытия газеты “Евразия” Цветаева и Эфрон остались без средств существования, и она пыталась устроить в Англии издание своей поэмы “Молодец”. За перевод взялся А.Браун, переводивший впоследствии Пильняка, Ремизова, Тынянова, Леонова и многих других русских писателей. Он же перевел на английский книгу Д.Мирского “Интеллигентсия”. Цветаева писала Тесковой: “Мой “Молодец” сейчас переводится на английский язык, уже кончен”⁵³⁹. Однако перевод “Молодца” издан не был. Д.Мирский на этом этапе охлаждения к Цветаевой, не хотел хлопотать об издании.

Видимо во Франции Д.Мирский познакомил М.Цветаеву с Р.Н.Ломоносовой (1888-1973). Ее муж Ю.В.Ломоносов (1876-1952) был известным советским инженером-путейцем, который в 1927 г. решил остаться в Англии. В 1919 г. он опубликовал в Нью-Йорке воспоминания о революции⁵⁴⁰. Р.Н.Ломоносова приобрела известность как корреспондентка многих русских писателей и поэтов и создательница уникального архива. 28 апреля 1928 г. Цветаева писала ей из Медона: “Два года назад, даже меньше, я была в Лондоне, у меня там был вечер стихов, могли бы встретиться. Но может быть Вас там не было? (Стихи с предварительным докладом кн. Святополка-Мирского, из которого я поняла только собственное имя, да и то в английской звуковой транскрипции!)”⁵⁴¹. В письме от 8 декабря 1930 г. М.Цветаева просила Р.Ломоносову выяснить, нельзя ли установить связи с американскими издателями и издать поэму “Молодец” в Америке: “Что Вы думаете про американского “Молодца”?”. В том же письме Цветаева сообщала, что читает жизнь Кромвеля: “Человека этого ненавижу”. Возможно эта тема из английской истории заинтересовала ее в связи с ее работой над поэмой о царской семье. Цветаева пыталась устроить перевод на английский язык книги о Наталье Гончаровой, но он также не состоялся⁵⁴².

Р. Ломоносова была корреспонденткой Б. Пастернака, с которым она познакомилась через К. Чуковского. Летом 1925 г. Чуковский писал ей с просьбой прислать Пастернаку книгу для перевода, так как переводы были в то время основной формой заработка. Ломоносова прислала книгу О. Уайльда "Epistola in carcere at vinculis", однако Пастернак не мог в полной мере воспользоваться этим подарком. Как он признавался в письме к Святополку-Мирскому в 1930 г.: "Французский и английский языки я знаю неполно и нетвердо <...> сюрпризом, который мне готовил Корней Иванович, я не мог воспользоваться. Но вряд ли он знает, какой бесценный, какой неоценимый подарок он мне сделал. Я приобрел друга тем более чудесного, то есть невероятного, что Раиса Николаевна человек не "от литературы"!"⁵⁴³.

Постоянно поддерживая переписку с М. Цветаевой, Б. Пастернак, был осведомлен о ее вечере поэзии в Лондоне. 17 апреля 1926 г. он писал А. А. Ахматовой: "...А я-то на радостях написал Цветаевой (знаете, в тот вечер, что мы о ней говорили, она читала ВАС в Лондоне), про сказочную перемену, которую нашел в Вас, и эта радость успела там распространиться"⁵⁴⁴. Значит, Цветаева, читала на этом вечере не только свои стихи.

В 1935 г. по пути в Ленинград с писательской конференции в Париже Пастернак останавливался в Лондоне у Ломоносовых. В Англии жили его отец, художник Л. Пастернак, и сестры. Когда в Европе началась война, он беспокоился за судьбу своих родных. 1 ноября 1940 г. он писал А. Ахматовой: "Я говорил Вам, Анна Андреевна, что мой отец и сестры с семьями в Оксфорде, и Вы представите себе мое состояние, когда в ответ на телеграфный запрос я больше месяца не получал от них ответа. Я мысленно похоронил их в том виде, какой может подсказать воображению воздушный бомбардировщик, и вдруг узнал, что они живы и здоровы..."⁵⁴⁵ Художник Л. Пастернак умер в Оксфорде. Многие его картины хранятся в музее Эшмолеан в Оксфорде, в зале Брайкевича (Braikevitch room, Ashmolean Museum, Oxford). Одна из сестер Б. Пастернака Лидия Пастернак-Слейтер стала ведущим переводчиком его произведений на английский язык⁵⁴⁶.

М. Цветаева познакомила Б. Пастернака с Д. Святополк-Мирским, и хотя она чрезвычайно ревниво относилась к их дружбе, между ними завязалась переписка. 8 января 1927 г. Д. Мирский писал ему: "Я занимаюсь переводом "Детства Люверс" на два языка, французский (для "Соммерсе") и английский (еще не знаю, для кого)"⁵⁴⁷. Перевод Д. Мирским не был осуществлен, позднее за повесть бралась М. Будберг, но также не довела перевод до завершения.

Через Д. Святополк-Мирского Б. Пастернак познакомился с евразийством. По всей видимости, Д. Святополк-Мирский высылал ему свой журнал "Версты", так как в том же письме он спрашивал: "Не знаю, дошли ли до Вас "Версты", и как Вы их одобрили? Дальнейшее их существование не ясно". Д. Святополк-Мирский считал Б. Пастернака первым русским поэтом своего времени и не раз писал об этом как в русских, так и английских статьях. В письме поэту он подтверждает свою точку зрения: "...Такого поэта, как Вы, у нас в России не было со времени золотого века, а в Европе сейчас (после смерти Рильке) может быть спор только между Вами и Т. С. Элиотом". В рецензии на поэму "Лейтенант Шмидт", опубликованную в журнале "Версты" в 1928 г., Д. Мирский писал: "В Пастернаке всегда был поэт истории и революции. Без нарочитой историчности Мандельштама, Пастернак с ис-

ключительной непосредственностью чувствует непрерывно-разный поток времени и непрерывно-разную ткань пространства <...> Его мир не только мир энергий, это мир неравномерных энергий, энергий с постоянными изменениями скорости, мир истории и Революции”⁵⁴⁸.

В письме к О.Фрейденберг от 3 января 1928 г., Б.Пастернак просил достать для него журнал “The London Mercury” за июль 1927 г. со статьей Д.Мирского о современной русской литературе. Позднее эту статью ему выслал Д.Мирский. Об оценке Д.Мирским своего творчества в этой статье Б.Пастернак писал: “Оценка, которую он мне дает, незаслуженно преувеличена”⁵⁴⁹. Б.Пастернак встречался с Д.Мирским после его возвращения в Россию в 1932 г. Они принимали участие в Съезде писателей в Минске весной 1936 г. Мирский пытался защищать Пастернака от нападок советских критиков, в частности А.И.Безыменского⁵⁵⁰.

М.Цветаева писала о Б.Пастернаке: “Англия — его детская любовь”⁵⁵¹. Он с юности прекрасно знал Шекспира, но собственные переводы Шекспира не удовлетворяли его, особенно “Гамлет” и “Ромео и Джульета”. Хотя он с трудом понимал английскую речь, он восхищался английской поэзией. По воспоминаниям И.Берлина, однажды он слушал исполнение английских стихов по радио в передаче Би-Би-Си и сказал об одном отрывке: это похоже на меня. Оказалось, что это были строфы из “Прометея раскованного” П.-Б.Шелли⁵⁵². Пастернак переводил стихи более позднего английского поэта А.Суинберна⁵⁵³, он восхищался “Улиссом” Джойса.

Как известно, рукопись романа “Доктор Живаго”, который невозможно было издать в России, Б.Пастернак передал итальянскому коммунисту, работавшему на советском радио, для передачи итальянскому издателю Фельтринелли. Гораздо менее известным является тот факт, что другая копия рукописи была передана И.Берлину для того, чтобы она попала в Англию.

А.И.Куприн

А.И.Куприн побывал в Англии в 1921 г. по приглашению А.В.Тырковой. В письме от 8 ноября 1921 г. из Севра он благодарил ее за гостеприимство: “Для меня это настоящая “une peredychka”, как пишет “Le Matin”. В следующем письме он повторяет: “Самые теплые благодарности Вам и Вашим друзьям. Еще раз спасибо: передохнул”⁵⁵⁴. В своих письмах А.И.Куприн объяснял А.В.Тырковой ситуацию, связанную с пиратскими изданиями его произведений в английских переводах: “Издатель в Лондоне Stanley Paul (31 Essex Street, Strand, London W.) издал без спроса мою книжку под заглавием “Sasha” (так он перевел “Гамбринус”)”⁵⁵⁵. Я ему указал, что это сделано без спроса. Он ответил, что все, мною написанное до 1911-го года, не охраняется райтом и может быть использовано кем угодно без спроса, а вот если де у меня есть что-нибудь новое, то он возьмется напечатать. Новое у меня нашлось: “Звезда Соломона” — сборник рассказов, изданный в Гельсингфорсе в 1920-м году. А так как на эту русскую книгу была в “Times” очень добрая рецензия (летом этого года), то я и послал книгу Stanley’ю, с указанием номера газеты. На это он ответил странным письмом, где предлагает дать ему все мои сочинения, а он из них выберет несколько томов с правом полного и вечного ими пользования, причем заплатит мне по 12 фунтов за том. Получилось нечто вроде предложения

поступить на негритянскую сахарную плантацию или продать самого себя в вечное рабство за стакан рома и кусок мяса. Теперь мне бы очень хотелось поблагодарить его за внимание, книжку взять обратно и предложить ее для перевода г-же Набоковой. Почти всю ее занимает повесть "Звезда Соломона", несколько мистическая, что в моде, и притом веселая. Рецензия в "Times" кажется мне ручательством за английские вкусы. Как Вы смотрите на это дело? Если бы мне что-нибудь заплатили за перевод, я обратил бы гонорар в уплату Вам и Вашим друзьям, так мило пришедшим мне на помощь. Stanley, пиша мне, определяет малый размер гонорара моей неизвестностью в Англии. Он до известной степени прав. Но я для английской печати все-таки не новичок: мистер Hapison перевел мой "Поединок" и "Олеся", Graham — сборник рассказов (с ужасным выбором), "Russian Outlook" перепечатывает мои статьи, в "Белой книге" короля Альберта есть моя статья и т.п." ⁵⁵⁶

"Олеся" в переводе А.Е.Гэррисона выходила в Лондоне в 1909 г., "Поединок" — в 1916 ⁵⁵⁷; сборник рассказов в переводах С.Грэма под названием "Славянская душа и другие рассказы" — в 1916 г. В этот сборник, выбор произведений в котором так не понравился Куприну, были включены рассказы "Славянская душа", "Штабс-капитан Рыбников", "Механическое правосудие", "Искушение". Куприн не упомянул нескольких других изданий переводов своих произведений в Англии: сборник его рассказов, опубликованный в Лондоне в 1907 г. в переводе В.Ф.Харви, сборник "Река жизни и другие рассказы" в переводе Котелянского и Марри (1916), сборник "Гранатовый браслет и другие рассказы" в переводе Л.Пазвольского (1919) ⁵⁵⁸.

В следующем письме А.И.Куприн сообщает дополнительные сведения о переговорах с английским издателем: "Я писал также об одном издании в Лондоне, Stanley Paul. Он охотился на мои сочинения, но торговался со мною, как с кафром. Завтра я напишу ему, что не согласен. А книжку мою, "Звезда Соломона", пришлю в Ваше распоряжение для передачи г. Набокову, да судит. Впрочем эта книга (на русском) удостоилась милостивой похвалы "The Times". Не пригодится ли также г. Набокову моя повесть "Жидкое Солнце", в которой два благородных англичанина сгущают солнечные лучи в жидкость, но любовные интриги мешают им довести до конца это блестящее дело. И кстати (NB, не будьте доброй и к Вам не будут приставать): может быть я мог бы писать для какого-нибудь английского журнала художественные статьи о еженедельном Париже (мог бы и снимать фотографии). О театрах, боксе ["Карт..." (1 нрзб.)] и собачьих рынках, вышивках, старых церквях, музеях, о Halles и ярмарках и т.д." ⁵⁵⁹

Куприн упоминает в своем первом письме, от 8 ноября 1921 г., перепечатки статей в газете "Russian Outlook" — в этой газете, редактируемой С.Тальботом, публиковались статьи русских и английских корреспондентов, противников большевистского режима ⁵⁶⁰. "Белая книга" короля Альберта публиковала фактические сведения о положении в России — о красном терроре, голоде, разрухе, гибели культуры. Но он, конечно, ничего не пишет о публикации, о которой Тыркова прекрасно знала как сотрудник Комитета Освобождения России. В номере выпущенного Комитетом "Бюллетеня" за 24 января 1920 г. была помещена заметка А.И.Куприна под названием "Рабочие против большевиков". Куприн в ней писал: "Настоящие рабочие давно отвернулись от большевиков. Целые заводы бастуют.

Сотни тысяч рабочих открыто обвиняют советскую власть в бессмысленной жестокости и требуют прекращения развязанного ею братоубийства. Они требуют созыва Конституционного собрания. Но против бунтующих устанавливают пулеметы и недовольных безжалостно перестреливают. Так были подавлены “контрреволюционные” мятежи на Путиловском заводе и Обуховской мануфактуре, где погибли тысячи рабочих. Все квалифицированные рабочие зарегистрированы и лишены права менять место жительства, над ними ведется неусыпный надзор. Однако даже пайков первой категории не хватает для того, чтобы выжить”⁵⁶¹. А.И.Куприн описал атмосферу взаимного подозрения и ненависти, которую подогревают советские авторитеты, по распоряжению которых на домах расклеиваются листовки, требующие, чтобы граждане доносили друг на друга. “Россия покрылась сетью слежки, взаимного шпионажа, официального и добровольного. Доносы и безграмотные записки служат основанием для вынесения и исполнения приговора. Мотивом для доноса может послужить все, что угодно: зависть, ревность, ссора, или жажда хотя бы минутной власти над судьбой другого”. В заметке “Чего боится Ленин”, помещенной в том же номере, не подписавшийся публицист предсказывал судьбу большевиков: “Играя на пороках людей, большевики собрали вокруг себя самые отбросы общества. Они уже пожалели о том, что вызвали к жизни эти разрушительные силы и связались с ними. Но поздно. <...> Никто лучше самого Ленина не понимает этого и конечно, помня о Дантоне и Робеспьере, он со страхом ждет свершения судьбы”.

Политические статьи Куприна, публиковавшиеся в Англии, по всей видимости не имели широкого распространения, или во всяком случае в последующие годы были забыты. Но его художественные произведения оставили след в памяти английских читателей и писателей. Самым большим успехом у англичан пользовался рассказ А.И.Куприна “Штабс-капитан Рыбников” — одно из тех произведений, которые понятны представителям всех национальностей, хотя русский “колорит” в нем очень силен. “Шпионский сюжет” делает этот рассказ универсальным, хотя конечно, этим сюжетом его достоинства не ограничиваются. Рассказ был одобрен Д.Г.Лоуренсом, который вообще не считал Куприна большим писателем. Тонкость психологических наблюдений в этом рассказе оценила Кэтрин Мэнсфилд. Ей так пришелся по душе герой этого рассказа, что одну из своих кукол она назвала “Рыбни”. Английские переводчики и критики восхищались рассказом “Гамбринус”: в издании “Ямы”, вышедшем в 1930 г., переводчик Б.Герни пишет в предисловии: “Если бы Куприн написал только “Гамбринус”, это обеспечило бы ему достойное место среди литературных гигантов Европы”⁵⁶².

А.М.Ремизов

Стиль А.М.Ремизова несколько своеобразен, что у него, казалось, почти не было шансов увидеть свои произведения в переводах на иностранные языки. Его творческая оригинальность служила метафорой, определением непереводаемости. С.А.Коновалов в одном из своих писем к Е.Д.Кусковой писал: “Английский язык и английская форма не допускают ремизовщины и розановщины...”⁵⁶³ Но оказывается, что и в сфере переводов люди не всегда действуют по рассудочным законам,

а зачастую выбирают авторов по прихоти своих симпатий. Д.П.Святополк-Мирский был давним почитателем А.М.Ремизова, также как и поклонником таланта близкого ему до духу В.В.Розанова. Благодаря Д.П.Святополк-Мирскому английские читатели познакомились с этими самыми русскими из русских писателей. Характеризуя русскую прозу 1921-1924 годов в своей книге "Современная русская литература" (1926), Д.П.Святополк-Мирский писал: "Помимо незначительных "западных" отклонений в сторону, новая проза глубинно и сознательно, и даже агрессивно стремится к русскости". Типичные черты этой прозы, считал критик, — это орнаментализм, сосредоточенность на стиле. Важнейшим влиянием в языке этого времени он назвал манеру Ремизова, который ввел в литературу стиль разговорного языка, "сказа" ⁵⁶⁴. Критик, разумеется, отдавал себе отчет в том, что хорошо перевести Ремизова на английский — задача неразрешимая. Когда в марте 1924 г. к нему обратился Б.Пэрс с предложением перевести какой-нибудь рассказ Ремизова для "Славянского обозрения", Д.П.Святополк-Мирский ответил: "Для меня это слишком". Но с тех пор мысль об этом не давала ему покоя, не ясно было только, как и с кем взяться за выполнение этой задачи. Решение пришло в процессе работы над переводом "Жития" Аввакума. Переводила его Дж.Э.Гэррисон, а Д.П.Святополк-Мирский редактировал перевод.

Аввакум интересовал Д.П.Святополк-Мирского по многим причинам, одна из них заключалась в том, что боярыню Ф.П.Морозову он считал среди своих предков. В творческой переписке Дж.Э.Гэррисон называет Ф.П.Морозову и ее сестру Е.П.Урусову "тетушками" Святополк-Мирского. Критик мечтал увидеть "Житие" в английском переводе и считал вполне возможным найти приблизительное созвучие самобытному языку Аввакума в английской литературе. Подобрать это стилистическое созвучие можно было только в сотворчестве знатоков русского и английского стиля. К работе над переводом Святополк-Мирский решил привлечь А.М.Ремизова и его жену С.П.Довгелло. Он познакомил их с Дж.Э.Гэррисон и из этого знакомства выросла большая человеческая и творческая дружба. 26 мая 1924 г. Гэррисон писала Мирскому: "Мы провели чудесный воскресный вечер с Ремизовыми, читая "Житие" Аввакума. Мы успели прочесть только две страницы предисловия — и меня поглотил его стиль, хотя местами он тяжеловат. Но я уверена, что с помощью обоих Ремизовых (они оба так добры и обаятельны) я сумею сделать удовлетворительный перевод. Мисс Мирлиз поможет мне в смешении старозаветного стиля со стилем пророка Иеремии" ⁵⁶⁵. Х.Мирлиз (Hope Mirtlees) родилась в семье знаменитых владельцев магазинов "Мир и Мирилиз" и долгое время жила в России. Она переводила русских писателей и сама писала остросюжетные романы. Два из них Д.П.Святополк-Мирский рецензировал в журнале "Версты" ⁵⁶⁶. Таким образом над переводом "Жития" работал англо-русский творческий коллектив. В Париже соавторство не обходилось без переводческого посредничества Святополк-Мирского, так как Ремизовы не говорили по-английски. В июле 1924 г. Гэррисон сообщала Святополк-Мирскому о близящемся окончании перевода. Он написал к книге предисловие ⁵⁶⁷. Вклад Ремизовых был отмечен в посвящении: "Алексею Михайловичу Ремизову и Серафиме Павловне Довгелло посвящается с признательностью и любовью". На издателя книги Л.Вулфа рукопись произвела глубокое впечатление: он перечитал ее четыре раза. В октябре того

же года книга вышла в свет в издательстве "Хогарт Пресс" тиражом 1000 экземпляров³⁶⁸. Издание получило хорошую прессу: рецензии появились в "Church Times" за 14 ноября, "Nation" за 22 ноября, в литературном приложении к "Times" за 27 ноября. Гэррисон справедливо заметила, что если бы не предисловие Д.Мирского, рецензенты не взялись бы писать о "Житии" Аввакума, так как чтение книги требует больших усилий от неподготовленных читателей, а предисловие дало рецензентам необходимые ориентиры. Книгу посылали на отзыв в Россию, но она была возвращена с пометой "Запрещено к распространению".

В процессе работы над книгой Аввакума Гэррисон заинтересовалась творчеством Ремизова, о котором она писала Святополк-Мирскому: "Алексей Михайлович для меня как маленький Гоголь..." Гэррисон пришла в голову мысль издать книгу, которая включала бы русские сказки о медведе в английском переводе: "The Book of the Bear". Название имело символический смысл: "медведь" издавна ассоциировался у англичан с Россией, а для Гэррисон в этом названии крылось и нечто личное: она придумала для Святополк-Мирского прозвище "князь Медведь". Гэррисон включилась в затеянную Ремизовым литературную игру в "Обезвелевал-пал" — Обезьянью Великую и Вольную Палату. В своей переписке с Д.П.Святополк-Мирским она называет Ремизова "Обезьяньим царем" и рассказывает о том, как они с Мирлиэ ходили в зоопарк, чтобы посмотреть там на медведя и обезьяну. Обе пришли к заключению, что их двуногие друзья гораздо симпатичнее. Князю Медведю Гэррисон посвятила шуточные стихи:

There was once a haughty young Bear.
With women he never would share
In their profits in money,
But a bun and some honey
He'd accept — that high-Principled Bear!

(Жил на свете надменный молодой Медведь.
Наотрез он отказывался с дамами делить
Их денежные доходы,
Соглашался принять только булку и немного меда,
Этот принципиальный Медведь!)

"Книга Медведя" должна была включить сказки И.А.Крылова, И.И.Хемницера, А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, В.М.Гаршина. Решено было включить в нее и четыре сказки А.М.Ремизова в переводе Хоуп Мирлиэ. Гэррисон и Мирлиэ совместно написали предисловие к книге, в котором много внимания уделили Ремизову³⁶⁹.

В июле 1925 г. Гэррисон познакомила Ремизовых с английским романистом Дэвидом Гарнеттом, сыном Констанс Гарнетт. Она устроила их встречу в своей квартире в Париже и просила Святополк-Мирского непременно присутствовать, чтобы с его помощью как переводчика они могли лучше узнать друг друга. В 1926 г. она пригласила к Ремизовым Мейнарда Кейнза и Лопухову, в надежде, что они подружатся, и Кейнзы окажут Ремизовым денежную поддержку, в которой они постоянно нуждались. О практичности Ремизова она была самого скромного мнения: "Надеюсь не он является организатором журнала ["Версты"], с таким же успехом можно было назначить на эту должность белку".

В 1926 г. Д.П.Святополк-Мирский опубликовал несколько произведений А.М.Ремизова в журнале "Версты". Первый номер включал литературное обращение "Воистину. Памяти В.В.Розанова"⁵⁷⁰, во втором номере были опубликованы опыты А.М.Ремизова из истории России и русской словесности ("Россия в письменах"). По поводу обращения к Розанову Гэrrисон писала: "О мой дражайший Ремизов! Я никогда не смогу его понять! Я пыталась осилить его дань Розанову с темными ссылками на "Николая Чудотворца": трижды прочла слово за словом, все еще храня надежду, что он мне откроется — но тщетно! Он сводит меня с ума! Но верю, что Хоуп [Мирлиз] поймет его".

В Англии у Ремизовых были и другие друзья. В книге "Встречи (Петербургский буерак)" А.М.Ремизов вспоминал: "С революции (1905) в Петербурге поселилась Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс и Гарольд Васильевич. Я бывал у них. Гарольд Васильевич филолог, а кроме того, исследователь Свифта. Я нашел в Свифте себе отклик: его "лошадиное царство" — это ведь мое "обезьянье" — мой "обезвельволпал", но у Свифта какая жестокость и презрение к человеку. И что повлекло чистейшую душу Вильямса к этому человеконенавистнику, так и осталось у меня тайной"⁵⁷¹. А.М.Ремизов оставил мимолетные портреты Г.Вильямса, Хью Уолпола, Д.П.Святополк-Мирского в видениях "Взвихренной Руси" (1927).

О дружбе с Ремизовыми — своей и Вильямса — А.В.Тыркова писала Б.К.Зайцеву: "Оба Ремизовы, А.М. и С.П., очень почитали моего покойного мужа за его не столько даже умственные, сколько духовные свойства, за его доброту и хрустальную чистоту. Я иногда с удивлением, признаюсь нередко и с умилением наблюдала это. При мне открывался другой Ремизов, которого мало кто знал. Житейская, да еще и писательская среда отвлекает от существенного, утомляет, запяляет. Вряд ли есть в нашей жизни что-нибудь более важное, конечно кроме церкви, чем наши отношения с людьми, а между тем мы как-то небрежно обходимся с даром общения, с умением подходить к людям. Все спешим, не успеваем ни сказать, ни узнать от них многое, чем они богаты. Я за последнее время пережила это ощущение со смертью троих людей — Маклакова, Добужинского, Ремизова. Острее всего из-за А.М. С ним была ближе всего"⁵⁷².

В книге "Россия русских" (1914) Г.Вильямс писал о Ремизове как об одном из самых оригинальных русских писателей современности, обратившихся к языку народа. Традиции, которым он следовал, Вильямс возводит к Гоголю и Достоевскому, при этом подчеркивая в его стиле черты модернизма. Рассказы Ремизова Г.Вильямс называет "поэмами в прозе". Десятилетие спустя Г.Вильямс написал статью о Ремизове в соавторстве с Д.П.Святополк-Мирским. Статья, опубликованная в литературном приложении к "Таймс" 21 февраля 1924 г., содержала отзыв на книги, вышедшие в Берлине в издательстве Гржебина: "Крестовые сестры", "Пятая язва" и "Сказки русского народа" в пересказе А.М.Ремизова⁵⁷³. В октябре того же года еще одна статья о Ремизове появилась в литературном приложении к "Таймс": это была рецензия на издание в английском переводе сборника рассказов под общим названием "Часы" в переводе Д.Курноса⁵⁷⁴. Автор рецензии ссылался на февральскую заметку, с которой он был во многом согласен, подчеркивал трудности перевода Ремизова на английский и хвалил переводчика за смелость, считая, что подобный перевод в принципе не может быть совершенным⁵⁷⁵. В 1928 г. в Нью-Йорке вышел сборник произведений Ремизова под общим на-

званием “Пятая язва” в переводе А.Брауна⁵⁷⁶. Не исключено, что на выбор переводчика повлияли рецензии Г.Вильямса и отзывы Д.Мирского, с которыми он был несомненно знаком.

В 1930-х гг. ситуация с переводами русских эмигрантов изменилась к худшему, так как советская литература завоевывала ведущие позиции как в университетах, так и в издательствах Запада. 3 августа 1932 г. А.М.Ремизов писал Г.Г.Кульману: “По-французски не могу ничего устроить из своего — мода сейчас на “советское”; то же и по-немецки, и по-английски”⁵⁷⁷. В книге воспоминаний “Встречи” Ремизов с сожалением отмечал: “Крестовые сестры” переведены на немецкий, французский, итальянский и японский, только нет по-английски — не нашлось русского, что бы сказал, а сами англичане слишком богаты — до чужой литературы нелюбопытны”⁵⁷⁸.

И.С.Шмелев

Как и многие русские писатели в эмиграции, И.С.Шмелев надеялся с помощью переводов на английский расширить круг своих читателей и поправить свои денежные дела. 23 ноября 1922 г. он писал из Берлина И.В.Шкловскому: “Вы — старинный житель Лодона, Вам известны литературные нравы и правила английской литературной практики”⁵⁷⁹ и обращался к нему с просьбой выяснить, не издавались ли в английском переводе его рассказы. В случае, если они издавались, писатель надеялся получить с издательства гонорар. В этом же письме Шмелев просит И.В.Шкловского передать в какое-нибудь английское издательство его книгу “Неупиваемая чаша” и повесть “Это было”. От И.В.Шкловского пришел, по всей видимости, неутешительный ответ, но помощь неожиданно пришла с другой стороны. Американский профессор, бывавший в России и знавший Шмелева по его книгам, посоветовал ему обратиться к переводчику Чарльзу Хогарту (Charles J. Hogarth). Шмелев последовал этому совету и послал ему книги, и переводчик без промедления взялся за дело. Два года спустя, в 1924 г. в Лондоне в издательстве “Дент и сын” вышла повесть Шмелева “Это было”⁵⁸⁰. В письме к И.В.Шкловскому от 5 марта 1924 г. Шмелев вспоминал начало этой истории: “Я учуя сложность и трудность дела, зависимость от монопольных контор и бюро, и руки у меня опустились”. Выход книги окрылил писателя: “И вот влетела в книжный водоворот страшной для меня Англии моя первая маленькая книга, — пишет он, — Меня страшит, как читатель примет первую мою книгу. Я вовсе не отличаю ее, она, возможно, не лучшая, — но для меня она мучительная и переводная. Чую, что она мой и перелом. Теперь уже таких книг у меня не будет”. Издание оказалось успешным и в финансовом отношении, Шмелев продолжает: “Скажу прямо: эта книга в английской передаче дала мне возможность три-четыре месяца работать более или менее спокойно”.

В повести “Это было” — из времен Первой мировой войны — действует сумасшедший полковник, захвативший военный госпиталь и взявший под арест находящийся в здравом уме медицинский персонал. Сюжет глубоко символичен: все, что происходит на войне, больше напоминает безумные кошмарные видения, чем действия разумных существ. При всей невероятности событий повесть реалистична: “Это было”. В одном из своих писем Шмелев просил издательство “Дент и сын” послать экземпляр книги И.В.Шкловскому с благодарностью за все, что он узнал из

его корреспонденций об Англии за годы чтения "Русских ведомостей" и "Русского богатства". Он выразил пожелание, чтобы И.В.Шкловский написал рецензию о книге в какой-нибудь английской газете: "С полной искренностью пишу Вам. Не откажите, если сочтете возможным, поддержать мое появление у английских читателей, появление совсем неведомого им русского писателя. Я чувствую нужду в поддержке добрым словом. Помогите не затеряться, — если в книге, по Вашему мнению, есть что для английского читателя стоящее внимания".

И.С.Шмелев сообщал, что Ч.Хогарт перевел "Неупиваемую чашу". Однако эта книга не нашла английского издателя и вышла в другом переводе в Нью-Йорке в 1928 г.⁵⁸¹ И.С.Шмелев высоко ценил своего переводчика Хогарта, он писал И.В.Шкловскому: "Я был растроган сердечнейшим отношением Mister'a Hogarth'a к моим книгам. Он думает перевести "Солнце мертвых" и "Человек из ресторана". Хогарт действительно взялся за "Солнце мертвых" (1923) — сложнейшую для перевода книгу Шмелева о гражданской войне в Крыму в 1920 г. В продвижении издания в Англии И.С.Шмелеву помогала А.В.Тыркова. На этот раз это была не просто дружеская поддержка: на книгу она смотрела как на оружие в борьбе с большевизмом. Наконец в январе 1927 г. книга вышла в издательстве "Дент и сын"⁵⁸² и И.С.Шмелев писал Тырковой: "Благодарю Вас, дорогая Ариадна Владимировна, за обещание помочь моей книге в Англии, хотя что-нибудь сделать для прояснения мерзостей и ужаса большевизма. Для того и писал, как бы к Богу и честным людям взывал. Пошлю и писателям, Вами указанным. Мне десять экземпляров обещал Дент, а может быть и дюжину. Скупы иностранцы!"⁵⁸³.

В следующем письме, очевидно в ответ на отзыв Тырковой о книге, он писал: "Вы правы: конечно никакой беллетристики в "Солнце Мервых" нет. Не до беллетристики. Я лишь в форму укладывал боль и ужас, смягчая их, щадя и себя и читателя. Покрывал печалью. Там бы не смог и покрыть. Время и отдаление смягчили, возможно притупили чувства, нашли им приемлемый в слове выход. Там нет "выдумки". Есть округления, для смягчения режущей остроты. Есть — отстой душевный, попытка высказать — боль-хаос. Выборки из хаоса в форму — вот что здесь от искусства. А трудности... — Вы понимаете!" Шмелев, потерявший в Крыму сына, не мог высказать в книге все свои чувства, и как он пишет, вряд ли смог бы вообще высказать их, если бы находился там, в России. Он с горечью пишет Тырковой о том, как мало увидели и поняли в его книге соотечественники-эмигранты: поначалу левая пресса выступила с оскорбительной критикой, и только после выхода книги в Германии и признания ее на западе, русские журналисты перестали критиковать, но просто замолчали. Писатель объясняет это так: "Я лишился всего "политики" (меньше всего "политик"), а просто по-человечески закричал, ибо нельзя не закричать. "Политики" мало что видели и пережили. Политики имели сто возможностей, часто с большими удобствами, — упорхнуть. Через газеты они знают... Я лишь ничтожную часть *сути* сумел вложить в форму: не вытерпеть! Я лишь *умирание* попытался дать в дымке, как сон. Но я, придет время, соберусь с силами и оставлю собрание этюдов. Свыше тридцати листов у меня, но не здесь напечатаю я их. Не время. Для России сберегу. Не мог я и летописцем только остаться. Летописец как бы "из-за гроба" пишет. Я, хоть Милюков и обзывал "загробным", — весь в живом и непрестанном трепете, ибо *видел, и внял, иному*".

На издание "Солнца мертвых" отозвался Р.Киплинг, он писал И.С.Шмелеву: "Теперь я понимаю, через какие ужасы прошла ваша страна... Произведение страшное в своей правдивости" ⁵⁸⁴. Переживший братоубийственную войну, голод и террор герой книги, от лица которого ведется повествование, начал сомневаться в том, что на свете еще существует цивилизация. Он вопрошает: "На каком это свете деется? На белом свете?!! Нет никакого Парижа-Лондона, пропал и Париж, и все. <...> Цела Европа? Не видно из Виноградной балки. Как там — с ... "правами человека"? ⁵⁸⁵ Ему вспоминается Париж — "призрачный город сказки", а в главе "Мemento мори" как в далеком сне видится Англия: "В Париже мы погостили недолго, меня упорно тянуло в Англию. Англия! Заманчивая страна свободы, Габелас корпус... парламент самый широкий... Герцен!". Он вспоминает "мощи" заповедные, которым "поклонялся не без трепета, и фимиами воскурял", перед его глазами символ английской свободы слова Гайд-Парк, воспитывавший российскую политическую эмиграцию: "Там воздух самый какую-то особенную прививку делает: непременно хулой колыбельку свою — правда грязненькую, но все-таки колыбельку! — обдашь, грязненькие очки наденешь" ⁵⁸⁶. В этой главе рассказана история об антикварных часах, история бытовая, обыкновенная, но в условиях европейского кризиса приобретающая символический смысл. Лондон здесь изображен в диккенсовских тонах: "Зашли мы в гнусный какой-то переулок, грязный и мрачный, у Темзы где-то. Дома старинные, закопченные, козырьки на окнах... и погода была — как раз для самоубийства: дождишко скверненько так сочился через желтый, гнилой туман, и огоньки грязного газа в нем, — и в полдень! И вдобавок еще липко воняло морской этой слизью рыбьей... Помню, отвратительное было настроение. И какой-то хромоногий эмигрантик русский дорогу нам указал, вся кашлял и плевал кровью. Местечко такое... из Диккенса" ⁵⁸⁷. В этой антикварной лавчонке, где продавались награбленные флибустьерами вещи, путешественник купил часы с надписью "Гладстоун". Некоторое время спустя он вернулся в Россию. Через много лет, в годы революции часы попали в руки "экспроприатора" — бывшего студента. Таким образом часы Гладстоуна оказались у русского революционера. В воображении рассказчика эта история получает фантастическое продолжение: приезжает какой-нибудь сэр в страну нашу, "свободную из свободных", покупает эти часы в антикварной лавчонке и увозит их в свою Англию, "страну отсталую и рабовладельческую". Часы возвращаются на родину, но это уже другая страна, пережившая очередную революцию. В этом видении звучит типичный для этих лет мотив, унаследованный от В.Соловьева: новая волна варварства из Азии затапливает Европу, достигая Англии, самого дальнего и прочного оплота Европейской цивилизации. Завершается новый круг смены цивилизаций.

Рассказчик "Солнца мертвых" предается воспоминаниям о Европе в годы террора в Крыму, где остро ощущается близость Азии: "рядом кони татарские ходят". Здесь же особенно чувствуется близость смерти, которую несет с собой новая орда. К ним, к новым "творцам жизни" обращается автор: "...Откуда вы?! С легкостью безоглядной расточили собранное народом русским! Осквернили гроба святых и чуждый вам прах Благоверного Александра, борца за Русь, потревожили в вечном сне. Рвете самую память Руси, стираете имена-лики... Самое имя взяли, пустили по миру, безымянной, родства не помнящей. Эх, Россия! соблазнили тебя —

какими чарами? спойли каким вином?»⁵⁸⁸ Россия переживает тот опыт, который, по теории, следовало сначала испытать на себе передовым капиталистическим странам. И автор предупреждает Европу: «Народы гордые! попустите вы стереть имя отчизны вашей? Крепись, Старая Англия, и ты, роскошная Франция, в мече и шлеме! Крепким щитом прикройся! Не закачайся, Лютеция, корабль пышный! не затони в зашумевшем море человеческого непотребства! Случиться может... И ты, Лондон гордый, крестом и огнем храни Вестминстерское аббатство! Придет день туманный — и не узнаешь себя... Много без роду и без креста, — жаждут, жаждут... Много рабов готовых. Груды золота по подвалам, и много пустых карманов». Награбленное в России добро течет к морю, через сотни рук, «плывет в Европу, на Амстердам, на Лондон... за океаны, на Сан-Франциско... Берегись, старая Европа, скупщица! не растеряй чудесное ожерелье славы! Кто знает?!...»⁵⁸⁹

Герой повести «На пеньках (рассказ бывшего человека)» (1924) — академик, историк. Революция лишила его всех человеческих прав, превратила в муравья, который «тащит свое зернышко» — мешок с академическим пайком. Он тоже переживает ощущение нереальности цивилизации: «Я просто забыл, что есть еще прежняя Европа, что она может быть». «Бывший человек» знает о Европе не понаслышке, он член-корреспондент двух европейских Академий, до революции бывал в Риме, в Лондоне, в Копенгагене. Воспаленное сознание подсказывает ему, что Европа существует, и все в ней — «почти как и в тринадцатом году...» В мечтах он устремляется к этой цивилизации, ожидая от нее спасения: «...Я мысленно протягивал к Европе руки. Она поймет!» Он жаждет рассказать «конгрессам, мыслителям, политикам, ученым», о том, что происходит в России, о том, что делается там с душой человека. Он верит, что Европе «станет за человека страшно». И вот ему чудом удается вырваться в эту Европу, где, казалось, он мог бы отдышаться, очнуться, снова стать самим собой. Но после того, что он пережил, Европа больше не вдохновляет его, «зарядиться» ему нечем: и он понимает, что изменился не только он сам, изменилась и Европа. Он не слышит своего голоса, чувствует, что «подменен и даже вывернут наизнанку». Не слышит его и Европа.

В действительности «бывший человек» испытывает ностальгию не по абстрактной цивилизации, и даже не по европейской культуре в целом. Ему нужно нечто особое, свое в культуре, то, что безвозвратно утеряно и в России, и в европейских странах. Его европейский современник ему не интересен: «Люди — все тот же штампик, попроще и попрacticalней былой нашей интеллигенции, и — пожестче. «Больные» вопросы у них как бы уже решены и сданы на хранение». Европейец купается «в разливанном море суетливой «культурности» и потерял ощущение подлинной культуры. «У нас как было? Равнинность, равнинность, а на ней как бы... Гималаи! Мы же интенсивнейшей, интеллектуальной жизнью жили!.. <...> А здесь... прошел плуг общепольной и общедоступной культурности, и все имеют хотя бы карманное понятие о правах человека и гражданина, об электрическом освещении, о Боге, о сберегательных кассах...» Англия для писателя — воплощение незыблемости Европы. Но оказывается, и там произошло перерождение выстрадавшего гениями культуры в культуру массовую, готовую к употреблению. «В Англии вон шестидесятилетние столько-то шиллингов пенсии получают! все предрассудки брошены, небо раскрыто и протокол составлен, что, кроме звездной туманности, ничего подозре-

тельного не найдено... всякий на велосипеде ездит, а в Америке и на собственном даже автомобиле, — но это уже идеал! — все по-модному галстуки завязать умеют, всякий и в президенты может, если выйдет арифметически, а кинематографы и газеты вливают мощные волны знаний и переживаний в массы!.." ⁵⁹⁰

Как ученый, всю жизнь занимавшийся археологическими раскопками, герой переживает гибель прежней России как одной из величайших цивилизаций. Ему не понятно, как еропейцы, достигшие высот в сохранении памятников культуры и в охране прав — не только человека, но даже и животных, как же они — "все эти "охраняющие" допустили, чтобы ... целое великое царство подменили, хотя, правда, и не античное?!" Академик пишет письма европейским коллегам, специалистам по сохранению культурных памятников, пишет и к "сэру", и к "мсье", и получает в ответ сочувственные "чудесные письма, полные прекрасных слов". Как и другие русские, он начинает понимать, что Европе нет дела до его погибшего царства просто потому, что оно ей никогда не принадлежало. То, что ей принадлежало, Европа смогла уберечь, да и то в виде музейных экспонатов. Все лучшее, что создано европейской цивилизацией, хранится в музеях, остается только: "Составить описи — и запечатать". Главная потеря цивилизации — человек, он пропал не только в погибшем царстве — России, он пропадает и в Европе. Перед умственным взором рассказчика проносятся "человеческие стада", их гонят "лихие пастухи". В больном воображении происходит "перестановка планов": вертится колесо Истории, по улицам Парижа знаменитый академик тащит мешок с пайком, по Елисейским полям маршируют с винтовками апаши, меняются местами греческий Фарос и российская Таруса. Ученый решает пуститься на "раскопки" человека, но в Европе не может обрести то "чудо и откровение", которое он обрел дома, "на пеньках".

В рассказе "Орел" (1926) тема отношений России и Европы символически представлена как торговая сделка: пароход "Россия" продают английской судоходной компании. Русский матрос Иван Бебешин пытается отстоять честь отчизны, он вступает в кулачный бой с новыми владельцами парохода, но вместо награды за свой героизм попадает в английский суд. На суде он заявляет в свою защиту: "Господин судья! Если бы вашу Англию продали, вы бы тоже не утерпели". На что судья резонно отвечает: "Вашу честь вы должны были защищать раньше — там, у себя, а не безобразничать на территории его величества английского короля!" ⁵⁹¹

И.А.Бунин

В установлении связей с Англией у Ивана Алексеевича Бунина (1870-1953) была предшественница среди его родственников: поэтесса и переводчица Анна Петровна Бунина (1774-1829). В июле 1815 г. она по совету врачей отправилась в английский город Бат на воды. Так как она уезжала из России в расцвете своей литературной славы, ее отъезд был пышно обставлен и сопровождался публикацией посвященных ей стихов. Путевые издержки взял на себя царь. А.П.Бунина провела в Англии два года, и за это время вступила в переписку со своим любимым автором Вальтером Скоттом. В поэтических произведениях Буниной английские впечатления занимают мало места, а записки и дневники, в которых она описала свою жизнь в Англии, пока не обнаружены. Из ее стихотворений, написанных в

Англии, М.П.Алексеев приводит любопытные строки из "Песни в народном русском вкусе из местечка Вейл-Брук":

Ой, неволя ты, неволюшка!
Королевство чужестранное!
Холишь ты мою головушку
Пуще гребня частозубчата!
<...> Я одна сироткою,
Будто пташка, взаперти сижу⁵⁹².

Лечение не помогло поэтессе, и когда она вернулась в Россию, здоровье ее было в плохом состоянии, литературная известность также померкла.

И.А.Бунин, страстный путешественник, в большей степени интересовался британскими колониями, чем самой Британией. До своей парижской эмиграции он не бывал в Англии, но не раз встречался с англичанами в своих поездках по Востоку. Шаржированные портреты англичан он дал в газетной публикации путевых очерков о путешествии на Цейлон. Он писал: "Вспоминая купе вагонов, в которых столько колесил я по земному шару, неизменно вспоминаю одно и то же: переменяв котелок на дорожный картуз, достав из несессера книжку, англичанин сидит весь день без малейшего движения, не роняя ни единого слова, ни на миг не снимая перчаток; я вхожу — он медленно осматривает меня оскорбительно холодными глазами и опять опускает их в книжку; за окном мелькают древние города, развалины замков, горные бездны и вершины, морские заливы, озера, пески, Нил, пирамиды, нубийские хижины, тропические лесные дебри — он невозмутим, он не замечает меня, он читает, а если глядит в окно, то еще мертвее и оскорбительнее, чем глядел на мою фигуру.

Таким же вижу я его и на пароходе, в отеле. Я или не существую для него (благо днем полагается по английскому этикету быть свободным в одежде), или же он самым непристойным образом осматривает меня с головы до ног — в ту торжественную минуту, когда гудит обеденный гонг и все шествуют в столовую в смокингах и бальных туфлях, среди нарядных дам, блеска зеркал и электричества.

Однажды отель, в котором проводил я зимы на Капри, загорелся (с верхнего этажа). Весь городок сбегался, все двери в отеле были настежь, по всем лестницам носились люди, тушившие огонь, все жильцы не английского происхождения помогали им или хватали из своих комнат и выбрасывали в коридор вещи, — англичане и бровью не повели: взяли пледы, книжки, сели в кресла, обернув пледами ноги, и преспокойно стали кто читать, кто писать дневники и письма.

В Ерусалиме, в Назарете, в Иерихоне жившие со мною в отеле англичане вставали раным-рано поутру, не спеша совершали туалет, плотно завтракали и затем, под предводительством гида от Кука, выходили на осмотр священных достопримечательностей с неизменным пением псалмов... Бог мой, как это было ужасно во всех смыслах!

В Египте, возле пирамид, храмов, я с утра до вечера слушал треск палок по головам арабов: арабы с бешеными криками осаждали туристов, предлагая им свои услуги, своих ослов, а английские полицейские молча лупили их направо и налево, да так крепко и ловко, что только палки отскакивали...

В Коломбо я глазам своим не верил, видя, как опасно, все время начеку проходят англичане по улицам, — как они боятся осквернить себя нечаянным при-

косновением к тамилу, к сингалезу и вообще ко всякому "цветному" человеку, ко всякому "презренному" (по их любимому выражению) дикарю.

А какими скандалами сопровождалась на Цейлоне все мои попытки проехать по железной дороге в третьем классе!" ⁵⁹³

Интересно, что впоследствии, переработав материалы "Записной книжки", Бунин не включил свои наблюдения над англичанами в рассказ под названием "Третий класс", о его путешествии на Цейлон. Отдаленные отзвуки этих портретов содержатся в рассказе "Notre-Dame de la Garde" (1925), где англичанина характеризует француз. В вагоне поезда старик француз принял рассказчика за англичанина:

"Вы англичанин?" — спросил он.

— Нет, русский.

Он легонько улыбнулся.

— Да, конечно, не англичанин. Я так и думал. Англичане никогда не сидят, например, в вагоне просто, ничего не делая: или пристально смотрят в окно, точно изучая что-то, или читают... Ну, да, вы русский. И я знаю, сколько страданий и гонений терпит теперь Россия..." ⁵⁹⁴

В жизни Бунина с Англией связано несколько эпизодов: его газетная полемика с Г.Уэллсом по поводу серии статей "Россия во мгле" в 1921 г., перевод и публикация сборника рассказов "Господин из Сан-Франциско" в 1921-1922 гг., и два его визита в Лондон: в 1925 и 1936 гг. ⁵⁹⁵ Живя в Париже, Бунин поддерживал связи с несколькими друзьями, обосновавшимися в Англии: с А.В.Тырковой, Г.Вильямсом и И.В.Шкловским. А.В.Тыркова и Г.Вильямс не раз бывали у Бунина в Париже. В дневнике В.Н.Буниной есть запись за 14 ноября 1920 г. о том, что они у них обедали. Про Тыркову В.Н.Бунин заметила: "Она горит желанием борьбы" ⁵⁹⁶. Тыркова привлекла Бунина к полемике с Г.Уэллсом, публиковавшим свои впечатления о России в еженедельнике "Sunday Telegraph". 21 ноября В.Н.Бунин записала: "Весь день перестукивала статью Яна против Уэльса" ⁵⁹⁷. 22 ноября Бунин выслал статью А.В.Тырковой для публикации в журнале "The New Russia", сопроводив ее письмом, в котором заметил: "Возражать ему было очень трудно, я сделал, что возможно" ⁵⁹⁸.

"Господин из Сан-Франциско" в Англии

В эмиграции Бунин, как и большинство писателей, жил на ничтожные гонорары за свои публикации в русской периодике. Казалось бы, спасением могли стать переводы на европейские языки. На деле это было совсем не так. Русские эмигранты, люди без государства и без паспорта, никакими законами об авторских правах защищены не были. Их переводили и издавали, чаще всего не выплачивая им никакого гонорара. Со всеми этими проблемами сталкивался и Бунин. Несколько его попыток отстоять свои права и завоевать место среди европейских писателей, связано с Англией.

В конце декабря 1921 г. Бунин отправил в Лондон А.В.Тырковой сборник своих рассказов — "Господин из Сан-Франциско", выпущенный во Франции в издательстве "Русская земля" ⁵⁹⁹. Заглавный рассказ, давший название сборнику, был написан в России в 1915 г. Бунин считал, что этот сборник включал лучшее, что

им было написано до революции. В сопроводительном письме он писал А.В.Тырковой: "Посылаю Вам свою новую книгу (на русском языке) — поверьте, что не с корыстными целями, а ради моей нежности и почтения к Вам — одной из немногих близких по чувствам, по мыслям, по навыкам нашего прежнего "старого" мира" ⁶⁰⁰. В действительности Бунин, конечно, надеялся, что А.В.Тыркова поможет с распространением сборника в Англии: необходимо было получить на него отклик в английской критике, а таким образом можно было заинтересовать и переводчиков. С письмом от 7 января 1922 г. он послал Тырковой тот же сборник во французском переводе ⁶⁰¹, понимая, что английского переводчика с хорошим знанием русского языка найти трудно, а французский перевод мог бы помочь ускорить распространение книги среди читателей. В этом письме он уже без околичностей просит Тыркову организовать рецензию на сборник и найти для него переводчика. С подобной просьбой он еще раньше обратился к своему давнему знакомому И.В.Шкловскому ⁶⁰².

А.В.Тыркова ответила 11 января 1922 г.: "Муж даст эту книжку английскому романисту, который состоит литературным редактором книжной фирмы, печатающей переводы Чехова. Фирма серьезная, дело с ними иметь стоит. Только здесь переводы очень много съедают. <...> Во всяком случае все сделаем, что сумеем, и как друзья Ваши и как почитатели" ⁶⁰³. Тыркова имела в виду Ленаарда Вулфа, писателя и редактора "Хогарт Пресс" ("The Hogarth Press"). Бунин в этот момент еще не знал, что его сборник уже переводится на английский, притом при участии другого романиста — Д.Г.Лоуренса, в то время уже писателя с европейской известностью.

Инициатором перевода был С.С.Котелянский. Соавторство в работе над переводом рассказа "Господин из Сан-Франциско" он предложил Д.Г.Лоуренсу в июне 1921 г. По-английски несколько рассказов Бунина в 1916 г. были опубликованы в журнале "Russian Review", но эти переводы не были известны ни Котелянскому, ни Лоуренсу ⁶⁰⁴. Скорее всего французских переводов Бунина Д.Г.Лоуренс также не читал, тем не менее предложение Котелянского его заинтересовало. 4 июня 1921 г. он писал Котелянскому из Баден-Бадена: "Сообщи, сколько слов в рассказе, и какому издателю ты собираешься его предложить" ⁶⁰⁵. Несколько дней спустя, 9 июня, он напоминает: "Пришли мне эти два рассказа и я наброшусь на них немедленно". А в конце письма снова: "Я удалюсь в кущи, чтобы переписывать рассказы, как только получу их". Но вот рассказ — один, а не два, как они договаривались, был получен. 16 июня 1921 г. Лоуренс, все еще находившийся в Германии, писал Котелянскому: "Мой дорогой Кот, <...> прочел "Господина из Сан-Франциско" — и несмотря на его траурный тон, от удовольствия расплываюсь в улыбке. Не тот ли это Бунин, из горьковско-каприйской компании? — или он только бывал наездами? Однако же о Капри и Неаполе — чертовски хорошо: до смешного похоже, разве что чуть-чуть слишком серьезно. Я скоро закончу переписывать: твой текст, как будто, не требует больших изменений. Мне нравится, например, это: "маленькая, скрюченная, ободранная собачонка" — слишком хорошо, чтобы исправлять" ⁶⁰⁶.

Таким образом интерес Д.Г.Лоуренса к рассказам Бунина во многом объясняется тем, что он о нем слышал. С октября 1913 до июня 1914 г. Д.Г.Лоуренс жил в Леричи, неподалеку от Леванто, где поселился А.В.Амфитеатров со своими многочисленными гостями и домочадцами. О том, насколько близко он общался с кругом Амфитеатрова, можно судить по письму к Артуру Маклауду от 14 марта 1914 г.:

"В прошлое воскресенье мы были в гостях у очень популярного современного русского романиста Амфитеатрова, в Леванто. Это был престранный прием: двад-

цать шесть человек за столом во время ланча, невнятный гомон немецкой, английской, русской, французской и итальянской речи. — и этот огромный смеющийся человек, хозяин, придирчиво оценивающий содержимое “Чинкве Терре”. Во главе стола светская, умная, образованная жена, на другом конце скульптор из крестьян в крестьянской рубашке, а между ними смесь из учителей, гувернанток, преподавателей музыки, взятых для воспитания детей, тут же приемный сын Максима Горького, маленький, темный, подвижный, живой человечек [Зиновий Пешков], а с ним огромная дикая казачка, на которой он женился по страсти, а потом возненавидел; дом полон суетливых слуг и образованных детей... Все это как-то чересчур. Вы не представляете, каким англичанином, уравновешенным и надежным, начинаешь чувствовать себя в этом окружении. Сравнивая себя с ними, я сознавал, что моя голова держится на плечах столь же прочно, как земля на трех китах. Правда, за одно качество я полюбил этих людей: за их полное безразличие ко всему, что не интересовало их в данную минуту. В этом они гораздо мудрее нас”⁶⁰⁷. В письме к Констанс Гарнет от 6 мая 1914 г. Лоуренс сообщал, что русские из Леванта наносят ему ответные визиты⁶⁰⁸. Среди гостей, судя по описанию, были А.В.Амфитеатров и Зиновий Пешков. Можно предположить, что в этом кругу Лоуренс много слышал о “каприйской колонии” Горького — о собиравшихся в его доме писателях, среди которых одним из самых известных был Бунин⁶⁰⁹.

Получив рассказ Бунина в переводе С.Котелянского в середине июня 1921 г., Лоуренс очень быстро закончил редакторскую работу над ним. 30 июля он уже выслал рассказ редактору журнала “The Dial” С.Тайеру (Scofield Thayer). В сопроводительном письме Д.Г.Лоуренс писал, что посылает ему для публикации рассказ: “переведенный с русского бунинского языка моим другом Котелянским, и отшлифованный мной так, что его можно читать по-английски. Зная на собственном опыте Неаполь и Капри, нахожу в этом рассказе великолепное отражение оборотной стороны картины”⁶¹⁰. 10 ноября 1921 г. из Сицилии Д.Г.Лоуренс запрашивал Котелянского, что он собирается делать с остальными рассказами, и кто редактирует переводы. Писатель догадывался, что другим помощником Котелянского в работе над рассказами Бунина был Ленард Вулф, который являлся одновременно предполагаемым издателем сборника. Лоуренс ревниво отнесся к этому соавторству и предлагал свою помощь в работе над всеми остальными рассказами, но Котелянский от предложения отказался.

14 января 1922 г. Д.Г.Лоуренс сообщил Котелянскому, что журнал “The Dial” с рассказом Бунина вышел в свет. Д.Г.Лоуренс решил не раскрывать своего участия в переводе, так как, будучи известным писателем, не стремился снискать еще и лавры переводчика. Но в то же время в его письме к редактору журнала пожелание скрыть свое имя звучит уклончиво: прошу, мол, не упоминать моего имени, а впрочем поступайте, как сочтете нужным. Когда рассказ вышел с его именем, Д.Г.Лоуренс слегка пожурил редактора, а Котелянскому написал: “Вот бессовестные люди, я их просил меня не упоминать, а они сделали по-своему. Но, по правде говоря, мне безразлично. Стоит ли беспокоиться понапрасну...”

Котелянский тем временем готовил к изданию несколько рассказов Бунина: “Легкое дыхание”, “Казимир Станиславович” и “Сын” для сборника “Хогарт Пресс”. В работе над этими рассказами его соавтором был издатель Л.Вулф. В мае 1922

г. сборник вышел в свет в "Хогарт Пресс" тиражом в 1000 экземпляров. Рассказ "Господин из Сан-Франциско" дал ему название: "The Gentleman from San Francisco and Other Stories". На титульном листе его значатся в качестве переводчиков С. Котелянский и Л. Вулф, однако в прилагаемом листке исправлений сообщается, что в работе над переводом заглавного рассказа принял участие Д. Г. Лоуренс⁶¹¹. 9 июля, получив экземпляр книги, Лоуренс писал Котелянскому: "Какой чудный переплет у Бунина!". Со скрытым торжеством он продолжал: "Но рассказы не так уж хороши: "Господин" намного лучше всего остального. Некоторые фразы Вулфа читаются с трудом".

Все рецензенты единодушно отмечали блестящий уровень перевода Д. Г. Лоуренса и Котелянского. Эта оценка не устарела спустя много лет, после того как появились новые переводы⁶¹². В этом была заслуга Д. Г. Лоуренса, который тщательно работал над стилем рассказа, внося в него исправления даже после выхода в свет журнального варианта. Опыт работы над переводом русского автора вызвал у писателя желание изучить русский язык. В письмах он не раз просил Котелянского прислать ему русскую грамматику, а в начале 1920-х годов даже собирался отправиться в Россию. Но за русскую грамматику он не взялся, а доходившие до него сведения о большевистском режиме охладили его желание ближе познакомиться с этой страной.

Берясь за перевод русского художественного текста в соавторстве с Котелянским, ни Д. Г. Лоуренс, ни Л. Вулф не знали о том, какие трудности и вместе с тем какие языковые возможности таит в себе буквальный, непрофессиональный перевод с русского. Английский язык Котелянского их восхищал — потому что он с необыкновенной для них смелостью употреблял в английском языке слова, не заботясь о контексте. И Д. Г. Лоуренс и Л. Вулф, не сговариваясь, отметили как необыкновенно образный его перевод определений Бунина: "крохотная, гнутая, облезлая собачка". Перевод звучит буквально как "маленькая, изогнутая, лишенная кожуры собачка" ("little carved peeled-of dog"). "Это слишком хорошо, чтобы править", — писал Д. Г. Лоуренс. Однако, подумав, он усомнился, что это действительно хорошо. В переводе у Котелянского слово "крохотная" переведено нейтральным: "little" — "маленькая"; "гнутая" — словом "carved", которое обычно прилагается к предметам, а не к живым существам. Шокирующе звучал перевод третьего определения "облезлая": переводчик предложил "peeled-off", что значит "очищенный от кожуры" — так по-английски говорят об апельсинах или картошке. В описании собаки это звучало экстравагантно. Но в данном контексте экстравагантность была излишней: автор не ставил своей целью привлечь к "собачке" внимание. Изменение этой фразы в журнальном варианте, а затем и в книжном, показывает, что прилагательные продолжали беспокоить Д. Г. Лоуренса. В публикации в журнале "The Dial" выражение было заменено на: "a tiny cringing peeled-off dog". То есть первое нейтральное слово "little", "маленькая", было заменено на "tiny", более близкое к "крохотная"; "carving" было заменено на "cringing", в английском языке применяемое именно к собаке в значении "съежившийся от страха". Но оставлено третье определение "peeled-off". В книжном издании необычное звучание перевода еще более сведено на нет, и приближено к оригиналу: "a tiny, cringing, hairless little dog": "крохотная, съежившаяся, облезлая собачка"⁶¹³.

Первые отклики в английской прессе на издание сборника рассказов Бунина "Господин из Сан-Франциско" появились за год до его выхода на английском

языке. В литературном приложении к "Таймс" за 18 августа 1921 г. была опубликована рецензия на русское издание сборника, вышедшее в Париже в издательстве "Русская земля"⁶¹⁴. Рецензия включала краткий очерк творческой биографии Бунина. По всей видимости, отзыв написал автор, знакомый с Буниным и его оценкой своих произведений. Основной рассказ в сборнике он оценивает как "очень характерный для стиля автора", а другие рассказы сборника помещает "среди лучших рассказов последних лет". В литературном приложении к "Таймс" за 20 апреля 1922 г. была опубликована большая по объему неподписанная рецензия на французский перевод сборника "Господин из Сан-Франциско"⁶¹⁵. Автор отметил исключительные достоинства рассказа, давшего сборнику название. Рецензия также содержала обширный очерк творчества Бунина. Этот критик смотрел на бунинское творчество сторонним взглядом, как представитель иной литературной традиции. Скорее всего это был английский автор, не привыкший к чтению русской литературы. "Писатель выворачивает нам голову, — писал он, — так смотреть на мир, как смотрит он, нам неудобно". Раскрывая видение мира Бунина и анализируя его отношение к жизни, критик проводил параллели с Бодлером, Флобером, Ницше и Достоевским. Оценивая масштаб дарования Бунина, он сравнивал его с популярным в Англии Чеховым. 17 мая 1922 г. в газете "Таймс" была опубликована неподписанная рецензия на издание английского перевода сборника Бунина в издательстве "Хогарт-Пресс". Рассказ "Господин из Сан-Франциско" рецензент определил как "несомненно наиболее значительный в этом собрании", тогда как другие рассказы в сравнении с ним он считал менее весомыми⁶¹⁶.

24 июня 1922 г. большая рецензия на издание английского сборника рассказов Бунина появилась в газете "The Nation and the Athenaeum" за подписью Дж.Миддлтона Марри⁶¹⁷. Критик начал свой отзыв с определения места Бунина в современной литературе. Он сравнил его вхождение в когорту европейских писателей с открытием новой планеты. Марри представил глубокий анализ творчества Бунина в целом и рассказов сборника "Господин из Сан-Франциско". О заглавном рассказе он писал: "Это безусловный шедевр, один из лучших рассказов нашего времени". В рассказе его поразило "апокалиптическое видение" изображаемого события. Его восхитило и то, что писатель обнажает пороки современной цивилизации с безжалостностью, но без цинизма, характерного для его современников. Переходя к другим произведениям Бунина, критик отметил, что им далеко до уровня "Господина из Сан-Франциско". Марри не избежал уже становившегося банальным сравнения Бунина с Чеховым. Он писал о других рассказах сборника: "Предметы изображения и подход к ним явно заимствованы у Чехова, но мы чувствуем, что Чехов, просто потому что он был совершенным художником, подошел бы к этим предметам по-другому. Если бы Чехова не было на свете, мы бы признали, что перед нами хорошие рассказы Бунина. Но познакомившись с Чеховым — можно только сказать, что это не очень сильные подражания, или работы "чеховской школы". Особенно заметно снижение уровня мастерства в повести "Деревня". Здесь, хотя и чувствуется Чехов, заметно влияние западных реалистов". Тем не менее критик рекомендовал перевести "Деревню" на английский язык.

Проанализировав статью Марри, можно с большой долей уверенности сказать, что и более ранние, неподписанные рецензии в литературном приложении к "Таймс"

и в самой "Таймс" также принадлежат его перу. Убедиться в этом позволяет сравнительный анализ статей. Для всех трех рецензий характерны одни и те же концепции оценки творчества Бунина, во всех трех присутствуют сходные определения: "Апокалиптическое видение ужаса и фальши современной цивилизации", "апокалиптическое видение события", "апокалиптическое откровение о "цивилизации", "гнилость цивилизации", "бездушный ужас нашей материальной цивилизации". (Ср.: TLS, 20.4.1922: "an apocalyptic vision of the horror and falsity of modern civilization"; N&A, 24.6.1922: "an apocalyptic vision"; "the apocalyptic revelation of a "civilization"..., "the rottenness of the civilization"; "The Times", 17.5.1922: "the soulless horror of our material civilization"). Во всех трех статьях в сходных выражениях раскрывается противостояние в рассказе Бунина цивилизации и жизни, техники и духовного мира человека. Гигантский океанский лайнер рассматривается как символ технических достижений цивилизации, на грандиозном фоне которых обнажается пустота внутреннего мира современного человека. Итогом анализа в трех статьях является вывод о том, что так называемая "цивилизация" не оставляет места ни для подлинной жизни, ни для достойного отношения к смерти. (Ср.: TLS, 20.4.1922: "the soulless system which has no place even for death"; N&A, 24.6.1922: "a "civilization" which cannot attain to life and has no place for death"). Критик называет Бунина "безжалостным обличителем цивилизации" (Ср.: TLS, 20.4.1922: "He is indicting the spiritual deadness of modern plutocracy"; "The Times", 17.5.1922: "ruthless indictment of modern civilization"; N&A: The ruthlessness with which Bunin stripped the nakedness of modern civilization") и сопоставляет его с другими "бунтарями"; в одном ряду с ним Бодлер, Флобер, Ницше, Достоевский, А.Толстой, Д.Г.Лоуренс и Дж.Джойс. Наконец, во всех трех рецензиях "Господин из Сан-Франциско" оценивается как шедевр не только творчества Бунина, но и шедевр эпохи. В то время как обо всех остальных рассказах говорится с чувством разочарования. Бунин для Марри — "автор одного гениального рассказа и многих талантливых произведений".

Косвенным подтверждением авторства Марри являются письма Бунина, где он упоминает его рецензии. В письме от 16 мая 1922 г. Бунин писал А.В.Тырковой: "Из статьи обо мне в "Times" и от г. Middleton Murry, с которым я вчера случайно познакомился и который оказался автором этой статьи, я узнал, что меня переводят на английский язык гг. Lawrence и Koteliensky, что уже кем-то издана книжка их переводов..."⁶¹⁸ Здесь указана точная дата знакомства Бунина с Марри: 15 мая. К этому моменту Бунин мог познакомиться со статьей Марри в литературном приложении к "Таймс" за 20 апреля 1922 г.⁶¹⁹ В этой статье упоминается публикация перевода Д.Г.Лоуренса и С.Котелянского в журнале "The Dial". О готовящемся английском издании книги Марри мог сообщить Бунину устно, так как он же был автором рецензии на это издание в "Таймс".

В мае 1922 г. Марри находился в Париже с Кэтрин Мэнсфилд. Она по совету Котелянского отправилась лечиться от туберкулеза у пользовавшегося славой русского врача И.И.Манухина. Кроме того она посещала собрания целителя и мистика из России Г.И.Гюрджиева. В Париже К.Мэнсфилд встретила с Буниным и Зинаидой Гиппиус, так как ее просил об этом переводивший их произведения С.Котелянский. Бунин и Гиппиус в один голос жаловались ей на неблагоприятное поведение переводчиков и издателей по отношению к авторам. Мэнсфилд выслушала их и по возвращении в Англию передала ему высказанные претензии.

Однако Котелянский был уверен в том, что никакого закона он не нарушал, не усомнилась в его правоте и К.Мэнсфилд. В тот момент закон был не на стороне русских авторов. Они могли рассчитывать только на порядочность издателей и переводчиков. Известия об издании в переводе сборника рассказов, а также новость о том, что кто-то издал рассказы Куприна, тоже без ведома автора, вызвали у Бунина бурю негодования. Он писал А.В.Тырковой: "Дорогая Ариадна Владимировна, где же Бог, простая справедливость и пр. и пр.! За что, по какому праву нас переводят, издают, не только ничего не платя нам, но даже не спрашивают нас?! Кто-то издал Куприна "Sashia" <...> Мы все вас просим: сделайте что-нибудь, чтобы защитить нас, чтобы пристыдить и через печать, что ли, — раз кто пользуется нашим бедственным положением!"⁶²⁰.

А.В.Тыркова ответила Бунину 17 мая 1922 г.: "Дорогой Иван Алексеевич, Я сегодня утром увидела в "Times'e" рецензию на Вашу книгу, написана Koteliensky (?) и просила его переговорить с "Hogarth Press" о гонораре. Жаль, что я предвосхитила Вашу мысль. Сейчас пришло Ваше письмо. Конечно сделаю все, что умею. Подумаю, переговорю с опытными людьми. Вообще буду драться. Нельзя же голодных обирать. Это мерзость"⁶²¹. Тыркова написала С.Котелянскому еще одно письмо с требованием разъяснений. Он ответил письмом от 27 мая 1922 г., в котором писал: "Глубокоуважаемая госпожа Тыркова, Ваше письмо от 17 мая я получил только сегодня утром и немедленно отвечаю.

Руководимый тем же побуждением, что вызвало Ваше письмо ко мне, я несколько месяцев тому назад предложил моему английскому издателю написать И.А.Бунину и просить у него, за известную сумму, авторизацию на английский перевод тех четырех рассказов Бунина, которые появились в России несколько лет тому назад, и вышедшие недавно в английском переводе в издательстве "Hogarth Press". Мой издатель L.S.Woolf писал И.Бунину, предложив ему права на авторизацию, но ответа никакого не получил.

Хотя английский издатель и не обязан платить ничего автору: точно так же, как и русские издатели и переводчики не платят европейским авторам. Все же я думаю, что если Doctor Harold Williams напишет L.S.Woolf'у и укажет ему, что по мотивам справедливости И.Бунину полагается гонорар, то я полагаю, что г. Woolf не откажется установить то или иное Royalty вышедшей книжке рассказов. С своей стороны я буду просить г. Woolf'a об этом же, и надеюсь на благоприятный результат"⁶²².

"Хогарт Пресс", издательство некоммерческое и неприбыльное, не было способно платить ни своим авторам, ни переводчикам. Работавшие для них авторы знали об этом. Д.Г.Лоуренс, которому причиталось за его работу 12 фунтов стерлингов, большую часть своего гонорара отдал С.Котелянскому, у которого в этот момент не было никаких доходов. Тем не менее, издатели, видимо, пытались выйти из неловкого положения, в которое они попали со сборником Бунина. Ленард Вулф дважды писал А.В.Тырковой по поводу этого издания и сообщал о том, что предлагал автору гонорар⁶²³. Однако Бунин в своих письмах утверждал, что этих писем он не получал. 10 июня 1922 г. он снова сообщал А.В.Тырковой: "Г-н Woolf ни разу не писал мне — по крайней мере я никогда от него никаких писем не получал. Сейчас от Вас открытка с цитатой из письма Вульфа к Вам. Повторяю: врет, ничего мне он не писал и, думаю, не напишет. А что до платы, то я, конечно, возьму всякую. Но

опять-таки думаю, что и тут соврет — ничего не даст.” 14 июля 1922 г. Бунин, в ответ на попытку Тырковой разубедить его, повторяет: “Г-н Leonard Woolf опять врет — он опять мне ничего не писал. Так что — что же я ему отвечу? Я даже адреса его не знаю! Если сообщите, напишу. Но, конечно, было бы лучше, если бы он мне сперва написал” ⁶²⁴. Наконец, письмо от издателя, в котором он предлагал гонорар и десять процентов от прибыли, было получено.

Бунин согласился на предлагаемые условия, но этим инцидент не был исчерпан. Из журнала “The New York Times Book Review” Бунин узнал “со слезами и с яростью”, что Л.Вулф — “этот разбойник” — продал том бунинских рассказов американскому издателю Томасу Зельцеру ⁶²⁵. А вскоре от французского писателя Эдмона Жалу он узнал о выходе в американском издательстве на английском языке книги воспоминаний о Чехове: М.Горького, А.Куприна и своих собственных ⁶²⁶ — в переводе С.Котелянского и Л.Вулфа. Уследить за переводами и изданиями было трудно, еще труднее — привлечь издателей к ответственности. Все усилия Бунина в этом направлении мало к чему привели. И если Бунин что-то и получил от “Хогарт Пресс”, то какую-то условную сумму. Тем не менее, благодаря этому издательству, с его творчеством познакомилась английские читатели, а его финансовые разочарования компенсировались одобрительными отзывами в английских газетах.

Бунин был польщен английскими рецензиями. В записных книжках он выписал из отзывов наиболее понравившиеся ему характеристики. Из заметки в “Таймс” от 17 мая 1922 г. он выписал заключительную фразу: “Bunin is certainly one of the most important of the Russian Writers” (“Бунин несомненно является одним из самых значительных русских писателей”). По поводу статьи в “The Nation and the Athenaeum” Бунин писал: “Большая статья. Изложение книг “Господина из Сан-Франциско” и “Деревни” (первой — по английскому переводу, второй — по переводу французскому). Все пересыпано большими похвалами: “Новая планета на нашем небе!...”, “Апокалипсическая сила...” В конце: “Bunin has earned a place in the literature of the world” (“Бунин завоевал себе место во всемирной литературе”)” ⁶²⁷.

Одновременно с Марри о Бунине в английской прессе писал Д.П.Святополк-Мирский. В статье “Литература большевистской России” в “Лондонском Меркурии” за 1922 г. критик характеризовал Бунина как “величайшего из живущих и активно работающих писателей нашего времени”. “Каждая новая его работа превосходит предыдущую, — отмечал критик, — И хотя он участвовал в политических дискуссиях и писал яростные статьи, его художественные произведения всегда оставались над схваткой. Его гений вне времени, его отношение к жизни — отношение брамина или парнасца” ⁶²⁸. В следующей статье в “Лондонском Меркурии” Д.Мирский рассматривает творчество Бунина в контексте литературы эмиграции и снова подтверждает свое суждение о том, что Бунин является лучшим из живущих русских прозаиков. Критик особо отметил рассказ “Господин из Сан-Франциско” и одобрил его перевод на французский язык. Критик, однако же, высказал сомнение в том, что французам может привлечь писатель, у которого так много общего с Флобером и другими европейцами: тот же безупречный стиль и то же пристрастие к неприятным сторонам жизни ⁶²⁹.

В апреле 1922 г., вдохновленный своим успехом у англичан, Бунин обратился к А.В.Тырковой с просьбой помочь ему устроить его выступление в Лондоне. Он

писал ей (от своего имени, а также от имени А.И.Куприна): "...Что вышло бы, если бы мы приехали в Лондон прочесть наши новые рассказы? Собралась ли бы публика на них? Собрали ли бы мы что-нибудь на нашу бедность? Есть ли человек, который устроил бы нам такой вечер?"⁶³⁰. А.В.Тыркова писала 6 мая [1922] г.: "Чтобы ответить Вам и Куприну, надо прежде всего знать, какая минимальная сумма гонорара, из-за которой стоит вам ехать? Ведь у нас колония небольшая. Можно устроить так, чтобы расходов было мало. Думаю, что дадут зал в посольстве, значит бесплатно. Но все-таки расходы кой-какие будут. И проезд стоит. Вы все-таки подсчитайте, сколько нужно собрать фунтов по меньшей мере и напишите сразу. Лично я была бы очень рада и видеть, и слышать вас обоих. Но моя радость это еще не гонорар"⁶³¹.

Получив ответ А.В.Тырковой, Бунин либо действительно потерял интерес к поездке, либо дал понять, что его не устраивает финансовая сторона визита. Он писал ей: "Дорогая Ариадна Владимировна, я, подумав, решил отказаться от этой авантюры — поездки в Лондон. Чувствую по Вашему письму, что наши надежды — заработать тысячи по 3 франков — неосуществимы. А сколько возни с визами! А сколько хлопот Вам! Нет — до осени, если живы будем. Спасибо Вам за Вашу неизменную доброту ко мне. Она меня трогает тем более, что очень мое сердце, очень расположено к Вам"⁶³².

Бунин продолжал присылать А.В.Тырковой свои книги. 25 марта 1922 г. она писала ему: "Долго, долго не отвечала на Ваше милое, дружественное письмо. Уставала. Потом уехали с мужем в Германию ненадолго. И вот опять в Лондоне. На обратном пути из Берлина читала Вашу "Деревню" и "Суходол". Хвалить не буду. Сами знаете, что хорошо, крепко написано"⁶³³. 16 июля 1922 г. А.В.Тыркова писала: "Дорогой Иван Алексеевич, читала вчера вечером "Антоновские яблоки" и пахло осенним садом, ржаной соломой, старым домом, дворянско-мужицкой Русью, всем любимым, близким и едва-ли не живым вопреки всем ВЦИК'ам. Спасибо Вам. Никогда Р.Роллан так не писал и не напишет. У него психологическая публицистика, народный университет, для безболезненного усвоения *dernier cri* в искусстве и психологии. А у Вас — вкус холодного яблока, забытого в траве..."⁶³⁴

В том же письме А.В.Тыркова сообщала Бунину новости из литературного Берлина: "Мне из Берлина пишут, что приехал Зайцев и рассказывает, как в России все возмущены Толстым. По ту сторону черты, еще меньше талантливых людей, чем здесь, стоит за "Смену вех". Читали Вы "Литературные записки"? Если нет, я Вам пришлю. Там, в России есть мужественные люди".

На издания Бунина во французских переводах отзывался в письме к писателю Ромен Роллан. В 1923 г. Р.Роллан выдвинул его кандидатуру на соискание Нобелевской премии. Узнав об этом, Бунин обратился к А.В.Тырковой с просьбой написать о нем статью или организовать публикацию заметки о нем в "Таймс"⁶³⁵. А.В.Тыркова ответила письмом от 19 апреля 1923 г.: "Хочу продвинуть в "Literary Supplement" статью о Вас. Не знаю, удастся ли. Мне с ними не везет. Но думаю, что для премии это было бы полезно"⁶³⁶. Но на этот раз, как и в последующие годы, у Бунина оказалось много европейских соперников, с которыми ему, эмигранту, трудно было соревноваться в известности. Одним из его соперников в 1923 г. оказался Джон Голсуорси, но премию получил У.Б.Йейтс.

11 декабря 1924 г. А.В.Тыркова писала к И.А.Бунину по поводу сборника рассказов "Роза Иерихона": "Дорогой Иван Алексеевич, Вы меня своей "Розой" тронули. Еще не читала, даже не разрезала, но вперед радуюсь. И хорошо думать, что Вы ко мне по-дружески относитесь. Рассыпало нас по Европе и когда услышишь родную речь, становится теплее. А я эти дни от густого тумана нашего даже съезжилась. В поле бес нас водит видно... Но сейчас по Вашу сторону Ламанша бесам большее раздолье, чем у нас. Крутится колесо истории, но я, вопреки туману, верю, что когда-нибудь оно раздавит этих дьяволов. Только, по совести человеческой, хочется знать — когда же, Господи?" ⁶³⁷

И.А.Бунин в Лондонском ПЕН-Клубе в 1925 году

В начале 1925 г. Бунин получил приглашение в Лондон от ПЕН-клуба. Скорее всего, это приглашение организовал по просьбе А.В.Тырковой Г.Вильямс, который был членом ПЕН-клуба. В ПЕН-клубе Бунина знали как одного из крупнейших современных русских писателей. Не случайно, когда летом 1923 г. Б.Пильняк пытался открыть отделение клуба в России, Бунин был одним из четырех писателей, к которым руководство клуба обратилось за советом. Тем не менее, из-за сложностей с "русским вопросом", организаторы клуба вряд ли проявили бы инициативу организации чествования русского писателя-эмигранта, если бы это предложение не выдвинул кто-либо из друзей Бунина ⁶³⁸. Воспоминания сына А.В.Тырковой Аркадия Бормана подтверждают, что она сыграла в организации этого визита существенную роль: "Каких только русских не перебивало у мамы в Лондоне. Многие приезжали за каким-нибудь делом, за помощью. Кому только она ни оказывала помощи, начиная с И.А.Бунина. <...> При помощи мамы для И.А.Бунина был устроен многочисленный прием в обществе английских писателей" ⁶³⁹.

В дневниковой записи от 9 (22) января 1925 г. В.Н.Бунина рассказывает о нескольких эпизодах, предшествовавших поездке: "Мы как раз писали письмо в ПЕН-клуб. Рассказали ей [зашедшей в гости Мелитте Левиной], в чем дело. Она энергично стала уговаривать Яна не отказываться. Предложила мне ехать с ней немедленно в консульство. Поехали. Разузнали. Вызвали по телефону Яна. Послали в Лондон письмо-экспресс. Значит, Ян едет, если, конечно, все будет благополучно". Еще одна запись, от 13 (26) января: "... Пришла Мелитта, как всегда, бодрая и энергичная. Через полчаса она с Яном уехала за визой, которая уже пришла из Лондона. Кроме того, в префектуру за обратной визой". На следующий день В.Н.Бунина записывает: "Ян уже готовится к Лондону. Временами упрекает меня, что я "подбила" его на эту поездку". 15 января: "Ян просматривает английские слова, изрядно забытые им" ⁶⁴⁰. 16 января: "Мучается, у кого достать денег на Лондон, до возвращения оттуда, когда ему возместят все издержки".

Переписку с секретарем ПЕН-клуба Бунин вел на французском языке. В письме от 22 января 1925 г. он благодарил организаторов за приглашение и сообщал, что сможет приехать второго февраля. Он затруднялся сообщить что-либо о визе, подчеркивая, что у русских эмигрантов — обладателей нансеновских паспортов — в этом вопросе всегда возникало множество трудностей: "Что касается визы, ничего пока не могу сказать с уверенностью, так как еще не получил никаких сведений. Постараюсь навести справки завтра, и в случае затруднений (а их у

русских множество), телеграфирую Вам с просьбой о помощи”⁶⁴¹. В этом же письме в постскриптуме Бунин сообщает, что консул посоветовал ему просить организаторов визита предпринять шаги для получения им визы, иначе дело могло затянуться надолго. Будучи наслышанным о холодных английских домах, Бунин просил забронировать ему номер в отеле с центральным отоплением.

Этому требованию отвечал отель “Беркли” на Пиккадилли. В письме к Марджери Скотт от 28 января 1925 г. хозяин отеля “Беркли” подтвердил, что для Ивана Бунина был забронирован номер с понедельника 2 февраля до утра пятницы 6 февраля. Номер был с центральным отоплением, но без удобств. Счет, как подтверждалось в письме, должен был оплатить ПЕН-клуб. 29 января Бунин сообщал, что купил билет на поезд, прибывающий в Лондон в 5.15 вечера. В ответ на предложение М.Скотт встретить его на вокзале, Бунин подтвердил, что встретить его необходимо, так как в Лондон он приезжает впервые и по-английски не говорит. Для того, чтобы его можно было узнать, он выслал свою фотографию.

В конце января 1925 г. Бунин писал А.В.Тырковой о своем приезде в Лондон как о деле решенном: виза была получена. Планировалось, что Бунин придет в Лондон в понедельник, пробудет в городе четыре дня, а уедет в пятницу. Последние предотъездные волнения отражает дневниковая запись В.Н.Буниной, сделанная 1 февраля: “Завтра Ян едет в Лондон. [...] “Многое отдал бы, чтобы не ехать”, — сказал он мне вчера”⁶⁴². О пребывании Бунина в Лондоне известно очень мало. Лишь по штрихам и намекам, в том числе оставленным в письмах, можно судить о том, как прошла его поездка⁶⁴³.

Организаторы визита составили для него программу, насыщенную встречами и приемами. Первый обед в день приезда состоялся в доме английской писательницы Мэй Синклер. Она писала основательнице ПЕН-Клуба Эми Доусон-Скотт 27 января: “Дорогая Сафо, Я буду счастлива пригласить господина Бунина на обед в следующий понедельник. Будет Стейси Омонье с женой. Может быть и ты? Приходи. Всегда твоя, Мэй Синклер”⁶⁴⁴. Возможно, Мэй Синклер хотела пригласить и Дж.Голсуорси, так как она просила дать его телефон в Хемпстеде.

На следующий день, во вторник 3 февраля, состоялось чествование Бунина в ПЕН-клубе. Оно было отмечено сообщением в парижском журнале “Иллюстрированная Россия”⁶⁴⁵. В ожидании этого вечера Бунин беспокоился о том, как он будет беседовать с гостями. В одном из писем он сознается: “Я ни звука по-английски”⁶⁴⁶ и спрашивает А.В.Тыркову, не будет ли присутствовать на обеде Г.Вильямс, отлично говоривший по-русски⁶⁴⁷. Однако он оказался за столом соседом основательницы клуба и переводчика у них не было. Тем не менее писателю вполне удалось очаровать свою соседку. Доусон-Скотт в своем дневнике записала: “3-его февраля. ПЕН. Обед для Ивана Бунина, обворожительного, художавого седовласого джентльмена. 2-го он обедал с Мэй Синклер и Стейси Омонье, и этот последний так напился, что в середине обеда его пришлось увести домой. А на другой день на обеде в ПЕН-клубе председательствовал А.Е.У.Мейсон, который тоже напился и не мог толком произнести свою речь. Наверно Бунин теперь уверен, что англичане по заслугам считаются самым пьющим народом. Не повезло нам, что эти казусы происходили два вечера подряд. Во время нашей застольной беседы Бунин сказал мне, что французы едят в основном хлеб и овощи, и совсем

мало мяса — а у русских в обычае как раз противоположное. Я высказала мнение, что овощи полезны. На это Бунин на своем ломаном английском ответил: “Оф кауз”. Он хотел сказать “конечно”, а получилось “для коров”⁶⁴⁸.

На другой день 4 февраля Бунина ждал в фойе отеля корреспондент, скорее всего русский, который под псевдонимом “Мистер Лондон” описал свою встречу с писателем в газете “The Daily Graphic”: “Вчера во время ланча в фойе отеля “Беркли” сидел изящного сложения человек с изысканными манерами, с легкой проседью в темных волосах. Вряд ли кто-нибудь из всей этой элегантной толпы постояльцев отеля имел хотя бы малейшее представление о том, что это был Бунин — знаменитый русский поэт и писатель, один из двенадцати почетных академиков, равных французским Бессмертным. Бунина живо интересовали окружающие люди, так как это был его первый визит в Англию. Его несколько задел мой вопрос, собирается ли он произносить речь в ПЕН-клубе, почетным гостем которого он был вчера вечером. Он решительно ответил, что его первый день в восхитительном Лондоне был слишком волнующим, чтобы помышлять о речи”⁶⁴⁹.

Бунин собирался встретиться И.В.Шкловским, но из-за насыщенности программы ему не удалось найти для этого время. Бунин писал ему из отеля за день до отъезда 5 февраля: “Бесконечно сожалею, что не увижу Вас: уезжаю немного раньше, чем предполагал (завтра в 11 часов утра). А эти дни не было буквально ни одной минуты свободной: к великому моему удивлению (и крайней усталости), оказалось, что P.E.N. Club составил целую программу, где я должен быть, кого видеть и т.д.”⁶⁵⁰ В этот предотъездный день для Бунина был устроен прием, на котором появился давно не выезжавший Джером К.Джером (Jerome K. Jerome). О знакомстве с ним Бунин вспоминал в своем очерке, написанном два года спустя, по случаю смерти писателя. Очерк был впервые опубликован в рижской газете “Сегодня” за 26 июня 1927 г. (№138). Текст заметки в этой редакции отличается от последующих публикаций. В приводимом отрывке курсивом выделен текст, который отсутствует в последующих редакциях.

Джером Джером

Развернул газету и прочел:

— “Лондон, 14 июня. Внезапно скончался знаменитый английский писатель, юморист Джером К.Джером...”

Кто из русских не читал Джерома? Но не думаю, чтобы многие могли похвалиться знакомством с ним. Два, три человека разве — и в числе их я.

Я в Англии был всего один раз. Я совершил на своем веку многие странствия, но все больше к югу, к востоку. Север всегда немного пугал меня. Пугала и Англия, ее туманы, дожди. Теперь я и от севера не отказался бы, но — как бы это сказать помягче? — стал “вреден север для меня”. Теперь нужен счастливый случай, чтобы нашему брату попасть за границу. И такой счастливый случай неожиданно представился мне три года тому назад [точнее два с половиной года]: лондонский P.E.N. Club вздумал пригласить меня на несколько дней в Лондон, устроить по этому поводу литературный банкет, показать меня английским писателям и некоторым представителям английского общества и так далее.хлопоты насчет визы и расходы клуб взял на себя — и вот я в Лондоне.

Поездку мою можно было бы описать весьма забавно, Джером Джером мог бы сделать из нее пресмешной рассказ. Представьте себе человека, который довольно основательно отвык от поездов-люкс, от пульмановских вагонов, от палас-отелей и вновь попадает в этот мир уже с некоторой неловкостью, робостью... Правда, я не из очень робких и неловких, ну, а если взять именно робкого и неловкого? Да и английские нравы недурной сюжет для юмористического рассказа. Возили меня в очень разнообразные дома — и в самые современные, и в старинно-английские — но в каждом из них я непременно претерпевал что-нибудь достойное Джерома. Чего стоят одни обеды, во время которых тебя жжет с одной стороны пылающий, истинно как геенна огненная, камин, а с другой — холод, заставляющий думать о северном полюсе, о северных сияниях, об оленях и самоедских чумах!"

Впоследствии писатель, видимо, отказался от мысли представлять перед читателем в виде обнищавшего и потому "робкого" эмигранта, который неловко чувствует себя в цивилизованной Европе. Отказался он и от иронических высказываний по адресу англичан. Кроме этого он опустил по вполне понятным причинам весьма любопытный эпизод своего пребывания в Лондоне, связанный с посещением российского посольства. Бунин писал: "Было, кроме того, у меня в Лондоне и еще одно забавное приключение. Нужно мне было повидать одного знакомого, нашего бывшего лондонского консула. Схожу в вестибюль отеля и прошу портье, чтобы мне позвали такси и приказали ему отвезти меня в русское консульство. Через минуту машина у подъезда. Выхожу, сажусь и еду — весьма рассеянню, кстати сказать, ибо замучен своей славой, всеми этими обедами, визитами уже довольно серьезно. В рассеянности и приезжаю — и вижу огромные ворота, огромный двор за ними и столь же огромное здание во дворе. Вылезаю и спокойно направляюсь к нему, вхожу в какую-то канцелярию и обращаюсь к какому-то жирненькому молодому человеку, лысеющему брютету в лаковых ботинках, с круглой и бритой физиономией:

— Скажите, пожалуйста, могу я видеть господина Ону?

Я обратился весьма, даже необыкновенно вежливо, но, Боже, что произошло тотчас же вслед за этим и как молниеносно разыгралось! Молодой человек вдруг вскакивает точно ужаленный:

— Как Ону? Какого Ону? Но мы его сместили еще в декабре семнадцатого года!

И, как ужаленный, вдруг отскакиваю и я от него:

— Кто "вы"? Да куда я попал? Ах, вот оно что! Тьфу, ну и занесло же меня в заведение!

— Вы не имеете права здесь плевать. Это не заведение, милостивый государь!!

— Что? Не имею права?

И, неожиданно даже для самого себя, я кончил такими трехэтажными словесами, что даже советский молодой человек остолбенел, опешил..."⁶⁵¹

В 1925 г. ожидание встретить в российском посольстве бывшего консула, представлявшего Временное правительство, было по меньшей мере наивным. А.М.Ону (1865-1938) к этому времени, конечно, давно покинул свой пост. Он остался в Англии и как профессиональный историк получил от нескольких британских университетов предложение преподавать историю. Удивительно, что перед по-

ездкой в посольство Бунин не справился у А.В.Тырковой или других русских друзей о том, где находится его добрый знакомый. Ситуация действительно достойная пера Джерома, если: только она не является плодом бунинской фантазии.

Два года спустя очерк о Джероме был опубликован в газете "Последние новости" к 70-летию со дня рождения писателя (1859-1929)⁶⁵². В тексте очерка сохранился эпизод с посещением посольства в Лондоне, но некоторые интересные детали отсутствуют. Начало очерка дополнено фразой: "Я в Англии до 1926 года *ивал*", в которой писатель ошибочно указывает год своего визита. Эта ошибка перешла в последующие публикации очерка. Вторая часть очерка, после слов "А с Джеромом я познакомился так", неоднократно перепечатывалась. Бунин писал: "Перед самым отъездом из Лондона я был в одном доме, куда собралось особенно много народа. Было очень оживленно и очень приятно, что стало даже жарко, и милые хозяева вдруг распахнули все окна настежь, невзирая на то, что за ними валил снег. Я шутя закричал от страха и кинулся по лестнице спасаться в верхний этаж, где тоже было много гостей, и на бегу услышал за собой какие-то радостные восклицания: неожиданно явился Джером Джером..."⁶⁵³

Об этом эпизоде вспоминал А.Борман: "На этот прием, в старомодном, плохо вычищенном сюртуке вылез даже сам Джером К.Джером. Интересно было наблюдать, с каким почтением относились молодые литераторы в смокингах к этому корифею английской литературы девятнадцатого века"⁶⁵⁴. Хотя и Бунин в своем очерке, и А.Борман в воспоминаниях описывают Джерома как древнего старца, в 1925 г. ему было только 66 лет. Правда, уединенный образ жизни, ушедшее в историю время расцвета его славы, прибавляли ему лет в глазах современников. По всей видимости, он не отличался крепким здоровьем и выглядел старше своих лет. Два года спустя он ушел из жизни. Бунин считал, что писатель явился на вечер специально для того, чтобы познакомиться с ним. Не исключено, что так это и было: Джером давно интересовался Россией и писал о русских. Русские платили ему взаимной симпатией: его юмористический роман "Трое в лодке, не считая собак" (1889) стал классикой в русском переводе. В 1899 г. Джером побывал в Петербурге и по своим впечатлениям написал эссе "Русские, какими я их знаю". В 1906 г. эссе было опубликовано в переводе на русский под заглавием "Люди будущего". Джером писал: "Русский человек — одно из самых очаровательных существ на земном шаре. <...> Мы свысока называем русских нецивилизованными, но они еще молоды <...> Мир будет доволен Россией, когда в ней установится порядок".

Помимо семьи Тырковой, у Бунина в Лондоне были и другие знакомые: он встречался с Н.Даддингтон, дочерью писателя, которого он очень любил⁶⁵⁵. В своем очерке об А.И.Эртеле Бунин отмечал в облике писателя сочетание "породистого англичанина и воронежского прасола". Он приводил его высказывание по поводу социализма, продиктованное близким знакомством с европейской и в частности английской культурой: "Социализм? Но не думаешь ли ты, что он может быть только у того народа, где проселочные дороги обсажены вишнями и вишни бывают целы?"⁶⁵⁶. Как показал Бунин, Эртель позаимствовал у англичан не только внешнюю сторону, не только "прекрасный английский костюм": он усвоил глубинное уважение к человеческой личности и свободе, склонность к умеренности и здравому смыслу в политике, смирение с волей "Великого Неизвестного" в тех делах, где

своеволие человека бессмысленно. В то же время Эртель ратовал за деятельное отношение ко всему, в чем необходимо проявить волю.

6 февраля Бунин возвратился из Англии, и В.Н.Бунина записала первое, что он сказал по приезде: "Англичане сердечнее французов, проще"⁶⁵⁷. Это мнение Бунина прямо противоположно тому стереотипу, который существовал не только у русских, но и у европейцев: всегда считалось, что откровенность, эмоциональность и простота в обращении — это именно французские качества.

Поездка Бунина в Лондон не прошла незамеченной в литературных кругах эмиграции. В.Н.Бунина опасалась, что слава ее мужа вызовет ревность З.Н.Гиппиус: "Не простит она ни его успехов, ни Лондона и т.д."⁶⁵⁸. З.Н.Гиппиус в это время работала над статьей о Бунине и в этой ситуации нельзя было вызвать ее раздражение. Бунин предпринял некоторые дипломатические шаги, чтобы избежать напряженности в отношениях: "Я их утешил сегодня, сказал, что Нобелевскую премию получит Дмитрий Сергеевич — вас и в Англии все знают!". Кроме этого, Бунин рассказал Мережковским о своих неудачах с английскими издательствами, "что окончательно их развеселило"⁶⁵⁹. Зинаиду Гиппиус в Англии в те годы переводили очень мало: в 1920 г. в переводе С.С.Котелянского была опубликована ее пьеса "Зеленое кольцо" ("The Green Ring": a play. Transl. by S.S.Koteliansky. L.: Daniel, 1920), да в трех переводных антологиях появились ее стихи. В отношении Д.С.Мережковского Бунин нисколько не преувеличивал: после М.Горького это был один из самых известных современных русских писателей в Англии. Его книги легко переводились. В 1902 г. в сокращенном переводе на английский была издана книга "Толстой и Достоевский" ("Tolstoy as man and artist, with an essay on Dostoevsky"). Несколько романов во второй половине 1920-х годов перевела Н.Даддингтон для издательств "Дент" и "Кейп": это были романы "14 декабря" ("December the fourteenth: a novel", 1925), "Рождение богов" ("Birth of Gods", 1926), "Ахнатон, царь Египта" ("Akhnaton, king of Egypt", 1927), "Микель Анджело и другие очерки", ("Michael Angelo, and other sketches, 1930). Примерно такое же количество произведений писателя вышло в американских издательствах. Среди них самой популярной была книга о Леонардо да Винчи.

Не случайно в статье Стивена Грэма "Русские виньетки", вышедшей вскоре после отъезда Бунина в английском "Субботнем литературном обозрении" за 21 февраля 1925 г., первое место отведено Д.С.Мережковскому, второе — И.А.Бунину. С.Грэм был хорошо знаком с четой Мережковских и находился под их влиянием. В "Русских виньетках" он назвал Д.С.Мережковского "самой значительной фигурой в русской литературе", "главой русской словесности", "одним из самых уважаемых людей в Европе". Бунину критик тоже отдал должное, хотя и не смог удержаться от свойственных ему домыслов об идейных отношениях писателя с новой властью. Он писал, что Бунин никогда не покинул бы Россию, если бы революция проводилась цивилизованными и демократичными средствами. Революционная Россия, уверен критик, была бы рада иметь на своей стороне такого замечательного представителя русского радикализма как Бунин, однако же он — один из самых яростных оппонентов большевиков. Его выступления против них создали ему репутацию человека злого, однако на самом деле — он человек "мягкий и обаятельный, с завораживающим певучим голосом". Несмотря на очевидную идеа-

лизацию предполагаемых отношений писателя с большевистским режимом, в статье немало фактически ценного материала: в ней приведены высказывания Бунина о писателях, русской литературе, о театре, о воздействии идеологии на творчество. "Почти вся художественная и культурная жизнь России сосредоточена сегодня за границей, — сказал Бунин в интервью, — Из оставшихся писателей самые значительные это те, кто сделал себе имя до войны. Например романист Андрей Белый, или поэт Анна Ахматова, которая принадлежит скорее к "нам", чем к "ним". На другую сторону перешел Алексей Толстой: человек талантливый, но слабохарактерный". Бунин отзывался и о новой советской литературе: "Молодые писатели большевистского толка стремятся к подчеркнутому натурализму, или, как они его называют, неореализму. Это продукт жестокого времени, грязный и страшный. Пильняк, например, до революции был с нами. Я знал его. Но следуя зову момента, он оказался с большевиками. Пильняк — яркий представитель утрированно натуралистического стиля: в своих романах он описывает голод, кровь, тиф, варварство, самые тяжелые и чудовищные сцены жизни на Волге, в голодном районе. Но изображая все это с предельным натурализмом, он словно не испытывает никаких чувств. Он все знает — но все прощает, и на этом он строит свою карьеру".

С.Грэм спросил Бунина, что он думает о тех писателях, которые говорят, что остались в России, чтобы писать о происходящем. Бунин ответил: "Это оправдание не ново. Неужели Алексею Толстому надо было ехать в Россию, чтобы освежить свои воспоминания? Разве мне нужно ехать в Россию, чтобы вспомнить, как выглядит и что чувствует русский крестьянин? Писатель может писать в эмиграции не хуже, чем дома. Вспомните Виктора Гюго, Овидия, или опять же нашего великого Тургенева, странствовавшего по Западной Европе на протяжении почти всей своей творческой жизни". С.Грэм не был уверен в том, что о России можно писать, находясь от нее вдали, не видя ее поруганной и отчаявшейся. Однако о Бунине он пишет с большим уважением как о "бескомпромиссном обличителе революции, который непоколебимо верит в грядущую реставрацию"⁶⁶⁰.

Мнение Бунина о Пильняке совпадало с той характеристикой, которую дала ему А.В.Тыркова в письме от 25 марта 1922 г.: "Встретили мы в Берлине у Ремизовых Пильняка-Вогау. Ему 27 лет. Он рыжий, некрасивый, манеры фельдшерские, хотя сын врача и кончил коммерческий Институт. От его рассказов на меня повеяло таким одичанием, что страшно стало. Стала я читать его повести (талантливые), еще страшнее. И тут же Вас читала. Ничего нет между Вами и ним общего, ни в миросозерцании, ни в художественной манере. Но оба вы разными языками говорите о какой-то общей русской стихии. И то, что Ваша деревня похожа на нынешнюю, большевицкую деревню, как похож отец на сына, наводит на сладкие мысли". Можно представить себе, как неожиданно для Бунина звучал итог письма А.В.Тырковой: "А все-таки тянет в Россию, и все-таки тот, разбушевавшийся, оголтелый, до голодной смерти докатившийся народ, наш с вами, и нет у нас другого источника"⁶⁶¹.

Писания С.Грэма, его попытки объединить писателей Советской России и эмигрантов, раздражали Бунина, и не только его. В письме от 29 июля 1925 г. Бунин спрашивает А.В.Тыркову о новой книге С.Грэма: "Читали ли Вы книгу St.Graham'a, составленную из интервью с нами? Прочистили бы Вы ему башку — что он наворотил там! Впрочем многое в эту башку вбили Мережковские..."⁶⁶² Речь здесь идет об

изданной в 1925 г. книге "Разделенная Россия" (S.Graham. Russia in Division. L.: Macmillan, 1925), составленной из очерков о путешествии по границе России от Финляндии до Румынии. Очерки были призваны отразить взгляды русских эмигрантов на революцию и осветить их жизнь во Франции. Это была первая книга С.Грэма о русской эмиграции, и в ней он старался встать на позиции эмигрантов, однако мало кто из них оценил его усилия.

Бунин был давно знаком и с книгами С.Грэма, и с другими английскими книгами о России, написанными во время войны. В статье "Великий дурман", опубликованной в газете "Южное слово" в 1919 г., он писал: "Когда англичане воевали с нами в союзе против немцев, в Англии выходили книги о русской душе - так они и назывались "Душа России". По всей видимости Бунин имеет здесь в виду опубликованную в Англии в 1916 г. книгу "The Soul of Russia". Редактор книги В.Стивенс включила в нее статьи русских и британских авторов о русском фольклоре, музыке, живописи, театре, языке, поэзии. В книгу вошли также стихи Бальмонта и Брюсова, рассказы Куприна и Сологуба. Среди авторов статей были Г.К.Честертон, Дж.Э.Гэrrисон и другие англичане, пытавшиеся уяснить, какие силы одушевляют русских союзников. Однако самым плодотворным исследователем "русской души" был именно С.Грэм, посвятивший этому предмету не одну книгу.

К началу 1930-х годов Бунин был настолько хорошо известен в среде английских русистов, что возникла необходимость уделить ему внимание в университетском курсе лекций о литературе. Отвечая на просьбу Б.Парса "определить место", которое в современной русской литературе занимает Бунин, Д.Мирский писал ему 10 января 1931 г. из Парижа, что Бунин без сомнения занимает место сразу вслед за Горьким, что он самый видный представитель "старой школы" в своем поколении. Д.Мирский считал "Деревню" и "Суходол" лучшими произведениями Бунина, которые позволяют ему занять место в русской литературе в целом в качестве "классика второй величины" ("minor classic"). По мнению критика, произведения Бунина, созданные до войны, повлияли на современную советскую литературу. А о поздних произведениях он заметил, что они были "перехвалены эмигрантской печатью".

Нобелевский лауреат: второй раз в Лондоне

Второй раз Бунина привел в Англию успех, связанный с получением Нобелевской премии. Его борьба за эту премию началась в начале 1923 г. и продолжалась много лет. В 1932 г. его соперником вновь оказался Джон Голсуорси. В письме от 11 ноября 1932 г. Бунин писал А.В.Амфитеатрову: "Нынче милое известие — премию получил старик, уже совсем бесплодный, и без того прославленный, и без того богатый... Господи, что делается!"⁶⁶³. Как показывают воспоминания А.Бахраха, в прежние времена Бунин относился к Дж.Голсуорси с большей симпатией. В книге "Бунин в халате" А.Бахрах приводит такой эпизод:

"Я с удовольствием читал в те дни "Сагу Форсайтов" Голсуорси.

— О чем же эти сотни страниц? — не без усмешки спросил Бунин.

— История английской буржуазной семьи конца прошлого и начала нынешнего веков.

— А собственно, какое мне до этой семьи дело...

Тут же я рассказал ему, что Голсуорси в одной из своих критических статей, вошедших в сборник "Замки в Испании", пишет, что если б ему задали вопрос, какой лучший роман во всей мировой литературе, он не задумываясь ответил бы...

— "Война и мир", — прервал меня Иван Алексеевич.

— Да. Голсуорси так и говорит.

— Угадал-таки, почувствовал, ах, какой молодец... Так о чем, говорите вы, эти самые "Форсайты"... Расскажите подробнее!"⁶⁶⁴

Тем не менее, Бунин не мог простить Д.Голсуорси соперничества в борьбе за премию. В 1933 г. Бунин наконец стал Нобелевским лауреатом. Свою лепту в его выдвижение внесли многие писатели русского зарубежья и Европы, в их числе была и А.В.Тыркова. 12 ноября 1933 г. она отправила ему поздравительное письмо:

"Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич, вот и мной голос вливается в дружный хор поздравлений.

Радуюсь за Вас, радуюсь за всех нас, русских, пишущих и не пишущих. Ваш талант напомнил людям то, что мир слишком легко забывает — что за страшной grimасой коммунизма, как за уродливым театральным занавесом, спрятана Россия, многомиллионный народ. Боюсь хвастать, но порой хочется сказать — самый даровитый народ в мире. В свидетели приведу русский язык. Ну и уж кто им так мастерски владеет, как Бунин.

Спасибо Вам за чувство законной национальной гордости, которое многие испытали, когда прочли о справедливом приговоре комитета. Наконец!

Ведь Вы *первый русский писатель*, который получил Нобелевскую премию. Думаю, что даже в России, а может быть в России еще сильнее, чем в эмиграции, Вам возданный почет будет принят как почет общенародный. В годы унижений и бедствий все, что расправляет душу, надо ценить на вес золота. А тут, к счастью, и настоящее золото есть. Счастлива за Вас, будете жить и писать, не гонясь за гонораром"⁶⁶⁵.

В постскрипуме А.Тыркова предлагала напомнить о нем английским издателям: "Не попытать ли теперь издателей? Хотите я попробую? Только надо осторожно выбирать переводчика. Кажется у меня есть надежный". Идею заняться переводами Бунина на английский язык Тыркова подала Глебу Струве, который в первые годы в Англии постоянно нуждался в заработках. Г.Струве выбрал для перевода "Жизнь Арсеньева", и в марте 1933 г. книга вышла в издательстве "Хогарт пресс" под своим вторым названием "Истоки дней" тиражом в 1200 экземпляров. В этом же году книга была издана повторно в том же издательстве и вышла также в Нью-Йорке в издательстве А.Кнофа⁶⁶⁶. На книге значится: "Автор — лауреат Нобелевской премии 1933 года в области литературы".

В феврале 1934 г. в воскресном номере газеты "Observer" Глеб Струве дал отзыв на последние издания Бунина на английском языке. Он рассмотрел в этой рецензии переиздание перевода Г.Д.Лоуренса, С.Котелянского и Л.Вулфа в "Хогарт Пресс", а также два издания Секкера: "Деревня" в переводе Изабел Хэпгуд (Isabel Hargood) и "Пятнадцать рассказов, включая "Господина из Сан-Францис-

ко", в переводе Б.Г.Герни (B.G.Guerney). Заметка отражает реакцию английских читателей на получение Буниным Нобелевской премии: "Когда в прошлом ноябре Нобелевская премия была присуждена Ивану Бунину, смутное подспудное удивление и неудовлетворенность ощущались в английской прессе и в общественном мнении. "Бунин? А он того стоит?" Складывалось впечатление, что кандидатура Горького заслужила бы в Англии большего одобрения. Возможно, все дело в том, что Бунин — эмигрант. Но многие ли знают, что задолго до революции сам Горький считал Бунина самым выдающимся из живущих мастеров русской прозы?" ⁶⁶⁷

М.Горький прославился, писал критик, благодаря своей биографии, социальному происхождению, новизне своих настроений и тем. В те времена, когда в русской литературе доминировала декадентская нота, он возвысил собственный голос, полный оптимизма. Ранние вещи Бунина не столь поражали публику: они были слишком похожи на рассказы Чехова, а биография писателя мало чем отличалась от жизненного пути множества других представителей интеллигенции. Рассказ "Господин из Сан-Франциско" Г.Струве оценивает как "шедевр словесной экономии и чистоты психологического рисунка". Критик выразил сожаление, что англичанам недоступны другие высшие достижения Бунина в прозе: "Суходол" и "Митина любовь" (последняя вышла в Америке, но в Англии не была известна). Рецензент предлагал читателям освежить в памяти произведения Бунина в английских переводах. Перевод Герни для американского издания он считал неуклюжим, а перевод Лоуренса и Котелянского ставил высоко. Струве отметил, что величайшая ценность бунинской прозы — в ее языке: именно поэтому в переводе его достоинства особенно трудно оценить. В заключение статьи критик одобрил выбор, сделанный Нобелевским комитетом.

Ленард и Вирджиния Вулфы были чрезвычайно довольны тем, что Бунин стал Нобелевским лауреатом: его официальное мировое признание служило подтверждением правильности их издательской интуиции. В ознаменование лауреатства Бунина Вулфы решили повторить издание сборника "Господин из Сан-Франциско". В 1934 г. он вышел в "Хогарт пресс" тиражом в 1200 экземпляров. В 1935 г. они издали сборник "Грамматика любви" в переводе Дж.Курноса тиражом в 1500 экземпляров ⁶⁶⁸. На суперобложке этого издания сообщалось: "Только в 1933 г., когда он стал лауреатом Нобелевской премии, пришло международное признание к Бунину, продолжателю великой традиции русских романистов и величайшему из прозаиков нашего времени. Наше издательство "The Hogarth Press" давно предвидело этот ход событий, выпустив 13 лет назад английский перевод сборника "Господин из Сан-Франциско" и другие рассказы".

Второй раз Бунин приехал в Англию в середине декабря 1936 г. уже Нобелевским лауреатом и автором нескольких переведенных на английский книг, получивших отличную прессу. О приезде Бунина сообщала газета "Русский в Англии": "Академик и Нобелевский лауреат И.А.Бунин, приезжал в начале декабря на несколько дней в Лондон. К сожалению, вследствие кратковременности его пребывания, русская колония не имела возможности устроить надлежащего торжественного чествования своего знаменитого соотечественника. Небольшой прием в честь писателя был устроен только Англо-русским Спортивным клубом 10 декабря" ⁶⁶⁹. В следующем номере газеты давались уточнения: "Прием в честь И.А.Бу-

нина, приезжавшего на несколько дней в Лондон, был устроен 12 декабря в Русском Доме Н.И. и Е.В.Саблиными. На приеме, носившем интимный, почти семейный характер, присутствовали многие представители русской колонии. Е.В.Саблин, в краткой, прочувствованной речи, приветствовал И.А.Бунина от лица проживающих в Англии русских людей и выразил надежду, что И.А.Бунин еще придет в Лондон на более продолжительное время и тем даст возможность всей русской колонии выразить те чувства, которые русские эмигранты питают к русскому поэту и писателю, получившему теперь всемирную известность и признание. Гостям было предложено легкое угощение и чай" ⁶⁷⁰.

Н.А.Тэффи

В ноябре 1936 г. в Англию со своим выступлением приехала Надежда Александровна Тэффи (ур. Лохвицкая, по мужу — Бучинская; 1872-1952). Этот визит подготавливался давно. В письме от 6 декабря 1927 г. Тэффи писала А.В.Тырковой: "Дорогая Ариадна Владимировна, обращаюсь к Вам с большой просьбой: я надумала устроить в Лондоне с помощью В.Чаровой свой вечер и думаю, что Вы могли бы мне очень в этом деле помочь. У Вас большие связи и знакомства. Интересно было бы в целях publicity заметку в "Times", которая, говорят, очень читается русскими. В.С.Чарова расскажет Вам наши планы, и Вы наверно лучше меня знаете, что в этом смысле можно сделать. Простите, что затрудняю Вас, но наше беженское положение очень настраивает к эксплуатации всяких возможностей" ⁶⁷¹.

Русская колония знала и ценила творчество Н.Тэффи. Ее рассказы и сценки были в репертуаре Драматический кружка Общества Северян в Лондоне ⁶⁷². Вечер Н.Тэффи с ее участием состоялся в этом Обществе 28 ноября 1936 г. Об этом писала газета "Русский в Англии": "В субботу 28 ноября в концертном зале Общества Северян состоялся вечер Н.А.Тэффи. Вечер открылся словом лектора русской литературы Лондонского университета Г.П.Струве, охарактеризовавшего творчество писательницы. Докладчик отметил, что, по распространенному мнению, рассказы Тэффи принадлежат к разряду юмористических и веселых, но в действительности ее талант охватывает глубоко трагические психологические темы. Она обратила внимание на детскую психологию, с ее бессознательной жестокостью и завистью. Струве изложил содержание нескольких рассказов и отметил преемственность с классической традицией. В двух отделениях программы давался одноактный скетч и затем Тэффи читала свои произведения. Из скетчей были поставлены: "Сватовство" и "Благотворительное заседание". Тэффи прочла рассказы: "Святая женщина", "Карп", "Подлецы-мужчины", "Стрелок" и др. Вечер своего чтения Н.А.Тэффи повторила 1 декабря в Русском Доме с большим успехом" ⁶⁷³.

Тыркова и Саблин пытались помочь Тэффи в трудные для нее годы. В письме от 7 августа 1939 г. из Медона А.В.Тыркова просила Е.В.Саблина собрать средства на санаторий для больной писательницы. Саблин отвечал, что русская колония в Лондоне переживает кризис: "У нас духовенству не плачено". И тем не менее обещал: "Подумаем о Тэффи, которую любим и помним". 18 ноября 1939 г. Тэффи написала поздравительное письмо к 70-летию Тырковой. Она писала: "Дорогая Ариадна Владимировна! Очень счастлива, что узнала Ваш адрес и могу выра-

зять Вам мои пожелания и главное мое постоянное, многолетнее преклонение перед Вашей удивительной личностью. Вы самая умная, самая талантливая и самая сильная духом женщина, которую довелось мне встретить на моем жизненном пути. Так просто и искренно высказывать это как-то не принято в обычных условиях нашего быта, но вот пользуясь днем Вашего семидесятилетнего юбилея, когда Ваши почитатели имеют право подвести некоторый итог своего к Вам отношения. Я и пишу Вам и прошу верить в искренность моих слов — я ведь не очень щедра на восторги — и прошу помнить, что Ваша жизнь мне дорога и ценна, и что я Вас люблю”.

В более поздние годы между Тырковой и Тэффи возникли разногласия по поводу отношения с “советскими”. Эмигрантские слухи донесли до Тырковой сведения о “покраснении” Тэффи, о том, что она собиралась взять предложенный советским посольством паспорт. Тыркова написала ей довольно резкое письмо по этому поводу. Тэффи была этим расстроена и пыталась опровергнуть слухи в письме от 21 января 1947 г. “Вы меня очень огорчили, — писала она, — Откуда все это? С чего Вы взяли? Я говорю о моем “покраснении”. Тэффи пыталась доказать, что она не “краснеет”, сколько ей ни предлагают участвовать в просоветских газетах. “Мое отношение с советскими таково: посольство посылает мне и Бунину приглашения на все пышные приемы и рауты, я ни на одном не была. У меня был Симонов (поэт) и у Бунина тоже. Очень убеждал нас вернуться. Мы не вернулись и не обещали вернуться”. Тэффи упрекала Тыркову, что при их дружеских отношениях она не нашла возможности поговорить с ней лично, прежде, чем писать о ней в газете. Тыркова отвечала на ее письма, однако в их отношениях, видимо, осталась трещина.

Б.К.Зайцев

Как и другие писатели, Б.К.Зайцев хотел видеть свои произведения в переводе на иностранные языки. Английский был в этом отношении особенно важен, так как знакомил с его творчеством читателей не только Англии, но и Америки и многих других стран. Однако в те годы Б.К.Зайцева на английский переводили мало. В антологиях “русского рассказа”, которых было выпущено в 1920-1930-х годах не менее двух десятков, его имя не встречается. В одном из своих писем к Буниным, от 19 августа 1922 г., Зайцев пишет о переводчике “Кейланском”, который переводит на английский его статью о Леониде Андрееве. Так как Зайцев упоминает, что он же перевел книгу рассказов Бунина, это несомненно С.Котелянский⁶⁷⁴.

В июне 1937 г. Б.К.Зайцев был гостем Русского Дома и ПЕН-клуба. Е.В.Саблин писал А.В.Тырковой 12 июня 1937 г.: “Приезжает Борис Зайцев и будет выступать у нас. Боюсь, что трудно будет собрать деньги, хотя я мобилизовал все именитое еврейство”⁶⁷⁵. Вечер, однако, прошел с успехом. Газета “Русский в Англии” писала: “Вечер Б.К.Зайцева, состоявшийся в Русском Доме 16 июня, привлек достаточно большую для Лондона аудиторию поклонников таланта писателя. В первой половине вечера Б.К. прочел отрывок из выходящего на днях в Париже своего большого прозведения “Путешествие Глеба”. Превосходный, выразительный язык, живость описаний природы, меткость и краткость характеристик, атмосфера мирной, дореволюционной русской провинциальной жизни — все это в задушевном чтении писателя доставило большое удовольствие слушателям”⁶⁷⁶.

21 июня должен был состояться прием Б.К.Зайцева в ПЕН-клубе. 19 июня И.А.Бунин писал ему из Парижа в Лондон: "Братишина, мы тебя целуем, — Вера [жена Зайцева] у нас обедает, — рад твоим успехам, слышу, что в воскресенье тебя будут чествовать в клубе — и предупреждаю: место в смысле выпивки *опасное очень*, не надирайся! Под утро будешь погибать" ⁶⁷⁷. Видимо, права была Э.Доусон-Скотт, когда опасалась за репутацию англичан в глазах русского писателя. Визит Зайцева в Англию был полезен в практическом отношении: в 1937 г. его роман "Анна" вышел в Лондоне в переводе Н.Даддингтон.

Вместо эпилога

Второй мировой войной заканчивается история послереволюционной русской эмиграции в Англии. Трагическим символом завершения этой истории было разрушение Русского Дома, хранившего предметы искусства, отражавшие вековую историю англо-русских отношений. В 1944 г. Русский дом был разрушен немецкой бомбой. Е.В.Саблин писал А.В.Тырковой: "19 августа сего года в 72 шагах от нашего дома упала крылатая бомба, которая повредила верхние этажи Русского Дома. Жена, я и прислуга спаслись от ужасной смерти буквально каким-то чудом. Погибло много ценного русского имущества. Мы продолжаем жить в полуразрушенном доме, надеясь на лучшее будущее" ⁶⁷⁸. А.В.Тыркова писала Е.В.Саблину из Франции: "С печальным волнением прочла Ваше описание бомбардировки Вашего дома. Какое счастье, что Вы и Надежда Ивановна не потеряли присутствия духа. Хотя это даже не вы. Это просто милость Божья, за которую я горячо благодарю создателя. Я мечтаю весной пробраться в Англию и тогда, забравшись в Ваш подвал, посидеть около вас обоих, поделиться переживаниями этих долгих, ошеломительных лет. Я очень скучаю без английских друзей, среди которых вы занимаете одно из почетных мест. И вещей ваших мне более чем жалко. Они были не только ваши, но и наши. Устраивая Русский Дом, вы оба проявили не только верный, тонкий вкус, но и русскую вашу подлинность. Для всех нас, томившихся без России, ваш дом всегда был и останется кусочком родины. Пусть отдельные, ценнейшие вещи погибли, но дух остался. Его и немецкая демоническая бомба не вышибет" ⁶⁷⁹.

С течением лет и ростом инфляции у Е.В.Саблина возникли трудности с выплатой кредита за этот дом. Он неоднократно обращался в разные инстанции и к частным лицам с просьбой о помощи с окончательной выплатой стоимости дома, которая давала бы возможность эмигрантским организациям продолжать в нем свою работу. Саблин писал в 1948 г.: "Этот дом отнюдь не моя частная квартира. Это учреждение, и единственное в своем роде. В этом доме я занимаю лишь четыре комнаты. На втором этаже за последние годы помещалась наша церковь. Ныне церковь переехала в собственное помещение. Там, где была церковь, происходят ныне все собрания русской колонии, заседания общественных организаций, концерты и благотворительные базары. В этом же доме находятся офисы Красного Креста, здешнего Офицерского Общества, Ксенинского сестричества и церковный приход. На двух верхних этажах имеются комнаты для приезжающих из провинции соотечественников, нуждающихся в крыше. Никакой платы за эти помещения мною не взимается".

До конца войны Саблин оставался представителем русской эмиграции в Англии: "Что касается Лондона, то представители СССР никакого отношения к вопросу о нашей эмиграции не имеют и все здесь обстоит по-старому. Я являюсь представителем эмиграции, занимаюсь ее текущими делами и никто мне не чинит никаких препятствий"⁶⁸⁰. Е.В.Саблин поддерживал отношения с представителями нового Советского посольства, которые проявили инициативу в общении с ним. Однако он не переходил определенных границ. Он писал барону Б.Э.Нольде в Париж: "С здешними советскими послами — И.М.Майским в прошлом и нынешним Ф.Т.Гусевым, я ни в каких личных отношениях не состоял и не состою. Думаю, что для меня этот вопрос — вопрос личного знакомства — просто не возникает и не возникнет. Но вышло так — о чем я доносил В.А.Маклакову — что у меня установились отношения с Советским посольством через посредство одного из секретарей посольства". Через это посредство Саблин, как он пишет, готов был оказывать помощь в работе "по защите интересов Государства Российского". На вопрос об отношениях с послом он отвечал: "С советским послом я в самых дружеских отношениях, но мы друг с другом не разговариваем, никогда не встречались и вряд ли встретимся. На попытки посольства "уточнить отношения" с Саблиным, он ответил безоговорочным отказом, так как предпочитал свободу"⁶⁸¹. Он отрицательно относился к попыткам В.А.Маклакова в Париже пойти на официальное сближение с советскими представителями. Находясь в почтенном возрасте, Е.В.Саблин беспокоился о том, кому достанется собранный им архив русской эмиграции, а также предметы искусства, которые ему удалось сохранить после разрушения Русского Дома. Когда Советское посольство предложило приобрести музей и архивы Саблина, он наотрез отказался. В одном из частных писем он писал: "Этого я сделать не могу"⁶⁸². Однако некоторые из своих коллекций он по завещанию передал в Россию.

На вопрос корреспондента "Evening News", не собирается ли он возвращаться в Россию, Саблин ответил: "Нет, не собираюсь, я прожил тридцать лет в Лондоне и сделался лондонцем"... Саблину в это время было семьдесят пять лет и он считал, что о возвращении должны мечтать те, кто помоложе. В письмах послевоенного времени А.В.Тыркова и Е.И.Саблин не раз обсуждали возможность возвращения русских эмигрантов на родину. 31 января 1945 г. Тыркова писала Саблину: "Приятно думать, что русская молодежь честно исполнила свой долг по отношению к воспитавшей ее стране. Но много ли в ней осталось русского?" Отвечая на этот вопрос, Саблин писал о русской колонии этого времени: "Нансенистов здесь уже очень мало. Наша молодежь сплошь в Британском подданстве и русскость свою благодаря английским школам и вообще жизни в английской среде теряет не по дням, а по часам. <...> Те, которые помоложе, либо совсем не имеют эмоций патриотического характера, либо оные скрывают, уподобляясь англичанам"⁶⁸³. Жизнь показала, что молодежь гораздо более прочно вросла в английскую жизнь, чем старшее поколение, а русскую жизнь почти не знала. "... Мечтают ли они, вот эти, которые помоложе? — размышляет Саблин о возвращении. — Боюсь, что нет. Мечтает ли об этом Миша Звегинцов, думает ли об этом сын нашего Отца Владимира, мечтает ли об этом Зина Коренчевская, Маша Пушина, Оля Бер и те, которые помоложе? Сомневаюсь даже относительно милейшего Расторгуева, этого востор-

женного поклонника Отца Народов. Все они пустили здесь глубокие корни. Да, патриотизм у них имеется, но боюсь, постольку-поскольку. Да есть и другие причины: большинство нашей молодежи здесь обзавелись семьями. Например Дмитрик Звегинцов, трое дочерей от жены англичанки, а сам он уже подполковник и профессор в здешней академии Генерального Штаба <...> Предоставим сей вопрос совести каждого”⁶⁸⁴.

А.В.Тырковой, как и многим, казалось, что после победы в войне в России произойдут перемены и появится возможность вернуться на родину. Она писала Саблину: “Я, кончая “Пушкина”, все на Москву надеялась. Думала, авось после всех встрясок, произойдут крутые перемены и опять раздастся свободная русская речь. И сейчас верю, что раздастся, но мы мыслим и мечтаем минутами, днями, а история движется годами. Не всем дано дожидаться результатов исторического процесса, разве только мысленно. Для меня нет сомнения, что там, в любезном отечестве, как говорилось в манифестах Екатерины и в докладах Саблина, что-то происходит значительное, быть может решающее. На этот процесс мы с Вами по-разному смотрим. Я считаю, что он совершается против желания власти и что теперь они дадут обратный ход, если смогут”⁶⁸⁵.

После войны начинается новый этап русской эмиграции в Англии: сменяются поколения, появляются новые имена и уже другие русские задумываются над способностью русского духа прижиться на английской земле.

---

¹ А.М.Ремизов. Стоять — негасимую свечу: Памяти Евгения Ивановича Замятина. — А.М.Ремизов. Огонь ведей. — М., 1989. — С. 468.

² Е.И.Замятин. Автобиография [1929] //Е.И.Замятин. Собр. соч.: В 4 т. — Мюнхен, 1970. — Т. 1. — С. 32.

³ Е.И.Замятин. О моих женах, о ледоколах и о России [1932] //Е.И.Замятин. Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — Мюнхен, 1982. — С. 239. Цитата дается по оригиналу: Е.И.Замятин. О моих женах, о ледоколах и о России. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhtmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Boxes 1 and 2. Cataloged Correspondence & Manuscripts. (Далее: Bakhtmeteff Archive.)

⁴ Там же.

⁵ A.Myers. Evgenii Zamiatin in Newcastle //The Slavonic and East European Review. — 1990. — January. — Vol. 68. — No 1. — P. 91-99. Этот факт отметили и другие исследователи, см.: L.Scheffler. Evgenij Zamiatin: Sein Weltbild und seine literarische Thematik. — Köln; Wien, 1984; M.Tejerizo. Evgeny Zamiatin in the British Press: Three Articles and Three Interviews: (1932-34) //Scottish Slavonic Review. — 1988. — No 11. — P. 67.

⁶ A.Myers. Evgenii Zamiatin in Newcastle (см. пред. прим.). Свои адреса Замятин указывает в переписке, например, в письме к А.Н.Усовой от 7/20 мая 1916 г., хранящемся в Отделе рукописей РГБ, Ф 292(8).

⁷ Е.И.Замятин. Записные книжки. — Bakhtmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 2. Notebooks.

⁸ Евгений Замятин. Из блокнота 1931-1936 годов /Публикация А.Тюрина //Новый журнал. — 1987. — № 168-169. — С. 144.

⁹ Замятин Е.И. Письмо к А.Н.Усовой от 4 апреля 1916 г. Цит. по: L.Scheffler. Evgenij Zamiatin: Sein Weltbild und seine literarische Thematik. — 1984. — P. 31.

¹⁰ Е.И.Замятин. Записные книжки. — Bakhtmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 3. Reel 4. Notebooks, 10.

¹¹ Там же.

¹² Е.Замятин. Из блокнота 1931-1936 годов /Публикация А.Тюрина //Новый журнал. — 1987. — № 168-169. — С. 164-5.

¹³ Там же. Цит. по рукописи: Е.И.Замятин. Записные книжки. — Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 3. Reel 4. Notebooks, 14. Текстовые выделения Замятина.

¹⁴ Е.И.Замятин. Автобиография [1929] //Е.И.Замятин. Собр. соч.: В 4 т. — Т. 1. — Мюнхен, 1970. — С. 33.

¹⁵ Е.И.Замятин. Записные книжки. — Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Е.И.Замятин. Записные книжки. — Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 3. Reel 4. Notebooks, 14.

¹⁸ Е.И.Замятин. Записные книжки. — Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 3. Reel 4. Notebooks, 10.

¹⁹ Е.И.Замятин. Герберт Уэллс //Е.И.Замятин. Соч. Из лит. наследия. /Послеса. М.О.Чудаковой; Комент. Евг. Барабанова. — М., 1988. — С. 375.

²⁰ Е.Замятин. Незаконченное. [Фрагмент] На острове //Публикация А.Тюрина //Новый журнал. — 1989. — № 176. — С. 120-121. Цит. по ориг.: Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 2. Reel 2. Notebooks.

²¹ Там же.

²² Е.Замятин. Из блокнота 1931-1936 годов //Публикация А.Тюрина //Новый журнал. — 1987. — № 168-169. — С. 164-5.

²³ Е.И.Замятин. О моих женах, о ледоколах и о России [1932] //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — С. 239. Цит. по ориг.: Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Boxes 1 and 2. Cataloged Correspondence & Manuscripts. Из более ранних вариантов "Автобиографии": "Там — строил корабли, смотрел развалины замков, слушал, как бахают бомбы с немецких цеппелинов, писал повесть "Островитяне"" ("Автобиография", 1922). "Немцы сыпали сверху бомбы с цеппелинов и аэропланов. Я писал "Островитян" ("Автобиография", 1929).

²⁴ А.С.Хомяков. Англия. Письмо. — М.: Унив. типография, 1848.

²⁵ A.Myers. Evgenii Zamiatin in Newcastle //The Slavonic and East European Review. — 1990. — January. — Vol. 68. — No 1. — P. 91-99.

²⁶ В 1920-х гг. творчеством Л.Стерна интересовались русские формалисты. В.Шкловский, например, дал своим мемуарам название романа Стерна "Сентиментальное путешествие", а также написал о нем статью в сборнике, представлявшем своего рода манифест формалистов. См.: В.Шкловский. Сентиментальное путешествие: Воспоминания: 1917-1922. — М.; Берлин, 1923; В.Шкловский. "Тристрам Шенди" Стерна и теория романа //Сборник по теории поэтического языка. — Пг., 1921.

²⁷ Е.И.Замятин. Записные книжки. — Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 3. Reel 4. Notebooks, 14.

²⁸ Е.И.Замятин. Правда истинная //Новая жизнь. — 1917. — Декабрь. — № 210. — С. 5.

²⁹ Е.Замятин. Незаконченное. [Фрагмент] На острове //Новый журнал. — 1989. — № 176. — С. 120-121. Цит. по ориг.: Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 2. Notebooks.

³⁰ Замятин Е.И. Автобиография [1924] //Е.И.Замятин. Соч. Из лит. наследия. — М., 1988. — С. 476.

³¹ Е.Замятин. Автобиография [1929] //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 1. — С. 32.

³² А.М.Ремизов. Вавилонская Русь. — М.: Сов. Россия, 1990. — С. 163.

³³ Е.Замятин. Ловец человеков //Дом искусств. — 1921. — № 2. — С. 3-14.

³⁴ Разбирая замысел повести "Островитяне", Замятин предлагает варианты ее окончания, близкие к сюжету рассказа "Ловец человеков". См.: Е.И.Замятин. Закулисы //Как мы пишем: Теория литературы. — Л.: Изд-во писателей, 1930. — С. 29-47. То же: Е.И.Замятин. Соч. Из лит. наследия. — М., 1988. — С. 461-72.

³⁵ Е.И.Замятин. Записные книжки. — Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 2.

³⁶ R.Austin Freeman. Mystery of 31 New Inn. — L.: Hodder and Stoughton, 1912.

³⁷ Е.И.Замятин. Герберт Уэллс //Е.И.Замятин. Соч. Из лит. наследия. — М.: Книга, 1988. — С. 367.

³⁸ Е.И.Замятин. Герберт Уэллс //Е.И.Замятин. Соч. Из лит. наследия. — М., 1988. — С. 363-64.

³⁹ Е.Замятин. Рай //Дом Искусств. — 1921. — № 2. — С. 91-94. К моменту публикации этой статьи Замятина роман Уэллса не был известен русскому читателю. "Неугасимый огонь"

вышел в издательстве "Всемирная литература" в 1922 г. в серии "Новости иностранной литературы" в переводе З. Венгеровой, под редакцией и с предисловием Е. И. Замятина.

⁴⁸ Писатели об искусстве и о себе. Сб. статей. № 1. — М.-А.: Круг, 1924.

⁴⁹ Frank C. Eve. In the Beginning; An Interpretation of Sunlight Energy // Atlantic Monthly. — 1923. — May. — Vol. 131. — P. 664-677.

⁵⁰ A. M. Shane. The Life and Works of Evgenij Zamiatin. — Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1968. — P. 47, 218.

⁵¹ Е. Замятин. Незаконченное // Публикация А. Тюрина // Новый журнал. — 1989. — № 176. — С. 129-133. Цит. по рукописи: Bakhmeteff Archive. E. I. Zamiatin Coll.

⁵² Е. И. Замятин. Письмо к А. Н. Усовой от 4 апреля 1916 г. Цит. по: L. Scheffler. Evgenij Zamiatin: Sein Weib und seine literarische Thematik. — 1984. — P. 31.

⁵³ Е. И. Замятин. Герберт Уэллс // Е. И. Замятин. Соч. Из лит. наследия. — М., 1988. — С. 386-89, 392.

⁵⁴ Русская книга. — 1921. — № 9. — С. 25. См. также: Д. Мальмстад, А. Флейшман. Из биографии Замятина: (По новым материалам) // Stanford Slavic Studies. — 1987. — No 1. — P. 112-113.

⁵⁵ Печать и революция. — 1921. — Ноябрь-декабрь. — Кн. 3. — С. 301.

⁵⁶ Экран. — 1921. — № 10. — С. 4.

⁵⁷ Е. И. Замятин. Письмо к А. Ф. Даманской. 1921 г. Опубликовано в статье: Д. Мальмстад, А. Флейшман. Из биографии Замятина: (По новым материалам) // Stanford Slavic Studies. — 1987. — No 1. — P. 112. Цит. по рукописи: Bakhmeteff Archive. E. I. Zamiatin Coll.

⁵⁸ С. Федоров. "И в частности — о высшей школе" // Память: Исторический сборник. — Вып. 5. — Париж, 1982. — С. 427.

⁵⁹ Eugene Zamiatin. We / Authorised Translation from the Russian by Gregory Zilboorg. — New York: E. P. Dutton & Co, 1924. First printing, December 1924; second printing, March 1925.

⁶⁰ Е. И. Замятин. Мы: роман // Воля России. — 1927. — №№ 1-4.

⁶¹ Воля России. — 1927. — № 1. — С. 3.

⁶² Александр Верт (A. Werth) был выпускником русского факультета университета Глазго, автором корреспонденций и книг о России и русской литературе, в частности книг о М. Горьком. Интервью А. Верта с Е. И. Замятиным перепечатаны в статье: M. Tejerizo. Evgeny Zamyatin in the British Press: Three articles and Three Interviews: (1932-34) // Scottish Slavonic Review. — 1988. — N 11. — P. 65-89. Интервью Верта с Замятиным впервые опубликовано в газете "Манчестер Гардиан" за подписью "Paris Correspondent". См.: Literature in Soviet Russia: An Interview with Eugene Zamiatin: The Proletarians // Manchester Guardian. — 1932. — 9 August. No 26808. — P. 9-10. (Reprinted as "A New Soviet Novelist" // The Living Age. — 1932. — October. — Vol. 343. — P. 160-163); The Theatre in Soviet Russia: An Interview with Eugene Zamiatin. I. Two Big Men: Stanislavsky and Meyerhold // Manchester Guardian. — 1932. — 6 December. — P. 9, 10; The Theatre in Soviet Russia: An Interview with Eugene Zamiatin. II. New "Hamlets" // Manchester Guardian. — 1932. — 7 December. — P. 9, 10.

⁶³ А. Мясин. Письмо к Е. И. Замятину от 22 июля [б.г.] // Новый журнал. — 1987. — № 168-169.

⁶⁴ В бытность Замятина в России, по его сценарию на Ленинградской кинофабрике "Совкино" снимался фильм "Северная любовь". См. журнал: Рабочий и театр. — 1927. — № 32.

⁶⁵ Сесиль Б. де Милья. Письмо к Е. И. Замятину от 22 марта 1932 г. — Bakhmeteff Archive. E. I. Zamiatin Coll. Cataloged Correspondence.

⁶⁶ Alexander Werth. The Film Abroad: A Soviet Writer takes to cinema // Cinema Quarterly. — Winter 1933-34.

⁶⁷ А. Н. Замятина. Письмо к М. А. Булгакову от 1 июня 1936 г. // Из переписки М. А. Булгакова с Е. И. Замятиным и А. Н. Замятиной // Русская литература. — 1989. — № 4. — С. 187-188.

⁶⁸ Е. И. Замятин. Письмо к Сталину // Е. И. Замятин. Соч. Из лит. наследия. — М., 1988. — С. 492.

⁶⁹ Е. И. Замятин. Автобиография [1929] // Е. И. Замятин. Собр. соч.: В 4 т. — Т. 1. — С. 29.

⁷⁰ См. гл. о В. В. Набокове. По воспоминаниям Е. Шварца, С. Я. Маршак заявил однажды, что Замятин говорит по-английски "как английский дворник" (Е. Шварц. Мемуары. — Париж, 1982. — С. 137). Скорее всего, это была шутка. Среди русских писателей, видимо, было в большой чести знание английского языка, а потому были в ходу намешки друг над другом: Замятин посмеялся над "полпредом Никитиным", Маршак — над Замятиным, Ходасевич — над Пильняком и т. д. (см. след. главы).

⁶³ D.Mirsky. The Literature of Bolshevik Russia //The London Mercury. — 1921. — № 22. — P. 414-18. То же: D.Mirsky. UWRL. — P. 81.

⁶⁴ E.Zamyatin. The Cave /Transl. by D.S.Mirsky; D.S.Mirsky. The Revival of Russian Prose-Fiction //The Slavonic Review. — 1923. — June. — Vol. 2. — No 4. — P. 145-153; 200-202.

⁶⁵ В последующие годы, возможно следуя за Д.Мирским, переводчики и составители антологий уделяли рассказу "Пещера" особое внимание: С.Коновалов поместил его в английскую антологию советского рассказа (Bonfire: Stories Out of Soviet Russia, 1932), Я.Лаврин включил его в антологию русского рассказа "От Лескова до Андреева" (A Second Series of Representative Russian Stories: Leskov to Andreyev, 1946). Затем рассказ появлялся в Англии и Америке каждое десятилетие в переводах разных переводчиков.

⁶⁶ D.Mirsky. The Present State of Russian Letters //The London Mercury. — 1927. — XVI, 93. — P. 275-86. То же: D.Mirsky. UWRL. — P. 252-3.

⁶⁷ Е.И.Замiatин. Соч. Из лит. наследия. — М., 1988. — С. 540-41, 549.

⁶⁸ Е.И.Замiatин. "D-503". — Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Boxes 1 and 2. Cataloged Correspondence & Manuscripts. 8 p. См. также: Е.Замiatин. Незаконченное /Публикация А.Тюрина //Новый журнал. — 1989. — № 176. — С. 129-133.

⁶⁹ Е.Замiatин. О литературе и искусстве /Публикация А.Тюрина //Новый журнал. — 1990. — № 178. — С. 160-161.

⁷⁰ G.Kern. Evgeny Zamyatin's "The Future of the Theatre" //Russian Literature Triquarterly. — 1974. — Winter. — No 7. — P. 432. Эссе Замiatина было написано в ноябре 1931 г., когда он покинул Советскую Россию. Автограф эссе хранится в Принстонском университете.

⁷¹ E.Stenbock-Fermor. A Neglected Source of Zamiatin's Novel "We" //Zamiatin's "We": A Collection of Critical Essays /Ed. With an Introd. By Gary kern. — Ann Arbor: Ardis, 1988. — P. 171-185.

⁷² G.Struve. 25 Years of Soviet Russian Literature: 1918-1943. — L.: Routledge, 1944; 1946.

⁷³ G.Orwell. Letter to G.Struve. London, 17 February, 1944 //G.Orwell. The Collected Essays, Journalism and Letters /Ed. by Sonia Orwell and Ian Angus. — New York, 1968. — Vol. 3. — P. 95-96. Письмо опубликовано также в кн.: Г.Орвелл. Скотский хутор /Пер. Г.П.Струве совместно с М.Кригер. — Франкфурт: Посев, 1971.

⁷⁴ G.Orwell. <Review of> "We" by E.I.Zamiatin // G.Orwell. The Collected Essays, Journalism and Letters. 1968. Vol. 4. — P. 72-75. Пер. см.: Дж.Оруэлл. "1984" и эссе разных лет. — М.: Прогресс, 1989. — С. 306-309.

⁷⁵ Yevgeny Zamyatin. We /Transl. by B.G.Guerney; Introd. by M.Gienny. — Penguin Books, 1972. — P. 18.

⁷⁶ Г.Струве. Новые варианты шигалевщины: О романах Замiatина, Хаксли и Орвелла //Новый журнал. — 1952. — N 30. — С. 156.

⁷⁷ Bakhmeteff Archive. E.I.Zamiatin Coll. Box 3. Reel 3. Arranged materials. Miscellaneous.

⁷⁸ Императорское училище Правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. — Мадрид, 1967. — С. 372.

⁷⁹ M.Holroyd. Augustus John: A Biography. In 2 vols. — L.: Heinemann, 1974. — Vol. I: The Years of Innocence. — P. 381.

⁸⁰ Roger Fry. [Foreword] //Works by Boris V.Anrep. The Chenil Gallery [Chelsea], London, October 1913.

⁸¹ R.Gathorne-Hardy (ed.). Ottoline: The Early Memoirs of Lady Ottoline Morrell. — L., 1963. — P. 204.

⁸² M.Holroyd. Litton Strachey: A Critical Biography. In 2 vols. — L., 1968. — Vol. 2. — P. 10.

⁸³ Выставка проходила в Лондоне в галерее Графтон с 5 октября до 31 декабря 1912 г. См.: Б.Анrep. По поводу лондонской выставки с участием русских художников //Аполлон. — 1913. — № 2. — С. 47.

⁸⁴ Foreword to the Book of Anrep //Poetry and Drama. — London, September 1913. — № 3. — P. 275-290. Подробное описание издания поэмы см.: К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н.В.Недоброво к Б.В.Анрепу /Публ. Г.П.Струве //Slavica Hierosolymitana. — 1981. — Vols. V-VI. — С. 430-439.

⁸⁵ R.Gathorne-Hardy (ed.). Ottoline at Garsington: Memoirs of Lady Ottoline Morrell: 1915-1918. — L., 1974. — P. 98.

⁸⁶ A.Huxley. Letter to O.Morrell. 1 October 1916 //A.Huxley. Letters /Ed. by Grover Smith. — L.: Chatto & Windus, 1969. — P. 115.

- ⁸⁷ R.Gathorne-Hardy (ed.). *Ottoline at Garsington*. — L., 1974. — P. 156.
- ⁸⁸ A.Huxley. *Letters* /Ed. by Grover Smith. — L.: Chatto & Windus, 1969. — P. 115.
- ⁸⁹ R.Gathorne-Hardy (ed.). *Ottoline at Garsington*. — L., 1974. — P. 156-157.
- ⁹⁰ Roger Fry. *Letters* /Ed. by D.Sutton. In 2 vols. — L., 1972. — Vol. 2. — P. 448.
- ⁹¹ A.Huxley. *Letters*. — 1969. — P. 115.
- ⁹² Б.В.Анреп. О черном кольце //А.А.Ахматова. Соч. /Общ. ред. Г.П.Струве и др. — Paris: YMCA-press, 1983. — Т. 3. — С. 56. См. также: А.Ахматова. Десять лет /Послесл. Р.Д.Тименчика, Сост. и примеч. Р.Д.Тименчика и К.М.Поливанова. — М.: Изд-во МПИ, 1989. — С. 195.
- ⁹³ К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н.В.Недоброво к Б.В.Анрепу /Публ. Г.П.Струве //Slavica Hierosolymitana. — 1981. — Vols. V-VI. — С. 459, 460, 463.
- ⁹⁴ А.Ахматова. Десять лет. — 1989. — С. 193.
- ⁹⁵ В.Я.Виленикин. Воспоминания с комментариями. — 2-е изд., доп. — М., 1991. — С. 445.
- ⁹⁶ Полностью при жизни Ахматовой это стихотворение не публиковалось, а в сборнике "Подорожник" и последующих изданиях оно печаталось без первых двух строк. Полный текст стихотворения был впервые опубликован в 1967 г. в издании Международного литературного сотрудничества: А.А.Ахматова. Сочинения. — 2-е изд., доп. — Мюнхен, 1967. — Т. 1. — С. 378. О творческой истории создания этого стихотворения см. в кн.: А.А.Ахматова. Стихотворения и поэмы /Сост. подгот. текста и примеч. В.М.Жирмунского. Вступ. ст. А.А.Суркова. — 2-е изд. — Ленинград: Сов. писатель, 1979. — (Библиотека поэта. Большая серия). — С. 470; А.А.Ахматова. Соч.: В 2 т. /Сост., подгот. текста и примеч. М.М.Краина; Вступ. ст. Н.Скатова. — М.: Правда, 1990. — Т. 1. — С. 391.
- ⁹⁷ Д.Святополк-Мирский. О современном состоянии русской поэзии. Статья была написана в июне 1922 г. для журнала П.Б.Струве "Русская мысль", но не была принята к изданию и долгое время хранилась в архивах редакции. В 1978 г. сын П.Б.Струве Г.П.Струве опубликовал эту статью со своим предисловием и с послесловием Д.С.Смита (Новый журнал. — 1978. — № 131. — С. 79-110). См. также: D.Mirsky. UWR. — P. 92.
- ⁹⁸ У.Росслин сообщает, что Анреп приезжал в Россию еще и в сентябре 1917 г.: W.Rosslyn. A propos of Anna Akhmatova: Boris Vasilyevich Anrep (1883-1969) //New Zealand Slavonic journal. — 1980. — № 1. — P. 30.
- ⁹⁹ V.Woolf. *Letters* /Ed. N.Nicolson. — Vol. 3: A Change of Perspective: 1923-1928. — 1977. — P. 86.
- ¹⁰⁰ M.Holroyd. *Lilith Strachey: A Critical Biography*. — 1968. — Vol. 2. — P. 477.
- ¹⁰¹ M.Holroyd. *Augustus John: A Biography*. — 1974. — Vol. 1. — P. 336.
- ¹⁰² A.Morhange. Boris Anrep: The National Gallery Mosaics. — L.: The National Gallery, 1979. — P. 5.
- ¹⁰³ Augustus John. *Five Modern Artists* //Vogue. — 3 October 1928.
- ¹⁰⁴ A.Morhange. Boris Anrep: The National Gallery Mosaics. — 1979. — P. 5.
- ¹⁰⁵ К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н.В.Недоброво к Б.В.Анрепу /Публ. Г.П.Струве //Slavica Hierosolymitana. — 1981. — Vols. V-VI. — С. 463.
- ¹⁰⁶ Для портрета А.Ахматовой Б.Анреп использовал в качестве образца картину Жака-Луи Давида "Смерть Барра", где изображается гибель тринадцатилетнего юноши, убитого роялистами за то, что он отказался крикнуть "Да здравствует король". Основная фигура в мозаике Анрепа имеет то же положение.
- ¹⁰⁷ В архиве П.Н.Лукницкого хранится список стихотворений, посвященных Б.В.Анрепу, составленный по воспоминаниям А.А.Ахматовой.
- ¹⁰⁸ Б.В.Анреп. О черном кольце //А.А.Ахматова. Соч. — 1983. — Т. 3.
- ¹⁰⁹ А.А.Ахматова. Соч.: В 2 т. — М., 1990. — Т. 2. — С. 136, 138, 343.
- ¹¹⁰ А.Ахматова. Десять лет. — М., 1989.
- ¹¹¹ А.А.Ахматова. Соч.: В 2 т. — М., 1990. — Т. 2. — С. 156.
- ¹¹² А.А.Ахматова. Соч.: В 2 т. — М., 1990. — Т. 1. — С. 205, 405; Т. 2. — С. 156; А.А.Ахматова. Стихотворения и поэмы. — 1979. — С. 209, 483; Г.П.Макогоненко. О сборнике Анны Ахматовой "Нечет" //Вопросы литературы. — 1986. — № 2. — С. 170-189.
- ¹¹³ Евг.Дубнов. Небом и землею. — L.: Amber Press, 1984. — P. 86-91. Поэма "Саломея" создавалась в Лондоне, с февраля 1979 по февраль 1981 г. В примечании автор уточняет ее содержание: "Запись устных воспоминаний Саломеи Гальперн об Ахматовой, Цветаевой и Д.Мирском".
- ¹¹⁴ М.Пархомовский. Сын Россин, генерал Франции. — М., 1989.
- ¹¹⁵ M.Wolff. Unpublished Memoirs. MS in Russian. TS in English. — Leeds Russian Archive. — P. 262-263, 274.

- ¹¹⁶Ibid. — P. 310.
- ¹¹⁷И.Берлин. Александр и Саломея Гальперны //Евреи в культуре русского зарубежья: Сб. статей, публикаций, мемуаров и эссе /Сост. М.Пархомовский. — Вып. 1: 1919-1939. — Иерусалим, 1992. — С. 237-241. А.Калиной был посвящен некролог в "Таймс": Miss Anna Kallin. Obituary //The Times. — 1984. — 16 October.
- ¹¹⁸Good Food from Abroad: From the Caucasus to London via Moscow and Paris by Salome Andronikov /Preface by Vera Traill. — L.: Harvill Press, 1953.
- ¹¹⁹А.Н.Васильева. Альбион и тайна времени: рассказы об Англии. — 2-е изд., доп. — М.: Современник, 1983. — С. 220-221.
- ¹²⁰Там же. — С. 212.
- ¹²¹И.Берлин. Александр и Саломея Гальперны //Евреи в культуре русского зарубежья. — 1992. — С. 239.
- ¹²²Times. — 1982. — 12 May. — P. 12.
- ¹²³Times. — 1982. — 17 May. — P. 12.
- ¹²⁴Isaiah Berlin. The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas, 1959; Four Essays on Liberty, 1969; Concepts and Categories: Philosophical Essays, 1978; Russian Thinkers, 1978; Against the Current: Essays in the History of Ideas, 1979.
- ¹²⁵Isaiah Berlin. Personal Impressions /Introd. by Noel Annan. — Oxford University Press, 1982. Об авторе см.: John Gray. Isaiah Berlin. — Harper Collins, 1995.
- ¹²⁶А.Лурье. Письмо к С. Андрониковой от 22 октября 1963 г. //А.А.Ахматова. Соч.: В 2 т. — 1990. — Т. 1. — С. 427.
- ¹²⁷А.А.Ахматова. Соч.: В 2 т. — 1990. — Т. 2. — С. 283.
- ¹²⁸Б.Филиппов. Памяти А.В.Тырковой //Грани. — 1963. — № 53. — С. 56; А.А.Ахматова. Соч.: В 2 т. — 1990. — Т. 2. — С. 348.
- ¹²⁹D.Mirsky. A Russian Poetess //The Outlook. — 1922. — 18 March. — P. 218; D.Mirsky. UWRL. — P. 38, 43.
- ¹³⁰D.Mirsky. Recent Developments in Poetry: Poetry and Politics //The London Mercury. — 1921. — Vol. 4. — No 22; D.Mirsky. UWRL. — P. 61.
- ¹³¹D.Mirsky. UWRL. — P. 63.
- ¹³²D.Mirsky. The Literature of the Emigration //The London Mercury. — 1922. — No 27. — P. 276-85; D.Mirsky. UWRL. — P. 82.
- ¹³³D.Mirsky. UWRL. — P. 111.
- ¹³⁴D.Mirsky. UWRL. — P. 112.
- ¹³⁵Д.П.Святополк-Мирский. О нынешнем состоянии русской литературы //Благонамеренный. — 1926. — № 1. — С. 90-97; D.Mirsky. UWRL. — P. 224.
- ¹³⁶D.Mirsky. The Present State of Russian Letters //The London Mercury. — 1927. — Vol. XVI. — No 93. — P. 275-86; D.Mirsky. UWRL. — P. 249.
- ¹³⁷Н.Струве. Восемь часов с Анной Ахматовой //Звезда. — 1989. — № 6. — С. 120.
- ¹³⁸Н.С.Гумилев. Письмо к А.А.Ахматовой [20 июня 1917 г.] //Н.С.Гумилев. Соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1991. — Т. 3. — С. 244-245; Письма Н.С.Гумилева /Публикация Р.Д.Тименчика //Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана: Аннотированный каталог: Публикации. — М.: Книга, 1989. — С. 370-371.
- ¹³⁹Б.В.Анреп. О черном кольце //А.А.Ахматова. Соч. — Париж, 1983. — Т. 3. Цит. по публ.: Б.Анреп. О черном кольце //Звезда. — 1989. — № 6. — С. 56.
- ¹⁴⁰Н.С.Гумилев. Письмо к А.А.Ахматовой //Н.С.Гумилев. Соч.: В 3 т. — М., 1991. — Т. 3. — С. 245. Вспоминая об этом эпизоде в беседе с П.Н.Лукницким, А.А.Ахматова говорила: "Подумайте, как Коля был благодарен! Он знал, что мне будет приятно узнать о нем..." (П.Н.Лукницкий. Асипана: Встречи с Анной Ахматовой. Том 1: 1924-1925. — Paris: YMCA-press, 1991. — С. 189).
- ¹⁴¹A.Huxley. Letter to Juliette Baillot. London, circa 14 June 1917 //Letters of Aldous Huxley /Ed. by Grover Smith. — L.: Chatto & Windus, 1969. — P. 126-127. Адресат письма — будущая жена Джулиана Хаксли, брата Олдоса Хаксли, — жила в Гарсингтоне в качестве гувернантки дочери Оттолин Морреда.
- ¹⁴²Н.Гумилев. Соч.: В 3 т. — М., 1991. — Т. 3. — С. 244-245.
- ¹⁴³Н.С.Гумилев. Письмо к В.Е.Аренс от 1 июля 1908 г. //Н.С.Гумилев. Неизданное и несобранное. — Paris: YMCA-Press, 1986. — С. 117.

¹⁴⁴ G.K. Chesterton. Autobiography. — London: Hutchison, 1936. — P. 252-254. О знакомстве Гумилева с Честертоном писал в своих воспоминаниях Г.Адамович (Эвено. — 1926. — 3 октября), а также М.Ф.Ларионов в письмах к Г.Струве: "Н.С. был близко знаком с Честертоном и группой английских писателей этого времени". (Письма М.Ф.Ларионова о Н.С.Гумилеве // Мосты. — 1970. — № 15. — С. 406.)

¹⁴⁵ Новый корабль. — 1928. — № 4.

¹⁴⁶ Н.Оцуп. О поэзии и поэтах // Числа. — 1932. — № 6. — С. 135.

¹⁴⁷ Г.Иванов. Гумилев // Дни. — 1925. — 18 октября.

¹⁴⁸ Н.Гумилев. Соч.: В 3 т. — М., 1991. — Т. 3. — С. 414; К.А.Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. — М., 1979. — С. 195.

¹⁴⁹ А.Амфитеатров. Гумилев // Сегодня. — 1921. — 18 сентября.

¹⁵⁰ Н.Д. Встречи с Н.С.Гумилевым // Время. — 1924. — 22 сентября; Н.Гумилев. Соч.: В 3 т. — М., 1991. — Т. 3. — С. 333-334.

¹⁵¹ Н.Гумилев. Соч.: В 3 т. — М., 1991. — Т. 3. — С. 200.

¹⁵² India House — многоэтажное здание в центре Лондона, где во время Первой мировой войны располагался Русский Правительственный комитет, а в наши дни находится Корпорация британского радиовещания "Би-Би-Си".

¹⁵³ E.Rusinko. Gumilev in London: an Unknown Interview // Russian Literature Triquarterly. — 1979. — № 16. — P. 78-79. В статье цитируется одно из "Писем из России" К.Бехофера, опубликованное в журнале "Новый век" (The New Age. — 1915. — 28 January. — Vol. XVI. — No 13. — P. 344).

¹⁵⁴ Н.С.Гумилев. Письмо к М.А.Лозинскому [конец июня 1917 г.] // Известия ОЛЯ. — 1987. — № 1. — С. 76.

¹⁵⁵ Interviews. By C.B.Bechhofer // The New Age. — 1917. — 28 June. — Vol. XXI. — № 9. — P. 209. Интервью перепечатано в статье: E.Rusinko. Gumilev in London: An Unknown Interview. // Russian Literature Triquarterly. — 1979. — № 16. — P. 73-85. См. также: Гумилев в Лондоне: неизвестное интервью / Публикация Э.Русинко // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Биобиография. — СПб.: ИРЛИ, 1994. — С. 299-309.

¹⁵⁶ E.Rusinko. Russian Acmeism and Anglo-American Imagism // Ulbandus Review. — 1978. — Vol. I. — № 2. — P. 37-49.

¹⁵⁷ Г.Струве считал, что с английским имажинизмом Гумилев впервые познакомился, общаясь с сотрудниками журнала "Новый век". "В имажизме [sic], как его формулировал Т.Э.Хьюм, было много общего с акмеизмом, — писал Г.Струве, — Еще больше общего с некоторыми неоклассическими тенденциями в акмеизме было в статье Хьюма о классицизме и романтизме, написанной, как и акмеистические манифесты, в 1913 г. (ни Хьюм, ни Гумилев друг о друге тогда понятия не имели), но напечатанной лишь посмертно, в 1924 г." (Г.Струве. [Коммент.] // Н.С.Гумилев. Собр. соч.: В 4 т. — 1968. — Т. 4. — С. 631).

¹⁵⁸ Э.Венгерова. Английские футуристы // Стрелец. — 1915 г. — № 1. — С. 93-104.

¹⁵⁹ Н.С.Гумилев. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. проф. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. Вашингтон: Victor Kamkin, 1962-1968. — Т. 4. — 1968. — С. 303-308.

¹⁶⁰ Г.Струве. [Коммент.] // Н.С.Гумилев. Собр. соч.: В 4 т. — 1968. — Т. 4. — С. 375-377, 618-619.

¹⁶¹ Г.Струве. Гумилев в Лондоне. Записная книжка Гумилева // Неизданный Гумилев: Отравленная туника и другие неизданные произведения. — Нью-Йорк, 1952. — С. 541.

¹⁶² Н.С.Гумилев. Письмо к М.А.Лозинскому [конец июня 1917 г.] // Известия Отделения лит. и языка АН СССР. — 1987. — № 1. — С. 76.

¹⁶³ Н.С.Гумилев. Соч.: В 3 т. — М., 1991. — Т. 3. — С. 402.

¹⁶⁴ В.И.Лурье. Воспоминания о Гумилеве / Публикация, подгот. текста, предисл. и примеч. Н.М.Иванниковой // De Visu. — 1993. — № 6 (7). — С. 9.

¹⁶⁵ Возможно, Вадим Данилович Гарднер был родственником Даниила Даниловича Гарднера, который перед революцией служил поверенным в делах при русском посольстве в Лондоне. Во время войны Д.Д.Гарднер работал в Русском правительственном комитете и занимал видное положение в Русско-Британском Братстве. О Вадиме Гарднере см. Д.М.Магомедова. Гарднер В.Д. // Русские писатели: 1800-1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.А.Николаев. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — Т. 1. — С. 523.

¹⁶⁶ И.Одоевцева, которая познакомилась с Гумилевым в 1918 г., после его возвращения из Европы в Россию, вспоминала, что он свободно, хотя и с ошибками изъяснялся и писал по-французски (И.Одоевцева. На берегах Невы. — Вашингтон, 1967. — С. 107).

¹⁶⁷ Н.С.Гумилев. Письмо к М.А.Лозинскому [конец июня 1917 г.] //Известия ОЛЯ. — 1987. — № 1. — С. 76.

¹⁶⁸ Статья Д.Курноса "Смерть футуризма" была опубликована в английском журнале "Эгоист" в январе 1917 г. и перепечатана в том же году в гумилевском "Аполлоне" (№№ 8-10. С. 30-33).

¹⁶⁹ Н.С.Гумилев. Собр. соч.: В 4 т. — 1968. — Т. 4. — С. 544-45.

¹⁷⁰ Н.С.Гумилев. Собр. соч.: В 4 т. — 1968. — Т. 4. — С. L.

¹⁷¹ Там же. — С. LII.

¹⁷² Б.В.Анреп. О черном кольце // А.Ахматова. Соч. — Париж, 1983. — Т. 3.

¹⁷³ Н.Гумилев. Соч.: В 3 т. — М., 1991. — Т. 3. — С. 404-405.

¹⁷⁴ N.Gubsky. Angry Dust: An Autobiography. — L.: William Heinemann, 1937. — P. 238-239.

¹⁷⁵ Е.В.Саблин. Письмо от 29 августа 1946 г. — Leeds Russian Archive.

¹⁷⁶ Н.Гумилев. Записная книжка в Лондонском архиве // Н.С.Гумилев. Собр. соч.: В 4 т. — 1968. — Т. 4. — С. 543.

¹⁷⁷ Н.С.Гумилев. Собр. соч.: В 4 т. — 1968. — Т. 4. — С. 132.

¹⁷⁸ Там же. — С. 592.

¹⁷⁹ Ben Hellman. An Agressive Imperialist? The Controversy over Nicolaj Gumilev's war poetry // Nikolaj Gumilev: 1886-1986: Papers from the Gumilev Centenary Symposium /Ed. S.D.Graham. — Univ. of Strathclyde; Berkeley, 1987. — P. 133-154, 152-154.

¹⁸⁰ Г.Струве. Материалы для биографии Н.С.Гумилева. По неизданным документам //Новое русское слово. — 1947. — 16 декабря.

¹⁸¹ Глеб Струве. О литературном наследстве Н.С.Гумилева //Неизданный Гумилев: Отравленная туника и другие неизданные произведения /Под ред. Г.П.Струве. — Нью-Йорк: Изд-во им. А.П.Чехова, 1952.

¹⁸² Н.С.Гумилев. Неизданное и несобранное. — Paris: YMCA-Press, 1986. — С. 95.

¹⁸³ Н.С.Гумилев. Соч.: В 3 т. — М., 1991. — Т. 3. — С. 40.

¹⁸⁴ Новое русское слово. — 1975. — 16 ноября.

¹⁸⁵ Н.С.Гумилев. Соч.: В 3 т. — М., 1991. — Т. 3. — С. 235.

¹⁸⁶ Северные записки. — 1914. — № 3. — С. 39-56; № 4. — С. 62-98.

¹⁸⁷ Н.С.Гумилев. Соч.: В 3 т. — М., 1991. — Т. 3. — С. 314-315.

¹⁸⁸ Там же. — С. 55.

¹⁸⁹ Анатолий Грант [Н.Гумилев]. Карты //Сириус (Париж). — 1902. — № 2.

¹⁹⁰ О.Бердсли. Застольная болтовня. Рассказы //Весы. — 1905. — № 11. — С. 53. Н.С.Гумилев. Соч.: В 3 т. — М., 1991. — Т. 2. — С. 251, 434.

¹⁹¹ Н.С.Гумилев. Письмо к В.Я.Брюсову от 24 марта 1907 г. //Н.С.Гумилев. Неизданные стихи и письма. — Paris: YMCA-Press, 1980. — С. 15.

¹⁹² Н.С.Гумилев. Собр. соч.: В 4 т. — 1968. — Т. 4. — С. 586.

¹⁹³ Н.С.Гумилев. Соч.: В 3 т. — 1991. — Т. 2. — С. 195.

¹⁹⁴ Н.Гумилев. Письма к В.Брюсову от 15 и 19 декабря 1908 г. // В.Н.Лукницкая. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домаш. арх. семьи Лукницких. — Л., 1990. — С. 68.

¹⁹⁵ Н.С.Гумилев. Соч.: В 3 т. — 1991. — Т. 3. — С. 8, 255. Мысль о преимуществах слова как материала литературы перед другими средствами искусства варьируется в нескольких эссе О.Уайльда, включенных в сборник "Замыслы" ("Intentions"), в том числе в эссе "Упадок лжи" ("The Decay of Lying"). O.Wilde. Intentions. — L.: The English Library Ltd, 1908. — P. 153.

¹⁹⁶ Н.С.Гумилев. Соч.: В 3 т. — 1991. — Т. 3. — С. 186, 189.

¹⁹⁷ Там же. — С. 19.

¹⁹⁸ Sh.D.Graham указывает, что рукопись пьесы Н.С.Гумилева "Фальстаф" хранится в ИМЛИ РАН, в архиве М.Горького (источник см. ниже). См. также: Соч.: В 3 т. — 1991. — Т. 2. — С. 395, 420-421.

¹⁹⁹ А.Блок. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Правда, 1971. — Т. 6. — С. 252; Н.С.Гумилев. Собр. соч.: В 4 т. — 1968. — Т. 4. — С. 549.

²⁰⁰ Н.С.Гумилев. Соч.: В 3 т. — 1991. — Т. 3. — С. 18.

²⁰¹ С.Т.Кольридж. Поэма о старом моряке /Пер. и предисл. Н.Гумилева. — Пг., 1919.

- ²⁰² М.А. Гаспаров. Неизвестные русские переводы байроновского "Дон-Жуана" // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. — 1988. — Т. 47. — № 4. — С. 359-367.
- ²⁰³ Р. Саути. Баллады / Пер. под ред. и с предисл. Н. Гумилева. — Пг., 1922.
- ²⁰⁴ Н. Гумилев. Соч.: В 3 т. — 1991. — Т. 3. — С. 412-413.
- ²⁰⁵ Отрывок из драмы сохранился в ЦГАЛИ и был впервые опубликован Шейлой Грэм в 1984 г. См.: Sheelagh Duffin Graham. N.S. Gumilev and Irish Legend: An unpublished fragment from "The Beauty of Morni" // Irish Slavonic Studies. — 1984. — No 5. — P. 167-180. Полная рукопись драмы утеряна, но, по предположению исследовательницы, может находиться в архивах бывшего Наркомпроса.
- ²⁰⁶ D. Mirsky. Recent Developments in Poetry. Poetry and Politics // The London Mercury. — 1921. — Vol. 4. — N 22. То же: D.S. Mirsky. UWRL. — P. 60-63.
- ²⁰⁷ Кн. Д.П. Святополк-Мирский о русской поэзии в 1922 году / Публ. Г.П. Струве, послесл. Дж. Смита // Новый журнал. — 1978. — № 131. — С. 79-110. То же: Д. Мирский. О современном состоянии русской поэзии // D. Mirsky. UWRL. — P. 108-109.
- ²⁰⁸ Л. Андреев. S.O.S.: Дневник (1914-1919); Письма (1917-1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918-1919) / Вступ. статья, сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. — М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. — С. 175. История этой публикации "S.O.S." и переписки, связанной с поездкой в Англию, содержится в публикации, вступительной статье и комментариях Р. Дэвиса: Два неизвестных письма Леонида Андреева к П.Н. Милокову (1919) // Минувшее: Исторический альманах. — Paris: Atheneum, — 1987. — Вып. 4. — С. 338-366.
- ²⁰⁹ Appeal for Help: Bitter Russian Complaint of Desertion. — The Times. — 1919. — 1 March. — P. 10, col. 4.
- ²¹⁰ Russian Writers and Bolshevism. — The Times. — 1919. — 3 March. — P. 8, col. 2.
- ²¹¹ Л. Андреев. Дневник. Письма. — 1994. — С. 171.
- ²¹² Там же. — С. 172.
- ²¹³ Там же. — С. 176.
- ²¹⁴ D. Mirsky. Recent Developments in Poetry. Poetry and Politics // The London Mercury. — 1921. — Vol. 4. — No 22; UWRL. — P. 63.
- ²¹⁵ Russia's Call to Humanity: "Save Our Souls": An Appeal to the Allies. L., Russian Liberation Committee and Union of the Russian Commonwealth. — 1919.
- ²¹⁶ Aylmer Maude. Literature under the Bolsheviks // The Times Literary Supplement. — 1919. — 26 June. — No 910. — P. 349. M.J. de K. Holman, D. Collins. Aylmer Maude's Letters from Archangel: 1918-1919 // Sbornik. — 1981. — № 6-7. — P. 144-46; Л. Андреев. Дневник. Письма. — 1994. — С. 464.
- ²¹⁷ "SOS" by Leonid Andreyev // The Russian Outlook. A Weekly newspaper dealing with Russian and Russo-British Affairs. — 1919. — 14 June. — № 6. — P. 132-33.
- ²¹⁸ The Times Literary Supplement. — 1919. — 17 July. — No 913. — P. 387.
- ²¹⁹ Л. Андреев. Дневник. Письма. — 1994. — С. 294-95.
- ²²⁰ Там же. — С. 291.
- ²²¹ Там же. — С. 281.
- ²²² Запись в дневнике П.Н. Милокова от 22 июля 1919 г. // Там же. — С. 494.
- ²²³ Там же. — С. 287.
- ²²⁴ Там же. — С. 294-95.
- ²²⁵ М.С. Маргулис. Год интервенции. — В 2 т. — Берлин: Изд-во Э.И. Гржебина, 1923. — Т. 2. — С. 56, 132, 147. Л. Андреев. Дневник. Письма. — 1994. — С. 347, 360, 361.
- ²²⁶ Л. Андреев. Дневник. Письма. — 1994. — С. 321, 504.
- ²²⁷ Там же. — С. 321-22.
- ²²⁸ Там же. — С. 324-25.
- ²²⁹ Там же. — С. 326-27.
- ²³⁰ Там же. — С. 328-29.
- ²³¹ Мария Иорданская. Эмиграция и смерть Леонида Андреева: Воспоминания. — 1919.
- ²³² N. Roerich. Violators of Art. — L., 1919.
- ²³³ Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. P.N. Miliukov Coll.
- ²³⁴ Leonid Andreyev: Photographs by a Russian Writer: An Undiscovered Portrait of Pre-Revolutionary Russia / Ed. and introduced by Richard Davies, with a foreword by Olga Andreyev Carlisle. — L.: Thames and Hudson, 1989.

- ²³⁵ Л. Андреев. Дневник. Письма. — 1994. — С. 318, 501.
- ²³⁶ Пьеса Л. Андреева "Екатерина Ивановна" была издана в 1923 г. в Нью-Йорке, в 1924 г. в Лондоне.
- ²³⁷ П. Беликов, В. Князева. Рерих. — 2-е изд. — М.: Мол. гвардия, 1973. — С. 143-147.
- ²³⁸ Л. Андреев. Дневник. Письма. — 1994. — С. 278.
- ²³⁹ Такие сведения даются в цитируемой здесь книге П. Беликова и В. Князевой. На этот источник ссылается в своей книге Ж. Дектер (Jacqueline Decter. Nicolas Roerich: The Life and Art of a Russian Master. — Rochester Vermont Park Street Press, 1989).
- ²⁴⁰ Л. Андреев. Дневник. Письма. — 1994. — С. 494.
- ²⁴¹ Список членов Англо-русского Братства, анкеты членов: 1917-1919. Протоколы заседаний, переписка: 1917-1922. — ГАРФ. Ф 4649, оп. № 1, ед. хр. 8.
- ²⁴² Обе картины впоследствии были переданы в музей Н.К. Рериха в Нью-Йорке.
- ²⁴³ П. Беликов, В. Князева. Рерих. — 1973. — С. 144. См. также: Рерих: Из литературного наследия / Ред. М.Т. Кузьмина. — М.: ИЗО, 1974. — С. 111.
- ²⁴⁴ R.O.M. Covent Garden: Prince Igor // The Athenaeum. — 1919. — November 14. — P. 1195.
- ²⁴⁵ R. Newmarch. Roerich's Art. Interpreted by Leonid Andreiev // The Quest. — 1920. — April. — Vol. XI. — № 3.
- ²⁴⁶ А. Руманов. Выставка Н.К. Рериха. От нашего корр. в Лондоне [б.д.]. — Roerich Press Book 1919-1920 (собрание газетных вырезок за 1919-1920 гг.). — Nicholas Roerich Museum. New York.
- ²⁴⁷ Albert Coates. Music and Painting // Daily Telegraph. — 1920. — 24 January.
- ²⁴⁸ Roy Devereux. The Art of Painting in Russia // The Russian Outlook. — 1920. — 24 January. — P. 893.
- ²⁴⁹ "Spells of Russia" by Nicolas Roerich. The Goupil Gallery, 5 Regent Street, London. Prefatory note by C. Hagberg Wright.
- ²⁵⁰ А.Н. Толстой. Англичане, когда они любезны // Огонек. — 1927. — 17 апреля. — № 16. С. 111. Б.Ефимова. Отд. издание очерков под тем же названием вышло в "Веселой библиотеке "Бегемота" (Л.: Красная газета, 1927). Цит. по: А.Н. Толстой. Собр. соч.: В 10 т. — М.: Худож. лит., 1961. — Т. 10. — С. 96-106.
- ²⁵¹ И.А. Бунин. Собр. соч.: В 9 т. — М.: Худож. лит., 1967. — Т. 9. — С. 445.
- ²⁵² А.Н. Толстой. Собр. соч.: В 10 т. — Т. 10. — С. 285-286.
- ²⁵³ В. Набоков. Другие берега // В. Набоков. Собр. соч.: В 4 т. — М.: Правда, 1990. — Т. 4. — С. 173. Мемуарный роман "Другие берега" представляет собой авторский перевод на русский язык английского оригинала, изданного впервые в 1947 г. под названием "Conclusive Evidence" ("Заключительное показание"). Набоков писал эти воспоминания по-английски с 1946 до 1950 г., в последующие годы они неоднократно переиздавались (©1947-51). В 1960 г. воспоминания вышли под новым названием "Speak, Memory". В 1966 г. была издана новая, расширенная редакция текста мемуаров (V. Nabokov. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. — New York: G.P. Putnam's Sons, 1966). В настоящей работе цитируется это издание. В авторском переводе на русский язык роман впервые вышел под названием "Другие берега" в 1954 г. В переводной версии были сделаны существенные изменения.
- ²⁵⁴ В. Набоков. Другие берега. Предисл. // Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 178.
- ²⁵⁵ В. Набоков. Подвиг // Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — С. 156-8.
- ²⁵⁶ В. Набоков. Другие берега. — Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 173.
- ²⁵⁷ В. Набоков. Подвиг // Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — С. 156, 157.
- ²⁵⁸ В. Набоков. Истинная жизнь Себастьяна Найта // В. Набоков. Романы: Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. А. Долнина. — М.: Худож. лит., 1991. — С. 24-25. См. также: В. Набоков. Подлинная жизнь Себастьяна Найта // В. Набоков. Собр. соч.: В 5 т.: Пер. с англ. / Сост. С. Ильина, А. Кононова. Предисл. и коммент. А. Люксембурга. — СПб.: Симпозиум, 1997. — Т. 1. — С. 36.
- ²⁵⁹ В. Набоков. Другие берега // Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 179, 183.
- ²⁶⁰ Там же. — С. 271-2.
- ²⁶¹ Воспоминания В.Д. Набокова об этом визите были опубликованы в "Архиве русской революции", издававшемся И. Гессеном в Берлине.
- ²⁶² В. Набоков. Другие берега // Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 272. См. также: V. Nabokov. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. — New York: G.P. Putnam's Sons, 1966.
- ²⁶³ V. Nabokov. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. — 1966. — P. 254.

- ²⁶⁴ Nabokov Archive. New York Public Library. Special Collections. Berg Coll. Folders № 0941091-95.
- ²⁶⁵ B.Boyd. Vladimir Nabokov: The Russian Years. — Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1990. — P. 168.
- ²⁶⁶ V.Nabokov. Speak, Memory. — 1966. — P. 254.
- ²⁶⁷ А.В.Тыркова являлась дальней родственницей Набоковых.
- ²⁶⁸ В.Набоков. Британский либерализм и Россия //The New Russia: A Weekly Review of Russian Politics edited by the Russian Liberation Committee. — 1920. — January-April. — 5 Feb. — Vol. 1.
- ²⁶⁹ Г.Струве. Владимир Набоков: По личным воспоминаниям, документам и переписке /Подгот. текста и предисл. Г.Поляка //Новый журнал. — 1993. — № 190. — С. 179-180.
- ²⁷⁰ В.Набоков. Другие Берега //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 272.
- ²⁷¹ Г.Струве. Владимир Набоков //Новый журнал. — 1993. — № 190. — С. 181.
- ²⁷² После окончания Кембриджа С.Набоков (1900-1945) уехал в Париж, где преподавал русский и английский языки. Из Парижа он переехал в Берлин, где работал переводчиком. По воспоминаниям знавших его людей, он критиковал гитлеровский режим в беседах с коллегами. По доносу он был арестован как "британский шпион" и отправлен в концлагерь, где погиб. К.Набоков (1911-1964) продолжал свое школьное образование в Берлине и Праге, окончил колледж в Луверне. В молодости он писал стихи под влиянием Гумилева и Ходасевича. Однако от литературной карьеры отказался, и выбрал деловую жизнь, став владельцем бюро путешествий в Брюсселе. Умер в Мюнхене.
- ²⁷³ V.Nabokov. Speak, Memory. — 1966.
- ²⁷⁴ Ernest Harrison (1877-1943) филолог-классик, пользовавшийся в Кембридже отличной репутацией. Он не преподавал у Набокова, но был его "классным наставником", в обязанности которого входило наблюдение за поведением, посещением лекций и академическими успехами подопечного.
- ²⁷⁵ В.Набоков. Другие берега //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 273.
- ²⁷⁶ В.Набоков. Подлинная жизнь Себастьяна Найта //В.Набоков. Собр. соч.: В 5 т. — Спб., 1997. — Т. 1. — С. 58.
- ²⁷⁷ Там же. — С. 59.
- ²⁷⁸ В.Набоков. Другие берега //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 273-74.
- ²⁷⁹ В.Набоков. Подвиг //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — С. 191.
- ²⁸⁰ В.Набоков. Подлинная жизнь Себастьяна Найта //В.Набоков. Собр. соч.: В 5 т. — Спб., 1997. — Т. 1. — С. 63.
- ²⁸¹ В.Набоков. Подвиг //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — С. 193.
- ²⁸² В.Набоков. Подлинная жизнь Себастьяна Найта //В.Набоков. Собр. соч.: В 5 т. — Спб., 1997. — Т. 1. — С. 59-61.
- ²⁸³ В.Набоков. Истинная жизнь Себастьяна Найта //В.Набоков. Романы: Пер. с англ. /Сост. и вступ. ст. А.Долинина. — М.: Худож. лит., 1991. — С. 46.
- ²⁸⁴ В.Набоков. Другие берега //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 279.
- ²⁸⁵ В.В.Набоков. Письмо к Е.И.Набоковой от 16 июня 1920 г. — Nabokov Archive. New York Public Library. Special Collections. Berg Coll. Folders No 0941091-95.
- ²⁸⁶ Излюбленное словечко Набокова "разымчивый" означает, по В.О.Далю, "возбуждающий", "забористый" — о хмеле.
- ²⁸⁷ В.В.Набоков. Письмо к В.Д.Набокову и Е.И.Набоковой от 20 июня 1920 г. — Nabokov Archive. New York Public Library. Special Collections. Berg Coll. Folders No 0941091-95.
- ²⁸⁸ В.В.Набоков. Письмо к Е.И.Набоковой от 23 февраля 1921 г. — Ibid.
- ²⁸⁹ В.В.Набоков. Письмо к Е.И.Набоковой от 7 июня 1921 г. — Ibid.
- ²⁹⁰ В.Набоков. Дар //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 3. — С. 166-67.
- ²⁹¹ V.V.Nabokov. A Letter to E.Wilson. 25 January, 1947 //The Nabokov — Wilson Letters: 1940-1971 /Ed. by S.Karlinsky. — New York, 1979.
- ²⁹² В.Набоков. Подвиг //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — С. 193.
- ²⁹³ Magpie and Stump Debating Society Minutes, Trinity College Library. Цит. по кн.: B.Boyd. Vladimir Nabokov: The Russian Years. — 1990. — P. 168. Б.Бойд ссылается на английские мемуары Набокова, но сведения, указанные в них, противоречат фактам, которые приводит Бойд. В мемуарах Набоков относит дискуссию (а следовательно и свою "первую и последнюю" политическую речь) к весне 1920 г. (V.Nabokov. Speak, Memory. 1966. — P. 179). Там же он приводит даты и библиографические сведения о докладе отца, который он выучил наизусть к этому случаю:

доклад его "Soviet Rule and Russia's Future" ("Советский режим и будущее России") был прочитан 16 января 1920 г. в Кингз-колледж Лондонского университета. Неделю спустя он был опубликован на английском языке в приложении к англо-русскому журналу "Новое народоправство": Supplement to The New Commonwealth, №15, 1920. Если Набоков имеет в виду именно эту публикацию отца, то речь должна идти о дискуссии, состоявшейся после января 1920 г., то есть, возможно, весной. Однако в протоколе Тринити-колледжа зарегистрировано выступление Набокова во время дискуссии, состоявшейся 28 ноября 1919 г., для которой он мог выучить либо еще не опубликованный текст доклада, либо какое-то другое выступление отца (Набоков-отец публиковал свои статьи, например, в англоязычном журнале П.Н.Милокова "The New Russia"). Возможно также, что В.Набоков принял участие в двух дискуссиях: в ноябре 1919 и весной 1920 г., но в таком случае его речь не могла быть одновременно "первой и последней".

²⁹⁴ V.Nabokov. Speak, Memory. — 1966. — P. 179.

²⁹⁵ В.Набоков. Другие берега //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 275.

²⁹⁶ Там же. Наблюдение В.Набокова, как будто, не устарело.

²⁹⁷ В.Набоков. Подвиг //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — С. 194-195.

²⁹⁸ A.Field. The Life and Art of Vladimir Nabokov. — New York: Crown Publishers, Inc., 1968. — P. 67.

²⁹⁹ Ibid. — Pp. 275-6.

³⁰⁰ V.Nabokov. Strong Opinions. — New York: McGraw-Hill Book Company, 1973. — P. 104.

³⁰¹ Ibid. — P. 103.

³⁰² В.В.Набоков. Письмо к Е.И.Набоковой от 8 ноября 1920. — Nabokov Archive. New York Public Library. Special Collections. Berg Coll. Цит. по кн.: В.Boyd. Vladimir Nabokov: The Russian Years. — 1990. — P. 178.

³⁰³ V.Nabokov. Speak, Memory. — 1966. — P. 256.

³⁰⁴ V.Nabokov. Interview with Alfred Appel, Jr, Nabokov's student at Cornell University in 1954 // V.Nabokov. Strong Opinions. — 1973. — P.65.

³⁰⁵ В.Набоков. Подвиг //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — С. 192.

³⁰⁶ В.Набоков. Подлинная жизнь Себастьяна Найта //В.Набоков. Собр. соч.: В 5 т. — СПб., 1997. — Т. 1. — С. 80.

³⁰⁷ V.Nabokov. Strong Opinions. — 1973. — P. 171.

³⁰⁸ В.Набоков. Подвиг //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — С. 196-7.

³⁰⁹ V.Nabokoff. A Few Notes on Crimean Lepidoptera //Entomologist. — 1920. — February. — 53:681. — P. 29-33.

³¹⁰ Грани. — 1922. — № 1. — С. 230.

³¹¹ В.Д.Набоков. Письмо к И.В.Шкловскому от 5 октября 1921 г. — РГАЛИ. Ф 1390, оп. 1, ед.хр. 49.

³¹² В.Набоков. Другие берега //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 277.

³¹³ English Review. — 1920. — November. — No 144. — P. 392.

³¹⁴ В.Набоков. Другие берега //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 273.

³¹⁵ Там же. — С. 169-170.

³¹⁶ В.Набоков. Как я люблю тебя: Стихотворения, поэма, эссе о России /Сост. И.А.Курамжина, вступит. ст. Э.Шаховской. — М.: Центр-100, 1994. — С. 28.

³¹⁷ Nabokov Archive. New York Public Library. Special Collections. Berg Coll. Folders No 0941091-95.

³¹⁸ В.Набоков. Как я люблю тебя: Стихотворения, поэма, эссе о России. — М., 1994. — С. 31.

³¹⁹ В.Набоков. Другие берега //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 272.

³²⁰ В.Д.Набоков. Письмо к И.В.Шкловскому от 14 мая 1921 г. — РГАЛИ. Ф 1390, оп. 1, ед.хр. 49.

³²¹ А.И.Куприн. Письмо к А.В.Тырковой от 8 ноября 1921 г. — British Museum. H.Williams Papers. ADD MS 54 439, 158.

³²² В.Д.Набоков. Письмо к И.В.Шкловскому от 5 октября 1921 г. — РГАЛИ. Ф 1390, оп. 1, ед.хр. 49.

³²³ В.Набоков. Истинная жизнь Себастьяна Найта //В.Набоков. Романы. — М., 1991. — С. 45-46. (См. также: Набоков. Подлинная жизнь Себастьяна Найта //В.Набоков. Собр. соч.: В 5 т. — СПб., 1997. — Т. 1. — С. 59.)

- ³²⁴ V.Nabokov. *Speak, Memory*. — 1966. — P. 261, 268.
- ³²⁵ В.Набоков. *Другие берега* //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 273-4.
- ³²⁶ В.Набоков. *Подлинная жизнь Себастьяна Найта* //В.Набоков. Собр. соч.: В 5 т. — Спб., 1997. — Т. 1. — С. 61. (См. также: В.Набоков. *Истинная жизнь Себастьяна Найта* //В.Набоков. Романы. — М., 1991. — С. 47.)
- ³²⁷ Руль. — 1921. — 29 апреля. — № 136. — С. 2.
- ³²⁸ В.Набоков. *Истинная жизнь Себастьяна Найта* //В.Набоков. Романы. — М., 1991. — С. 50.
- ³²⁹ В.Набоков. *Как я люблю тебя: Стихотворения, поэма, эссе о России*. — М., 1994. — С. 41.
- ³³⁰ Цит. по рукописи. — Nabokov Archive. New York Public Library. Special Collections. Berg Coll. Folders No 0941091-95.
- ³³¹ Цит. по рукописи. — Ibid.
- ³³² В.Набоков. *Как я люблю тебя: Стихотворения, поэма, эссе о России*. — М., 1994. — С. 49.
- ³³³ Там же. — С. 42.
- ³³⁴ Там же. — С. 45.
- ³³⁵ В.В.Набоков. *Письмо к Е.И.Набоковой от 7 июня 1921*. — Nabokov Archive. New York Public Library. Special Collections. Berg Coll. Folders No 0941091-95.
- ³³⁶ В.Набоков. *Другие берега* //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 274.
- ³³⁷ Вл.Сирин. *Кембридж* //Руль. — 1921. — 28 октября. — № 288. — С. 2. Опубликовано в кн.: В.Набоков. *Как я люблю тебя: Стихотворения, поэма, эссе о России*. — М., 1994. — С. 133. Здесь цит. по первой публикации.
- ³³⁸ В.Набоков. *Другие берега* //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 280.
- ³³⁹ В.Набоков. *Подвиг* //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — С. 192.
- ³⁴⁰ В.Набоков. *Истинная жизнь Себастьяна Найта* //В.Набоков. Романы. — 1991. — С. 64. (В.Набоков. *Подлинная жизнь Себастьяна Найта* //В.Набоков. Собр. соч.: В 5 т. — Спб., 1997. — Т. 1. — С. 80.)
- ³⁴¹ В.Набоков. *Другие берега* //Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. — С. 279-80.
- ³⁴² Там же. — С. 283.
- ³⁴³ V.Nabokov. *Strong Opinions*. — 1973. — P. 139.
- ³⁴⁴ V.Cantaboff. "Painted Wood" //Carousel. — 1923. — № 2. — P. 9.
- ³⁴⁵ Аня в стране чудес. — Берлин, 1923. См.: *Другие берега*. // Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 286.
- ³⁴⁶ Руль. — 1927. — 18 сентября.
- ³⁴⁷ Руль. — 1930. — 19 октября; — 1930. — 23 ноября.
- ³⁴⁸ В.Набоков. *Картофельный Эльф* //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 1. — С. 382.
- ³⁴⁹ Там же. — С. 384.
- ³⁵⁰ Там же. — С. 388.
- ³⁵¹ Там же. — С. 390-91.
- ³⁵² Там же. — С. 392.
- ³⁵³ В.Сирин. *Университетская поэма* //Современные записки. — 1927. — № 33. — С. 223-254. Поэма опубликована также в кн.: В.В.Набоков. *Стихотворения и поэмы* /Сост. вступит. ст., подгот. текстов и примеч. В.С.Федорова. — М.: Современник, 1991. — С. 449-476.
- ³⁵⁴ Устами Бунных: *Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы* /Под ред. М.Грин. — В 3 т. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. — Т. 3. — С. 23.
- ³⁵⁵ В.Набоков. *Подвиг* //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — С. 198.
- ³⁵⁶ B.Boyd. Vladimir Nabokov: The Russian Years. — 1990. — P. 174.
- ³⁵⁷ Г.Струве. "Университетская поэма" В.Сирин //Россия. — 1927. — 10 декабря.
- ³⁵⁸ G.Struve. Les "romans-escamotage" de Vladimir Sirine //Le Mois. — 1931. — № 4; G.Struve. Vladimir Nabokoff-Sirine, l'amoureux de la vie: Un portrait //Le Mois. — 1931. — № 6.
- ³⁵⁹ Vladimir Sirin. The Return of Tchob //This Quarter (Paris). — 1932. — June. — No 4.
- ³⁶⁰ Г.Струве. Владимир Набоков: По личным воспоминаниям, документам и переписке /Подгот. текста и предисл. Г.Поляка //Новый журнал. — 1993. — № 190. — С. 185.
- ³⁶¹ Vladimir Nabokov-Sirin. The Passenger //Lovat Dickson's Magazine (London). — 1934. — June. — Vol. II. — No 6.
- ³⁶² V.Nabokov. *Despair* /Transl. by the author. — L.: Long, 1937.

- ³⁶³ B.Boyd. Vladimir Nabokov: The Russian Years. — 1990. — P. 420-21; 429.
- ³⁶⁴ V.Nabokov. Speak, Memory. — 1966. — P. 271.
- ³⁶⁵ В.В.Набоков. Письмо к М.И.Ростовцеву от 9 декабря 1936 г. Цит. по кн.: B.Boyd. Vladimir Nabokov: The Russian Years. — 1990. — P. 430. См. также: Г.М.Бонгард-Левин. Владимир Набоков и академик М.И.Ростовцев: Новые архивные материалы из архивов США // Новое литературное обозрение. — 1993. — № 5. — С. 122-137.
- ³⁶⁶ В.Набоков. Письмо к Бернарду Персу от 16 ноября 1936 г. Цит. по кн.: B.Boyd. Vladimir Nabokov: The Russian Years. — 1990. — P. 431.
- ³⁶⁷ B.Boyd. Vladimir Nabokov: The Russian Years. — 1990. — P. 509, 581.
- ³⁶⁸ G.Struve. Current Russian Literature: Vladimir Sirin // The Slavonic and East European Review. — 1934. — January. — XII. — No 35.
- ³⁶⁹ Г.Струве. О В.Сирине // Русский в Англии. — 1936. — 15 мая. — № 9. — С. 3.
- ³⁷⁰ В.В.Набоков. Письмо к Е.В.Саблину от 31 января 1937 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. E.V.Sablin Coll. Box 1. Cataloged correspondence.
- ³⁷¹ Е.В.Саблин. Письмо к В.В.Набокову от 2 февраля 1937 г. — Там же.
- ³⁷² В.В.Набоков. Письмо к Е.В.Саблину. Б.д. — Там же.
- ³⁷³ А.Я.Гальперн. Письмо к Е.В.Саблину от 24 февраля 1937 г. — Там же.
- ³⁷⁴ См. библиогр.: Gleb Struve: A Bibliography /Compiled by Robert P.Hughes // California Slavic Studies /Eds. N.V.Riasanovsky, G.Struve, Thomas Eekman. — Berkeley: University of California Press, 1980. — Vol. XI. — P. 269-317. В этой библиографии указана статья: Г.Струве. Владимир Сирин-Набоков. К его вечеру в Лондоне 20-го февраля // Русский в Англии. — 1936. — 16 февраля. Год выступления Набокова в Лондоне указан ошибочно, так же как и число (газета выходила 15 и 30 (31) числа каждого месяца). В номере газеты за 15 февраля 1936 г. (№ 3) материалов о Набокове нет. К сожалению, номер газеты за февраль 1937 г., где, видимо, должна находиться статья о выступлении Набокова в Лондоне, обнаружить в архивах не удалось. Более ранняя статья Г.Струве "О Сирине" выходила в № 9 газеты "Русский в Англии" за 15 мая 1936 г.
- ³⁷⁵ В.Набоков. Другие берега // Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 281.
- ³⁷⁶ Там же. — С. 281.
- ³⁷⁷ V.Nabokov. Speak, Memory. — 1966. — P. 271.
- ³⁷⁸ В.В.Набоков. Письмо к Н.И. и Е.В.Саблиным из Парижа. Б.д. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. E.V.Sablin Coll.
- ³⁷⁹ В.В.Набоков. Письмо к В.Е.Набоковой от 20 февраля 1937 г. // Vladimir Nabokov: Selected Letters: 1940-1977 /Ed. by Dmitri Nabokov and Matthew J.Brucoli. — San Diego: New York: London: Montreux, 1968. — P. 18. Видимо, в письме ошибочно указан месяц его написания, так как 20 февраля Набоков находился в Лондоне.
- ³⁸⁰ В.В.Набоков. Письмо к В.Е.Набоковой от 30 марта 1937 г. — Ibid. — P. 21.
- ³⁸¹ В.В.Набоков. Письмо к В.Е.Набоковой от 15 апреля 1937 г. — Ibid. — P. 23.
- ³⁸² В.Набоков. Другие берега // Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 281-82.
- ³⁸³ V.Nabokov. Speak, Memory. — 1966. — С. 271.
- ³⁸⁴ V.Nabokov. The Real Life of Sebastian Knight. — Norfolk (Conn.): New Directions, 1941.
- ³⁸⁵ В.Набоков. Истинная жизнь Себастьяна Найта // В.Набоков. Романы. — М., 1991. — С. 52.
- ³⁸⁶ См. коммент. А.Долинина к описанию библиотеки Набокова (В.Набоков. Романы. — М., 1991. — С. 405).
- ³⁸⁷ Г.М.Бонгард-Левин. Академик М.И.Ростовцев и русская эмиграция // Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940. — В 2 кн. /Под общей ред. академика Е.П.Чельщикова и проф. Д.М.Шаховского. — М.: Наследие, 1994. — Кн. 1. — С. 134.
- ³⁸⁸ V.Nabokov. Interview with Alfred Appel // V.Nabokov. Strong Opinions. — 1973. — P. 63.
- ³⁸⁹ V.Nabokov. Strong Opinions. — 1973. — P. 106.
- ³⁹⁰ Professor Vladimir Nabokov interviewed by David Holmes 5 November 1959. Subject: "Lolita". — Nabokov Archive. New York Public Library. Special Collections. Berg Coll. Folder No 0941095.
- ³⁹¹ В.Набоков. Другие берега // Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 133.
- ³⁹² В.Набоков. Собр. соч.: В 5 т. — СПб., 1997. — Т. 2. — С. 385.
- ³⁹³ Prof. Vladimir Nabokov interviewed by David Holmes. 5 November 1959. Subject: "Lolita". — Nabokov Archive. New York Public Library. Special Collections. Berg Coll. Folder No 0941095.

- ³⁹⁴ В.В.Набоков. Другие берега //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 134.
- ³⁹⁵ В.Набоков. Собр. соч.: В 5 т. — СПб., 1997. — Т. 2. — С. 386.
- ³⁹⁶ Professor Vladimir Nabokov interviewed by David Holmes. 5 November 1959. Subject: "Lolita". — Nabokov Archive. New York Public Library. Special Collections. Berg Coll. Folder No. 0941095.
- ³⁹⁷ Carl R. Proffer. Nabokov's Russian "Lolita" //Russian Literature and American Critics /Ed. by Kenneth N. Brostrom. — Ann Arbor, 1984. — P. 249-263; Jane Grayson. Nabokov Translated: A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose. — Oxford University Press, 1977.
- ³⁹⁸ Поэма В.Набокова "Разговор" была впервые опубликована в парижской газете "Россия" за 14 апреля 1928 г. См. публикацию поэмы в кн.: В.В.Набоков. Стихотворения и поэмы. — М., 1991. — С. 401.
- ³⁹⁹ В.Набоков. Посещение музея //Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — С. 359.
- ⁴⁰⁰ Там же. — С. 358.
- ⁴⁰¹ В.В.Розанов. Мимолетное. — М.: Республика, 1994. — С. 454.
- ⁴⁰² Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. — 1991. — С. 400. Впервые опубли. в газете "Россия" 14 апреля 1928 г.
- ⁴⁰³ Г.Струве. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. — Paris, YMCA-Press, 1984. — С. 286-287.
- ⁴⁰⁴ Там же. — С. 288.
- ⁴⁰⁵ V.Nabokov. Interview with Alfred Appel, Jr, Nabokov's student at Cornell University in 1954 /Strong Opinions. — 1973. — P. 102.
- ⁴⁰⁶ V.Nabokov. Strong Opinions. — 1973. — P. 139.
- ⁴⁰⁷ А.В.Чаянов. Письмо к А.С.Яценко от 20 июля 1922 г. // А.Флейшман, Р.Хьюз, О.Раевская-Хьюз. Русский Берлин: 1921-1923: По материалам архива Б.И.Николаевского в Гугеровском институте. — Париж: YMCA-Press, 1983. — С. 305.
- ⁴⁰⁸ А.В.Чаянов. Письмо к Е.Д.Кусковой от 12-13 августа 1922 г. — ГАРФ. Архив Е.Д.Прокопович-Кусковой. Ф 5865, оп. 1, ед. хр. 548. Далее, где нет ссылки, цитируются письма из этого же архивного собрания.
- ⁴⁰⁹ М.В.Брайкевич являлся в Англии членом комитета Русского Торгово-промышленного союза. А.В.Тыркова характеризовала его довольно резко: "Был октябристом, кадетом, почти эсером. Это уж очень для меня размашисто. А главное, в основе лукавый делец" (Письмо А.В.Тырковой-Вильямс к Е.Д.Кусковой от 12 октября 1922 г. — ГАРФ, Ф 5865, оп. 1, ед.хр. № 506).
- ⁴¹⁰ А.В.Тыркова. Письмо к Е.Д.Кусковой от 12 октября 1922 г. — ГАРФ, Ф 5865, оп. 1, ед.хр. № 506.
- ⁴¹¹ А.В.Тыркова. Письмо к Е.Д.Кусковой от 18 октября 1922 г. — Там же.
- ⁴¹² Письма М.А.Осоргина [Ильина] к Е.Д.Кусковой, в которых автор интересуется судьбой А.В.Чаянова, приводятся в публикации: Р.М.Янгиров. Материалы к литературной биографии А.В.Чаянова. — Лит. обозрение. — 1996. — № 5/6 (259-260). — С. 90-95.
- ⁴¹³ А.В.Чаянов. Письмо к Е.Д.Кусковой [Б.д.]. — ГАРФ. Архив Е.Д.Кусковой. Ф 5865, оп. 1, ед. хр. 548.
- ⁴¹⁴ А.В.Чаянов. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии //А.В.Чаянов. Венецианское зеркало: Повести. /Вступит. ст. и примеч. В.Б.Муравьева. — М.: Современник, 1989. — С. 199.
- ⁴¹⁵ Деятельность Б.Пильняка в ПЕН-клубе и история текста романа "Третья столица" рассматриваются в публикациях: О.А.Казнина. Борис Пильняк и ПЕН-клуб //Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения: (По материалам научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения писателя). ИМЛИ им. М.Горького. РАН. — М.: Наследие, 1995. — С. 134-152; О.А.Казнина. Английский эпизод в биографии и творчестве Бориса Пильняка //Там же. — С. 187-206.
- ⁴¹⁶ К.Чуковский. Дневник: 1901-1929. — М.: Советский писатель, 1991. — С. 239. Ранее цит. в статье: Excerpts from the Diaries of Korney Chukovsky Relating to Boris Pilniak /Translated and edited by Vera T.Reck //California Slavic Studies. — 1980. — Vol. XI. — P. 191.
- ⁴¹⁷ Б.А.Пильняк. Письмо к А.М.Ремизову от 2 апреля 1923 г. // "Не верю я ни в какие "промыслы" — ни в божьи, ни коммунистические": К 100-летию со дня рождения Бориса Пильняка: Из писем двадцатых годов /Публикация Б.Б.Андроникашвили-Пильняка //Литературная газета. — 1994. — 5 октября. — № 40 (5520). — С. 6. Ранее цитировалось в публикации: David Lowe. Unpublished Letters from Pilniak and Ivanov-Razumnik to Remizov //Russian Literature Triquarterly. — 1974. — Winter. — № 8. — P. 491-94.

- ⁴¹⁸ Б. Андроникашвили-Пильняк. Два изгоя, два мученика: Б. Пильняк и Е. Замятин // *Экзотика*. — 1994. — № 9. — С. 130.
- ⁴¹⁹ Б. А. Пильняк. Письмо к Е. И. Замятину от 2 мая 1923 г. // Там же. — С. 131.
- ⁴²⁰ Б. А. Пильняк. Письмо к И. М. Касаткину. Б. д. // Там же.
- ⁴²¹ Б. А. Пильняк. Письмо к Д. А. Лутохину от 14 июля 1922 г. // *Русская литература*. — 1989. — № 2. — С. 228.
- ⁴²² [Рубрика] Писатели // *Новая русская книга*. — 1923. — Май-июнь. — № 5/6. — С. 52.
- ⁴²³ Minutes of the International Executive Committee of the PEN. Meeting of PEN Executive Committee. 18 June, 1923. [Протоколы Международного Исполнительного Комитета ПЕН-клуба. Заседание Исполнительного комитета от 18 июня 1923 г.]
- ⁴²⁴ Письмо М. Горького к В. Ф. Ходасевичу от 13 июня 1923 г. // *Новый журнал*. — 1952. — № 29. — С. 210. Редколлегия журнала указывает, что публикуемые копии писем М. Горького, полученные от Н. Н. Берберовой, сверены с оригиналами, хранящимися в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне.
- ⁴²⁵ Письмо В. Ф. Ходасевича к М. Горькому от 28 июня 1923 г. — ИМЛИ. Архив М. Горького. КГ-П-83-8-12. Благодарю И. А. Бочарову за указание на это письмо.
- ⁴²⁶ Письмо М. Горького к В. Ф. Ходасевичу от 13 июня 1923 г. // *Новый журнал*. — 1952. — № 29. — С. 210.
- ⁴²⁷ Minutes of the International Executive Committee of the PEN. 25 June 1923. [Протоколы Международного Исполнительного Комитета ПЕН-клуба. Заседание Исполнительного комитета от 25 июня 1923 г.] — PEN International, London (Архив Международного комитета ПЕН-клуба в Лондоне); M. Watts. The Early Years: 1921-1926. — L.: Archive Press; Hampstead, 1971. — P. 26.
- ⁴²⁸ М. Горький. Письмо к В. Ф. Ходасевичу от 4 июля 1923 г. // *Новый журнал*. — 1952. — № 29. — С. 211.
- ⁴²⁹ См. также гл. о Бунине.
- ⁴³⁰ Minutes of the Meeting of P.E.N. Club Executive Committee, 12 October 1923. [Протоколы заседания Исполнительного комитета ПЕН-клуба от 12 октября 1923 г.] — PEN International, London (Архив Международного комитета ПЕН-клуба в Лондоне).
- ⁴³¹ Некоторое время Хатберг Райт жил в России, где получил образование. Он собрал замечательную коллекцию русских книг, которую завещал руководимой им Лондонской библиотеке. Д. П. Святополк-Мирский, критик строгий и компетентный, оценил эту коллекцию как лучшее собрание русских книг в Англии (D. Mirsky. Contemporary Russian Literature. — L., 1926. — P. X). Библиотекой пользовались многие русские, в частности А. В. Тыркова, когда писала "Жизнь Пушкина".
- ⁴³² Д. Голсуорси. Письмо к Э. Дюсон-Скотт от 22 декабря 1924 г. // Marjorie Watts. P.E.N. The Early Years: 1921-1926. — L.: 1971. — P. 28.
- ⁴³³ Д. Голсуорси. Письмо к Э. Дюсон-Скотт от 12 октября 1927 г. // Marjorie Watts. Mrs. Sappho: The Life of C.A. Dawson Scott Mother of International PEN /Foreword by Francis King. — L.: Duckworth, 1987. — P. 118.
- ⁴³⁴ Цит. по кн.: Peter Alberg Jensen. Nature as Code: The Achievement of Boris Pilniak: 1915-1924. — Copenhagen, 1979. — P. 54. В следующем письме жене Пильняк упрекал своих московских друзей в том, что они не пишут ему в Лондон. Ему хотелось знать новости, в особенности его интересовало, что пишут о нем критики, не ругают ли его.
- ⁴³⁵ Б. А. Пильняк. Письмо к К. И. Чуковскому от 11 июня 1923 г. — Архив Б. Б. Андроникашвили-Пильняка; письмо частично цит. в кн.: P.A. Jensen. Nature as Code. — 1979. — P. 54, 344.
- ⁴³⁶ Б. Пильняк. Отрывки из "повести в письмах", которую скучно кончить // Б. Пильняк. Английские рассказы. — М.-Л.: Круг, 1924. — С. 90.
- ⁴³⁷ Б. Пильняк. Заволочье // Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. — М.-Л.: Круг. — С. 147.
- ⁴³⁸ Б. Пильняк. Английские рассказы. — М.-Л.: Круг, 1924. — С. 90.
- ⁴³⁹ Д. Мирский. О современном состоянии русской поэзии // D. Mirsky. UWRL. — P. 88; 112.
- ⁴⁴⁰ Американское "Издательство Столетия" предложило Пильняку две тысячи долларов за издание перевода романа "Голый год" с комментариями. Впервые роман вышел по-английски в 1928 г. в Нью-Йорке в переводе Алека Брауна (Boris Pilnyak. The Naked Year. — New York, 1928 /Preface by George Solovaychik). См.: Б. Пильняк. Письмо к К. И. Чуковскому от 28 августа 1923 г. // P.A. Jensen. Nature as Code. — 1979. — P. 56.
- ⁴⁴¹ Boris Pilniak. Tales of Wilderness /Translated by F.O'Dempsey; Introd. by D. Mirsky. — L.: George Routledge & Sons, 1924. — Pp. VII-XXXI.

⁴⁴² Ребекка Уэст формально не была женой Г.Уэллса. Он был старше нее на 26 лет, был женат и кроме того за годы близости с нею имел другие романы. На все это и намекает Пильняк.

⁴⁴³ Б.Андроникашвили-Пильняк. Два изгоя, два мученика: Б.Пильняк и Е.Замятин // Знамья. — 1994. — № 9. — С. 132. В своих комментариях автор публикации высказывает предположение, что в письмах Замятину, который любил и знал Англию, Пильняк старался представить свою поездку в прозаическом свете, чтобы не вызвать у него зависти.

⁴⁴⁴ Из письма Е.И.Замятину от 8 октября 1923 г.: "У него <Пильняк> есть английская жена, которая скоро, вероятно, сюда, в Россию придет" (Знамья. — 1994. — № 9. — С. 135). См. также воспоминания сына Пильняка: "В Англии он был впервые, встречался там с Уэллсом, Шоу, влюбился в англичанку. Эта женщина бросила семью и переехала в Англию жить к Пильняку" (Литературная газета. — 1994. — 5 октября. — № 40 (5520). — С. 6). Вернувшись в Россию, Пильняк возобновил свой роман с актрисой О.С.Щербиновской, на которой вскоре женился.

⁴⁴⁵ Письмо Б.Пильняка к А.В.Бахраху от 11 августа 1923 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhtmeteff Archive. A.Bacherac Coll. Box 3. Correspondence.

⁴⁴⁶ Б.Пильняк. Отрывки из дневника // Писатели об искусстве и о себе. Сборник статей № 1. — М.-Л.: Круг, 1924. — С. 79. Конец записи датирован: Никола-на-Посадах. Сентябрь, 1923 г. Эта же запись с некоторыми изменениями помещена в "Материалах к роману" в виде письма, датированного 1917 г. (Красная новь. — 1924. — № 1. — С. 27).

⁴⁴⁷ Б.Пильняк. Отрывки из дневника // Там же. — С. 81.

⁴⁴⁸ Б.Пильняк. Письмо к К.И.Чуковскому от 28 августа 1923 г. // P.A.Jensen. Nature as Code. — 1979. — P. 56.

⁴⁴⁹ Б.Пильняк. Письмо к Д.А.Лухину от 10 сентября 1923 г. // Знамья. — 1994. — № 9. — С. 133.

⁴⁵⁰ Б.Пильняк. Отрывки из дневника. — 1924. — С. 83.

⁴⁵¹ В публикации Б.Б.Андроникашвили-Пильняка "Два изгоя, два мученика..." дается анализ влияния английской поездки на Пильняка. Автор пишет: "Пильняк вернулся из Англии другим", он сбросил с себя российскую неопределенность, приобрел европейские взгляды, впитал свойственное европейской и, в особенности, английской культуре уважение к личности. Он осознал весь ужас революции как очередного в России насилия над личностью, начавшегося еще с Петра Первого. Прояснение своих позиций позволило ему твердо выразить свое отношение к коммунистической партии России (Знамья. — 1994. — № 9. — С. 133).

⁴⁵² Б.Пильняк. Отрывки из дневника. — 1924. — С. 80.

⁴⁵³ Б.Пильняк. "Speranza": Рассказ // Красная новь. — 1923. — № 6. — С. 33-47.

⁴⁵⁴ Б.Пильняк. Старый сыр. — Красная новь. — 1923. — № 47. — С. 2-6.

⁴⁵⁵ Б.Пильняк. Отрывки из "повести в письмах", которую скучно кончить // Б.Пильняк. Английские рассказы. — М.-Л.: Круг, 1924. — С. 63-92.

⁴⁵⁶ D.Mirsky. Contemporary Russian Literature: 1881-1925. — L., 1926. — P. 310.

⁴⁵⁷ Б.Пильняк. Великая Британия: (очерки) [I-III] // Известия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и Всероссийского Исполнительного Комитета Советов. — 7 октября 1923 г. — № 228 (1965). — С. 2; Б.Пильняк. Лондон: (очерки современной Англии) [IV-V] // Известия. — 24 октября 1923 г. — № 243 (1980). — С. 3-4. В рассказ "Отрывки из повести в письмах" внесены незначительные стилистические изменения.

⁴⁵⁸ В рассказе "Старый сыр" есть еще один образ, в котором приметы английской цивилизации соединяются с приметами допетровской российской истории. Описывая гражданскую войну, Пильняк упоминает идущие из-за Урала через степь Белые армии: они одеты в английскую униформу, но при этом не бреют бороды и носят кресты старообрядцев.

⁴⁵⁹ Бор.Пильняк. Никола-на-Посадах. Рассказы. Книга 3. — М.-Пг.: Круг, 1923. — С. 105-227.

⁴⁶⁰ Бор.Пильняк. Повести // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — Никола-на-Посадах: Изд. автора, 1924.

⁴⁶¹ Новая русская книга. — 1922. — № 2. — С. 42.

⁴⁶² Б.Пильняк. Третья столица // Круг: Альманах. — 1923 г. — Кн. 1. — С. 266.

⁴⁶³ Б.Пильняк. Третья столица. Повести и рассказы / Сост., вступ. статья и примеч. Б.Б.Андроникашвили-Пильняка. — М.: Русская книга, 1992. — С. 143.

⁴⁶⁴ Б.Пильняк. Английские рассказы. — М.-Л.: Круг, 1924. — С. 80, 88.

⁴⁶⁵ Очерк "Заграница", законченный 9 апреля 1922 г., посвящен А.М.Ремизову. В очерке обрисована атмосфера русского Берлина, описаны встречи с А.Толстым, Андреем Белым, А.Яценко и другими. "Заграница" содержит намек на замысел будущей "Третьей столицы", а также

замечания об Англии: "Заводы Англии стоят, английский флот портится в портах, — Англия задыхается в своих фирстах". В письме к А.Яценко Пильняк определяет жанр "Заграницы" как "очерко-рассказо-статья".

⁴⁶⁶ Б.Пильняк. Третья столица. Повести и рассказы /Сост., вступит. статья и прим. Б.Б.Андроникашвили-Пильняка. — М.: Русская книга, 1992. — С. 104-105. В этом издании опубликована первоначальная редакция романа.

⁴⁶⁷ Там же. — С. 105.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Дым от угля в сочетании с повышенной влажностью столетиями был причиной знаменитого "лондонского тумана" — смога. В конце 1950-х годов с переходом на газовое отопление англичане постепенно отказались от использования угля в своих каминах, и лондонские туманы с тех пор не отличаются прежней густотой.

⁴⁷⁰ Б.Пильняк. Машины и волки. — Л.: Госиздат, 1925; Собр. соч.: В 8 т. — Т. 2.

⁴⁷¹ Б.Пильняк. Отрывки из дневника //Писатели об искусстве и о себе. Сборник статей № 1. — М.-Л.: Круг, 1924. — С. 81.

⁴⁷² Литературная Россия. Сб. /Под ред. В.Лидина. — М.: Новые веки, 1924. — С. 257-9; Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков /Под ред. В.Лидина. — М.: Современные проблемы, 1926. — С. 231-3.

⁴⁷³ Продолжение цитаты, не вошедшее в опубликованный текст, цит. по рукописи в кн.: P.A.Jensen. Nature as Code. — 1979. — P. 58.

⁴⁷⁴ А.К.Воронский. Из переписки с советскими писателями /Вступит. статья и публикация Е.А.Динерштейна //Из истории советской литературы 1920-1930-х годов: Новые исследования и материалы. — М.: Наука, 1983. — Литературное наследство. — Т. 93. — С. 575. Далее: Лит. наследство. — Т. 93.

⁴⁷⁵ Н.Никитин. Рвотный форт: Рассказы. — М.-Пг.: ГИЗ, 1922. — С. 104-105.

⁴⁷⁶ Лит. наследство. — Т. 93. — С. 576.

⁴⁷⁷ Н.Никитин. Письмо к А.К.Воронскому от 11 апреля 1923 г. из Петербурга //Лит. наследство. — Т. 93. — С. 585.

⁴⁷⁸ D.S.Mirsky. Contemporary Russian Literature: 1881-1925. — L., 1926. Цит. по кн.: D.S.Mirsky. Uncollected Writings on Russian Literature /Ed. with an Introd. and Bibliography by G.S.Smith. — Berkeley, 1989. — P. 186.

⁴⁷⁹ Лит. наследство. — Т. 93. — С. 575.

⁴⁸⁰ Письмо В.Ф.Ходасевича к М.Горькому от 28 июня 1923 г. — ИМЛИ РАН. Архив М.Горького. КГ-П-83-8-12.

⁴⁸¹ Н.Никитин. Письмо к А.К.Воронскому от 20 июля 1923 г. //Лит. наследство. Т. 93. — С. 589.

⁴⁸² Лит. наследство. — Т. 93. — С. 595.

⁴⁸³ Н.Н.Никитин. Сейчас на Западе: Берлин — Рур — Лондон. — Л.-М., 1924. Часть IV. Английские зеркала. Очерки под названием "Английские зеркала" публиковались позднее в авторском сборнике "Лирическая земля: Рассказы и очерки". В наст. исследовании ссылки даются по более позднему изданию.

⁴⁸⁴ Н.Н.Никитин. Лирическая земля: Рассказы и очерки. — Л.: Мысль. Б.г. [1927]. — С. 214, 218.

⁴⁸⁵ Там же. — С. 242.

⁴⁸⁶ Лит. наследство. — Т. 93. — С. 595.

⁴⁸⁷ A.Bakshy. The Philosophy of Vladimir Solovyov. — Aberdeen University Press, 1916.

⁴⁸⁸ A.Bakshy. The Path of the Modern Russian Stage, and Other Essays. — L.: Palmer & Haywood, 1916.

⁴⁸⁹ A. Bakshy. Modern Theatre. — L., 1923.

⁴⁹⁰ M.Gorky. Magnet /Transl. by A.Bakshy. — L.: Cape, 1931 (Вторая часть тетралогии "Жизнь Клима Самгина"). M.Gorky. Other Fires /Transl. by A.Bakshy. — NY: Appleton, 1933. (Третья часть тетралогии "Жизнь Клима Самгина"). M.Gorky. The Specter /Transl. by A.Bakshy. — NY & L.: Appleton, 1938. (Четвертая часть тетралогии "Жизнь Клима Самгина"). Первая часть была переведена В.Г.Гурнеу и опубликована в Лондоне в издательстве "Cape" в 1930 г.

⁴⁹¹ Е.Замятин. "Полпред Никитин" — критика книги Никитина об Англии //Современный Запад. — 1924. — № 1. См. также: Русский Современник. — Август 1924. — № 2. — С. 287-8; Е.Замятин. Сочинения. Из литературного наследия /Послссл. М.О.Чудаковой; Коммент. Евг. Барабанова. — М.: Книга, 1988. — С. 508.

⁴⁹² Russian Literature Triquarterly. — 1974. — Winter. — N 7. — P. 428. Preface and Notes by Gary Kern. В публикации указано, что эпитафии публикуются впервые. Ссылки на оригиналы отсутствуют.

⁴⁹³ Валентина Ходасевич, Ольга Марголина-Ходасевич. Неизданные письма к Н.Н.Берберовой. Valentina Khodasevich and Olga Margolina-Khodasevich. Unpublished letters to Nina Berberova /Ed. by R.D.Sylvester. — Berkeley, 1979. — P. 59.

⁴⁹⁴ Письмо В.М.Ходасевич к Н.Н.Берберовой от 29 августа 1924 г. — Там же. — С. 62.

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ Письма Максима Горького к В.Ф.Ходасевичу: 1922-1925 //Новый журнал. — 1952. — № 29. — С. 207.

⁴⁹⁷ Письма Максима Горького к В.Ф.Ходасевичу: 1922-1925 //Новый журнал. — 1952. — № 30. — С. 194.

⁴⁹⁸ Письма Максима Горького к В.Ф.Ходасевичу: 1922-1925 //Новый журнал. — 1952. — № 31. — С. 196.

⁴⁹⁹ Там же. — С. 198.

⁵⁰⁰ Там же. — С. 203.

⁵⁰¹ В Париже, в архиве Н.А.Лапиной (Вайнфельд) обнаружено еще одно письмо, которое Цветаева написала из Лондона своей соседке по парижской квартире. См.: Е.И.Лубяникова. О неизвестном письме М.Цветаевой из Лондона. Тезисы доклада. — Ленинград, сентябрь 1984.

⁵⁰² Исследование взаимоотношений Д.П.Святополк-Мирского и М.И.Цветаевой, а также описание ее визита в Лондон см. в публикации: Дж. Смит. Марина Цветаева и Д.П.Святополк-Мирский //Proceedings of the Tsvetaeva colloquium. Lausanne, 30 June — 3 July, 1982 /Ed. Robin Kemball et al. (М.И.Цветаева. Труды 1-го международного симпозиума (Лозанна, 30.VI-3.VII.1982) /Под ред. Робина Кембалла в сопр. с Е.Г.Эткингом и А.М.Геллером). — Bern; Berlin; Frankfurt; New-York; Paris; Wien, 1991. — С. 192-206.

⁵⁰³ D.Mirsky. A Russian Letter: Recent Developments in Poetry: Poetry and Politics /The London Mercury. — 1921. — VI. IV. — No 19. — P. 414.

⁵⁰⁴ Д.Мирский. О современном состоянии русской поэзии //D.Mirsky. UWRL. — P. 108-109.

⁵⁰⁵ Кн. Д.П.Святополк-Мирский. Предисловие //Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. — Париж, 1924. — С. XII. Предисловие датировано 8 августа 1923 г. А.В.Тыркова-Вильямс, которая была высокого мнения о таланте Д.Мирского, критически оценила состав антологии и предисловие к ней (G.S.Smith. D.S.Mirsky: Four Letters to Ariadna Tyrkova-Williams (1926), with an Unknown Review by Ariadna Tyrkova-Williams (1924). — The Slavonic and East European Review. — 1993. — 71. — 3).

⁵⁰⁶ D.S.Mirsky. Contemporary Russian Literature: 1881-1925. — L., 1926. — P. 263. Это высказывание Д.Мирского цитирует Г.Струве в своей книге "Русская литература в изгнании". — Париж, 1984. — С. 156.

⁵⁰⁷ Современные записки. — 1926. — № 27. — С. 569-72; Slavonic Review. — 1926. — Vol. IV. № 12. — P. 775-76.

⁵⁰⁸ Воля России. — 1926. — № 6/7. — С. 102.

⁵⁰⁹ Д.П.Святополк-Мирский. Поэты и Россия //Версты. — 1926. — №1. — С. 145-146.

⁵¹⁰ D.Mirsky. Marina Tsvetaeva //The New Statesman. — 1926. — 27 February. — Vol. XXVI. — No 670. — P. 611-13; D.Mirsky. UWRL. — P. 220.

⁵¹¹ G.S.Smith. D.S.Mirsky: Four Letters to Ariadna Tyrkova-Williams (1926), with an Unknown Review by Ariadna Tyrkova-Williams (1924) //The Slavonic and East European Review. — 1993. — 71. — 3. — P. 482-9.

⁵¹² G.S.Smith. The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinsky: 1922-31 //Birmingham Slavonic Monographs. — No 26. — 1995. — P. 44. В письме упоминается пианист Николай Андреевич Орлов (1892-1964).

⁵¹³ М.И.Цветаева. Письмо к Д.А.Шаховскому от 8 марта 1926 г. //М.И.Цветаева. Неизданные письма: К А.Эллису, В.Розанову, А.Ахматовой, О.Черновой, Ф.Сосинскому, А.Пастернаку, Б.Пастернаку, В.Бунину и др. с четырьмя приложениями /Под ред. Г.Струве и Н.Струве. — Париж: YMCA-Press, 1972. — С. 358-359.

⁵¹⁴ Письма М.И.Цветаевой из архива П.П.Сувчинского /Публикация, коммент. и примеч. Ю.Клюкина, В.Козового и А.Мнухина //Revue des Etudes Slaves. — 1992. — Vol. LXIV. — № 2. — P. 188. Публикация перепечатана с испр. и доп. в журнале "Новый мир" (1993. — № 1. — С. 197-217).

- ⁵¹⁵ М.И.Цветаева. Письмо к Ю.П.Иваску от 4 июня 1934 г. // Письма Марины Цветаевой к Р.Н.Ломоносовой (1928-1931) / Публикация Ричарда Дэвиса; Подгот. текста Лидии Шоррокс / / Минувшее: Исторический альманах. — 1989. — № 8. — С. 249.
- ⁵¹⁶ М.И.Цветаева. Письмо к Р.Н.Ломоносовой от 13 февраля 1931 г. // Письма Марины Цветаевой к Р.Н.Ломоносовой (1928-1931) // Минувшее. — 1989. — № 8. — С. 208-273.
- ⁵¹⁷ М.И.Цветаева. Письмо к П.П.Сувчинскому от 15 марта 1926 г. // Письма М.И.Цветаевой из архива П.П.Сувчинского // *Revue des Etudes Slaves*. — 1992. — Vol. LXIV. — № 2. — P. 191-93.
- ⁵¹⁸ Там же. — С. 361.
- ⁵¹⁹ Дж.Смит. Марина Цветаева и Д.П.Святополк-Мирский // *Proceedings of the Tsvetaeva colloquium, Lausanne, 30 June — 3 July, 1982*. — 1991. — С. 205.
- ⁵²⁰ Письма М.И.Цветаевой из архива П.П.Сувчинского // *Revue des Etudes Slaves*. — 1992. — Vol. LXIV. — N 2. — P. 191-193. По сообщению публикаторов, Цветаева читала на вечерах не только свои стихи, но и стихи Б.Пастернака. Источник этих сведений не указан. Из письма Б.Пастернака, цитируемого ниже в тексте главы следует, что Цветаева читала также стихи А.Ахматовой.
- ⁵²¹ G.S.Smith. The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinsky: 1922-31. — 1995. — P. 53.
- ⁵²² Письма М.И.Цветаевой из архива П.П.Сувчинского // *Revue des Etudes Slaves*. — 1992. — Vol. LXIV. — N 2. — P. 190.
- ⁵²³ Marjorie Watts. P.E.N. The Early Years: 1921-1926. — L.: Archive Press, Hampstead, 1971.
- ⁵²⁴ М.И.Цветаева. Письмо к Д.А.Шаховскому от 8 марта 1926 г. // М.И.Цветаева. Незданные письма. — 1972. — С. 358.
- ⁵²⁵ Там же. В прим. на с. 374 делается предположение, что это была книга о Франциске Ассизском. Цветаева по-английски не читала.
- ⁵²⁶ М.И.Цветаева. Письма к Анне Тесковой. — Иерусалим, 1982. — С. 38.
- ⁵²⁷ D.Mirsky. The Present State of Russian Letters // D.Mirsky. UWRL. — P. 249.
- ⁵²⁸ М.И.Цветаева. Письма к А.Шестову от 28 июня, 9 и 31 июля 1927 г. // М.И.Цветаева. 9 писем к Льву Шестову // *Вестник Русского Христианского движения*. — 1979. — № 129. — С. 127-130.
- ⁵²⁹ G.S.Smith. The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinsky: 1922-31. — 1995. — P. 107.
- ⁵³⁰ Лекция опубликована в сб.: W.Rose, J.Isaaks. Contemporary Movements in European Literature. — L., 1928. — P. 166. См. также D.Mirsky. UWRL. — P. 173.
- ⁵³¹ Евгений Дубнов. Небом и землею. — L.: Amber Press, 1984. — P. 89.
- ⁵³² Там же.
- ⁵³³ М.И.Цветаева. Письмо к С.Андрониковой от 15 июля 1926 г. // Из писем Марины Цветаевой к Саломее Андрониковой-Гальперн / Публикация Г.П.Струве // *Вестник Русского Христианского Движения*. — 1983. — № 138. — С. 168. См. также: Минувшее. — 1989. — № 8. — С. 249: "Почему я не в Лондоне?" / Подгот. текста, публикация и примеч. Е.И.Лубянской и И.Д.Шевеленко // *Звезда*. — 1992. — № 10. — С. 32-33.
- ⁵³⁴ В.Лосская. Марина Цветаева в жизни: Незданные воспоминания современников. — Тельав, 1989. — С. 104-106. То же: Новое, испр. изд. — М.: Культура и традиции, 1992. — С. 106-109.
- ⁵³⁵ Л.Н.Васильева. Альбион и тайна времени: рассказы об Англии. — 2-е изд., доп. — М.: Современник, 1983. — С. 222.
- ⁵³⁶ М.И.Цветаева. Незданные письма. — 1972. — С. 317.
- ⁵³⁷ М.И.Цветаева. Ночевка в коммуне // М.И.Цветаева. Стихотворения и поэмы. — Нью-Йорк, 1982. — Т. 2: 1917-1922. — С. 329.
- ⁵³⁸ М.И.Цветаева. Письмо В.Ф.Ходасевичу от 15 апреля 1934 г. // Письма Марины Цветаевой / Публикация, подгот. текста и вступ. заметка А.С.Эфрон; Коммент. А.А.Саакянц // *Новый мир*. — 1969. — № 4. — С. 205-206.
- ⁵³⁹ М.И.Цветаева. Письма к Анне Тесковой. — 1982. — С. 83.
- ⁵⁴⁰ George Lomonosoff. Memoirs of the Russian Revolution. — New York, 1919.
- ⁵⁴¹ Р.Н.Ломоносова в тот момент находилась в Берлине. См.: Письма Марины Цветаевой к Р.Н.Ломоносовой (1928-1931) // Минувшее. — 1989. — № 8. — С. 211.
- ⁵⁴² Там же. — С. 224, 242-3.
- ⁵⁴³ Там же. — С. 209.
- ⁵⁴⁴ Б.А.Пастернак. Из письма к А.А.Ахматовой от 17 апреля 1926 г. // А.А.Ахматова. После всего / Предисл. Р.Д.Тименчика. — М.: МПИ, 1989. — С. 74.

- ³⁴⁵ Б.А.Пастернак. Письмо к А.А.Ахматовой от 1 ноября 1940 г. // Там же. — С. 136-37.
- ³⁴⁶ См. например: *Poems of Pasternak* /Translated by Lydia Pasternak-Slater. — L., 1984.
- ³⁴⁷ Письмо Д.П.Святополк-Мирского к Б.А.Пастернаку от 8 января 1927 г. // А.Флэшман. Из пастернаковской переписки. — *Slavica Hierosolymitana*. — 1981. — Vol. V-VI. — P. 535-541.
- ³⁴⁸ Версты. — 1928. — № 3. — С. 150-154.
- ³⁴⁹ Б.А.Пастернак. Переписка с Ольгой Фрейденберг /Ред. и предисл. Э.Моссмана. — Нью-Йорк: Лондон, 1981.
- ³⁵⁰ Минувшее. — 1989. — № 8. — С. 226.
- ³⁵¹ Там же. — С. 237.
- ³⁵² Isaiah Berlin. *Personal Impressions*. — Oxford University Press, 1982. — P. 171-172.
- ³⁵³ М.А. и Е.Б.Рашковские. Сонет Суинберна в переводе Б.Пастернака // Известия Отделения Литературы и языка. — 1984. — № 6.
- ³⁵⁴ А.И.Куприн. Письмо к А.В.Тырковой от 8 ноября 1921 г. — The British Museum. H. Williams Papers. ADD MS 54 439, 158.
- ³⁵⁵ А.И.Куприн. *Sasha, and other stories*. L., 1920. Под его собственным названием рассказ "Гамбринус" был издан в Америке в переводе Б.Г.Герни в 1926 г. По поводу издания перевода "Гамбринуса" в Англии см. письмо И.А.Бунина к А.В.Тырковой от 16 мая 1922 г. в гл. о Буине.
- ³⁵⁶ А.И.Куприн. Письмо к А.В.Тырковой от 8 ноября 1921 г. — The British Museum. H. Williams Papers. ADD MS 54 439, 158.
- ³⁵⁷ A.I.Kuprin. *Olessia: A Novel*. Transl. by A.E.Harrison. — L.: Sisley, 1909; *The Duel*. L.: Allen & Unwin, 1916.
- ³⁵⁸ A.I.Kuprin. *In Honour's Name*. Transl. by W.F.Harvey. — L.: Everett, 1907; *The River of Life and Other Stories*. Transl. by S.S.Koteliansky and J.M.Murry. — L.: Maunsell, 1916 (contains "Captain Ribnikov", "The Outrage", "The Witch"); *The Bracelet of Garnets, and Other Stories*. Transl. by L.Pasvolosky. — L.: Duckworth, 1919.
- ³⁵⁹ А.И.Куприн. Письмо к А.В.Тырковой. Б.д. — The British Museum. H. Williams Papers. ADD MS 54 439, 142. Les Halles — главный рынок в Париже.
- ³⁶⁰ The Russian Outlook. A Weekly newspaper dealing with Russian and Russo-British Affairs. London. 10 May 1919 — 18 September 1920. NN 1-72, 24 p. Edited and managed by Stafford C.Talbot. Address: 69 Fleet Street; 24/28 Lombard Street, London. Обнаружить в этом издании публикации А.И.Куприна к настоящему моменту не удалось.
- ³⁶¹ Famous Russian Writer on Bolshevik Regime. [А.И.Куприн.] *Workmen Against Bolsheviks* // *Bulletins of the Russian Liberation Committee*. — 1920. — 24 January. — № 48. — P. 4.
- ³⁶² Translator's introduction // *Yama: The Pit*, by A.Kuprin /Transl. from the original Russian by Bernard Guernsey. — L.: John Hamilton Ltd, 1930. — P. XIII. С этим переводчиком А.И.Куприн состоял в переписке: в предисловии Б.Герни приводится цитата из его письма.
- ³⁶³ С.А.Коновалов. Письмо к Е.Д.Кусковой от 13 мая [до 1935 г.]. — ГАРФ. Фонд Е.Д.Прокопович-Кусковой. Ф 5865, оп. 1., л. 92.
- ³⁶⁴ D.Mirsky. *Contemporary Russian Literature: 1881-1925*. — L., 1926. UWRL. — P. 182.
- ³⁶⁵ G.S.Smith. *Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S.Mirsky: 1924-1926*. — Oxford Slavonic Papers. New Series. — 1995. — № 28.
- ³⁶⁶ Hope Mirrieles. *The Counterplot*. — L., 1924; "Lud-in-the-Mist". — L., 1926.
- ³⁶⁷ *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself* /Transl. from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrieles, with a Preface by D.S.Mirsky. — L., 1924. Предисловие Мирского датировано: "Abbaye de Pontigny, August 1924".
- ³⁶⁸ J.Howard Woolmer. *A Checklist of The Hogarth Press: 1917-1946* /With a Short History of the Press by Mary E. Gaither. — 1986. — (St.Paul's Bibliographies). В первый год было продано 248 экземпляров издания, что для дорогой книги в те годы представляло значительный тираж. Книга была переиздана в 1963 г.
- ³⁶⁹ The Book of the Bear. Being twenty-one tales newly translated by J.E.Harrison and H.Mirrieles, the Pictures by Ray Garnett, with a Preface and Epilogue. — L.: Nonesuch Press, 1926. Книга разошлась в количестве 3000 экземпляров.
- ³⁷⁰ А.М.Ремизов. Воистину. Памяти Розанова // Версты. — 1926. — № 1. — С. 84.
- ³⁷¹ А.Ремизов. Огонь вещей. — М.: Сов. Россия, 1989. — С. 425.
- ³⁷² А.В.Тыркова. Письмо к Б.К.Зайцеву от 25 декабря 1957 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. B.K.Zaitsev Coll.

⁵⁷³ The Times Literary Supplement. — 1924. — 21 February. Статья перепечатана в прил. к ст. I. Zohrab. Remizov, Williams, Mirsky and English readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews) // New Zealand Slavonic Journal. — 1994. — P. 259-287.

⁵⁷⁴ A.M. Remizov. The clock and Three prose lyrics from Shumy Goroda /Transl. by J. Coumos. — L.: Chatto & Windus, 1924.

⁵⁷⁵ R.D. Charque. The Clock: (The Clock. By Alexei Remizov /Authorized transl. by John Coumos. — Chatto & Windus) // The Times Literary Supplement, 30 October 1924. Рецензия перепечатана в прил. к ст.: Irene Zohrab. Remizov, Williams, Mirsky and English readers // New Zealand Slavonic Journal, 1994. — P. 259-287.

⁵⁷⁶ Fifth Pestilence, together with The history of the tinkling cymbal and sounding brass, Ivan Semyonovich Stratilatov /Transl. with a preface by A. Brown. — New York, 1928.

⁵⁷⁷ А.М. Ремизов. Письмо к Г.Г. Кульману от 3 августа 1932 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. N.M. Zernov Coll.

⁵⁷⁸ А. Ремизов. Огонь вещей. — М., 1989. — С. 324.

⁵⁷⁹ И.С. Шмелев. Письмо к И.В. Шкловскому от 23 ноября 1922 г. — РГАЛИ. Фонд И.В. Шкловского. Ф 1390, оп.1, ед. хр. 69. Далее цитируются письма И.С. Шмелева к И.В. Шкловскому из этого собрания.

⁵⁸⁰ I.S. Shmelev. That Which Happened. — L.: Dent & Son, 1924.

⁵⁸¹ I.S. Shmelev. The Inexhaustible Cup /Transl. by T.D. France. — New York: Dutton, 1928.

⁵⁸² I.S. Shmelev. Sun of the Dead /Transl. by C.J. Hogarth. — L.: Dent & Son, 1927.

⁵⁸³ И.С. Шмелев. Письмо к А.В. Тырковой от 25 января 1927 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. A.V. Tyrkova-Williams Coll. Cataloged correspondence. Вох 3. Далее цитируются письма И.С. Шмелева к А.В. Тырковой из этого собрания.

⁵⁸⁴ Цит. по кн.: Ю.А. Кутырина. Иван Сергеевич Шмелев. — Париж, 1960. — С. 46.

⁵⁸⁵ И.С. Шмелев. Пути небесные: Избр. произведения. — М.: Сов. писатель, 1991. — С. 34-35.

⁵⁸⁶ Там же. — С. 52-53.

⁵⁸⁷ Там же. — С. 53-54.

⁵⁸⁸ Там же. — С. 73.

⁵⁸⁹ Там же. — С. 73-74.

⁵⁹⁰ Там же. — С. 268-269.

⁵⁹¹ Там же. — С. 234.

⁵⁹² М.П. Алексеев. Русско-английские литературные связи: XVIII век — первая половина XIX века. — М.: Наука, 1982. — С. 255-60; 374-75. — (Литературное наследство. — Т. 91). И.А. Бунин писал о своей родственнице в автобиографической заметке "Семеновы и Бунины" // Собр. соч.: В 9 т. — М.: Худож. лит., 1967. — Т. 9. — С. 409-413.

⁵⁹³ И.А. Бунин. Записная книжка // Новая русская жизнь (Гельсингфорс). — 1921. — 2 апреля. — № 74 [о путешествии на Цейлон весной 1911 г.]. Цит. по: И.А. Бунин. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Худож. лит., 1988. — Т. 4. — С. 674-675.

⁵⁹⁴ И.А. Бунин. Notre-Dame de la Garde // Собр. соч.: В 11 т. — Берлин: Петрополис, 1935. — Т. 9. — С. 30. См. также: И.А. Бунин. Окаянные дни. — М.: Мол. гвардия, 1991.

⁵⁹⁵ До революции английские читатели могли узнать о Бунине из статей В. Брюсова в журнале "Athenaeum" (Athenaeum. — 1901. — 20 July. — № 3847. — P. 86; Athenaeum. — 1903. — 4 July. — 3949. — P. 23). В первой статье В. Брюсов упоминает Бунина как поэта, во второй перечисляет его в ряду прозаиков (упоминаются также Скиталец, Чириков, Телешов, Серафимович, Куприн).

⁵⁹⁶ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы /Под ред. М.Грин. — В 3 т. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. — Т. 2. — С. 18.

⁵⁹⁷ Там же.

⁵⁹⁸ А.И. Бунин. Письмо к А.В. Тырковой от 22 ноября 1920 г. // "Вы — друг старый и верный..." Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс /Публикация Р.Янгирова // Минувшее: Исторический альманах. — 1994. — № 15. — С. 172. Об участии И.А. Бунина в дискуссии с Г. Уэллсом см. наст. изд., часть 1, гл. 5 "Британцы о России" ("Г. Уэллс. Ответ русских эмигрантов").

⁵⁹⁹ И.А. Бунин. Господин из Сан-Франциско. — Париж: Русская земля, 1921.

⁶⁰⁰ Минувшее. — 1994. — № 15. — С. 175. Из-за некоторых разночтений эта и некоторые последующие цитаты даются по рукописи, хранящейся в Британском музее (The British Museum, ADD MS 54 445).

⁶⁰¹ Ivan Bunin. *Le Monsieur de San Francisco* /Traduit du Russe par Maurice, avec un portrait de l'auteur par Bakst. — Paris: Edition Bossard, 1921.

⁶⁰² И.А.Бунин. Письмо к И.В.Шкловскому от 8 октября 1921 г. // *Минувшее*. — 1994. — №15. — С. 175.

⁶⁰³ А.В.Тыркова. Письмо к И.А.Бунину от 11 января 1922. — Leeds Russian Archive. MS 1066. Письма А.В.Тырковой-Вильямс к И.А.Бунину за 1920-1933 гг.

⁶⁰⁴ Рассказы "Илья Пророк" (1913), "Цифры" (1907), "Воскресение" (1908) и "Господин из Сан-Франциско" (1915) публиковались в переводе на английский в журнале "Russian Review" в 1916 г. (I, 3, April, p. 155-58; I, 5 June, p. 273-80; II, 6, Dec., p. 284-304, 305). Познакомиться с этими переводами de visu не удалось, сведения получены из библиогр.: L.Fetzer. Ivan Bunin in English: 1916-1983: A Checklist // *Russian Literary Triquarterly*. — 1988. — № 21. — P. 223-231.

⁶⁰⁵ Д.Г.Лоуренс. Письмо к С.С.Котелянскому от 4 июня 1921 г. // *The Letters of D.H.Lawrence* // Ed. by Warren Roberts, James T.Boulton and Elizabeth Mansfield. — Vol. IV: June 1921 — March 1924. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — P. 23.

⁶⁰⁶ Д.Г.Лоуренс. Письмо к С.С.Котелянскому от 16 июня 1921 г. // *Ibid.* — P. 37.

⁶⁰⁷ Д.Г.Лоуренс. Письмо к А.Маклауду (Arthur McLeod) от 14 марта 1914 г. // *The Letters of D.H.Lawrence*. Vol. II. — 1981. — P. 155.

⁶⁰⁸ Д.Г.Лоуренс. Письмо к К.Гарнетт от 6 мая 1914 г. — *Ibid.*

⁶⁰⁹ С ноября 1911 до февраля 1912 г. И.А.Бунин снимал виллу на Капри по соседству с Горьким, каждый день посещая его.

⁶¹⁰ Д.Г.Лоуренс. Письмо к Скофилду Тайеру (Scofield Thayer) от 30 июля 1921 г. // *The Letters of D.H.Lawrence*. — Vol. IV. — P. 58.

⁶¹¹ *The Gentleman from San Francisco and Other Stories* by I.A.Bunin. Translated from the Russian by S.S.Koteliatsky and Leonard Woolf. Published by Leonard & Virginia Woolf at the Hogarth Press, Paradise Road, Richmond, 1922. Во втором издании, вышедшем в том же издательстве в 1934 г., на обложке значатся все участники: Translated from the Russian by D.H.Lawrence, S.S.Koteliatsky & Leonard Woolf, а в тексте книги уточняется, над какими именно рассказами они работали.

⁶¹² См. напр. R.Poggiolly. *The Phoenix and the Spider*. — Cambridge: Harvard University Press, 1957. — P. 156. Текст оригинала, с которого был сделан перевод, выявлен в ст.: L.Fetzer. The Bunin — S.S.Koteliatsky — D.H.Lawrence — Leonard Woolf Version of 'The Gentleman from San Francisco' // *Virginia Woolf Quarterly*. — 1973. — Summer. — №. 4. — P. 31-46. Там же дается детальный анализ перевода.

⁶¹³ *The Letters of D.H.Lawrence*. — Vol. IV. — P. 37.

⁶¹⁴ *Russian Short Stories* // *The Times Literary Supplement*. — 1921. — 18 August (Thursday). — P. 530.

⁶¹⁵ *The Stories of Ivan Bunin: Le Monsieur de San Francisco* /Traduit du Russe par Maurice. — Paris: Edition Bossard, 1921 // *The Times Literary Supplement*. — 1922. — 20 April (Thursday). — P. 200.

⁶¹⁶ Ivan Bunin // *The Times*. — 1922. — 17 May. — P. 16. В следующем году рецензии на сборник появились в журналах "The Dial" (1923. — April. — No 74. — P. 413), "International Book Review" (1923. — April. — P. 54), "Free man" (1923. — June. — P. 760). Эти рецензии освещены в цит. выше ст.: L.Fetzer // *Virginia Woolf Quarterly*. — 1973. — №. 4.

⁶¹⁷ J.Middleton Murrey. Ivan Bunin // *The Nation & the Athenaeum*. — 1922. — 24 June. — P. 444.

⁶¹⁸ Письмо И.А.Бунина к А.В.Тырковой-Вильямс от 16 мая 1922 г. // *Минувшее*. — 1994. — №15. — С. 177.

⁶¹⁹ *The Stories of Ivan Bunin* // *The Times Literary Supplement*. — 1922. — 20 April. — P. 200.

⁶²⁰ Письмо И.А.Бунина к А.В.Тырковой-Вильямс от 16 мая 1922 г. // *Минувшее*. — 1994. — №15. — С. 177.

⁶²¹ А.В.Тыркова. Письмо к И.А.Бунину от 17 мая 1922 г. — Leeds Russian Archive. MS 1066.

⁶²² С.С.Котелянский. Письмо к А.В.Тырковой-Вильямс от 27 мая 1922 г. — *The British Museum*, ADD MS 54 440; 192.

⁶²³ А.Вульф. Письма к А.В.Тырковой-Вильямс от 5 июня и 5 июля 1922 г. — The British Museum, ADD MS 54 441; 15, 127; см. также: Минувшее. — 1994. — № 15. — С. 179.

⁶²⁴ Минувшее. — 1994. — № 15. — С. 178-179.

⁶²⁵ Там же. — С. 183-185. Томас Зельцер был постоянным американским партисером издательства "Хогарт Пресс", без помощи которого оно вряд ли могло себя окупать. В 1923 г. книга Бунина вышла в Америке: *The Gentle man from San-Francisco and Other Stories* by I.A.Bunin. New York: Thomas Seltzer, 1923. The translation of these stories was made by D.H.Lawrence, S.S.Koteliensky, Leonard Woolf. Copyright, 1923, by Thomas Seltzer, Inc. All rights reserved. Имена переводчиков указываются перед каждым рассказом.

⁶²⁶ *Reminiscences of Anton Chekhov* by Maxim Gorky, Alexander Kuprin and I.A.Bunin / Transl. by S.S.Koteliensky and Leonard Woolf. — New York, 1921.

⁶²⁷ А.К.Бабореко. И.А.Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917. — 2-е изд. — М.: Худож. лит., 1983. — С. 274-5, 281.

⁶²⁸ D.Mirsky. A Russian Letter: The Literature of Bolshevik Russia //The London Mercury. — 1922. — No 5. — P. 276-285; D.Mirsky. UWRL. — P. 80.

⁶²⁹ D.Mirsky. A Russian Letter: The Literature of the Emigration //The London Mercury. — 1922. — No 6. — P. 193-195; D.Mirsky. UWRL. — P. 82.

⁶³⁰ А.И.Бунин. Письмо к А.В.Тырковой. Б.д. //Минувшее. — 1994. — №15. — С. 176.

⁶³¹ А.В.Тыркова. Письмо к И.А.Бунину от 6 мая [1922]. — Leeds Russian Archive. MS 1066.

⁶³² А.И.Бунин. Письмо к А.В.Тырковой. Б.д. — The British Museum, ADD MS 54 445, 64. (Минувшее. — 1994. — №15. — С. 176).

⁶³³ А.В.Тыркова. Письмо к И.А.Бунину от 25 марта [1922]. — Leeds Russian Archive. MS 1066.

⁶³⁴ А.В.Тыркова. Письмо к И.А.Бунину от 16 июля 1922. — Ibid.

⁶³⁵ Минувшее. — 1994. — №15. — С. 182-183.

⁶³⁶ А.В.Тыркова. Письмо к И.А.Бунину от 19 апреля 1923. — Leeds Russian Archive. MS 1066. 20 апреля в "Times Literary Supplement" вышла неподписанная статья Дж.Миддлтона Марри.

⁶³⁷ А.В.Тыркова. Письмо к И.А.Бунину от 11 декабря 1924. — Leeds Russian Archive. MS 1066. Далее цитируются письма А.В.Тырковой к И.А.Бунину из этого же собрания.

⁶³⁸ См. наст. изд., гл. о Б.Пильняке и его деятельности в ПЕН-клубе.

⁶³⁹ А.Борман. А.В.Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. — Лувэн-Вашингтон, 1964. — С. 217.

⁶⁴⁰ Устами Буниных. — Т. 2. — С. 133-134. Бунин учил английский язык самостоятельно. Знал он его, однако же, недостаточно, чтобы читать в оригинале английских поэтов, и переводил с подстрочников. В своих воспоминаниях он называет книгу "Английские поэты" в издании Н.В.Гербея среди тех, что особенно повлияли на его поэтическое творчество. В 1896 г. он опубликовал свой перевод с английского "Песни о Гайявате" Г.Лонгфеллоу, который стал событием в русской поэзии и до настоящего времени считается непревзойденным. Бунин переводил также А.Теннисона ("Годива") и Байрона (Байрон. Канн. Манфред. Небо и земля. Пер. И.А.Бунина. — [Б.], 1921).

⁶⁴¹ И.А.Бунин. Письмо в ПЕН-Клуб от 22 января 1925 г. — Harry Ransom Humanities Research Center. The University of Texas at Austin. PEN-Club Archives.

⁶⁴² Устами Буниных. — Т. 2. — С. 135.

⁶⁴³ Как сообщает Милица Грин в своем издании дневников И.А. и В.Н.Буниных: "Дневники Ивана Алексеевича за 1925, 1926 и 1927 годы были, по-видимому, уничтожены". (Устами Буниных. — Т. 2. — С. 132).

⁶⁴⁴ May Sinclair. Letter to C.A.Dawson Scott. 27 Jan. 1925. — Harry Ransom Humanities Research Center. The University of Texas at Austin. Pen-Club Archives.

⁶⁴⁵ В газете "Иллюстрированная Россия" от 15 марта 1925 г. (№ 15) напечатана фотография, сопровождаемая текстом: "На днях в Лондоне состоялось чествование И.А.Бунина ..." Журналист написал "на днях", видимо, еще в феврале, когда номер готовился в печать. Возможно, на основании даты этой публикации, А.Бабореко относит знакомство Бунина с Джеромом Джеромом к 12 марта 1925 г. (А.К.Бабореко [Коммент.] //И.А.Бунин. Окаянные дни: Воспоминания: Статьи. — М.: Сов. писатель, 1990. — С. 409.) В действительности Бунина в эти дни уже не было в Лондоне.

- ⁶⁴⁶ Минувшее. — 1994. — №15. — С. 189.
- ⁶⁴⁷ Об отношениях Г.Вильямса с русскими и английскими писателями см. I.Zohrab. From New Zealand to Russia to Britain: a comment on the work of Harold W. Williams and his relations with English writers //New Zealand Slavonic Journal. — 1985. — P. 3-15.
- ⁶⁴⁸ Marjorie Watts. P.E.N. The Early Years: 1921-1926. — L.: Archive Press; Hampstead, 1971. — P. 30.
- ⁶⁴⁹ Mr. London. A Russian Guest //The Daily Graphic. — 1925. — 4 February.
- ⁶⁵⁰ И.А.Бунин. Письмо к И.В.Шкловскому от 5 февраля [1925 г.] //А.Бабореко. Знакомство Бунина с Джером Джеромом //Вопросы литературы. — 1979. — № 1. — С. 312-314.
- ⁶⁵¹ И.А.Бунин. Джером Джером //Сегодня. — 1927. — 26 июня. — № 138.
- ⁶⁵² И.А.Бунин. Джером Джером //Последние новости. — 1929. — 9 сентября. — № 2727.
- ⁶⁵³ Очерк И.А.Бунина "Джером Джером" перепечатывался в сборнике Бунина "Воспоминания" (Париж: Возрождение, 1950. — С. 62-63). Этот сборник был переведен на английский Верой Трейл (I.Bunin. Memories and Portraits /Transl. by Vera Traill and Robin Chancellor. — Garden City: Doubleday, 1951; London: John Lehmann, 1951. — P. 186-187). См. также: И.А.Бунин. Собр. соч.: В 9 т. — М.: Худож. лит., 1967. — Т. 9. — С. 381-382; И.А.Бунин. Окаянные дни: Воспоминания: Статьи. — 1990. — С. 208-209.
- ⁶⁵⁴ А.Борман. А.В.Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. — Лувэн-Вашингтон, 1964. — С. 217.
- ⁶⁵⁵ О встрече И.Бунина с Н.Даддингтон в Лондоне пишет О.Ласунский, неточно указывая 1923 как год приезда писателя в Англию: О.Ласунский. Литературные раскопки. — Воронеж, 1972. — С. 197.
- ⁶⁵⁶ И.А.Бунин. Собр. соч.: В 9 т. — М.: Худож. лит., 1967. — Т. 9. — С. 414-422. Очерк был впервые опубликован в газете "Последние новости" в 1929 г.
- ⁶⁵⁷ Устами Буниных. — Т. 2. — С. 135.
- ⁶⁵⁸ Устами Буниных. — Т. 2. — С. 135. (Запись от 9 февраля 1925 г.)
- ⁶⁵⁹ Там же. — С. 136. (Запись от 12 февраля 1925 г.)
- ⁶⁶⁰ S.Graham. Russian Vignettes //Saturday Review of Literature. — 1925. — 21 February. — P. 544. См. также: Ivan Bunin. From the Other Shore: 1920-1933: A Portrait from Letters, Diaries, and Fiction //Ed. with an Introd. and Notes by Thomas Gaiton Marullo. — Chicago: Ivan R. Dee, 1995. — P. 139-140.
- ⁶⁶¹ А.В.Тыркова. Письмо к И.А.Бунину от 25 марта [1922 г.]. Год восстановлен по времени посещения Берлина Б.Пильняком. — Leeds Russian Archive. MS 1066.
- ⁶⁶² Письмо И.Бунина к А.В.Тырковой от 29 июля 1925 г. //Минувшее. — 1994. — №15. — С. 190.
- ⁶⁶³ И.А.Бунин. Письмо к А.В.Амфитеатрову от 11 ноября 1932. — Leeds Russian Archive.
- ⁶⁶⁴ А.Бахрах. Бунин в халате. — Бейвилл, 1979. — С. 62.
- ⁶⁶⁵ А.В.Тыркова. Письмо к И.А.Бунину от 12 ноября 1933. — Leeds Russian Archive. MS 1066.
- ⁶⁶⁶ I.A.Bunin. The Well of Days /Transl. by G.Struve and Hamish Miles. — L.: The Hogarth Press, 1933; J.Howard Woolmer. A Checklist of The Hogarth Press: 1917-1946 /With a Short History of the Press by Mary E. Gaiter. St.Paul's Bibliographies, 1986; Ivan Bunin. The Well of Days. Winner of the 1933 Nobel Prize in Literature /Transl. from the Russian by Gleb Struve and Hamish Miles. — New York: Alfred A. Knopf, 1934.
- ⁶⁶⁷ G.Struve. Ivan Bunin //The Observer. — 1934. — 25 February.
- ⁶⁶⁸ I.Bunin. Grammar of Love /Transl. by John Cournos. — L.: The Hogarth Press, 1935.
- ⁶⁶⁹ Русский в Англии. — 1936. — 16 декабря. — № 23. — С. 1.
- ⁶⁷⁰ Русский в Англии. — 1936. — 31 декабря. — № 24. — С. 1-2.
- ⁶⁷¹ Н.А.Тэффи. Письмо к А.В.Тырковой от 6 декабря 1927 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. A.V.Tyrkova Coll. Cataloged Correspondence. Box 3. Далее, где нет ссылок, цитируются письма Н.А.Тэффи к А.В.Тырковой из этого архивного собрания.
- ⁶⁷² А.Байкалов. Наши достижения. Из деятельности Общества Северян //Русский в Англии. — 1938. — 3 августа. — № 14 (62). — С. 4-5.
- ⁶⁷³ Вечер Н.А.Тэффи //Русский в Англии. — 1936. — 16 декабря. — № 23.

⁶⁷⁴ Б.К.Зайцев. Письмо к И.А. Бунину от 19 августа 1922 г. // Публикация М.Грин // Новый журнал. — 1980. — Июнь. — № 139. — С. 156.

⁶⁷⁵ Е.В.Саблин. Письмо к А.В.Тырковой от 12 июня 1937 г. — Columbia University. Rare book and manuscript library. Bakhmeteff Archive. E.V.Sablin Coll.

⁶⁷⁶ Вечер Б.К.Зайцева // Русский в Англии. — 1937. — 1 июля. — N 12 (36).

⁶⁷⁷ И.А.Бунин. Письмо к Б.К.Зайцеву от 19 июня 1937 г. // Письма И.А.Бунина к Б.К. и В.А.Зайцевым / Публикация А.Зверса // Новый журнал. — 1979. — Март. — № 134. — С. 183.

⁶⁷⁸ Е.В.Саблин. Письмо к А.В.Тырковой от 19 октября 1944 г. — Leeds Russian Archive. Далее цитируются письма из этого же собрания.

⁶⁷⁹ А.В.Тыркова. Письмо к Е.И.Саблину от 31 января 1945 г.

⁶⁸⁰ Е.В.Саблин. Письмо от 19 октября 1944 г.

⁶⁸¹ Е.В.Саблин. Письмо к Б.Э.Нольде от 10 марта 1945 г.

⁶⁸² Е.В.Саблин. Письмо от 17 сентября 1948 г.

⁶⁸³ Е.В.Саблин. Письмо к Б.Э.Нольде от 10 марта 1945 г.

⁶⁸⁴ Е.В.Саблин. Письмо к А.В.Тырковой от 17 ноября 1945 г.

⁶⁸⁵ А.В.Тыркова. Письмо к Е.И.Саблину от 12 ноября 1945 г.

Содержание

Введение	3
Часть 1. Русская эмиграция в Англии после Октября 1917 г.	20
Глава 1. Русские организации и периодическая печать в Англии.....	20
Посольство, Русский Дом, Русский Правительственный комитет	20
Русско-Британское 1917 года Братство	26
Кружок русских масонов	32
Русский Национальный комитет	32
Союз Народопривства. Союз Городов и Земств (Земгор)	33
Русский Красный Крест. Благотворительные и другие организации ..	33
Республиканско-демократическое объединение	34
Русская Академическая группа	35
Комитет Освобождения России и его издания.....	36
Русские и англо-русские периодические издания	43
Группа младороссов и газета "Young Russia"	51
Общество Северян и сибиряков в Великобритании.	52
Глава 2. Русские политики в новых ролях.....	59
П.Н.Милюков	62
А.Ф.Керенский	65
А.Ф.Аладьин	68
П.Н.Игнатьев	70
А.В.Тыркова-Вильямс	70
Глава 3. Русское православие в Англии.....	79
Н.М.Зернов	79
Н.Д.Городецкая	84
Глава 4. Дореволюционная эмиграция на новом этапе.....	87
П.Г.Виноградов	87
И.В.Шкловский (Дионео)	89
Н.А.Даддингтон и Н.О.Лосский	91
С.С.Котелянский	95
Глава 5. Британцы в России.....	99
Гарольд Вильямс	100
Хью Уолпол	101
Бернард Пэрс	103
Стивен Грэм	104
Морис Беринг	106
Г.Уэллс о России. Ответ русских эмигрантов	106
Примечания.....	112

Часть 2. Русские литературоведы в британских университетах.....	119
Д.П.Святополк-Мирский.....	119
<i>Евразийство в Англии. Н.Сполдинг .....</i>	<i>125</i>
<i>Возвращение Д.П.Святополк-Мирского в Россию .....</i>	<i>138</i>
<i>В.А.Трейл .....</i>	<i>155</i>
<i>М.И.Будберг .....</i>	<i>158</i>
Н.М.Бахтин	162
Г.П.Струве	174
С.А.Коновалов	179
Н.Е.Андреев	186
Дополнения	188
Примечания.....	189
 Часть 3. Русские писатели в Англии	 199
Е.И.Замятин	199
Б.В.Анреп	226
<i>А.А.Ахматова и Б.В.Анреп .....</i>	<i>232</i>
<i>А.А.Ахматова и "лондонцы" .....</i>	<i>240</i>
Н.С.Гумилев	246
Л.Н.Андреев	261
Н.К.Рерих	266
А.Н.Толстой	269
В.В.Набоков	271
А.В.Чаянов	310
Б.А.Пильняк	316
Н.Н.Никитин	337
Н.Н.Берберова, В.Ф.Ходасевич и В.М.Ходасевич	343
М.И.Цветаева, Б.А.Пастернак	344
А.И.Куприн	353
А.М.Ремизов	355
И.С.Шмелев	359
И.А.Бунин	363
<i>"Господин из Сан-Франциско" в Англии .....</i>	<i>365</i>
<i>И.А.Бунин в Лондонском ПЕН-Клубе в 1925 году .....</i>	<i>374</i>
<i>Нобелевский лауреат: второй раз в Лондоне .....</i>	<i>381</i>
Н.А.Тэффи	384
Б.К.Зайцев	385
Вместо эпилога	386
Примечания.....	388

Ольга Анатольевна Казнина

Русские в Англии

**РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ
РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Научное издание

Фото на обложке автора.

ЛР № 020961 от 17.02.95

Формат 70х100/16. Гарнитура Academy. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Печ. л. 26. Тираж 1000 экз.

Специализированное издательско-торговое предприятие "Наследие"

121069, Москва, ул. Поварская, 25-а.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Московской типографии "Наука".

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Заказ № 2393